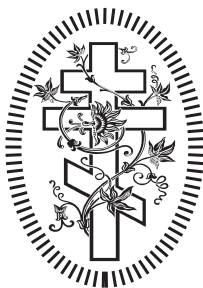

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Серия главных книг самых выдающихся русских этнографов и знатоков народного быта, языка и фольклора, заложивших основы отечественного народоведения. Книги отражают главные вехи в развитии русского образа жизни – понятий, обычаев, труда, быта, жилища, одежды – воплощенного в материальных памятниках, искусстве, праве, языке и фольклоре:

Ярослав Мудрый	Глинка Г.	Пассек В. В.
Нестор Летописец	Громыко М. М.	Потебня А. А.
Владимир Мономах	Даль В. И.	Пропп В. Я.
Русская Правда	Державин Н. С.	Прыжов И. Г.
Нил Сорский	Драгоманов М. П.	Риттих А. Ф.
Иосиф Волоцкий	Ермолов А. С.	Ровинский Д. А.
Иван Грозный	Ефименко А. Я.	Рыбников П. Н.
Стоглав	Ефименко П. С.	Садовников Д. Н.
Домострой	Забелин И. Е.	Сахаров И. П.
Соборное Уложение	Забылин М.	Снегирев И. М.
Азадовский М. К.	Зеленин Д. К.	Срезневский И. И.
Аничков Е. В.	Кайсаров А. С.	Сумцов Н. Ф.
Антоновский М. И.	Калачов Н. В.	Терещенко А. В.
Анучин Д. Н.	Калинский И. П.	Токарев С. А.
Афанасьев А. Н.	Киреевский П. В.	Толстой Н. И.
Барсов Е. В.	Коринфский А. А.	Фаминцын А. С.
Батюшков П. Н.	Костомаров Н. И.	Флоринский Т. Д.
Безсонов П. А.	Кулиш П. А.	Худяков И. А.
Бодянский О. М.	Ламанский В. И.	Чулков М. Д.
Болотов А. Т.	Максимов С. В.	Шангина И. И.
Будилович А. С.	Максимович М. А.	Шейн П. В.
Бурцев А. Е.	Мельников П. И.	Шергин Б. В.
Буслав Ф. И.	Метлинский А. Л.	Якушкин Е. И.
Веселовский А. Н.	Миллер В. Ф.	Якушкин П. И.
Гальковский Н. М.	Миллер О. Ф.	
Гильфердинг А. Ф.	Надеждин Н. И.	

ВСЕВОЛОД МИЛЛЕР

**ОЧЕРКИ РУССКОЙ
НАРОДНОЙ
СЛОВЕСНОСТИ**

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2015

УДК 398.1(=161.1)
ББК Ш3(2=1Р)-611
М 60

Миллер В. Ф.

М 60 Очерки русской народной словесности / Отв. ред.
О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации,
2015. — 672 с.

В настоящее издание включена первая часть выдающегося труда русского фольклориста, этнографа, языковеда Всеволода Федоровича Миллера (1848–1913) «Очерк русской народной словесности».

Историей русского былинного эпоса Миллер стал заниматься с 1890-х годов. В своей работе он раскрывал влияние на русский эпос иранских сказаний, предполагая проникновение их в Южную Русь через Кавказ и через половцев. Затем он перешел к розыскам основ былин в конкретной исторической действительности, разработал методику привязки эпических сюжетов к определенным событиям, а героев былин – к конкретным историческим деятелям. В этом направлении Миллером изучены почти все сюжеты русского эпоса и предпринята попытка обобщенного изложения его истории. Миллер имел множество последователей, продолживших его исследования.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Вячеслава Михайловича Шмырова*

ISBN 978-5-4261-0089-3

© Институт русской цивилизации, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выдающийся русский филолог, ориенталист и фольклорист академик Всеволод Федорович Миллер родился 7 (19) апреля 1848 года в Москве. В 1870 году он окончил Московский университет, в котором впоследствии стал профессором. Учителем Миллера был один из самых выдающихся русских филологов своего времени Ф. И. Буслаев. В 1884–1897 Миллер, хранитель Дашковского этнографического музея, разрабатывает вопросы народного творчества, древнерусской литературы, мифологии, сравнительного языкознания. А в 70–80-е годы, возглавляя Лазаревский институт восточных языков, он изучает этнографию, фольклор, язык и археологию осетин и древних иранских народностей Кавказа. Результатом этой работы стал фундаментальный труд «Осетинские этюды» (1881–87).

С 90-х главным предметом научных исследований Миллера становится история русского былинного эпоса. Следуя миграционной теории, Миллер раскрывал влияние на русский эпос иранских сказаний, предполагая проникновение их в Южную Русь через Кавказ и через половцев («Экскурсы в область русского народного эпоса», 1892). Затем он перешел к розыскам основ былин в конкретной исторической действительности, разработал методику приурочения эпических сюжетов к определенным событиям, а героев былин – к историческим деяте-

лям. В этом направлении Миллером изучены почти все сюжеты русского эпоса и предпринята попытка обобщенного изложения его истории – фундаментальный труд «Очерки русской народной словесности» (1897–1924).

У Миллера было множество последователей, продолживших его разыскания. При этом методология, методика и конкретные работы Всеволода Федоровича подвергались серьезной критике. В частности, критиками отмечалась произвольность сближения имен, географических названий, эпизодов в былинах и летописях и игнорирование идейно-художественного содержания эпоса. Отвергнуто было и положение Миллера о зарождении былинного эпоса в высших социальных кругах Древней Руси и о «порче» его сказителями-крестьянами. Однако вклад Всеволода Федоровича в изучение былин неоспорим. Он собрал огромный фактический материал, поднял много важных вопросов, разработанных впоследствии исследователями основанной им исторической школы.

Всеволод Федорович Миллер скончался 5 ноября 1913 года, похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище.

Д. К.

В. Ф. Миллер

ОЧЕРКИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Предисловие

Под общим заглавием «Очерки русской народной словесности» я собрал в одну книгу статьи по былинам, помещенные мною в течение последнего пятилетия в разных повременных изданиях – «Журнал Министерства народного просвещения», «Русской мысли», «Этнографическом обозрении» и сборнике «Почин».

Современная научная разработка нашего былевого эпоса все еще не дает, на мой взгляд, возможности ответить на некоторые вопросы по его истории и построить учение, удовлетворяющее всем научным требованиям. Отдаленные основы эпоса сокрыты от нас густою завесою длинного ряда веков, которая, по отсутствию или крайней скудости письменных документов, до сих пор была приподнимаема только посредством смелых догадок и гипотез, не находивших всеобщего признания. Ни предполагавшаяся мифологическая основа эпоса, ни теория доисторического индоевропейского и общеславянского наследия, ни гипотеза восточного происхождения сюжетов наших былин не разъяснили удовлетворительно зарождения и древнейшего периода развития былевого эпоса. Бóльшие успехи для пра-

вильной оценки былин достигнуты указаниями исторических пластов и следов, которые в них оказываются, и сказочных странствующих сюжетов или литературных отголосков, вошедших в состав былевых песен в силу процессов циклизации и историзации. Особенное внимание в последние десятилетия было обращено на изучение обширной литературы европейского и азиатского фольклора, собирание так называемых «параллелей» и приложение сравнительного метода к изучению состава наших былин. Но нельзя возлагать чрезмерных надежд на эти «параллели»; нельзя думать, что детальный разбор разных странствующих сказочных сюжетов, устанавливая их генетическую классификацию, может уяснить во всех случаях и пути их перехода от народа к другому. Конечно, я и теперь считаю сравнительный метод в высшей степени плодотворным для уяснения той общей сказочной пищи, которою питалось в течение многих столетий воображение и западного европейца, и русского, и наших инородцев, и жителей азиатского Востока. Уже эта общность множества сюжетов дает нам возможность смотреть более правильно на творчество каждого отдельного народа, насколько оно проявилось в усвоении и переработке общего бродячего духовного добра. Но, к сожалению, какая-нибудь устная странствующая сказка не похожа на пересылаемое из страны в страну письмо, сохраняющее в своих штемпелях следы всех пройденных государств. Уловить пути распространения устной сказки за многие века ее блуждания – все равно что ловить ветер в поле. Как бы близки между собою ни были какие-нибудь два варианта одного и того же сюжета, сравнительно с прочими, мы все же в большинстве случаев не можем заключать, что это сходство определяется их ближайшим родством, объясняющимся географиче-

ческим соседством. Нередко два варианта, наиболее удаленные друг от друга географически, совпадают в большем числе деталей, чем два соседние. Да при неисчислимых и непредвидимых случайностях устной передачи это представляется вполне естественным. Поэтому, если, исследуя источник какой-нибудь былины, содержащей либо *былинную* обработку странствующей фабулы, либо переработку старой исторической песни под воздействием такой фабулы, мы ставим вопрос, откуда странствующий сюжет явился на русскую почву, то этот вопрос равносителен тому, где и от кого услышал эту сказку слагатель былины, какой-нибудь Никита-Волокита. Другими словами, вопрос сводится к биографии неизвестного слагателя, которая, как и он сам, представляет самое широкое поле для гаданий. Сомневаясь в успешности таких гаданий, которые неизбежны, если мы не имеем письменных литературных источников для былины, я в «Очерках» редко пользуюсь сравнительным методом для заключений о пути проникновения в наш былевой эпос того или другого былинного сюжета. Я больше занимаюсь *историей* былин и отражением *истории* в былинах, начиная первую не от времен доисторических, не снизу, а сверху. Эти верхние слои былины, не представляя той загадочности, которою так привлекательна исследователю глубокая древность, интересны уже потому, что действительно могут быть уяснены и дать не гадательное, а более или менее точное представление о ближайшем к нам периоде жизни былины. Так, иногда мы найдем в былине следы воздействия на нее лубочной сказки или письменной старинной книжной повести, иногда яркие следы скоморошьей переделки, иногда присутствие того или другого собственного имени, дающего возможность для хронологических заключений. Для

уяснения истории былины я старался из сопоставления вариантов вывести наиболее архаический ее извод и, исследуя историко-бытовые данные этого извода, определить по возможности период его сложения и район его происхождения. Иногда на основании письменных исторических свидетельств или, так сказать, внутреннего вероятия не только можно, но и должно предполагать, что за этим древнейшим, реставрируемым из вариантов типом лежит еще более древний, но здесь мы опять уже входим в область гаданий, вообще наполняющих древний период нашего эпоса.

«Очерки» содержат ряд исследований по истории отдельных былин и некоторые статьи по более общим вопросам, выдвигаемым изучением былевого эпоса. В конце каждого очерка я старался суммировать выводы, к которым приводит исследование. Притом я старался отдельные очерки расположить в таком порядке, в котором для читателя наиболее удобно следить за развитием главных положений о наших былинах, проводимых мною в отдельных статьях. Считаю, однако, небесполезным вкратце просмотреть эти положения.

Исходя (в 1-м очерке) из изучения современного состояния былинной традиции в Олонецкой губернии и из наблюдений Гильфердинга над сказителями, я стараюсь оценить значение этой традиции, определить ее устойчивость и неустойчивость и прихожу к выводу, что современные олонецкие непрофессиональные сказители наследовали былинный репертуар от профессиональных петарей. Указывая (во 2-м очерке) на односторонность взглядов на наш эпос, навеянных учением Я. Гримма, я смотрю на былинку как на определенный вид поэтических произведений, сложившийся и установившийся в своей внешней форме и технике в среде профессиональных певцов, и ищу доказательств

этой мысли в разборе технической стороны былины. Из исторических данных о старинных русских скоморохах и из следов скоморошьей обработки былин получается вывод, что периоду распространения былин в крестьянской среде и их захудания предшествовало бытование их в репертуаре скоморохов или вообще профессиональных певцов-слагателей. Наблюдения над географическим распространением былин (в 3-м очерке) выдвигают значение Северной России в деле сложения былин и переработки прежних, различие в характере былин и богатырей южно- и северновеликорусских и следят за движением былинного репертуара на восток путем колонизации Сибири. В 4-м очерке, переходя от внешней истории былин к внутренней, я собираю хранившиеся в былевом эпосе следы периода дотатарского и указываю отголоски галицко-волынских сказаний в былинах о Дюке, Чуриле, Потоке и Дунае. Такие же следы исторической старины указываются далее (в 5-м очерке) в былинах о Добрыне, причем выдвигается предположение новгородского происхождения этих былин. Следующие очерки (6–11), посвященные каждый разбору отдельных былин, занимаются вопросами о периоде и районе их сложения и на основании изучения бытовых и других данных стараются уяснить их севернорусское происхождение и влияние на них новгородской культуры. Этот ряд очерков замыкается вновь написанным разбором былин о Садко (очерк 12-й), в который отчасти вошла моя старая работа об отголосках финского эпоса в русском.

Если во всех перечисленных очерках выдвигалась роль севера России или преимущественно новгородского культурного района в сложении или переработке былин, то дальнейшие очерки занимаются былинами, сложившимися в более южных и восточных областях

территории великоруссов. Так, в 13-м очерке исследуются исторические и литературные отголоски в былинах о нашествии Батыя; в следующем (14-м) указываются в былине о Сауре и сродных по содержанию следы исторических лиц и восточных сказочных мотивов. Дальнейший очерк (15-й), содержащий ряд заметок к былинам об Илье Муромце, конечно, не имеет притязания дать что-нибудь цельное об этом лице нашего эпоса, до сих пор наиболее загадочном, несмотря на значительную литературу, ему посвященную. Наконец, последний (16-й) очерк служит как бы дополнением к 3-му, изучающему географическое распространение былин, и знакомит с недавними записями былин на крайнем севере России, в Якутской области.

Для придания большей связности очеркам, представляющим отдельные статьи, написанные в разные года, хотя и в течение сравнительно короткого периода, пришлось некоторые статьи переделать, дополнить новыми страницами, а иногда сократить во избежание повторений.

В заключение замечу, что если мне приходится иногда оспаривать взгляды других исследователей русского эпоса на тот или другой частный вопрос, то в *общем*, мне кажется, между нами в основных взглядах в настоящее время нет значительного разногласия, и есть надежда, что современный научный период – период детального изучения былин с их историко-литературной и бытовой стороны – приведет в недалеком будущем к построению полного и прочного учения об этой области русского народного творчества.

Оглавление

1. *Былинное предание в Олонецкой губернии*

Бытование былин и исторических песен в России до новейшего времени. – Обилие эпической старины в Олонецкой губернии. – Деятельность Рыбникова как собирателя былин. – Поездка в Олонецкую губернию Гильфердинга и достоинства его «Онежских былин». – Условия, благоприятствовавшие живучести эпической традиции в Олонецкой губернии. – Вопрос о точности традиции: постоянство и прочность былинных сюжетов и типов; устойчивость эпических описаний. – Наблюдения Гильфердинга над сказителями. – Происхождение вариантов. – Сказители-слагатели. – Отсутствие попыток сказителей к обогащению былинного репертуара, унаследованного от старины. – Заносность былин в Олонецкой губернии. – Отсутствие профессиональных певцов былин. – Случайность традиции

2. *Русская былина, ее слагатели и исполнители*

Неопределенность понятий об отличии народной устной поэзии от литературно-художественной. – Влияние теории Якова Гримма о народном эпосе на определение нашего народного эпоса. – Вопросы, поднимаемые современным изучением былин. – Литературное происхождение названия «былины». – Односторонность определения нашего эпоса как «эпос богатырский». – Отсутствие богатырей в новгородских былинах. – Былины богатырские и небогатырские. – Вопрос о слагателях былин. – Взгляд на былины как на разошедшийся в народ репертуар профессиональных слагателей-певцов. – Техническая сторона былины. – Прибаутки. – Их скомороший характер. – Исход «Сла-

ва». – Виды зачинов былин. – Стереотипные эпические описания. – Эпическая ретардация. – Постоянство эпитетов и их бессознательное употребление. – Случаи такого же употребления эпических формул. – Выводы из рассмотрения технической стороны былины. – Исторические данные о старинных русских скоморохах. – Скоморохи как хранители эпических песен. – Изображение скоморохов в былинах. – Былинные гуслиеры случайные и профессиональные (Садко). – Переход былин от профессиональных певцов в народную среду и захудание былевой поэзии. – Следы скоморошьей обработки в былинах

3. Наблюдения над географическим распространением былин

Целесообразность этих наблюдений. – Отсутствие былин в малорусских и белорусских губерниях. – Неравномерное их распространение в великорусских губерниях. – Скудость былин в западных, южных и центральных частях территории великоруссов. – Обилие былин в северных и северо-восточных губерниях. – Олонецкий былинный инвентарь. – Архангельский былинный инвентарь и его связь с Олонецким. – Западносибирские былины. – Сборники К. Данилова и С. Гуляева. – Генетическая связь западносибирского былинного инвентаря с северновеликорусским (Олонецким и Архангельским). – Сохранение в современных былинах в значительной полноте былинного инвентаря XVIII и XVII вв. – Незначительность утрат в числе былинных сюжетов после XVII в. – Заносность былин в Сибирь путем колонизации. – Исторические справки о движении населения в Сибирь из северо-восточных областей Европейской России. – Обзор распространенности отдельных былинных сюжетов. – Незначительность числа былин о главных бо-

гатырях (Илье, Добрыне, Алеше) у южных великоруссов и отсутствие былин о множестве эпических лиц, известных Олонецкому, Архангельскому и Сибирскому былинному репертуару. – Предположение о большем богатстве и в древнее время северновеликорусского былинного репертуара сравнительно с южновеликорусским. – Главный очаг былинного творчества – территория, наиболее подчинявшаяся новгородскому культурному влиянию. – Новгородское происхождение былин *небогатырского* содержания и южновеликорусское былин *богатырских*. – Прикрепление трех главных богатырей к Мурому, Ростову и Рязани. – Другие южновеликорусские богатыри. – Объяснение богатства Олонецкого былинного репертуара слиянием в нем южно- и северновеликорусских былин. – Заключение

4. *Отголоски галицко-волынских сказаний в современных былинах*

Вопрос об отголосках галицко-волынских сказаний в былинах. – Галич-Волынец – эпический город. – Период процветания Галицкой и Волынской земель. – Возможность галицкого происхождения основной былины о Дюке. – Литературная основа былины. – Связь ее с эпистолией пресвитера Иоанна и сказанием об Индии богатой. – Разбор былины А. Н. Веселовского и М. Г. Халанского. – Вопрос о времени сложения основной былины в связи с литературной историей эпистолии. – Возможность отнесения основной былины к XII в. – Галицко-византийские отношения этого времени. – Пребывание в Галиче византийского царевича Андроника. – Хронологическое совпадение появления эпистолии пресвитера Иоанна с русско-византийскими сношениями при императоре Мануиле. – Предполагаемый процесс сложения былины о Дюке. – Имя

Дюк. – Связь былины с отношением боярства к князю в Галиче. – Имя Чурилы и его галицкое происхождение. – Упоминание Потока в галицкой песне. – Основная фабула былины о Потоке. – Связь имени Потока с именем праведного Михаила из Потоки. – Предположение о переходе в Галицкую Русь болгарского сказания о нем и переработке последнего в былинку. – Былина о Дунае. – Разбор ее. – Дунай, как историческое лицо – воевода князя Владимира Васильковича. – Летописные данные о нем. – Введение Дуная в Киевский цикл. – Волынские отголоски былин о нем. – Разбор взгляда проф. Халанского на былинку о Дунае. – Заключение о галицко-волынских отголосках в былинах

5. *К былинам о Добрыне Никитиче*

Характеристика былинного Добрыни. – а) Добрыня-змеборец. – Новгородское предание о змийке Перюне. – Связь змийки со Змеем Горыничем былины. – Предположение о новгородском происхождении былины о Добрыне-змеборце. – б) Добрыня-сват. – Разбор былины о сватовстве князя Владимира. – Разложение ее на два сюжета. – Роль Добрыни как свата. – Связь ее с ролью исторического Добрыни. – Летописное сказание о князе Владимире и Рогнеде. – в) Добрыня и Марина. – Взгляд проф. Сумцова на эту былинку. – Эпическая Марина и ее связь с исторической. – Талмудическая параллель к мотиву стрельяния Добрыни в голубей. – г) Добрыня и река Смородина. – Разбор симбирской песни в связи с олонцкими того же содержания. – Вставка имени Добрыни в безыменную песню о молодце

6. *К былинам о Вольге и Микуле*

Вопрос об области сложения былины о Вольге и Микуле. – Новгородское предание о Волхе и оборотни-

чество былинного Волха Всеславича. – Бытовые черты былины о Вольге и Микуле: картина северной пахоты. – Поездка Микулы за солью и столкновение его с Ореховцами. – Гроши. – Город Ореховец. – Смещение былины с другими новгородскими. – Объяснение отчества Микулы Селяниновича. – Возможность литературного происхождения фабулы былины. – Тип Микулы. – Разбор былины о походе Вольги (Волха) в индейское царство. – Слабость киевского прикрепления. – Черты северной природы в ловах Вольги. – Параллели в сказках некоторым деталям былины. – Попытка определения времени сложения былин о Вольге и Микуле

7. К былинам о Чуриле Пленковиче

Взгляд акад. Веселовского и проф. Халанского на Чурилу. – Вопрос об области и времени сложения былины о Чуриле. – Бытовая ее сторона. – Личность князя Владимира. – Новгородское представление о князе. – Отсутствие богатырства в былине. – Дружина Чурилы. – Рыба сорога. – Зимний ландшафт в былине. – Слабое прикрепление Чурилы к Киеву. – Латынские кони. – Костюм Чурилова отца. – Сарога и Сароженин. – Купеческий элемент в былине. – Деталь из талмудического апокрифа об Иосифе. – Скоморошья обработка былины. – Заключение о новгородском происхождении былины и о времени ее сложения

8. К былине о Соловье Будимировиче

Форма былины. – Начальная прибаутка – скоморошья прелюдия. – Сходство былины о Соловье Б. с былиной о Садко в плане и некоторых подробностях: фантастическая картина корабля; северные черты в его оснастке; щупанье луд; торговый элемент в былине; Соловей-гусяр. – Слабость прикрепления былины

к Киевскому циклу; географические данные ее; город Леденец. – Взгляд акад. Веселовского и проф. Халанского на былинну. – Сходство фабулы ее с книжной повестью о Василии Златовласом. – Былинные данные, указывающие на известность повести о Василии Златовласом северным сказителям. – Черты новгородской эпики в былинне. – Матера-вдова мать Соловья. – Заключение об области и времени сложения былинны и ее скоморошьей обработке

9. *К былинне о Хотене Блудовиче*

Взгляд проф. Безсонова и проф. Халанского на былинну о Хотене. – Вопрос о месте и времени ее сложения. – Содержание былинны и обзор вариантов. – Имена Хотен, Чайна, Блудова вдова. – Бытовые черты былинны: отражение в личности князя Владимира новгородских представлений о князе. – Сходство Хотена по самоуправству с Чурилой и Василием Буслаевым. – Паробок Панюточка. – Мать Хотена. – Сила ратная Часовой вдовы. – Новгородские черты в былинне и ее поверхностное киевское прикрепление. – Отсутствие имени *богатырь* в былинне. – Возможность ее исторической основы. – Следы скоморошьей переделки

10. *Былинны об Иване, Гостином сыне*

Содержание былинны о состязании Ивана Гостиного конями с князем Владимиром. – Обзор вариантов. – Купецкий элемент в былинне. – Гости корабельщики. – Разбор киевского приурочения былинны. – Личность владыки Черниговского и отражение в ней новгородских представлений. – Другие новгородские черты в былинне. – Песня о продаже Ивана Гостиного матерью. – Совпадение начала песни с песнею о Горе-Злосчастии. – Законченность песни об Иване Го-

стином и ее идея. – Сомнительность прав ее на название былиной. – Связь с былиной только в имени Ивана Гостиного. – Бытовая сторона песни. – Сомнительность предположенной акад. Веселовским древней схемы былины об Иване Гостином и сопоставление ее по сюжету со старофранцузской поэмой об Ираклии, основанной на византийском прототипе. – Заключение о месте и времени сложения былины об Иване Гостином

11. *К былинам о Ставре Годиновиче*

Содержание былины и обзор вариантов. – Отличие олонецкой группы записей от сибирской. – Бóльшая архаичность сибирских вариантов. – Осложнение первоначальной схемы деталями из сказочного сюжета об испытании пола переодетой женщины. – Параллели из песен и сказок к отдельным мотивам былины. – Разбор мнения проф. Созоновича о внесении в былину мотивов из южнославянских песен. – Сходство былины с немецкою песнею о «Римском графе» и русской сказкой «Царица-гуслиар». – Недостаточность параллелей для уяснения истории былины. – Историческая основа былины: связь былинного Ставра с историческим. – Предположение о новгородском происхождении былины и о времени ее сложения. – Возможность западноевропейского прототипа

12. *К былинам о Садко*

Содержание былины и обзор вариантов. – Исторически Садко Сытинец, строитель церкви Свв. Бориса и Глеба в Новгороде. – Садко-гуслиар и Морской царь. – Финские эпические типы: Вейнемейнен и морской бог Ахти. – Возможность финских отголосков в былине. – Отражение в ней местных легенд о спасении мореплавателей св. Николаем. – Параллели к отдельным мотивам

вам былины в литературе сказок. – Sadoc старинного французского романа и Садко. – Выводы из разбора былин о Садко

13. *Былина о Батые*

Содержание былины и разбор вариантов. – Следы скороморшье́й ее обработки. – Несоответствие вступительной легенды с содержанием былины. – Легенды о городской заступнице Пресв. Богородице. – Разбор книжных повестей о Батыевом нашествии. – Следы в них старинных исторических песен: эпизод о смерти кн. Феодора и княгини Евпраксии; эпизод об Евпатии Коловрате. – Эпические черты обоих эпизодов. – Следы старинных исторических песен в современных былинах о Батые: имя Евпраксии; отчество Таврульевич. – Возможность связи имени Василия Игнатьевича с именем князя Василия Константиновича, замученного Батыем. – Архангельская былина о Батые. – Выводы из исследования былин о Батые в связи с книжными повестями

14. *Былины о Сауре и сродные по содержанию*

Содержание былин о Сауре, Сауле, Сурогe, Суровене. – Сравнение их между собою и восстановление более архаического типа. – Предполагаемая акад. Веселовским связь былины с византийским эпосом. – Греческая песня об Армури. – Сомнительность генетического отношения былины к греческой песне. – Имя Саур. – Восточные параллели к сюжету былины и отдельным мотивам. – Взгляд акад. Веселовского на богатыря Суровца и Сурожцев. – Объяснение имени Суrowец последовательным искажением. – Внесение однородного сюжета в киевский цикл в былине о Михаиле Даниловиче. – Обзор вариантов этой былины. – Возможность

исторических отголосков в имени Ивана Даниловича. – Михаил Данилович и его связь с малорусскими легендами о Михайлике. – Возможность исторических отголосков в имени Михаила Даниловича. – Отношение великорусской былины к малорусским легендам. – Заключение

15. *К былинам об Илье Муромце*

а) Предания об исцелении Ильи Муромца. – Слабость былинной обработки этого предания. – Внесение его в былины из сказок об Илье. – Обзор сказок об Илье великорусских, белорусских, малорусских и инородческих. – Выводы. – Мотив приобретения силы чрез питье в сказке об Иване и других лицах. – Позднее прикрепление этого мотива к Илье М. – б) Илья Муромец и Себеж. – Две редакции *сказаний* и *повестей* об Илье М. – Большая архаичность *краткой* редакции с эпизодом об освобождении Ильей города Себежа. – Объяснение внесения имени Себежа в связи с историческими событиями XVI века. – Известность Ильи в Белоруссии в XVI в. – Разбор упоминания Ильи Муравленина в письме Кмиты Чернобыльского. – Соответствие Соловья Будимировича у Кмиты Чернобыльского Соловью-разбойнику. – Значение свидетельства Кмиты и *краткой* редакции повести об Илье для истории типа этого богатыря. – в) К былине об Илье и неверной жене Святогора. – Ингушская сказка о неверной жене как параллель к былине. – г) Илья Муромец и Еруслан Лазаревич. – Смещение обеих личностей в былине Щеголенка и в малорусской сказке об Илье Мурине. – д) Илья Мурович в казацкой песне. – Песня об Илье Муровиче, записанная г. Борусевичем в станице Червленной. – Предполагаемая связь этой песни с песнею об Илье Муромце и походной девице. – Прозвище Мурович

16. *Новые записи былин в Якутской области*

Скудость наших сведений о восточносибирских былинах. – Недавние записи былин в Якутской области г. Богораза. – Текст старины про Михаила Даниловича. – Разбор ее в связи с олонецкими былинами об этом богатыре и «Гисторией» в записи XVIII века. – Значение колымской былины. – Текст старины про Добрыню Микитьевича и интерес, ею представляемый. – Текст старины про Алешу Поповича. – Сохранность типа Алеши как могучего богатыря в Сибири и изменения этого типа в олонецких былинах. – Разбор новой колымской былины об Алеше и Тугарине в связи с раньше известными того же содержания. – Замечания по поводу названия «старинны» для былин. – Древность этого названия

Дополнения

К былине о Микуле Селяниновиче. – Параллель к ней в персидской поэме Низами «Счастье Искандера». – Встреча чудесного пахаря с царем Искандером. – К былине о Батые. – К былине о Сауле Леванидовиче. – Упоминание в ней Углича. – К сказкам об Илье Муромце

Указатели I и II.

Былинное предание в Олонецкой губернии¹

Уже в 60-х годах знакомство с произведениями народной словесности, особенно с былинами, было внесено в программу русского языка средних учебных заведений. В течение тридцатилетия русская наука прилежно занимается исследованием народного эпоса, уясняет происхождение былинных сюжетов, их историю, склад, язык. Но не одному кружку ученых специалистов наша народная поэзия представляется предметом, достойным внимания и изучения. К чести нашего общества, нашей литературы и печати нужно сказать, что нигде в Европе интерес к народу, его жизни, изучение его прошлого и настоящего, его духовного склада не поднят так высоко, не согрет таким живым сочувствием, как в нашем Отечестве. В обществе народ, его судьба, его значение и проч. служат не одним украшением салонных разговоров, но чувствуется живая потребность узнать его жизнь, сблизиться с ним духовно, принести ему материальную пользу. Изящная словесность в бесчисленных повестях и очерках воспроизводит народные типы, рисует склад народной жизни, раскрывает мир понятий и чувств народа. Науки социально-экономические собирают цифровые данные о его материальном быте и изыскивают условия к его улучшению. Разные вопросы, связанные с его интересами, ежедневно мелькают перед нами на столбцах газет. Наши композиторы черпают мотивы из народной музыки и художественно их разрабатывают. Наши художники с любовью изображают народные типы и

---

¹ Публичная лекция, прочитанная в заседании Этнографического отдела 1 января 1894 года. Напечатана в «Русской мысли» 1893 г., март.

сцены. Наконец, та научная область, которая посвящает себя всецело изучению материального и особенно духовного быта народа – этнография, – породила за последнее 30-летие огромную литературу в виде исследований и сборников народных песен, преданий, сказок, легенд, пословиц, заговоров, юридических обычаев и проч. и проч. Этим высоким интересом к народу, в данном случае к его старинной песне, позволяю я себе объяснить и многочисленность сегодняшнего нашего собрания. Мы собрались здесь, чтобы послушать олонечского сказителя Ивана Трофимовича Рябина, отец которого обогатил сборники былин Рыбникова и Гильфердинга целым рядом лучших номеров всего нашего былинного репертуара. Большинство из присутствующих уже в средней школе получили некоторое понятие о былинах, прочли несколько былин в хрестоматиях и слышали еще в школе, что где-то на севере России в народе до сих пор живут былины в устной традиции. *Кто* в народе поет былины, *как* они исполняются, *как* могли в устной передаче эти произведения седой старины, говорящие о Владимире и его богатырях, о Новгороде, его купцах и удалцах, дойти до нашего времени – все это вопросы, над которыми мало останавливаются в средней школе при знакомстве с былинами, и немудрено, что олонечские сказители остаются для большинства в каких-то туманных очертаниях. И вот лучший представитель этих сказителей пред нами налицо. Из занесенной снегом своей деревеньки Гарницы, Кижской волости, Петрозаводского уезда, он явился сюда как живое предание глубокой старины, как один из последних хранителей эпической традиции. Не из хрестоматии, не из печатных сборников, как все мы, знает он свои былины; да этим путем, как неграмотный, не мог бы он и получить их. Он прислуши-

вался к ним в молодости, когда их пел его отец, и они, вместе с напевом, отложились в его богатой памяти, как раньше отложились в памяти его отца. Только в его пении былина перестает для нас быть каким-то навеки закрепленным печатью произведением, как всякое другое литературное произведение: она чувствуется как *словесное*, живое, развивающееся в частности, тесно слитое с напевом и метрически складное. Никакое детальное научное изучение не может воспроизвести в нашем воображении того впечатления живой старины, которое мы получим от безыскусственного пения олонецкого крестьянина. Но, прежде чем вы проверите на себе это уже испытанное мною впечатление, я позволю себе войти в некоторые подробности о научном нашем знакомстве с олонецкими сказителями и о том, в каком виде дошли до нас былины в их устах.

Для изучения того периода, предшествовавшего письменной литературе, который обыкновенно называют периодом безыскусственной устной поэзии, Россия представляет богатейшую почву. Между тем как в Западной Европе уже давно эпические песни замолкли в народе и послужили отдельным лицам к сложению искусственных эпоей, поэм, рыцарских романов, которые уже книжным путем распространялись в средневековом обществе и снова в своих отголосках достигали неграмотного простонародья, – у нас еще в текущем столетии записывались былины и исторические песни прямо из народных уст не только на окраинах, но даже изредка в центральных губерниях вблизи городов – факт замечательной живучести старины и предания в нашем простонародье. Однако до конца 50-х годов русская наука еще не подозревала, что главный очаг живой эпической традиции находится в местах, не столь отдаленных от Петербурга – в Олонецкой гу-

бернии. В научной литературе известен был сборник былин, записанных еще в прошлом столетии в Сибири и приписываемый Кирше Данилову; известно было собрание былин из поволжских, северных и центральных губерний, записанных для Киреевского. Среди былин попадались и доставленные из Олонецкой губернии. Но только благодаря пребыванию в ней П. Н. Рыбникова, благодаря энергичным поискам этого энтузиаста народной поэзии, эпическая старина предстала перед нами во всей свежести и разнообразии.

Занесенный судьбою, против своего желания, в Петрозаводск, П. Н. Рыбников, бывший питомец Московского университета, человек высокообразованный, вращавшийся в Москве отчасти в кружке старших славянофилов (Хомякова, Аксаковых, Киреевских), уже раньше собирал народные песни и сказки в Черниговской губернии, питал живой интерес к народной жизни и поэзии, так что и на новых местах мечтал о возможности продолжать свою собирательскую деятельность. Но никогда не мечтал он о возможности тех неожиданных открытий, который он сделал. С зимы 1851 года он принялся, по его словам¹, собирать памятники народной поэзии; но сначала удавалось записывать только бытовые песни, заплачки и духовные стихи. Сказители былин как-то не попадались ему при его разъездах, хотя о них доходили до него слухи. Как страстно Рыбникову желалось встретить какого-нибудь сказителя былин, видно из следующего. Отправившись зимою 1859 года на Шунгскую ярмарку (Повенецкого уезда), он узнал, что один известный сказитель, по прозвищу Бутылка (собств. Абрам Евтихийев Чуков), должен находиться или в Великой губе, или в Сенной губе. Рыбников бросил почтовый тракт и решился воротиться в Петроза-

---

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, часть III, прил., стр. VI.

водск через Заонежье проселочными дорогами и через Онежское озеро. На пути он завертывал во все места, где надеялся найти перехожего певца, но все напрасно. «Три раза впоследствии, – говорит Рыбников, – я преследовал Бутылку: два раза из-за него мне приходилось в лютую зиму переезжать через Онегу по льду, а летом 1800 года переплывать в дрянной лодчонке озеро из Кижей до Пудожгорского погоста, и все понапрасну. Уже в 1863 году я успел познакомиться с ним и со слов его исправить то, что от него было записано прежде другими лицами»¹. Отыскивая с таким необыкновенным рвением сказителей былин посредством разведок и опросов, Рыбников познакомился с некоторыми отличными знатоками, имена которых известны занимающимся нашим былевым эпосом. Таковы: Трофим Рябинин, Козьма Романов, Василий Щеголенок, Никифор Прохоров и др. Личное знакомство со сказителями и записи с их голоса целого ряда превосходных былин, точно так же как довольно продолжительные наблюдения в крае, дали Рыбникову полную возможность фактически доказать, что былевая поэзия еще бытует во многих местах Олонецкой губернии (в уездах Петрозаводском, Пудожском, Каргопольском, отчасти в Повенецком, Вышегорском и Лодейнопольском), что в первых трех уездах каждый крестьянин знаком с содержанием былин и именами некоторых богатырей и что в Заонежье и на Пудожском побережье у всякого смышленного пожилого человека отыщется в памяти одна-две былины².

Таким образом Рыбников проложил путь к изучению нашего былевого песнопения на месте, и высокий интерес к народному эпосу, возбужденный в обществе и науке его сборником, должен был повести к новым

---

¹ Там же, стр. X.

² Там же, стр. LI.

поискам живой народной старины в тех же краях. Через четыре года по выходе в свет 4-го тома (1867 г.) собранных Рыбниковым песен по его следам пошел не менее энергичный и преданный делу исследователь – покойный славист Л. О. Гильфердинг, открытия которого являются еще более поразительными. Как Рыбников, приступая в 1859 году к собиранию памятников народного творчества в Олонецкой губернии, не мечтал напасть на такое обилие эпических песен, так в свою очередь Гильфердинг, отправившись туда на летние месяцы 1871 года, не мог в своем воображении представить тех блестящих результатов, которыми увенчается эта летняя экскурсия его из Петербурга. Его манило, по его собственному признанию, в Олонецкую губернию желание послушать хоть одного из тех замечательных рапсодов, каких здесь нашел П. Н. Рыбников. «Имея в виду, что сборник Рыбникова был плодом многолетнего пребывания в крае, – говорит Гильфердинг, – я, располагавший только двумя месяцами, вовсе не рассчитывал вначале на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотел только удовлетворить личному любопытству знакомством с несколькими сказителями. Между тем счастливый случай скоро заставил меня из туриста превратиться в собирателя». Счастливым случаем было знакомство с одним хорошим сказителем, за этим случаем последовал ряд других, не менее счастливых, и результатом 48-дневной работы явилось ни более ни менее как следующее положительно богатырское дело: запись былин, содержащая более 2000 страниц, писанная вся рукою Гильфердинга; прослушано 70 певцов и певиц, собраны биографические о них сведения, записано и проверено 318 песен. Отдав все свое время по возвращении в Петербург обработке всего записанного материала для печати и отпечатав

более 20 листов, Гильфердинг на следующее лето, в начале июня, отправился на новые поиски, на новые подвиги. Но не выдержал упорной работы и физических неудобств его подорванный работой организм. Уже скоро пришло печальное известие о его болезни, и 20 июня 1872 года не стало этого неутомимого и самоотверженного исследователя.

Издание онежских былин, записанных Гильфердингом и приготовленных им вполне к печати, вышло в 1873 году и может быть названо образцовым в полном смысле этого слова. Соблюдение былинных размеров, точность в передаче особенностей местного говора, указания местностей, биографические данные о сказителях, сведения о лицах, от которых тот или другой сказитель «перенял» былины, дневник путешествия, личные наблюдения местных бытовых особенностей – все это делает сборник Гильфердинга незаменимым источником для изучения современного состояния народной эпической традиции. Если после 1-го тома Рыбникова к нашему олонецкому живому эпосу, казавшемуся тогда поразительным, еще могло быть предъявлено требование об оправдательных документах, то теперь таких документов было слишком достаточно. Стали известны биографические данные о целом ряде сказителей, а наиболее известные из них – Рябинин, Щеголенок, Касьянов – даже были вызываемы в столицу: Трофим Рябинин, по приглашению Импер. географического общества, пел свои былины в Петербурге в 1871 году, Щеголенок и Касьянов были в Петербурге и в Москве, где пели свои былины в заседании Общества любителей русской словесности.

Познакомившись в общих очертаниях с обилием эпического материала, доставленным Олонецкою губернией, посмотримся несколько ближе в население этого

края, чтобы понять условия, при которых ему возможно было стать хранителем эпического предания.

Все отзывы лиц, делавших этнографические наблюдения в Олонецкой губернии, сводятся к тому, что олонецкие крестьяне – народ, закаленный в борьбе с суровою природою, энергичный, предприимчивый, не лишенный чувства собственного достоинства и одаренный поэтической восприимчивостью¹. Вдали от крепостного рабства, которое не коснулось большей части губернии, народ ощущал себя сравнительно свободным и не терял сочувствия (по выражению Гильфердинга) к идеалам свободной силы, воспеваемой в былинах. Действительно, нельзя не отметить, что в тех полосах России, где было в полной силе крепостное право, сохранились только жалкие остатки былин и не выработалось в народе традиции, передающей их из поколения в поколение. Помимо нашего Севера – губерний Олонецкой и Архангельской – былины в большей сохранности были известны на окраинах, у казаков (донских, уральских) и в Сибири (вспомним знаменитый сборник Кирши Данилова и сборник Гуляева), т.е. в местах, где жили потомки вольнолюбивого населения, уходившего на окраины от государственных тягот. Но, помимо сочувствия к идеалам свободного человека, которое, конечно, бытовало и всюду в русском крестьянстве, но не могло высказываться, в населении Заонежья есть и другое усилие, всего более необходимое для сохранения эпической старины. Это твердая вера в возможность фактов былевого эпоса, как бы они нам ни казались чудесными, глубокое убеждение, что лица вроде Ильи Муромца или Тугарина Змиевича такие же реальные исторические личности, как царь Иван Грозный или Петр Великий.

---

¹ «Народа добрее, честнее и более одаренного природным умом и житейским смыслом я не видывал!» – говорит Гильфердинг, стр. VIII.

Без этой веры в чудесное не может жить эпическая былевая поэзия: если в народе возник скептицизм, если содержание былины в его глазах утратило достоверность, перешло на степень сказки-складки – эпическая традиция уже ослабла и неминуемо должна вымереть. Относясь без должного уважения к былине, смотря на нее как на досужий, хотя и интересный вымысел, сказитель уже не будет стараться «перенять» ее во всей полноте, не будет напрягать памяти, чтобы свято сберечь все детали, и ущербы памяти будет восполнять собственным воображением. Этой опасной для эпической традиции ступени еще не достигли сказители, по крайней мере большинство их, в то время, когда Гильфердинг записывал былины. Безусловно верят былинам и слушатели, жадно прислушиваясь к сказителям и всею душой живя и чувствуя вместе с богатырями. Скептики, которые не всему верят в былинах, по словам Гильфердинга¹ составляют самые редкие исключения.

Благодаря такому серьезному отношению к былевой песне она не низводится до степени праздной забавы, вроде лирических песен, хороводных, качельных, игровых, – забавы, приличной молодости. Напротив, былины поются крестьянами солидными, зрелого возраста или стариками, людьми, уважаемыми всею деревней, исправными домохозяевами, нередко даже весьма зажиточными, в чем можно убедиться, просмотрев биографии сказителей.

Вместе с былинами некоторые сказители поют и духовные стихи, что нередко отражается и на складе их былин.

Любовь к пению и слушанию былин еще исстари укоренилась в крае и сохранилась кое-где и до наших дней. «В старину, – рассказывал Рыбникову сказитель

---

¹ Гильфердинг, стр. XIII.

Романов, – соберутся, бывало, старики и бабы вязать сети, и тут сказители, а особенно Илья Елустафьевич, станут петь былины. Начнут они перед сумерками, а пропоют до глубокой ночи»¹. Даже в городском населении г. Пудожа в старое время былевые песни были в большом ходу. «Лет 50 тому назад не только купцы и мещане, но и чиновники сходились по вечерам на беседе, чтобы слушать былины»². По словам одного из сказителей, Андрея Сорокина, он выучился былинам мальчиком и молодым человеком, когда живал подолгу на мельнице, где собиралось много крестьян из окрестных деревень и коротали время, распевая «старины»³. По сообщению калики Латышова Рыбникову, он пел былины в Архангельской губернии, где по деревням богатые крестьяне, а в уездных городах купцы и даже чиновники любят слушать рассказы о богатырях⁴.

Любопытно и то, что в некоторых местах на северо-восток от Онежского озера (на Водлозере), по словам Гильфердинга, эпическая поэзия только начинает водворяться, заносимая с разных сторон⁵, так что, исчезая в одних местах, она делает новые завоевания.

Отсюда покойный исследователь делает следующий вывод: «Нет никакого сомнения, что на Кенозере и Водлозере наш народный эпос еще совершенно живуч и может там долго-долго продержаться, если только в эту глушь не проникнут промышленное движение и школа»⁶.

Собирая сведения о том, от кого тот или другой сказитель научился былинам, Гильфердинг мог иногда

---

¹ Рыбников, ч. III, стр. XXIV.

² Там же, стр. XXXI.

³ Гильфердинг, столб. 372.

⁴ Рыбников, ч. III, стр. XXXIV.

⁵ Гильфердинг, стр. XXXI.

⁶ Там же, стр. XXI.

по живым следам наметить недавнее распространение традиции: так, один сказитель (Нигозеркин) выучился былинам осенью 1870 года от старика, проезжавшего из-за Кенозера через его деревню и два раза проведенного ночь в его избе¹. Другой (Курников) заявлял, что старику о Кострюке он перенял незадолго перед тем (также в 1870 г.) от прохожего мужичка, который, зная только одну эту былинку, ходит из дома в дом просить милостыни и тут поет свою былинку². При опросе сказителей оказывалось, что иногда традиция идет либо от матери, но чаще от отца и деда, так что можно было отметить три поколения в той же семье (так, по словам Швецова, его дед славился как знаток былин, а его сын перенял почти все былины, которые он сам знает³). Если мы примем в расчет, что иногда внук, сказывавший свои былины, идущие от деда, уже был человек солидного возраста (в 70-х годах), то традицию можно проследить до 2-й половины XVIII в. Широко распространенная в населении любовь к былинам окружала особенным уважением известных сказителей, обладавших выдающимся репертуаром. Таких сказителей, каков был в старину Елустафьев, слушали всегда с особенным вниманием и «перенимали» их былины. От Елустафьева научился былинам не менее известный сказитель Трофим Рябинин, которого репертуар весь вошел в сборники Рыбникова и Гильфердинга, и еще несколько других сказителей. Об одном известном в свое время калике Мещанинове его выученик Фепонов сообщает почти невероятный факт, что он знал семьдесят былин⁴. Если, быть может, это известие преувеличено, то едва ли намного. Некото-

---

¹ Там же, стр. 1022.

² Там же, стр. 1329.

³ Там же, стр. 1293.

⁴ Там же, стр. 296.

рые из сказителей, опрошенных Рыбниковым и Гильфердингом, знали до 20 былин. Чтобы составить себе некоторое понятие о действительно богатой памяти лучших сказителей, стоит только просмотреть сборник Гильфердинга. Мы найдем там нескольких сказителей, от которых записано от 2000 до 3000 стихов (Воинов, Чуков, Щеголенок, Прохоров Никифор), но такие общеизвестные, как Калинин и Трофим Рябинин, продиктовали собирателю каждый более 5000 стихов.

Очевидно, такие сказители должны иметь если не феноменальную, то, во всяком случае, выдающуюся по обширности память. Но нужно помнить, что хорошая память вообще в крестьянстве явление заурядное, объясняющееся тем, что она не ослаблена и не избалована грамотностью. Действительно, между 70 сказителями, выслушанными Гильфердингом, только шесть оказались грамотными, но все они были не из лучших сказителей, знали немного, а один (Касьянов) даже признался, что «чтение книг церковных заглушило былины в его памяти»¹. Вообще память является необходимым условием для усвоения обширных былин, иногда переходящих за 600–800 стихов и даже за тысячу: личное сочинительство, по крайней мере сознательное самому сказителю, почти отсутствует. Если сказитель, по наблюдению Гильфердинга², несмотря на желание спеть так, как пел его учитель, чего-нибудь не упомянул, то либо пропускает, либо рассказывает словами; но, как бы он ни знал содержание какого-нибудь эпизода или целой былины, он, раз забывши, как она поется, никогда не решится восстановить ее стихами, хотя при однообразии эпического склада это, казалось бы, весьма легко.

---

¹ Там же, столб. 794.

² Там же, стр. XXIII.

Ввиду условий, конечно второстепенных, содействовавших распространению былин в Заонежье, Гильфердинг указывает на некоторые ремесла. Многие из хороших сказителей либо сами занимаются портняжным или сапожным ремеслом, переходя из деревни в деревню, или изготовлением рыболовных снастей, либо заимствовали былины от лиц, занимавшихся этими мастерствами. Сами крестьяне объясняли исследователю, что, сидя долгие часы на месте за однообразною работой шитья или плетенья сетей, приходит охота петь «старины», и они тогда легко усваиваются; напротив того, «крестьянство» (т.е. земледелие) и другие тяжелые работы не только не оставляют к тому времени, но заглушают в памяти даже то, что прежде помнилось и певалось¹.

Выше я упомянул, что открытие Рыбниковым столь обильной эпической старины в местах, сравнительно не столь отдаленных от столицы, казалось особенно поразительно. Казалось бы, что такие открытия скорее можно было бы ожидать в глухих захолустьях Сибири, а не в Олонецкой губернии. Однако, справившись со сведениями о природе и бытовых условиях этой губернии, мы убедимся, что она на значительном протяжении представляет не меньшую глушь, чем самые удаленные северо-восточные губернии.

Вот что говорит Гильфердинг про природу и бытовые условия этого края: «Материальная обстановка севернорусского крестьянина несколько сносна у Онежского озера, потому что тут он располагает большим водоемом, который находится в прямой связи с Петербургским портом; но дальше к северу и востоку вы видите только лес, лес, и болото, и опять лес; озера, разбросанные в этом крае, служат для сообщения между деревнями, их окружающими. Климат такой,

---

¹ Там же, стр. XXVIII.

что здесь природа отказывает в том, без чего нам трудно себе представить жизнь русского человека: у него нет ни капусты, ни гречи, ни огурцов, ни луку; овес, разными способами приготавливаемый, составляет существеннейшую часть пищи. Отсутствует и другая принадлежность русского народа – телега. Телега не может пройти по тамошним болотистым дорогам. Она появляется только 35 верст южнее Кенозера, в Ошевенской волости, с которой начинается более сухая и плодородная часть Каргопольского уезда. Севернее (около Кенозера, Водлозера, Выгозера и по Заонежью)¹ возят, что нужно, и летом на снях (дровнях) или же на волоках, т.е. оглоблях, которые передними концами прикрепляются к хомуту, а задними волочатся по земле; к ним приделана поперечная доска, к которой привязывается кладь. Когда же нужно ехать человеку, он отправляется верхом там, где не может пользоваться водяным сообщением. Для своза хлеба с ближайших к деревням полей есть кое-где двухколесные таратайки, с неуклюже сколоченными, скорее многоугольными, чем круглыми, деревянными, без железных шин, колесами. Главные и единственно прибыльные работы – распахивание “нив”, т.е. небольших полей, расчищаемых из-под лесу и через три года забрасываемых, и рыбная ловля в осеннее время – сопряжены с невероятными физическими усилиями. Но чтобы существовать, крестьянин должен соединять с этим и всевозможные другие заработки, а потому никто не ограничивается одним хлебопашеством и рыболовством: кто занимается в свободное время каким-нибудь деревенским ремеслом, кто идет в извоз к Белому морю зимою, а ле-

---

¹ Заонежьем русские (когда колонизация этого края шла с востока на запад) называли тот большой полуостров, который вдается в Онежское озеро по сю сторону (т.е. с северо-запада) его бассейна.

том в бурлаки на канал, кто “полесует”, т.е. стреляет и ловит дичь и т.д. Крестьянин этих мест рад и доволен, если совокупными усилиями семьи он, по тамошнему выражению, “огорюет” как-нибудь подати и не умрет с голоду. Это народ-труженик в полном смысле слова¹.

Эта краткая и сильная характеристика природы и бытовых условий, среди которых живут хранители эпической традиции, дает нам возможность понять, что при всех физических и духовных способностях, которыми, несомненно, одарено олонецкое население, оно в этой тяжелой борьбе с суровой природой, живя в глухих поселках, нередко в течение нескольких месяцев разобщенных друг от друга, окруженное лесами и болотами, должно было сохранить, и действительно сохранило, немало старины в быту, верность преданию и веру в чудесное. Консерватизм отмечается исследователями губернии и в материальном быту, и в обрядности, и в верованиях. Немудрено, что такими же консерваторами являются олончане и в былевой поэзии.

Сверх перечисленных условий, благоприятствовавших сохранению эпоса, есть еще два, указываемых Рыбниковым: «Если в некоторых местностях Олонцкого края сохранилось столько остатков богатырского эпоса, то тому причиной поэтическая природа жителей и их поселения на Украине между корелюю и чудью, где они должны были поддерживать свою народность былевою памятью о славном киевском и новгородском прошедшем»². Я не решусь сказать, насколько последнее обстоятельство имеет значение, но о поэтической жилке олончан ярко свидетельствуют прекрасные лирические причитанья (свадебные, рекрутские, похоронные), также записанные в огромном количестве, среди них Рыбнико-

---

¹ Гильфердинг, стр. VIII и IX.

² Рыбников, ч. III, стр. IX.

вым и Е. В. Барсовым. Среди женщин, между которыми нашлось 15 сказительниц былин во время поездки Гильфердинга, встречаются нередко положительно высокоодаренные натуры (напр. известная вопленица Ирина Федосова), способные изливать свое горе в длинных, складных и иногда художественных импровизациях. Некоторые из таких женщин пользуются известностью далеко за пределами родной деревни и приглашаются специально на свадьбы и похороны. Есть немало среди женского населения и любительниц былин: в биографиях сказителей мы нередко читаем, что они научились им от матерей, особенно сказительницы. Рыбников сделал наблюдение, что у женщин в некоторых местах есть свои любимые былины – «бабьи старины», как их называют сказители: это, по-видимому, такие, в которых изображена любовь и где значительная роль выпадает женщине (наприм., про Ставра, про Чурилу, про Ивана Годиновича). Меньше знают они более серьезные былины – про Илью Муромца, про Садка, Вольгу и др.

Резюмируя рассмотренные условия, содействовавшие в Олонецкой губернии сохранению живого былевого песнопения, мы приходим к выводу, что главными условиями были: примитивность в материальном и духовном быту, обусловленная природой, климатом и историей, отсутствие крепостного права, малое распространение грамотности и несомненная поэтическая восприимчивость населения.

Перехожу теперь к другим вопросам, которые имеют существенное значение для метода исследования былин: в каком виде дошел до нас текст былин? Насколько можно доверять точности традиции? Насколько личность сказителей отражается в текстах, от них записанных?

Значительную гарантию в точности традиций следует видеть в постоянстве и прочности *сюжетов* и

былевых *типов*. Действительно, если мы просмотрим оглавление тех сотен былин, которых помещены в сборниках Рыбникова и Гильфердинга, мы убедимся, что число отдельных сюжетов не очень многочисленно и что при значительном разногласии в подробностях общие очертания сюжета везде одни и те же. Новых сюжетов почти не дал огромный сборник Гильфердинга, новых сюжетов нет надежды найти и впредь. Если дело идет об Илье Муромце, мы уверены, что встретишь давно известные похождения его с Соловьем, с разбойниками, с идолищем и т.п.; если о Добрыне, то услышим о змееборстве или о попытке Алеши взять за муж его жену и т.д.

Вместе с тем нет надежды и познакомиться с каким-нибудь новым типом богатыря. Типы их прочно установлены, так сказать, застыли в народной памяти и представляются столь же конкретными и сказителю и его слушателям. Конечно, и здесь бывают ошибки памяти – случится, что сказитель припишет одному богатырю подвиг, совершенный другим, но такие промахи довольно редки. Нравственный облик богатырей весьма типичен: Илья всегда будет идеалом мужества и спокойной уверенности в силе, всегда будет с чувством достоинства относиться к князю Владимиру и покровительственной лаской к юным богатырям; Добрыня Никитич – всегда отличаться вежеством, Чурило – франтовством и женолюбием и т.д.

Во-вторых, не меньшею устойчивостью отличаются и так называемый *общие* места (*loci communes*) нашего эпического описания: наприм., подношение и испитие чары в $1\frac{1}{2}$ или $2\frac{1}{2}$ ведра, процесс седлания коня, снаряжение корабля и друг. (кстати упомяну замечание Гильфердинга, что именно седлание коня и снаряжение корабля особенно знакомы севернорусскому крестьяни-

ну. Когда ему нужно отправиться в путь, приходится либо оседлать себе лошадь, либо снарядить парусную лодку¹). К таким *loci communes* относятся и описания южнорусской природы, древнего вооружения и воинского быта. Мы так прислушались к этим чертам нашего эпоса, что они нам не кажутся поразительны. «Мы, жители северных широт, – говорит Гильфердинг, – не находим ничего особенно для нас необычного в природе, изображаемой нашим богатырским эпосом, в этих “сырых дубах”, в этой “ковыль-траве”, в этом “раздолье чистом поле”, которые составляют обстановку каждой сцены в наших былинах. Мы не замечаем, что сохранение этой обстановки приднепровской природы в былинах Заонежья есть такое же чудо народной памяти, как, наприм., сохранение образа “гнедого тура”, давно исчезнувшего, или облика богатыря с шеломом на голове, с колчаном за спиной, в кольчуге и с “палицей боевою”. Видал ли крестьянин Заонежья дуб? Дуб ему знаком столько же, сколько нам с вами какой-нибудь банан. Знает ли он, что такое ковыль-трава? Он не имеет о ней ни малейшего понятия. Видал ли он хоть раз на своем веку “раздолье чистое поле”? Нет, поле, как раздолье, на котором можно проскакать, есть представление для него совершенно чуждое, ибо поля, какие он видит, суть маленькие, по большей части усеянные камнем и пнями клочки пашни либо сенокосу, окруженные лесом; если же виднеется кое-где чистое, гладкое место, то это не раздолье для скакуна – это трясина, куда не отважится ступить ни лошадь, ни человек. А крестьянин этого края продолжает петь про раздолье чистое поле, как будто он жил на Украине!»

Если, таким образом, в наших былинах можно констатировать значительную прочность сюжетов, бо-

---

¹ Гильфердинг, стр. XXV.

гатырских типов и даже некоторых бытовых деталей, которые говорят в пользу замечательной прочности традиции, то все же нельзя забывать, что целые века устной передачи должны были отразиться во многом на современных текстах былин. Как бы ни была обширна память сказителей, какие бы усилия они не делали, чтобы сохранить былины в том виде, в каком они сами их переняли от учителей, все же излагаемые ими былины не могут представляться точными оттисками прежних и по необходимости являются новыми изданиями, иногда значительно пополненными или сокращенными, иногда даже значительно переделанными. Известно, какое множество вариантов представляет иногда в различных записях один и тот же былевой сюжет. Для объяснения происхождения вариантов мы должны воспользоваться драгоценными наблюдениями, лично сделанными Гильфердингом над сказителями, которые в таком значительном числе прошли перед его глазами.

«Можно сказать, – говорит он, – что в каждой былине есть две составные части: места *типические*, по большей части описательного характера, либо заключающие в себе речи, влагаемые в уста героев, и места *переходные*, которые соединяют между собою типические места и в которых рассказывается ход действия. Первый из них сказитель знает наизусть и поет совершенно одинаково, сколько бы раз он ни повторил былину; переходные места, должно быть, не заучиваются наизусть, а в памяти хранится только общий остов, так что всякий раз, как сказитель поет былину, он ее тут же сочиняет, то прибавляя, то сокращая, то меняя порядок стихов и самые выражения. В устах *лучших* сказителей, которые поют часто и выработали себе, так сказать, постоянный текст, эти отступления составляют, конечно, весьма незначительные варианты; но возьмите скази-

теля с менее сильною памятью и заставьте его раза два к ряду пропеть одну и ту же былинку, – вы удивитесь, какую услышите большую разницу в ее тексте, кроме типических мест».

Из этого мы можем вывести то заключение, что один и тот же сюжет (наприм., бой Ильи с сыном) может совпадать у разных сказителей только в общих чертах и в большем или меньшем числе деталей, так как ход действия, по наблюдению Гильфердинга, не заучивается целиком наизусть, а составляет переходную часть былины. В так называемых *типических* местах, указываемых Гильфердингом, я на основании его же слов различил бы два разряда: во-первых, общие места (*loci communes*), т.е. эпические описания, которые отлились исстари в определенную форму (наприм., описание процесса седлания) и переносятся свободно из одного сюжета в другой, если есть для этого какой-нибудь случай. Эти места составляют такую же принадлежность эпического склада, как постоянные эпитеты в народной поэзии. Как сказитель всякий раз при упоминании поля прибавит к нему эпитет *чистого*, так он же при описании седлания каждый раз воспользуется готовою, давно установленной картинкой.

Во-вторых, *типические* места, как видно из приведенного Гильфердингом примера, – это «речи, влагаемые в уста героев». Такие речи уже не шаблоны, а в собственном смысле типические, т.е. из них главным образом слагается тип, духовный облик того или другого действующего лица. Они важны для характеристики того или другого богатыря и потому заучиваются наизусть или, по крайней мере, тверже усваиваются в деталях, так как на них сосредоточен психологический интерес. «Перенимая» былинку от другого, всякий, конечно, старался твердо запомнить, что, наприм., гово-

рил при таком-то случае Илья Муромец, или Добрыня, или Владимир князь, потому что в их речах выражается их духовный склад, и сравнительно меньше заботился о внешних подробностях сюжета, так как тут ему могли подслужиться готовые шаблонные подробности эпического рассказа.

Различив таким образом в *типических* местах Гильфердинга два элемента далеко не одинаковой важности (общие места и психические характеристики), перейдем к его дальнейшим наблюдениям.

«Эти типические места, – продолжает он, – у каждого сказителя имеют свои особенности, и каждый сказитель употребляет одно и то же типическое место всякий раз, когда представляется к тому подходящий смысл, и иногда даже некстати, прицепляясь к тому или другому слову. Оттого все былины, какие поет один и тот же сказитель, представляют много сходных и тождественных мест, хотя бы не имели ничего общего между собою по содержанию. Таким образом типические места, о которых я говорю, всего более отражают на себе личность сказителя. Каждый выбирает себе из массы готовых эпических картин запас, более или менее значительный, смотря по силе своей памяти, и, затвердив их, этим запасом одинаково пользуется во всех *своих* былинах. У двух сказителей, Ивана Фепонова и Потапа Антонова, богатыри отличаются особенною набожностью – они то и дело молятся Богу; а из этих сказителей Фепонов – калика, т.е. певец духовных стихов по профессии, Антонов же хотя простой крестьянин-земледелец, но выучился былинам тоже от калики по профессии, ныне умершего. Таким образом набожный склад духовных стихов отразился у них и в былинах»¹.

¹ Там же, стр. XXVII.

Всматриваясь в эти наблюдения собирателя, мы можем выставить следующие положения относительно текстов былин.

Во-первых, всего более изменений входит в описание хода действия, в так называемые *переходные* места. Помня часто лишь только общие очертания сюжета, сказитель вводит в рассказ те или другие детали по своему вкусу, пользуясь обыкновенно уже готовыми образами из запаса своей памяти, т.е. перенося какую-нибудь понравившуюся ему черту из одной былины в другую. Примером такого перенесения можно привести известную расправу с татаринном: богатырь схватывает его и, махая им, прокладывает себе дорогу. Этот мотив встречается всего чаще в приложении к Илье Муромцу в его столкновениях с Калином-царем, с Батыем, с идолищем и даже с разбойниками, но при случае так же расправляются с татарами Добрыня, Иванушко Данилович, Василий Иванович, сын князя Карамышевского, богатырь Суroveň, причем нередко мотив махания татаринном приплетен совершенно некстати, без достаточного логического основания. Однако раз введено сказителем махание татаринном, оно обыкновенно сопровождается известными традиционными словами («А и крепок татарин – не изломится, а и жиловат, собака, – не изорвется»).

Во-вторых, если описательные места и прочнее в своих деталях, то все же изменения в текстах былин обычны и в этом отношении. Тот или другой сказитель может по личному вкусу вставлять их чаще или реже, затягивая ими ход рассказа или, напротив, сокращая его. Например, упоминая о входе богатыря в то или другое помещение, он может вставить обычное описание *крестов* и *поклонов* или миновать его. Таким образом один и тот

же сюжет с большими или меньшими деталями, с повторениями шаблонных мест или без них, может быть развит в былине в 200 стихах и в 500–800. Так, в Прионежье былины, вообще говоря, по наблюдению Гильфердинга, отличаются растянутостью, достигают тысячи стихов и даже более, и слышится пристрастие к длинному стиху, а на северо-восток от озера былины обыкновенно короче, ход рассказа живее и менее обставлен подробностями, так что редкая былина достигает 300–400 стихов¹.

В-третьих, и в *психических* характеристиках в речах действующих лиц могут происходить значительные изменения. Не нарушая сложившегося типа богатыря, сказители могут по своему вкусу подчеркивать ту или другую его сторону, подбеляя или подчерняя его нравственный характер.

Наконец, как мы видели, типические речи, сопровождающие то или другое *действие* (наприм., махание татаринном), переносятся вместе с этим действием, иногда довольно произвольно, с одного богатыря на другого, и это, конечно, может так или иначе видоизменить или оттенить его духовный облик.

В-четвертых, личность сказителя отражается на текстах и в переходных местах, и в типических, и вообще на всем складе былин, а также на языке, в выборе и более или менее частом употреблении излюбленных выражений, эпитетов и т.д. Отсюда вытекают следующие *два* явления, которые наблюдаются в дошедших до нас былинных текстах.

Во-первых, один и тот же сюжет дошел до нас во множестве вариантов, из которых одни отличаются между собою лишь незначительными деталями, другие сходны только в главных очертаниях сюжета.

---

¹ Гильфердинг, стр. XXIV.

Во-вторых, разные сюжеты в устах одного и того же сказителя приобретают заметное сходство в подробностях, так что при более внимательном изучении мы можем определить пошиб того или другого сказителя, подобно тому как можем изучить стиль какого-нибудь оригинального писателя.

Мы видели, каким процессам изменения подвергается текст былин, так сказать, на наших глазах, при переходе их от одного сказителя к другому. Мы видели, что даже один и тот же сказитель, повторяя былинку, никогда не воспроизведет ее во всей точности, без всяких изменений. Конечно, этот процесс изменения текстов в зависимости от тех же условий (личности сказителя, большей или меньшей его памяти, более или менее самостоятельного отношения к преданию) длился многие столетия, в течение длинного ряда поколений. Нетрудно сказать, к каким результатам должен был привести этот процесс: современные былины представляют, говоря вообще, плод последовательного *искажения* древних былин. Благодаря условиям, представляемым населением Олонецкой губернии, былевой эпос только что сохранился в своих главных чертах, и это уже великая заслуга онежских сказителей перед русским народом и наукою. Но он не *развивался* на этой неудобной для него почве, а последовательно *глохнул* и вырождался. Нет сомнения, что былины онежские не сложены олонцами крестьянами и не были сложены их предками. Они были только, по мере сил и способностей, усвоены этими предками и переданы потомкам.

Отмечу лишь один крупный факт, доказывающей, что крестьяне были только *хранителями* старины в былевой поэзии, но не развивали ее новыми сюжетами. Просматривая оглавление сборников Рыбникова и

Гильфердинга, можно убедиться в том, что все былины и исторические песни суть только наследство, полученное олонецкими сказителями от старины. Тут вы найдете былины, прикрепленные к имени и времени князя Владимира, былины, связанные с историческим прошлым Новагорода, песни исторические с именем Грозного и других московских царей. Все это «старинны, старинушки», по терминологии местных сказителей, которые говорят о лицах и событиях иногородних, не имевших прямого отношения к Онежскому краю. Онежские сказители не прикрепили ни одного богатыря к своей почве, не создали новых былевых сюжетов, они только повторяли, что слышали, что когда-то до них дошло в виде былевой песни. В громадном сборнике Гильфердинга мы найдем только одну *старинушку*, связанную с олонецкими местами. Это старинушка о Рахте Рагнозерском (№ 11), записанная только в одном пересказе (от Калинина). Здесь идет рассказ о местном, рагнозерском¹, мужике-силаче, слава о котором дошла до одного князя в Москве. Князь вызывает его из его деревни, чтобы выставить его противником одному *неверному* борцу, и Рахта сбил его в кучку, за что получил от князя право на исключительную ловлю рыбы в родном озере. Если вы внимательно прочтете эту *старину*, то увидите в ней лишь одиночную, неудачную попытку представить в форме былины местное предание о силаче. Обычный эпический склад лишь некоторыми чертами подслужился сказителю, но вообще старина и в этом отношении плохо выдержана. Про эту старину можно сказать то, что сказал Гильфердингу один сказитель, Андрей Сорокин: «Он пробовал распевать

¹ Рагнозером называются небольшое озеро и деревушка к юго-востоку от Пудожской горы, к юго-западу от Водлозера.

в виде былин сказки, которые рассказываются “словами” (т.е. прозаической речью), но это ему не удалось: видя, что дело не ладится, он бросил эту мысль¹. Также не могут и не могли слагать новых былин олонецкие крестьяне. Они сами говорили Гильфердингу, что то, что рассказывается словами, никоим образом не может быть пето стихом; когда он замечал им, что они пропустили что-нибудь или спели нескладно, то иные старались «выполнить» лучше это место, но никому в голову не приходило сгладить пропуск или нескладницу собственным измышлением. Обыкновенно же, хотя бы указана была в былине *явная* нелепица, сказитель отвечал: «Так поется», а про что раз сказано, что *так поется*, то свято; тут, значит, рассуждать нечего. Когда попадалось в былине какое-нибудь непонятное слово и Гильфердинг спрашивал объяснения, то получал его только в таком случае, когда слово принадлежало к употребительным, местным провинциализмам; если же слово не было в употреблении, то был всегда один ответ: «Так поется» или: «Так певали старики, а что значит, мы не знаем»².

Таким образом и былины про богатырей и исторические песни московского периода были произведениями заносными в Онежском крае, и такие заносы более поздних песен допетровского времени можно констатировать и в последующее время. Так, в репертуар сказителей попала и солдатская песня о прусском короле (№ 205), и петербургская трактирная песня (№ 318), и даже одно переводное с сербского стихотворение Щербины³. В некоторых случаях даже нетрудно проследить, кем и когда была занесена какая-нибудь

---

¹ Гильфердинг, столб. 372.

² Там же, стр. XXIV.

³ Гильфердинг, стр. XIX.

недавняя песня. Так, певец песни о прусском короле Иван Захаров был, как узнаем из его биографии, человек «волоakitный», т.е. разъезжавший много по разным местам России (ему случалось бывать даже на Волге) и наслушавшийся разных песен¹; сказитель «Петербургской старины» (как озаглавлена эта трактирная песня Гильфердингом², человек *грамотный*, бывалый, едущий по зимам к Белому морю для закупки сельдей, которую продает по городам. Немудрено, что в обществе бурлаков и в городских трактирах он усвоил себе это произведение кабацкой музыки.

Для упрочения текстов былин в устной традиции не было еще одного условия, которое кое-где служило к сохранению известного эпического репертуара в более архаическом виде: в Олонецкой губернии нет сказителей былин *по профессии*. Былины знают и при случае поют и мужики, и бабы, и девушки, и портные, и рыболовы, и калики, и нигде это ныне не составляет профессии, как, наприм., пение духовных стихов каликами. Последние, распевая свои стихи, снискивают себе этим пропитание, но пение былин не дает им заработка, и они только случайно попадают в их репертуар. Конечно, наших сказителей поэтому нельзя сопоставлять, наприм., с северофранцузскими труверами, кельтскими бардами и филиами или исландскими скальдами, которые на хранение преданий старины, на пение эпических сказаний смотрели как на свою профессию или ремесло, которые кормились своим искусством и поэтому упражнялись в нем, изучали его основательно. Известно, например, что так называемая младшая, или прозаичная, «Эдда», сложенная в начале XIII века

¹ Там же, столб. 941.

² «Со Щукина двора идет седая борода, тот миленький мой, приятель дорогой» и т.д.

Снорри Стурлусоном (сыном Стурлы), представляет нечто вроде учебника для *скальдов* и наряду с некоторыми отделами северного эпоса содержит учебник поэтики, метрики и даже трактаты грамматического и риторического содержания для обучения скальдов. У нас подобного обучения не было: если мы видим, что былины передаются от деда к сыну и внуку, то эта передача не школьная, не основанная на внимательном специальном изучении, а лишь механическое усвоение *при случае*, насколько хватит памяти и усердия. На такие случайные перенимания нередко встречаем указания в биографических сведениях об олонецких сказителях (переночевал прохожий, пропел былину, былина понравилась, повторил, и хозяин избы или кто-нибудь из семьи ее запомнил по возможности, а затем и сам стал повторять в присутствии других). При такой случайности в традиции, обусловленной отсутствием профессиональных певцов, можно еще удивляться, что и в современном своем виде наши былины сохранили так много старины в именах, древних бытовых чертах и во всем складе и ладе.

Если мы вспомним, что хранителями этого чудного наследства старины являются исключительно крестьяне, что высшие классы уже в XVIII в. порвали свою связь с народным эпосом и утратили к нему живой интерес, то высоко оценим услугу, оказанную олонецкими сказителями русской науке и обществу. Они сохранили свято духовное добро, которым питался и услаждался в течение многих веков русский народ до поворота части его на другую дорогу, — дорогу к европейскому просвещению, приведшую только в наше время к тому, что образованное общество снова проникается глубоким интересом к изучению духовного быта простонародья и родной поэтической старины.

Русская былина, ее слагатели и исполнители¹

Нередко случается в истории науки, что некоторые учения, считающиеся в известное время прочно установленными и вошедшие в учебники, в последующее время оказываются шаткими и подрываются критикой со всех сторон. Всего чаще такие крушения наблюдаются в области изучения отдаленного прошлого человечества. Конечно, открытие новых источников для познания истории того или другого народа всего чаще изменяет взгляды, казавшиеся раньше прочно научно обоснованными. Но нередко наше понимание прошлого изменяется и без таких открытий. Материал, на основании которого была создана известная теория, может не увеличиться количественно, не подновиться новыми открытиями, но комбинация раньше известных фактов может быть иная, сделанная под другим углом зрения, и прежняя теория неизбежно перестает удовлетворять исследователей нового поколения.

Такой случай в истории науки имеем мы в учении о русской народной былине, или, как любили выражаться исследователи 60- и 70-х годов, о русском богатырском эпосе. Мы могли еще недавно твердо и отчетливо ответить на целый ряд интереснейших вопросов: ни один хороший ученик гимназии не затруднился бы уяснить отличие народной, устной поэзии от поэзии культурной, литературно-художественной. Он сказал бы (со слов О. Миллера и А. Галахова), что народная поэзия есть произведение и общее достояние всего народа, что она возникла в период господства наивных верований и юношеской фантазии, когда народ еще не распался на

¹ Напеч. в «Русской мысли», 1895, сентябрь и октябрь.

классы и сословия, когда все принимали равное участие в подвигах, «совершаемых не замыслом и волею одного какого-либо человека, а инстинктом и силою целого народа». Отдельный человек, слагавший и певший песню, был органом, голосом всего народа; он не творил чего-либо нового, а выражал лишь то единственно, что известно было каждому. Самодеятельность его не простиралась на создание сюжета поэтического произведения. Он не вносил в песню ни личных лирических излияний, ни сатиры, не ставил себе задачей изобразить характер того или другого класса народа или поучать своих ближних. Уверенный в сочувствии своих слушателей, певец «не допускает никаких украшений и эффектов. Да они и излишни, так как народная поэзия служила и служит народу не одним только предметом эстетического удовольствия. Народ понимает ее не как особую сферу духовной деятельности, сферу искусства, которое образованный человек отличает явственно от других областей жизни – религии, гражданской деятельности, науки. Естественная поэзия касается всего народного быта: обнимает и религиозные и нравственные его интересы». Поэтому «народ видит в своей поэзии драгоценное достояние, которое в течение многих столетий одни поколения завещевали другим. Она имеет смысл священной старины, неприкосновенного предания, которое должны усваивать люди молодые с тем, чтобы в свою очередь передать его потомкам»¹.

Таковы приблизительно ответы, которые бойкий ученик гимназии, не затрудняясь, даст на предложенный вопрос об отличии устной народной поэзии от художественной личной. Конечно, его не может интересовать вопрос, каким путем, на основании изучения какого материала добыты эти научные положения,

---

¹ А. Галахов. История русск. словесности. Изд. 2-е, т. I, стр. 1–4, 1880 г.

которые для ученика составляют как бы аксиому. Но такой вопрос должен быть поставлен всяким «научным следователем», желающим дать себе отчет в том, насколько приведенные общие положения вытекают из изученных наукой фактов. Он спросит себя, знает ли наука действительно поэзию того периода какого-нибудь народа, когда этот народ не представлял никакой материальной и духовной дифференциации, когда все члены его принимали равное участие в подвигах и каждый испытывал одинаково возбужденное и одинаково направленное духовное настроение. На такой вопрос последует немедленно отрицательный ответ: окажется, что такого народа этнография, а тем менее история, не может указать, что такой народ – создание теории. Далее, окажется такую же научную фикцией поэт-певец этого предполагаемого народа, – поэт, который не творит чего-либо нового, но выражает лишь то единственно, что известно каждому, и не может создать нового сюжета. Спрашивается, на чем основано предположение, что душевная жизнь примитивного человека так резко расходилась с нашей? Мы алчем новых впечатлений, ценим то, чего раньше не слышали, первобытный же певец-поэт почему-то должен петь лишь старое, общеизвестное. Как же представить нам себе вообще появление многочисленных сюжетов? Кем они были измышлены? Коллективным творчеством массы? Но ведь и это фикция, так как человеческий опыт такого творчества никогда не наблюдал. Далее спрашивается, на чем основано положение, будто первобытный поэт-певец был настолько уверен в сочувствии слушателя, что не допускал никаких украшений и эффектов? Почему теория лишает его естественных свойств всякого художника всех времен и народов – стремления произвести впечатление, укра-

сильно по мере сил свое творение? Как же, однако, объяснить происхождение обычных украшений произведения так называемой народной поэзии – размеренной речи, эпитетов, сравнений и прочее? Тою же фикцией коллективного творчества, которое, если мы от фразы перейдем к представлению, сведется к творчеству отдельных лиц, хотя бы имя им было легион. Имеем ли мы какое-нибудь научное основание предполагать, что все эти безымянные первобытные поэты по психическим свойствам совершенно отличались от современных? Это было бы равносильно предположению, что вообще духовная жизнь примитивного человека следовала другим законам, а не тем, которым подчиняется психика современного человека. В таком случае, конечно, он навсегда останется для нас загадкой.

Наконец, теория безыскусственной народной поэзии видит различие в самом отношении примитивного народа к его поэзии от отношения к ней современного образованного человека. Мы относим творение поэта в сферу искусства. Первобытному (фиктивному) народу песня служит не одним только предметом эстетического удовольствия: естественная поэзия обнимает и религиозные, и нравственные, и умственные его интересы; ее нельзя отделить от его верований и убеждений. Здесь опять за фразами скрывается какое-то недоразумение. Ведь поэтическое произведение и нашего времени может выражать религиозные, нравственные и умственные интересы поэта и читающего его общества, но это нисколько не препятствует этому произведению удовлетворять и эстетическим интересам. Какое же основание мы имеем предполагать, что того же самого не было в первобытном народе? Пусть он теоретически не относил песню в сферу искусства, пусть в его языке даже не было слова для выражения понятия поэзии, но

все же песня, удовлетворяя его духовным (нравственным и умственным) интересам, могла нравиться ему и с эстетической стороны. В чем же здесь различие примитивного человека от современного?

Если от этого общего определения народной поэзии мы перейдем к изучению произведений устной поэзии какого-нибудь не фиктивного, а исторического народа, например к изучению русских песен, сказок, пословиц, загадок, этих «разрозненных членов обширного эпического предания»¹ то немедленно убедимся, что многое в этом определении как будто не подходит к материалу, который оно должно обнять. Да иначе и не может быть, так как определение не является выводом, сделанным из изучения нашей народной поэзии, начавшегося сравнительно недавно, а взято на веру из господствовавшей в Германии теории народного эпоса, созданного Яковом Гриммом и его последователями. Гениальный ученый, оказавши в свое время громадную услугу делу изучения народной поэзии, представлял себе просто и ясно все ступени ее развития. Предки европейских народов вынесли из общей прародины, которую во время Гримма искали в Азии, запас основных религиозных понятий, выразившихся в мифах о божествах. Божества олицетворяли стихии природы, мифы изображали похождения богов, борьбу света и тьмы, явления грозы, смену времен года и прочее. На самой ранней ступени эпос может быть назван мифологическим: героями рассказов или песен являются боги. Но в жизни народа затем наступает период борьбы упорной, продолжительной, сопровождающей его на пути его блужданий и оседания на новых местах. Поэзия почерпает содержание в этой борьбе, воспекает подвиги народных героев, становится героической. Герои идеали-

---

¹ Галахов, стр. 4.

зируются, на них переносятся свойства богов, события, действительно случившиеся, получают мифическую окраску. С принятием христианства древние боги исчезают, но следы «убегающих» богов еще долго хранятся в народных сказаниях в богатырском эпосе: древние боги преобразились в героев. При наступлении периода положительной истории, с распространением письменности и культуры, действующими героями в эпосе являются уже исторические лица: эпос достиг своей третьей ступени; но как раньше доисторические народные герои заимствовали свои краски от богов, так и теперь под историческими именами нередко скрываются прежние, прастарые мифы.

С точки зрения этой теории рассматривались сторонниками Гримма и наши былины. Русский народный эпос представляет вторую ступень развития этого рода поэзии. Наша былина есть позднейшая переработка «тех первоначальных основ эпических, в корне которых предполагается миф»¹. Чудесность и сверхъестественность, унаследованные от поры первобытных верований, во всей силе сказываются и в былине, но это не мешает *народу* величать ее этим именем². Народ сознает и выражает различие песни (в том числе и былины) и сказки пословицей: сказка – складка, песня – быль. Наша былина относится к эпосу героическому, она воспевает героев, которых называет богатырями. Сказания о них твердо приурочены к земле Русской и к ее древнейшей истории³.

Из такого определения нашей былины получалось смутное и туманное представление о ней как о богатырском эпическом сказании, созданном коллектив-

---

¹ О. Миллер у Галахова, стр. 17.

² Там же.

³ Там же, стр. 21.

ным творчеством народа в глубокой древности и дошедшем наконец до наших дней путем преемственной традиции, хранившейся в среде народа, которого предки сложили это сказание. Мы дивились народной памяти, любовались благоговейным отношением народа к наследию предков и объясняли себе это отношение так, что для него древняя богатырская былина служила не одним только предметом эстетического удовольствия, но что он видел в ней «драгоценное достояние, которое в течение многих столетий одни поколения завещали другим». Некоторым сентиментальным народолюбцам эта верность народа старине и преданию служила темой для противопоставления народа культурным слоям общества, пренебрегшим, со времени поворота к Западу, этим наследием предков. Пораженные обилием и высоким интересом наших былин, исследователи первого поколения (Безсонов, Буслаев, О. Миллер, Квашнин-Самарин) не находили слов для возвеличения этого наследия предков, открывая в нем таинственный смысл (Безсонов), следы древней русской мифологии (О. Миллер) и изумляясь перед чудом народного творчества и памяти, донесшей до нас, хотя бы и в измененном виде, сказания чуть ли не эпохи князя Владимира святого. Когда миновал период «лиризма», который обыкновенно сопровождает в истории науки какие-нибудь важные открытия, когда началось более спокойное, трезвое изучение наших былин при помощи историко-сравнительного метода, наш эпос стал выступать в надлежащем освещении, и священное наследие предков при этом не осталось внакладе. Лишившись своей таинственной чудесности, наш эпос в глазах историка литературы получил высокий научный интерес, но не в том, в чем его видели первые исследователи, увлеченные теорией Гримма. В наше вре-

мя едва ли кто-нибудь из исследователей былин верит в мифологическую их основу или в полную самостоятельность народа в создании их сюжетов, которую так энергично отстаивал покойный О. Миллер от всяких покушений «теории заимствования». Но зато детальные исследования содержания нашего эпоса подняли целый ряд интереснейших историко-литературных вопросов, имеющих не только домашнее, но и европейское значение, например, как относится эпос к положительной истории, как усваивает и перерабатывает народ бродячие сюжеты, какое отношение между сказочными фабулами и историческими именами нашего эпоса, какое влияние оказала «книга» на народные сказания, в какой культурно-исторической связи находится наш эпос с европейским средневековым фольклором, кто были слагатели былин и какова среда, в которой они распространялись, и т.под.

Не имея в виду в настоящей статье рассмотреть все эти вопросы, я ограничусь только немногими, находящимися в связи с вышеприведенным определением нашей былины, сделанным О. Миллером. Начну, впрочем, с вопроса наименее важного, с названия *былины*, только потому, что в объяснении этого названия существует фактическая ошибка, переходящая, по традиции, из одного учебника в другой.

О. Миллер, как мы выше видели, говорит, что народ свои богатырские песенные сказания величает *былинами*. Здесь покойный профессор повторяет только общепринятое мнение, которое никогда не было доказано и «завелось» в литературе как бы *tacito consensu*¹. Если мы наведем справки об истории этого термина, то увидим, что он не народного, а литературного происхождения. Ученые начала столетия не знали, не слыша-

---

¹ По молчаливому согласию (*лат.*).

ли, что богатырские песни народ называет былинами. Издавая сборник былин Кирши Данилова, Калайдович вслед за первым издателем (Якубовичем) называет их: *Древние российские стихотворения* (1818 г.), и в предисловии, говоря об отдельных номерах, употребляет термины: *стихотворение, песня, статья, сказка*, ни разу не обронив слова *былина*. Древними стихотворениями называет былины С. Н. Глинка, сделавшей в своем «Русском вестнике» (1808 г.) посильную, хотя совершенно несостоятельную, оценку сборника Кирши Данилова в издании Якубовича. Названия *былина* не знает и не употребляет К. Аксаков в своих статьях о русском эпосе, относящихся к 50-м годам¹. Хомяков в предисловии к русским народным песням Киреевского, напечатанным в «Московском сборнике»², говоря о былинах про Илью Муромца и про Василия Казимировича, называет их просто сказками о богатырях. Даже Ф. И. Буслаев, впоследствии освоившийся с термином *былина*, не употреблял этого слова в 1861 году, в примечаниях к изданным им в *Исторической хрестоматии* былинам из сборника Кирши Данилова. С другой стороны, мы имеем несколько показаний лиц, записывавших былины в Олонецкой губернии, этом очаге нашей эпической традиции, что так называемые *сказители*, знатоки былин, называют их не былинами, а «старинами», «старинками», «старинушками», не различая исторических песен от былин в нашем смысле этого термина. На это указывали Рыбников, Гильфердинг, Барсов, и последний даже настаивает на изгнании этого названия в приложении к богатырским

¹ *Богатыри времен князя Владимира по русским песням в Русской беседе* 1856 г., т. IV; *О различии между сказками и песнями русскими в Москов. ведом.* 1852 г., № 153; *Заметка о значении Ильи Муромца*, напечат. в 1-м вып. песен, собранных П. В. Киреевским, 1860 г.

² Том I, 1852 года, стр. 326, 328.

песням. «В наше время, – говорит он, – имя *былины* искусственно придано богатырским песням, которые в Олонецкой губернии отнюдь не называются былинами. Обычное народное их название – *старина* или *старинка*»¹. Но употребление названия *былина* не оправдывается и старинным древнерусским значением этого слова. В древних переводных памятниках оно вовсе не встречается. В *Слове о полку Игореве* былина является в значении исторического события, деяния, в противоположность «старым словесам», поэтическим вымыслам «замышления Баянова»². Современное *искусственное* название наших богатырских песен былинами подало повод г. Прозоровскому (на что указал г. Барсов) толковать выражение «Слова» *по былинам* в том смысле, будто «Слово» написано в форме богатырских былин. Спрашивается, однако, если народ не знает термина *былина* в нашем употреблении, откуда же он взялся в научной литературе, кто первый пустил его в оборот? Думаю, что единственный источник для этого термина – *Слово о полку Игореве*, которого выражение *по былинам сего времени*, неверно истолкованное, послужило для обогащения научной терминологии по части народной песни. Почерпнув отсюда это слово, известный народоловец 30-х и 40-х годов И. Сахаров, любивший придавать пышные этикетки своим не всегда доброкачественным литературным продуктам, издавая богатырские песни по весьма подозрительной рукописи тульского купца Бельского (а в сущности, по сборнику Кирши Данилова), первый прикрепил к этому отделу своих *Сказаний русского народа* торжественное заглавие *Былины русских людей*. Вот, если не ошиба-

---

¹ *Слово о полку Игореве как художественный памятник киевской дружинной Руси*, т. III, лексикология «Слова», стр. 62.

² См. там же.

емя, первичный источник и, как оказывается, весьма мутный, откуда в научную литературу проник термин *былины*, а затем как-то само собою, просто от частого повторения, укоренилось убеждение, что свою богатырскую песню называет *былиною* сам народ. Что же, однако, теперь делать ввиду того, что название, хотя и неверное, вполне укоренилось в нашей литературе и науке? Нужно ли вместе с Е. В. Барсовым настаивать на его изгнании? Едва ли. Удачно или неудачно название *былина*, оно приобрело за последние десятилетия право гражданства, установилось за эпическими песнями так называемого киевского и новгородского цикла и может с удобством быть употребляемо для различения их от песен исторических. Нужно только помнить, что это название в применении к этим песням придумано не самим народом, а пущено в оборот собирателями и исследователями русского эпоса. Поэтому совершенно неосновательно повторять, что народ назвал свои старинные эпические песни *былинами* (от слова *быль*), сознавая их отличие от сказки-складки. Этим я, однако, не хочу сказать, чтобы народ не верил в возможность фактов, рассказываемых *былинами*. Гильфердинг и другие исследователи нашли еще много наивной веры в олонецких сказителях и их слушателях. Но не следует приписывать народу такую терминологию, которой у него нет: олонецкое население прилагает название *старинка* не только к былине в нашем смысле, но и к исторической песне о Петре Великом и к какой-нибудь песне-сказке, вроде старины «о птицах» или «о большом быке».

Перехожу к другому вопросу, имеющему более важное значение для установления взгляда на наши *былины*. Наш эпос обыкновенно называют героическим или богатырским, так как он воспекает подвиги

богатырей. Действительно, если мы припомним былины о подвигах Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, то найдем это название соответствующим содержанию этих былин. Но при подробном просмотре всего нашего былинного репертуара, обнимающего от 35–40 сюжетов, мы убедимся, что злоупотребляем термином *богатырский эпос* лишь по привычке. По характеру содержания в нашем былинном репертуаре намечаются два крупных отдела: а) былины *богатырского* характера, в которых изображаются подвиги богатырей, их битвы с татарами и разными чудищами – Змеем Горыничем, Тугарином, Идолищем и т.п.; б) былины невоинского характера, напоминающие иногда новеллы, иногда фэблио, – такие, которых сюжетом служат события городской жизни, например, случаи непомерной роскоши и богатства, распри городских фамилий, любовные приключения, похищения невест и т.п. Конечно, есть былины смешанного содержания, которые можно отнести и к той и к другой рубрике, но подчинить строгой регламентации человеческое творчество нельзя, и с нас достаточно и того, что вообще обе названные рубрики намечаются довольно прочно в нашем былинном инвентаре. К первому, *богатырскому*, отделу могут быть отнесены былины об Илье Муромце, некоторые о Добрыне и об Алеше Поповиче, о Василии Казимировиче, Даниле Игнатьевиче с сыном, Михаиле Казаряnine, Сухмане, Суровце, Василии Пьянице, Батыге и былина о походе Вольги на Индейское царство. К отделу *былин-новелл* принадлежат былины о многих других эпических лицах: Садке, Василии Буслаеве, Добрыне и Марине, Добрыне и Алеше, Ставре Годиновиче, Иване Гостином сыне, Соловье Будимировиче, Дюке Степановиче, Чуриле Пленковиче, Хотене Блудовиче, Михаиле По-

токе, Микуле Селяниновиче, госте Терентьище. Колебаться при отнесении былин в тот или другой отдел возможно относительно таких сюжетов, где дело идет о добывании женщин, сопровождающемся боем, таковы былины: Дунай Иванович, Иван Годинович, бой Добрыни с *поленицей* и его женитьба на ней. Наконец, в былинах и побывальщинах, прикрепленных к имени Святогора-Самсона, сквозят черты то апокрифов (смерть Святогора за похвальбу, Святогор и гроб), то сказок о судьбе (женитьба Святогора) и о неверных женах (Илья и жена Святогора).

Таким образом, второй отдел по числу сюжетов и действующих лиц нисколько не уступает первому, *богатырскому*. Былины, сложившиеся в пределах новгородского культурного района, – а таких былин гораздо больше, чем предполагалось раньше, – принадлежат главным образом к *небогатырскому* отделу. Даже самое название «богатырь» не было известно новгородскому эпосу, как я указал в *Экскурсах*¹, и вошло в репертуар олонецких сказителей из былин богатырских киевско-суздальских. В применении к нашим былинам не следует поэтому злоупотреблять названием «богатырский эпос» и не следует забывать, что сам народ далеко не всех «героев» былин причисляет к богатырям и называет этим именем. Между тем применение термина «богатырский» в связи с представлениями, навеянными теорией Якова Гримма, придавало нашему эпосу какой-то архаический колорит, который далеко не подходит к большинству наших былин. Представлялось, будто былины – наследие того отдаленного периода, когда «все принимали равное участие в подвигах, совершаемых не замыслом и волею одного какого-либо человека, а инстинктом и силою целого

¹ *Экскурсы в области русского народного эпоса*. М., 1892 г., стр. 223.

народа». Отстаивая древнейшие мифические основы нашего эпоса, повторяя туманные фразы о принадлежности его всему народу, исследователи 60-х и 70-х годов либо вовсе не ставили вопроса о том, кто были слагатели дошедших до нас былин, либо отвечали на него неопределенными соображениями о всенародном творчестве, которые ничего не объясняют. Вообще во взглядах исследователей этого периода замечается идеализация прошлого: русскому народу отдаленных времен мысленно приписывались далеко не те свойства, которые мы наблюдаем у современного. Казалось вероятным и правдоподобным то, что русский крестьянин в прежние века мог создать богатырскую песнь, воспевавшую подвиги национальных героев. А между тем, как удивлены были бы те же исследователи, если б современный крестьянин, не научившийся грамоте, откликнулся эпической песнью на подвиги какого-нибудь современного русского полководца! Такое же преувеличенное понятие существует о памятности народа. Житейский опыт показывает, что в неграмотной народной среде события, случившиеся лет сто или полтораста тому назад, спутываются и основательно забываются. А между тем в деле сохранения былин народной памяти приписываются чудеса: считается правдоподобными что олонецкие крестьяне нашего времени сохраняют в былинах наследие, переданное им длинным рядом поколений их предков, некогда сложивших эти песни. Над вопросом, как могло прийти до нас столько отдаленной старины в былинах (а она действительно в них оказывается), как-то мало задумывались. Вспомним, что состояние традиции в Олонецкой губернии не таково, чтобы могло гарантировать сохранность старинной песни. Я уже упоминал в предыдущем очерке, что в Олонецкой губернии нет

сказителей по профессии, нет сколько-нибудь организованного обучения былинам и что они усвоятся при случае олонцеками крестьянами друг от друга. Очевидно, такая случайная передача былин от поколения к поколению, если б она всегда была только такова, не могла бы донести до нас старинного былевого репертуара не только отдаленных времен, но даже XVI или XVII века. Поэтому, совершенно естественно, мы приходим к мысли, что у нас, на Руси, как у большинства народов, имеющих эпические сказания, были профессиональные их хранители, обрабатывавшие их, исполнявшие их в народе и передававшие их в своей среде новым поколениям профессиональных певцов. Они разносили свои былевые песни (как и многие другие) в народе, содействуя таким образом распространению интереса к эпической истории Руси. Записанные в наше время былины не что иное, как разошедшийся в народе былевой репертуар старинных профессиональных певцов, какое бы название они ни носили. Для уяснения этой мысли следует прежде всего рассмотреть техническую сторону былины – ее план, составные части, характер изложения, – словом, уяснить тип того рода произведений, которым усвоено это имя. Это рассмотрение, к которому мы переходим, должно показать, в какой среде установился тип современной былины и что внесли в нее олонцекие сказители, переняв ее от профессиональных певцов.

* * *

Понятие «безыскусственной», которое обыкновенно прилагается к народной поэзии, вообще должно быть значительно ограничено по отношению к нашим былинам. Конечно, в них почти не проявляется

личность слагателя, но он наследует известные искусственные приемы, и эти приемы можно наблюдать как в планах былин, так и в традиционных частностях их построены. На участие профессиональных петарей указывают традиционные прибаутки, которые мы нередко находим либо перед началом, либо после конца былины. Вот, наприм., как начинается одна былина о Добрыне и Алеше (*Гильфердинг*, № 228):

Из-под белыя березы кудреватя,
Из-под чудна креста Леванидова,
Из-под святых мощей из-под Борисовых,
Из-под белого латыря-каменя,
Тут повышла, повышла-повыбежала,
Выбегала-вылегала матка-Волга река,
Широка матка-Волга под Казань прошла,
Пошире того она под Вастракань.
Она много матка-Волга в себе рек побрала,
Побольше того она ручьёв пожрала,
Давала плеса она Далинские,
А горы-долы Сорочинские,
А место-то шла она три тысячи,
А выпала Волга в море Чёрное (sic!),
Да устьёв пустила ровно семьдесят,
Широк перевоз да под Нёвым-градом.
Да все это, братцы, не сказочка,
А все это, братцы, прибауточка.
Теперь-то Добрынюшки *зачин* пошел.
Во стольнём-то городи во Киеве *и т.д.*

Разберем это зачало. Из самых слов сказителя (Воинова) мы видим, что здесь различаются две части: *прибаутка* и собственный *зачин* былины. Прибаутка не имеет ближайшего отношения к *содержанию*

былины. Это, так сказать, прелюдия, которая должна сосредоточить внимание слушателей, настроить его известным образом. Так пианист пробегает по клавишам рояли, гуслиар по струнам гуслей раньше, чем приступить к пьесе. В прибаутке намечается в широких размахах картина природы – в данном случае великое течение Волги. Конечно, этот искусственный *артистический* прием должен был выработаться не в кругу случайных сказителей, а в кружке артистов, петарей по профессии, какими могли быть скоморохи и какими до сих пор могут быть названы олонецкие и всякие другие русские калики. Действительно, прибаутка артистов, занесенная в простонародную среду, должна была пострадать в частности: так, олонецкий крестьянин мог пустить Волгу в Черное море, чего не мог сделать скоморох, человек бывалый, и тот же олонецкий сказитель мог некстати приплести детали из других прелюдий – крест Леванидов и латырь-камень. Чтоб убедиться в том, что начальная прибаутка вышла из репертуара калик, посмотрим биографию Воинова: из нее мы узнаем¹, что он перенял былины от Павла Сивцева (старика Поромского), а последний имел своими учителями преимущественно двух слепых петарей². Иногда сказитель старается искусственным образом связать прибаутку с *зачином* былины, но здесь всегда видна натяжка и отступление от предания. Так, сказитель Прохоров, заставив Волгу течь в море Турецкое, пустил по ней 33 корабля и в одном из них Соловья Будимировича³, отступив здесь от другого традиционного зачина былин о Соловье («Из-за острова Кодольского» и прочее). Но, сделав из прибаутки *зачин*, тот

¹ Гильфердинг, столб. 1080.

² Там же, столб. 1045.

³ Гильфердинг, № 53.

же Прохоров прибавил другую прибаутку, юмористическую, местного, олонецкого изделия:

А мхи были болота в поморской стороны,
А гольная щелья в Бели-озери,
А тая эта зябель в подсиверной страны,
А с... сарафаны по Моши по реки,
Да рострубисты станóвицы в Кáргополи...

– прибаутку, очерчивающую местную природу и подтрунивающую над бабами.

Прибаутки шуточные, в том же роде, могут осложняться и развиваться далее и из начала переходить к концу былины. Приведу одну из них, любопытную в частности, так как она показывает весьма широкий географически-жизненный кругозор слагателя. Она заключает былинку о нашествии Батыги, записанную от Фепонова¹.

Ай чистыи поля ко Опскову,
А широки раздольица ко Киеву,
А высокия-ты горы Сорочинския,
А церковно-то строенье в каменнóй Москвы,
Колокольнóй-от звон да в Нове-городе,
Ай тóртыи калачики Валдайские,
Ай щепливы щеголивы в Ярослáви городи,
Дешёвы поцелуи в Белозёрской стороне,
А и сладки напитки во Питери,
А мхи-ты болота ко синю морю,
А щельё-каменьё ко сиверику,
А ширóки подолы Пудожаночки,
Ай дублёны сарафаны по Онéги по реки,
Толстобрюхия бабенки Лёмшозёрочки.

---

¹ Гильфердинг, № 60.

Ай пучеглазыя бабенки Пошозёрочки.
А Дунай Дунай Дунай,
Да боле петь вперед не знай¹.

Здесь опять находим указание на каличье происхождение прибаутки: по замечанию сказителя, эти стихи – «*небылица*, которую старый *калика* Мещанинов, учитель Фепонова, певал после этой *былины*»². Участие пришлых, бродячих певцов, поющих по профессии, видно и в других прибаутках, содержащих обращение к хозяину или слушателям, например:

Благословляй-ко, хозяин
Благословляй, господин,
Старину сказать стародавнюю
Про молода Чурила сына Пленковича»³.

Или в более шутовском роде:

Нашему хозяину честь бы была,
Нам бы, ребятам, ведро пива было
Сам бы испил, да и нам бы поднёс.
Мы, малы ребята, станем сказывать,
А вы, старички, вы послушайте,
Что про матушку про широко про Волгу-реку.
Широка река под Казань подошла,
А пошире подале под Астрахань,
Велик перевоз под Новым-Городом.

Эта вступительная прибаутка былины об Иване Гостином сыне, записанной в Валдайском уезде, Нов-

---

¹ Ср. подобное же у Гильф., № 18 (от крестьянки Фоминой).

² Гильфердин, стол. 325, примеч.

³ Былина записана в Сибири, см. Киреевск. IV, стр. 87.

городской губернии, живо вызывает в нашем воображении веселых ребят – скоморохов, которые, как известно, сильно зашибали зеленым вином.

Между другими вступительными прибаутками отметим еще некоторые, встречаемые в былинах, записанных в Симбирской губернии:

Кто бы нам сказал про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?¹

или:

Ой вы люди мои, люди добрые,
Люди добрые, шабры (соседи) ближние!
Вы скажите мне про старое...²

или:

Нам не жалко пива пьяного,
Нам не жалко зелена вина,
Только жалко смиренной беседашки,
Во беседе сидят люди добрые,
Говорить они речи хорошия,
Про старое про бывалое,
Про старого козачка Илью Муромца³.

Очевидно, что в данном случае мы имеем *местную* вступительную прибаутку: ни в одной из олонецких былин обоих сборников – Рыбникова и Гильфердинга – она не встречается. В заключение упомяну

---

¹ Киреевский, I, стр. 1.

² Там же, стр. 4.

³ Киреевский, I, стр. 19. Ср. 20, 31.

еще поэтическую припевку, встречающуюся однажды в сборнике Кирши Данилова, в начале былины о Соловье Будимировиче. Я не поручусь, чтоб она не была несколько подправлена:

Высота ли – высота поднебесная;
Глубина – глубина океан-море;
Широко раздолье – по всей земли;
Глубоки омуты Днепровские¹.

Я нахожу довольно правдоподобным мнение, высказанное об этом запеве г. Халанским: «Этот запев, привлекавший внимание исследователей силою поэтического взмаха, едва ли, однако, принадлежит простому безыскусственному народному творчеству. Он напоминает приемы московских витий, любивших приукрашать начала своих сочинений “грамматичными художествами и риторскою силою”. Вот, например, как патриарх Иов начинает свою историю о Федоре Ивановиче: “Небеси убо величества и высота недостижна и неописуема, земли же широта неосязима и неисследима, морю же глубина неизмерима и неиспытума, святых же и крестоносных преславнейших российских царей и великих князей многая добродетелем исправления неизсчетна и недоумеваема...” Не знаем, насколько авторы были здесь самостоятельны и насколько повторяли общие места современной книжной словесности (последнее вероятнее), но близкое сходство их с запевом былины о Соловье Будимирович склоняет мысль к предположению о возможности книжного происхождения последнего. К тому же запев варианта Кирши стоит особняком; прочие варианты начинаются

---

¹ Кирша Дан.: «Др. росс. стихотворения», № 1.

без обращения к ширине земной, высоте поднебесной и омутам Днепровским»¹.

Мы видели, что прибаутка иногда забирается и в конец былины. Но гораздо чаще исход имеет свои специальные заключительные стихи, в которых сказитель выдерживает до конца серьезный тон и как бы оттеняет значение былины. Всего чаще в олонецких былинах встречается исход:

Синему морю на тишину,
Всем добрым людям на послушанье².

В этом исходе, не встречающемся в былинах, записанных в других местах России³, я склонен видеть наследие, полученное от таких людей, которые знали море, морские промыслы и для которых тишина моря имела важное значение. Олонецкие и архангельские крестьяне, имея много дела с водою, хорошо знают ветры, имеют для них специальные названия и прибегают к заклинаниям их, когда они необходимы для плаванья или, напротив, препятствуют ему. Понятно, что в такой среде и могло сложиться эпическое былинное пожелание. Вспомним отношение новгородского гусляра Садка к морю и морскому царю.

Нередко встречаются также заключительные стихи, как бы указывающие на древнее сложение былины:

---

¹ Халанский. Великорусс. былины. Стр. 147–148. Ср. также начало жития преподобного Стефана Комельского: «Земли убо широта и моря глубина и святых чудеса не изочтена суть». Памятн. древней письменности. 1892, LXXXV, стр. 17.

² См. Гильфердинг, № 5, 7 (Калинина), 40, 41 (Прохорова), 148, 149, 150, 151, 162, 163 (Чукова-Бутылки), 157, 158 (Касьянова); Рыбников, II, стр. 113; III, 13, 15, 33, 69, 96 (Бутылки).

³ Подобный, но не тождественный исход в былинке о Дюке у Кирши Данилова, № III.

С той поры, с того времени,
Стали (такого-то богатыря) стариной сказать¹.

Эти стихи обычно заканчивают былины Воинова, восходящие, как мы знаем, к репертуару слепого петаря (калики?). Равносилен этому конечному припеву другой, содержащий видоизменение той же мысли, например:

Только той Солóвнику славы поют,
А Ильина-то слава не минуется,
Отныне-то век пó веку поют его, Ильюшенку².

Этот припев обобщился так, что «славу поют не только Илье, но вообще каждому эпическому лицу, даже едва ли достойному славы, как Чуриле³, Соловью-разбойнику⁴, сыну Илье, разорванному отцом на́полы за коварство⁵, Маринке еретнице⁶, так что «слава» указывает только на конец *былины*. Например:

А тут той старинке и славу поют,
А по тых мест старинка и покончилась⁷.

Заключительный припев –

А Дунай, Дунай, да боле век не знай,

---

¹ См. Гильфердинг, № 228, 229, 230, 231 (Воинова).

² Там же, № 46.

³ Там же, № 67.

⁴ Там же, № 171.

⁵ Там же, № 77.

⁶ Там же, № 78.

⁷ Там же, № 75. Ср. № 79.

– любимый некоторыми сказителями (наприм., Сорокиным¹, Швецовым²), носит скоморошеский характер и встречается, как известно, не в одних былинах, но во многих лирических песнях. Он не подходит к складу былин и забрался в них, вероятно, из скоморошьих шутивных небылиц, вроде песни о большом быке, довольно распространенной в репертуаре олонецких сказителей (см. этот припев в № 297 у Гильфердинга в конце этой «старины»).

После запева, серьезного или прибауточного, идет то, что сказители называют *зачином* былины, к ближайшему рассмотрению которого мы теперь переходим.

Подобно тому как в наших сказках рассказчик начинает с указания местности, конечно, совершенно неопределенного, – в некотором царстве, в некотором государстве, – так любимым, наиболее распространенным *зачином* былин является географическое указание. Так как уже весьма рано кн. Владимир притянул к своему двору княженецкому и палатам белокаменным русских могучих богатырей, то в былинах так называемого киевского цикла обычный зачин, ставший затем традиционным, был:

Как во славном во городе во Киеве,
У ласкового князя у Владимира³.

Такой зачин всего чаще встречается в былинах о Добрыне и Змее, Добрыне и Алеше, Добрыне и Марине, Дунае, Хотене Блудовиче. Потыке, Ставре, Иване Гостином, Чуриле, иногда Вольге, реже Илье и Идо-

---

¹ Там же, № 69, 71, 72.

² Там же, № 306, 308, 309. Ср. также: Рыбников, II, стр. 33, 44, 103, 184.

³ Наприм., Гильфердинг, № 26, 55, 57, 59, 63, 65, 123, 124, 125, 126, 135, 150, 151, 163, 181, 186, 205, 214 и т.д.

лище, Алеше и Тугарине и др. За указанием Киева часто следует традиционное изображение *пированьица*, *почестнаго стола* у князя Владимира¹, причем князь дает какое-нибудь поручение богатырям либо они сами на пиру хвастаются кто чем может, и это служит завязкой для сюжета. Этот издавна установившийся зачин должен был чрезвычайно облегчить работу слагателя былины и послужить к введению в *киевский* цикл многих сюжетов, которые не были прежде связаны с Владимиром и принадлежали либо к местным русским сказаниям, либо к обширной категории странствующих, международных сказочных сюжетов. Влияние этого зачина сказывается и в том, что некоторые сюжеты, имевшие свой особый зачин, принимали в устах сказителей зачин с князем Владимиром, так что в вариантах одной и той же былины мы находим разные зачины. При аналогии, которая сильнейшим уравнивающим образом проявляется в памятниках устной поэзии и служит самым могучим рычагом для памяти, немудрено, что удобный для запоминания зачин обобщается и делает постоянные завоевания в развитии былевого эпоса: в параллель с Киевом в новгородских нередко встречаем зачин:

Как во славном в Новгороде²,

причем, аналогично с пиром у Владимира, находим описание пира, например, у Васьки Буслаева³, хотя в большинстве былин об этом новгородском удалыце

¹ Наприм., *Гильфердинг*, № 6, 7, 16, 19, 21, 40, 47, 76, 81, 84, 122, 180, 188, 164, 109, 169, 198 и др.

² Гильф., 70 (Садко), № 141 (Васька Буслаев), 146 (Садко). Сравни. Рыбн., т. I, стр. 359, 370; т. III, стр. 242. Киреев., т. V, стр. 14, 23.

³ Гильф., № 54 (Рыбн., т. I, стр. 57), № 259.

зачин иной, поминающий его отца, старика Буслаева. Влияние стереотипного пира Владимира слышится еще в московских исторических песнях об Иване Грозном, так как они нередко начинаются изображением пира у Грозного царя¹, а *географический* зачин с указанием города является нередко в былинах об Илье, когда этот богатырь был прикреплен к Муромской области, например:

Во славном было городе во Муроме,
Во большим селе Корочарове и т.д.².

Из других распространенных в былинах *зачинов*, содержащих указание места действия, можно отметить:

1) Указание места выезда богатыря, если богатырь приезжий человек в Киеве. Таков, например, обычный зачин былин о Дюке Степановиче и Соловье Будимировиче:

Из Волынца города из Галича...

или:

С той ли славныя Индии со богатыя³,

хотя иногда и в этих былинах о Дюке зачином является пир Владимира, и слушатель уже позже узнает, откуда приехал Дюк⁴.

2) В былинах о нашествии на Киев Батыги встречается, по-видимому, очень древняя любопытная кар-

---

¹ См. Гильф., № 142, 183, 201.

² Киреев, т. I, стр. 25, 41, 77.

³ Гильф., № 213, 85, 115, 152, 159, 218, 225, 230, 279; Киреев., т. Ш, стр. 101.

⁴ Наприм., Гильф., № 128, 180.

тина – стадо туриц, идущих мимо Киева. *Зачином* служат следующие стихи:

Спод той ли спод березы кудреватая,
Спод того ли спод креста Леванидова,
Выходило четыре тура златорогих *и т.д.*¹.

Конечно, и этот зачин, принадлежавший первоначально одному определенному сюжету, обобщился и перенесен на другие сюжеты либо целиком, либо (что чаще) отдельными стихами (например, в былине об Илье и Идолище²), с которым в данном случае смешивается Батыга.

3) В былинах об Илье, там, где он представлен во главе дружины богатырей, зачин упоминает заставу богатырскую («на славной на заставе»), причем последняя помещается то между Киевом и Черниговом³, то под Киевом, на степях цитарских⁴, то называется московской.

4) В некоторых былинах зачинным указанием места служит какая-то *дорога латинская*⁵, по которой бредет калика перехожая или где стоит застава богатырская.

5) Наконец, самые неопределенные географические указания находим в довольно популярных зачинах, вроде:

Ой далече, далече во чистом поле⁶,

---

¹ Гильф., № 41. Срав. № 116, 268, 18, 60.

² Гильф., № 22; ср. № 101.

³ Киреев., т. I, стр. 52.

⁴ Киреев., т. 1, стр. 46.

⁵ Наприм., Гильф., № 245, 250, 265.

⁶ Наприм., Киреев., т. II, стр. 2, 3, 9, 17, 80.

или:

Из-за моря моря синего¹,

или:

Из-за гор-то, гор высоких,
Из-за лесушков дремучих².

Сравнительно крайне редко былина открывается указанием *времени*, иногда рядом с указанием места; таков зачин:

В старину было в стародавнюю,
Когда князь Владимир венец держал³,

или:

В старые веки, прежние,
Не в нынешние времена, последние⁴.

Оба приведенных зачина не внушают доверия: первый принадлежит одной былине об Илье Муромце с почти разрушенным стихом и приближающейся к сказке, второй – былине о Суровце, перепечатанной Безсоновым из Новиковского песенника (1780 г.), так что за «неподправленность» нельзя поручиться.

В предыдущем я сделал обзор былинных *зачинов* наиболее шаблонных, содержащих указание места, как бы неопределенно оно ни было. Наряду с подобными

---

¹ Киреев., т. IV, 38.

² Гильф., № 114.

³ Киреев, т. IV, стр. 1.

⁴ Там же, т. III, стр. 110.

зачинами, хотя в меньшей степени, распространены зачины, не составляющие, впрочем, чего-нибудь типического для былин, но встречающиеся и в других песенных народных произведениях. Я имею в виду *зачины*, представляющие либо отрицательный параллелизм между явлениями природы и мира людей, либо одновременность. Приведу несколько примеров сначала отрицательного параллелизма.

Не заюшко в чистом поле выскакивал,
Не горностаюшка выплясывал,
Выезжал там доброй мóлодец
Михаило Пóтык сын Иванович¹,

или:

Не беленькой кр́ечеток выпархивал,
Не ясен соколичок вылетывал,
Выезжал удал дородный добрый молодец,
По прозванию Чурилушко сын Плёнкович²,

или:

Ай не волна ли как на мори расходилоси,
Ай не сине море всколыбалоси,
Ай взволновался да ведь Калин-царь³.

Примером одновременности может служить:

Когда возсияло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,

---

¹ Гильф., № 39.

² Гильф., № 242.

³ Гильф., № 69.

Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославович¹.

Любопытно, что этот зачин, кажется, довольно позднего происхождения, усвоен многим песням про Ивана Грозного:

Ай когда жде возсияло солнце красное,
А на том было на нёбушке на ясном,
Как в ты пору теперичку
Воцарился наш прегрозный царь,
Наш прегрозный сударь царь Иван Васильевич².

Не имея в виду исчерпать наблюдение над былинными зачинами, я укажу только на значение, которое они имеют для критики былин и, быть может, для их хронологии и истории сложения. Известный зачин мог принадлежать вначале одной былине, или группе былин, об одном богатыре. Затем, как мы видели, тот же зачин мог быть усвоен другим былинам, как удобный исходный пункт для слагателя, имевшего в виду обделать в виде былины какой-нибудь новый сюжет. Ведь в настоящее время уже указано немало чисто сказочных сюжетов, прикрепившихся к имени того или другого богатыря. Если мы вспомним при этом, что с известным зачином был связан известный *напев* и что напев запоминается скорее слов и помнится тверже, то поймем, какое значение получают зачины при сложении «новых погудок на старый лад».

Говоря о *зачинах*, нельзя не упомянуть и о том, что во множестве записанных и изданных былин мы не находим перечисленных зачинов или им подобных. По

---

¹ Гильф., № 156, 195; ср. № 15 и 91.

² Гильф., № 13; срав. № 25, 129, 153 (= Рыбн., т. I, стр. 65), 209.

моим наблюдениям, такие былины либо вообще плохи, т.е. записаны от плохих сказителей, либо представляют отдельное похождение какого-нибудь богатыря¹, известного несколькими подвигами, так что составляют как бы часть, отторгнутую от целого.

Помимо нескольких стереотипных зачинов слагатель новой былины имеет перед собою целую массу старых эпических материалов, годных для новой постройки. Я говорю о давно установившихся описаниях, представляющих ряд передвижных картинок, которые могут быть расходуемы по мере надобности при каждом подходящем случае. Поясню это примерами.

Если богатырь, по требованиям сюжета, выезжает из родительского дома, то обязательно просит благословения у родителей, чаще у матушки, в таких словах:

Ты родитель, моя матушка,
Дай прощеньице с благословеньицем
Ехать мне к...
(такому-то городу),

Затем:

Он добра коня заседлывает,
На коня накладает потничек,
Потничек-то он кладет шелковенький,
А на потничек – подпотничек,
На (под)потничек седельшко черкасское,
Черкасское седельшко недержано,
Подтягивал двенадцать ту их подпругов,
Тринадцатый для-ради крепости,
Чтобы в чистом поле конь с под седла не выскочил,
Добра молодца в поле не выронил;

---

¹ См., наприм., былины о трех поездках Ильи Муромца: Гильф., № 221, 266, 271.

А стремяночки подкладывал булатные,
Пряжечки-то красна золота, –
Да не для красы угожества,
Ради крепости все богатырской:
Шелковы подпруги тянутся – не рвутся,
Да булат железо гнется – не ломается,
Пряжечки-то красна золота,
Оне мокнут да не ржавеют,
И садится (богатырь) на добра коня,
Видели добра молодца сядучи,
Да не видели удалого поедучи *и т.д.*

Для скачки богатыря давно усвоена такая картинка:

Скакал он выше лесу стоячаго,
Чуть пониже облака ходячаго,
С горы на гору перескакивал,
Реки-озера перескакивал,
Широки раздолья (мелки реки) промеж ног пушал
и т.п.

Чтоб изобразить ловкость и удаль молодца на коне в чистом поле, можно взять следующую обычную картинку:

А кидает он палицу булатную,
Под облако, под ходячее,
Одной рукой палицу подхватывает,
Как пером лебединым поигрывает.

Если богатырю приходится стрелять, то:

Вынимал он из налучна тугой лук,
Из колчана вынимал калену стрелу,
И берет он тугой лук в руку левую,

Калену стрелу во правую,
Накладывает стрелочку каленую,
На тетивочку шелковую,
Натянул он тугой лук за́ ухо,
Калену стрелу семи четвертей:
Заскрипели полосы булатныя,
И завыли рога у туга лука,
Спела тетивочка шелковая,
Полетела стрелочка каленая *и т.д.*

Если богатырь приезжает к какому-нибудь лицу на широкий двор, тогда он:

Привязывает добра коня
У того ли столба у точенаго,
У того кольца золоченаго,
Заходит в палаты белокаменны,
Крест кладет да по-писаному,
Поклон ведет да по-ученому,
Бьет челом да покланяется
На все четыре на стороны
(Такому-то) во особицу.

Если его видят впервые, то ему предлагают обычные вопросы:

Ты откудава, удалый добрый молодец,
Ты коей земли, коей орды,
Коего отца-матери,
Как тебя по имени зовут,
Нарекают по изотчине?

Если за этим следует угощение «ествшухой сахарной и питьями медвянами», то, при поднесении чары в полтора или полтретья ведра, мóлодец:

Скоро встает на ножки резвя,
Берет чарочку да во белы руки.
Поднимает ее одною рукой,
Испивает-то ее единым духом *и т.д.*

Если на пиру идет похвальба, то и она выливается в определенные формы:

Все-то на пиру напивались,
Все на честнóм наедались,
Все на пиру порасхвастались,
Иной хвастает городами с пригородами,
Иной хвастает золотой казной,
Иной хвастает добрым конем,
Разумный хвалится родной матушкой,
Безумный хвастает молодой женой *и т.д.*

Если слагателю понадобится картина поспешности, если кого-нибудь застали врасплох, то это лицо обязательно

Накидывает шубочку на одно плечо,
Соболью шапку на одно ухо,
Выскакивает в тонких чулочках без чеботов,
В тонкой белой рубашке без пояса.

Если встретит мóлодец девицу или добудет ее, то и тут есть установленный прием обращения:

Он берет ее за ручушки белыя,
Берет за перстни за злаченные,
Целует во уста во сахарныя.

Если сказителю нужно изобразить заставу богатырскую, то он припомнит, что мимо ея

Никто пехотой не прохаживал,
На добром коне не проезживал,
Черный ворон не пролетывал,
Лютый зверь не прорыскивал.

Если нужна картинка богатых *даней-выходов*, то он запомнит обычный состав:

Двенадцать лебедей, да двенадцать кречетов,
Двенадцать сивых соколов,
Двенадцать мис красна золота,
Двенадцать мис чиста серебра,
Двенадцать мис скатна жемчуга *и т.д.*

Словом, при просмотре нашего былинного репертуара окажется длинный ряд таких шаблонных описаний, таких общих мест, которые сложились искони, застыли и передвигаются сказителями весьма свободно из одной былины в другую. Нечего и говорить, насколько эти стереотипные картины облегчали создание новых былин, т.е. обработку новых сюжетов в былинную форму, и содействовали появлению многочисленных вариантов одного и того же былевого сюжета.

Другой прием, растягивающий былевой рассказ, — это многочисленные повторения одних и тех же стихов, так сказать, эпическая *ретардация*. Для пояснения этого приема приведем несколько примеров наудачу, так как их можно найти в обилии почти в каждой длинной былине.

В былине о Михаиле Потоке сказителя Калинина¹ князь Владимир дает разные поручения трем богатырям: Илье Муромцу, Добрыне Никитичу и Потыку Михайловичу: первому — съездить за данью в Каменну

---

¹ Гильф., № 6 — Рыбн., т. IV, № 12.

орду, второму – в Золотую орду, третьему – в землю Подольскую. Вместо того чтобы прямо заявить свое согласие, Илья Муромец в своем ответе повторяет целиком данное ему князем поручение:

Испроговорит казак да Илья Муромец:
– Ах ты солнышко Владимир стольнокиевской!
Отправляй-ко ты меня да в большу землю,
Во большую ту землю да в Каменну орду,
Там повыправлю да дани выходы,
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.

Вслед за ним встает Добрыня Никитич и повторяет то же самое, заменив слова «Каменну орду» словами «Золоту орду», а далее тот же ответ с заменой «Золотой орды» «землею Подольской» целиком влагается в уста Потыка Михайловича. После этого

Первый русьский могучий бóгатырь
Старый казак да Илья Муромец,
Ставае он по утрышку ранёхонько,
Умывается он да белёхонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Он седлае своего добра коня,
Кладывае он же пóтнички на пóтнички,
А на пóтнички он кладе войлочки,
А на войлочки черкальское седлышко *и проч.*,

т.е. повторяется без сокращения «общее место» – картина седлания. Затем

Другий русьский могучий бóгатырь,
Молодой Добрынюшка Никитинич,
Он ставае по утрышку ранёхонько, *и т.д.*

Наконец то же самое и в тех же выражениях рассказывается о третьем «русском могучем богатыре» Михайле Потыке сыне Ивановиче. Таким образом, осложняясь повторениями, ход былины тянется крайне медленно, и не особенно богатая содержанием былина достигает огромных размеров – почти тысячи стихов.

Думаю, что вообще в *развитых* (а не скомканных) былинах доля *повторений* составляет не меньше трети. Если при этом принять во внимание обычные общие места, то, с одной стороны, становится понятным, почему былина с очень небогатым содержанием может достигнуть нескольких сотен стихов, с другой – почему один и тот же сюжет получает такую различную разработку, по крайней мере в отношении объема, в устах различных слагателей-сказителей. Выражаюсь так потому, что сказитель, как мы видели, является каждый раз до некоторой степени слагателем былины, так как он не может повторить ее снова без некоторых изменений – перестановок, пополнений или опущений.

Из вышесказанного видно, что в наших былинах выделение *готового* эпического материала, которым пользовались слагатели, не представляет труда. Обращая при этом внимание на тот интерес, который с этой стороны представляют наши былины для изучения технической стороны сложных эпоей, вроде Илиады и Одиссеи, в основе которых также некогда были отдельные песни, обнимавшие целый эпический цикл и слагавшиеся рапсодами. Известно, что на изучении составных частей греческих эпоей изоощряется критика западноевропейских филологов школы Лахмана и Кирхгофа. Один из исследователей Гомера, Роте (Rothe), не так давно (в 1890 году) издал остроумное исследование «О значении повторений для гомерическо-

го вопроса»¹, в котором он пришел к тому выводу, что повторение одних и тех же или сходных черт в изображениях у Гомера, точно так же как совпадение в стихах, вовсе не объясняется тем, что слагатель в одном месте подражал другому, но тем, что слагатели имели в своем распоряжении наследованные исстари типические стихотворные места. Такой фонд поэтических формул, выкованных долгим употреблением, существовал уже у слагателей (певцов) самых древних, достижимых нашему анализу, песен, и они усваивали его памятью при тщательном изучении наизусть. Только путем традиции, свято оберегаемой в поэтической школе в течение многих столетий, мог быть выработан тот выдержанный однообразный эпический тон, который проникает греческий эпос и придает мыслям и рассказам многочисленных поэтов-слагателей характер однородный, так что эпопея могла представляться произведением одного поэта. Таким образом, те выводы, до которых путем продолжительного изучения и самого тщательного анализа доходит немецкая гомерическая критика, — эти выводы, повторяю, подтверждаются сравнительно легко наблюдениями над современным нам состоянием русской былевой традиции.

Кроме отдельных эпических картинок или поэтических формул, бывших в распоряжении наших слагателей, они располагали и запасом *красок*, которыми окрашивали отдельные предметы, входившие в описание и рассказ. Я разумею готовый фонд постоянных, искони утвердившихся эпитетов. Собственно говоря, постоянные эпитеты составляют принадлежность вообще языка народных произведений и не относятся специально к языку былин. Но я все же считаю не лиш-

---

¹ «Die Bedeutung der Wiederholungen für die Homerische Frage», в Лейпциге, 1890 (по поводу 200-летия французской гимназии в Берлине).

ним остановиться на них, во-первых, потому, что некоторые из них принадлежат только былевой поэзии, так как прикреплены к лицам и предметам, специально входящим в ее оборот (например, к именам богатырей, народов, стран, городов и т.д.); во-вторых, потому, что в их употреблении иногда можно подметить те же черты, что в эпитетах греческого (или германского) эпоса, причем эти черты в былинных эпитетах могут служить хорошим комментарием к гомерическим.

Поясню это примерами. При чтении Гомера мы часто наблюдаем, как удачно поэт выбрал тот или другой эпитет из фонда, находившегося в его распоряжении, для характеристики того или другого лица или предмета. Но нередко украшающий эпитет повторяется, как бы бессознательно, там, где он кажется нам совершенно неуместным¹. Неуместным, например, представляется эпитет корабля «быстрый», когда корабль спокойно стоит в гавани, или эпитет неба «звездное», – в то время, когда светит солнце; если преступник Евримах называется «богоравным», свинопас – «властителем людей», если при ругательствах лицо, на которое сыплются ругательства, называется тут же *божественным* или *Зевсом хранимым*. Очевидно, что эпитет уже потерял свою первоначальную свежесть, образность и ходит в школе певцов как ходячая монета, иногда расходуемая кстати, иногда зря, машинально. То же самое явление, но в гораздо большей степени, наблюдается и в наших былинах, по которым не прошла рука поэта-художника. Почти в каждой былине мы найдем примеры такого бессознательного употребления эпитетов, причем иногда получают, на наш взгляд, удивительные наивности и курьезы. Нам известно, что князь Вла-

---

¹ См. примеры у Karl Franke: *De nominum propriorum epithetis Homericis* (Greifswald, 1887).

димир постоянно называется «ласковым», и действительно, иногда своею щедростью и приветливостью он оправдывает этот эпитет, прикрепившийся к нему, очевидно, очень давно. Однако в некоторых былинах Владимир поступает очень неласково. В былине о Калине рассказывается, что за то, что Илья пришел незванным на пир, Владимир приказал посадить его в глубокие погреба и «поморить смертью голодною». Но этот поступок с любимым народным богатырем нисколько не мешает сказителю тут же называть Владимира «ласковым». Дружина Калина называется «хороброю», хотя со всею ею справился один Илья Муромец и разогнал этих храбрецов во все стороны; татарин Калин-царь, отправляя своего посла в Киев, говорит ему, нисколько не иронизируя, что́ было бы неуместно:

Ай же ты поганый татарищо!
Знаешь говорить да ты по-русскому,
А мычать про себя да по-татарскому,
Снеси-ко ты писёмышко ко князю ко Владимиру!¹

Впрочем, и посол не остается в долгу и с тою же эпической наивностью, передавая поручение своего повелителя, преспокойно называет его «собака Калин-царь»:

Очищай-ко ты (Владимир) все улочки стрелецкии,
Все великие дворы да княженецкии,
По всему-то городу по Киеву,
А по всем-то переулкам княженецким
На́ставь сладких хмельных напитков,
Чтоб стояли бочка о бочку близко-пó-близку,
Чтобы было у чего стоять *собаке царю Калину*

---

¹ Гильф., № 57.

Со своими-то войскамы со великима
Во твоём во городе во Киев¹.

Отмечу еще любопытное употребление эпитетов, обозначающих возраст богатырей: так, Илья Муромец постоянно называется *старым* казаком, Добрыня Никитич *молодым*, так же как Алеша Попович, князь Владимир и другие. Установленный таким образом эпический возраст остается неизменным, и в большинстве былин, рассказывающих отдельные подвиги того или другого богатыря, их обычные эпитеты кажутся нам естественными. Но есть былины, в которых по ходу рассказа богатыри, казалось бы, должны стареть, а между тем они сохраняют один и тот же возраст. Так, Добрыня, прослужив лет двенадцать при князе Владимире в разных должностях, продолжает называться после этого *молодым*, и он же оказывается молодым и даже называется матерью «дитё мое милое», когда после двенадцатилетнего отсутствия возвращается в Киев и узнает, что его «молода» жена (так же сохранившая свой прежний возраст) выходит за «молода» Алешу Поповича, который также уже назывался молодым раньше отъезда Добрыни. Особенно ярка такая несообразность в некоторых сводных былинах об Илье Муромце, в которых представляется его исцеление каликами и первый выезд из дому. Здесь оказывается, что Илья уже *старый* казак, как только выехал за ворота родительского дома. Впрочем, нужно заметить, что *нестарение* богатырских лиц реже бросается нам в глаза, чем в сложных эпопеях, например, «Нибелунгах», и «Одиссее». В них, несмотря на нередкие указания больших промежутков времени, возраст героев и героинь также остается неизменным. Пенелопа и через 20 лет после рождения Телемаха про-

---

¹ Гильф., № 75.

должает сиять красотой молодости. Гизельхер через 36 лет после начала своей героической карьеры продолжает называться молодым.

Этих примеров достаточно, чтобы показать механическое употребление постоянных эпитетов, встречающееся как в нашем, так и в других эпосах. Но для характеристики роли эпических формул, на которую я уже указал выше, следует еще обратить внимание на то, что не одни эпитеты, но и целые традиционные картинки (*loci communes*) не всегда употребляются сказителями уместно. Мы видели, что отъезжающий богатырь просит в обычной формуле благословения у родителей. Эта картинка вполне уместна, например, там, где Добрыня, выезжая на змеборство, просит благословения у своей матери «матерой» вдовы, или где Илья Муромец берет у батюшки, у матушки «прощеньице-благословеньице» ехать в стольный Киев-град. Но уже странным и неуместным является то же эпическое христианское благословение родительское, например, когда его просит у своего отца-язычника Вахрамея Вахрамеевича волшебная девица Марья лебедь белая:

Летать-то мне по тихим заводям.
А по тым по зеленым по зятресьям
Белой лебедью три года...

Наряду с бессознательным употреблением эпических формул можно поставить и такие случаи в наших былинах, когда сказитель в рассказе о каком-нибудь действии эпического лица некстати припоминает аналогичное действие другого лица в другом былинном сюжете и переносит в свой рассказ неуместные детали из другого сюжета. Так, например, в былинах о змеборстве Добрыни нередко встречается такой эпизод:

Добрыня купается в Пучай-реке, и какие-то стоящие на берегу девицы-портомойницы предостерегают его, чтоб он не купался нагим телом; Добрыня, однако, не слушает их предостережения, и никаких дурных последствий для него отсюда не вытекает. Очевидно, что девицы-портомойницы не входили прежде в план былины и забрались в нее из былин о Василье Буслаеве только благодаря эпической аналогии. Василий Буслаев, этот удалец, не верующий ни в сон ни в чох, а только в «червленый вяз», купается в Иердань-реке «нагим телом». Девицы-портомойницы предостерегают его, говоря, что он должен купаться в сорочке, ради святости реки, и что «нагим телом в ней купался только Сам Иисус Христос». Васька не слушает увещания портомойниц, отпускает им крупную ругань, и за такое кощунство, так же как за другие проявления своего упрямства, платится жизнью. Очевидно, при купанье Добрыни в Пучае некоторые сказители припомнили купанье Василья Буслаева в Иордани и из этого сюжета некстати перенесли в былинку о Добрыне *портомойниц*, которых присутствие и речи не получают, однако ж, на новом месте никакого значения. То, что случилось с нашими сказителями, по-видимому, случилось и с греческими рапсодами, на что можно найти указания в статье Кауера¹, хотя нужно думать, что редакторская рука кое-где сгладила подобные шероховатости. Так, в 3-й песне «Одиссеи» (ст. 72–74) Нестор ставит приехавшим к нему в гости царевичу Телемаху и Ментору несколько странный вопрос, не морские ли они разбойники. Фукидид (I, 5) выводит отсюда, что в древние времена греки смотрели на пиратство как на ремесло несколько не постыдное. Древний критик Аристарх, однако, возражал

¹ Cauet: «Eine Schwäche pr Homerischen Denkart», помещ. в журнале «Rheinisches Museum». Band 47, Heft 1, p. 110.

на это, указывая, что вопрос Нестора, обращенный к мирным гостям, совершенно неуместен. «Объясняется ли этот вопрос Нестора тем, – спрашивает Кауер, – что поэт в данном случае не выдержал характера почтенного царя Нестора и приписал ему бестактность? Это возможно». Но для Кауера более вероятным представляется следующее объяснение, к которому присоединяюсь и я: «Если мы вспомним, – говорит он, – что те же самые слова мы находим в X песне «Одиссеи» (ст. 253 и след.) в устах Циклопа, к грубому мирозерцанию которого они вполне подходят, то мы отдадим предпочтение предположению, что эти слова были впервые созданы в песне о Циклопе, где они уместны, и затем каким-нибудь позднейшим поэтом были неудачно введены в 3-ю песню и вложены в уста Нестора».

В наших былинах подобные несообразности в перенесении деталей обстановки гораздо чаще и ярче. Подъезжая к широкому двору княженецкому, богатыри привязывают коней к *точеному* столбу. Но нередко богатыри ночуют среди чистого поля, и здесь также оказывается «точеный» столб, как будто богатырь возит его с собой¹. Точно так же, когда богатырю Илье Муромцу, скрученному татарами в их лагере чембурами или путинами шелковыми, нужно помолиться перед его известным подвигом (маханием татаринном), то у татар даже оказывается *церковь соборная*², которую они, нужно думать, привезли с собой.

Из предшествующего рассмотрения технической стороны наших былин позволяю себе сделать вывод, что участие в их исполнении профессиональных певцов, составляющих корпорацию, как старинные скорморохи или нынешние калики-слепцы, представляется

---

¹ Гильфердинг, № 57 (стол. 308).

² Гильфердинг, столб. 309.

несомненными. Только путем передачи былинной техники из поколения в поколение, учителем ученику, объясняются рассмотренные нами черты былины: ее запевы, исходы, поэтические формулы или *loci communes*, постоянные эпитеты и вообще весь ее склад. Думать, что все эти формулы установились путем той, более или менее случайной, традиции, которую мы застаем еще в настоящее время среди крестьян Олонецкой губернии, нет возможности. Крестьяне были только последними хранителями (нередко и искажителями) былинного репертуара. Но он сложился в другой среде, и традиционные формы былины, вся ее техника, некогда, и притом в течение нескольких столетий, вырабатывалась в среде профессиональных певцов и сберегалась, посредством обучения, гораздо тщательнее, чем в нынешней среде олонекких петарей, сказителей и калик.

* * *

Выше я привел данные из былин, указывающие на то, что они входили прежде в репертуар профессиональных певцов, от которых затем перешли к олонекким крестьянами. Я предположил, что такими профессиональными певцами были, главным образом, древнерусские скоморохи. Для подтверждения этой мысли считаю необходимым представить известные в нашей литературе сведения об этих «веселых людях», как называют их наши песни и былины¹.

Скоморохов давно приводят в связь с представителями народного веселья в греко-римском мире, мима-

---

¹ О скоморохах см. исследования акад. А. Н. Веселовского («Разыскания в области русского духовного стиха», № VII, стр. 149 и след.); А. С. Фаминцына («Скоморохи на Руси». СПб., 1889 г.); также И. Беляева («О скоморохах», во «Временнике И. М. Общ. истории и древностей», 1854 г., стр. 79).

ми, проявлявшими свое разнообразное искусство при народных празднествах. Институт мимов является наследием древней культуры, уцелевшим от погрома народных передвижений начала средних веков. *Мимы* и *гистрионы* встречаются уже при дворе первых германских властителей¹ и получили уже рано чисто немецкое название *шпильманов*. Как в византийском, так и в германском мире Церковь явилась открытым врагом шпильмана, причислив его звание и занятия к крайне греховным. Государство ограничивало до крайности их юридические права, Церковь лишала их причастия, громила их проповедью и постановлениями соборов. Но тем не менее эти бродячие певцы, фокусники и плясуны были любимы народом, являлись на его игрища, свадьбы, пиры, похороны и, как носители культурного предания, близкого по уровню к духовному кругозору народа, распространяли в нем новые песни и сказки, заговорные формулы, поражали его воображение любопытными фокусами, забавляли его пляской, марионетками, медведями, собаками и прочим. До нас дошел ряд средневековых памятников, знакомящих нас с разнообразною литературною и художественною программой шпильмана или жонглёра. Они умели играть на разнообразных музыкальных инструментах, петь всякие песни, разыгрывать сцены, надевая *личины*, ходили по канату, прыгали чрез кольца, играли мячом и прочее. Впоследствии литературная сторона их деятельности начинает сильнее проявляться. В репертуар немецких шпильманов входят эпические и исторические песни, новеллы, басни, загадки, пословицы². Французские жонглёры также соединяли искусство фигляра с литературными вкусами. Они поют *chansons de geste*, но

---

¹ А. Н. Веселовский. Назван. соч., стр. 149.

² Там же, стр. 174.

знают и пришлые сказания, библейские и классические сказки, соблазнительные фавлю и прочее. Вообще в их профессии в XII–XIII веках замечается дифференциация. В то время как одна часть жонглёров спускается до роли площадного шута, возбуждающего смех циническими выходками, и шарлатана-знахаря, другие идут в литературу и не только поют сложенные другими песни, но и сами слагают их и перерабатывают старые.

Бродячие потешники с таким же разнообразным репертуаром уже рано являются в славяно-русском мире под разными именами. Немецкое слово «шпильман» зашло к славянам, по мнению Востокова, еще в X–XI веках с приходившими от немцев представителями этой профессии. Но еще большее распространение получило название *скомрах*, русское *скоморох*, зашедшее к славянам, по-видимому, из Византии. Этимология этого имени, впрочем, не может считаться вполне разъясненной. Некоторые (Веселовский) возводят его к арабскому слову *masaga* – шутка, шут, гистрион. На Западе арабское слово перешло в значение буффона, потешника, но приняло и новое – ряженого, маски; название «скомрах» объясняют, хотя не вполне точно, перестановкой из «маскарас»¹, через переходную форму *скамарас*. Ввиду фонетических недочетов этого производства, недавно профессор Кирпичников² предложил другое, впрочем, также далеко не убедительное, из предполагаемого им греческого слова, неизвестного в памятниках.

Каково бы ни было происхождение названия *скоморохов*, на Руси они были, несомненно, людьми заходжими, как свидетельствует, между прочим, их нерусский костюм. Суздальский летописец говорит об их латинском костюме и кротополии. Зашедши на Русь

¹ Веселовский, стр. 182.

² К вопросу о древнерусских *скоморохах*. 1891 г.

вместе с другими атрибутами культуры Византии, скоморохи скоро акклиматизировались в народе и начали уже рано вербовать в свои труппы охочих людей из русских, так что хотя среди них традиционно сохранялись типические костюмы и приемы их искусства, однако содержание в этих прежних формах близко примыкало уже к русскому народному обычаю. Как название пришлое, слово «скоморох» должно было иметь определенное техническое значение, обозначать нечто такое, чего дохристианская Русь не знала; певцы и музыканты, без сомнения, были у нас, – стало быть, скоморохи первоначально ни то ни другое, – но у нас не было таких фигляров, каких знал Константинополь, и не было представителей театрального искусства¹. Вероятно, первоначально скоморохи были теми и другими. Самое раннее на Руси изображение скоморохов, вероятно, византийских, находится на известных фресках лестницы Киево-Софийского собора, объяснением которых в последнее время занимались профессор Кондаков и его ученики гг. Редин и Айналов². Здесь мы находим фигуры ряженных музыкантов, паяцев, акробатов и фигляров; все актеры изображены в одеждах скоморохов – либо в коротких туниках с разрезными полами, либо (арфисты) в длинных, перетянутых поясом кафтанах, которые еще в XIV–XV столетиях известны, как обычный костюм захожих скоморохов-шпильманов, паяцов на Руси, например в Новгороде, на что указывает изображение последних в миниатюрах новгородских рукописей³. Отношение Церкви к

---

¹ Кирпичников, стр. 15.

² Н. П. Кондаков: «О фресках лестницы Киево-Софийского собора». Зап. И. Р. Археол. Общ. 1888 г., т. III. Д. Айналов и Е. Редин: «Киево-Софийский собор». СПб., 1889 г. См. Кирпичников, стр. 12.

³ Кирпичников, назван. соч., стр. 13.

скоморохам было на Руси то же, что в Византии и на Западе. Наши проповедники пользовались в своих выходках против «богомерзких, бесовских» песен и увеселений, против скоморошеских переодеваний и игр старинным византийским оружием, повторяли выражения византийских проповедников, переиначивая их в частности согласно с условиями русской жизни. В этих проповедях очень рано появляются свидетельства о пристрастии народа к скоморохам. Так, в поучении, ложно приписываемом преподобному Феодосию, «О казнях Божиих», мы читаем: «Друзи зачиханью веруют, юже бывает многажды на здравие главе; но сими диавол лстить и другими нравы, и всяческими лести превабляемы от Бога, вльхованием, чародеянием, блудом, запойством, резеоиманием, приклады, татбою и лжею, завистью, клеветою, зубами, *скоморохи*, гусльми, сапелми и всякими играми и делесы неподобными»¹. В изданном академиком Срезневским поучении Зарубского черноризца Георгия (по рукоп. XIII в.), обращенном к какому-то юному духовному чаду, принадлежавшему к знатному роду, встречается, между другими наставлениями, следующее: «Смеха бегай лихого *скомороха*»². Гораздо обильнее становятся известия о скоморохах в московский период: видно, что скоморохи принимали значительное участие в народных забавах, являлись необходимым атрибутом свадебного веселья. В определениях *Стоглава* (1551 г.) читаем такое запрещение: «К венчанию ко святым церквам *скомрахом* и глумцом пред свадьбою не ходити» (гл. 41, воп. 16). В статье о многих неисправлениях, «неугодных Богу и не полезных душе», припи-

¹ Ученые записки 2-го отд. Акад. Н., кн. II, вып. II. СПб., 1856 г., стр. 195.

² Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, № VII, 1867 года.

сываемой Кассиану, владыке рязанскому, жившему в середине XVI века, говорится, между прочим: «Свадьбы творят и на браки призывают иереев со кресты и скоморохов з дудами»¹. Официально изгоняя скоморохов из мирских свадеб, сам Иван IV любил, как известно, тешиться скоморохами и делал их участниками своих беспутств. О его пиrowании со скоморохами имеем свидетельство Курбского: «Упившись, начал (царь Иван) со скоморохами в машкарах (личинах) плясать и суще пирующие с ним»². Но наиболее интересное для нас известие о скоморохах, потешавших царя, сохранилось во 2-й Новгородской летописи под 1571 годом: «В те поры в Новегороде и по всем городам и по волостем на государя брали веселых людей...», а вслед затем говорится, что «поехал из Новгорода на подводах к Москве Субота (дьяк) и с скоморохами»³. Вероятно, привоз скоморохов в Москву из Новгорода и его пригородов стоит в связи с известностью новгородских скоморохов. Богатая городская жизнь, сношения с Западною Европой, широкое развитие торговли – все это представляло в Новгороде условия, благоприятствовавшие развитию класса профессиональных искусников – музыкантов, фигляров, плясунов – для развлечения богатых горожан. Еще обильнее являются известия о скоморохах в XVII веке. Олеарию, в его бытность в России, пришлось видеть и слышать скоморохов в Ладогe, в пределах прежних новгородских владений. «В Ладогe, – пишет он, – услышали мы русскую музыку: когда мы сидели за обедом, пришли двое русских с лютней и гудком (скрипкой) на поклон к гг. послам,

---

¹ Веселовский: «Разыскания», VII, стр. 199. Фаминцын, назван. соч., стр. 20.

² Фаминцын, стр. 15.

³ Н. Собр. р. л., т. III, стр. 167.

начали играть и петь о Великом государе и царе Михаиле Федоровиче»¹. После серьезного пения началась пляска и другие потехи. Заметка Олеария относится к 1633 году. К сожалению, он не приводит содержания песни скоморохов о царе Михаиле, но все же мы можем сделать тот вывод, что ладожские скоморохи внесли в свой репертуар песню недавно, лишь за несколько лет, сложенную вероятно в Москве, песню патристическую и по тому времени модную, которою они и сочли уместным дебютировать пред иноземцами. В XVII веке упоминаются не только *бродячие* скоморохи, но и *оседлые*, принадлежавшие богатым и знатным частным лицам, предшественники тех крепостных актеров и музыкантов, которые известны были в попетровское время вплоть до эпохи эмансипации крепостных.

Так, в 1633 году подали царю челобитную по поводу совершенного над ними насилия приказным Крюковым *скоморохи князя* Ивана Шуйского и князя Дмитрия Пожарского². Указание на оседлых скоморохов, проживавших в деревнях, находим, впрочем, еще в XVI в. в приговоре монастырского собора Троицкой лавры (1555 г.), запрещавшем под угрозой пени держать в волости скоморохов: «Не велели есмя им в волости держати скоморохов ни волхвей... и учнут держати, у которого сотского в его сотной выймут... и на том сотском и его сотне взяти пени десять рублей денег, а скомороха или волхва... бив да ограбив, да выбити из волости вонь... а *прохожих* скоморохов в волость не пущать»³. В разных правительственных распоряжениях уже с XV в. встречаются меры против усилившегося скоморошества, вы-

¹ См. Олеарий: «Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию». Перевод Барсова. Москва, 1870 г., стр. 26.

² Фаминцын, стр. 152.

³ Там же, стр. 154.

званные не столько церковным предубеждением против их ремесла, сколько насилиями, творимыми этими распутными бродячими людьми над мирным населением. Скоморохи бродили ватагами в 60–100 человек и сильно напоминали теперешних цыган. «Да по дальним странам, – говорится в *Стоглаве*, – ходят скоморохи, совокупясь ватагами многими до шестидесяти и до семидесяти и до ста человек и по деревням у крестьян сильно (= насильно) ядят и пьют и с клетей животы грабят, а по дорогам разбивают». Порицания духовных лиц не находили себе серьезной поддержки у властей до тех пор, пока скоморохи не стали наносить уже существенного материального ущерба жителям страны своею алчностью и нахальством. Сначала светские власти ограждают особыми грамотами, в виде привилегий, те или другие селения и волости от насильственных нашествий скоморохов, далее принимаются правительством уже общие меры. Однако до царствования Михаила Феодоровича преследование скоморохов не велось настоятельно и серьезно. Да и меры, принятые при нем, едва ли ослабили скоморошество, так как грозные указы врага скоморохов, благочестивого царя Алексея Михайловича, рисуют нам картину широкого распространения скоморошских ватаг и бесчинств. Ряд указов юного царя под угрозой пени, батога, кнута, опалы и проч. преследует всякие бесчинства в сельском и городском населении, всякие остатки старинных языческих обрядов, бесовские игры, песни, кулачные бои, вождение медведей, дрессированных собак, всякие виды музыки и особенно скоморохов, которые участвуют на свадьбах и на поминках. Все атрибуты скоморошества: домры, сурны, гудки, гусли, хари – велено истреблять и жечь. Указы царские рассылались по всем городам и волостям и читались горожанам и сельчанам. Заключавшиеся в этих

указах запрещения подкреплялись угрозами строжайших наказаний, которые и приводились в исполнение над послушниками. Суровое, неослабевавшее гонение на скоморохов в течение всего царствования должно было привести к тому, что «веселые молодцы», бродячие скоморохи постепенно исчезают, так что к Петровской реформе упоминания о профессиональных скоморохах встречаются все реже и реже.

Переделка общества на европейский покрой, вызвавшая уже иные вкусы, иные потребности, окончательно убила древнерусское скоморошество, и последние представители этого класса доживали свой век уже не при княжеских и боярских хоромах, а где-нибудь в захолустьях провинции, поближе к тем классам населения, которые оставались и после реформы верны старине и преданию. Преследуемые администрацией в городах, там, где они были на виду, скоморохи уходили подальше в деревни, где еще был спрос на их искусство, и передали немалую долю, по крайней мере своего музыкального и литературного репертуара, простонародью, от которого в настоящее столетие и были людьми науки записаны эти остатки в виде былин, песен, прибауток, загадок, сказок и т.п.

Сделав беглый обзор судьбы скоморошества на Руси, постараюсь теперь уяснить, какое значение имели скоморохи как хранители эпических песен. Мы видели, что искусство скоморохов, как немецких шпильманов и французских жонглёров, было весьма разнообразно. Они были и плясуны, и фигляры, и фокусники, и гадальщики, и актеры, и медвежатники, и музыканты, и певцы – словом, мастера на все руки. Но для нас они интересны только как певцы и слагатели былин. Поэтому поищем в самих былинах указаний на эту сторону их деятельности.

Соответствуя действительности, былины изображают, с одной стороны, ватаги скomoroxов, упоминаемые в письменных памятниках, с другой – скomoroxов оседлых, проживающих в городе при князем дворе и забавляющих своею игрой его гостей. В былине о госте Терентьице является такая ватага бродячих скomoroxов: «Веселые скomoroxи, – скomoroxи люди вежливые, скomoroxи очестливые». В былине о Ставре Ставрова жена спрашивает князя Владимира:

Чем ты, Владимир князь, в Киеве потешаешься?
Есть ли у тебя веселые молодцы?

И князь заставляет своих скomoroxов забавлять посла. Лучшим доказательством участия скomoroxов в исполнении и даже сложении былин может служить то, что в былинах нередко богатыри играют на гусях и поют не хуже скomoroxов, производят на слушателей сильное впечатление и, облакаясь в костюм скomoroxа, являются желанными гостями на княжеском пиру. Очевидно, профессиональные певцы былин постарались отдать должное *своему* искусству, возвысить его в глазах слушателей. Так, один из любимейших богатырей, Добрыня, переодевшись скomoroxом, немедленно находит доступ в княжеские палаты, где идет свадебный пир, и, заняв место скomoroxье, уже первыми звуками привлекает всеобщее внимание, переходящее затем в восторг. Вот соответствующее стихи:

Учал он по стрункам похаживать,
Учал он голосом поваживать...
И все на пиру приутихли – сидят,
Сидят – на скomoroxину посматривают...
Все же за столом да призадумались,

Все же тут игры приаслухались...
Эдакой игры на свете не слыхано,
На белоем игры не видано...
Заиграл Добрыня по-уныльнѣму,
По-уныльнѣму, по-умильнѣму,
Как все-то ведь уж князи и бояре-ты,
А ты эти русские богатыри,
Как все они тут приослушались...
«Ай же, мала скоморошина! – (говорит князь)
За твою игру за великую,
За утехи твои за нежняя,
Без мерушки пей зелено вино,
Без расчета получай золоту казну»¹.

Характеризуя необыкновенное искусство и разнообразие напевов Добрыни, слагатель былины говорит:

Как начал он гуселок налаживати,
Струну натягивал будто от Киева,
Другу от Царяграда,
А третью с Еросалима,
Тонцы он повел-то великие,
Припевки-то он припевал из-за синя моря²,

или:

Тонцы повел от Новагорода,
Другие повел от Царяграда...
Третий раз стал наигривати,
Все свое похождение рассказывати³.

---

¹ Фаминцын, стр. 28–29; Рыбников, I, стр. 136, 166; II, 31. Гильфердинг, столб. 45, 136, 250, 972, 1030.

² Там же, стр. 31. Рыбников, I, стр. 136, 144; II, стр. 31. Гильфердинг, столб. 214, 356, 498, 1058, 1096.

³ Фаминцын, стр. 33; Рыбников, III, № 16.

Обратим здесь внимание на следующие подробности: во-первых, эти *тонцы* от Царяграда, Новгорода, Иерусалима, – вероятно, термины, знакомые профессиональным гуслирам, может быть, разнохарактерные напевы из их музыкального репертуара; во-вторых, переодетый скоморохом Добрыня поет под аккомпанемент гуслей песню о *своих* похождениях, богатырских подвигах. Следовательно, исполнение песен о воинских делах, о богатырях входило в репертуар скоморохов, как игра великая, важная, умильная. Действительно, нельзя думать, чтобы к репертуару «веселых людей скоморохов» сводились исключительно песни фривольного содержания, юмористические, шуточные, с прибаутками и циническими намеками. Как артисты, подлаживающиеся ко всем вкусам, скоморохи в своем обширном репертуаре имели пьесы и для солидной публики, интересовавшейся преданиями старины, подвигами русских богатырей, историческими крупными лицами и событиями. Я уже упомянул, что ладожские скоморохи пели при Олеарии песни в честь Михаила Феодоровича. В дошедшей до нас песне о любимце народном Михаиле Скопине, именно в ее конечной припевке, находим ясное свидетельство о том, что ее пели веселые люди. Вот эта припевка:

То старина, то и деянье,
Как бы синему морю на утешенье,
А быстрым рекам слава до моря,
Как бы добрым людям на послушанье,
Молодым молодцам на перениманье,
Еще нам веселым молодцам на потешенье,
Сидючи в беседе смиренныя,
Изпиваючи меды, зелено вино.
Где-ко пиво пьем, тут и честь воздаем

*Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову¹.*

Упоминание боярина великого в связи с содержанием песни свидетельствует о том, что песни в этом серьезном роде исполнялись скоморохами и в боярских хорах.

Кроме Добрыни, производившего такое впечатление своею игрою великой, ряд других эпических личностей оказывается искусными гусярами и певцами. Приезжий в Киев из-за моря Волынского, из-за острова Кодольского Соловей Будимирович привез со своей родины и припевки. Забавляясь игрой на гусях, он

Тонцы по голосу налаживает...
А все малья припевки за синя моря,
За синя моря Волынского,
Из-за того острова Кодольского,
Из-за того Лукоморья зеленого².

Про Ставра его жена, переодетая послом, напоминает, что

Он мастер играть в гусли яровчаты

и что лучше его никто не играет в Киеве. Киевский шан Чурило Пленкович, поступив в постельничьи к князю Владимиру, должен был на гусях спотешать княжескую чету:

Стелет (Чурила) перину пуховую,
Кладывает зголовьице высокое,

---

¹ Кирша Данилов, стр. 391.

² Рыбников, I, стр. 324.

И сидит у зголовьица высокого,
Играет в гусельшки яровчаты,
Спотешает князя Владимира,
А княгиню Опраксию больше того¹.

Перечисленные лица не являются профессиональными гусярами, а только любителями, играющими при случае. Но в нашем эпосе есть и профессиональный гусяр Садко, который, пока не разбогател, ходил играть по пирам; но и сделавшись богатым гостем, не покинул своего искусства. Вспомним, что его чудная игра увлекает морского царя, который щедро награждает музыканта; вспомним, как на дне синего моря расплясался царь морской, взволновалось все поддонное царство от игры нашего Орфея. Любовь Садка, уже богатого купца, к гусям видна в том, что когда выпал ему жребий быть брошенным в море, он еще в последней раз перед смертью хочет поиграть на любимом инструменте, который даже берет с собой в море:

Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мне гуселки яровчаты
Поиграть-то мне в остатнее:
Больше мне в гуселки не игрывати².

Итак, присутствие в наших былинах целого ряда личностей, играющих на гусях, присутствие профессионального гусяра, частое упоминание о гусярах-скоморохах – все это может служить указанием на то, что музыка и пение были очень развиты в той среде, которая исполняла и складывала былины. А такими профессиональными певцами и музыкантами были

---

¹ Рыбников, I, стр. 265.

² Рыбников, I, стр. 377.

главным образом скоморохи. Следует думать, что в их искусном исполнении былины были произведениями более художественными, чем в устах нынешних олонецких сказителей, перенявших их репертуар. Их пение сопровождалось музыкальным аккомпанементом – гуслиями, гудком. Вспомним, как часто в нашем эпосе поминаются гусли яровчатые, ныне уже совсем вышедшие из употребления. Олонецкие крестьяне, переняв мотивы (напевы) некоторых былин, не научились у профессиональных музыкантов игре на гуслиях, или если умели, то давно покинули этот инструмент¹. Вообще современное состояние былевой поэзии представляется периодом ее падения, захудания, ведущим свое начало от той поры, когда былины от профессиональных певцов-гуслиаров, распевавших их некогда и в боярских хоромы, и в купецких домах, перешли к олонецким крестьянам, которые на сказыванье былин уже не смотрели как на профессию, и отчасти к каликам, которые, хотя и специалисты по пению духовных стихов, не могли наследовать от скоморохов ни их музыкального искусства, ни очень многих былинных сюжетов, слишком несоответствующих их благочестивому репертуару.

Если вышеприведенные факты достаточно доказывают роль скоморохов как певцов былин, то несколько труднее решить вопрос, как велико было участие скоморохов в *сложении* дошедших до нас былин. Этот вопрос может быть уяснен только детальным анализом дошедших до нас былевых сюжетов. Но думается мне, что этот анализ должен привести нас к заключению, что среди былин наших найдется немало таких, кото-

---

¹ Об употреблении гуслей олонецкими сказителями былин в прошлом столетии см. у Е. Барсова: Памятники народного творчества Олонецкой губернии, стр. 9.

рые носят яркие признаки скоморошьей обработки. Таковы, например, былины о госте Терентьище и Ставре Годиновиче. В первой веселые люди скоморохи являются героями скандального происшествия: они помогают недогадливому рогоносцу-мужу проучить неверную жену. Былина пересыпана скабрёзными намеками и потому в изобилии украшена в издании Калайдовича точками скромности. В былине о Ставре также упоминаются скоморохи при дворе Владимира, и рассказ об испытании пола переодетой послом Ставровой жены так же уснащен пикантными подробностями и двусмысленными загадками. Свою печать, как увидим ниже, наложили скоморохи и на обработку былин о Чуриле Пленковиче, Хотене Блудовиче, Соловье Будимировиче, Василье Игнатъевиче, Иване Гостином¹. К предположению скоморошьей переработки былины о Василии Буслаевиче приводит детальный анализ этой былины проф. И. Н. Жданова². Вообще следов скоморошьей обработки можно всего скорее искать в былинах-новеллах или фаблио, в которых изображаются происшествия городской жизни, преимущественно любовные похождения с исходом то комическим (Терентий), то трагическим (смерть Чурилы Пленковича, Алеша и сестра Збродовичей). Конечно, меньше следов оставили скоморохи, как певцы былин *богатырского* содержания, где только некоторые юмористические эпизоды и подробности могут быть отнесены на их счет. Но что скоморохи пели и эти былины, на это мы имеем прямое указание историка Татищева³, который говорит: «Я прежде у скоморохов песни старинные о князе

---

¹ См. дальнейшие очерки.

² Русский былевой эпос. Материалы и исследования. СПб., 1895 г., стр. 401.

³ История Российская, I, стр. 44.

Владимире слышал, в которых жен его именами, тако ж о славных людех Илье Муромце, Алексее Поповиче, Соловье-разабойнике, Долке (Дюке?) Стефановиче упоминают и дела их прославляют, и в истории весьма мало или ничего». Это важное свидетельство, в достоверности которого нельзя сомневаться, должны иметь в виду те ученые, которые полагают, что скоморохи были представителями только комического и фривольного элемента в нашем эпосе. Ясно, что даже былины о солидном богатыре, народном идеале старом Илье Муромце, распевались теми же «веселыми людьми», которые забавляли публику былинами-новеллами.

Наблюдения над географическим распространением былин¹

Если сравнительный метод, уже давно прилагаемый к изучению русского богатырского эпоса, уяснил, что к именам богатырей во многих случаях прикреплены так называемые странствующие сказочные сюжеты; если взгляды современных исследователей на процесс народного творчества и его пределы значительно отличаются от воззрений, навеянных учением Якова Гримма; если, благодаря историко-сравнительному изучению былин, исследователи перестали искать национальных мифических основ в типах богатырей, – то все же историко-сравнительный метод сам по себе не в состоянии уяснить многих вопросов, возникающих при внимательном изучении дошедших до нас былин. Таковы вопросы: в каких частях России складывались те эпические песни, которым усвоено название былин? К какому времени относится выработка типа «былины»?

¹ Напечат. в «Журнале Министерства народного просвещения», 1894, № 5.

В какой среде население и кем слагались былины? Какие стадии развития прошли дошедшие до нас былинные сюжеты? Все подобные вопросы настоятельно требуют детального исследования текстов былин, которое значительно отстало сравнительно с теоретическими построениями и гипотезами, изобилующими в научной литературе по русскому эпосу. У нас нет даже подготовительных работ, которые должны были бы предшествовать детальному изучению *бытовой* стороны былин; нет подробных именных и предметных указателей при главных сборниках былин. Опыт такого указателя был сделан только П. А. Безсоновым для пяти выпусков песен, собранных Киреевским. Но оба других сборника, Рыбникова и Гильфердинга, содержащие главное богатство наших былевых песен, не снабжены никакими специальными вспомогательными средствами для пользования, и доселе исследователь эпоса поставлен в необходимость из-за какой-нибудь интересной для него бытовой черты или имени перелистывать сотни страниц этих обширных изданий.

В нижеследующем я имею в виду обратить внимание на один, так сказать, домашний вопрос, вызываемый нашими былинами, – вопрос об их географическом распространении. В каких областях России были записаны досель напечатанные былины? Какие сюжеты пользовались бóльшим, какие меньшим распространением? Думаю, что ответ на подобные вопросы может пролить некоторый свет на скрытое от нас прошлое нашего былевого эпоса, документы о котором, как известно, крайне скудны.

Но прежде всего может возникнуть сомнение в целесообразности самого вопроса о географическом распространении былин. Могут указать на то, что записывание былин в той или другой губернии России –

дело чисто случайное. В одной губернии нашелся любознательный собиратель, и нашлись былины; в другой такого собирателя не было, и в сборнике Киреевского былин из нее не оказывается. Особенно посчастливилось Олонецкой губернии, благодаря неутомимым исследователям Рыбникову и Гильфердингу, – и репертуар олонечких сказителей дал сотни былин. Такого рода соображения о случайности былинных записей могут казаться убедительными лишь до тех пор, пока мы пристальнее не присмотримся к делу записывания былин. Конечно, и в деле записывания былин нужно признать некоторую долю случайности, как во всех человеческих делах; но значение этой доли придется весьма и весьма умалить ввиду некоторых соображений.

Можно положительно сказать, что начиная с 60-х годов, когда появляются первые выпуски сборников Киреевского и Рыбникова, когда знакомство с народными былинами входит в программу преподавания среднеучебных заведений, когда о русском богатырском эпосе появляются журнальные статьи, – высокое значение и научный интерес былин достаточно проникли в сознание всякого любителя-этнографа, имевшего случай записывать произведения народного творчества из народных уст. Об обилии записей, производившихся в течение последнего тридцатилетия в разных уголках России и Сибири, свидетельствуют многочисленные сборники «бытовых» песен, появившиеся за это время, и значительное число сотрудников, приславших свои записи песен известным собирателям: Киреевскому (Даль, Языков, Якушкин), Шейну и другим. Несомненно, что всякому любителю-этнографу было бы особенно лестно записать какую-нибудь новую былинку, открыть какого-нибудь нового богатыря. Однако результаты тридцатилетних поисков былин в разных

областях России, за вычетом губерний Олонецкой и Архангельской и некоторых местностей Сибири, оказываются крайне скудны. Архив этнографического отделения Императорского Географического общества, можно сказать, ломится от обилия присылаемых этнографических материалов – однако среди множества записей бытовых песен былины не оказывается. В архив этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания в Москве также в течение тридцатилетия доставлено немало песенных записей из разных губерний России, но былины оказались только в сборнике Ефименка, составленном в Архангельской губернии. Нет сомнения, что тот же уважаемый этнограф в бытность свою в разных других областях России всюду наводил справки о былинах и не замедлил бы обнаружить свои находки, если бы они были сделаны. Другой ревностный собиратель, почтенный П. В. Шейн, записавший в числе других обильных материалов несколько былин в Симбирской губернии, собирал не менее энергично песни в губерниях Тульской, Калужской, Смоленской, Минской, Витебской, но ни одна былина в этих губерниях не попала в его тетради. Наконец, покойный П. Н. Рыбников, прежде чем водвориться в Олонецкой губернии, собирал песни в Черниговской, но по части былин эта губерния оказалась вполне бесплодной.

Принимая во внимание приведенные факты, мы можем придать известное значение местам былинных записей и подвергнуть их внимательному просмотру, который, быть может, приведет нас к каким-нибудь выводам, не лишенным научной ценности.

Материал для наблюдения географического распространения былин дают оба синкретических сборника – Киреевского и Тихонравова и Миллера («Былины старой

и новой записи»). Оба других сборника (Рыбникова и Гильфердинга) содержат, как известно, исключительно былинный репертуар Олонецкой губернии.

Вполне установленным должно признать тот факт, что былины были доселе записываемы исключительно в великорусских губерниях. Ни в малорусских, ни в белорусских губерниях они не встречались, хотя в поисках не было недостатка. Вспомним, какое внимание было обращено на соби́рание и издание памятников малорусского народного творчества Цертелевым, Максимовичем, Срезневским, Бодянским, Лукашевичем, Метлинским, Костомаровым, Кулишем, в 30-х, 40-х, 50-х годах, даже с 60-х годов Киевским отделом Императорского Русского Географического общества, известной этнографическо-статистической экспедицией в Западнорусский край (с Чубинским во главе), затем Антоновичем, Драгомановым, Рудченком, Житецким и многими другими этнографами, – но все поиски былин в пределах малорусского племени остаются до сих пор бесплодными. Были, правда, кое-где записываемы сказки об Илье Муромце, которые не свободны от подозрения в великорусском или, быть может, лубочном происхождении; встречаются думы об Алексии Поповиче, не имеющем ничего общего (кроме имени) с былинным богатырем, попадаются колядки с именами Журилы (Чурилы), князя Романа, легенды о Михайлике, представляющие некоторое отношение к великорусской былине о Михаиле Даниловиче, но настоящих былин доселе не удалось записать ни одному этнографу.

Точно так же, несмотря на сохранность старины в быту, понятиях, обрядах и поэтическом творчестве белоруссов, мы не знаем ни одной былины, записанной в белорусских губерниях. В обширных сборниках Шейна, Безсонова, Романова, Добровольского, Ники-

форовского, В. Богданова в числе сказок встречаются изредка сказки с именами богатырей (особенно Ильи Муромца), но эти сказки так же мало свидетельствуют о существовании былин у белоруссов, как подобные же сказки с именем Ильи, перешедшие от русских к латышам, финнам, корелам, якутам и многим другим инородцам.

Но и в обширной территории, населенной великорусской ветвью, былины распространены далеко не равномерно. В западных и южных губерниях великорусских былины либо вовсе не встречались этнографам, либо в скудных остатках. Так, совсем неизвестны былины в великорусских частях губерний – Курской, Воронежской, а также в губерниях – Калужской, Орловской, Тамбовской, Пензенской. В Рязанской губернии была записана только одна былина, притом наиболее распространенная в разных местностях России: Илья и разбойники¹. Из Тульской губернии (Алексинского уезда) дошла до нас сильно скомканная былина (в 30 стихов) о Добрыне, рассказывающая сначала о его рождении и выбегающем на Непру-реку звере Скипере (то есть Скимене), а далее об отъезде Добрыни из дому и о наказе, данном им жене, не выходить замуж за Алешу Поповича.

Несколько обильнее остатки былевого эпоса в некоторых поволжских губерниях, причем число их, по видимому, возрастает по течению Волги: так в *Нижегородской* губернии было записано семь былин: Илья и Соловей-разбойник², Добрыня и Алеша³, Василий Казнерович и Батыга в двух вариантах⁴, Данило Лов-

---

¹ См. Киреевский, I, стр. 15.

² Киреевский, I, стр. 34.

³ Там же, II, стр. 14.

⁴ Там же, II, стр. 90 и 93.

чанин¹, Чурило (отрывок)² и Суруга-богатырь³. Следующая, *Казанская*, губерния с ее многочисленным инородческим населением не дала ни одной былины: но далее, в *Симбирской*, их записано уже более двух десятков (22 №), причем *одиннадцать* номеров об отдельных похождениях Ильи Муромца⁴, шесть о Добрыне Никитиче⁵, один номер о Даниле Ловчанине⁶, один о Даниле Игнатьевиче с сыном⁷, один о Суворце⁸, один о Сауре⁹. Ниже по Волге, из Самарской губернии, известна нам лишь одна былина об Илье Муромце (выезде его из дому)¹⁰, но Саратовская дала около десятка номеров об Илье Муромце, Добрыне, Алеше Поповиче и Суворце¹¹.

Переходя с Волги в область Уральского казачьего войска, мы найдем в сборниках казацких песен с десятков былин, обыкновенно сильно выветрившихся и скомканных. Большинство прикреплено к именам Ильи Муромца и Добрыни¹², но встречаются и былины о Дюке Степановиче¹³. Наконец, южнее, на Кавказе, в Терской области, в некоторых казацких станицах были недавно

¹ Там же, III, 32.

² Там же, IV, 86.

³ Былины старой и новой записи, № 65.

⁴ Киреевский, I, стр. 1, 3, 4, 17, 19, 20, 25, 31, 40, 91, 92.

⁵ Там же, II, 3, 4, 40, 43, 48, 61.

⁶ Там же, III, стр. 28.

⁷ Там же, III, стр. 39.

⁸ Там же, III, стр. 107.

⁹ Там же, III, стр. 113.

¹⁰ Былины Тихонравова и Миллера, № 2.

¹¹ См. Киреевский, I, 22; II, 17. Русские народные песни, собранные в Саратовской губ. Мордовцевой и Костомаровым (Летописи русской литературы, т. IV, отд. II, стр. 7–14).

¹² Былины Тихонравова и Миллера, № 4, 17, 19, 22, прилож. Стр. 273.

¹³ Там же, № 53, и Киреевский, III, стр. 100.

записаны три-четыре былины об Илье и разбойниках и об Алеше и Тугарине.

Выше Нижнего по Волге, в губерниях Московского промышленного района, былины почти неизвестны: в губерниях Ярославской (несмотря на поиски Е. И. Якушкина и Дерунова), Костромской и Тверской до сих пор не записано ни одной былины. Во Владимирской, в этой предполагаемой родине главного эпического богатыря, была записана только одна былина (о Ставре)¹. Наконец, в самой Москве в мещанской среде были недавно записаны три сильно скомканные былины² (Илья и разбойники, Добрыня и Марина, Василий Буслаевич), причем первая встретилась также в Московском уезде³, а искаженный вариант об Илье и Соловье был записан в Коломенском уезде⁴.

Таким образом, просмотр мест записи былин показывает, что во всем огромном районе – от Смоленска на западе до Урала на востоке, от Костромы на севере до Терека на юге – былевой эпос сохранился лишь в скудных остатках. Общее число былин, записанных на этом пространстве, не переходит за 60 номеров, представляющих в общем не более 16 сюжетов. причем некоторые губернии, как мы видели, *западные, южные и центральные*, почти совсем не знают былин, и лишь низовые приволжские сохранили некоторые былевые сюжеты преимущественно разбойничьего и казацкого характера. Сравнительно с одиночными, большей частью сильно искаженными былинами, записанными

¹ См. М. Бережков. – Еще несколько образцов народных исторических песен, записанных во Владимирской губернии. Нежин, 1895, стр. 6–11.

² Былины старой и новой записи, № 3, 23, 64.

³ Киреевский, I, 16.

⁴ Киреевский, I, 30. Нельзя отнести к былинам песню с именем Алеши Поповича (Киреевский, II, 64), известную также в губерниях Орловской и Тульской.

в рассмотренной области, какое внушительное впечатление производят сотни былин Олонецкой губернии и десятки Архангельской и сибирских. Чем объяснить это обилие былин, эту живучесть эпической традиции преимущественно в северных частях территории великоруссов, говоря диалектически, в пределах окающего поднаречия великорусского наречия? Прежде чем ответить на этот вопрос не соображениями общего характера, вроде отдаленности этих губерний от центра, консервативности в быту населения и т.п., просмотрим внимательнее былинный репертуар олонецко-архангельский и сибирский.

При просмотре сборников Рыбникова, Барсова и Гильфердинга мы можем составить следующий инвентарь былин, известных в Олонецкой губернии. Расположим их по богатствам.

Эпические похождения Ильи Муромца составляют сюжет восемь былин, записанных в значительном количестве вариантов: 1) Первая поездка Ильи из дому и встреча с Соловьем-разбойником, 2) Бой Ильи с сыном, 3) Илья и Идолище, 4) Илья и Калинин-царь, 5) Илья и голи кабацкие, 6) Илья в Цареграде, 7) Три поездки Ильи, 8) Илья и Ермак.

О Добрыне Никитиче известны пять былин: 1) Добрыня и змей, 2) Добрыня и Алеша Попович, 3) Добрыня и Марина, 4) Добрыня и Василий Казимирович, 5) Бой Добрыни с поленицей и женитьба.

Сюжет одной былины об Алеше – его бой с Тугарином.

По одной былине известно о следующих эпических лицах: Дунае Ивановиче, Василье Казимировиче, Даниле Игнатьевиче с сыном, Михаиле Потыке Ивановиче, Иване Годиновиче, Святогоре, Колыване, Соловье Будимировиче, Ставре, Иване Гостином сыне,

Сухмане, Хотене Блудовиче, Дюке Степановиче, Василии Окульевиче и Соломоне. По две былины о Вольге Сеславьевиче (Вольга в Индии, встреча с Микулой Селяниновичем), Садке, Василии Буслаевиче и о Чуриле (молодость Чурилы и приезд в Киев, смерть Чурилы). Если к этим былинным сюжетам мы прибавим еще былины: Сорок калик со каликою, Непра и Дон, Рахта Рагнозерский, Терентьище, то увидим, что весь репертуар олонецких сказителей обнимает около 40 сюжетов. Общее же число былин, записанных в губернии, достигает значительной цифры – 300 номеров. Чем объяснить это обилие былинных сюжетов в одной, и притом недалеко от Петербурга губернии, эту сохранность эпической традиции?

Оба исследователя, Рыбников и Гильфердинг, записывавшие былины из уст сказителей, сообщают некоторые свои наблюдения и приводят условия, способствовавшие, по их мнению, живучести былевого эпоса среди олончан. Эти условия таковы: суровая природа, трудность путей сообщения, примитивность в быту и понятиях населения, отсутствие грамотности. К этим условиям Гильфердинг прибавляет еще следующее: вдали от крепостного рабства, которое не коснулось большей части губернии, народ ощущал себя сравнительно свободным и «не терял сочувствия к идеалам свободной силы, воспеваемой в былинах»¹. В свою очередь, Рыбников обращает внимание на «поэтическую природу» жителей и на их поселения на Украине между корелюю и чудью, где они должны были поддерживать свою народность былевою памятью о славном киевском и новгородском прошлом². Даже в ряду условий, конечно второстепенных, содействовавших распростра-

---

¹ Гильфердинг, Онежск. былины, стр. XI.

² Рыбников, III, стр. IX.

нению былин в Заонежье, Гильфердинг указывает на некоторые ремесла. Многие из хороших сказителей либо сами занимаются портняжным или сапожным ремеслом, переходя из деревни в деревню, или изготовлением рыболовных снастей, либо заимствовали былины от лиц, занимавшихся этими мастерствами. Сами крестьяне объясняли исследователю, что, «сидя долгие часы на месте за однообразною работою шитья или плетенья сетей, приходит охота петь “старины”, и они тогда легко усваиваются»¹.

Можно допустить, что примитивность в материальном и духовном быту населения Олонецкой губернии была благоприятным условием для сохранения былевого эпоса, так же как и других произведений народного творчества. Но те же условия можно найти во многих других полосах России, в которых, однако, былины неизвестны населению. Близость к инородцам, будто бы побуждавшая русское население к сохранению памяти об эпической национальной старине, однако, не вызвала таких же последствий во многих других губерниях, где русское население сталкивается с инородцами (Казанской, Оренбургской, Вятской и др.). Скучные и однообразные механические работы всюду на Руси сопровождаются пением песен, и былевые песни, конечно, в этом отношении несколько не предпочтительнее других. Наибольшее значение из перечисленных Рыбниковым и Гильфердингом условий нужно, по-видимому, придать поэтической восприимчивости олонецкого простонародья, о которой, помимо «старин», ярко свидетельствуют прекрасные лирические причитания (свадебные, рекрутские, похоронные), также записанные в огромном количестве среди них Рыбниковым и Барсовым. По наблюдениям

---

¹ Гильфердинг. Стр. XVIII.

обоих исследователей, среди женщин встречаются нередко положительно высокоодаренные натуры, способные излить свое горе в длинных, складных и часто художественных импровизациях. Некоторые из таких женщин пользуются известностью далеко за пределами родной деревни и приглашаются специально на свадьбы и похороны. Но и это условие не принадлежит, как известно, одной Олонецкой губернии: огромное количество лирических песен, записанных в разных полосах России, доказывает, что способность к песнетворчеству, поэтическая жилка составляет явление довольно обычное среди массы великорусского крестьянства. Поэтическая восприимчивость олончан могла бы только объяснить их вкус к восприятию былин, к их разучиванию и распространению. Но все же остается необъясненным самое главное: каким образом такой значительный запас былевых сюжетов вошел в обращение преимущественно в среду олонечких крестьян?

Благодаря перечисленным благоприятным условиям они сохранили запас былин, бывших в обращении у их предков в XVIII и XVII веках, но сами не создавали новых былинных сюжетов. Спрашивается, откуда же, из каких местностей России предки современных сказителей могли получить этот заносный эпос? Где нужно искать метрополию олонечкой колонии нашего эпоса? Думаем, что там же, откуда была колонизована Олонецкая губерния, или древняя Обо-нежская пятина Новгородская. Эта губерния, как соседняя Архангельская, как весь север России до Урала, входила в состав земель Великого Новгорода, жила некогда его интересами, подчинялась его культурному влиянию и доселе говорит тем диалектом, предок которого звучал в устах новгородцев. После покорения Новгорода Иваном III этнографический состав города

и его области значительно изменился. Чтобы предупредить возможность восстаний, Иван III, как известно, выводил тысячами семейства купцов и детей боярских из Новгорода и рассылал их по низовым городам. На место же выселенцев присылались дети боярские и купцы из московских городов. Подобные выводы и перемещения повторялись и впоследствии (например, в 1484 и 1488 гг.). «От таких перемещений, – говорит Д. И. Иловайский, – изменился самый состав новгородского землевладельческого и торгового классов... Многочисленные московские колонисты в Новгороде и его областях принесли сюда свои понятия и обычаи; они способствовали здесь забвению старых новгородских порядков, служили важною опорой властям для водворения московского самодержавия и помогли постепенному внутреннему объединению Новгородской земли с Московскою»¹. Но если землевладельческий и городской классы населения изменили таким образом свой этнографический состав, то сельское население, особенно в отдаленных от города местах, какова Олонецкая губерния, осталось нетронутым и явилось естественным хранителем новгородского наследия в области духовного творчества. Таким образом колония, не испытавшая на себе московских погромов и перетасовок населения, сохранила многое из того, что давно забыто в метрополии. Действительно, в нынешней Новгородской губернии былины почти неизвестны; в сборник Киреевского отсюда попали только две былины: одна об отъезде Добрыни, другая об Иване Гостином сыне². Не встречались даже былины, специально прикрепленные к городу и несомненно когда-то сложенные в нем, – о Садке и о Василии Буслаеве, со-

---

¹ История России, т. II, стр. 465.

² Киреевский, II, 2, и III, 1.

хранившиеся в значительном числе пересказов у олонецких сказителей.

Итак, мы исходим из предположения, что былинный репертуар, записанный в наше время в Олонецкой губернии, есть в значительной степени потомок того репертуара, который был когда-то известен в Новгородской области и в землях, подчинявшихся культурному ее влиянию. Чтобы проверить это предположение, мы должны ближе рассмотреть отношение олонецкого репертуара былин к былинам, записанным в других областях, входивших в число земель новгородских и принявших в себя новгородскую колонизацию. Просмотрим прежде всего былины, собранные в Архангельской губернии, древнем Заволочье.

В этой губернии исследователи не нашли той живучести эпической традиции, какую Рыбников, Гильфердинг, Барсов, Истомин и др. застали в Олонецкой. Но былины, особенно в прежнее время, были здесь не редкостью не только в селах, но и в городах. По сообщению калики Латышева Рыбникову, он певал былины в Архангельской губернии, где, по его словам, по деревням богатые крестьяне, а в уездных городах купцы и даже чиновники любят слушать рассказы о богатырях¹. Число былин из Архангельской губернии, напечатанных доселе, доходит до 25. Просмотр их сюжетов убеждает нас в том, что архангельский репертуар восходит к тому же источнику, как и олонецкий, или, быть может, занесен на Двину олонецкими каликами. Можно отметить ту особенность архангельских былин, записанных священником Вл. Розоновым на Зимнем берегу Белого моря и А. М. Никольским в городе Мезени, что большинство из них представляет сводные редакции двух-трех сюжетов. Но такое сведение отдельных былин в одну показывает

---

¹ Рыбников, III, стр. XXXIII.

в сказителях вообще хорошее знакомство с эпическими типами и сюжетами. Всего полнее в архангельских былинах разработана эпическая биография Ильи Муромца. Здесь мы имеем: первый выезд Ильи из дому, освобождение города Чиженца (Кидоша) и встречу с Соловьем-разбойником¹; бой Ильи с Идолицем², с Батыгой³, с нахвальщиком⁴, с сыном⁵, с Мамаем⁶, с Жидовином⁷; далее бой Ильи Муромца с Добрыней, кончающийся братаньем богатырей⁸ (былина, не встречавшаяся в олонецком репертуаре и представляющая вариант боя Ильи с сыном), три поездки⁹ и обширную сводную былинку, в которой сведены в один рассказ похождения Алешки и Ильи Муромца¹⁰. Из сюжетов, прикрепленных к имени Добрыни, встретились два: Добрыня и Марина и Добрыня и Алешка Попович¹¹. Об Алешке, кроме его подвигов, рассказанных в названной выше сводной былинке, известно его похождение с сестрой Збродовичей, не оказавшееся в олонецком репертуаре¹². Из былин о других богатырях в Архангельской губернии известны: былины о Дунае Ивановиче¹³, Василии Казимировиче¹⁴, Даниле Игнатье-

---

¹ Былины старой и новой записи, № 5, и Киреевский, I, 77, III, 1.

² Киреевский, III, 18 и 22.

³ Киреевский, III, 38.

⁴ Киреевский, I, 52, III, 6.

⁵ Киреевский, III, 12.

⁶ Былины старой и новой записи, № 8.

⁷ Киреевский, I, 46.

⁸ Былины старой и новой записи, № 15.

⁹ Киреевский, I, 86.

¹⁰ Там же, № 31.

¹¹ Киреевский, II, 45 и II, 11.

¹² Киреевский, II, 67.

¹³ Киреевский, III, 52, III, 58; Былины старой и новой записи, № 32.

¹⁴ Киреевский, II, 83.

виче с сыном¹, Иване Годиновиче², Хотене Блудовиче³, Дюке Степановиче⁴, Никите Заолешанине⁵, Соломоне и Василии Окульевиче⁶, о Сорока каликах. По сравнению с инвентарем олонецких былин оказывается, что в Архангельской губернии до сих пор не встречались следующие сюжеты: Михаил Потык, Соловей Будимирович, Ставр, Иван Гостиный сын, Сухман, Вольга и Микула, Святогор-Самсон, Чурило и оба новгородские типа Садко и Василий Буслаев. Как объяснить отсутствие этих былинных сюжетов в Архангельской губернии – мы не знаем. Может быть, они и окажутся впоследствии, так как губерния далеко не так обстоятельно исследована по части народной поэзии, как Олонецкая. Отметим только, что на знакомство сказителей с некоторыми из названных былинных лиц указывает, например, такое зачалю былины о Дюке Степановиче:

Нету на силу *Самсонову*,
Что того же Самсона Колыбанова,
Нет на счастье осударя Ильи Муромца,
На вежество Добрынюшки Никитича,
На ярость Олешиньки Поповича,
На именье *Садка*, купца богатаго,
На злату казну Дюка сына Степанова⁷.

Или перечисление богатырских имен в былине об Илье и Мамае, где говорится, что Илья

---

¹ Киреевский, III, 41.

² Киреевский, III, 9; Былины старой и новой записи, № 44.

³ Киреевский, IV, 72.

⁴ Былины старой и новой записи, № 51 и 67.

⁵ Киреевский, IV, 46 и IV, 49.

⁶ Былины старой и новой записи, № 68.

⁷ Былины старой и новой записи, № 49.

Пошел по Киеву граду,
Нашел дружинишку хорошую,
Того ли *Потанюшку* хроменького¹;
Писал ярлыки скорописчатые
Ко своим ко братьяцам ко названным:
Во-первых то, к Самсону Колувану,
Во-вторых то, к Дунаю Ивановичу,
Во-третьих то, к Василию Касимерову,
Во-четвертых то, к Михайлушке Игнатьеву
с племянником,
Во-пятых то, к *Потоку* Ивановичу,
Во-шестых то, к Добрынюшке Никитичу,
Во-семих то, к Алеше Поповичу,
Во-восьмих то, к двум братьям Иванам,
Да еще к двум братьям двум Суздальцам»².

Ввиду этого дозволено предположить, что в Архангельской губернии были известны (а может быть, известны и теперь) былины о Садке, Василии Буслаеве, Потоке Ивановиче, Самсоне и о некоторых других эпических лицах, воспеваемых олонекскими сказителями. Во всяком случае, архангельский былинный репертуар, уступая по богатству олонекскому, стоит к последнему в ближайшем отношении и восходит к тому же источнику.

Насколько были распространены былины в Вологодской губернии, мы не можем судить за отсутствием записей. Даже в богатых материалах по этнографии этой губернии, собранных Н. Иваницким и М. Куклиным³ и содержащих немало песен и сказок,

¹ Известен из былины о Василии Буслаеве, не записанной в Архангельской губернии.

² Былины старой и новой записи, № 8, стихи 117–129.

³ См. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России, под редакцией Н. Харузина, в. II.

былин не оказывается. В одной заметке, помещенной еще в 1841 году П. Савваитовым в *Москвитяине*, мы находим следующее крайне неопределенное указание на существование былин в Вельском уезде: «Из всех слышанных мною рассказов (каких?), самые интересные и оригинальные нашел я в Вельском уезде. Здесь все они без исключения называются былинами и рассказываются нараспев»¹. К сожалению, П. Савваитов не записал ни одного из рассказов, которые будто бы называются былинами. Две былины – Илья на Соколе-корабле и Добрыня и Марина – нашлись в рукописном сборнике, доставленном в Императорскую Публичную библиотеку из Вологодской губернии². Но записаны ли они в той же губернии – неизвестно. Можно надеяться, что при более внимательных поисках, особенно в частях губернии, прилегающих к Архангельской, былины найдутся в народном обращении. По крайней мере, в Шенкурском уезде Архангельской губернии, смежном с Вельским Вологодской, былины небезызвестны³.

Переходя из Вологодской губернии в соседнюю Пермскую и перевалив за «Камень» (Уральский хребет), мы опять вступаем в область, которая некогда была богата былинами, как можно судить по сборнику, приписываемому Кирше Данилову. Припомним то небольшое, что известно о происхождении этого драгоценного сборника, положившего основание знакомству русского образованного общества с народными былинами. По словам второго издателя Калайдовича, сборник был «списан» лет за 70 перед тем (то есть в

---

¹ Москвитянин, 1841 г., ч. 2. № 3, стр. 271.

² Живая старина, вып. I, 1890 г.

³ Ф. М. Истомин сообщил мне, что им записаны были былины в Вологодской губернии.

половине XVIII века) для известного богача, владельца уральских заводов Прокопия Акинфиевича Демидова, у которого и хранился до его смерти. Затем рукопись была в руках московского почт-директора Ключарева и по его поручению была издана (не вполне) его чиновником А. Ф. Якубовичем в 1804 году. По напечатании рукопись осталась собственностью Ключарева. В 1816 году государственный канцлер граф Н. П. Румянцев, получив рукопись в собственность, приказал ее издать Калайдовичу, что и было им исполнено в 1818 г. Дальнейшая судьба рукописи точно неизвестна: после издания она пропала бесследно, и это прискорбное обстоятельство лишает нас возможности судить, насколько рука редактора прошла по текстам былин. Ввиду того, что, по словам Калайдовича, рукопись была написана «без наблюдения орфографии и без разделения стихов»¹, а в издании 1818 года вполне соблюдена орфография и стихотворная форма, можно думать, что редактор стер в своем издании многие интересные черты оригинала, которые, быть может, содержали диалектические оттенки, важные для определения местности записи былин².

Составление сборника приписывается Калайдовичем некоему Кирше (Кириллу) Данилову на том основании, что, «по уверению» первого издателя Якубовича, имя Кирши Данилова стояло на первом, потерянном листе сборника и что имя Кирилла Даниловича упоминается в небольшой песне (№ 36). Кто был Кирша Данилов – неизвестно, и гадания Калайдовича, который считает его казаком и даже старается опреде-

---

¹ Предисловие, стр. II.

² Это предположение подтверждается сделанным А. М. Лободю сравнением изданий Калайдовича и Якубовича. См. Киевские Университетские известия 1896 г., № 4, стр. 50–54.

лить его месторождение и местопребывание, не имеют никакого основания. Высказывая предположение, что песни для П. А. Демидова были *списаны* (то есть с готового рукописного оригинала), а не записаны со слов, Калайдович находит вероятным, что «собиратель древних стихотворений должен принадлежать к первым десятилетиям XVIII века»¹. Однако доказательства, почерпаемые Калайдовичем для этого предположения из текста песен, не имеют значения, а письмо Прокопия Демидова к историку Гергарду-Фридриху Миллеру, относящееся к 22 октября 1768 года и изданное по подлиннику Шевыревым в *Москвитянин*², положительно свидетельствует, что песни были записаны с голоса сибирских людей, а не переписаны с готовой записи. Вот слова Демидова: «В присутствии Вашем у меня благоволили мне приказать прислать о селе Романовском, а ныне называют его Преображенским. Я достал от *сибирских* людей, которые прошедшую историю поют по голосу, которую при сем к Вашему Высокородию посылаю». Посланная Миллеру песня напечатана в «Древних российских стихотворениях» под заглавием: «Никите Романовичу дано село Преображенское» (№ 43), следовательно, входила в число песен сборника.

На основании этого важного показания мы должны признать, что во владениях Демидова в половине XVIII века «сибирские люди» пели былины и исторические песни, из которых был составлен дошедший до нас сборник. Если мы припомним, что во владении семьи Демидовых были верхотурские железные заводы

---

¹ Предисловие, стр. VIII.

² Москвитянин, 1854, № 1 и 2, отд. IV, стр. 9; см. также статью Н. С. Тихонравова: «Пять былин по рукописям XVIII века» в «Этнографическом обозрении», кн. VIII, стр. 13.

на реке Невье, к которым еще при Петре в 1703 году были приписаны две волости в Верхотурском уезде (Пермской губ.), что основателю богатства этой семьи, Никите Демидовичу, принадлежали также заводы на Урале, что его сыном Акинфием Никитичем был восстановлен судоходный путь по Чусовой, проведены дороги между заводами, основано несколько поселений по глухим местам вплоть до Колывани (Томской губ.) и открыты знаменитые алтайские серебряные рудники, – то и не зная точно, от каких именно «сибирских» людей были записаны былины для Прокопия Акинфиевича, мы можем районом их распространения в XVIII веке считать северо-восточные части Пермской губернии, южную Тобольской и Томской. В последней губернии, в Алтайском горном округе, записаны были еще в 60–70-х годах нашего столетия превосходные былины С. И. Гуляевым на заводах Сузунском, Локтевском и в окрестностях Барнаула.

Рассмотрим теперь *западносибирский* репертуар былинных сюжетов и сравним его с олонецким. Как в последнем, так и в сибирском, эпическая биография Ильи Муромца представлена значительным количеством былин. Известны следующие сюжеты: 1) Первая поездка Ильи Муромца в Киев¹, 2) Илья и Тугарин², 3) Илья и Калин-царь³, 4) Илья и сын⁴, 5) Илья, Добрыня и баба Горынынка⁵. О Добрыне Никитиче встретились четыре былины: 1) Добрыня и Скимен⁶, 2) Купа-

¹ Кирша Данилов, ; 46. Тихонравов и Миллер, № 1.

² Киреевский, I, 56.

³ Киреевский, I, 66; Кирша Данилов, № 24; Тихонравов и Миллер, № 9 и № 12.

⁴ Киреевский, I, 7; Кирша Данилов, № 47.

⁵ Кирша Данилов, № 47.

⁶ Киреевский, II, 9; Тихонравов и Миллер, № 18.

ные и бой со змеем¹, 3) Добрыня и Марина², 4) Добрыня и Алеша³. На известность обоих последних сюжетов в Сибири указывает большая сводная былина, содержащая оба сюжета, записанная князем Костровым в Минусинском округе Енисейской губернии⁴. Алеша Попович является действующим лицом в двух былинах, из коих одна пространно рассказывает о его бое с Тугарином⁵, другая – неизвестная в олонецком репертуаре – об освобождении им родной сестры от татар⁶ (сюжет Михаила Казаринова).

Далее, как в Олонецкой губернии, по *одной* былине известно в Сибири о следующих лицах: Дунае Ивановиче⁷, Василии Казимировиче⁸, Михаиле Потыке⁹, Иване Гоудиновиче¹⁰, Соловье Будимировиче¹¹, Ставре Гоудиновиче¹², Иване Гостином сыне¹³, Суханьше (Сухмане)¹⁴, Гордее (Хотене) Блудовиче¹⁵, Василии Буслаевиче (две былины)¹⁶,

---

¹ Кирша Данилов, № 45; Тихонравов и Миллер, № 21.

² Кирша Данилов, № 8.

³ Кирша Данилов, № 20.

⁴ Напечатана Шейном в «Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей», 1877, кн. III, отд. 2, стр. 9–16, и в нашем сборнике, № 27.

⁵ Тихонравов и Миллер, № 28; Кирша Данилов, № 19.

⁶ Киреевский, II, стр. 80.

⁷ Киреевский, III, 56; Кирша Данилов, № 10.

⁸ Наши, № 37.

⁹ Кирша Данилов, № 22.

¹⁰ Кирша Данилов, № 15; наши, № 42.

¹¹ Кирша Данилов, № 1.

¹² Наши, № 56 (ср. Енисейскую, № 57); Кирша Данилов, № 14.

¹³ Кирша Данилов, № 7; наши, № 55.

¹⁴ Наши, № 54.

¹⁵ Кирша Данилов, № 16.

¹⁶ Кирша Данилов, № 9, № 18.

Василии пьянице¹, Садке купце², Дюке Степановиче³, Чуриле Пленковиче⁴, госте Терентии⁵, Волхе Всеславиче⁶, Сорока каликах с каликою⁷. При тщательном сличении этого былинного инвентаря с олонецким оказывается, что в Западной Сибири до сих пор не встречались только следующие четыре сюжета, известные онежским сказителям: Встреча Ильи со Святогором, Вольга и Микула Селянинович, Данило Игнатьевич с сыном и Василий Окульевич с Соломоном. Так же как и олонецко-архангельскому эпосу, Сибири известна даже былина о кончине богатырей⁸. Как бы взамен недостающих четырех былинных сюжетов, которые, быть может, еще найдутся где-нибудь в Сибири, западносибирский репертуар со своей стороны содержит три былины, неизвестные олонецким сказителям. Таковы: Саул Леванидович⁹, Суровец¹⁰ и Михайло Казаринов (Казарятин)¹¹. Таким образом, относя на долю случайности отсутствие четырех былинных сюжетов олонецкого репертуара и наличность трех неизвестных последнему, мы имеем право сделать заключение, что тот же инвентарь былин, который в 1860–1870 годах и позже был собран в Оло-

---

¹ Наши, № 39.

² Кирша Данилов, № 26.

³ Кирша Данилов, № 3.

⁴ Кирша Данилов, № 17; Киреевский, IV, 87; Наши, № 45.

⁵ Кирша Данилов, № 2.

⁶ Кирша Данилов, № 6.

⁷ Кирша Данилов, № 23.

⁸ Киреевский, VI, 108.

⁹ Кирша Данилов, № 25.

¹⁰ Киреевский, IV, прил., стр. XXVII, зап. в Минус. Округе Енисейской губ.

¹¹ Кирша Данилов, № 21; наши былины, № 41.

нецкой губернии, был в XVIII веке известен в губерниях Пермской и Томской и еще не вполне был забыт в этих местах в 1860–1870 годах текущего столетия.

Факт, установленный этим сличением обоих былинных репертуаров, дает нам возможность пойти к дальнейшим выводам, имеющим значение для истории распространения былинных сюжетов. Мы видим, насколько прочно и постоянно повторяются в народе одни и те же былевые сюжеты на таком огромном расстоянии, каковы на западе Заонежье, на востоке Алтайский горный округ Томской губернии. Как сказители олонецкие не создали ни одного нового сюжета (за исключением песни о Рахте Рагнозерском, о которой была речь выше), так и в числе сибирских былин мы не нашли ни одного специально созданного в Сибири сюжета. Очевидно, следовательно, что те и другие былины существовали почти в том же виде и в прошлом и в XVII веке и вместе с колонизацией Западной Сибири перешли сюда из северных частей Европейской России. Имеем ли мы право ввиду этого совпадения сибирского репертуара с олонецким говорить, что наш былевой эпос понес значительные утраты в течение, по крайней мере, двух последних столетий своего существования? Едва ли. Нам представляется более вероятным, что современные записи былин и сборник Кирши Данилова сохранили нам приблизительно в полном виде тот инвентарь былин, который был известен в северных великорусских областях в XVIII и даже в XVII столетиях. Мы говорим *приблизительно* потому, что утрату нескольких, вероятно, малопопулярных и неважных по содержанию былин мы должны допустить. На это существуют некоторые указания, из которых приведу следующие. Историк Татищев в одном примечаний по поводу воеводы Владимира Путяты говорит: «О Путяте

нигде Нестор не упомянул, но есть Путята, токмо иной; в песнях старинных о увеселениях Владимира тако поют: “Против двора Путятина, против терема Зыбатина, старого Путята темный лес”, из чего можно видеть, что знатный муж был¹. Итак, если верить Татищеву, то в его время пелась скоморохами какая-то песня, в которой поминался Путята, неизвестный дошедшим до нас былинам. Ближе к нашему времени находим такое же указание на утрату одного или двух сюжетов в замечаниях Рыбникова. Известный сказитель Трофим Рябинин сообщил собирателю, что он научился некоторым былинам от какого-то петербургского трактирщика Кокотина. Этот Кокотин, большой охотник до былевой поэзии, читывал ему многие былины из рукописной тетрадки. В ней, например, было записано, как Добрынюшке покрут (наряд) понадобился для князя Владимира и как Добрыня ездил в чужие земли за дорогими шелковыми материями (в былинах этот эпизод (?) не встречается). От того же Кокотина Рябинин слышал о Гальяке Неверном, Федоре Иванове и сыне Владимирове и мог только вкратце передать Рыбникову сюжет этой не дошедшей до нас былины².

Точно так же сказитель былин из Новоладожского уезда Петербургской губернии, Иван Яковлев Гусев говорил Гильфердингу в 1871 году, что он в прежние годы знал былинку про Мирошку богатыря, который победил Бабу-ягу. Имя этого богатыря в былинах неизвестно³.

Но эти примеры утрат одиночных былин едва ли могут оправдывать слишком преувеличенное понятие о прежнем богатстве нашего эпоса по числу сюжетов.

¹ История Российская, ч. I, стр. 50.

² См. Рыбников, III, стр. XXI.

³ Русская старина, 1871 г., т. IV, стр. 451–452, в ст. Гильфердинга: «Певец былин в Петербургской губернии».

Если бы былинные сюжеты, например, в XVIII веке, существовало значительно больше, чем в настоящее время, то, с одной стороны, мы должны были бы найти в Сибири *много* таких былин, которые неизвестны в Олонецкой губернии, чего не оказывается при сличении обоих репертуаров, с другой – должны были бы в «Исландии» нашего эпоса, в самой Олонецкой губернии, где эпическая *традиция* дожила до наших, дней, где Гильфердинг выслушал до 70 сказителей и сказительниц, ожидать гораздо большего числа сюжетов, чем то (35–40), которое дошло до нас в слишком 300 записях. Поэтому нужно думать, что уже в XVII веке, вероятно, во второй его половине, окончился период создания *новых* былин, пресеклось пополнение раньше известного былинного репертуара, и его дальнейшая история сводится к двум процессам: распространению на восток, в Сибирь, вместе с усиленною колонизацией этого края, и к постепенному искажению былин вследствие отсутствия прочной традиции, которая еще, по-видимому, существовала в начале прошлого столетия в среде странствующих «веселых людей» – скоморохов.

Отношение западносибирского былинного инвентаря к тому, который в XVII веке был распространен в северных великорусских губерниях (Олонецкой, Архангельской, Вологодской), находится в непосредственной связи с колонизационным движением русского населения в Сибирь. Исторические справки доказывают, что главный контингент великоруссов, колонизовавших западные области Сибири в XVII и XVIII веках, получался преимущественно из соседних губерний Европейской России. Известно, что первое знакомство русского населения с богатствами Пермского края, некогда сплошь заселенного финским племенем, было положено предприимчивыми новгородскими промышленниками.

«Для новгородцев страна эта была настоящей находкой; богатство мягкой рухляди давало им неистощимую и чрезвычайно прибыльную статью для торговли»¹. Уже с половины XIII века, когда в грамотах новгородских по-является название Пермь, началась постепенная колонизация края, непрерывно продолжавшаяся до завоевания и утверждения русского господства в Сибири. Когда с падением новгородской независимости дело управления краем переходит к Москве, население, двигавшееся для заселения Перми, шло туда главным образом из прежних новгородских вотчин. Так, по сохранившимся преданиям и некоторым отрывочным историческим свидетельствам, говорит г. Крупенин, можем безошибочно заключить, что оба древнейших города Пермской губернии – Чердынь и Соликамск – происхождением своим обязаны выходцам новгородским, вологодским и другим. Предание местных жителей Чердыни прямо приписывает основание этого города выходцам новгородским². Первоначальное население Соликамска, пришедшее, как думают, из Вологодской губернии, было во 2-й половине XVI века дополнено множеством выходцев из Балахны, Вологды, Устюга, Вятки, Чебоксар, Белоозера, Холмогор, из Чердыни, Москвы, Новгорода, Пскова, Нижнего Новгорода, с Вычегды, Двины и Пинеги, как можно судить по писцовым книгам Кайсарова 1624 года, где многие из жителей Соликамска обозначены одними именами с придачей, вместо фамилии, слова *пришлец* такой-то: вологжанин и пр.³ Выходцы из соседней Вологодской области влеклись в Пермскую страну главным образом возможностью с большою выгодой

¹ См. Пермский сборник, 1859, кн. I, статья А. Крупенина: Краткий исторический очерк заселения и цивилизации Пермского края, стр. 7.

² Там же, стр. 11.

³ Там же, стр. 37, примеч. 27.

продолжать здесь свой наследственный промысел – солеварение, которое в Вологодской области привилось исстари¹. Именитые люди Строгановы, так много сделавшие для колонизации и цивилизации Пермского края, были родом из Сольвычегодска. После покорения Сибири московское правительство направляет все усилия для заселения края русским элементом, ограждения его от нападений инородцев, отыскания лучшего пути через Уральские горы и эксплуатации естественных богатств. При Феодоре Ивановиче (в 1595 г.) пролагается дорога от Соликамска до Верхотурья, при Борисе Годунове основывается город Верхотурье и образовано верхотурское воеводство. Для скорейшего заселения края правительство неоднократно вызывает *охочих* людей из Перми, Вятки и других мест², вследствие чего уже в 1-й половине XVII века за Уралом появляются многие русские слободы, заселенные выходцами из Вологды, Тотьмы, Устюга, Вятки, Кайгорода, Чердыни, Соликамска³. Кроме сравнительного приволья новых мест, девственности почвы, богатства промыслов, побуждением для значительной части населения Северной России к переселению в Сибирь служило религиозное преследование. Обширные пермские и сибирские леса представляли раскольникам и сектантам все средства, чтоб укрыться от преследования. Знарок заселения Томской губернии, покойный этнограф С. И. Гуляев, записавши немало превосходных былин в Алтайском горном округе, занимающем самую большую часть этой губернии, утверждает, что первоначальное русское население тамошнего края образовалось преимущественно из жителей Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Архангельской и

---

¹ Там же, стр. 13.

² Там же, стр. 21.

³ Там же, стр. 24.

Пермской губерний. Эти выходцы стали переселяться в южную Сибирь в начале XVIII века, привлеченные столько же выгодами жизни, сколько и возможностью отправлять, по правилам разных раскольничьих сект, религиозные обряды в так называемых *пустынях*, устраиваемых в дремучих лесах... Переселяясь туда, они уносили с собою предания старины о Владимире и богатырях его, которые и передавались из рода в род, сохранившись донныне, точно так же, как и многие, забытые уже в других местах, обряды и обычаи, чему способствовали прежде и способствуют в настоящее время¹ отдаленность этого края, недостаток торговых путей, совершенное несуществование мануфактурной промышленности и крайняя неохота, кроме некоторых весьма ограниченных случаев, оставлять родину².

Помимо исторических указаний на этнографический состав населения Юго-Западной Сибири, такие указания можно было бы ожидать от русской диалектологии. К сожалению, по заявлению проф. А. И. Соболевского, Сибирь в диалектическом отношении нам почти неизвестна³. Известно только, что сибирские диалекты принадлежат к северновеликорусскому, или окающему, поднаречию русского языка. Так как главная часть русского населения Сибири состоит из переселенцев с нашего окающего и цокающего Севера, то их говоры имеют очень много общего с говорами Архангельской, Вологодской, Пермской губерний, и разница между ними состоит по преимуществу в словарном материале⁴. Мы уже упомянули, что сибирский сборник,

---

¹ Сведение относится к половине 50-х годов.

² См. Памятники великорусского наречия, 1855 г., стр. 74.

³ См. его Очерк русской диалектологии. Северновеликорусское, или окающее, поднаречие. Живая старина, 1892 г., вып. II, отд. I, стр. 24.

⁴ Там же, стр. 25.

приписываемый Кирше Данилову, в издании Калайдовича не дает никакого, кроме словарного, материала для диалектологических заключений. К сожалению, и покойный С. И. Гуляев, по-видимому, не особенно тщателен в сохранении диалектических особенностей текстов записанных им былин. В своей заметке, напечатанной в приложении к былинам, доставленным им в Академию наук в 50-х годах, он делает только следующую, весьма краткую характеристику говора русского населения Алтайского округа: «Говор народа есть тот же, что и в северо-восточных областях Европейской России, грубый для непривычного к нему уха – по выбрасыванию из окончательного слога глаголов во втором и в третьем лице единственного числа и в первом множ. настоящего времени звука *e*, например: вместо *знаешь, знает, знаем – знаш, знат, знам,* – по букве *o*, везде удерживающей присвоенный ей звук; наконец, по самой интонации, похожей в оживленном разговоре на речитатив. Употребление вместо *o* буквы *a* там называется *речью свысока*»¹. В тексте же записанных Гуляевым былин мы находим только немногие диалектические оттенки, как, например: формы глагольные с выпущением *e* после *a*: *поднимать, отворять, отвязывать, оставлять* и друг.; исход род. пад. ед. ч. м. и ср. р. прилагательных – *ова: зеленова, молодова, широкова, пьянова* и проч. (хотя обычны и формы на *-аю, -ою*); группу *иш* вместо *иц*: *ишишо* (еще), *змеишишо, ишока* (щека), *ножишишо, вешиая* (вещая); переход *ч* в *ш* перед *н* в суффиксе: *пешной* (печной), *Митревишина* и др.; сохранение древнего *ь* перед группой *ск* в суффиксе: *русьская*. В синтаксическом отношении можно отметить употребление именит. пад. при неопределенном наклонении, бытующее доселе в говоре Олонец-

¹ Памятники великорусского наречия, стр. 74.

кой и других северных губерний, например: «потерять тебе будет буйна голова; потерять то нам будет слава добрая» и друг. Перечисленные выше *фонетические* черты входят в число особенностей говоров губерний: Вятской, Вологодской, Олонецкой, Петербургской, Архангельской и др., но более резких черт цокающих говоров, например, мены *ц* и *ч* (цоканья), чин (чаканья), употребления *и* вместо *е*, мы в записях Гуляева не находим, точно так же, как употребления форм род. ед. ж. р. на *ы* вместо форм дат.-местн. (к жоны) и форм дат. множ. вместо формы твор. (ходить ногам) и некоторых других особенностей, свойственных цокающим северновеликорусским говорам.

Как бы то ни было, диалектические данные, хотя и скудные, наблюденные в Сибири, подтверждают факты, известные нам из истории ее заселения. Южная Сибирь и по говору населения, и по былинному репертуару является непосредственным продолжением северо-восточной полосы Европейской России – края, колонизованного некогда главным образом новгородскими славянами, и сохранила доселе, как колония, то духовное достояние эпической старины, которым обладало население европейской родины в XVII столетии.

Если по числу былинных сюжетов западносибирский репертуар почти не уступает олонецкому, то по живучести былинной традиции оба края не могут быть поставлены на один уровень. Мы не знаем, много ли было во времена П. Демидова таких сибирских людей, которые «прошедшую историю пели по голосу», но в XIX столетии сибирским этнографам встречались лишь отдельные лица, знавшие по две, по три былины. Как редкое для Сибири явление можно отметить, что С. И. Гуляеву удалось в окрестностях Барнаула (в Алтайском горном округе) встретить крестьянина Ле-

онтия Тупицына, певшего значительное количество былин¹. Певец наследовал свой репертуар от отца, который в свою очередь перенял его от деда. Прадед Тупицына вышел откуда-то из России на р. Ишим, а потом, по основанию А. Н. Демидовым Барнаульского завода, поселился в тех местах вместе с другими выходцами. Таким образом в семье Тупицына хранились былины в течение трех поколений, переходя от отца к сыну. Других примеров такой прочности традиции в Сибири нам неизвестно.

В совершенно ином положении застали, как известно, былинную традицию Рыбников и Гильфердинг в тех же 60-х годах в Олонецкой губернии. По словам Рыбникова, здесь былины сохранились между русским населением уездов Петрозаводского, Пудожского, Каргопольского и в некоторых местностях Повенецкого, Вытегорского и Лодейнопольского... В первых трех уездах и той части Повенецкого, которая прилегает к Пудожскому побережью, старины *очень* распространены. Во всех этих местностях каждый крестьянин знаком с содержанием былин и именами некоторых богатырей. В Заонежье и на Пудожском побережье у всякого смышленного пожилого человека отыщется в памяти одна-две былины, и хотя сам-то он полагает, что ничего не знает, однако при случае вдруг припомнит какую-нибудь былевую песню². Предпринимая поездку в Заонежье по следам Рыбникова, Гильфердинг несколько не рассчитывал значительно дополнить былинный инвентарь своего предшественника и тем не

---

¹ Тупицын знал несколько былин про Илью Муромца (2), Добрыню Никитича, Ивана Годеновича, Ставра Годеновича, Михаила Казарятина, Василия Казимировича и песни про Ивана Грозного, Михайла Скопина, князя Волконского. О Тупицыне см.: Былины старой и новой записи, отд. II, приложение, стр. 269–271.

² Рыбников, III, стр. LI–LII.

менее в течение двух летних месяцев записал 318 песен и прослушал 70 певцов и певиц. По его наблюдениям, былинная традиция, ослабевая в некоторых местах, делает завоевания в других, например, на северо-восток от Онежского озера (на Водлозере), где эпическая поэзия только начинает водворяться, заносимая с разных сторон¹. Исследователи, ездившие после Гильфердинга в Олонецкую губернию, В. М. Истомина, В. Н. Харузина, Г. И. Куликовский, также указывают на живучесть былинной традиции среди крестьян, на глубокий интерес их к «старинушкам», на уважение, которым пользуются хорошие сказители, и т.п.

Для объяснения необычайной распространенности знакомства олонецких крестьян со всем содержанием нашего былевого эпоса мы уже высказали в виде предположения, что предки их сохранили старинное достояние новгородской духовной культуры, которой мы склонны приписать важную роль в создании и распространении былин. Чтоб проверить и подтвердить это предположение, считаем нужным еще раз вернуться к обзору былинного репертуара олонецких сказителей, разобраться среди перечисленных выше 35–40 сюжетов, подразделить их на группы и рассмотреть, какие из них исключительно известны в северной половине России и какие пользовались более широким распространением.

Общепринятое деление былин на два цикла – киевский с именем князя Владимира и новгородский – не дает никаких ни хронологических, ни географических показаний относительно сложения былин. Давно уже уяснено, что присутствие имени Владимира и прикрепление места действия былины к Киеву не говорит ничего в пользу давности ее сложения, так как Киев и

---

¹ Онежские былины, стр. XXXI.

князь Владимир вставлялись по готовому шаблону, и былина с этими именами могла быть слагаема и в XV, и в XVI, и даже в XVII столетиях сказителями, не выдавшими Киева, а проживавшими где-нибудь в северных городах. Точно так же, говоря о новгородском эпосе, его ограничивают двумя-тремя былинами о Садке, Василии Буслаеве, в которых действие совершается в Новгороде. Но ничто не препятствует нам допустить, что в Новгородской области, или в новгородском культурном районе, могли быть слагаемы былины, не прикрепленные содержанием к Новгороду или прикрепленные к Киеву и его эпическому князю. Ввиду этих соображений я считаю более целесообразным различать былины не по присутствию в них имен Киева и Новгорода, а по характеру их содержания. С этой точки зрения намечаются, как указано выше¹, в нашем былинном репертуаре *два* крупных отдела: былины *богатырского* характера и былины *невоинского* характера, напоминающие иногда новеллы, иногда фаблю.

Посмотрим теперь, сообразуясь с местами записей, какие лица и сюжеты нашего эпоса пользовались большей, какие меньшей известностью в разных областях России.

Из известных олонецкому и сибирскому репертуару былин об Илье Муромце далеко не все нашлись у южных великоруссов. Весьма популярно похождение Ильи с Соловьем-разбойником: былины этого содержания были записываемы в губерниях Московской, Нижегородской и Симбирской и рано перешли в лубочную «Историю». Встреча Ильи с разбойниками, происходящая, по некоторым версиям, при первом выезде Ильи в Киев, составляет нередко содержание отдельной небольшой песни, которая, войдя в репертуар

---

¹ См. очерк, II, стр. 30.

песен разбойничьих и казацких, распространилась далеко по Волге, Яику и Тереку. Песни об этом были записаны в губерниях: Московской, Рязанской, Симбирской, на Урале и в станицах Терской области. Песня об Илье на Соколе-корабле, записанная в губернии Саратовской, на Урале и в Сибири, но неизвестная олонечким сказителям, также продукт творчества волжских разбойников. Имя Ильи внесено в нее лишь в некоторых версиях, как в других – имя Стеньки Разина. Бой Ильи с сыном записан только в Уфимской губернии. Что же касается прочих подвигов популярнейшего русского богатыря, каковы: бой с Идолищем, с Жидовином, с Калином (Мамаем, Батыгой), три поездки, – то былины этого содержания известны исключительно на севере, в губерниях Олонецкой, Архангельской и отчасти в Сибири.

Былины о другом популярнейшем богатыре, Добрыне, пользуются не меньшим распространением, чем былины об Илье Муромце.

Всего чаще встречаются былины о любовном походе Добрыни с Мариной (есть записи из губерний: Московской, Симбирской, Уфимской и из области Уральского казачьего войска) и о неудачной попытке Алеши жениться на жене Добрыни (записи в губерниях: Нижегородской, Симбирской, Саратовской, на Урале).

Былина о змееборстве Добрыни была записана только в Симбирской губернии, где, заметим кстати, имя Добрыни вставлено в безыменную песню о молодце и реке Смородине¹, такой же случай, как вставка имени Ильи в песню о Соколе-корабле. Любопытно также, что обособившийся в небольшую песню *запев* былин о рождении Добрыни с чудным зверем Скименом, выбегающим на Днепр, пользовался довольно значительной

¹ Киреевский, II, 61.

популярностью. Песня о Скимене была записана в губерниях: Тульской, Уфимской, области уральских казачков, а в Томской губернии, по свидетельству Г. Н. Потанина, под эту песню казаки маршируют.

Алеша Попович, как *богатырь*, неизвестен за пределами северной полосы России. Былина о его бое с Тугарином была записана в Архангельской и Томской губерниях, зашла на крайний восток Сибири, в Якутскую область¹, попала вместе с казаками на Терек, но ни разу не встречалась в центральных и южных губерниях великорусских. Здесь иногда, как мы выше указали, встречалась только былина о попытке Алеша жениться на жене Добрыни. В губерниях Московской, Орловской, Тульской известна песня, в которой братья (не названные) хвастаются своей сестрой, а Алеша Попович объявляет, что он ее любовник, вследствие чего братья убивают сестру². Достаточно сравнить эту песню с пересказом того же содержания, записанным в Архангельской губернии (в Шенкурске)³, чтоб убедиться, до какой степени характер «былины» и стих стерты в песне, записанной в центральных губерниях. Тот же сюжет, обработанный в Архангельской губернии в былинку киевского цикла, то есть с прикреплением события к пиру Владимира в Киеве, является в центральных губерниях без былинной обстановки, без прикрепления к известному месту и времени. Видно, что в этих полосах России былины были мало известны населению.

Если уже о главных богатырях нашего эпоса сохранилось лишь незначительное число былин вне пределов Олонецкой, Архангельской губерний и Западной Сибири, то остальные эпические лица почти неизвестны

¹ Наш сборник, № 29.

² См. Киреевский, II, стр. 64–67.

³ Киреевский, II, стр. 67.

южной половине великоруссов. Среди них до сих пор не встречались былины о Дунае Ивановиче, Михаиле Казаринове, Иване Гоудиновиче, Сухмане, Иване Гостином сыне, Дюке Степановиче, Хотене Блудовиче, Садке богатом госте, Василии Буслаеве, Волхе Всеславиче, Микуле Селяниновиче, Святогоре-Самсоне, и, кажется, нет надежды, чтобы былины об этих лицах когда-нибудь попали в запись этнографа. Скучные остатки былин о некоторых других эпических лицах, правда, попадались изредка, но, заметим, только в приволжских губерниях, как этапы, свидетельствующие о пути, которым расходились песни в среде шумной и песнолюбивой вольницы, кормившейся Волгою. Так, в Нижегородской губернии встретился один пикантный эпизод из былины о Чуриле, который в песне назван Чуриной¹, и в этой местности были записаны две былины о Василии Казнеровиче². Отрывок одной былины о Василии Буслаевиче оказался недавно в Москве, в мещанской среде; но происхождение его крайне сомнительно: быть может, он восходит уже к книжке³.

Спрашивается: чем объяснить эту скудость былин в центральных и южных великорусских губерниях? Жило ли население этих областей России более подвижной духовной жизнью, чем население севера, испытало ли оно в своем быту много существенных и глубоких перемен, отвлекших его симпатии от древних сказаний о богатырях и направивших его мысли к новым песенным сюжетам? Заглушил ли гнет крепостного права, царившего во всей силе в этих полосах России, в народе память о некогда созданных им идеалах свободной народной силы? Или, быть может,

¹ Киреевский, IV, 86.

² Киреевский, IV, стр. 90 и 93.

³ Наш сборник, № 64.

былевой эпос и раньше, в прежние столетия, например в XV, XVI веках, был менее распространен в пределах московских, суздальских, рязанских, не говоря уже об областях, где южные великорусы соседнили с малорусами, чем среди северных великорусов?

Некоторую утрату в области старинного песенного репертуара вообще, конечно, следует приписать переменам, происшедшим в быту населения в XVIII и особенно в XIX веках вследствие развития фабричной промышленности, постройки железных дорог, введения земских учреждений, распространения грамотности, а также некоторым другим факторам, повлиявшим на изменения в материальном и духовном быту простонародья. Но едва ли одним этим объяснением можно удовлетвориться. Трудно было бы понять, почему в тех губерниях, из которых у нас почти нет записей былин, были, однако, записываемы, и в немалом количестве, так называемые исторические песни московского цикла (об Иване Грозном, Скопине-Шуйском, Лжедмитрии и проч.), как можно убедиться, просмотрев сборники песен Киреевского, Шейна, Костомарова и др. Почему бы, спрашивается, тому населению, которое пело песни о Грозном, не сохранить интереснейших по содержанию былин о Садке, о Василии Буслаеве, о Дюке Степановиче и других эпических лицах, если бы такие песни действительно были когда-то среди него распространены? Но в этом-то и можно сомневаться. Полное незнакомство крестьян некоторых южновеликорусских губерний не только с былинами о перечисленных выше богатырях, но даже с именами последних скорее свидетельствует о том, что былинный репертуар в этих областях был, с одной стороны, искони беднее северного, с другой – отличался от последнего некоторыми сюжетами и лицами.

На основании наличных записей мы можем утверждать, что только *три* главных богатыря нашего эпоса — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович — пользовались популярностью у южных великоруссов; большинство же других лиц северного былинного репертуара либо осталось им неизвестным, либо былины о них были так редки, что почти не оставили следов в их памяти. Что многие былины возникли и на севере, не заходили далеко на юг, подтверждается и обратным явлением: в столь богатом олонецком былинном репертуаре, совместившем в себе и новгородские былины, и так называемые былины Владимирова цикла, также слагавшиеся как в Новгороде, так и в Суздальщине, и исторические песни Московского царского периода, мы, однако, не находим некоторых былин, известных южным великорусам.

Лучшие олонецкие сказители ничего не знают о Даниле Ловчанине, богатыре Суровце-Суздальце и о Сауле Леванидовиче. Оба известных нам пересказа первой былины записаны в пределах прежней Московской Руси: один в губернии Нижегородской, другой — в Симбирской¹. Если подтвердится высказанная мною догадка, что былина о Даниле Ловчанине находится в связи с суздальско-московскими сказаниями об убиении князя Данилы Александровича, на имя которого были перенесены черты убиения Андрея Боголюбского², то и былине следует приписать сложение в Суздальщине, для которой предание о князе Даниле представляло местный интерес. Этим бы объяснилось, почему былина не вышла далеко за пределы области сложения, не проникла в северный былинный реперту-

---

¹ Киреевский, III, стр. 28 и 32.

² См.: Материалы для истории былинных сюжетов, XII; Этнографическое обозрение, кн XV.

ар. Что касается былин о Сауре Ванидовиче и Суровце, тесно связанных между собою, то, как я старался уяснить в моей статье о них¹, мне представляется вероятным восточное происхождение сюжета, положенного в их основу. Особенно ярки заносные черты в былине о Сауре: напомним, что Саур носит татарское имя, является князем царства Астраханского, и сюжет ничем не прикреплен к Киеву и Владимиру. Нельзя при этом не отметить и того обстоятельства, что былины о Сауре и Суровце, неизвестные олонецкому репертуару, занесены, однако, в Сибирь: Саул Леванидович попал в сборник Кирши Данилова, один пересказ былины о Суровце встретился в Енисейской губернии². Точно так же, как мы уже указали, былина о Михаиле Казаринове, принадлежащая сибирскому репертуару, неизвестна в Олонецкой губернии. Отсюда, кажется, следует заключить, что названные былины были занесены в Сибирь не из северных частей Европейской России, а из центральных или приволжских. Если главный русский элемент населения, колонизовавший Западную Сибирь, и принадлежал северным великорусам, то немало вольных и невольных поселенцев водворялось в Сибири из других частей России.

Итак на основании известных доселе записей былин мы приходим к предположению, что уже в XV, XVI столетиях не все области, населенные великорусским племенем, были равно богаты былевыми песнями и не все сюжеты и эпические лица северной полосы России были известны в южных, центральных и приволжских областях. Главным очагом былинного творчества нам представляются северно-западные части северной половины России – места, наиболее подчиненные древ-

---

¹ Журнал Мин. нар. пр., 1893 г., октябрь.

² Киреевский, IV, стр. XXVII.

неновгородскому культурному влиянию. Полнота сюжетов и живучесть эпической традиции в Олонецкой губернии показывают, что этот край России воспринял, вследствие своей близости к Новгороду, всего полнее старинный былинный репертуар. Обилие эпических песен поддерживало в населении интерес к ним и стремление к дальнейшему приумножению наследованного богатства. Сказители, знавшие старинные былины, при случае разучивали и пускали в оборот новые доходившие до них исторические сюжеты, запоминая их тем легче, что были хорошо знакомы с обычными приемами эпического склада. Мы видели, что среди олонецких сказителей делались попытки обрабатывать в форму былины местные предания (Рахта Рагнозерский). Насколько быстро в XVII веке песни исторические, слагавшиеся в Москве, приходили на север, можно судить из любопытного показания Олеария. Он рассказывает в своем дневнике, что во время его пребывания в Ладогe (на пути в Москву), 23 июля 1633 года, на поклон к голштинским послам пришли двое русских с лютней и гудком (очевидно, скоморохи), «начали играть и петь песни в честь великого государя и царя Михаила Феодоровича»¹. К сожалению, по незнанию языка Олеарий не мог сообщить точнее содержания этих песен о Михаиле Феодоровиче, но мы все же можем сделать хоть то заключение, что ладожские скоморохи усвоили московскую песню, сложенную, вероятно, за немного лет перед 1633 годом, и, как патриотическую и новую, исполнили ее перед голштинским посольством. Есть еще другое не менее любопытное указание на богатство былинного репертуара Олонецкой губернии в XVII столетии, которое

---

¹ Подробное описание путешествия голштинского посольства и пр., перевод П. Барсова. Москва, 1870, стр. 26.

приводит Е. В. Барсов. Рукопись *начала XVII века*, в которой среди других статей найдено им «Сказание о Киевских богатырях, как ходили во Царьграде», принадлежала, судя по записям на ней, жителям Турчасовской волости Каргопольского уезда Каменевым – сыну, отцу и деду, и была написана в тех же местах. Таким образом, по мнению Барсова, которое нам кажется весьма правдоподобным, история русской литературы первую древнейшую записанную былинку получает из того же северного края, где собраны богатства живого былевого творчества Рыбниковым, Гильфердингом и др.¹ Естественно, что в тех местах, где было обилие «старин», могла какому-нибудь грамотному человеку прийти мысль рядом с «Путником Коробейникова на восток» записать известную в его местах народную былинку о том, как киевские богатыри ходили в Царьград, тем более что в глазах записавшего былина имела такую же историческую достоверность, как хождение Коробейникова.

Выше мы указали, что значительное большинство былин, известных олонецкому репертуару, не было знакомо населению коренных суздальско-владимирских областей. Применяясь к предложенному выше делению былинных сюжетов на две группы, мы увидим, что, главным образом, именно былины *небогатырского* содержания не выходили за пределы северных частей России, то есть района своего происхождения. Отсюда возможно обратное заключение: былины *богатырского* содержания, изображающие преимущественно борьбу русских богатырей с татарами, представляя общее достояние северных и южных великорусов, зашли к первым от последних, в районе которых они были сложены.

---

¹ Богатырское слово в списке начала XVII века (прил. к XL тому «Записок Императорской Академии наук», № 5, стр. 6).

Проверим это заключение данными из самых былин. Мы видели, что общевеликорусскими можно назвать трех богатырей: Илью Муромца, Добрыню Никитича и Алешу Поповича. Если в настоящее время и для похождения этих богатырей главный материал представляют олонецкие былины, а не скудные фрагменты былин, записанные у южных великорусов, то все же в самих былинах есть ясные указания на прикрепление этих богатырей к Суздальщине. Илья Муромец прикреплен старинной традицией к Мурому, Алеша Попович – к Ростову, Добрыня, о котором я предполагаю, что он в древности столько же был близок новгородцам, сколько киевлянам и затем суздальцам, называется иногда сыном гостя торгового или Никиты Романовича из Рязани¹. Известно, что в Никоновском своде упоминается Добрыня Рязанч – Золотой Пояс, а в Тверской летописи, по-видимому, та же личность названа Тимоня Золотой Пояс. Можно предположить вместе с профессором Халанским, что имя рязанского богатыря Тимоны было вытеснено именем более широко известного и древнего богатыря Добрыни². Как бы то ни было, заменил ли в рязанских преданиях Добрыня другого богатыря, он, по-видимому, прочно пристал к рязанским сказаниям уже очень давно. Подобно тому как в муромских местах показывали *скоки* коня Ильи Муромца, как в ростовских – великие могилы (курганы), насыпанные над врагами, избитыми Александром Поповичем, так можно, кажется, отметить местное урочище, связанное с именем Добрыни, недалеко от Рязани. Олеарий в описании своего путешествия 1636 года сообщает (под 7 июля), что, плывя по Оке из Рязани, он видел в 30 верстах от Копанова островок «Добрынин остров» (Dobri-

¹ Наш сборник, № 15 и 21.

² Великорусские былины киевского цикла, стр. 42.

nin Ostrow)¹. Можно предположить, что остров получил свое имя в связи с какими-нибудь сказаниями о рязанском богатыре, носившем это имя.

К южновеликорусским богатырям, как мы видели выше, могут быть отнесены далее Данила Ловчанин, Саур Ванидович, Суroveň-Суздадец, а также какие-то братья Суздальцы, упоминаемые кое-где в былинах. Похождения этих личностей, главным образом битвы с татарами, по всей вероятности, составляли содержание былевых песен, когда-то сложенных в Суздальщине или в коренных южновеликорусских областях, вошедших в состав великого княжества и потом царства Московского. Некоторые наиболее популярные былины перешли из этих мест в новгородский культурный район и обогатили и без того богатый местный репертуар; другие остались в своих исконных пределах и дошли до нас в современных нам записях, частью перешли в Сибирь. Вероятно, существовали в прежние времена и другие сюжеты этого *богатырского* эпоса, но погибли в волнах исторической жизни, заменяясь новыми песнями, шедшими из культурного и государственного центра – Москвы, в XVI и XVII столетиях. Далее, подобно тому как *городские* новгородские былины вслед за падением новгородской независимости и изменением этнографического состава народности в Новгородской области сохранились на окраинах новгородской территории в Обонежской пятине (Олонецкой губернии), в Двинской земле (Архангельской губернии) и в дальней Пермской земле (Сибири), так былины суздальского или «богатырского» эпоса разносились населением, бежавшим от московского гнета на окраины царства – на Нижнюю Волгу, Дон, Яик и в ту же Сибирь.

---

¹ Олеарий: Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию. Перевод П. Барсова, Москва, 1870, стр. 394.

Имена главных богатырей Ильи, Добрыни, Алеши стали популярны среди казаков и всяких вольных людей, искавших новых мест подалее от бдительного московского ока; песни о них раздались и на Тереке и на Оби, пробрались даже к отдаленным якутам, достигнув таким образом крайних пределов Восточной Сибири.

Отголоски галицко-волынских сказаний в современных былинах¹

Несмотря на многочисленные исследования, продолжающиеся до последнего времени являться в области изучения русских былин, вопрос о периоде их сложения не может считаться вполне уясненным.

В противоположность исследователям 60-х и 70-х годов, возводившим чуть ли не большинство былин к домонгольскому периоду, современные исследователи относятся с крайней осторожностью к чертам домонгольской старины, действительно сохранившимся в былинах, особенно в личных и географических именах, и не делают из последних тех заключений, которые представлялись обязательными прежним исследователям. Эти имена могут свидетельствовать лишь о том, что корни по крайней мере некоторых былин тянутся в домонгольский период; но эти корни давно засохли, и «не подлежит сомнению, что былевой эпос в течение своей долгой исторической жизни испытал глубокие коренные изменения»². Древние личные и географические имена в течение времени стали такой же принадлеж-

---

¹ Напечатано в «Журнале Министерства народного просвещения», 1896 г., № 6.

² Жданов. Песни о князе Романе. Журнал Министерства народного просвещения, 1890 г., апрель, стр. 271.

ностью эпического склада, как постоянные эпитеты, и расходовались поздними слагателями былины так же механически, как последние, не вызывая в северном великорусском слагателе тех хронологических и географических представлений, которые с ними невольно связываем мы, знающие историю и географию. Для слагателя XVI века ничего не стоило, например, отождествить Волынец-Галич с Корелой проклятой и Индией богатой и выводить из этого эпически неопределенного края и боярина Дюка Степановича, и доброго молодца Михаила Казарянина, и сорок калик с каликою. Нетрудно объяснить себе такой синкретизм: благодаря консервативности эпических формул географические вошедшие в них имена должны были сохраниться; но все же время брало свое: к старинным именам, из желания осмысления (и, так сказать, модернизации), присоединялись новые, говорившие о других более поздних исторических или литературных отношениях. Так при переработке, и, по-видимому, весьма существенной, старинной былины о Дюке Степановиче, происшедшей в пределах Северной России, старинный, неизвестный уже никому на Руси город Галич-Волынский был помещен в Кореле поганой, с которою в течение нескольких веков имели дело новгородцы. Гораздо труднее представляется исследователю другой вопрос: как объяснить, что Галич-Волынский мог сделаться *эпическим* городом, как Киев, Чернигов и некоторые другие? Очевидно, чтобы стать эпическим, он должен был быть популярен и широко известен в более раннем периоде эпических сказаний. Но что мы знаем из этих сказаний в современных былинах? Почти ничего, кроме нескольких имен. Спрашивается, нет ли возможности в современных, многократно переделанных былинах открыть какие-нибудь следы того периода, когда Галицко-

Волынская Русь была областью, еще хорошо известною в других частях Руси, жила с ними общей жизнью? Такую попытку отыскать древнюю историческую канву в наших былинах о князе Романе сделал И. Н. Жданов в своей статье «Песни о князе Романе»¹. Не вполне соглашаясь в частности с этим исследованием, я не могу не признать, что указанный автором ход литературной истории былин об этом князе соответствует в общих чертах и характеру исторических преданий о нем, и составу сохранившихся о нем песен. Со своей стороны, ведя далее работу, начатую И. Н. Ждановым, я желал бы поставить свою задачу несколько шире, а именно собрать в современных былинах все, что могло бы указывать на существование в домонгольском периоде галицких историко-эпических сказаний.

Если бы нам удалось приурочить некоторые имена и былинные мотивы к этим сказаниям, то хронологическими пределами галицко-волынских отголосков должен быть сравнительно непродолжительный период в истории Галицкого княжества, когда оно играло видную роль среди других областей Руси. Известно, что значительного блеска достигла Галицкая земля в XII веке, при Ярославле Осмомысле.

Вспомним дифирамб, пропетый этому князю автором «Слова о полку Игореве»: Высоко сидит Осмомысл Ярослав на своем златокованом столе, подпирает горы Угорския своими железными полками, заступает путь (венгерскому) королю, затворяет ворота Дунаю и отворяет ворота Киеву и прочее. Действительно, нижнедунайские владения Галича связывали его с Болгарией и Византийской империей, с которою велись и торговые и дипломатические сношения. Княжеский род Галича находится в дружбе и родстве с членами династии Ком-

---

¹ Русский былевой эпос. Исследования и материалы. I–V. Стр. 425–523.

ненов, вступает с ними в личное общение и оказывает им услуги. Овладев галицким столом, неутомимый, энергичный и предприимчивый Роман Мстиславович своими войнами с ятвягами и поляками придал ему еще более блеска и значения, которые еще умел поддержать его сын, «король» Даниил, несмотря на нашествие монголов. Только уже при сыне Даниловом Льве (умершем в 1301 г.) Галич быстро теряет свое прежнее значение и скоро становится страной, «незнаемой» для прочих областей Руси, войдя в состав польского государства. Таким образом блестящим периодом его истории могут считаться XII и XIII века, и если вообще историческая жизнь этой области отразилась в народных сказаниях, то мы должны искать в последних отголоски именно этого периода.

К тому же приблизительно периоду относится процветание Волынской земли как независимого княжества, тесно связанного своими судьбами с Галицкой землей. Доставшись в 1-й четверти XII века в удел Мономаховичам, она при Романе (1172–1205) соединяется с Галичем в одной княжеской семье, и это соединение не прекращалось и после смерти Романовичей. Обе земли связывали общие интересы и общие враги – Литва, Польша, татары.

Благодаря природным богатствам и населенности Волынь не сокрушил окончательно ни татарский погром 1240 года, ни дальнейшие тяжелые десятилетия ига. И только объединение литовских народцев в сильное государство, татарские набеги и борьба богатого боярства с княжеской властью – все это вместе после смерти князя Юрия Андреевича (около 1336 г.) повело к падению независимости Волыни и ее поглощению Литвой.

Всего чаще в наших былинах Галич-Волынский называется родиной Дюка Степановича, и потому мо-

жет быть поставлен вопрос: какое значение имеет указание этого города в литературной истории былины о приезде Дюка в Киев? Первый исследователь, осветивший во многом былины о Дюке со стороны их содержания, академик А. Н. Веселовский, следующим образом истолковывает географические даты былины: «В Киев песня о поездке Дюка могла быть занесена из Галича, торгового центра в XII веке, ведшего, между прочим, обширную торговлю и с греческими колониями Черноморья. Дюк, стало быть, оттуда и приезжал, – объяснили себе певцы, и этот географический факт внесен был в былинку, *когда она переселилась в Киев* и пристала к князю Владимиру... Древняя, докиевская песня во всяком случае не знала Владимира, вместо которого стоял какой-нибудь другой царь, и ее молодец-Дюк приезжал издалека – из Индии. С переходом былины из Галича в Киев пристал к Индии Волынец; в дальнейшем перенесении на север, к тому и другому – еще и Корела. Спутанность географических обозначений, замечательная своею выдержанностью, указывает, может быть, на пути, по которым чуждая песнь двигалась с юга в Киев и далее – на северные окраины»¹.

Итак, уважаемый исследователь предполагает, что основная песня была сложена некогда в Галиче и затем, перейдя в Киев, внесла в себя эпического князя Владимира. Нам кажется, что последнее, то есть внесение князя Владимира, нисколько не предполагает обязательно перехода песни из Галича в Киев. Киевское приурочение, как во многих других былинах, могло произойти и не в киевской области, а в каких-нибудь других частях Руси. За весьма позднее внесение князя Владимира говорит та жалкая роль, которую заставляет былина играть не только киевского князя, но и его

¹ Южнорусские былины, III–XI, стр. 172.

богатырей, да и весь город. Вообще доказать какими-нибудь фактами, что по пути своего распространения из предполагаемой родины – Галича-Волынского – песня о Дюке побывала в Киеве, прежде чем перейти на север, где к Галичу пристала Корела, мы не имеем возможности. Достаточно, если мы можем сделать вероятным по крайней мере галицкое происхождение основной песни, потому что и относительно этого предположения может быть высказано сомнение. В самом деле, если Галич-Волынец или Волынец-Галичий в современных былинах есть уже только эпический город, то его упоминание в былинах о Дюке так же мало доказывает галицкое ее происхождение, как наличие того же города в былинах о Михаиле Казаряnine и о Сорока Каликах. Спрашивается поэтому: есть ли в содержании былины о Дюке что-нибудь подтверждающее ее галицко-волынское происхождение?

Обстоятельное исследование А. Н. Веселовского, как известно, делает весьма вероятным предположение, что за песнями о Дюке, так же как за западными сказаниями о хождении Карла в Иерусалим, стоит такая-то древняя песня или повесть о хождении послов богатырей в Индейское царство (ср. *Журнал Министерства народного просвещения*, 1884 г., февраль, 387), сложившаяся под воздействием Епистолии пресвитера Иоанна, известной у нас под названием Сказания об Индейском царстве.

Автор делает остроумную реставрацию византийской песни-рассказа, держась плана Дюковой былины, но пересказывая ее при помощи материалов Епистолии и памятников, от нее пошедших. В основном рассказе, по предположению А. Н. Веселовского, византийский посол ходил в Индию богатую и лицезрел ея чудеса; впоследствии вместо него ходил туда же посол Вла-

димира; мотивом хождения явилось не приглашение Епистолии, а появление при дворе заезжего молодца и победоносная его похвальба¹. Спросим себя: что же, собственно, освещают в нашей былине материалы Епистолии? Только вторую ее половину, в которой послы Владимира созерцают богатства Дюкова житья-бытья. Здесь мы действительно находим подробности, сильно напоминающие Епистолию и памятники, пошедшие от нее. На дворе у Дюка течет струйка золотая – это Тигр, несущий в себе золото²; на термах Дюковых крыши серебряные, шеломы, потоки золоченые, шарики, самоцветные камушки; дворец пресвитера еще превосходит Дюков великолепием – на драгоценных колоннах горят карбункулы-самосветы. В одном из описаний дворец пресвитера (у Johannes Witte de Hese, 1389 г.) и колонны еще хитрее устроены: на каждой, поочередно, изображение царя и царицы, у них в руках музыкальные инструменты и кубки: они точно подносят друг другу вино. Эти фигуры нашлись на пуговках и в петельках Дюкова кафтана; торжественное шествие пресвитера с драгоценными крестами и блестящей свитой отразилось на пышном шествии из церкви Дюковой матушки³ и т.п. Соотношение между былиной и Сказанием об Индии богатой чувствовалось и старинными книжниками: так, в одном русском пересказе *Сказания* (по списку Ундольского (№ 632) XVII? века) пресвитер чрез послов советует Мануилу греческому продать землю греческую, купить бумаги и чернил, чтоб описать все чудеса Индейской земли, но прибавляет, что книжники и скорописцы до исхода души не опишут его земли. В былине о Дюке находим подобную же мысль:

¹ Назв. сочинение, стр. 196.

² Назв. сочинение, стр. 190.

³ Назв. сочинение, стр. 192.

Продай-ко свой стольно-Киев град
На эти на бумаги на гербовыя,
Да на чернила, перья продай еще Чернигов град,
Тогда можешь Дюково именье описывать¹.

В другом списке Сказания (Волоколамском – Московской духовной академии 2-й половины XV века) читаем такую подробность о дворе пресвитера: «Есть же среди нашего двора, стоит сорок столпов серебряных позлащенья, и в каждом столпе вковано по сороку колец, а у каждого кольца по сороку коней»². Такие же столбы серебряные с позолоченными кольцами и с еще бóльшим количеством коней находятся во дворе Дюковых палат³. Ввиду того, что ни в латинской Епистолии, ни в западных пошедших от нее произведениях, ни в других русских списках сказания мы не встречаем этих двух параллелей, акад. Веселовский предполагает в данном случае влияние былины на некоторые переказы сказания.

Разделяя в общем результаты, достигнутые акад. Веселовским чрез детальное сопоставление былины о Дюке с Епистолией пресвитера Иоанна, М. Г. Халанский указывает, однако, на возможность другого объяснения некоторых бытовых подробностей былины. В поисках за источниками чудес Дюковой Индии оставлена без внимания возможность отражения в былине черт быта и обстановки жизни русского общества. Между тем, по убеждению Халанского, беспристрастное сравнение частных былин с известными фактами бытовой обстановки московского боярства XVI и

---

¹ Назв. соч., стр. 189.

² См. текст, изданный в Приложении к исследованию В. Истрина: Сказания об Индейском царстве. М., 1893, стр. 73.

³ Веселовский, назв. соч., 190.

XVII век обнаруживает поразительное обилие в ней чисто русских туземных, московских бытовых черт¹. Действительно, культурно-исторический комментарий г. Халанского в достаточном количестве указывает в былине бытовые черты XVI и XVII веков. Так былинное изображение Индии богатой живо напоминает картину древнерусского богатого города с золочеными маковками церковей, с золотоверхими теремами, с разными украшениями на зданиях, башенками, флюгерами и проч. Внутренняя обстановка Дюковых палат соответствует таковой же в царских и боярских хоромах, где, как у Дюка, потолки украшались изображением солнца, месяца и звезд, стены обивались сукном, полы постилались сукнами. Шествие Дюковой матушки из церкви с толпой прислужниц и под зонтиком или балдахинном – также черта бытовая московская XVI–XVII веков. В подобной обстановке происходили праздничные выходы в церковь цариц и, вероятно, знатных московских боярынь². Уменьшив своим бытовым комментарием число былинных подробностей, которые можно считать заимствованными, г. Халанский свой анализ кончает следующим выводом: «Несмотря на обилие туземных русских черт, в общем, однако, мы находим невозможным признать былинку о Дюке Степановиче произведением самостоятельным русским... Самая основная мысль былины – представить богача в идеальной обстановке посредством осмотра богатства его нарочито для этого отправленными послами – необычна как в русском эпосе, так и в эпосе других славянских народов. Мнение А. Н. Веселовского, что за хождением Карла в Иерусалим и Константинополь и песнями о Дюке стоит какая-то древняя песня или повесть о хождении послов бога-

---

¹ Великорусские былины киевского цикла, гл. XVII, стр. 187–207.

² Назв. соч., стр. 203.

тырей в Индейское царство, остается в силе. Привитие странствующей повести об Индейском царстве тем легче могло состояться, что восточноазиатская обстановка жизни московского боярства XVI и XVII веков своими аксессуарами напоминала некоторые чудеса сказания об Индии»¹. Относительно анализа М. Г. Халанского могут быть сделаны следующие замечания.

Указывая на русские бытовые черты сравнительно позднего времени, отложившиеся в дошедших до нас современных пересказах былины, он совершенно обходит вопрос о времени и месте происхождения первоначального эпического рассказа, который в течение времени подвергся этой переделке в русском бытовом стиле. Классифицируя богатырей по историческим эпохам, он относит Дюка вместе с Микулой Селяниновичем, Соловьем Будимировичем, Чурилой Пленковичем к героям былин московского периода, к идеальным образам, чистым созданиям народной фантазии². Но мы все же не можем из его слов вывести, считает ли он образ Дюка и былину о нем московским созданием XVI века или только переделкой чего-то более древнего, унаследованного эпосом XVI века от более раннего периода.

Итак, анализы былины о Дюке современных исследователей старались уяснить, с одной стороны, отношение ее к книжным источникам (Епистолия пресвитера Иоанна, Сказание об Индии богатой), с другой – бытовые реальные черты, наслоившиеся на описание Дюковых богатств. Вопрос же о времени и месте сложения *первоначальной* былины остается доселе недостаточно уясненным.

Мне кажется, что былина о Дюке Степановиче, разделяя судьбу других былин, подвергалась неоднократ-

---

¹ Назв. соч., стр. 207.

² Назв. соч., стр. 208.

но изменениям и переработкам, но сохранила устойчиво то, что сохраняется вообще в нашем народном эпосе и придает ему архаический характер, – *некоторые* имена. К этим именам нельзя отнести ни Владимира, ни Киев с Черниговом, ни Добрыню или Илью Муромца, служащих, по некоторым пересказам, послами князя Владимира. Но гораздо большее значение для вопроса о первичной основе имеют имена главного героя Дюка Степановича, его постоянного соперника в щегольстве Чурилы Пленковича и географическое имя Волынца Галичья, или Галича Волынца. Если б нам удалось сделать вероятным, что эти имена связаны с известным местом и историческим периодом, то вопрос о месте и времени сложения первоначального эпического рассказа мог бы быть решен.

Все исследователи согласны в том, что источник первоначального русского рассказа – иноземного происхождения. Рассказ о богатом боярине Дюке, удивляющем князя своею роскошью и невиданною культурностью, – русская переделка какого-то иноземного рассказа, напоминающего, как доказано акад. Веселовским, в плане западноевропейские пересказы хождения Карла Великого в Иерусалим и Константинополь, которые в свою очередь также основаны во многом на материале Епистолии пресвитера Иоанна. Этот источник, отразившийся во второй части былины, в описании богатств Дюковых, имеет свою еще не вполне разъясненную историю и в Западной Европе и у нас. Припомним то немногое, что относительно этого памятника разъяснено последними исследованиями¹. Появление латинской Епистолии пресвитера Иоанна,

---

¹ Zarnke, Der Priester Iohannes – 1 и 2 Abhandl. 1876–1879. В. Истрин, Сказание об Индейском царстве. М., 1893. Литературу о послании пресв. Иоанна см. у Веселовского, Южнорусские былины, VI, стр. 173.

адресованной либо императору Фридриху, либо Эммануилу Комнелу, по-видимому, современно этим монархам, то есть относится ко 2-й половине XII века. К тому же веку восходит сохранившиеся до нас древнейшие рукописи латинского текста. Вопрос о редакциях латинского послания, тщательно разработанный Царнке на основании сличения 97 рукописей, решается этим ученым положительно: в латинской версии послание пресвитера выдержало шесть редакций, причем главное отличие каждой последующей от предыдущей состояло в дополнениях и, лишь в очень немногих случаях, в изменении текста. С каждой переделкой нарастало особенно число чудес в царстве пресвитера, причем в этом нарастании чудес сказывается влияние других книжных источников, главным образом сказаний об Александре Македонском. Гораздо сложнее вопрос о происхождении послания и о языке, на котором оно было первоначально составлено: явилось ли оно на греческом языке или самостоятельно возникло на латинской почве? Царнке считает перевод с греческого возможным и указывает на некоторые грецизмы в латинском тексте¹; но приводит и некоторые веские соображения об оригинальности латинского текста, так что в конце концов оставляет вопрос об оригинале послания открытым. К этому вопросу возвратился недавно В. Истрин в своем исследовании о русском Сказании об Индейском царстве и решает его следующим образом, различая в Послании две части. «Послание, – говорит он, – отличается двойственным характером – *религиозным* и *сказочным*: пресвитер Иоанн есть христианский царь, смиренный служитель Христа, атрибуты его власти – церковного характера, он защитник гроба Господня и т.д. С другой стороны, его царство – цар-

---

¹ Истрин, стр. 6.

ство чудес: в его царстве живут различные звери, текут особые реки, живут рахманы, амазонки, десять племен иудейских и т.п. История романа об Александре и Послания пресвитера на Западе и у нас свидетельствует о взаимном их отношении. Лишь только столкнулись роман об Александре и Послание пресвитера между собой, так сейчас же началось взаимное их воздействие друг на друга: Александру стали приписывать то, что находилось в царстве пресвитера, пресвитеру – то, что видел Александр». Однако в первой, неинтерполированной редакции Послания, в сказочной стороне, то есть в описании чудес Индии, незаметно еще никакого соприкосновения с Псевдокаллисфеном. «Если поэтому послание явилось первоначально на греческой почве, где роман Псевдокаллисфена был хорошо известен, то, – полагает г. Истрин, – прежде всего ожидалось бы влияние со стороны последнего. Если же мы этого не видим, то возможным является предположение, что сказочная сторона Послания составлена независимо от Псевдокаллисфена, в то время и в том месте, в котором Псевдокаллисфен не был известен», то есть на латинской почве. «Если же обратимся к другой стороне Послания – несказочной, то тут соприкосновение с Псевдокаллисфеном будет наблюдаться», особенно во вступлении и заключении. Император Мануил отвечает гордому царю Дарию; Александр и пресвитер одинаково упрекают того и другого в желании сравняться с богом. Идея противоположности между гордостью и высокомерием Дария, с одной стороны, и смирением вместе с могуществом Александра – с другой, отразилась на сопоставлении Иоанна пресвитера и императора Мануила. Эта часть послания без сказочной стороны, по взгляду Истрина, и могла образоваться на византийской почве, причем образы были даны уже

готовыми образцами. Г. Истрин отмечает при этом, что гречизмы встречаются в латинском тексте именно в описании *христианской* обстановки пресвитера, а начало – Presbyter Iohannes... Emanueli Romeon gubernatori... gaudere – напоминает начало каждого письма Дария и Александра: Βασιλεύς Ἀλέξανδρος Βασιλεῖ Βασιλέων... χαίρειν. Поэтому г. Истрин склоняется к предположению, что «Послание пресвитера Иоанна, явившись на византийской почве с чисто христианским характером, было переведено на латинский язык, где потеряло свою первоначальную идею и получило чисто описательный характер: в него вставлены были различные чудеса, которые были известны из различных источников¹. Если Послание не дошло до нас в своем первоначальном виде, это значит, по мнению г. Истрина, что само по себе, без сказочной стороны, оно не имело на Западе никакого значения. Конечно, в том виде, в котором оно дошло до нас в рукописях XII века, Послание не может уже считаться переводом, но представляется переработкой; но некоторая его часть (которая, по Истрину, обнимает параграфы 14–46 по изданию Царнке и содержит описание дворца пресвитера) была переведена с греческого. Любопытно, что при сопоставлении содержания 2-й части былины о Дюке (описание богатств Дюка) с Посланием оказывается, что сходство между ними находится только в той части Послания, которая, по мнению Истрина, представляется переведенной с *греческого* и содержит описание дворца и обстановки пресвитера. На этом основании г. Истрин приходит к следующему заключению: «Былина о Дюке явилась в Византии; содержание ее было тождественно в подробностях с религиозно-христианской частью Епистолии пресвитера. Источник их был один и тот же; многое

---

¹ Назв. соч., стр. 9.

было подсказано действительностью. Ни в той ни в другой не было того сказочного элемента, которым отличается Послание. Затем былина перешла на Русь, потерпела соответствующие видоизменения, но в подробностях, в описании царства Индейского, осталась в существенных чертах без изменения. Послание же, не получив благоприятной почвы, исчезло из Византии; но, перейдя на Запад, получило сильное распространение, благодаря крестовым походам, сообщившим ему характер “жгучего памфлета”. На латинской почве Послание получило распространение: были вставлены в него чудеса Индейской земли»¹.

Если таково отношение былины к Посланию пресвитера Иоанна, то до некоторой степени оно может служить хронологической датой для ее сложения. Материал, отчасти послуживший для былины, был взят не на русской почве, из славянского Сказания об Индии богатой, а получен уже в обработанной форме из иноземного прототипа, византийского сказания, сложенного в XII веке под влиянием Послания. Проверить это предположение можно сличением былины с русским Сказанием в его различных пересказах. Г. Истрин, исследуя детально состав этих пересказов, приходит к заключению, что, во-первых, наше сказание указывает на латинский оригинал²; во-вторых, оно соответствует 3-й редакции (по Царнке, интерполяция В) латинской Епистолии³. Что же касается времени появления Сказания, то оно определяется временем появления 2-й редакции Александрии, которая существовала уже в начале XV века; следовательно, первая редакция Сказания должна была уже существовать в конце XIV века. А так как эта так называе-

¹ Назв. соч., стр. 11 и 12.

² Назв. соч., стр. 60.

³ Там же, стр. 60.

мая первая редакция Сказания предполагает еще более древнюю, которая может быть названа чистым переводом, то время перевода Сказания должно отнести к XIII и XIV векам. «Нужно было известное время, – говорит г. Истрин, – чтобы Сказание, появившись в пределах далматинского побережья, пришло к нам и успело подвергнуться переработке». Акад. А. Н. Веселовский относит время перевода сербской Александрии к XIV–XV векам; и сербская Александрия и Сказание об Индейском царстве явились, следовательно, в одном месте и приблизительно в одно время. Очевидно, в XIII–XIV веках на далматинском побережье было особенное литературное движение, во время которого совершались переводы с греческого и латинского языков. В Сербии это было царствование Неманей; а известно, что они стремились создать независимое государство не только в политическом, но и в умственном отношении. Нет особенных указаний на то, что перевод Сказаний об Индейском царстве сделан был на сербском языке: памятник слишком мал, да к тому же первая редакция его в отдельном списке не сохранилась. Но, ввиду всего сказанного, в этом нет ничего неправдоподобного¹.

Итак, основываясь на выводах г. Истрина, мы должны предполагать, что непосредственной связи между русскими редакциями Сказания и былиной о Дюке не было, кроме разве тех вышеуказанных случаев влияния былины на некоторые пересказы Сказаний. Основная былина, подвергнувшаяся затем дальнейшим переработкам, должна была сложиться в такое время и в таких местах России, в которых возможно предположить занесение византийского произведения, послужившего ей материалом. Это относит нас к Южной Руси и к домонгольскому периоду. Но нельзя

---

¹ Там же, стр. 62.

ли еще ближе определить время и место? Сложение песни, если она не историческая, не воспроизводящая недавно случившееся громкое событие, а основана на литературном источнике, предполагает как важное условие то, чтобы сюжет отличался интересом новизны. Трудно представить себе, чтобы песня, рассказывающая о необыкновенных богатствах героя и черпающая материал для изображения этих диковин из иноземного книжного (или устного?) произведения, могла быть по времени сложения слишком удалена от времени новизны и популярности этого произведения. Нам известно, что, благодаря культурно-историческим условиям, Епистолия пресвитера Иоанна появилась и наделала много шума в тот период крестовых походов, когда на престоле Византии сидел Мануил, а на императорском престоле Германии – Фридрих Барбаросса. Западные летописцы даже точно определяют год (1165), когда пресвитер Иоанн отправил будто бы свое послание в Европу. Весть о далеком христианском царстве, полном богатств и диковин, которым правит могущественнейший властитель – пресвитер и царь, готовый прийти поклониться Гробу Господню, который уже с трудом отстаивали крестоносцы в это время от нападения азиатских султанов, – должна была быстро разнестись по всему Западу и византийским владениям, и грезы об этой утопии – надолго овладеть умами. «Путешественники искали пресвитера в глубине Азии и нередко находили его – путем бессознательного или сознательного отождествления; фантастические рассказы Елисея (XII век), Мандевиля (1356), Иоанна Witte de Hese (1389) – всецело коренятся в представлениях Епистолии»¹. Ввиду необыкновенного спроса на этот сенсационный сюжет следует думать, что он мог уже

---

¹ Веселовский, Южнорусские былины, VI, стр. 174.

очень рано стать известным в Южной Руси, которая в XII веке еще жила в тесном общении с Византией и не чуждалась Западной Европы. Уже эти общие соображения говорят в пользу того, что основная былина – прототип нынешней былины о Дюке – могла сложиться еще в конце XII или в начале XIII века, в период новизны и популярности своего литературного источника. Что же касается области ее сложения, то всего больше прав на это имеет Галицко-Волынская Русь, как мы стараемся сделать вероятным, припомнив некоторые исторические данные о галицко-византийских отношениях XII века.

К сожалению, свидетельства нашей летописи о галицко-волынских событиях XII и особенно XIII века крайне скудны. Известно, например, что летописный рассказ о всем княжении в Галиче князя Романа не дошел до нас, так что для *галицкого* периода правления этого князя мы должны черпать материал в польских летописях. Крайне скудны известия нашей летописи и о галицко-византийских отношениях, о которых гораздо больше знают византийские историки. В Ипатском списке летописи под 1165 годом находим краткую заметку о том, что в Галиче у Ярослава Осмомысла некоторое время гостил византийский царевич Андроник. Никаких подробностей ни о личности царевича, ни об обстоятельствах, вызвавших его пребывание в Галиче, летописец не обронил. А между тем, как увидим ниже, и личность Андроника, и его отношения к императору и князю Ярославу представляют значительный интерес, характеризуя политические отношения галицких князей к империи. Однородный факт, кажется, произошел позднее, в княжение Романа. Польские летописцы, а за ними и Густынская летопись, рассказывают, что по взятии Константинополя крестоносцами Алексей Ан-

гел бежал в Галич к Роману: «Они же (войска римские и немецкие) придоша к Цариграду морем и обретоша Алексея Ангела царя Греческого не готова, их же Алексей убояся, к сему же яко не имея во Грецах никого же себе приязнаго, сего ради оставив царство Исаакию, ослепленному брату своему, а сам со своими бояры и со множеством богатства и сокровищ побеже в Русскую землю к Роману Мстиславичу в Галич»¹. Если действительно Алексей бежал в Галич, ища там убежища и помощи, то он следовал, вероятно, предшествующим примерам – шел в данном случае по проторенному пути.

В византийских же летописцах можно почерпнуть более обстоятельные сведения об отношении галицких и других южнорусских князей к империи. Особенно настойчиво их вовлекает в свои завоевательные предприятия в начале 60-х годов XII столетия энергичный, неутомимый Мануил Комнен, современник Ярослава Осмомысла. Припомним отношения Мануила к соседям Галицкой земли – венграм. Вмешавшись во внутренние дела Венгрии, Мануил рассчитывал распространить в этом государстве влияние Византии и оказал королю Стефану помощь против его соперников на престоле. Выведенные из терпения этим ставленником Мануила, венгры возмутились против него, принудили к бегству и возвели на престол его племянника, также Стефана. Мануил счел нужным поддержать войсками Стефана-дядю, водворить его снова на престоле; но он не мог удержаться и бежал ко двору императора. Убедившись после некоторых попыток, что Стефан-племянник, поддерживаемый сильнейшей партией и пользующийся народной симпатией, не уступит престол своему нелюбимому народом дяде, Мануил, вообще в высшей степени

---

¹ Собран. лет., II, 327. См. также: А. М. Андрияшев, Очерк истории Волынской земли, стр. 152.

изобретательный политик, придумал другой план, который должен был подчинить Венгрию если не ему, то его преемнику. У короля Стефана был младший брат Бела, который, по обычаям страны, должен был по смерти Стефана взойти на венгерский престол. У императора Мануила прямого наследника мужского пола не было. И вот он решил выдать единственную дочь свою Марию за Белу и признать мужа своей дочери своим наследником на престоле империи. Таким образом впоследствии Бела должен был соединить Венгрию с Византией. Венгерское правительство, чтобы положить конец угрожающим Венгрии походам Мануила, согласилось на эту комбинацию, и Бела, обвенчанный с Марией в Константинополе, переименовал свое имя на имя Алексей. С этих пор его наследственная область в Венгрии должна была стать под покровительство императора; но это обстоятельство и послужило к дальнейшим вмешательствам последнего во внутренние смуты, не прекращавшиеся в Венгрии вследствие борьбы между обоими Стефанами – дядей и племянником. Стефан-племянник в войне с дядей нашел поддержку в Германии и Богемии, собрал значительное войско и воспользовался им, чтоб овладеть уделом брата Белы. На помощь своему зятю Мануил отправил многочисленную армию в Венгрию под начальством Андроника Контостефана. Устрашенные движением византийских войск города Венгрии сдавались без боя, и король Стефан, не отваживаясь на битву, бежал внутрь страны. Достигнув города Petricum (нын. Петр-Варадина), император сам предложил Стефану мирные условия: он отказывался от своих завоеваний с тем, чтобы Стефан покончил свои счеты с дядей и возвратил удел своему брату. Условия были приняты, и Мануил перешел обратно на правую сторону Дуная. Борьба между дядей и племянником кончилась только

тогда, когда последнему удалось, вторгнувшись в принадлежавший империи Сирмиум (Срем), где проживал дядя, овладеть соперником и устранить его отравой. Так как Стефан этими действиями нарушил договор с империей, Мануил решил употребить все средства для его наказания и вместе для завоевания его страны. В этом фазисе византийско-венгерских дел замешаны и некоторые русские князья, которых союз был крайне важен и Мануилу и Стефану.

Для того чтобы вполне оценить то значение, которое для византийского императора имел союз с Ярославом Осмомыслом, нам нужно остановиться подробнее на роли, которую в рассматриваемых обстоятельствах играл двоюродный брат Мануила Андроник, упоминаемый только краткою заметкою нашей летописи. Андроник, сын Исаака, родного дяди Мануила, был во многих отношениях личностью замечательной и типичной для своего времени. Обладая блестящими умственными способностями, физической красотой, ловкостью и силой, он был глубоко испорченной в нравственном отношении натурой: вся его жизнь – цепь интриг, коварства, жестокости и неограниченного разврата. Как известно, пережив Мануила и зверски убив его преемника Алексея II, Андроник впоследствии достиг престола; но, продержавшись на нем не более двух лет (1183–1185), был свергнут и казнен мучительною смертью. В юности Мануил и Андроник были близкими приятелями, и император, не менее развратный, чем его двоюродный брат, любил его веселое общество, удаль и необыкновенную изобретательность. Однако скандальное поведение Андроника и наконец открытая измена привели к тому, что Мануил, овладев им, заключил его в тюрьму. Узник, благодаря своей ловкости, нашел возможность бежать, но по всей империи

шла за ним такая травля, что он был снова пойман и подвергнут еще более суровому заключению. Однако, просидев несколько лет, Андроник, при помощи своей семьи и преданных ему лиц, снова вырвался из темницы и после целого ряда приключений нашел убежище в отдаленном Галиче, у князя Ярослава. Расположенный к Андронику больше, чем к Мануилу, историк Никита Хониат, подробно рассказав удивительные похождения его, утверждает, что Андроник «принят был правителем Галицы с распростертыми объятиями, пробыл у него довольно долго и до того привязал его к себе, что вместе с ним и охотился, и заседал в совете, и жил в одном с ним доме, и вместе обедал»¹.

Пребывание Андроника у Ярослава, конечно, было не только неприятно, но и опасно для Мануила. Предприимчивый Андроник мог, расположив к себе русских князей, набрать себе войска и присоединиться к другим многочисленным врагам императора. Но и помимо этого Ярослав был опасен Мануилу, в силу своего союза с венгерским королем. Действительно, последний, чувствуя себя слабым в борьбе с могущественным императором, искал всюду союзников и вел сношения с Ярославом, прося у него руки его дочери и военной помощи. Переговоры велись успешно, и Мануил должен был принять все меры, чтобы расстроить этот опасный союз. Он отправил к русским князьям ловкого посла, соименника своего Мануила, который должен был привлечь их на сторону императора. Историк Киннам, автор краткого обозрения царствования Иоанна и Мануила Комненов, упоминает по этому поводу князя Ростислава, «который управлял тогда Тавроскифией», и Ярослава, которого царь вооружил против Стефана следующим письмом: «Мы не будем подражать тебе в

---

¹ Никита Хониат. История, т. I, СПб., 1860, стр. 167.

недоброжелательстве, которое ты без всякой нужды обнаружил в отношении к нам, вменив ни во что условия и договоры, недавно подтвержденные твоею клятвою¹. Тебе угрожает крайняя обида, и я представляю ее пред твои глаза. Знай, что, выдавая свою дочь замуж за короля пэонян (то есть венгров), ты соединяешь ее с человеком злонравным и в своих мыслях весьма нетвердым, который никогда не уважал правды или истины, – с человеком, отказавшимся от природы и законов и, кажется, совершенно расположенным все сделать легкомысленно. Итак, Стефан пусть не соединяется с твоею дочерью и не вступает ни в какие другие законные связи с нею, потому что, и законно соединившись, он поставит себя в отношении к ней как к распутной женщине. Ведь если он так оскорбляет наше величество и не стыдится обращаться в шутку недавно данные нам клятвы, то подумай, какого бесчеловечия не сделает с тобою»². Киннам уверяет, что это письмо подействовало, и Ярослав согласился всячески помогать ромеям. К союзу с Мануилом был привлечен и князь Киева (Киамы), не называемый Киннамом по имени. Еще раньше, вероятно, Мануил постарался уладить свои отношения с Андроником. По словам Никиты Хониата³, царю казалось «подозрительным долговременное его отсутствие, так как ходили уже слухи, что он собирает многочисленную скифскую (то есть русскую) конницу с намерением вторгнуться в римские пределы. Поэтому он признал делом, как говорят, первой важности – возвратить Андроника. С этой целью он приглашает его оттуда и, после дружеских

¹ По мнению Карамзина (т.2, гл. 13), Ростислав мог быть князем смоленским, пока он владел еще великокняжеским престолом.

² Любопытное свидетельство о предшествующих дипломатических сношениях Ярослава с Мануилом.

³ Византийские историки, перевод с греч. при С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1859 (Киннам), стр. 261.

уверений с той и другой стороны, действительно принимает странника в свои объятия».

Мы оставляем в стороне дальнейшую судьбу Андроника и византийско-венгерской войны, так как о русских князьях и их отношениях к Византии не находим больше упоминаний у историков царствования Мануила – Никиты Хониата и Киннама. Перенесемся теперь мысленно ко двору галицкого князя Ярослава и представим себе ту историческую эпоху, которую он переживал. Даже на основании скудных, случайных указаний византийских историков можно судить о живом общении этой части Руси с Византией и Венгрией. События блестящего царствования императора Мануила, его постоянные войны в Малой Азии, Италии, Сербии, Венгрии должны были постоянно доходить и до Руси. Его имя должно было быть популярно. Его двоюродный брат гостит в Галиче, выказывает свою удаль в княжеских охотах, свои общественные таланты за княжеским столом. Это личность, интересующая своими похождениями не только греков, но и Западную Европу. Он умеет находить себе горячих сторонников, овладевает и вниманием русских князей, получает от Ярослава несколько городов на кормление, составляет комплоты против брата и, конечно, знакомит своих хозяев со всеми новостями политической и общественной жизни Византии. В то же почти время прибывший из Константинополя ловкий посол-дипломат (Мануил) ведет переговоры с русскими князьями. Немудрено, что имя императора Мануила с этих пор хорошо запомнилось на Руси и что все, связанное с этим именем, должно было обращать на себя особенное внимание. На это имеем даже прямые указания. В XIII веке книжные сказания уже делали Мануила современником Владимира Мономаха, и автор «Слова о погибели Русской земли», прославляя могуще-

ство этого князя, обронил для нас следующее драгоценное для истории нашего эпоса указание: „И жюр (то есть кюр) Мануил црегородский опас имея, поне и великия дары посылаша к нему, абы под ним великий кнзь Володимер цря города не взял»¹. Можно думать, что имя Мануила особенно было популярно в галицких народных рассказах: едва ли простую случайность можно видеть в том, что именно в песнях о Романе (в котором мы вместе с проф. Ждановым видим Романа Галицкого) похититель жены Романовой носит имя Мануила Ягайловича². Может быть, то же имя находим в былинном грозном царе Этмануйле Этмануйловиче, за дочь которого сватается Владимир стольнокиевский³. Припомним, далее, вмешательство Мануила в русские церковные дела, когда он письмом убеждал князя Ростислава назначить митрополитом грека. Припомним занесенное в Новгородскую летопись (3-ю) сказание, также зашедшее к нам из Византии, о наказанной гордости этого же царя и о том, как он написал образ Спасителя, известный под именем Золотой Ризы⁴. Припомним, далее, известие из Жития преподобной Евфросинии Полоцкой об *Ефесской* иконе Богородицы Одигитрии, присланной императором Мануилом Евфросинии по ее просьбе⁵.

¹ Слово о погибели Русской земли, X. Лопарева, 1892, стр. 24. Объяснение этой хронологической ошибки см. у И. Н. Жданова – Русский былевой эпос, стр. 97 и след.

² Проф. Жданов (Русский былевой эпос, стр. 502) говорит, что это имя несомненно связано с воспоминаниями из польско-литовской истории. Думаем, что последняя отразилась только на отчестве (Ягайлович), но что имя Мануила (имевшее, быть может, раньше другое отчество) восходит к имени византийского императора.

³ Кирша Данилов, 1818 г., стр. 86, 88, 89, и соображения Лопарева, назв. соч., стр. 14, прим.

⁴ П. С. Русск. Лет., III, 211.

⁵ См. житие ее под 23 мая у св. Димитрия Ростовского. Припомним, наконец, что Мануил приютил у себя изгнанных братьев кн. Андрея Боголюбского.

И вот почти к тому же времени, даже к тому же году, когда двоюродный брат знаменитого императора гостил в Галиче (1165), относится сенсационное известие о том, как гордыня Мануила была унижена письмом к нему пресвитера Иоанна (из Индии богатой), который при необычайном своем могуществе и пышности противопоставляет свое христианское смирение горделивости императора. Если мы теперь примем в соображение, что послание пресвитера и вести о посольстве Мануила к нему дали материал для какого-то эпического сказания и что следы этого сказания оказываются в былине о Дюке Степановиче, в которой упорно поминаются и Индия богатая и Галич-Волынский, то мысль о галицком происхождении напрашивается сама собою, точно так же как является весьма естественным предположение, что *основная* былина по времени своего сложения едва ли слишком отдалена от вышеописанных галицко-византийских отношений, то есть могла быть сложена еще в конце XII или в начале следующего столетия¹. Исходя из этого предположения поищем ему других подтверждений.

Всмотримся в план былины и в личность ее героя. Былина состоит из двух частей. В первой рассказывается, как к князю приезжает иноземный гость, не князь, не царевич, а частное лицо, боярин, хвастает при дворе князя своим богатством и роскошью и возбуждает подозрение во лживости. Во второй части князь снаряжает специальное посольство для проверки хвастовства приезжего гостя, и посольство подтверждает истину его слов: частное лицо оказывается несравненно богаче князя, его город роскошнее княжеской столицы, его придворный штат неизмеримо пышнее княжеского. Во

---

¹ Вопрос: не был ли памфлет против императора Мануила привезен в Галич врагом императора Андроником?

второй половине рассказа, как мы видели, сохранились отголоски сказания о дворе пресвитера Иоанна. Первая часть представляет нечто относительно самостоятельное; говорим – относительно, потому что не знаем предполагаемого византийского (?) источника. Предположим, что в этом прототипе были соответствия обеим половинам нашей былины, и спросим себя, как мог сложиться такой план рассказа под воздействием Послания пресвитера Иоанна к царю Мануилу. Послание, как известно, кончается приглашением Мануилу снарядить посольство в Индию, чтобы убедиться в правдивости письма пресвитера. И вот, естественно, посольство в Индию с описанием тамошнего богатства и великолепия должно войти в эпическое произведение. Но чем мотивировать такое посольство? Письмом? Но это не во вкусе народного эпоса, который любит рассказ о живом лице, о его действиях. Естественной мотивировкой поэтому представляется приезд ко двору властителя какого-нибудь лица из Индии, с хвастливым рассказом о тамошнем богатстве. Что же это за лицо? Не потревожится приездом, конечно, такая важная особа, как сам пресвитер. Такого невероятно-го приезда его не могла бы создать самая пылкая фантазия, если руководилась содержанием его письма. И вот фантазия слагателя нового рассказа создает весьма удачно другое лицо, идея для которого дана в самом послании. В таком царстве, каково царство пресвитера, даже частные лица, его подданные, должны превосходить богатством и роскошью венценосцев: ведь служат же у пресвитера даже цари в придворных должностях. Таким образом, должна была явиться идея о приезде из Индии частного лица, и противопоставление его богатства со средствами (византийского) властителя должно было всему рассказу придать еще более соли

и пикантности. Но в рассказе необходимо, чтобы этот приезжий богач носил определенное имя. В выборе этого имени и видно, что мы имеем дело с приемами народной эпики. Известно, что она в этом отношении отличается наивностью и нисколько не затрудняется лицам иноземным давать свои национальные имена и изображать эти лица в национальном вкусе. География и этнография для нее не имеют значения. Этим, по-видимому, можно себе объяснить, что приезжий из Индии гость получил популярное греческое имя Дука (Δούκας). Дуки представляли аристократический род, близкий к династии Комненов и состоявший с ними в родственных отношениях; некоторые Комнены носят и фамилию Дуков: наприм., Константин Дукас (1059–1067), Михаил Дукас (1071–1078). Имя Дуков беспрестанно мелькает в византийских летописях; многие из носящих это фамильное имя занимают высшие придворные и военные должности. Особенно прославился в царствование Мануила Иоанн Дука своими блестящими победами в Италии, Далматии и Венгрии и подвигами личной храбрости¹. Из других Дуков упоминается в то же царствование Константин Дука, женатый на племяннице царя², и Андроник Дука, отличившийся при вторичном взятии ромеями города Зевгмина тем, что первый взбежал на стену крепости³. Известностью и славой имени Дуков объясняется и то, что эта фамилия встречается и в героических сказаниях Византии. В поэме о Дигенисе говорится об Андронике Дуке, на дочери которого был женат отец Дигениса, так что со стороны матери популярнейший герой византийского эпоса принадлежит знаменитому роду Дуков. Но с тою

---

¹ См. Киннам, стр. 150, 157, 165, 271, 289.

² Киннам, стр. 297.

³ Киннам, стр. 273.

же фамилией он был связан и свойством, так как сам женился на дочери Дука¹. Вероятно, славное византийское имя попало и в южнославянские песни. Конечно, имя Дуки было в том византийском произведении, которое послужило основой русской былины, ибо трудно предположить, что последняя сама изобрела имя Дюка². Но откуда могло получиться отчество Степанович, так прочно всегда сопровождающее имя Дюка, что ни одна былина не представляет других вариантов? Думаем, что и здесь мы имеем литературную традицию. Едва ли приезжий из Индии богач при фамилии Дуки не имел личного имени, как другие Дуки, упоминаемые византийскими источниками. Не носил ли он популярного в Византии, а через нее у южных славян и венгров, имени Стефан? В истории политических событий, происходивших в византийских владениях, на Балканском полуострове и Венгрии в XII веке, беспрестанно мель-

¹ Ю. Русск. был., VII, 171.

² Dozon, Poésies serbes, 196. Халанский – Марко Кралевич, II, 286, 445. Едва ли представляет фонетическое затруднение переделка иностранного имени Дука в Дюка. Напомним некоторые одиночные случаи подобного же смягчения зубных согласных, впрочем, большей частью (хотя не исключительно) под влиянием следующего мягкого слога: *тюрьма* и немец. *Turm*, *тюльпан* и *тулипан* = *tulipa*, *тябло* = *tabula*, *дужий* и областное *дужий*, *тюрик* и *турачек*, древ. русск. *дател* и *дятел* (словарь Срезневского). Нельзя ли предположить, что Дюк – великорусская переделка южнорусского и старинного *Дук*? По крайней мере, в малорусском *дук* и *дука* значит *богач*, *вельможа* (см. словари Желеховского, Пискунова, Закревского). Может быть, уже в старину у южноруссов эпическое имя богача Дука перешло в нарицательное прозвище, разделив судьбу некоторых других собственных имен: Крез, Аника, Дон-Жуан, Ловелас и др. У сербов имя Дука встречается как собственное и также значит *герцог*. Для объяснения итальянского слова *duca* (*герцог*) Диц (Etymologisches Wörterbuch der Romanischen Sprachen) предполагает, что оно вышло не из латинского *dux*, которое в средневековом латинском звучало *dox*, *docis* (срав. венецианское *doge*), а из византийского *δοῦχος* или *δοῦξ*, винит. *δοῦχα*. Этим именем византийцы задолго до литературного периода итальянского языка называли воеводу провинции или города.

кает это имя: вспомним венгерских королей Стефанов, сербских князей с этим именем и многочисленных Стефанов царедворцев, военачальников, *дуксов* и *великих дуксов*, упоминаемых историками царствования Мануила – Киннамом и Никитой Хониатом¹. Впрочем, едва ли есть надежда найти положительный ответ на вопрос об отчестве Дюка, узнать, откуда оно пошло, и ограничилась ли изобретательность первого слагателя былины в этом случае только тем, что он, согласно русскому обычаю, сделал иноземное личное имя отчеством. Характеристичнее для предполагаемого галицкого автора былины то, что он придал герою *боярское* звание. Известно, каким значением, самостоятельностью и богатством отличалось галицкое боярство, вечно строившее козни против княжеской власти. В отношении *боярина* Дюка к князю, в его тоне, поведении, в соперничестве с ним, по-видимому, проглядывают исторические черты эпохи сложения былины, то есть XII или XIII века. К сожалению, идти дальше в уяснении процесса сложения основной былины мы не в состоянии, и она должна остаться для нас в туманных очертаниях. Трудность ступить в этом направлении хоть скольконибудь прочно заключается в том, что мы не видим положительных данных для решения основного вопроса: современно ли прикрепление места действия былины к Киеву и князю Владимиру ее сложению или такое прикрепление произошло лишь позднее и предполагает уже вторую редакцию. Последнее мне кажется вероятнее. Из предыдущих соображений видно, что оба имени – Индия и Галич – были уже в основной былине и,

---

¹ У Киннама упоминаются пять Контостефанов: Контостефан Андроник – известный полководец (34, 64–67, 108, 220, 299, 301, 309); Контостефан Алексей – протостратор (142, 185–188, 235); Контостефан Иоанн – придворный сановник и дипломат (219, 230); Контостефан Стефан (105); Контостефан Феодор – военачальник (41, 135).

конечно, не могли отождествляться, как в современной. Первый слагатель, живший в Галицкой области, не мог отождествить свой областной город с Индией богатой. Следовательно, Дюк приезжал из Индии в Галич, так как другого отношения между обоими именами мы не можем себе представить. Если Дюк приезжал в Галич, то, конечно, к галицкому князю, и ни Киев, ни кн. Владимир не были нужны – ergo киевское прикрепление былины произошло только впоследствии. Путаницу, которая вследствие этого произошла между Галичем и Индией богатой, объяснить себе возможно таким соображением. Имя Дюка богатого, хваставшего своими богатствами в Галиче, было так тесно в народном предании связано с этим городом, что второй редактор былины, живший уже в тех местах Руси, где Галич был неизвестен, и в такое время, когда «мать городов русских» блистала больше в эпическом и церковном предании, чем в государственной русской жизни, перенес Дюка в эпический центр – ко двору кн. Владимира, просто по наивности отождествил оба неизвестные ему места – Галич-Волынец и Индию богатую.

Продолжая ступать по той же зыбкой почве догадок, спросим себя: не рухнет ли все это построение от присутствия другого имени в былине, соперника Дюка по щегольству, которого приезжий богатырь застаёт в Киеве, как тамошнего известного *щана*, любимца киевских женщин? Мы говорим о Чуриле Пленковиче. Едва ли. Чурило Пленкович, как видно из других былин, – сам человек заезжий в Киеве, хотя и обжившийся в нем. Он сам, по-видимому, потом вовлечен в киевский эпический цикл, как и Дюк Степанович. Но откуда он родом, в каком крае Руси стал первоначально известен в песнях этот тип и откуда пошло его имя? Если в первоначальной галицкой былине о Дюке этот приезжий из

Индии застал Чурилу в Галиче, как местного шапа, то естественно предположить галицко-волынское происхождение Чурилы. Это было бы только более определенное приурочение этого эпического имени, потому что в южнорусском его происхождении не сомневается никто из современных исследователей. «Распространенность имен Чурило, Журило, Цюрило в Юго-Западной Руси в песнях и местных названиях, – говорит проф. Халанский¹, – дает большую вероятность мнению о южнорусском происхождении сказаний об этом богатыре». Действительно, имя Чурилы (Джурилы, Журилы, Цюрилы) принадлежит к тем очень немногим эпическим именам, которые помнят народные песни Холмской, Подлясской и Галицкой Руси. В одной, именно *галицкой*, песне про раскосую девушку поется:

Казалась ми тоту браты,
Ту, шо скуловока:
Йодно йоко до Джурыла,
Друге до Потока².

В старинной малорусской свадебной песне (из Жолковского округа Галиции) изображается свита девиц, идущая за Журилой (в варианте Липинского – Чурилой):

Ішов Журило з міста,
За нім дівочок триста³.

То же девичье войско Чурилы является в плясовой песне, сопровождающей обряд, в Покутыи:

---

¹ Великорусские былины киевского цикла, 209.

² Kolberg, Pokucie, II, 101.

³ Жегота Паули, ч. II, стр. 149–150; перепечатано у Антоновича и Драгоманова. Историч. песни малорусск. народа, I, 54–56.

Гой ты Джурыло, гой ты!
Куда ж до тебе зайты?
Ледон дівчета, ледом,
В мене горілка з медом.
Гой ты, Джурыло, пане!
Де твое війско стане?
Йа місті пры долині,
Пры червоні калыні¹.

Песня о Чуриле поется в Грубешовском и Холмском уездах Люблинской губернии. Приводя эту песню (вариант песни, изданной у Антоновича и Драгоманова), авторы статьи «Очерки быта крестьян Холмской и Подляской Руси по народным песням» гг. Н. Страшкевич и К. Заусцинский замечают: «Увлекающаяся Джурилой девушка Ксения, забывшая у него черевички и без них явившаяся к матери, напоминает Катерину Микуличну, жену старого Бермяты, которая тоже прибегаёт к мужу от Чурилы (точнее, выбегает к мужу из своей спальни, где сидит Чурило) в одних тонких чулочках без чеботов»².

По словам издателей «Исторических песен малорусского народа», в Древней Руси издавна был боярский род Чурилов, или Джурилов, члены которого упоминаются с конца XIV по начало XVII столетия в качестве сановников земель: Перемышльской, Галицкой и Подольской; в последней из них Чурилами основан был город Чурилов (ныне Джурин Подольской губернии Ямпольского уезда), в котором в начале текущего столетия польский этнограф Липинский

---

¹ Kolberg, II, 155.

² См. Памятники Русской старины в западных губерниях, II. Батюшкова. Вып. 7-й, Холмская Русь, стр. 347 и след. О южнорусском происхождении имен Чурилы см. еще заметки В. Каллаша в «Этнографическом обозрении», 1899, III, 207–210; 1890, II, 252.

слышал вариант песни о Чуриле и его войске. Как собственное имя Чурило встречается, например, в галицком документе 1410 года *Acta grodzkie I ziemskie: Nobilis Andreas dictus Czurilo*. Известен и фольварк Чурилы в Седлецкой губернии¹.

Что касается происхождения имени, то оно представляется до сих пор не вполне выясненным. Обычно полагают, что Чурило произошло из древнерусского Кюрил, варианта имени Кирилл, опираясь на то, что при имени Киприан существует имя Чуприан, откуда великорусское местное название Чуприановка. Проф. Соболевский, однако, отвергает это объяснение, по отсутствию достоверных примеров изменения на русской почве *к* в *ч*, и считает имя Чурило уменьшительным от *Чурослав*, как Твердило от *Твердислав*². Против такого объяснения мы ничего бы не имели, если бы, во-первых, было доказано, что Твердило есть уменьшительное от Твердислава, и, во-вторых, что действительно существовало древнерусское имя *Чурослав*, до сих пор не найденное ни в каких памятниках. Не произошел ли переход *к* в *ч* под влиянием латинской формы *Syrillus* у русских, сталкивавшихся с Западом и получивших это имя в латинской оболочке? Ср. чешск. *Syrill*. Имя отца Чурилы, выведенное из его отчества, звучало Пленко и своим суффиксом подходит к старинным южнорусским и нынешним малорусским именам: сравните галицкие имена Владимирко, Василько, польские Мешко, Лешко, малорусские Левко, Харько и друг. Предполагая в Чуриле такое же происхождение, как в Дюке, спешу, однако ж, оговориться, что древность его имени несколько не ручается за древность тех сюжетов, которые связаны

---

¹ Живая старина. 1890 г., вып. II, стр. 95.

² Там же.

с ним в современных былинах. Имена в нашем эпосе вообще древнее сюжетов, так как последние подвергались в истории эпоса иногда радикальным переработкам и воспринимали черты позднейших эпох. Нам кажется, что наидревнейшим сюжетом, связанным с именем Чурилы, было его соперничество с Дюком. На других сюжетах, как я старался уяснить в специальной статье, отслоились яркие черты позднейшей севернорусской переработки.

Поищем других галицко-волынских отголосков в наших былинах. В стихах вышеприведенной галицкой песни вслед за Джурилой названо имя другого богатыря, Потока. В этом нельзя не видеть прямого указания на известность этого былинного имени у галичан. Спрашивается, зашло ли это имя сюда из великорусских былин или представляет наследие старины? Первое представляется мне совершенно невероятным: этот богатырь известен исключительно современному олонецкому былинному репертуару – ни в одной другой губернии Европейской России былин о нем не было записано. В прошлом столетии одна былина о нем попала в Сибири в сборник, приписываемый Кирше Данилову: наконец, есть еще три прозаические записи былины в рукописях XVIII и XVII веков¹, восходящие к одной редакции XVII века. Имя Потока неизвестно ни в каких местах, где соприкасается *великорусская* народность с *малорусской*, где возможно было бы предположить воздействие великорусской эпики на малорусское песнетворчество. Итак, можно думать, что имя Потока в галицкой песне – такое же наследие родной старины и предания, как имя Чурилы. Подтверждается ли это, однако, содержанием великорусских былин об этом богатыре?

¹ См. Русские былины старой и новой записи. Отд. I, стр. 25–46.

Я не стану подробно разбирать былины о Михаиле Потоке Ивановиче¹, так как для моей цели такой разбор и не нужен. Укажу только на результаты, добытые анализом других исследователей, и отмечу в былине некоторые интересные для нас имена.

Былина о Потоке производит с первого взгляда впечатление сложной сказки на широко распространенную тему о неверных женах, прикрепившейся к какому-то старинному имени. Наидревнейшей частью сказки представляется женитьба героя, уговор с женою о том, что переживший из обоих супругов должен сопровождать другого в могилу, смерть жены, пребывание мужа с телом ее в склепе и столкновение его со змеем, послужившее к воскрешению жены. Эта первая сказка составляет, например, все содержание былины в записи Кирши Данилова и имеет множество параллелей и в русской и в иностранной сказочной литературе. Отметим особенно белорусскую сказку² (великорусская не встретилась), польскую³, немецкую⁴. Указаны были далее параллели в сказках французских (лотарингская, бретонская), каталанских, итальянских (из Абруцц), сицилийских и восточных (кавказских, индийских, аннамских, монгольских и др.)⁵. Разделяя историю сказок вообще, основная сказка осложнилась другими, на тему о неверных женах. Волшебница, жена героя, увозится в его отсутствие дру-

---

¹ Кирша Данилов, № 22; Рыбников, I, № 35–38; II, № 15–17; IV, № 12; Гильфердинг, № 6, 39, 40, 52, 82, 150, 158; Русские былины старой и новой записи.

² Романов, III, № 88, стр. 353–359.

³ Kolberg – Lud. Jego Zwyczaj, sposób życia i пр., № 11, стр. 229–230.

⁴ Grimm, стр. 82–92.

⁵ Наиболее полный перечень параллелей содержанию былины о Потоке см. в книге Máchal'a – O bohatýrském epose slovanském. Praga, 1894 г., стр. 167–172. См. еще: Rambaud, La Russie épique, p. 174; Radloff, III, 372; Потебня, Объяснение малороссийских песен и проч., II, 287.

гим, изменяет мужу и старается его погубить, когда он является за нею. Попытки погубить мужа излагаются в двух эпизодах: в первый раз, опоив мужа, она превращает его в камень, как Марина Добрыню в тура; мужа воскрешает чудесный старец (Михаил Архангел, Никола Можайский); во второй раз жена, снова опоив мужа вином, пригвоздила его в погребу к стене: героя спасает сестра похитителя (Настасья); он убивает неверную жену, ее любовника и женится на своей освободительнице. Вопрос о восточном или западном происхождении сюжета, прикрепившегося к имени Потока, не может быть решен в положительном смысле: в сложную сказку, прошедшую, вероятно, чрез несколько редакций, могли войти в течение времени мотивы с разных сторон. Но в общем мы разделяем взгляд, высказанный г. Махалом, который пришел к убеждению, что былина как целое стоит гораздо ближе к западноевропейским сказкам, чем к восточным, но в тех чертах, которыми отличается от западноевропейских, сходится с азиатскими¹. Этот вывод, вытекающий из просмотра всех доселе известных параллелей, соответствует вообще срединному положению русских сказок между Азией и Европой. Не останавливаясь далее на этом вопросе, заметим только для дальнейшего, что, во-первых, основной сказкой, прикрепленной к имени Потока, было спасение им жены от змея, во-вторых, что для этой части былины наибольшее число параллелей оказывается на Западе, а не на Востоке, так что если европейское происхождение основной сказки и не может быть доказано положительно, то, по крайней мере, оно наиболее вероятно. Перейдем теперь к некоторым географическим именам былины.

Откуда привез себе жену Михаил Поток, какое имя было в древнейшей доступной нам редакции бы-

---

¹ Назв. соч., стр. 172.

лины? Марья-королевична, лебедь-белая, в значительном большинстве пересказов называется *Подоленка*¹, то есть из Подолии. В некоторых пересказах прямо говорится в начале, что Поток Михаил Иванович был отправлен в землю Подольскую² и что его жена была дочь короля подольского. Если в некоторых пересказах мы находим другие географические имена страны, из которой Поток вывез Марью, например темна орда³, заморское царство⁴, Вахрамеево царство⁵, то в этом нужно видеть позднейшее искажение, так как название Подоленка является обычным эпитетом Марьи – даже в тех пересказах, которые не знают о ее привозе, смерти и воскрешении, а рассказывают только о ее увозе в отсутствие мужа⁶. Итак, Поток добыл себе жену в Подолии, и нет основания предполагать, чтобы это географическое имя вошло в былинку сравнительно поздно, в севернорусский период нашего эпоса, когда о давно отторгнутой от России Подолии едва ли помнили что-нибудь сказители. Похититель Марьи назывался уже в древнейшей редакции политовским королем: так он называется в большинстве пересказов⁷. Имя ему дано взятое из поздних сказок: Вахрамей⁸ (из сказки о Еруслане Лазаревиче), Кощей. Оба имени известны из сходных по сюжету былин об Иване Годиновиче. В варианте у Рыбникова, I, № 37, где этот Вахрамей увозит Марью

---

¹ Гильфердинг, № 40, 140, 158; Рыбников, I, 37, 38; II, 16, 17; IV, 12.

² См. Гильфердинг, № 6 = Рыбников, IV, 12; Гильфердинг, № 40.

³ Рыбников, I, 36.

⁴ Рыбников, II, 15.

⁵ Гильфердинг, 52.

⁶ Например, Гильфердинг, 158, 150 = Рыбников, II, 16; Рыбников, I, 38; II, 17.

⁷ Рыбников, II, 17, 16; IV, 12; I, 38, 36. Гильфердинг, № 158, 130, 6, 40.

⁸ Рыбников, I, 38; II, 17.

в землю Волынскую, быть может, реминисценция из какого-нибудь древнего пересказа. В рукописной редакции XVII века страна, в которую увезли Авдотью Лиховидовну, перенесена с запада на восток: ее увезли в Золотую орду. Несомненно, однако, что в основной редакции дело шло о Литве, а не о татарском царстве¹, так как похититель обычно называется *королем*, а не царем. Итак, географические даты былины о Потоке ведут нас в Юго-Западную Русь – в Подолию, Волынь, Литву, и, ввиду известности имени Потока в Галицкой Руси, нет основания думать, чтобы эта сцена изложенных в былине событий была внесена лишь впоследствии в какую-нибудь из ее поздних переработок.

Имя самого героя уже было предметом исследования акад. Веселовского, и нам остается только, напомнив добытые им результаты, сделать из них некоторые дальнейшие заключения.

Акад. Веселовский, приведя в своем исследовании² текст жития праведного Михаила, воина из рукописи, принадлежавшей проф. Григоровичу и поступившей в Румянцевский музей, останавливается затем на некоторых эпических мотивах жития – именно змееборстве, приписываемом праведному Михаилу из Потуки, – и приходит к предположению, что чудо Михаила из Потуки или Потоки со змеем отложилось общими чертами *или только именем действующего лица* в русской былине о Михаиле Потоке³. В заключение автор говорит: «Я обращаю пока внимание на совпадение имен и общих очертаний, предоставляя себе вернуться, при другом

¹ В былине Рябинина у Рыбникова, I, 35 = Гильфердинг, № 28, Поток даже встречает Марью-лебедь-белую в Литве, а не в Подолии.

² «Праведный Михаил из Потуки» в Разысканиях в области духовного стиха, IX.

³ Назв. соч., стр. 365.

случае и подробнее, к вопросу об источниках былин о Потоке»¹. Насколько знаем, автор не возвращался затем к этой теме. Попытаемся теснее связать Михаила из Потуки с нашим былинным Михаилом Потоком.

Припомним в общих чертах содержание жития. Михаил родом болгарин, служил воеводой в римском (византийском) войске. Когда римляне были гонимы агарянами и уже обратились в бегство, Михаил со своею дружиной выручил римлян, бросился отважно на неприятеля, убил множество агарян и эфиоплян, а прочих обратил в бегство. Возвращаясь домой в город Потуку, он остановился отдохнуть близ одного озера. В озере жил змей, выходивший пожирать детей, которых, по обычаю, доставлял ему соседний город. На этот раз около озера ждала своей участи девица. Михаил один, без испугавшейся змея дружины, отважился биться с чудовищем и, бросившись на него, снес ему мечом все три головы. Однако змей успел ударить Михаила опашью в правую щеку и левую руку, отчего юноша пролежал некоторое время без чувств. Затем извещенные о событии на озере граждане вышли с торжеством навстречу победителю змея. Придя домой, Михаил скоро умер, и тело его в Потуке стало творить чудеса. Впоследствии, когда болгарский царь Калоиоанн овладел Потукой, он велел перенести мощи угодника в город Тырнов. Перенесение совершилось с большой торжественностью: навстречу мощам вышел патриарх Василий с духовенством и боярами. Это событие произошло в 1206 году, а жил Михаил из Потуки во 2-й половине IX века, принадлежа к первым болгарским христианам.

Предполагать, что болгарская легенда о Михаиле из Потуки дала самый сюжет русской былине о Михаиле Потоке, нет основания, а все же между легендой и

---

¹ Там же, стр. 366.

былиной чувствуется какая-то связь. Во-первых, в именах. Наш богатырь носит какое-то странное, необычное в эпосе имя: Михаил-Поток по отчеству Иванович. Имя Поток, в дальнейшем искажении Потык, как личное, неизвестно на Руси. Оно, очевидно, заимствовано и перешло одновременно с именем Михаил, к которому было прикреплено.

По-видимому, слагатели былин ограничились тем, что к имени Поток прицепили популярнейшее отчество *Иванович*, как бы считая оба имени Михаил-Поток за одно, слитное. Такая постановка отчества доказывает, что имя Поток было всегда связано с именем Михаила, как бы его постоянный эпитет, вроде: Соловей-разбойник Ахматович. Поэтому связь имени Михаила-Потока с именем Михаил из Потоуки (или Потоки) представляется весьма правдоподобною.

Некоторое сходство между легендой о Михаиле из Потоуки и отдельными чертами былины о Михаиле Потоке также может быть намечено. Оба представляются храбрыми воителями: Михаил из Потоуки разбивает агарян и эфиоплян; Михаил Поток успешно выправляет дань в земле Подольской, прогоняет из Киева бесчисленную рать Кощея Золотой орды и проч.; оба около воды находят девицу; оба так или иначе спасают женщину от змея. Этим, однако ж, и ограничивается все сходство: фабулы легенды и основной части былины (то есть воскрешение мертвой жены, которую посетил змей) – различны. Единственная представляющаяся нам возможность уяснить себе отношения болгарского Михаила из Потоуки к русскому Михаилу Потоку состоит в следующей гипотезе. Мы видели, что былина о Потоке – создание весьма сложное: это синкретическая сказка на тему о неверной жене, нараставшая последовательно на имя, связанное с каким-то древним сказанием. Основ-

ным мотивом в былине является отношение Потока к девице и змею. Спрашивается, почему именно к Потокуну прикрепился этот странствующий сказочный сюжет? Вероятно, именно потому, что нечто подобное, то есть какое-то предание о девице и змее, было еще раньше связано с именем Михаила из Потуки и перешло вместе с ним на Русь. Шаблонная формула Георгия-змееборца, выражающаяся в болгарской легенде, была заменена другим аналогичным мотивом, в котором оказались, как в прежней формуле, и змей и женщина, но в другой, более интересной комбинации. На одно имя, без какого-нибудь связанного с ним предания, не могла бы отслоиться сказка, а такое предание представляет нам болгарская легенда о Михаиле из Потуки.

Итак, нам кажется весьма вероятным, что наше былинное имя Михаил-Поток – болгарского происхождения. Является вопрос: к какому русскому населению и в какое время могло оно перейти из Болгарии? Единственное указание жития, которым можно воспользоваться, – это свидетельство о перенесении мощей праведного Михаила из Потуки в главный город Болгарии Трнов в 1206 году. Из жития известно, что мощи Михаила творили чудеса в Потуке¹ и, конечно, по причине этих чудес и народного культа болгарский царь Калойман повелел перенести мощи в более важный город, причем перенесение было обставлено всею пышностью церковной и гражданской. Это событие должно было еще более подновить память о Михаиле из Потуки, еще шире распространить его известность. Можно думать, что в это-то время, то есть в первой четверти XIII века, имя Михаила из Потуки вышло за пределы его родной страны, перешло к ближайшим русским православным

---

¹ Может быть, нынешний Батак; см. у Веселовского, назв. соч., стр. 364.

соседям и получило у них известность. Ближайшие русские соседи болгар были в это время подданные Галицкого княжества, которое его нижнедунайские владения связывали с Болгарией. Немудрено поэтому, что именем Михаила из Потоуки овладела народная эпика галицкого населения, и что последний след популярности этого имени в Галиции донесла до нас вышеприведенная галицкая песня. Если эти предположения правдоподобны, то и некоторые старинные географические названия, сохранившиеся в северной былине, как кусочки, захваченные из прежней разбитой мозаики, найдут себе объяснение: королевство Политовское, или *земляная* Литва поганая, была ближайшим врагом, с которым постоянно воевала Галицко-Волынская Русь до своего поглощения этим соседом: Подолия, из которой родом Марья Лебедь-белая, была прихвачена северной былиной так же бессознательно, как Галич-Волынский в былине о Дюке Степановиче.

Своим отношением к политовскому королю Михаил Поток до некоторой степени напоминает другого русского богатыря, Дуная, предпринимающего поездку к ляховинскому королю. Считаю нужным остановиться несколько на имени и похождениях этого богатыря ввиду представляющейся мне возможности найти в былине о нем некоторые черты, по-видимому, относящиеся к юго-западным историческим отношениям.

Едва ли в настоящее время нужно останавливаться на разборе взглядов на Дуная тех сторонников стародавности эпических сюжетов, которые видели в этом богатыре олицетворение славянской реки Дуная или перешедший в былину праславянский миф. Это толкование, не находя никакой опоры ни в личности богатыря, ни в его эпических похождениях, приводило в свою пользу случайное совпадение имен героя и

реки и окончание былины – происхождение реки от крови заколовшегося Дуная. Но для обоих фактов возможно иное, более простое и правдоподобное объяснение. Имя Дунай, как личное, принадлежит к довольно распространенным старинным русским именам¹. Но можно даже с некоторой вероятностью наметить историческое лицо, носившее» это имя и давшее некоторые черты для эпического образа Дуная. Припомним сначала эпические похождения последнего.

Содержание единственной былины, прикрепленной к имени Дуная, – добывание невесты для князя Владимира. Былина открывается обычным пиром, на котором князь жалуется, что он не женат, между тем как все князи-бояре и могучие богатыри переженены, и спрашивает – не знает ли кто подходящей ему невесты. Дунай Иванович указывает князю достойную его невесту Опраксу королевичну, дочь короля хороброй Литвы, затем, выбрав товарищем Добрыню, едет за Опраксой. Богатыри приезжают к литовскому королю. Дунай, служивший прежде у короля, входит в палаты, а Добрыня остается при конях на случай опасности. На сватовство Дуная король разгневался и велит посадить свата в погреб. Дунай напугал королевских слуг, замахнувшись рукою. Но в это время прибегают со двора другие слуги, которые рассказывают, что Добрыня перебил дубиною всю королевскую силу. Король смиряется и отпускает Опраксу с Дунаем и Добрынею. На пути богатырей застигла ночь, и они «раздернули» палатку полотняную. Поутру Дунай заметил богатырский след и, оставив Опраксу на попечение Добрыни, поехал догонять неизвестного богатыря. Далее описывается боевая встреча Дуная с сестрой Опраксы паленицей

---

¹ См. статью проф. А. И. Соболевского в «Живой старине», 1980 г., вып. II, стр. 100.

Настасьей королевичной, кончающаяся тем, что он, победив паленицу, решает на ней жениться и едет с нею в Киев, куда уже раньше приехал Добрыня с невестой для Владимира. Одновременно празднуются две свадьбы. На пиру Дунай спорит с женой об искусстве своем в стрельбе; устраивается состязание, и, пристыженный женою, он убивает ее выстрелом, после чего и сам закалывается на ее труп.

Различные пересказы этой былины¹ представляют лишь незначительные варианты: так лицо, указывающее на пиру Владимира на Дуная, как богатыря, способного исполнить поручение князя, называется Пермилом, князем Карамышевским, Ильей Муромцем. Иногда Дунай берет в спутники Василя Казимировича, Алешу, Екима Ивановича, иногда двух спутников – Добрыню и Алешу², Ваську Буслаева и Панюшку Поворенного³; но из *большинства* пересказов можно вывести, что в древнейшей доступной нам редакции непременным спутником Дуная был Добрыня. Такое сведение богатырей в общем походе имеет свое основание. В моей статье «Добрыня-сват»⁴ я обратил уже внимание на то, что слагатели былин подмечали сами аналогию между обоими богатырями, проявляющуюся в их служебных отношениях к Владимиру и характере их подвигов. Аналогия заключается в следующем: а) Добрыня по поручению Владимира освобождает и привозит в Киев близкую к князю женщину (Запаву Путятичну); Дунай должен по поручению князя привезти ему не-

---

¹ Гильфердинг, № 34, 81, 94, 102, 108, 125, 139, 191, 214, 272. Рыбников, I, 20, 31, 32, II, 12, III, 21. Киреевский, III, стр. 52–69. Тихонравов и Миллер, отд. II, № 32, 33, 34, 35 и 36.

² Гильфердинг, № 34; Киреевский, III, 58.

³ Гильфердинг, № 191.

⁴ Этнографическое обозрение, кн. XVII, стр. 65; см. следующий очерк.

весту от враждебного короля; б) во многих былинах о Добрыне-змееборце Добрыня, передав освобожденную им Запаву Алеше для доставления ее в Киев, сам бьется с паленицей и затем женится на ней; в былине о Дунае последний, поручив Опраксу Добрыне, сам встречается с воинственной ее сестрой Настасьей (то же имя носит и жена Добрыни), бьется с нею и привозит ее в Киев как свою невесту. Отсюда становится понятно одиночное смешение Дуная с Добрыней в былине (Гильфердинг, № 191), где Дунаю приписано змееборство и избавление княжьей племянницы.

В названной статейке я заметил уже, что былина о Дунае с двумя действующими богатырями сложена чисто механически из двух былин, и старался уяснить процесс ее сложения. В 1-м сюжете, составляющем первую половину, главным действующим лицом является Добрыня, который, избив силу короля, заставляет его выдать Опраксу и привозит ее ко Владимиру; во 2-м сюжете, прикрепленном к первому, действует Дунай, который добывает себе с бою невесту (Настасью), привозит в Киев и затем губит и ее и себя своей похвальбой. Роль Добрыни как свата я старался привести в связь с летописным сказанием о Добрыне, добывшем насилием для Владимира жену Рогнеду. Думаю, что и спутник его носит имя, принадлежавшее также историческому лицу, состоявшему также на службе у князя Владимира, но не «старого» Владимира, а князя волынского, XIII века. Из скудных свидетельств нашей летописи (см. Ипат. лет. под годами 1281, 1282, 1287) можно вывести, что Дунай был лицом очень близким к владимиристо-волынскому князю Владимиру Васильковичу, одним из его старших воевод. Имя Дунай встречается несколько раз в связи с отношениями волынского князя к полякам и литовцам. Так, под 1281 годом Дунай

ведет дружину своего князя против ляхов; в следующем году он упоминается как воевода, посланный Владимиром собирать союзников-литовцев. Но особенно видно значение его как лица, приближенного к князю, в событиях 1287 года. Князь Владимир Василькович, в то время уже больной, не мог принимать личного участия в походах, а между тем значение его было таково, что совершавшиеся вокруг него события требовали его вмешательства. «Вообще в эту эпоху, – говорит Д. И. Иловайский, – польские, особенно мазовецкие, князья находились в таких тесных и родственных связях с волынско-галицкими, что спорили об уделах, заключали взаимные оборонительные и наступательные союзы, мирились и ссорились, как будто это все был один княжий род»¹. Так Владимиру приходилось действовать в интересах мазовецкого князя Конрада Семовитовича, которому он был в «отца место» и который от него держал города. Когда, не надеясь на излечение своей болезни, Владимир по завещанию передал свой стол своему брату Мстиславу, Конрад прислал к больному князю посла с просьбой, чтоб он ходатайствовал о нем перед своим братом Мстиславом. Владимир исполнил желание Конрада, и сближение Мстислава с последним состоялось. В это время скончался краковский князь Лешко Казимирович (Черный), и жители Люблина пригласили Конрада на краковско-судомирское княжение. Понятно, как важно было для слабого Конрада воспользоваться в этом случае авторитетом могущественного и влиятельного владими́ро-волынско́го князя. Конрад прискакал немедленно в город Любомль, где в это время жил Владимир, и просил с ним личного свидания. Но больной князь не мог его принять и поручил переговорить с ним княгине. Конрад про-

---

¹ История России, ч. II, стр. 496.

сит послать с ним в Люблин воеводу Дуная, «конечно, – говорит Д. И. Иловайский, – с целью показать полякам свою дружбу и союз с сильным волынским князем». Просьба Конрада была исполнена. Отсюда мы видим, что воевода Дунай, являясь представителем своего больного князя, должен был быть хорошо известен как лицо, пользовавшееся его полным доверием. Конрад мазовецкий прямо указывает на него как желательного для себя представителя волынского князя. Вот то небольшое, что нам известно о воеводе Дунае. Конечно, нет никакого основания искать связи между летописною деятельностью Дуная и самым содержанием былины о богатыре Дунае. Дунай богатырь является в нашем эпосе исключительно в роли свата. Но все же связь между обоими Дунаями представляется мне весьма вероятной. В пользу ее, кроме совпадения в имени, говорит то, что оба служат князю Владимиру и оба находятся в ближайших отношениях к польскому властителю (князю, королю). Имя воеводы Дуная могло сохраняться в местных преданиях и дружинных песнях в связи с именем князя, которому он служит. А этот князь в отзывах летописца является идеалом князя как по внешним, так и по внутренним качествам. Вспомним, что выбор преемника для Волынского княжения и кончина Владимира Васильковича послужили предметом целого летописного сказания. Сказание современника, что встречается крайне редко в летописи, запомнило и наружность князя: он был высок ростом, плечист, красив лицом, имел светлорусые кудреватые волосы и стриг бороду. Сказание отмечает его воздержную жизнь, силу и ловкость на охоте, благочестие, заботу о церквах и монастырях, любовь к жене и воспитаннице, описывает построение им крепости Каменца и многих храмов и особенно долго с любовью

останавливается на последних днях его жизни, кончине и похоронах. Летописец передает при этом и самые причитанья над телом покойного супруга его Ольги Романовны, которая особенно поминала его незлобие и терпение. Кроме нее плакала над ним и сестра покойного Ольга Васильевна... «Лепшие мужи» владимирские плакали над ним, помяная, что он никому не давал их в обиду, подобно деду своему Роману, и что теперь зашло их солнце и конец их безобидному житию. По слову летописца, плакали о нем не одни русские жители Владимира, богатые и нищие, миряне и черноризцы, но также немцы, сурожане и новгородские торговые люди и самые жиды, как будто после взятия Иерусалима, когда их вели в плен Вавилонский¹. Вполне согласна с летописными известиями следующая характеристика этого князя, наиболее замечательного из потомков славного Романа волынского: «При своем благодушном, правдивом характере он пользовался привязанностью подданных и уважением соседей. Он особенно выдавался из среды современников своих любовью к образованию, прилежным чтением книг и охотой к душевспасительным беседам с епископом, игумнами и вообще людьми сведущими. Волынский летописец называет его “великим книжником и философом”. Любовь к книгам, однако, не мешала ему быть храбрым вождем на ратном поле и страстным охотником. На ловах, по словам летописца, князь, если встречал вепря или медведя, то не дожидался своих слуг, а сам бросался на зверя и убивал его. Он был также умным, деятельным правителем своей земли и усердным строителем укрепленных городов для ее защиты»². Если мы присоединим к этому, что мучительная болезнь (гниение челюсти), в которой

---

¹ Иловайский, назв. соч., стр. 509.

² Иловайский, стр. 499.

лежал популярный князь несколько лет, привлекала к страдальцу всеобщее сочувствие, то должны думать, что воспоминание о волынском Владимире, напоминавшем Владимира Мономаха, долго жило в местных преданиях и, быть может, песнях. В позднейший период нашей эпической поэзии имя Владимира Васильковича должно было поглотиться именем бессменного эпического князя Владимира, и таким образом связанный с ним воевода Дунай должен был стать богатырем Владимирова цикла и исполнять порученья Владимира Красного Солнышка. Аналогией этому процессу может служить былинный Ставр. Исторический новгородский сотский Ставр был посажен в тюрьму Владимиром Мономахом; в былинах Ставра сажает в погреб эпический Владимир Сеславьевич. Такое же смешение *Карлов* замечается в поэмах французских труверов. В XIII веке они приписывают Карлу Великому (Charlemagne) такие деяния, которые принадлежали Карлу Лысому и даже Карлу Простому (Charle le Simple)¹. В личности эпического Guillaume d'Orange слилось несколько исторических Вильгельмов².

Нельзя далее не отметить того, что летописному Дунаю, как воеводе волынского князя, приходилось всего чаще иметь дело с поляками, то воюя с ними, то вступая в дипломатические сношения. Единственная же известная былина изображает Дуная именно в сношениях с ляховинским королем: он едет к нему потому, что прежде служит у него несколько лет. Хотя название *король* и позднего времени (в одной былине³ он называется даже Жиман, то есть Сигизмунд), но все же можно

---

¹ См. Gautier – Les épopées françaises, I, p. 103.

² См. Tobler – Üeber das volkstümliche Epos der Franzosen – Zeitschr. f. Völk und Sprachriss., IV, p. 146 и след.

³ Гильфердинг, № 272.

в былине предположить более древние русско-польские отношения XIII века, лишь подновленные чертами и именами позднейших отношений Московского государства к полякам (напр., XVI века).

Самый сюжет, прикрепленный к имени Дуная, то есть добывание невесты, не отличается оригинальностью: он представляется как бы вариантом женитьбы Добрыни. Оба богатыря одинаково, поехав за женщиной по поручению Владимира (Завава, Опракса), встречают амазонку, бьются с ней и берут ее в жены. Оригинальным для женитьбы Дуная является лишь то, что былина вслед за нею рассказывает о его смерти и убиении им жены, причем из крови Дуная потекла Дунай-река, а из крови его жены – (несуществующая) Настасья-река. Очевидно, здесь мы имеем одно из сказаний о происхождении рек (*légende d'origine*), прикрепившееся к личному имени в силу того, что последнее совпадало с именем реки. То же сказание, как известно, ходит с другими речными именами – Дона Ивановича и Непры (Днепры) королевичны. Эта любопытная былина, записанная от хорошего сказителя Никифора Прохорова Рыбниковым (I, 32), а затем Гильфердингом (№ 50), начинается описанием пира у Владимира. Непра королевична хвалит свою стрельбу и превосходство в том или другом разных богатырей (Ильи Муромца, Михаила Потока, Дюка Степановича, Добрыни Никитича, даже Чурилы Пленковича), но забывает своего тут же присутствующего мужа, *тихого* Дона Ивановича. Дон Иванович вызывает жену на состязанье в стрельбе, стреляет хуже ее и, в досаде, убивает ее; затем, убедившись, что она была тяжела чудесным ребенком, закалывается. От крови несчастных супругов пошли известные реки. Если мы отметим, что Дон носит в нашей поэзии отчество Ивановича, то же, которое

придано богатырю, что Дон постоянно называется *тихим* и что тот же эпитет придан в некоторых былинах богатырю Дунаю¹, хотя совершенно не соответствует его вспылчивому характеру, то найдем вероятным предположение, что сказание о происхождении реки перешло к Дунаю и Настасье либо от Дона и Непры, либо прикрепились к имени богатыря вследствие совпадения его с названием реки². Вероятно, былина о Дунае кончалась раньше его женитьбой на добытой им девице, одновременно с женитьбой князя на Опраксе. Но при склонности к соединению отдельных сюжетов в сводные былины какому-нибудь слагателю пришло на ум продолжить рассказ о Дунае и его жене. И вот, так как имя Дуная, соименное с рекой, напомнило ему фабулу о Доне и его жене Непре, сказитель счел уместным прикрепить к былине новый сюжет. Эта литературная работа была тем более удобоисполнима, что былина кончалась (свадебным) пированием у Владимира, а другая краткая былина – о Доне и Непре – открывалась пиrom у того же лица и в том же месте.

Итак, на наш взгляд, юго-западные, точнее, волынские отголоски в рассмотренной былине ограничиваются лишь несколькими именами (Дуная, князя Владимира, Ляховинского короля), попавшими в эпический поток из заглухнувших дружинных сказаний или песен XIII века. Определить, в какое время пристала к историческому имени сама фабула, известная в былинах, мы едва ли будем в состоянии.

В недавнее время попытка к указанно источника сюжета былины о Дунае была сделана проф. Халанским.

¹ Напр., Киреевский, III, стр. 52 и след.; Гильфердинг, № 81. – Рыбников, I, 31; № 102. – Рыбников, II, 12; № 108 – Рыбников, III, 21; № 272.

² Малорусские предания о реках, происшедших от крови людей, см. у Петрова – Следы севернорусского былевого эпоса в южнорусском, в Трудах Киевской духовной академии, 1878, май, стр. 379–381.

Я не стал бы останавливаться на разборе его толкования былины, так как не вижу какой-нибудь тесной связи между именем Дуная и фабулой, прикрепившейся к нему, то есть сватовством и трагической смертью супругов. Но проф. Халанский дает объяснение самому имени Дунай и ищет его не в русской летописи, а в германских средневековых сказаниях, так что, если его предположение вероятно, все наши соображения об историчности имени богатыря Дуная теряют основание.

Автор находит «поразительное обилие совпадений между немецким сказанием конца XIII века о женитьбе Аттилы на Эрке и русской былинной о женитьбе Владимира в общем мотиве, расположении частей (плане), в самых частностях и *характере* (курсив подлинника) главных действующих лиц (Рюдигера-Родингейра и Дуная), и это приводит его к несомненному выводу, что обе группы сказаний представляют варианты одного и того же сюжета о сватовстве и женитьбе, входившего в песенный обиход древненемецких и древнерусских эпических поэтов-певцов. Вариация одного и того же основного сюжета у немецких и русских певцов состояла лишь в изменении сцены действия (отчасти), некоторых частностей и переименовании действующих лиц соответственно национальным и историческим симпатиям их самих, а равно их слушателей. Некоторые соображения позволяют в данном случае предположить бóльшую степень оригинальности за немецкими рыцарскими певцами и признать великорусскую былинку про Дуная переделкой соответствующего древненемецкого сказания о Рюдигере-Родингейре – Родольфе, а равно и самый образ Тихого Дуная, сына Ивановича, подражанием типу des Milden Рюдигера, Родингейра придунайского (von Bechelaren, von Bacalar)¹.

¹ Южнославянские сказания о кралевиче Марке, II, стр. 397 и след.

Это довольно решительное заявление германского происхождения и типа Дуная и эпического сюжета, прикрепленного к нему, основывается на подробном сличении русской былины с немецкими сказаниями Нибелунгов и Тидрек-саги о женитьбе Аттилы на Эрке, причем нельзя не заметить, что автор отступает от научных приемов сравнения. Так, для доказательства сходства в плане и подробностях двух литературных народных произведений следовало бы, кажется, установить план былины на основании сличения всех пересказов, и затем уже оперировать с этим приготовленным для сравнения материалом. Но такой работы для былин о женитьбе Владимира не сделал проф. Халанский; он черпает из разных (иногда совсем плохих) пересказов то, что наиболее подходит к предполагаемому германскому оригиналу, и таким образом получает «поразительное обилие совпадений». Чтобы проверить последние, изложим вкратце содержание германского сказания о женитьбе Этцеля на Кримхильде и Тидрек-саги о женитьбе Аттилы на Эрке. После смерти жены Гельхи, рассказывается в Нибелунгах, в авантюрах XX–XXII, Этцель стать искать себе другую супругу. Друзья указывают ему на Кримхильду. Маркграф Рюдигер Бехеларнский склоняет Этцеля посвататься за нее, говоря, что знал ее еще девочкой. С 500 гуннских храбрецов Рюдигер едет в Вормс на Рейн исполнять поручение Этцеля. Братья Кримхильды радушно принимают посла. Гаген не советует выдавать Кримхильду за Этцеля, опасаясь мести последнего за ее прежнего супруга Зигфрида. Но Гунтер и братья не слушают Гагена и склоняют Кримхильду принять предложение Этцеля. С большой свитой Кримхильда едет к гуннам. Навстречу ей выезжает сам Этцель с многочисленным войском и блестящей свитой. Затем справляется свадьба.

В этом рассказе Нибелунгов проф. Халанский указывает только две-три черты, аналогичные некоторым деталям песен о женитьбе князя Владимира, и ведет читателя к тому пересказу сюжета о женитьбе Атилы, который находится в Тидрек-саге, прибавляя, что в русском эпосе существуют былины о женитьбе Владимира, сближающиеся во многих частностях с этим именно, позднейшим в истории развития основного сюжета, изводом немецких сказаний о женитьбе Этцеля¹.

Содержание этого эпизода Тидрек-саги вкратце следующее.

Атила, раньше воевавший с Озантриксом, королем страны Вильцинской (Vilcinenland), хочет жениться на дочери Озантрикса Эрке. Сватами он посылает с блестящей свитой своего родственника Озида и герцога Родольфа. Однако сватовство было неудачно: Озантрикс отказывает Аттиле в руке своей дочери, помня все зло, которое он причинил его стране. Получив отказ, Атила поручает вторичное сватовство маркграфу Родингейру, владевшему Бакаларом (Rüedeger von Bachelaren в Нибелунгах), отличавшемуся храбростью и мягкостью, за что он пользовался всеобщей любовью. Родингейр приезжает к Озантриксу, но последний снова отказывает, ставя в попрек Аттиле не особенную знатность его происхождения. Родингейр грозит войною, но Озантрикса это не пугает, и посол Атилы возвращается ни с чем. Начинается война, в которой успех постоянно сопровождает войска Атилы. Особенно отличился герцог Родольф. По прекращении войны, когда Атила был в своем городе Сузе, однажды явился к нему Родольф и просит отпустить с ним триста рыцарей для одного предприятия, которое он желает до времени сохранить в тайне. Атила дает ему рыцарей. С ними

---

¹ Там же, стр. 389.

Родольф отправляется в страну Вильцинов, оставляет их в лесу ждать в течение трех лет его возвращения, а сам, переодевшись, едет к королю Озантриксу, называет себя Сигурдом, беглецом из гуннской страны, оскорбленным Аттилой, и просит короля принять его к себе на службу. Озантрикс, поверив его рассказу, исполнил его просьбу. Две зимы прослужил Родольф у Озантрикса, приобретя полное его доверие, но ни разу не видел за все это время Эрки, которая жила вместе с сестрою и подругами в одном недоступном замке. Но счастливый случай наконец представился. За Эрку приезжает свататься Нордунг, король свавов, и Озантрикс расположен принять его предложение, но хочет узнать согласие дочери. Переговорить с нею он поручает Родольфу. Пользуясь этим случаем, Родольф видится с Эркой и ее сестрой Бертой, рассказывает о могуществе Аттилы, передает Эрке его предложение, а сам делает предложение ее сестре. Эрка, убежденная Бертой, дает свое согласие. Родольф обманывает Озантрикса, передав ему будто бы от имени Эрки, что она желает еще остаться в девицах один год. Нордунг уезжает. Через несколько времени после того Родольф говорит Озантриксу, что желал бы съездить в гуннскую землю за своим братом Алибрандом. Доверяющий ему во всем Озантрикс дает свое согласие. Тогда Родольф едет в лес, где оставил своих рыцарей, берет из них Озида, племянника Аттилы, и возвращается с ним к Озантриксу, которому представляет Озида как своего брата. Озантрикс поверил и этому обману. Наконец, обдумав побег, Родольф вместе с Озидом ночью подъехал к замку, где жили Эрка и Берта, взял сестер и ускакал из страны Озантрикса, захватив по дороге дожидавшихся его рыцарей. Узнав о побеге дочери, Озантрикс преследует беглецов с большим войском. Когда он уже догонял их, они успели за-

переться в одном крепком замке в лесу Фальстрвальде и послать гонцов Аттиле с известием о своем положении. Пока Аттила явился им на выручку с огромным войском, они стойко выдерживали осаду Озантрикса. Затем, узнав о приближении Аттилы, последний ушел в свой город, а Аттила с Родольфом и прочими вернулся в Сузу, где пышно справил обе свадьбы¹.

Сходство в основном сюжете и, пожалуй, в некоторых подробностях между этим рассказом Тидрек-саги и былиной о Дунае нельзя отрицать. И здесь и там два лица (Родольф и Озид – Дунай и Добрыня) добывают невесту для своего властителя (Аттилы, Владимира) во враждебной стране; и здесь и там у враждебного властителя две дочери (Эрка и Берта, Опракса и Настасья), из которых одна становится женою посланного к невесте властителя (Аттилы, Владимира), другая – женою одного из посланных им богатырей (Берта и Родольф, Настасья и Дунай). Но этими общими чертами и ограничивается сходство, так как в других подробностях германский и русский рассказ расходятся во многих отношениях, несмотря на старания профессора Халанского уяснить черты их сходства.

а) «Владимир, – говорит проф. Халанский, – сватался за дочь короля политовского или ляховинского. Аттила ищет руки дочери Озантрикса, короля Vilcineland, то есть земли лютичей, или вильков. Сходство в определении состояния и места жительства отца невесты в германском и русском сказаниях – несомненное». Точнее говоря, сходство только в том, что и здесь и там сватают не простые смертные, а властители.

б) «У Озантрикса – две дочери: у короля ляховского тоже две». Это – так, но ни Эрка не похожа ничем на Опраксу, ни Берта на паленицу Настасью, добываемую

---

¹ Raszmann – Deutsche Helden-Sage, II, стр. 191–212.

Дунаем после боя с нею. Притом две девицы оказались в русской былине только потому, что она сложена, как мы предположили выше, из двух былин.

в) «Эрка живет в замке, недоступном ни для одного мужчины, и при ней тридцать благородных девиц. Опраксия Микулична (в вар. Гильфердинга, № 139) находится за тридевятью замочками; в вар. Рыбникова, I, № 31, прекрасная Опракса:

Сидит она в тереме, в златом верху,
За несколькими замками, за несколькими дверями
(Ст. 172–173).

На ню красное солнышко не оппекет,
Буйные ветрушки не оввеют,
Многие люди не обгальтятся (Ст. 48–46).

Сходство есть, но совершенно случайное. Это сидение девицы из высокого или богатого рода в затворничестве в терему – *locus communis* в наших былинах. Вот, например, что говорит Часовая вдова (в былине о Хотене Блудовиче) про свою дочь:

Моя ли Чайная Часовична
Сидит-то во тереме вся в камке,
Во славном-то тереме, златом верху:
Ю буйные ветры не óввеют,
Красное солнышко не óппекет,
Частые дождички не óбмочат,
Добрые люди не óббоят и проч.¹.

д) «Аттила посылает вторым послем к Озантриксу Родингейра Бакаларского: Владимир – Дуная» (при-

---

¹ Рыбников, IV, № 7, стр. 37.

бавим *не вторым*, так как в русской былине одна, а не две попытки сватовства, как в германском сказании). Родингейр, по мнению проф. Халанского, не только по эпической роли, но и по характеру одинаков с Дунаем: Родингейр отличался мягкостью и храбростью и был широко известен в разных странах. Те же достоинства Дуная заставляют Владимира поручить ему сватовство: он в послых бывал, много земель знал, говорить горазд. «*Тихий*, – продолжает автор, – постоянный эпитет Дуная в русском эпосе – буквально соответствует эпитету Рюдигера “*Der milde*” и означает вовсе не “память об отношении Дуная-богатыря к Дунай-реке, которая у славян постоянно носит название Тихого и Белого” (Киреевский, IV, стр. 13, примеч.), а те черты характера Ruedeger von Bechelaren, которые делают этого героя одним из симпатичнейших типов, созданных средневековым германским эпосом... Если собственное имя *Дунай* понять как *герой с Дуная*, то и здесь получается совпадение с Рюдигером, которого резиденция находилась в Bechelaren-Pöchlarn на Дунае». Рассмотрим пристальнее это сопоставление. Родингейр совпадает с Дунаем по эпической роли: оба едут сватами. Это так, но автор позабыл прибавить, что герцог Родингейр, получив отказ, вернулся, ничего не сделав, а Дунай добыл невесту для князя Владимира. Таким образом, если предположить, что *характер* Родингейра отразился на русском Дунае, то русские взяли у него только черты характера, а роль свата прихватили от другого немца, герцога Родольфа, который добыл Аттиле Эрку, между тем как Родингейр в это время спокойно сидел дома. Не странно ли это? Но и сходство характера Родингейра и Дуная основано на недоразумении. Богатырь Дунай, как известно, никакой тихостью не отличался: напротив, был крайне вспыльчив и буен. Поэтому эпитет *тихий* к нему совершенно

не идет, и единственным объяснением этого эпического недоразумения может служить предположение, что эпитет принадлежит богатырю Дунаю только потому, что его имя совпадает с именем реки Дуная. Наконец, сопоставление Рюдигера с нашим Дунаем-богатырем по происхождению первого с Дуная представляет такие затруднения, которые не в силах превозмочь самая пылкая фантазия. Ведь оказывается, что русские слагатели былин, желая перенести к себе немецкого героя, не сумели дать ему какого-либо имени, а навели географическую справку о том, где лежит его область *Bechelaren*, узнали, что это (по предположению von Muth¹) средневековая *Praeclara на реке Дунай*, и решили окрестить его просто Дунаем. Мы могли бы, пожалуй, еще допустить такое переименование иностранного богатыря, если бы имя его сопровождалось каким-нибудь постоянным эпитетом, связанным с названием реки Дуная; но ничего подобного нет в Тидрек-саге.

Так же невозможно видеть отражения эпитета Рюдигера *der milde* в эпитете Дуная *тихий*: Рюдигер носит этот эпитет не в Тидрек-саге, рассказ которой о женитьбе Атиллы проф. Халанский сближает с нашей былиной о Дунае, а в Нибелунгах (ст. 1312, 1629, 1630). Но, как мы выше видели, в этой поэме Рюдигер, как сват Этцеля, не встречает никаких препятствий и привозит своему королю Кримхильду с полного согласия ее родственников и ее самой.

Мы не станем останавливаться на дальнейших аналогиях между рассказом Тидрек-саги и былиной, приводимых проф. Халанским. Все они, на наш взгляд, слишком недостаточны, чтобы можно было вместе с автором признать Дуная подражанием типу Рюдигера-Родингейра. Уже одно следующее обстоятельство пред-

---

¹ R. Muth, Einleitung in das Nibelungen Lied, стр. 77.

ставляется крайне странным и необъяснимыми Почему в типе Дуная отразился Рюдигер, а не Родольф, который в Тидрек-саге является настоящим добывателем невесты для своего короля, между тем как Родингейр, получив отказ в ее руке, возвращается, ничего не сделав, к королю и успокаивается на этом? Как могло случиться, что русский слагатель былины о Дунае, взяв чужую канву, слил два действующих в разное время лица (Родингейра и Родольфа) в одно, заимствуя от первого эпитет (тихий), от другого – *некоторые* черты его подвигов? Впрочем, спешу оговориться, что я нисколько не отрицаю сходства в содержании рассказа Тидрек-саги и нашей былины и не прочь допустить между ними даже некоторую связь. Но предполагаемое г. Халанским взаимное их отношение не представляется мне доказанным, и, во всяком случае, нет ни малейшего основания искать в Тидрек-саге или Нибелунгах объяснения самого имени Дуная, которое носит в былинах сват Владимира. Это имя, как мы старались показать выше, находит себе объяснение в летописных показаниях о Дунае, историческом лице, воеводе волынского князя Владимира Васильковича, жившем и действовавшем в XIII веке. К этому имени, когда исторические черты уже значительно стерлись в народном предании, когда современный ему волынский Владимир слился с эпическим князем Владимиром, мог прикрепиться популярный сюжет о добывании жены для князя. Допускаем даже, что на обработку этого сюжета могли повлиять какие-нибудь западные (германские) аналогичные сказания, допускаем с тем большей готовностью, что галицко-волынские земли наиболее подвергались именно западным влияниям и, наконец, совершенно политически отторгнулись от Северо-Восточной Руси. Но думаем, что если действительно какое-нибудь германское сказание

отложилось на русскую былину, это отложение имело уже под собою старинный субстрат – местное волынское сказание, может быть, дружинную песню, в которой уже были даны имена Дуная, князя Владимира и поминалась польско-литовская земля, как страна, в которой действовал Дунай, по поручению своего князя.

Вот пока все отголоски галицко-волынских исторических имен и сказаний, которые нам удалось отметить в былинах. Напомним, что проф. И. Н. Жданов с большой вероятностью указывает следы галицких сказаний о князе Романе в былинах о Романе Дмитриевиче и королевичах из Кракова. Таким образом, указанные отголоски обнимают самый цветущий период Галицко-Волинской земли XII и XIII веков. Если сложение первоначальной былины о Дюке и Чуриле близко по времени к появлению Послания пресвитера Иоанна из Индии к императору Мануилу (1105 г.), то оно относится к княжению Ярослава Осмомысла (ум. в 1187 г.). Былинные отголоски сказаний о Романе Галицком должны восходить к началу XIII века (Роман, ум. в 1205 г.). Прототип предполагаемого галицкого сказания о Михаиле Потоке должен относиться приблизительно ко времени правления сыновей князя Романа. Наконец, основные сказания о Дунае и Владимире могут восходить к концу XIII века (Владимир Васильевич умер в 1289 году). Естественно, что этот период галицко-волинской истории, богатый замечательными личностями и военными событиями, должен был отразиться в сказаниях и песнях дружинной и боярской среды, и лучшим доказательством этого дружинного и песенного предания, помимо указанных нами отголосков в современных великорусских былинах, служат всем известные места в галицко-волинской летописи и в «Слове о полку Игореве».

К былинам о Добрыне Никитиче¹

- а) *Добрыня-змееборец*; б) *Добрыня-сват*;
в) *Добрыня и Марина*; г) *Добрыня и река Смородина*

Добрыня Никитич после Ильи Муромца – самый популярный богатырь нашего эпоса. Цени в Илье, своем представителе, мужицкую простоту и грубоватость, любуясь его мощною силою, беззаветной храбростью, а иногда и бесшабашным разгулом, сказители былин с эпической объективностью любят и более утонченным представителем высшего сословья – Добрыней, этим придворным богатырем с его *вежеством* рожденным и ученым². Добрыня представляется ближайшим лицом к князю Владимиру, называется даже его племянником³. Былина упоминает о его княжеском происхождении⁴, о княжеском доме⁵ и о дружине хороброй. Низведенный кое-где и в торговое сословие, он все же является сыном богатого гостя (Никиты Романовича) и получает соответственное воспитание – учится читать и писать⁶. Его вежество и дипломатические таланты многократно обнаруживаются на службе у князя, которую он проходит в разных придворных должностях. Добрыню посылает князь, когда нужно вернуть рассерженного Илью Муромца, отъехавшего из Киева, – и Добрыня успешно справляет поручение; он берет на себя,

---

¹ В этот очерк вошли отдельные заметки к былинам о Добрыне, напечатанные мною в «Этнографическом обозрении», в книгах XIII, XIV, XV, XVII и XXVIII.

² Киреевский, III, стр. 95; ср. Гильфердинг, 1-е изд., стол. 804.

³ Киреев., II, 19, 22, 45.

⁴ Киреевский, II, 11.

⁵ Там же, II, 1.

⁶ Там же, II, 49, срав. Былины старой и новой записи, II, № 15.

по желанию княгини, щекотливые переговоры с каликами перехожими, он отправляется сватать для князя невесту, проверять похвальбу Дюкову и т.п. *Вежество* Добрыни ценят высоко и другие богатыри. Когда, по поручению князя, Василий Казнерович должен ехать в орду неверную к царю Батырю Кайманычу, чтобы выправить дань, он говорит Владимиру:

Мне не надобно твоих провожатых,
Не нады твоих сбережатых;
Только дай мне братца названово,
Да уж молода Добрыню Никитича.
Добрыня, бат¹, отца-матери хорошово;
Добрыня роду-племени учёново:
Умет Добрыня слово молвити,
Перед тем царем Батырем поклонитиса,
Поклонитиса умет и похвалитиса².

Добрыня вообще отличается разнообразием дарований: он силен, ловок, на ножку поверток, отлично стреляет и плавает, играет в тавлеи, поет и играет на гусях...

а) *Добрыня-змееборец*. Кажется, имя Добрыни одно из древнейших исторических имен, до сих пор бытующее в нашем эпосе. Большинство исследователей склонны возводить имя этого богатыря к имени дяди и воспитателя князя св. Владимира, воеводы Добрыни. В «Экскурсах» (глава II) я сделал попытку ближе прикрепить эпического Добрыню к историческому и посвятить несколько страниц разбору былины о Добрыне-змееборце. Ввиду того, что в дальнейшем я возвращаюсь к этой теме, позволю себе, для удобства

---

¹ Т.е. «бает» – говорит.

² Киреевский, II, стр. 91.

читателей, вкратце резюмировать содержание моего «экскурса».

Исходя из яркой аналогии в некоторых деталях, представляемой былиной о Добрыне-змееборце с духовными стихами о святых змееборцах Георгии и Федоре Тироне, я поставил вопрос, почему наш эпос сделал змееборцем богатыря, носящего *историческое* имя, и не представляется ли возможным объяснить змееборство Добрыни как эпический отголосок каких-нибудь народных преданий об историческом Добрыне, дяде кн. Владимира. Приводя примеры тому, что в народных сказаниях исторический подвиг какого-нибудь лица иногда впоследствии облекался в фантастическую оболочку борьбы со змеем, и воспользовавшись аналогией змееборства св. Георгия, в легенде о котором змей является представителем сокрушенного язычества, я обратил внимание на роль исторического Добрыни в деле сокрушения язычества в Новгороде, изображенную весьма ярко в отрывке из так наз. Якимовской летописи и увековеченную старинной пословицей: «Путята крести мечом, а Добрыня огнем». Приведя рассказ летописи, я, как не специалист, не пускался в историческую критику, зная только, что некоторые наши историки смотрят с доверием на это известие о крещении новгородцев, другие – отрицают его достоверность. К последним принадлежит покойный проф. А. Никитский. В своем «Очерке внутренней истории Церкви в Великом Новгороде» (СПб., 1879)¹ он подвергает разбору рассказ Якимовской летописи и приходит к заключению, что этот рассказ – позднейшее книжное сочинение, так как его детали противоречат нашим сведениям о внутреннем быте Новгорода в X веке. Так, в это время не могло быть посадников и тысяцких, независимых от

¹ Стран. 200–201.

княжеских; употребление упоминаемых в рассказе метательных машин (пороков) было в то время неизвестно; затем в рассказе перепутаны обе стороны Новгорода, введены языческие жрецы, которых не было, и т.п. Признавая всю силу исторической критики проф. Никитского, я все же склонен думать, что весь рассказ о крещении новгородцев не мог быть сочинен только на основании пословицы (Путята крести мечом, а Добрыня огнем). Неизвестный автор мог значительно переделать какой-то старинный источник, внести в него некоторые свои домыслы и более поздние бытовые черты, но все же он переделал нечто существовавшее раньше, а не сочинил сплошь весь рассказ. Во всяком случае, существование пословицы указывает на существование и старинного предания о крещении новгородцев Путятой и Добрыней, хотя бы это предание и было значительно переделано книжником позднего времени. Исходя из такого взгляда, я старался указать исторические черты в эпическом предании о Добрыне-змееборце и отметить некоторые детали в былинах о нем. Такова религиозная окраска змееборства Добрыни, небесный глас, помогающий ему в борьбе со змеем и др. Купанье Добрыни я привел в связь с крещением, название реки (Пучай, Почай, Пучайная) – с именем р. Почайны, при устье которой в Киеве совершилось крещеное киевлян. Имя исторического воеводы Путяты, вырученного Добрыней при осаде Новгорода, сохранилось в отчестве Запавы *Путячичны*, выручаемой былинным Добрыней от змея Горыныча, причем наличность княжны я объяснил себе следующим предположением. Когда историческая борьба Добрыни с новгородскими язычниками в своих реальных чертах настолько поблекла в народной памяти, что могла отлиться в эпическую форму борьбы со змеем, вследствие популярности вообще

этого сказочного и легендарного сюжета, то согласно с шаблонной чертою сюжета должна была явиться девица – царская дочь, спасаемая богатырем от змея. Соответственно с общественным положением Добрыни, родственника Владимира, она должна была стать именно родственницей (дочерью или племянницей) князя, а тесная связь имен Добрыни и Путяты в народном предании сделала ее Путятичной. Исторический отголосок предположил я далее, вместе с г. Квашниным-Самариным, в имени Марфиды Всеславьевны, являющемся в варианте былины о Добрыне-змееборце, сопоставив это имя с Малфридой, одной из жен Владимира. Вообще женщины, избавляемые Добрыней от змея (Запава, Марфида, Марья Дивовна) называются родственницами (племянницами, сестрами или дочерьми) Владимира в параллель с тем, что и сам Добрыня является его племянником. Это доказывает, что в периоде сложения самых ранних песен о Добрыне в народе еще твердо держалась память о близких родственных отношениях богатыря к князю Владимиру, а это, на наш взгляд, связывает былевого Добрыню с историческим дядей св. Владимира. Развивая в «экскурсе» предположение, что в битве Добрыни со змеем могли сохраниться отголоски исторической борьбы дяди Владимира Добрыни с новгородским язычеством, я указал несколько примеров тому, что змей в легендах является представителем язычества. При этом я не вспомнил одного местного русского предания, прикрепленного к *Новгородской* области, которое может служить лучшим комментарием к былине о Добрыне-змееборце. Предание это давно известно нашим исследователям, но не было привлекаемо до сих пор только в этом направлении. Я имею в виду местное предание, слышанное Павлом Якушкиным близ Новгорода и связанное с Юрьевским

скитом, известным в народе под именем *Перюньского*¹. Привожу предание дословно: «А вот видишь ты, какое дело было, – начал рассказчик, – был зверь-змияка: этот зверь-змияка жил на этом самом месте, вот где теперь скит святой стоит, Перюньской. Кажинную ночь этот зверь-змияка ходил спать в Ильмень-озеро с волховскою коровницею. Перешел змияка жить в самый Новгород; а на ту пору и народился Володимер-князь в Киеве; тот самый Володимер-князь, что привел *Руссею* в веру крещеную. Сказал Володимер-князь: “Всей земле Русской – креститься”. Ну и Новгороду – тож. Новгород окрестился. Чорту с Богом не жить. Новый-город схватил змияку Перюна, да и бросил в Волхов. Чорт силен: поплыл не вниз по реке, а в гору – к Ильмень-озеру; подплыл к старому своему жилью – да и на берег. Володимер-князь велел на том месте церковь рубить, а дьявола опять в воду. Срубили церковь: Перюну и ходу нет! От того эта церковь назвалась Перюньскою; да и скит тоже Перюньской»². Это любопытное местное предание замечательно по сходству с летописным известием о низвержении идола Перуна в Новгороде, занесенным под 988 годом³. Но для нас оно представляет

¹ «Это не совсем Перюньский и не совсем Перунский, – говорит Якушкин, – а звук какой-то средний между у, ю и ы. В книгах монастырь называется Перынь».

² Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний Павла Якушкина. СПб., 1860, стр. 118 и след.

³ П. С. Р. Л. IV, 207: «И прииде епископ Иоаким, и требища разори и Перуна посече, что в Великом Новгороде стоял на Перыни, и повеле повлещи в Волхов; и повязавше ужи, влачаху и по малу, биюще жезлием и пхающе, и в то время бяше вшел бес в Перуна и нача кричати: о горе мне, ох, достахся немилостивым судиям сим! – и вринуша его в Волхов. Он же плываше сквозе великий мост, верже палицу свою на мост, ею же безумнии убивающиеся, утеху творят бесом. И заповеда никому же нигде же не переняти его. И иде Подбóлянин рано на реку, хотя горницы везти в городе, и Перун приплыл к берегу к бервы, и отрину его шестом, и рече ему: “Перунице! До сыти если ел и пил, а ныне прочь плыви...”»

интерес в другом отношении. Змияка находится, как эпические змеи, в связи с женщиной (какая-то волховская коровница), напоминает того Змея-Горыничу, который унес Запаву Путятичну или Марью Дивовну и с которым бьется былевой Добрыня. Новгородское предание связывает низвержение змияки с крещением Руси князем Володимером. В былине бой Добрыни с змеем приурочивается к эпическому Владимиру, и в подробностях боя, в *купаньи* Добрыни в реке Пучае (Почайне) звучат, по нашему предположению, отголоски крещения. Наконец, новгородское народное предание отождествляет змияку с Перуном, представителем язычества, и это отождествление дает нам недостававшее звено, которое связывает былинного змея, сраженного Добрыней, с тем же языческим божеством. Как под влиянием христианских понятий языческое божество в народном предании превратилось в демона и далее в змея, так и в былине его постигла та же метаморфоза. Таким образом оказывается, что в тех местах, где исторический Добрыня, по свидетельству Якимовской летописи, свергал идолов и бросал их в Волхов, распространяя христианство, в тех самых местах – на Волхове, Ильмене, в Новгороде – живет предание о Змяке-Перуне, и есть полное основание думать, что эти местные новгородские предания послужили в древности, по крайней мере отчасти, материалом для былинного сюжета о бое Добрыни со Змеем-Горыничем. Ввиду тесной связи исторического Добрыни с Новгородом (вспомним, что, по летописи, Добрыня жил в Новгороде при Владимире, раньше завоевания Владимиром Киева, ставил там кумиры, а затем, после принятия князем христианства, осаждал Новгород вместе с Путяткой и крестил новгородцев огнем, как Путята мечом), может быть поставлен вопрос, не был ли именно в Нов-

городской области, где ходили о Добрыне предания, сложен прототип былины о его змееборстве. У нас нет данных для положительного решения этого вопроса, но ввиду тесной исторической связи Новгородской области с Киевской в XI, XII веках и ввиду не меньшего участия исторического Добрыни в новгородских событиях, чем в киевских, можно думать, что эпический Добрыня равно принадлежит и южному – киевскому – и северному – новгородскому – эпосу.

б) *Добрыня-сват*. Выше я старался объяснить некоторые детали, встречающиеся в былинах о бое Добрыни со Змеем-Горыничем, в связи с летописными преданиями об историческом Добрыне. Дальнейшую попытку в том же направлении представляет нижеследующий разбор группы былин, в которых описывается поездка Добрыни вместе с Дунаем за невестой для князя Владимира.

Всех былин этого содержания известно до пятнадцати.

Наиболее полна по деталям былина сказителя Романова (Гильфердинг, № 94 = Рыбн., I, № 30), которой содержание считаю необходимым напомнить:

Былина открывается пиром кн. Владимира. Князь жалуется, что он не женат, между тем как все князья бояре и могучие богатыри переженены, и спрашивает, не знает ли кто подходящей ему невесты:

Чтобы ростом была высокая,
Станом она становитая,
И на лицо она красовитая,
Походка у ней частá и речь баска,
Было бы мне, князю, с кем жить да быть,
Думу думати, долгие явки корóтати...

Дунай Иванович указывает князю достойную его невесту Опраксу королевичну, дочь короля хороброй Литвы. Князь поручает ему посвататься от имени князя и взять с собою 40 тысяч силы и десять тысяч казны. Дунай просит дать ему в товарищи одного Добрыню Никитича. Богатыри приехали к литовскому королю. Дунай, служивши прежде у короля, входит в палаты, а Добрыня остается при конях на случай опасности. На сватовство Дуная король разгневался и велел посадить свата в погреба глубокие. Дунай напугал королевских слуг, замахнувшись богатырской рукою. Но в это время прибегают со двора другие слуги, которые рассказывают, что Добрыня перебил дубиной всю королевскую силу. Король смиряется и отпускает Опраксу с Дунаем и Добрынею. На пути богатырей застигла ночь, и они «раздернули» палатку полотняную. Поутру Дунай заметил богатырский след и, оставив Опраксу на попечение Добрыни, поехал догонять неизвестного богатыря. Далее описывается встреча Дуная с сестрою Опраксы, паленицей Настасьей королевичной, кончающаяся тем, что он в ней находит себе невесту и едет с нею в Киев, куда уже раньше его приехал Добрыня с невестой для Владимира. Былина кончается состязанием Дуная с Настасьей в стрельбе из лука и трагической смертью обоих супругов.

Таково в главнейших чертах содержание и прочих пересказов того же сюжета. Из вариантов в частности можно отметить лишь некоторые. Лицо, указывающее на пиру Владимира на Дуная как на богатыря, способного исполнить поручение князя, называется Пермилом, князем Карамышевским, и, в одном пересказе, Ильей Муромцем. Иногда Дунай берет в спутники Василия Казимировича, иногда двух спутников – Добрыню и Алешу; но из *большинства* пересказов можно

вывести, что в основной редакции неперменным спутником Дуная был Добрыня. В одной былине (Гилферд., № 125) Дунай и Добрыня даже поменялись ролями. Поручение ехать за невестой в Литву получает от князя Добрыня, который берет с собою Дуная в товарищи. Вообще можно отметить, что между личностями обоих богатырей – Дуная и Добрыни – была подмечена слагателями и сказителями аналогия, которая внесла смешение в содержание некоторых былин. Аналогия заключается в следующих чертах: а) Добрыня, по поручению Владимира, освобождает и привозит в Киев близкую к князю женщину (Запаву Путятичну): Дунай должен, по поручению князя, привезти ему невесту от враждебного короля; б) во многих былинах о Добрыне-змееборце Добрыня, передав освобожденную им Запаву Алеше для доставления ее в Киев, встречается с паленицей и затем женится на ней: в былинах о Дунае последний, поручив Опраксу Добрыне, сам встречается с воинственной сестрой ее Настасьей, бьется с нею и привозит ее невестой в Киев. При этом сходстве и некоторой близости имен (Дунай, Добрыня) становится отчасти понятно смешение Дуная с Добрыней в былине Гильфердинга № 191, где Дунаю приписано змееборство и избавление княжьей племянницы. Разбор происхождения Дуная я оставляю в стороне и сделаю только несколько замечаний о роли Добрыни.

Былина сложена из двух сюжетов: 1) привоз невесты князю Владимиру Добрыней; 2) женитьба Дуная на Настасье-паленице и трагическая смерть обоих супругов. Оба сюжета не переплетены между собою, а соединены чисто механически, т.е. один развивается вслед за другим. В 1-й половине былины, где идет рассказ о добывании Опраксы королевичны для князя Владимира, главным лицом является не Дунай, а Добрыня. Дунай

указывает на невесту, так как жил прежде у короля хороброй Литвы на службе, делает предложение королю и подвергается опасности быть посаженным в погреб. Но оставшийся на дворе Добрыня избивает силу королевскую и этим *вынуждает* короля отдать Опраксу князю Владимиру. Затем тот же Добрыня везет и привозит невесту в Киев, между тем как Дунай, оставив ее, устремляется на новое похождение, в котором добывает себе самому жену. Итак в 1-й половине былины сюжет – добывание Опраксы – вполне закончен, и можно сказать, что это добывание совершено Добрыней. Можно думать, что когда-нибудь существовала 1-я половина, как отдельная былина, с главным действующим лицом Добрыней. Но в последующем развитии эпоса, вследствие стремления связывать однородные сюжеты в более обширные и сложные рассказы, сюжет – добывание невесты для Владимира Добрыней – притянул к себе другой – однородный – добывание невесты Дунаем. Подобное же сочетание двух сюжетов можно указать в сводных былинах о Добрыне, где вслед за добыванием Добрыней Запавы Путятичны для Владимира помещается сюжет добывания тем же богатырем невесты для самого себя. Отмечу, что эта невеста Добрыни так же паленица, как невеста Дуная, и так же в некоторых былинах называется Настасьей. Следует думать, что в сводных былинах о Добрыне и Дунае, Опраксе и Настасье королевичнах добывание Опраксы для Владимира было основным *древним* сюжетом. Когда этот сюжет притянул к себе другой, то явились попытки переделать начало основной былины. Вместо *одной* дочери короля Литвы у него оказалось две, из которых о второй должна идти речь во 2-й половине былины, т.е. во 2-м рассказе, сплоченном с основным. Под влиянием эпического числа три в некоторых вариантах упоминаются даже

три дочери у короля (например, Гильферд., № 125); но, не зная, что сделать с третьей, сказитель (Щеголенок) прибавил, что «третья дочь да есть не в дóрости».

Разложив таким образом сводную былинку на ее составные части, мы можем вывести, что Добрыня в нашем эпосе когда-то более ярко выступал устройтелем брака князя Владимира с литовской королевой. Если мы припомним некоторые летописные предания, то, быть может, найдем и мотив, по которому Добрыне в нашем эпосе придана роль свата для Владимира. Приведенные в летописи под 1128 годом (по Лаврентьев. списку) родовые предания, ходившие о полоцких князьях, вероятно, известны были на Руси, так как летописец заносит их со слов ведущих:

«О сих же Всеславичах сице есть, яко сказания ведущии, преже: яко Роговолоду держащую и владеющую и княжащую Полотскую землю, а Володимиру сущю Новегороде детьску сущю, еще и погану, и бе у него (уи его) Добрыня воевода, и храбор и наряден мужь; и съ посла к Роговолоду и проси у него дщере (его) за Володимера. Он же рече дщери своей: “хощешь ли за Володимера?” Она же рече: “Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю”; бе бо Роговолод пришел из заморья, имеяше волость свою Полтеск. Слышав же Володимер, разгневался о той речи, оже рече: “Не хочю я за робичича”; пожалиси Добрыня и исполнися ярости, и поемеша вои (и) идоста на Полтеск и победиста Роговолода. Роговолод же вбеже в город, и приступивше к городу, и взяша город, и самого (князя Роговолода) яша, и жену его, и дщерь его; и Добрыня поноси ему и дщери его, нарек ей робичица, и повеле Володимеру *быти с нею перед отцем ея и матерью*. Потом отца ея уби, а саму поя жене, и нарекоша ей имя Горислава»¹.

---

¹ Издание 1872 г., стр. 284–285.

В этом родовом предании, как и в былине, главную роль в добывании невесты для князя Владимира, который еще очень юн возрастом, играет Добрыня. Как в былине, так и в предании он исполняется яростью, когда получает отказ в сватовстве, и так же, как в былине, поносит отца невесты и добывает ее насилем. Конечно, в подробностях нет сходства, и я привел летописное предание не с целью доказать, что именно летописная его редакция была переработана в былину. Оно доказывает только, что еще в XII веке в народе имя Добрыни было связано с насильственным добыванием жены для князя Владимира, и последним эпически переработанным отголоском такого предания можно считать рассмотренную нами былину. С течением времени было забыто народом имя насильственно добытой жены Владимира Рогнеды-Гориславы, имя ее отца и принадлежавшего ему Полоцкого княжества. Помнилось только, что невеста была дочерью какого-то владетельного лица на Западе. В Московском периоде этот западный властитель должен был стать королем литовским, так как Литва была ближайшим западным соседом великого княжества Московского. В одной былине (Гильферд., № 272) отец Опраксы носит даже историческое имя XVI века — он назван польским королем Жиманом, в чем нетрудно видеть искажение имени Жигмонта, т.е. Сигизмунда. Вместо имени княжны Рогнеды в эпосе явилось имя известной из рязанских преданий княгини Евпраксии, и из гордой княжны, не хотевшей разуть робичича, невеста Владимира в былинах иногда становится девицей, охотно и радостно соглашающейся выйти за Владимира, вопреки желанию своего отца.

Можно, пожалуй, указать и на некоторые другие былинные черты, несколько напоминающие летописное сказание о Рогнеде: как князю Владимиру в летописи

си выставляется соперник в лице Ярополка, так в одной былине отец Опраксы в своем отказе ссылается на то, что его дочь уже просватана за царя Кощея Трипетова; как в сказании упоминается обряд разувания мужа, так в былине о другом сватовстве – Ивана Годиновича, этот богатырь заставляет свою неохотно за него идущую невесту снять с него сафьян сапог (былина Ефименка). Но подобные параллели могут быть случайны. Для нас достаточно одного заключения, на которое дают право рассмотренные былинные факты. Подобно тому как в Добрыне-змееборце сохранились кое-какие черты исторического Добрыни, как борца против язычества, так и в Добрыне-свате можно видеть глухой отголосок исторического Добрыни, как добывателя жены для исторического Владимира. Те и другие былины указывают на существование в дотатарском периоде на Руси эпических песен, имевших в основе исторические предания и складывавшихся в среде населения, ближе стоявшей к историческим личностям, князьям и воеводам. Такой средой должно признать прежде всего княжескую дружину.

в) *Добрыня и Марина*. В настоящее время все исследователи былевого эпоса согласны в том, что былина о Добрыне и Марине представляет былинную обработку очень распространенной народной сказки о жене-волшебнице. В приложении к «Экскурсам»¹ я указал на сходные по сюжету кавказские сказки, интересные преимущественно тем, что одна из них прикреплена к имени одного из богатырей осетинского *нартского* эпоса Урызмэга, подобно тому как и у нас сказка вошла в так называемый киевский эпический цикл и пристала к историческому имени. Более подробный обзор на-

---

¹ Стр. 20–22.

родных сказок о жене-волшебнице в связи с былиной о Добрыне принадлежит проф. Сумцову¹, который разбирает сначала великорусские сказки этого сюжета, затем малорусские, белорусские и инородческие, указывая далее основные мотивы рассматриваемой сказки в классической литературе (у Лукиана, Овидия и в Одиссее). Просматривая сказочный материал, собранный проф. Сумцовым, мы не находим, однако, ни одной сказки, которая по деталям близко подходила бы к былине. Все эти превращения волшебницей мужа в звериные формы представляют весьма разнообразные узоры, вышитые фантазией разных народов на однородной канве, и ни один узор не может представляться тем самым, который был положен в основу былинной обработки нашей фабулы. В чем состояла литературная работа слагателя былины – это до сих не разъяснено в достаточной степени, и исследователям придется еще не раз возвратиться к этому вопросу. Находя основательным замечание Д. Ровинского, что в былинах о Добрыне и Марине нет оригинальных подробностей и что все они набраны из разных источников, своих и чужих, проф. Сумцов замечает: «Этот мозаичный характер деталей освобождает нас от необходимости рассматривать их непременно в связи с былинами о Добрыне и Марине»².

Но нам кажется, что для уяснения процесса сложения былины такое рассмотрение деталей неизбежно. Ведь пользуется же сам проф. Сумцов одной деталью былины – обращением Добрыни в *тура* – для хронологических заключений. Приведя ряд исторических свидетельств о туре (*bos grimigenius*), он приходит к выводу, что уже в XVI веке тур становится редкостью,

¹ См. его статью: «Былины о Добрыне и Марине и родственные им сказки о жене-волшебнице». Этнографическое обозрение, кн. XIII (1892 г.).

² Назв. соч., стр. 161.

а в XVIII веке совсем исчезает в Восточной Европе, что в малорусских поговорках и песнях образ тура еще довольно реален, но что в великорусских былинах тур – животное полуфантастическое. Эпитет «гнедой», не соответствующий действительной окраске шерсти тура, который был черного цвета, перенесен на него с зубра; фантазия сказителей награждает тура золотыми рогами, серебряными ногами, шерстью *рыта бархата* и дает ему эпитет «морского» (т.е. заморского). Казалось бы, что внесение такого фантастического тура в былинку указывает такое время, когда память о внешнем виде вымершего тура уже давно исчезла. Но г. Сумцов, исходя из положения (которое прежде всего само нуждается в доказательстве), что былина в своей основе относится к южнорусскому периоду нашей истории, делает такое заключение: «В очень давнее время, когда тур был на Руси еще обыкновенным животным, в эпоху расцвета былевого творчества, сказка о жене-волшебнице вошла в былины Владимирова цикла с приурочением к исторической личности Добрыни»¹. Таким образом, для установления раннего периода сложенья былины выбрана такая деталь, которая дает основание скорее для заключения о ее позднем сложении. Мне кажется, что, отрешившись от предвзятого мнения о домонгольском происхождении рассматриваемой былины, следует в наличных текстах ее искать хронологических указаний. А такими датами иногда в нашем эпосе служат собственные имена. В данном случае упорно во всех вариантах былин волшебница носит историческое имя XVII века Марина, и в текстах нет никаких следов, позволяющих предполагать, что это имя вытеснило какое-нибудь другое, более раннее, и что оно не существовало в первоначальном изводе былин. Нам

---

¹ Там же, стр. 168.

остаётся только рассмотреть, может ли личность, носящая это имя в былинах, быть эпическим отголоском исторической Марины Мнишек, какой она жила в народном предании. Такое рассмотрение, по-видимому, устанавливает связь между обеими личностями. Историческая Марина известна была своими любовными похождениями в период самозванцев, слыла в народе еретичкой и колдуньей. Известно предание, что она, обернувшись сорокой, улетела из Москвы. Такою же рисует Маришку и наша былина: она волшебница, зеленщица, сожигающая следы Добрыни, она называется еретницей¹, в ее тереме нет Спасова образа², она обертывается птицей и садится на рога Добрыни-тура. Как, по народному преданию, Марина Мнишек обернулась сорокою, так в одной былинах³ Маришка была в наказанье обернута той же птицей матушкой Добрыни, в другой – сама обертывается сорокой⁴.

Как историческая Марина представлялась красавицей и известна была любовными похождениями, так эпическая Марина изображается увлекательно красоткой⁵, белящейся и румянящейся пред зеркалом и завлекающей равно Змея-Горыныча и Добрыню. Все это, по-видимому, сближает эпическую Марину с исторической, и нет основания предполагать, что перечисленные черты былинного типа Марины раньше связывались с каким-нибудь другим именем, вытесненным, и притом без малейших следов, именем исторической женщины XVII века. На вопрос, почему сказочный сюжет о жене-волшебнице был прикреплен к имени До-

---

¹ Киреевский, II, стр. 58.

² Там же, стр. 59.

³ Гильфердинг, № 227.

⁴ Былины старой и новой записи, II, 26.

⁵ См. Былины старой и новой записи, № 25 и 27.

брыни, г. Сумцов отвечает следующим предположением: «Нужно думать, что в личной жизни Добрыни или в древних песнях и сказаньях о нем были такие черты, которые обусловили или содействовали привлечению сказки в круг былин, напр., что-нибудь на тему о злой жене; для развития такой темы сказка о неверной жене-волшебнице могла оказаться очень пригодной, и жестокая казнь Марины в таком случае получает особое значение»¹. Мне кажется, что личную жизнь исторического Добрыни можно смело оставить в стороне, но в песнях о нем не только могли быть, но и существуют действительно такие черты, которые мотивируют прикрепление к его имени рассказа о чародейке Марине. Добрыня искони известен в эпосе как противник Змея-Горынича, любителя и похитителя женщин. Немудрено поэтому, что Змей-Горынич со своей любовницей (Мариной) и в нашей былине сталкивается с тем же богатырем. При этом можно отметить и сходство в постройке обеих былин о Добрыне и Змее-Горыниче. В одной мать убеждает Добрыню не купаться в Пучай-реке, и сын, нарушив наставление матери, сталкивается со змеем; в другой – в значительном числе вариантов – мать дает Добрыне наставленье, гуляя по городу, не заходить в улицу Маришкину, и сын, пренебрегши наставленьем, сталкивается у Марины с ее любовником, тем же Змеем-Горыничем, а затем подвергается известному превращению. И здесь и там столкновение богатыря со змеем кончается смертью последнего, и здесь и там змей тесно связан с женщиной. Эти аналогии обеих былин, на наш взгляд, достаточно мотивируют прикрепление к имени Добрыни-змееборца нового сюжета со змеем и женщиной, как я заметил уже в «Экскурсах»². Не имея

---

¹ Назв. соч., стр. 168.

² Стр. 53.

намерения предложить подробного разбора всех деталей былины о Марине, остановлюсь только на одной интересной подробности стрельбы Добрыни.

В большинстве былин о связи Добрыни с волшебницей Мариной находим тот мотив, что Добрыня стреляет в голубей, сидящих на косящатом окошке или на крыше терема этой киевской прелестницы, и стрела богатыря, разбив окно, убивает «мила друга» Марины – Тугарина Змеевича (иначе Туга Змиевича, Змея притугальника, Идолища некрещеного¹). Так, в былине, записанной в Симбирской губернии², рассказывается, что у Маришки –

Средь двора два терема стоят,
Два терема златоверховаты;
На тем ли на тереме два голубя сидят,
Целуются, милуются промеж себя.
Как снимал Добрыня с себя тугой лук,
Накладывал калену стрелу
На тетивочку шелковинькую,
Он и хочет убить двух голубей.
Его левая нога поскользнулася,
А правая рука промахнулася;
Не попал он в двух голубей,
А попал ко Маришке во терем,
В окошечко во косящатое,
Во оконенку стекольчатую,
Убил у Маришки друга милова Змея лютова.
А в то время Маришки не случилось:
Тут за время дверями *умывалася*...

Подчеркиваем для дальнейшего черту *умыванья Марины*, хотя в большинстве пересказов она отсутству-

¹ Рыбников, II, № 4 и 19; Киреев., II, стр. 41, 48, 54; Гильфердинг, № 17, 163, 227, 267, 288, 316.

² Киреев., II.

ет. Результатом обиды, нанесенной Марине, является то, что «еретница» присушивает Добрыню и оборачивает привороженного богатыря в тура златорогого.

Довольно полную аналогию вышеприведенному мотиву стрельяния в голубей находим в апокрифических деталях, которые в Талмуде наслоились на библейский рассказ о Давиде и Уриевой жене (Вирсавии). В талмудическом трактате *Sanhedrin* (fol. 107) в изложении Фабриция¹, мы читаем: «*Dixit (scilicet David) ad Deum sanctum benedictum: o Arbiter mundi, quare vocant te Deum Abraham, Isaaci et Jacobi et non vocant te etiam Deum Davidis? Respondit ipsi Deus: tres isti tentati sunt a me, tu vero nondum es a me tentatus. Regessit David: O Domine mundi, proba me quoque et tenta me. Respondit Deus: tentabo te et agam aliquid tecum (a quo constantia tua appareat). Sed quod egi cum tribus Patriarchis, non indicavi illis prius; tibi autem in antecessum nunc intimo, me probaturum esse te in negotio incestus. Confestim ergo David, ut legitur 2 Sam. XI, 2, "circa vesperam surrexit de lecto suo... et ambulavit in tecto domus regiae viditque feminam quandam lavantem se desuper tecto, quae erat admodum formosa". Bathseba (Вирсавия) quidem lavit caput suum sub alveari; venit autem Satan in forma aviculae (inseditque alveari). Quapropter David sagittam ejaculatus est in avem istam, confregitque alveare, unde Bathseba fuit detecta, atque a David visa...»² Таким образом, в талмудической легенде птица, в которую стреляет Давид, не простая птица, а сатана, принявший этот вид и севший над моющейся красавицей с той специальной целью, чтоб привлечь к ней внимание Давида и тем привести*

¹ Joh. Alb. Fabricii – Codex pseudepigraphus Veteris Testamenti. 1722, p. 1000–1001.

² Мусульманскую переделку этого апокрифа см. в книге Weil'a: *Biblische Legenden der Muselmänner*, p. 210.

его к соблазну и падению. Выстрел в птицу имел следствием то, что Давид увидел Вирсавию и пленился ею: так и в наших былинах выстрел Добрыни в голубей ведет к тому, что он узнает Марину-прелестницу (пойдя отыскивать свою стрелу в ее тереме) и влюбляется в нее. Но в русском пересказе стрельяние в голубей является чистою случайностью: Добрыне почему-то досадно показалось, что голуби «целуются, милуются, желты носами обнимаются» (Кир. II, 54), между тем как в талмудической легенде птица, соблазнившая Давида, – сатана, принявший птичий вид. Впрочем, злой дух не отсутствует вполне и в наших пересказах: вспомним, что стрела Добрыни, не попав в голубей, угодила в любовника Марины Тугарина Змеевича или Идолище поганое. Так что, хотя роль злого духа в очаровании Добрыни Мариной и не уясняется в былине, однако присутствие голубей и Тугарина Змеевича позволяет нам догадываться, что птицы и злой дух восходят к талмудическому легендарному сочетанию, т.е. к сатане, принявшему вид птицы.

Наконец, нельзя не отметить и того совпадения между былиной и иудейским апокрифом, что в обеих красавицах (Вирсавия-Марина) в момент стрельяния представлена умывавшейся. Таким образом указанная нами параллель прибавляет еще один апокрифический мотив к числу тех, которые уже раньше были отмечены в нашем былевом эпосе. Вспомним, что поступок былинного князя Владимира с Данилой Ловчанином напоминает поступок царя Давида с Урией, мужем Вирсавии; что рассказ о гробе, встреченном на пути Ильей и Святогором и пришедшемся впору последнему богатырю, представляет близкую параллель талмудическому сказанию о смерти Аарона, перешедшему к му-

сультманам¹; что чаша, спрятанная Апраксией в сумку калики Михаила, попала в былинку из библейского сказания о Иосифе и что из того же источника, точнее из еврейского апокрифа, объясняется та былинная деталь, что Апраксия обрезала себе руку белую, заглядевшись на красоту Чурилы, подобно тому как еврейские жены, обвинявшие жену Пентефрия за увлечение Иосифом, обрезали себе руки, заглядевшись на красавца². Что касается специально Добрыни, то приведенный нами апокрифический (еврейский) мотив не единственный, вошедший в былины об этом богатыре. Академик Веселовский уже отметил, что имя его матери Амелфы, вероятно, восходит к апокрифической истории Иосифа, в которой фигурирует Меџџа (Зулейка, Залиха)³, а я в числе вариантов былинного сюжета обращения Добрыни в тура Мариной отметил апокриф у Migne'a (Aposcraph. I, 993) о молодом человеке, обращенном колдуньей в мула, которому, по молитве его *сестры*, Богородица возвратила прежний вид⁴. Наконец, поводом к прикреплению *именно* к Добрыне апокрифического мотива из легенды о царе Давиде может быть, пожалуй, то, что и тот и другой представлялись музыкантами. У Добрыни в доме висят гуселки яровчатые, которые он берет с собою, переодеваясь скоморошиной, и на которых играет при дворе Владимира. Царь Давид известен как псаломпевец, и иудейские раввины, объясняя 9-й стих 56-го псалма: *воспряни слава моя, воспряни псалтирь и гусли, пробуждусь рано*, говорят, что ночью над постелью

¹ См. Жданова – К литературной истории русской былевой поэзии, стр. 159.

² А. Н. Веселовский – Южнорусские былины, III–XI, стр. 98.

³ Там же, стр. 97.

⁴ Экскурсы в область русс. нар. эпоса. Приложение, стр. 21, примечание 1.

Давида всегда висела цитра. Когда в полночь начинал дуть северный ветер и ударял в струны, Давид вставал и начинал упражняться в законе¹.

з) *Добрыня и река Смородина*. Былинному репертуару Олонецкой губернии неизвестна гибель Добрыни в реке Смородине. Единственная песня с этим содержанием была записана Языковым в Симбирской губернии, в г. Сызрани². В этой песне погибающий в реке молодец назван Добрыней Никитичем. Между тем песни, весьма сходные по общему содержанию и подробностям, но в которых вместо Добрыни Никитича находим безымянного добра молодца, встречаются нередко. Нам известны: одна песня из Симбирской губернии³, одна из сборника Кириши Данилова⁴, три из Олонецкой губернии⁵. Является вопрос, как смотреть на песню Языкова с именем Добрыни Никитича: есть ли это былина в общепринятом значении этого слова или песня безымянная, в которую только введено впоследствии имя Добрыни Никитича, придавшее ей вид былины?

Для решения этого вопроса рассмотрим содержание симбирской песни и однородных с нею. Прежде всего отметим, что зачалом ей служит небольшая песня о рождении царевича (Петра), сопровождавшемся тем, что нянюшки-мамушки всю ночь не спали, но стегали для новорожденного одеяльце, а плотники-мастера всю ночь ему колыбельку строили. Такое же зачалом находим

---

¹ См. И. Порфирьева – Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях, стр. 69.

² См. Киреевский – II, стр. 61–63.

³ См. Киреевский – VIII, стр. 3–5.

⁴ См. Киреевский – VIII, стр. 8–13.

⁵ См. Киреевский – VIII, стр. 14–15; Рыбников – I, № 82; Гильфердинг, № 262.

в другой, тоже сызранской, песне, записанной Языковым, в которой вместо Добрыни упоминается просто добрый молодец. Обе песни, известные в одном и том же уезде, конечно, сводятся к одной. Начало, не представляющее тесной связи с дальнейшим содержанием, случайно в Сызранском уезде прикрепилося к песне о гибели молодца в реке Смородине. Песня о рождении царевича Петра известна и отдельно¹, но это песня короткая и, быть может, потому сплотилась в Сызранском уезде с другою, что нередко случается с короткими и песнями и былинами. Такой спайке, быть может, содействовало тождество напева этой песни с другою, но за отсутствием записанного «голоса» мы не можем этого сказать положительно. Как бы то ни было, нельзя согласиться с г. Безсоновым, который, предполагая, что народная песня о молодце, уезжающем на чужую сторону и погибающем в реке Смородине, приурочена к путешествию Петра за границу, поместил рассматриваемую песню под рубрику: *Рожденье, первые годы и отъезд (Петра) на чужую сторону*².

За 1-й частью песни или, точнее, за первой песнью, случайно прикрепившейся, следует вторая, имеющая свое *зачало* с обычным сравнением:

Отломилася веточка от садовой от яблони,
Откатилось яблочко...
Отъезжает сын от матери
На чужу дальну сторонушку, за реку за Смородину.

Подъехав к реке, Добрыня спрашивает ее:

Ох ты, речушка, речушка,
Мать быстра река Смородина!

---

¹ Напр. Киреевский («Кирша Данилов») – VIII, стр. 1–2.

² Вып. VIII, стр. 3.

Широким ты не широкая,
Глубоким ты не глубокая!
Есть ли на тебе, на речушке,
Переходы-то частые,
Переброды-то мелкие?

Река отвечает человеческим голосом – «душей красной девицей», что на ней нет переходов, перебродов, но есть далеко два мосточка *калиновых*. Добрыня спрашивает, что река берет за перевоз. Смородина говорит, что берет «по добру коню наступчату, по седельчку черкасскому, по удалу добру молодцу», но его и так перепустит за его слова ласковые, поклоны низкие. Добрыня перебрел благополучно и стал над рекой насмехаться:

Сказали про речушку,
Сказали про быструю,
Что эта речушка
Широким широкая,
А глубоким глубокая:
Ан эта речушка
Хуже озера стоячего,
Как дождева калужина!

Смородина просит его вернуться, так как он позабыл на другой стороне два ножа булатных.

Он на первую ступень ступил,
Он добра коня потопил;
Он на другую ступень ступил,
Седеличко черкасско потопил;
На третью ступень ступил,
Сам тут утонул.

Гораздо полнее по содержанию, мотивировке действия и деталям два пересказа, записанные в Олонецкой губернии и представляющие одну редакцию¹. Песня открывается описанием «безвременья» молодца, побудившего его уйти в чужую сторону:

Бог молодца не милует,
Государь молодца не жалует,
Дружья-братья-товарищи
На совет не съезжаются,
И нет на молодце ни чести, похвалы молодецкия².

Еще пространнее то же начало развито в песне однородной у Кириши Данилова. Здесь выведен сначала контраст прежнего положения молодца и нынешнего:

Когда было молодцу пора-время великое
Честь-хвала молодецкая,
Господь-Бог миловал, государь-царь жаловал,
Отец-мать молодца у себя во любви держал,
А и род-племя на молодца не могут насмотретися,
Суседи-ближние почитают и жалуют,
Друзья и товарищи на совет съезжаются,
Совету советовать, крепку думушку думати
Они про службу царскую и про службу воинскую.

Затем описывается «безвременье»:

А ныне уж молодцу безвременье великое:
Господь-Бог прогневался, государь-царь гнев
взложил,
Отец-мать молодца у себя не в любви держат,

---

¹ Рыбн., I, № 82 и Гильф., № 262.

² Рыбн., I, стр. 467.

А и род-племя молодца не могут и видети,
Суседи-ближние не чтут, не жалуют,
А друзья-товарищи на совет не съезжаются,
Совету советовать, крепку думушку думати,
Про службу царскую и про службу воинскую.

Далее в обоих олонецких вариантах, помимо немилости государя и ее последствий, приводится еще и другая причина к отъезду молодца: женитьба на нелюбимой, хотя и богатой жене:

Женил-то его родной батюшка
На чужой на дальней сторонушке,
И брал за женою приданого
Три черленых три корабля:
Первый грузон корабль златом и серебром,
А другой грузон корабль скатным жемчугом,
А третий грузон корабль жениным приданыим.
Тут-то добру-молодцу молода жена
Не в любовь пришла, не по разуму.
Брал он себе добра-коня наступчива,
И седельшко черкасское, и плетку шелковую;
Сам говорил таково слово:
«Лучши мне добрый конь злата и серебра,
Лучше мне седелко черкасское всего жениного
приданого,
Да лучше мне плетка шелковая молодой жены».
Да взял-то с собою добрый молодец
Два товарища, два надейные,
Два ножичка, два булатные¹.

Эта женитьба молодца на нелюбимой жене как причина к отъезду в чужую сторону составляет обыч-

---

¹ Рыбн. I, 82, ст. 6–23.

ное начало старин «о молодце и худой жене»¹. Но в зачале этих старин нет трех кораблей с богатством жены, и последнее описано гораздо скромнее. Зато недовольство женою развито здесь гораздо пространнее, причем жалобы на жену влагаются иногда в уста самого молодца².

Такого рода мотивы, как неудача на службе и недовольство женой, представляют, можно сказать, стереотипные зачала, которыми слагатели песен пользовались для мотивировки отъезда доброго молодца в чужую страну, где с ним случаются события, составляющие главное содержание слагаемой песни. Олонецкие варианты о молодце и Смородине сочетали оба мотива отъезда молодца – неудачу по службе и женитьбе; но вариант у Кирши Данилова доказывает, что песня ходила и с одним мотивом отъезда, неудачей по службе с ее последствиями. Ввиду того, что уход от нелюбимой жены уместен в песнях о молодце и худой жене, которые, представив гульбу молодца в Литве с королевной, кончаются его возвращением домой и примирением с женой, и что этот мотив не имеет связи с дальнейшим содержанием песен о гибели молодца в Смородине, можно думать, что в последние старины он вошел случайно.

Возвращаемся к дальнейшему сравнению симбирской песни о Добрыне с олонецкими о добром молодце.

В последних сборы молодца в чужую сторону описаны подробно, и перечислены предметы, взятые им с собою: добрый конь, седлышко черкасское, плетка шелковая и два ножа булатные. Эти предметы внесены не случайно, а ввиду дани, которую потребует за перевоз река Смородина. В симбирской песне не нахо-

---

¹ Рыбн. I, № 78; Гильф. № 89 и 117; Рыбн. III, 53.

² Гильф., № 89, 97. Рыбн., III, 53.

дим этих подробностей: говорится только, что молодец «лишился своей родной страны и приехал к быстрой речке Смородинке».

Далее в олонецких вариантах и в симбирской песне почти в одинаковых выражениях приводится обращение доброго молодца к Смородине с вопросом о перевозах-перебродах и ответ реки. Сходно описано в обеих песнях издевательство доброго молодца над рекою после благополучного переезда. Но далее симбирская песня вместе с вариантом Кирши Данилова содержит одну подробность, утраченную олонецкими вариантами. В последних молодец сам замечает, что позабыл на той стороне два ножа булатные, и едет обратно по мостам калиновым. В симбирской песне, так же как в варианте К. Данилова, река Смородина сама человеческим голосом кричит ему, чтоб он вернулся:

Воротись ты за меня, за речушку;
Позабыл ты за мной, за речушкой,
Два ножа, два булатных...

Причем вариант К. Данилова прибавляет:

На чужой дальней стороне
(Они) оборона великая.

Окончание, значительно скомканное в симбирской песне (всего 8 стихов), более подробно развито в остальных вариантах. Утопающий молодец спрашивает Смородину, за что она его топит, и река объясняет:

Не я тебя топлю, не я тебя гублю,
А топит тебя, губит честь-похвала молодецкая¹.

---

¹ Рыбн. I, стр. 468.

Из сопоставления всех четырех записей получаем тот вывод, что симбирская песня значительно беднее деталями трех остальных и вообще ниже их по достоинству. Между тем в ней одной вместо безымянного доброго молодца мы встречаем имя былинного богатыря. Естественно является предположение, что имя Добрыни было введено позднее в безымянную песню каким-нибудь певцом, который, быть может, помнил кое-что о походе Добрыни на реке Пучае, или Израе. Предположение это тем более вероятно, что именно в области, где свеж эпический репертуар – в Олонецкой губернии, – неизвестны старины, в которых погибающий в Смородине молодец был бы отождествлен с Добрыней Никитичем. Нельзя не отметить и того, что в том же Сызранском уезде другой вариант о молодце и Смородине, доставленный также Языковым¹, не имеет имени Добрыни Никитича². Итак, в данном случае мы имеем пример того процесса в народной эпике, который я назвал «историзацией», т.е. приурочение измышленного или фантастического сюжета к историческому имени. Наряду с переходом песен именных в безымянные нужно допустить в нашем песнопении и обратный переход, а также вторжение мотивов из безымянных песен в былины. Подтверждение этому можно найти в рассматриваемых олонечких песнях о молодце и Смородине. Наличные факты не дают нам права предполагать, что эти «старины» в прежнее время содержали имя Добрыни и входили в разряд песен об этом богатыре. Напротив, можно, кажется, констатировать вторжение некоторых мотивов из безымянной песни о молодце и Смородине в былины о змеборстве Добрыни.

---

¹ Киреевский, VIII, стр. 3–5.

² Отличие его от варианта с именем Добрыни то, что Смородина дает матери добра молодца объяснение, за что поглотила ее сына.

Так, переплыв Смородину, добрый молодец издевается над нею и гибнет за свою похвальбу. Это совершенно согласно с народным убеждением, что «гнило слово похвальное». Похвальба погубила Святогора-Самсона, Анику и даже всех русских богатырей (в известной былине об их гибели). Но такое же издевательство и почти в тех же выражениях произносит в некоторых былинах Добрыня, купаясь в реке Пучае:

Мне, Добрыня, матушка говорила,
Мне, Никитичу, матушка наказывала:
«Не куплися, Добрыня, в Пучай-реке!
А Пучай-река да есть свериная,
Средняя струя да как огонь сечет.
А Пучай-река да есть смирна́ крута,
Как будто лужа ведь дождевая»¹.

Здесь издевательство Добрыни (находимое лишь в незначительном числе вариантов) не ведет за собою никакой мести со стороны реки Пучая. Такой мезтью нельзя считать нападение змея Горыныча, так как, если бы появление змея и было мезтью со стороны реки, то эта мезть не достигает цели: Добрыня не пострадал за свою похвальбу, но справился с чудовищем.

Очень вероятно поэтому, что здесь в былине такая же случайная вставка из рассматриваемой нами песни, как в некоторых пересказах того же сюжета находим вставку из былин о купанье Василия Буслаева в Иердани (девицы-портомойницы, запрещающие богатырю купаться нагим телом)².

Выше я предположил, что имя Добрыни Никитича было вставлено в безымянную песню каким-нибудь пев-

---

¹ Гильфердинг, № 157; срав. Также № 148 и Рыбников, I, 24, III, 15.

² См. Экскурсы, гл. II.

цом, помнившим кое-что из былины о купанье Добрыни в Пучае. Если мы припомним некоторые черты последних былин, то возможность их воздействия на вставку имени Добрыни нам представится более осязательной.

Мы видели, что в лучших записях песни о молодце и Смородине открываются изображением «безвременья», особенно неудачи молодца по службе. Некоторые былины о змеборстве Добрыни начинаются той же жалобной нотой: Добрыня, не выслуживши у князя ни слова гладкого, ни хлеба мягкого¹, жалуется матери на свои неудачи и спрашивает:

Для чего ты меня несчастного породила,
Несчастливого, неталанного².

Как в песне о Смородине бесталанный молодец уезжает к реке, так Добрыня, простившись с матерью, отправляется на Пучай-реку. При некотором сходстве этих ситуаций немудрено, что безымянный добрый молодец в одном пересказе мог получить имя Добрыни.

К былинам о Вольге и Микуле³

В своем исследовании «Южнославянские сказания о кравеиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса» М. Г. Халанский снова попутно касается былины о Вольге и старается уяснить ее генезис. Автор разделяет высказанный мною взгляд, что на былины о Вольге повлияли книжные сказания об

---

¹ Киреев, II, стр. 45.

² Гильф., № 3. Рыбн., I, 23; ср. тот же мотив в былинах о Добрыне и Алеше, Рыбн., I, 25, Гильф., № 149.

³ Напечат. в «Журнале Мин. народ. просвещения», 1894 г., № 11.

Александре Македонском, но вместе с тем привлекает для уяснения Волха, сына змея и оборотня, югославянские сказания о змеевичах, образ Всеслава Полоцкого в Слове о полку Игореве, и не прочь видеть в былине о Вольге отражения воспоминаний и о других князьях, например об Олеге Святославиче и даже Олеге Вещем¹. Я вполне согласен со словами проф. Халанского: «Подобно многим другим произведениям славянского героического эпоса, былина о Вольге – сложное создание, результат продолжительной работы народной творческой мысли» – и не стану снова рассматривать эту былинку со стороны ее фабулы, так как смотрю в настоящее время на такую работу довольно безнадежно. Обращу внимание на другой вопрос, затронутый, но недостаточно уясненный М. Г. Халанским, – вопрос об области сложения былины, предмет тем более благодарный, что для него, как увидим ниже, есть достаточно материалов в самом тексте ее.

«Ввиду того, – говорит М. Г. Халанский, – что былина о Волхе Всеславьевиче совпадает в некоторых чертах с древними сказаниями о князе Всеславе *Полоцком*, отразившимися в Слове о полку Игореве, ввиду того, что этот князь играл роль в истории Новгорода, можно с вероятностью приписать происхождение былины о Вольге северо-западу Руси, области кривичей и новгородцев, и относить их к одной группе с былинами так называемого новгородского цикла: о Садке, Василии Буслаевиче и госте Тереньище. Древняя связь былины о Волхе с Новгородом доказывается также местными новгородскими преданиями из XVII века, приурочивавшими этого богатыря к реке Волхову и некоторым урочищам»².

¹ Южнославянские сказания о кралевице Марке, стр. 53–55.

² Назв. соч., стр. 56 и след.

Я не придаю большого значения первому соображению, так как предполагаемое соотношение между личностью былинного Вольги и Всеславом Полоцким может представляться неубедительным. Гораздо больший вес в вопросе о родине былины о Волхе имеет отношение этой личности к новгородским местным преданиям о Волхе-чародее, указанное впервые академиком Ф. И. Буслаевым¹. Напомню, что это местное предание в изложении книжника рассказывает о Волхе, старшем сыне Словена. От Волха будто бы получила название река Волхов (в былинах Волхова), прежде называвшаяся Мутною. Волхов был «бесоугодный чародей, лют в людях; бесовскими ухищрениями и мечтами *претворялся в различные образы* и в лютого зверя крокодила; и залегал в той реке Волхове водный путь тем, которые ему не поклонялись: одних пожирал, других потоплял. А невежественный народ тогда почитал его за бога и называл его Громом или Перуном. И поставил этот чародей ночных ради мечтаний и собраний бесовского городок малый на некотором месте, зовомом Перыня, где и кумир Перуна стоял. И баснословят о нем невежды, говори: *в боги сел*. И был этот окаянный чародей удушен от бесов в реке Волхове; и мечтаниями бесовскими несено было тело его вверх по той реке и извержено на берег против Волховного его городка, что ныне зовется Перыня. И со многим плачем от невежд тут был он погребен, с великою тризною поганскою, и могилу ссыпали над ним высокую по обычаю язычников. И по трех днях после того тризница прослезится земля и пожрала мерзкое тело крокодилово, и могила просыпалась над ним на дно адское: *иже и до ныне, яко же поведают знак ямы тоя стоит не*

---

¹ Буслаев – Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II, стр. 8.

наполняяся». Очевидно, легенда была прикреплена к известным урочищам: городищу Перыню и к какому-то провалу в земле, но дошла до нас в изложении книжника, исказившего ее своими домыслами, пояснениями и благочестивыми рассуждениями. В основе ее лежит глухое воспоминание о древнем языческом культе какого-то божества (книжник называет его Перуном), которого капище находилось где-то на берегу Волхова. В христианские времена языческий бог, ставши демоном, чародеем, принял обычный облик змея (у книжника крокодила), залегавшего водный путь. В другой версии того же местного предания, записанной П. Якушкиным¹, мифическое существо носит название змяки, и гибель его связана с Перюньским скитом. Как новгородский змяка дал краски для змея Горыныча, поражаемого Добрыней², так та же легендарная личность некоторыми чертами своими – оборотничеством, змеевидностью, а также именем (Волх) – отразилась на образе былинного Волха Сеславича. Припомним, что происхождение от змея приписывается былинному богатырю именно в той одной былине (Кирши Данилова), в которой он носит имя Волха, а не Вольги.

Итак, один из элементов, вошедших в былинный тип Волха, – какое-то новгородское местное предание о змеевидном оборотне Волхе. Это дает основание поставить вопрос, не сложились ли основная песня о нем в Новгородской области так же, как, по моему мнению, в ней же получили свое начало самые ранние песни о Добрыне-змееборце и Добрыне-свате Владимира. Думаю, что на этот вопрос возможен утвердительный ответ. Кроме указанного новгородского местного преда-

¹ Якушкин – Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний, стр. 118–119.

² См. выше стр. 223 и след.

ния о Волхе можно отметить некоторые бытовые черты в былинах о Вольге и Микуле, свидетельствующие об их новгородском происхождении. Припомним прежде всего подробности пахания Микулы Селяниновича:

Орет в поле ратай, понукивает,
Сошка у ратая поскрипывает,
*Омешики по камешкам почеркивают*¹,
То коренья, камня вывертывает,
Да великие он камня вси в борозду валит².

Это точная картина северной пахоты – в губерниях Новгородской, Псковской, Олонецкой и друг., где пашни иногда сплошь усеяны валунами, то мелкими, о которые постоянно почеркивают омешики сохи, то крупными, которые приходится огибать при пахании.

Только соха чудесного пахаря Микулы Селяниновича могла великие камни вывертывать и в борозду валить. Вывертывание кореньев также указывает на северные нивы, расчищенные среди леса, а не на привольные, обширные пахотные пространства на Южном Черноземье. Усеянные камнями поля северных губерний поражают невольно всякого приезжего из южных и центральных губерний и вызывают представление как бы о каменном дожде, когда-то шедшем в этих местах.

Не знаю, можно ли воспользоваться как хронологической датой для сложения былины орудием, которым пашет Микула. Вот что говорит известный знаток древней новгородской культуры покойный профессор Никитский³: «Земледельческие орудия, благодаря ко-

---

¹ Рыбников, I, стр. 18.

² Гильфердинг, № 78, столб. 436. Срав. Гильфердинг, № 131, столб. 792; № 157, столб. 796.

³ Очерки экономической жизни Великого Новгорода, стр. 67 и след.

торым новгородцы торжествовали над суровою природою и прокладывали пути к культуре, не отличались особенною сложностью. Это были топор, коса и *соха*. В древности, впрочем, кажется, главным земледельческим орудием был плуг, более соответствовавший по своим качествам первобытной, девственной почве, требовавшей для обработки более сильных орудий. *Соха* заменяет его уже только в историческое время. По крайней мере, исторические свидетельства появляются о ней не ранее как с XIV столетия. Плуг же остается при *сохе* только как вспомогательное, второстепенное орудие». Южный плуг, как известно, неизвестен в настоящее время олонецким и вообще севернорусским крестьянам.

Далее: чудесный пахарь северной былины сеет не белояровую пшеницу, главный продукт нашего чернозема, а *рожь*:

Говорил оратай таковы слова:

– Ай же Вольга ты Святославович!

– Ржи напашу, в скирды складу,

– В скирды складу да домой выволочу *и проч.*¹.

«Из хлебов, – говорит Никитский, – пшеница, хотя и обрабатывалась в некотором количестве, но вообще имела второстепенное значение: служила не столько предметом потребления, сколько средством для уплаты повинностей в пользу землевладельцев. Главное же место занимала в Новгороде *рожь*»². Можно поэтому думать, что кобылка соловая Микулы Селяниновича и не нюхала пшеницы белояровой, которою угощали своих коней южнорусские былинные богатыри.

---

¹ Гильфердинг, № 73, столб. 439.

² Названное сочинение, стр. 72.

Обратим внимание и на то, что Микуле Селяниновичу приходится оставлять свои сельские работы и ездить в город за *солью*, платя за нее *грошами*.

Ай же ты молодой ты Воля е Всеславьевич!
Я недавно был ведь я во Курцовце,
Я недавно былъ ведь я в Ореховце,
Был-то ведь я там третьего дни,
Закупил я соли ровно три меха,
В котором же меху было по́ сту пуд,
Положил я на кобылу е на соловую,
Да сам-то молодец я садился ровно сорок пуд,
Поехал я по Курцовцу да по Ореховцу:
Тут стали мужики меня захватывать,
Еще курцовцы да ореховцы,
И стали с меня тут они грошов просить,
Я зачал им тут кулаком грозить,
Положил я мужиков тут больше тысячи¹.

Является вопрос, почему такой, по-видимому, общераспространенный продукт, как соль, попал в былинку и покупка мехов соли является важным занятием чудесного пахаря, точно какой-нибудь богатырский подвиг. Потому, что соляной вопрос имел для новгородцев всегда существенное значение в их быту. «Хотя в Великом Новгороде, – говорит тот же авторитет, из которого мы черпаем комментарии к былинке о Микуле², – и не недоставало попыток к туземной выработке соли, тем не менее количество домашней соли было недостаточно, и ее никогда не хватало для удовлетворения всех собственных нужд, и подвоз ее из чужбины был поэтому неизбежен... Подвоз соли давал возможность (иноземным куп-

---

¹ Гильфердинг, № 32, столб. 159; сравн. 255, столб. 170.

² Никитский, названное сочинение, стр. 158.

цам) оказывать давление на новгородцев в любое время, так как соль подвозилась к ним единственно из-за границы». Для того чтобы освободиться от этой зависимости от приезжих торговцев, новгородцы «не без успеха приобретали соль в городах Остзейского края и этим путем достигали того, что немецкая (привозная) соль в амбарах Готского двора оставалась без всякого движения. Не менее важен был и другой путь получать соль в Новгороде более прямым путем. Вследствие нежелания (иноземного) купечества к торговле солью в Остзейском крае, тамошние торговцы предпочитали продавать ее новгородцам *на Неве*, куда они отвозили соль под предлогом необходимости солить ловимую рыбу»¹. Я особенно подчеркиваю для дальнейшего эту торговлю солью на Неве в расположенных по этой реке поселениях². По общему свойству средневековой торговли и покупка новгородцами соли не обходилась без обманов, всего чаще в весе. «На вече 1407 г. новгородцы положили именно, чтобы никто, под страхом пени в 50 гривен серебра, не осмеливался покупать у немцев соль иначе, как на вес» (а не мешками определенной величины). Немцам такой оборот не нравился по разным отношениям. Прежде всего установление провеса при торговле солью лишало их важных выгод, которые они извлекали из торга на обычные единицы. А затем введение провеса налагало на них и некоторые лишние платежи. До сих пор немцы при торговле солью в новгородской конторе не платили никаких пошлин; теперь же, с введением провеса, на них неизбежно должны были в виде пошлин пасть расходы по содержанию весцов. Оба эти обстоятельства действовали так сильно, что немцы на решение новгородцев принимать соль не иначе как на

¹ Там же, стр. 159.

² См. о торговле солью там же, стр. 172, 256.

вес, отвечали подобным же постановлением для своих, только в обратном смысле, то есть решительно запретили продавать соль с весу¹. Вообще обоюдные обманы, пререкания и столкновения по поводу этой торговли солью не прекращались за все время независимого существования Новгорода. Не обошлась без столкновения и покупка соли Микулой Селяниновичем в Ореховце. В одной былине он жалуется:

Это грубы злыи мужики да ведь Ореховци
Зафальшивили мою да золоту казну,
Почитали за *гроши* они за медные,
Ай за медные гроши да за фальшивыи².

В другой (Гильфердинг, № 255) говорится, что ореховцы

Хотели у него соль отнять,
Соль отнять и самого убить.

Конечно, это современное осмысление более старинных бытовых отношений, связанных, быть может, с новгородским «соляным» вопросом.

Можно отметить и деньги, на которые Микула Селянинович покупал соль, – это *гроши*. Известно, что в новгородском денежном хозяйстве переход от старинной кунной системы к новой денежной произошел лишь в самом начале XV века. «В основание новой новгородской и псковской монетной системы была принята система рижская или какая-либо иная, близкая к последней. Заимствовав монету от немцев в 1410 году, новгородцы допустили к себе на место старой

---

¹ Там же, стр. 272–273.

² Гильфердинг, № 55, столб. 297.

кунной системы как собственно немецкие деньги, так и деньги иноземные, имевшие значение в Лифляндии, а может быть и в самом Новгороде, а именно: артиги, лобки и *гроши* литовские¹. Если гроши одновременны со сложением былины, а не внесены в нее позднее, то они могли бы также служить хронологической датой, как *terminus a quo*.

Выше мы отметили, что торговля солью производилась усиленно на побережьях Невы. Куда же ездил за солью Микула Селянинович? На этот вопрос, кажется, можно дать ответ положительный, если обратить внимание на название того города, где произведена была закупка. Город Ореховец есть исторически известный Ореховец, иначе Орехов, Орешек (ныне Шлиссельбург), лежащий на *Неве* при ее истоке из Ладожского озера. Город этот, как известно, основан новгородцами в 1-й четверти XIV столетия и памятен в истории по Ореховскому миру, заключенному в 1323 году между новгородцами и шведами, которым новгородцы уступили часть Западной Карелии (Корелы проклятой нашего эпоса). В период междуцарствия, в 1611 году, Ореховец был захвачен шведами и принадлежал им 90 лет. Что касается других городов, упоминаемых в былинах о Вольге и Микуле, то наши исследователи старались их приурочить к наидревнейшим летописным, и притом южным, находя в Вольге отголоски Олега Вещего или Олега Святославича, брата Владимира Святого. Приводя былинные стихи:

Жаловал его родной дядюшка
Ласковый Владимир князь...
Тремя городами со крестьянами:
Первым городом Гурчевцем,

¹ Никитский, названное сочинение, стр. 84.

Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем,

– П. Безсонов¹ замечает: «Последнее название (Крестьяновец) явно вымышленное, то же думается о втором (Ореховце), но Гурчевец = Вручевец». Город Гурчевец потом Вручевец (точнее, Вручий), что у последнего города трагически погиб, свалившись с моста, брат Владимира Святого Олег Святославич, которого П. Безсонов отчасти находит в былинном Вольге. Г. Квашнин-Самарин нашел объяснение и для Крестьяновца, города, «явно вымышленного» по г. Безсонову. Это Коростень, главный город Древлянской земли (принадлежавшей Олегу Святославичу). Жаль, что оба исследователя, заглянув в такую глубь веков по поводу никому неизвестных названий городов, оставили без внимания вполне историческое название третьего города Ореховца, существующего и доселе, хотя и под другим именем. Число городов, упоминавшихся в *основной* былине, не может быть точно установлено: в некоторых вариантах² находим эпическое число *трех* городов: Гурчевец (иначе Курсовец, Курцовец, Гурсовец, Куржовец), Крестьяновец и Ореховец; в других – *два*: Курцовец и Ореховец³; в одном⁴ хотя и названы два имени, но имеется в виду как будто один город:

Не взять тебе Туриница города Ореховца,
Был я третьего дни в Туриници в городе Ореховци;
Это грубы злые мужики да ведь ореховци
Зафальшивили мою да золоту казну, *и проч.*

---

¹ См. Заметку к 1-й части песен, собр. Рыбниковым, стр. XX.

² Рыбников, I, № 3 – Гильфердинг, № 73, № 156.

³ Гильфердинг, № 32 и 45.

⁴ Гильфердинг, № 55.

и Микула имеет дело только с ореховцами. Наконец, в варианте Гильфердинга № 255 хотя и названы три города, но два из них почти одноименны: Курсовец, *Ореховец* и *Орешечок*, и «мужики» двух последних городов вместе называются *Ореховцами*. Итак, наименьшую стойкость в вариантах представляет город *Крестьяновец*, который заменяется Ореховцем, а в одной былине¹ более знакомым новгородцам *Череповцом*. Может быть, поэтому, что города Крестьяновца и совсем не было в основной редакции былины, и он добавлен для достижения эпического числа трех. Что касается Гурчевца, которого имя, по-видимому, значительно искажено, судя по обилию вариантов, то, быть может, он и будет когда-нибудь отождествлен с каким-нибудь историческим поселением (Юрьевец? Юрьев = Дерпт?)²; но думаю, что и оно окажется в тех же областях, где и стоит Ореховец, в древних новгородских пределах или поблизости от них. Если, таким образом, былинный Ореховец есть исторически Ореховец (Орехов) на Неве и если в эти места, где производился с иноземцами торг солью, ездил Микула Селянинович, то в его свалке с ореховцами, требовавшими от него грошов подорожных, вероятно, скрываются черты каких-нибудь реальных отношений которые могут быть уяснены знатоками новгородского быта и истории. Не делая попытки в этом направлении, мы можем воспользоваться отождествлением былинного Ореховца с историческим только как одним из доказательств новгородского происхождения былины о Микуле. Перехожу к другим чертам.

¹ Гильфердинг, № 131.

² Юрьев обычно в летописи новгородской называется *Гюргев*. Уменьшительная форма Гюргевец (как Ореховец при Орехове) уже довольно близка к былинному Гурчевцу.

Сказывая былину о Вольге и Микуле Рыбникову, один из лучших сказителей Никифор Прохоров еще помнил, что поддельные мосты были налажены мужиками гуршевскими-ореховскими на реке Волхове:

Тут-то Микулушка Селянинович,
Тут-то Вольга Святославович
Приправили своих добрых коней
За тую за реченьку Волхову:
Скочили их добры кони
За тую за реченьку за Волхову:
Как начали они мужиков чевствовать,
Чевствовать мужиков жаловать,
Оплетьми они нахлыстывать¹.

В другом варианте, где встречается эпизод с поддельными мостами (Гильфердинг, № 55), река не названа.

Далее новгородскую бытовую черту следует, по всей вероятности, видеть и в том, что неприятелями, с которыми бьется Микула, иногда вместе с Вольгой, как его товарищ, являются мужики, «злые мужичонки» ореховские. В то время как так называемые киевские богатыри бьются с внешними врагами – восточными – татарами или с западными – литовцами, *новгородский* удалец Василий Буслаев расправляется с *мужиками* новгородскими. В последней былине отражается не внешняя борьба, которая так обильно представлена в былинах так называемого киевского цикла, а внутренние смуты, постоянно нарушавшие спокойствие Великого Новгорода и приведшие его к падению. Так и крестьянин Микула избивает шалыгой подорожной русских же мужиков, которые «зафальшивили его

---

¹ Рыбников, I, стр. 24. Впоследствии, пересказывая ту же былинку Гильфердингу (№ 45), Прохоров уже не называл имени реки.

золоту казну» или хотели у него соль отнять¹. Купец Садко также сталкивается со своими же горожанами, новгородскими купцами.

Если мы на основании вышеприведенных признаков примем, что былина о Микуле и Вольге представляет в современном былевом репертуаре новгородское наследие, то этим предположением можем себе объяснить смешения между рассматриваемой былиной и другими, несомненно новгородскими. Так, в былине Гильфердинга № 91 = Рыбников, I, № 1, Вольга носит отчество *Буслаевич*. Былина Гильфердинга № 2 сводит новгородского купца Садка с Вольгой и Микулой: сначала идет рассказ об остановке купеческих кораблей и о спуске Садка-работника в море, его женитьбе на черной девушке, возвращении в Новгород, обогащении посредством чудесного улова рыбы, хвастовстве богатством и состязании с Новгородом, вследствие которого Садке пришлось сбежать. Затем он ищет защиты у Вольги Всеславьевича, с которым смешан Василий Буслаевич; Вольга побивает на Волховском мосту купцов новгородских и своего отца крестного. Испугавшись последнего убийства, он с дружиной отправляется в дальнюю сторону и встречается с пахарем Викулой Селягиным с его чудесной сохой. Вольга, как в других былинах, приглашает его ехать в Курчевец-Ореховец.

По дороге в Ореховец встречают камень с обычной надписью, и Вольга (снова превратившись в Василия Буслаева), скочив поперек камня, сложил здесь свою буйную голову. Такое смешение личностей Вольги и Василия Буслаева можно объяснить тем, что и тот и другой бьются с мужиками: как Василий на Волховском *мосту* охлаживал негородских мужиков осью тележною, так Вольга вместе с Микулой за поддельные *мосты*

---

¹ Гильфердинг, № 255, столб. 1170.

Нахлыстали мужиков оны ореховских,
А нахлыстали-ли то их всех до любви¹.

И как новгородские мужики принесли Василию Буслаеву повинную и обещали платить дань, так и мужики-ореховцы покорились и стали платить дань Вольге².

Чтобы покончить рассмотрение бытовой стороны былины о Микуле и Вольге, считаю нелишним разобратся в вопросе об имени и отчестве чудесного пахаря. Вариант имени – Викула³ – объясняется легко нередким переходом губного носового (м) в губной неносовой (в). Гораздо разнообразнее формы отчества Микулы: Селя́нинович⁴ (с ударением на 4-м слоге от конца), Селини́нович⁵, Селя́нович⁶, Селя́нинов⁷, Сея́телевич⁸ (с ударением на 4-м слоге от конца), Селя́гинов⁹ и, наконец, Селя́гинович¹⁰. Исключив такие формы, как Сея́телевич, Селяни́нович (с ударением на 3-м слоге от конца), Селянович, сокращенную из Селя́нинович, не внушающие доверия, как одиночные, мы получаем две формы, встречающиеся всего чаще, – Селя́нинович и Селя́гинович (иначе Селя́гин), между которыми может быть сделан выбор: которая из них была в *основном* изводе былины? Думаем, что больше прав на ар-

---

¹ Гильфердинг, № 45, стол. 226.

² Гильфердинг, № 255, столб. 1172; № 55, столб. 799.

³ Гильфердинг, № 195, 32.

⁴ Гильфердинг, № 32, 73, 98.

⁵ Только у Гильфердинга, № 156, записанном от *грамотного* Касьянова (см. столб. 795), не внушающего большого доверия.

⁶ Гильфердинг, № 255.

⁷ Гильфердинг, № 131.

⁸ Гильфердинг, № 195.

⁹ Гильфердинг, № 2.

¹⁰ Гильфердинг, № 55 и 45.

хаичность имеет форма Селя́гинович. Как не совсем или не для всех понятная, она могла быть осмыслена в Селя́нинович (с сохранением ударения на том же слоге); наоборот, из формы Селя́нинович мы не сумеем объяснить форму со средним звуком *г*: Селягинович. На бо́льшую архаичность последней формы указывал г. Квашнин-Самарин, хотя оставил ее без объяснения. Не знаю, насколько будет удачна предлагаемая мною попытка к объяснению, но настаиваю на том, что исходить следует от Селя́гиновича.

Система земледелия у новгородцев, как еще и доныне в Олонецкой губернии, была весьма первобытна. Расчистив место для пахоты в лесу, новгородские земледельцы эксплуатировали его, пока не истощали почвы, и затем переходили на другое место. Даже в позднейшее время, говорит Никитский, было совершенно обычным явлением бросать старое пепелище и основывать новое на другом месте. В тех же случаях, когда земледельцы *прочно* усаживались на одном месте, то, во избежание совершенного истощения почвы, они прибегали к переложному хозяйству: пашенная земля в этом случае состояла из двух отделов: из *нив*, или собственно пашенной земли, находившейся в данное время в обработке, и *лядин* и *переложков*, или пашенной земли, запущенной под лес или траву. В северных же новгородских владениях этим двум отделам соответствовали *оралища*, *орамая земля* и *сельги*, то есть нивы, запущенные под траву и лес. Порядок обработки состоял в обоих случаях в том, что земля возделывалась до тех пор, пока не истощалась, а затем земледелец обращался к лядине, *сельге* или же, за неимением таковых, к обращению под пашню совершенно необработанной земли (притереб). Во всех этих случаях труд перехода – к сельге или притеребе – был нелегкий¹.

¹ Названное соч., стр. 70.

Название *сельга* до сих пор существует в Олонецкой губернии¹. Кажется, от этого северного и древнего² слова мог получить свое прозвище Микула (Селягин), которое затем перешло в отчество (Селягинов, Селягинович). «Орать» поросшую лесом и травую *сельгу* было крайне трудно: приходилось постоянно сохе наскакивать на коренья деревьев, хотя еще не слишком глубокие, и действительно мы видим, что Микула орал не ниву, а *сельгу*, так как вывертывал сохой коренья. Немудрено, что, как могучий обработыватель *селег*, он от этой тяжелой работы получил свое прозвище, обратившееся, по эпическому обычаю, в отчество (ср. Тугарин и Тугаринов). Предлагаю это объяснение только за неимением лучшего, хотя сознаю некоторые фонетические недочеты.

Указывая столько черт местного быта, вошедших в былинку о Микуле Селягиновиче, приурочивающих этого оратая к новгородским областям, мы можем делать заключения о районе, в котором сложилась основная былина о нем, но, конечно, этим нисколько не предрешаем вопроса об оригинальности самого типа и фабулы, к нему прикрепленной. Думаю по-прежнему, что фабула могла быть бродячим сюжетом, заимствованным извне, но, как и в других случаях, вполне национализированным в силу переработки, сквозь которую иногда, впрочем, сквозят некоторые черты не реального новгородского мужика, а какого-то сказочного персонажа. Микула *орет* сохой, черкающею о камни, выворачивает коренья на сельге, ездит за солью в Ореховец на Неве, бьется с русскими мужиками – все это черты глубоко бытовые, исторические; но к ним тут же примешиваются другие,

---

¹ См. о слове *сельга*: Отч. зап. за 1874 г., февраль 2-й отд., стр. 226 в ст. Сельская община в Олонецкой губ.; Калачов, Акт. отн. к Юр. Быту, II, 245–251.

² Встречается в актах 1391 года.

навеянные уже совсем не бытовыми условиями. Сошка Микулы дивно изукрашена дорогим рыбьим зубом¹, красным золотом и серебром², а сам он представлен иногда записным франтом не плоше Чурилы:

У оратая кобыла соловая,
Гужики у нея да шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошки булатнии,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются,
Что не скачен жемчуг рассыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
У оратая сапожки зелен сафьян:
Вот шилом пяты, носы востры,
Вот под пятау воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него да черна бархата³.

В таком роскошном наряде Микула представляется не мужиком-пахарем по профессии, а скорее каким-нибудь царевичем или боярином, взявшимся для виду за игрушечную соху и разыгрывающим из себя земледельца. Далее, с одной стороны, Микула Селянинович с любовью говорит о своем труде и о почете от мужиков, которых он угощает и которые его за это величают⁴. С другой – при первом приглашении Владимирова пле-

¹ Гильфердинг, № 32.

² Гильфердинг, № 131, 45, Рыбников, I, № 4. Гильфердинг, № 156.

³ Гильфердинг, № 156, столб. 796.

⁴ В былине Гильфердинга, № 255, Микула весною *продает* хлеб мужичкам и сознается, что за это они величают его.

мянника Вольги ехать с ним в города за получкой дани для князя бросает свое обычное занятие, по-видимому, навсегда, так как иногда прощается с сохой¹, и едет с княжичем собирать дань с мужиков. Такая *невывержанность* вполне понятна, так как былина создана самим народом, а не учеными-славянофилами, которые ее истолковывали. Народ же в своих произведениях весьма неподатлив на проведение известной тенденции и в этом отношении крайне непоследователен в нашем кабинетном смысле. Приладив какую-то заимствованную личность и фабулу к своему быту, создав образ чудесного пахаря, он вовсе не подумал об идеализации своего крестьянского тяжелого труда, не провел той идеи, что крестьянин должен прилепиться к матери сырой-земле, что в этом его единственное благо, а допускает с легким сердцем своего «представителя» покинуть тяжелый земледельческий труд и поступить в дружину князя (следовательно, жить не сохой, а нахлестыванием мужиков), совершенно согласно с тем, как и теперь при удобном случае крестьянин не прочь сбросить тягло, выписаться из мира и перейти к более доходным и легким занятиям. Так и другой народный идеал – Илья Муромец, как известно, пахал только раз в жизни и затем променял свое мирное крестьянское житье-бытье на боевую жизнь вместе с другими княжескими богатырями.

Итак, невыдержанность типа Микулы объясняется тем, что народ всегда верен самому себе, мало способен к проведению тенденции и мало думает о них при усвоении и переделке каких-нибудь сказочных сюжетов. Процесс усвоения идет естественным путем без сильного вмешательства индивидуального творчества, совер-

¹ Гильфердинг, «№ 255, столб. 1171:

Ты прощай, моя сошка ратная,
Да боле мне-ка век на тебе и не пахивать.

шенно не так, как во множестве *современных* комедий, настолько пригнанных к нашим общественным нравам, что без пояснения на афишке трудно за ними предположить *заимствованный* сюжет...

До сих пор мы отмечали черты новгородского быта в былине о встрече Вольги с Микулой. Что касается былины о походе Вольги-оборотня в царство Индейское или Турецкую землю, то по самому свойству сюжета область ее сложения не наложила на нее столь яркой печати.

Ее новгородское происхождение может быть (как мы видели) предположено главным образом ввиду связи личности Волха-оборотня с Волхом-чародеем местного новгородского предания. Думаю, что помимо этого в былине найдутся кое-какие черты, если не прямо подтверждающие, то, по крайней мере, не противоречащие этому предположению.

Прикрепление Вольги к Киеву и князю Владимиру самое поверхностное, сделанное, так сказать, на живую нитку. Владимир даже вовсе не *является*, а только *упоминается* как дядя Вольги, но притом исключительно в былинах, рассказывающих о рождении и встрече Вольги с Микулой. Во всех же пересказах похода Вольги (Волха) князь Владимир отсутствует¹ и упоминается только город Киев, неизвестно кому принадлежащий, но не бессменному эпическому князю.

По-видимому, Киев упомянут только затем, чтоб мотивировать поход Вольги в царство Индейское.

Прошла та слава великая
Ко стольному городу Киеву:
Индейский царь наряжается,
А хвалится – похваляется,

---

¹ Рыбников, I, № 1 = Гильфердинг, № 91; Гильфердинг, № 15; Рыбников, I, № 2; Кирша Данилов, № VI.

Хочет Киев град за щитом весь взять,
А Божьи церкви на дым спустить
И почестны монастыри разорить.
А втапору Волх он догадлив был,
Со всею дружиною хороброю
Ко славному царству Индийскому
Тут же с ними во поход пошел.

В былинах другого содержания с более тесным прикреплением к Киеву враг обыкновенно подступает к городу и, кроме хвастовства на дым спустить Божьи церкви, требует дани от Владимира, угрожая и ему и княгине Опраксе. Здесь же князь Владимир совсем позабыт. Эта крайне слабая связь Вольги с Киевом, по-видимому, указывает на то, что этот город введен в былинку в одной из поздних ее переработок, которых, вероятно, было немало.

Можно думать, что по аналогии обычных в эпосе опасностей, угрожающих стольному городу Киеву от хвастливых врагов, какой-нибудь сказитель внес в былинку эпический город Киев и эпическую похвальбу врага, но не найдя в более раннем изводе князя Владимира, не счел нужным его вставить, что, казалось бы, было нетрудно. Ведь сделал же другой слагатель Вольгу племянником Владимира, получающим от него города с крестьянами.

Итак, вычеркнув Киев, мы порываем единственную тонкую нитку, прикрепляющую былинку к Южной Руси. Действительно, некоторые черты былины как будто указывают на север.

Когда родился Вольга, недаром

И звери в лесах разбежались,
И птицы по подоблачью разлетались,
И рыбы по синю морю разметались¹.

---

¹ Рыбников, I, 1.

Они предчувствовали свою участь. Вольга – «великий ловец». Он не забавляется охотой, как другие богатыри, не выезжает с соколом, не стреляет гусей-лебедей для княженицкого стола. Он устраивает ловы в широких размерах вместе со своей дружиной, как какой-нибудь промышленник со своей артелью. Сначала он расставляет сети в *темных* лесах, по раменью, по ельнику, которым так изобиловал наш северный край, и загоняет дорогих пушных зверей, составлявших наиболее ценный предмет новгородской торговли с Западом: куниц, лисиц, черных соболей, малых горностаюшек. В одной былине (Рыбников, I, № 2) даже определены места, где Вольга производит свой грандиозный лов пушного зверя: он гонит его в лесах близ славного Синя моря, под которым нужно разуметь море, ближайшее к новгородцам, то есть Балтийское, называемое в былинах иногда Верайским, Веражским, то есть Варяжским. Северная природа и знание привычек тамошних зверей проглядывают в словах былины:

Туры да олени за *горы* пошли.
Зайцы, лисицы по *чащицам*,
А волки, медведи по *ельникам*,
Соболи, куницы по *островам*¹.

Вылавливая в лесах зверей,

Волх поил-кормил дружину хоробрую,
Обувал-одевал добрых молодцев,
Носили они шубы соболиные².

Следовательно, охота Вольги была не забавой, а доставляла пищу и одежду его дружине-артели. Богатство

---

¹ Рыбников, I, стр. 12.

² Рыбников, I, стр. 14.

новгородских владений пушными и вообще всякими зверями общеизвестно. По словам проф. Никитского¹, «мы находим в памятниках прямые указания на необычайное богатство зверей в Новгородской области. Особенно богатыми являются Двинские владения Новгорода. Морской берег последних изобиловал тогда еще больше, чем теперь, морскими животными, тюленями, моржами и китами... Югра... независимо от второстепенных пушных зверей, изобиловала соболями... Следовавшая за Югрой к западу Печора заключала в своих пространствах также много дорогих пушных зверей: *горностаев*, *песцов*, *лисиц*, а из пернатых – соколов, которые очень дорого ценились в старое время. Собственно Двинская земля, преимущественное место поселения новгородцев, была богата бобрами, *куницами* и белками. В западной части Двинской области... обыкновенное явление составлял олень, который встречался, без сомнения, и в других частях северных новгородских владений. Условия, которые благоприятствовали размножению полезных животных, заключались в изобилии лесов и вод... А так как эти условия повторялись одинаково и в самой Новгородской земле, то неудивительно, что там мы встречаем богатство зверей и птиц, хотя и не таких ценных. В ближайших окрестностях Новгорода... водились дикие свиньи и зайцы. Кроме того, в *новгородских* лесах обычным явлением были медведи, волки, куницы, белки, веверицы. Что же касается пернатых, то известно, что Волхов славился ловлями гагачей, а в других краях обычной лесной и водной дичью были тетерева, гуси, утки и журавли». Если мы припомним, что

А и бьет он звери сохатые (то есть оленей),
А и волку, медведю спуску нет,

---

¹ Назв. сочин., стр. 6 и след.

А и соболи, барсы любимый кус,
Он зайцам, лисицам не брезговал,

– то найдем в былине довольно полное перечисление пушных и других зверей новгородских владений. Из царства пернатых Вольга *силышками*, которые его дружина расставляла в темном лесу по самым верхам деревьев¹, ловил *гусей, лебедей, ясных соколей, серых уток* и малую птицу-пташицу. Являясь идеальным ловцом зверей и птиц, Вольга далее обращается к эксплуатации другого естественного богатства северных областей. Он предпринимает рыбную ловлю опять в широких размерах, как новгородские рыбопромышленники.

Как новгородский богатый гость Садко строит корабли, так и Вольга говорит своей дружине:

Делайте вы дело повеленое:
Возьмите топоры дроворубные,
Стройте судёнышко дубовое,
Вяжите путевья шелковые,
Выезжайте вы на сине море,
Ловите рыбу *семжинку* и *белужинку*,
Щученьку и плотиченку,
И дорогую рыбку осетринку².

«Рыбы (в новгородских областях), – говорит проф. Никитский³, – нарождалось в таком множестве, что благочестивые новгородцы умели объяснить себе это явление только вмешательством сверхъестественной силы. Так, например, в 1354 году в Новгороде каждый ловил себе рыбу руками у берега, сколько было

---

¹ Рыбников, I, № 1.

² Рыбников, I, № 1.

³ Назв. соч., стр. 7 и след.

нужно, и летописец видел в этом великое чудо, сотворенное молитвами Пресвятыя Богородицы». «В озерах Онежском, Ладожском и в реке Неве водилась в обилии так называемая красная рыба, а именно – *осетры*, считавшаяся в древности одною из самых дорогих рыб не только на Руси, но и между немцами. По крайней мере, известно, что этою рыбою дорожили сами новгородские князья и выговаривали для себя у Великого Новгорода право посылать в известные места, а именно в Ладогу, своих ловцов осетра (осетринников). Известно также, что для ловли осетров приезжали на Неву и немецкие промышленники из соседних городов Нарвы и Ревеля». Понятно, что и былина, сложившаяся в новгородских пределах, особенно отметила дорогую рыбку осетринку. Она и составляла прежде всего ту *кунную* (то есть ценную, считаемую на куны, а не на вес?) рыбу, которую Вольга выпугивал из *глубоких станов*¹ (опять местное наблюдение над привычками рыбы). Мне кажется, что этих былинных подробностей о *ловах* Вольги достаточно, чтоб приурочить сложение былины о нем к новгородскому культурному району. Как в былине о Василии Буслаеве отразились черты новгородских внутренних смут и тип буйной молодежи, которая поставляла ушкуйников; как в былине о Садке представлено новгородское купечество, богатое и предприимчивое, – так в рассматриваемой былине воспето необычайное богатство новгородских областей в звериной и рыбной ловле, предпринимаемой чудесным ловцом с его дружиною. В первой части былины в изобилии рассеяны черты новгородской природы, фауны и флоры, потому что занятия Вольгиловца – занятия родные для новгородского населения. Но как бледны являются краски во второй половине,

---

¹ Рыбников, I, стр. 8.

когда изображается поход Вольги (Волха) на царство Индейское (Турец-землю). Здесь так и сквозит чужая, фантастически размалеванная основа, и напрасно мы стали бы искать тех реальных черт, как бы списанных с действительности, которые мы находим, например, в былинном описании приступа татар (Мамая, Батыги) к Киеву. Вольга вовсе не похож на богатыря, хотя изредка это название и прилагается к нему, зайдя, вероятно, из *богатырского* эпоса¹. Обычные этому эпосу подробности о седлании коня и выезде богатыря неизвестны слагателю былины о Вольге. Да последний и не нуждается в коне: он обертывается то *львом* (левым зверем), то *Науй*-птицей, то туром златорогим, то ясным соколом, то горностаем, то мурашиком и обертывает в мурашиков свою *хоробрую* дружину, чтобы проползти чрез *мудреные* вырезы подворотни-*дорог рыбий зуб* и таким фантастическим способом попасть в царство Индейское. Во всем походе Вольги трудно отметить какую-нибудь бытовую историческую подробность; но можно указать немало мотивов сказочных, зашедших отчасти, как было мною указано, из Александровых сказаний, отчасти из каких-нибудь других сказок. Кстати, при этом случае отмечу некоторые восточные сказочные мотивы, которые, быть может, пригодятся впоследствии, если когда-либо удастся реставрировать процесс происхождения и развития былины, что весьма сомнительно.

Две детали походов Вольги – обращение в птицу, с целью подслушать разговор Турец-Сантала с царницей Панталовной, и обращение в горностаю, чтоб ис-

¹ Рыбников, I, № 2 (младый богатырь; былина плоха и не кончена); Гильфердинг, № 15 (былина неоконченная и спутанная), Кирша-Данилов, VI. В лучшей былине Романова (Гильфердинг, № 91 – Рыбников, I, № 1) Вольга называется «сударь». Нет названия «богатырь» и в былинах о встрече Вольги с Микулой.

портить оружие неприятелей, – находят себе параллели в восточных (тюркских и монгольских) сказках. Так, в алтайской сказке о деве-богатырше Оле-олекчин эта переодетая в мужское платье богатырша, замыслив войну с одним царем, обернулась *сорокой*, села на аил (то есть юрту) к царю и слушает, что будут говорить царь с царицей. Они говорят между собою об ожидаемом приходе врагов, и царь сообщает царице, какие меры он примет. Оле-олекчин подслушивает разговор и пользуется затем полученными сведениями¹. В другой алтайской сказке, записанной академиком Радловым (Proben etc. I, 31–59), богатырь Тэктэбей-мерген перелетает в виде *ястреба* в царство врага – Кюн-хана – и подслушивает его разговор с его женою, которым затем пользуется². В одной монгольской сказке богатырь Караты-хан, обратившись в *крысу*, прибегает в страну неприятеля своего Джюсун-хана и перегрызает доспехи его воинов³.

Не придавая большого значения этим параллелям, я привожу их с целью указать, что поход Вольги и в основе своей и в подробностях сводится к бродячим сказочным мотивам, которые за долгое время существования былины могли нарастать из разных источников. Но все же связь Волха-оборотня с новгородским *местным* сказанием и отмеченные выше бытовые черты в первой половине былины дают нам, кажется, достаточно оснований, чтобы отнести сложение ее к новгородскому эпосу.

Труднее в данном случае другой вопрос – о времени сложения былины о Вольге. Здесь, так же как в вопросе о местности, должны служить устоями бытовые данные; но и эти устои при изменениях, вносимых в былину уст-

---

¹ См. Бурятские сказки и поверья, собран. Хангаловым. Иркутск, 1889, стр. 141.

² Там же, стр. 154.

³ Этнографическое обозрение, кн. VI, стр. 18.

ною передачей, оказываются иногда крайне шаткими. Конечно, во внимание должны быть приняты те черты, которые были в основной редакции былины, но и выведение первичного типа ее из современных вариантов не всегда удается исследователю.

Для былины о встрече Вольги с Микулой, как мы выше предположили, хронологической датой могут служить *гроши*, на которые Микула покупает соль. Они упоминаются во всех хороших вариантах¹ и отсутствуют только в таких, которые плохо помнились сказителями². Поэтому нет основания думать, чтобы эта монета не упоминалась уже в основной редакции былины. Если так, то *terminus a quo* для ее сложения начало XV века. *Соха* Микулы также принадлежит основной редакции, а самые ранние упоминания о сохе как общераспространенном орудии, вытеснившем более ранний плуг, относятся, по указанию Никитского, к XIV веку. Ссылаться на мое личное впечатление, не позволяющее мне в «идеализованном» земледельце с его искусственным отчеством, символизирующим его земледельческий труд, видеть слишком архаичное создание, переодетого потомка русского древнего бога земледельца, — я не стану, потому что такой критерий может быть сочтен субъективным. А прямого литературного источника для чудесного пахаря мы до сих пор не знаем, хотя в указании параллелей в других литературах не было у нас недостатка.

Другой вопрос: которая из обеих былин, прикрепившихся к историческому имени Олега (Вольги), древнее? Здесь, кажется, возможен положительный от-

¹ См. Гильфердинг, № 32, 55, 73 = Рыбников, I, 3, 156.

² Например, Гильфердинг, № 45 = Рыбников, I, 4, где Вольга и Микула *поменялись* ролями; Гильфердинг, № 131 и 255 (где Вольга заменен Иваном Годиновичем).

вет. Былина о Вольге и Микуле предполагает уже существование былины о Вольге, предпринимающем ловы и поход в отдаленную страну. Бесцветный и недогадливый¹ Вольга, встречающийся с Микулой, не мог быть перенесен в былинку о Вольге-оборотне, отличающемся хитростью-мудростью. Перенесение возможно только обратное. Так, к имени Добрыни-змееборца могла впоследствии прикрепиться сказка о жене-волшебнице и дать былинку о Маринке, в которой Добрыне не приходится вовсе играть героической роли. Личность чудного силача-земледельца выступила в этих былинах так ярко на первый план, что совсем обесцветила личность Вольги, и его походжение с непокорными городами, пришедшее к концу былины, уже не представляло достаточного интереса вниманию, сосредоточенному на Микуле. Походжение Вольги и Микулы с ореховцами скомкано в несколько стихов в дошедших до нас немногих пересказах, так что между началом былины, рассказывающим о рождении Вольги, знаменьях, уходе зверей, птиц, рыб, обучении и наборе дружины хороброй, и окончанием оказалось несоответствие. Начало заставляет слушателей ожидать необычайных подвигов от Вольги, но эпизод поглощает весь интерес, составляет всю суть былины, и она кое-как сводит концы с началом.

К былинам о Чуриле Пленковиче²

Последние по времени работы, посвященные былинам о Чуриле, принадлежат акад. А. Н. Веселовскому и проф. М. Г. Халанскому. Не высказываясь положительно

¹ Рыбников, I, стр. 21: Говорит оратай таковы слова:

– *Глупый* Вольга Святославович!

² Напечатан. в сборнике «Почин» в 1895 г.

относительно времени и места сложения былины, первый исследователь останавливается на происхождении типа заезжего щеголя Чурилы Пленковича и открывает в нем одного из тех греко-романских «гостей-сурожан, которые, являясь в Киев, изумляют своих более грубых соседей блеском своих культурных привычек и обстановки¹. Существенным в песнях (о Чуриле) является: его появление в Киеве, в блеске красоты и культурного щापленья; впечатление, какое он производил на женщин и на Апраксию; его любовь к Катерине, мужа которой он еще прежде знал... Как видно, это материал новеллы – не фавлю о неверной жене гостя Терентьища, наставляемого скоморохами, а новеллы с трагической развязкой, в стиле *Giraldi Cintio*»².

Таким образом, видя в Чуриле заезжего гостя из франкского, т.е. итальянского, Сурожа, акад. Веселовский признает за *типом* Чурилы весьма *почтенную древность* и создание его относит к южнорусскому, или киевскому, периоду нашей истории. Подтверждением южнорусского происхождения типа Чурилы служит присутствие его имени (в формах Журило, Джурыло, Цюрыло) в малорусской свадебной песне³.

Проф. Халанский помещает Чурилу в число богатырей московского периода вместе с Дюком, Соловьем Будимировичем, Микулой Селяниновичем, Святогором. «В мирное время, каким преимущественно представляется эпоха князей-собираателей Руси, естественно, идеальными образами являются... лица с совершенно мирными свойствами: крестьянин Микула

¹ Южно-русс. былины, VI–XI, стр. 81.

² Там же, стр. 123.

³ Там же, стр. 124. Более подробные библиографические указания на малорусс. Джурылу см. в заметках В. В. Каллаша – Этнограф. Обзорение, кн. III, стр. 207, и V, стр. 252.

Селянинович, жених, добрый молодец Соловей Будимирович, богач Дюк Степанович, наконец, щеголь Чурило Пленкович и проч. В богатырских образах раннего времени иногда удавалось отыскать действительных исторических лиц, геройскими подвигами стяжавших себе славную память: героями былин московского периода являются идеальные образы, чистые создания народной фантазии»¹. Итак, по мнению г. Халанского, народная фантазия, создавшая тип щеголя Чурилы, не опиралась в своем творчестве на образ приезжего из Суροжа фряга-итальянца, как думает акад. Веселовский главным образом на основании своего толкования имени отца Чурилы, Пленка (Франка). Прозвание Чурилы стоит, по мнению г. Халанского, вероятно, в связи с былевым характером этого богатыря. Обыкновенно он прозывается Пленкович: но в некоторых вариантах его отчество – Щап Пленкович или Щапленкович. Последняя форма, вероятно, наиболее древняя; она стоит, несомненно, в связи с глаголом *щапить*, т.е. щеголять, и таким образом прозвище Чурилы Щапленкович может значить то же, что Щеголенкович или Щеголевич. Отсюда, с одной стороны, как искажение, явились формы Щапленкович, Цыпленкович и сын Пленкович; с другой, как забвение первоначального значения прозвища Чурилы, сложился образ Пленка, гостя Сароженина, отца Чурилы². Относя Чурилу к богатырям московского периода, г. Халанский замечает однако: «Распространенность имен Чурило, Журило, Цюрило в Юго-Западной Руси в песнях и местных названьях дает *большую вероятность* мнению о южнорусском происхождении сказаний об этом богатыре»³. Итак, г. Халан-

¹ Великорусс. былины киевского цикла, стр. 208.

² Там же.

³ Там же, стр. 209.

ский, по-видимому (говорю так потому, что выражения автора не совсем определены), предполагает, что по месту происхождения сказания о щеголе Чуриле относятся к Южной Руси и, следовательно, занесены в северный великорусский эпос, но переработаны не в киевский период нашей истории, а в московский.

Выше¹ я привел данные, свидетельствующие о южнорусском происхождении *типа* Чурилы. В настоящем очерке я имею в виду вопрос иного рода: в какой области Руси и в какой период были сложены *дошедшие до нас* былины о Чуриле? Нет ли в их содержании таких бытовых черт, которые могли бы дать относительно этих вопросов более или менее определенные показания? Вероятно, в Южной Руси еще в киевский период нашей истории ходили сказания или песни о Чуриле, но мы их не знаем и никогда не узнаем. Все, что мы можем в настоящее время надеяться уяснить, должно основываться только на дошедших до нас текстах 30 былин, в которых Чурило является главным действующим лицом.

Приступая к рассмотрению бытовой стороны этих былин, напомним, что с именем Чурилы связаны два сюжета: приезд Чурилы в Киев и служба его при Владимире, и связь Чурилы с женой Бермяты Катериной Никуличной, оканчивающаяся в большинстве былин смертью Чурилы.

Первый сюжет дошел до нас в сравнительно незначительном числе вариантов (6), второй представляется одним из самых популярных в репертуаре олонецких сказителей. По замечанию Рыбникова, былина о Чуриле и Катерине принадлежит к числу «бабьих старин», которые поются ими с особенной любовью, а мужчинами не так-то охотно². Эта популярность народной былины с

¹ См. стр. 120 и след.

² Рыбников, III, стр. XXVI.

ее «жалостным» содержанием, конечно, весьма понятна среди женщин. Оба сюжета развиваются в отдельных былинах и не соединяются в сводную былинину. Исключение представляют две былины: одна – из сборника Кириши Данилова¹, другая – Рыбникова (I, 45), в которых второй сюжет (связь с Катериной) прикреплен к первому, но не доведен до обычного конца.

Былины о знакомстве кн. Владимира с Чурилой сходны между собой не только в главном, но и во многих деталях, так что на основании сличения вариантов можно восстановить основной тип былины². Напомню ее содержание.

Былина открывается обычным пиром у князя Владимира. Когда стол был в полустоле, появляются толпы молодцев (иначе, мужиков-киян) израненных, избитых: булавами у них буйны головы пробиваны, кушаками головы завязаны. Они приносят князю жалобу на обидчиков. Они охотились на государевом займище для князя, но наехали на них какие-то молодцы на *латинских* конях, в камчатных кафтанах, золотых колпаках, – повыловили куниц, *печерских* лисиц, выстрелили туров-оленей, а самих избили-изранили. Это понаделали молодцы Чуриловы. Князь не слушает челобитья своих охотников. Вслед за ними идет другая толпа с такою же жалобой: это княжеские рыболовы. На них напали чужие молодцы, повыловили белую рыбу (иногда рыбу *сорогу*), а самих рыболовов изранили. Князь оставляет и их жалобу без внимания. Затем приходит третья толпа – сокольники княжеские. Они жалуются на то, что чужие молодцы на государевом займище, на потешных

---

¹ Перепечатана у Киреевского, IV, стр. 78.

² Киреевский, IV, стр. 78 – Кириша Данилов; Рыбников, I, 45, III, 24; Гильфердинг, № 223, 229, 251 (не кончена), и отрывок былины у Киреевского, IV, стр. 86 (из Нижегородской губ.).

островах, ясных соколов и белых кречетов повыловили, а их, сокольников, избили-изранили. Называются эти насильники дружиной Чуриловой. Тут князь спохватился и стал спрашивать, где живет Чурила. Бермята (или Иван Иванович) один знает, что у Чурилы двор на реке Сароге (иначе Череге, Почае), пониже Малого Киевца, у креста Леванидова, у святых мощей Борисовых, и описывает пышность Чуриловой усадьбы. Князь с княгиней, богатырями и дружиной в 500 человек едет ко двору Чурилы. Его встречает старик, отец Чурилы, Пленко Сароженин, ведет во светлу гридню, сажает за столы и угощает на славу. Во время пира князь из окна увидел подъезжающую многочисленную дружину и сильно испугался; он думает, что это едет либо царь (хан) из орды, либо король из Литвы¹. Пленко успокаивает его, говоря, что это дружина его сына. Сначала едет пышно разодетая толпа стольников, затем ключников и наконец, во главе третьей толпы, сам Чурило, которого красота, костюм и манеры описываются подробно. По приезде Чурило идет в подвалы глубокие, берет золоту казну, сорок сороков черных соболей, другое сорок печерских лисиц, дорогую камку хрущату, и все это подносит в подарок князю. Князь обрадован и приглашает Чурилу служить ему, князю, в Киеве. Чурило принимает приглашение и становится княжеским стольником-чашником. Когда молодой красавец-стольник служил за столами, княгиня Апраксия, заглядевшись на него, разрезая мясо лебединое, порезала себе руку и в свое оправдание говорит женам боярским:

Не дивуйте-ка, жены мне господския,
Что обрезала я руку белу правую,
Я смотрючись на красоту Чуриловоу,

---

¹ Гильфердинг, № 229, и Рыбн., III, 24.

На его кудри на желтые,
На его перстни злаченные,
Помутились у меня очи ясныя!¹

Князь ставит Чурилу позовщиком на пиры. Когда Чурило идет по улице, его красота производит неотразимое действие на киевских женщин. Апраксия просит мужа сделать Чурилу постельником. Владимир укоряет княгиню и отпускает неудобного ему Чурилу домой².

Если первый слагатель былины и создал тип идеального красавца, богача и щеголя, то краски для этого типа он брал из русской действительности и окружил Чурилу русской бытовой обстановкой. Эта обстановка носит на себе некоторые черты времени и места сложения былины и с этой стороны заслуживает полного внимания. Прежде всего, кто такой Чурило по своему общественному положению? Могли ли быть на Руси такие частные лица с такими дружинами, с такими богатствами и совершать такие насилия безнаказанно? Чурило не князь, не боярин, как Дюк Степанович, а сын какого-то богача Пленко, живущего почти независимо в своей обширной усадьбе, чувствующего себя по богатству и могуществу не ниже князя. Личность князя Владимира совершенно низведена со своего пьедестала: он едет к Чуриле, быть может, в надежде от него поживиться, так как берет с собой дружину, но убеждается на месте, что Чурилова дружина многочисленнее княжеской, принимает угощение и подарки, забывает принесенные ему жалобы на Чурилу и говорит:

Хоть и много на Чурила было жалобщиков,

---

¹ Рыбников, III, № 24, стр. 126.

² Отъездом Чурилы кончаются былины Рыбн., III, 24, Гильф., № 223, 229.

А побольше того челобитчиков:

А теперь на Чурило я суда де не дам¹.

Очевидно, что князь Владимир, внесенный в былину, очень далек от того эпического князя, которого поручения беспрекословно справляют могучие богатыри (Добрыня, Дунай, Илья Муромец), который при случае засаживает богатырей в погреба глубокие. В нем не видно ни ласкового Красного Солнышка стольнокиевского, ни деспота с чертами московских царей или восточных сказочных. Это князь, лишенный всякого значения, как бы взятый напрокат, чтоб быть свидетелем богатства и могущества частного лица. В создании такого князя сказывается не южнорусский взгляд на князя-дружинника, не суздальско-московский – на князя вотчинника и деспота, а всего скорее, новгородское представление о княжеском достоинстве, – о князе, который княжит, но не управляет. Условия новгородской жизни, дававшие возможность частному лицу посредством предприимчивости удалства и торговли скапливать значительные богатства, достигать высокого общественного положения и независимости, всего более подходит к объяснению такой личности, как Чурило. Те же условия создали боярина Ваську Буслаева, бьющегося со своей дружиной буянов с мужиками новгородскими, и купца Садка, соперничающего богатством со всем Новым-городом. Действительно, Чурило напоминает того и другого типического новгородца. Как сам Василий и его дружина творят насилие в Новгороде, так дружина Чурилова обижает княжеских охотников, рыболовов, сокольников, иногда огородников. Как Садко-купец хвастает несметными богатствами, так былина подробно останавливается на описании

---

¹ Рыбн., III, № 24, стр. 125. Срав. Гильф., № 223, столб. 1063.

пышности Чурилова двора и дома и, быть может, для пояснения происхождения этого богатства называет его отца *гостем*. Как вообще новгородские былины не знали богатырства, так ничего богатырского нет в былине о Чуриле. Его дружина не южнорусская дружина, бьющаяся вместе с князем со врагами и защищающая княжеские земли от нападения. Это скорее артель промышленников, дружина в новгородском смысле, напоминающая дружинушку купца-промышленника Садка и еще более дружину Вольги, которого новгородское происхождение мне кажется весьма вероятным. Дружина Чурилы занимается охотничьим и рыболовным промыслом в широких размерах: они вылавливают шелковыми тенетами (путиками) пушных зверей – соболей, горностаев, куниц и *печерских* лисиц, ценных птиц – соколов, кречетов, лебедей – и дорогую рыбу. Отметим здесь *печерских* лисиц, хорошо известных новгородцам. Хотя г. Безсонов поясняет это название так: «*печерские*, что живут в норах», но нет сомнения, что лисицы названы печерскими по области, в которой они были особенно обильны. Известно, что принадлежавшая Новгороду Печера (Печора), лежавшая за Югрой к западу, «заклучала, как и в настоящее время, в своих пространствах множество дорогих пушных зверей, а именно: горностаев, песцов, лисиц, а из пернатых – соколов, которые очень дорого ценились в старое время»¹. Таким образом, добыча Чуриловой дружины состоит именно из тех зверей, которыми обильовали новгородские владения и которые доставляли промышленникам – новгородским боярам, купцам – огромные богатства. Кладовые Чурилы ломятся от множества драгоценных мехов и дорогих материй, приобретававшихся новгородцами с запада в обмен на пушной товар. В некоторых пере-

---

¹ Никитский – Очерки экономической жизни Вел. Новгорода, стр. 6.

сказах упоминается, что Чурилова дружина выловила рыбу *сорогу*. Отметим, что это название рыбы, похожей на плотву, известно только на севере, так как *сорога* водится в северных реках. Название *сороги* было заимствовано северным населением у финнов. Плотва называется по-фински «сärки», по-эстонски «сäры», по-эрзя-мордовски «сärгэ», мокша-мордовски «сärга», остячки «сарах» (см. Веске, Славяно-финск. культур. отношения, 1890, стр. 20).

О северной природе местности сложения былины, хотя слагатель перенес Чурилу в южный Киев, свидетельствует далее обычное начало былины о Чуриле и Катерине:

Накануне праздника было Христова дня,
Канун де честного Благовещения.
Выпадала порошица – снег молодой.
По той де порохе, по белому снежку
Не белый горносталя следы прометывал,
Ходил да гулял купав молодец
На имя Чурило сын Пленкович...¹.

Когда князья-бояре, идучи к заутрене, увидели на снегу свежий след, они дивуются и говорят:

Либо зайка скакал, либо бел *горносталя*²,

– как будто в Киеве и его окрестностях водились горностаи. Трудно предположить, что слагатель единственной нашей былины, в которой действие совершается среди зимнего пейзажа, в которой герой приезжает к своей любовнице в санках, в зимнем костюме, шубе,

---

¹ Рыбников, III, № 27, II, 23, 25; сравн. Гильфердинг, № 224, 268, 309.

² Киреевский, IV, стр. 85 (Кирша Данилов).

пушистой и завесистой шапке, был южанин. Нужно думать, что северный слагатель, говоря о Киеве, имел перед глазами картины родной северной природы. Южанин едва ли представил бы санный путь в Киеве накануне Благовещения (следоват., 24 марта)¹. Впрочем, в значительном большинстве пересказов былины о смерти Чурилы (в 14 из 18) город, в котором совершаются его похождения, вовсе не назван (Рыбн., I, № 46, II, 23, 24; III, 25, 26, 27; Гильферд. № 8, 67, 189, 224, 268. Собрн. Тихонр. и Миллера. № 45, 46, 47, 48).

Возвращаемся к Чуриловой дружине. Его молодцы разодеты пышно и богато: на них однорядочки голуб-скурлат, кафтанцы камчатные, колпачки золотoberхие, сапожки зелен-сафьян, и ездят они на конях или жеребцах *латынских*². Эти латынские жеребцы относят нас к новгородским бытовым условиям. По свойству климата и почвы коневодство не процветало в новгородских областях. Порода лошадей была мелка и плоха. «Хорошие породы приобретались новгородцами из-за границы и составляли, по словам проф. Никитского, нередко предметы обычных в то время пиршественных даров»³. Новгородцы крайне нуждались в хороших конях и с трудом приобретали их от немцев, которые, однако, смотрели на эту торговлю крайне неодобрительно. В Остзейском крае они позволяли продавать русским только таких лошадей, которые стоили не больше двух марок. Вывоз же лошадей, стоивших 3, 4 или 5 марок, положительно воспрещался и преследовался⁴. Понятно, что *латынские*, т.е. западные, кони под молодцами Чурилы составля-

---

¹ Известно, что Днепр вскрывается около Киева 16 марта.

² Латынские кони, см. Киреевский, IV, 79; сравн. Гильфердинг, № 223, 229, 251.

³ Назван. сочин., стр. 74.

⁴ Там же, стр. 156.

ли величайшую роскошь, которую мог себе позволить только «идеальный» богач. В этой черте опять сказывается слагатель-северянин. Слагатель-южанин не мог бы не знать бесчисленных степных табунов, снабжавших южнорусские дружины конями в изобилии. Знакомство с немецкими рыцарями – естественное среди новгородцев – видно в одной былине о смерти Чурилы¹, в которой конь Чурилы называется *рыцарским*. В описании костюма Чурилы, кажется, можно отметить черты новгородского щегольства, на которое не оставались без влияния западноевропейские, немецкие моды. Хотя сапожки его – зелен-сафьян, из дорога сафьяна турецкого, но не восточного покроя, а «баского покрою немецкаго»². В одной былине, записанной Е. В. Барсовым³, Чуриловы сапожки, при баском немецком покрое, «щегольского шитья *новгородскаго*»⁴.

Любопытны и подробности костюма Чурилова отца, старого Пленка:

Из того ли из Чурилова широкого двора
 Выходил тут старый матерый человек,
 Шуба та на старом соболиная,
 Под дорогим под зеленым под *знаметом*,
 Пугови все вольячныя,
 Лит-то вольяк красна золота
 По тому ли по яблоку по *любскому*.
 Петельки из семи шелков,
 Шляпа та на старом с полимажами⁵.

¹ Гильферд., № 110.

² Гильфердинг, столбцы 1099, 919, 1312.

³ См. Чтения в И. Общ. Истории и Древ. Росс., 1877, кн. 3.

⁴ Вариант у Гильферд., столб. 1163, *новоторское*, т.е. *новоторжское* шитье указывает также на город, принадлежавший новгородцам.

⁵ Гильфердинг, столб. 1101.

Иногда материя, покрывающая шубу Пленка, называется *самитом*¹. Можно предположить, что название *самит* немецкого происхождения: это немец. *sammet*, старинное немец. *samit* (в 1349 г.), *sameit* – *бархат*. Новгородская форма *самит* всего ближе именно к старинной немецкой *samit*, и, вероятно, вместе с самой материей перешла из Германии к новгородцам². В описании художественно сделанных пуговиц *самитовой* шубы встречается и другое выражение, свидетельствующее о сношениях новгородцев с Западом. Пуговицы состоят из золотого шара (яблока), покрытого литым орнаментом (вальяком). Это яблоко названо *любским*, т.е. любекским. Вспомним, какое значение имел этот немецкий город во внешней новгородской торговле, отразившееся, между прочим, в том, что новгородцы в 1410 году заимствовали монету от немцев и на место старой кунной системы допустили немецкие деньги – артиги, любки, *любские* пфенниги³. Западного происхождения и Пленкова шляпа с *полимажами*, т.е. с плюмажем (*plumage*), украшенная перьями. Но, конечно, это слово зашло в былинку уже в более позднее время.

В одной былине о молодости Чурилы⁴ любское яблоко заменено *свирским*. Не умея объяснить эту замену с бытовой стороны, отмечу только, что прилагательное *свирский* опять указывает на новгородский культурный район, так как Свирь впадает в Ладожское озеро.

¹ Такова шуба на Чуриле. Рыбник, III, стр. 124 и I, стр. 264 (где самит называется *заморским*).

² В Южной Руси, судя по «Слову о полку Игореве», византийское название материи 'Εξαιτός, к которому восходит и немецкое, существовало в форме *оксамит*.

³ В словаре Даля значится: *любковые* яблоки – лучшие, отборные. Но прилагательное *любский* по суф. –*ский* может значить только любекский, любечский, любецкий, любский.

⁴ Гильфердинг, № 223, столб. 1063.

Выше мы сказали, что, быть может, для объяснения происхождения Чурилова богатства былина называет старого Пленка «гостем сароженином»¹. Нужно, впрочем, заметить, что *гостем* сароженином является Пленко только в одном варианте, записанном от паромского старика Рыбниковым и Гильфердингом. Во всех прочих общественное положение отца Чурилова неопределенно: он называется либо просто Сароже(а)нином², либо сыном Сарожанином³, так что можно думать, *гостем* он сделан одним только сказителем. Придавая значение этому одному варианту и толкуя Сарожанина в смысле Сурожанина, акад. Веселовский склонен видеть в Пленке фряжского купца из Суροжа. Такое толкование едва ли может быть поддержано текстом былин, не говоря уже об объяснении собственного имени Пленка из Франка, неправдоподобном фонетически. Пленко назван Сарожанином по реке Сароге, на которой стоит двор Чурилы⁴ и где он со своей дружиной закидывает шелковые неводы⁵. Наши былины, по видимому, отличают Сарожанина от Сурожанина, как называется в одном варианте молодец Суroveň. В былине Кирши Данилова река, на которой дружина Чурилы нападала на княжеских людей, названа Черегою⁶. В некоторых былинах (именно двух), хотя столкновение дружины Чуриловой с княжими людьми происходит на Сароже, двор Чурилы помещен на Почай-реке у святых мощей у Борисовых⁷. Трудно приурочить эпическую

¹ Гильф., № 223, столб. 1062; Рыбн., III, № 24.

² Киреев, IV, стр. 82 (= К. Данилов), Рыбн., I, № 45, стр. 263; III, № 24.

³ Гильф., № 229, столб. 1101.

⁴ Рыбников, I, № 45.

⁵ Гильф., № 223, 229, 251.

⁶ Киреевский, IV, стр. 78, 80.

⁷ Гильф., № 223, Рыбн., III, № 24.

реку Сарогу или Черегу к какой-нибудь определенной реке. Одна Сорога известна в верховьях Волги. Небольшую реку Сарагу в Олонецкий губернии упоминает академик Озерецковский в описании своего путешествия в Олонецкой край в 1785 году (стр. 347). В писцовых книгах 1582 года упоминается река Сорогожа в Бежецкой пятине Новгородской в Весъегонском уезде. Па реке Череге произошла битва между Мстиславом Изяславичем новгородским и Всеславом полоцким. Во всяком случае, следует думать, что в древнейшем изводе былины, как и доселе в большинстве пересказов, двор Чурилы был на реке Сароге, почему и отец его называется Сарожанином, а не на Пучае (Почайне). Последнее название вместе с мощами Борисовыми вошло в былинку позднее, вследствие прикрепления места действия к окрестностям Киева и князю Владимиру. Насколько прикрепление наивно, видно из незатушеванной сказителями несообразности, состоящей в том, что двор Чурилы помещен на Почае недалеко от Киева (правильнее было бы сказать – в самом Киеве, если Почай река = Почайне), а между тем кн. Владимир ничего не знает о таком близком соседе и, выслушивая жалобы на Чурилу, говорит:

Глупые вы князи и бояра,
Неразумные гости торговые,
Не знаю я Чуриловой поселицы,
Не знаю я Чурило где двором стоять¹.

Такие несообразности обыкновенно проникают в былины при прикреплении какого-нибудь сюжета к киевскому циклу. Если река Сорога была, что весьма вероятно, в основном изводе, то для объяснения названия

---

¹ Рыбн., III, № 24, стр. 121. Срав. Гильф., № 229, столб. 1100.

Пленка Сарожанином нет никакой нужды припоминать Сурож и сурожских гостей.

Если из былины о Чуриле нельзя вывести, что отец его в основном изводе представлялся гостем торговым, то все же нельзя не отметить присутствия купецкого элемента, которое, быть может, также говорит за новгородское происхождение былины. В большинстве вариантов Владимир отправляется в усадьбу Чурилы не только с князьями-боярами, но и «со купцами со гостями со торговыми»¹, которые также заинтересованы Чурилой, потому что потерпели от его дружины убытки и просили у князя на него «правой суд»². Любопытную особенность былины о приезде Чурилы в Киев составляет далее присутствие в ней одного мотива, указанного акад. А. Н. Веселовским в раввинских апокрифах. Заглядевшись на красоту Чурилы, княгиня Апраксия, разрезая за столом лебедя, порезала себе руку и в свое извинение говорит:

– Да не дивуйте-ко вы жены господские,
Да что обрехала я руку белу правую:
Да помешался у меня разум во буйной голове,
Да помутилисе у меня-де очи ясные,
Да смотричись-де на красоту Чурилову,
Да на егó-то на кудри на желтые,
Да на егó-де на перстни злаченные...³

То, что здесь рассказывается об Опраксе, сообщается в Коране о египетских женах и прекрасном Иосифе: «Он отверг любовь жены Пентефрия; ее наветы

¹ См. Рыбников, III, № 24, стр. 122; Гильферд., № 223, стол. 1062; № 251, столб. 1162.

² Гильферд., столб. 1100.

³ Гильферд., № 223 = Рыбн., III, № 24. Срав. Киреев., IV, № 2, стр. 86–87 и Рыбн., I, № 45, стр. 266 прим.

на него оказались ложными, а горожанки смеются над нею. Когда узнала она про это, послала их просить к себе к обеду; возле каждой положила по ножу, а Иосифу сказала: “Пойди и покажись им”. Когда увидели они его, то восхитились его красотой: “Это не смертное существо, а достойный почитания ангел”, – сказали они и – порезали себе руки...» В еврейском *Sepher Hajjaschar* прямо сказано, что женам предложены были апельсины, вместо которых они и изрезали себе пальцы...¹ Если мы припомним развитие ереси жидовствующих в Нове-городе, новгородское происхождение рукописей распространенной редакции Палеи, отличающейся особой полнотой библейских апокрифических рассказов, перевод Псалтыри и части книги Есфирь с еврейского и т.п., – то вторжение талмудического апокрифического мотива в былинку, быть может, найдет себе объяснение. Отметим, что другой иудейский апокриф – о Давиде и Вирсавии – нашел себе место в былинке о Добрыне, на которой также заметны следы новгородской обработки.

Что касается времени основного извода былин о Чуриле, насколько он сохранился в дошедших до нас пересказах, то, если мы устраним упоминание Киева и Владимира, мы не найдем в содержании ни одной черты киевского периода нашей истории. О позднем времени сложения былины (XV в.) свидетельствуют многие и существенные ее черты. Тип Чурилы – богача-красавца, опасного для мужей, не исключая и князя Владимира, – продукт культуры богатого города, в котором развитие промышленности и торговли отразилось на нравах его обитателей – в пышности бытовой обстановки, разнузданности и насильничаньи молодых людей и распущен-

---

¹ Южнорусские былины, III – XI, стр. 98.

ности женщин. Припомним, с какими подробностями былина описывает роскошную усадьбу старого Пленка с его булатным тыном, семидесятью теремами, стекольчатыми, решетчатыми воротами, муравлеными печами, серебряными полами и проч. Не менее роскошна обстановка «каменных палат» старого Пермьты, и особенно много внимания обращено на описание костюма чуриловских молодцев и его самого. Это внешнее изящество жизни прикрывает глубокую нравственную распущенность. Князь из-за полученных дорогих подарков отказывается выслушивать челобитья на Чурилу, княгиня готова броситься ему на шею и уговаривает мужа определить Чурилу к ней в постельники; Катерина Никулична, в то время как благочестивый муж стоит у заутрени в праздник Благовещенья, зазывает к себе из окна городского Дон-Жуана, распутничает с ним и из-за жадности, из нежеланья дать подарок девушке-чернавушке за ее молчание погибает, несмотря на всю свою находчивость и лживость. Чурило «сухоногое» (как его презрительно называют мужчины) не обладает ни малейшей отвагой: хотя он насильничает с дружиной над княжими ловцами или над посадскими и огородниками – там, где численный перевес на его стороне и где он может рассчитывать на безнаказанность, – он при приближении обманутого мужа трусливо залезает в кованы ларцы и позволяет снести себе голову без всякой попытки к сопротивлению.

Для хронологической, конечно, приблизительной даты былины о приезде Чурилы в Киев могла бы, пожалуй, послужить одна подробность, занесенная в пересказ двух хороших сказителей, паромского старика и Воинова. Когда Владимир в палатах Пленка увидел из окна дружину Чуриловоу, он говорит:

Охти мне, уже куда-де буде мне!
Али же тут едет уже царь с ордой,
Али тута едет король с Литвой?..¹

Это опасенье князя может относиться к тому времени, когда главными, наиболее опасными врагами Руси были татарский хан (царь) и литовский король, что относит нас к XV веку, к периоду, предшествовавшему покорению Новгорода и его разгрому Москвой (1478) и свержению татарского ига (1480). Последний период политической независимости Новгорода, ознаменованный постоянными смутами, раздорами вечевых партий, утратой прежних гражданских доблестей, развитием роскоши среди богатого боярства и купечества представлял удобную почву для насильничанья богатых боярских сынков. Даже скудная словами новгородская летопись вносит в свой сухой деловой рассказ горькую жалобу на падение нравственных начал в родном городе: «Поднялись ябедники, стали давать ложную присягу; начались грабежи по селам, волостям и городу (под 1440 г.), и обратились мы в поругание соседям нашим; по волостям нашим происходили частые поборы и великие наезды; везде слышались крик и рыдания, вопль, проклятие на наших старейшин и наш град за то, что не было у нас милости и суда правого»².

Действительно, сильно притуплено должно было быть понятие о праве и законности у того слагателя былины, который, описав неистовство Чуриловой дружины, с большим интересом останавливается на изображении пышности, красоты и богатства своего героя, отмечает его «догадливость», когда он пошел в погреба за подарками для князя, и находит совершенно

---

¹ Рыбников, III, 24, стр. 124, срав. Гильферд., № 229, столб. 1102 (Воинова).

² См. Иловайский – Ист. России, т. II, стр. 329.

естественным и заурядным, что князь, получив дары, не дает на Чурилу суда, а, напротив, заявляет, что ему подобает жить при княжеском дворе в Киеве. Быть может, я ошибаюсь, но, на мой взгляд, в обеих былинах о Чуриле отражаются легкие понятия о нравственности каких-нибудь скоморохов, которые любили обрабатывать пикантные сюжеты, не стесняясь нравственными требованиями, лишь бы позабавить публику. Любовная история Чурилы напоминает другую, уже несомненно скоморошью былинку, притом *новгородского* происхождения, о госте Терентище, в которой также обманутый муж проучивает распутную жену, хотя не так жестоко, как благочестивый Пермьята.

В пользу новгородского происхождения былин о Чуриле, помимо вышеприведенных соображений, которых доказательность я вовсе не желаю преувеличить, нельзя не отметить и того факта, что Чурило известен только в Олонецкой губернии и Сибири (былина К. Данилова и Гуляева).

Из 31 былины только один небольшой отрывок¹ (в 30 стихов) был случайно записан в Нижегородской губернии. Можно думать поэтому, что, кроме Сибири, куда население шло из Северной России, былины о Чуриле не вышли далеко за пределы прежних земель новгородских, за область культурного влияния Великого Новгорода.

К былине о Соловье Будимировиче²

Благодаря целому ряду исследований по русскому эпосу литературная история некоторых былин уясни-

---

¹ См. Киреев, IV, стр. 86.

² Напечат. в «Журнале Министерства народного просвещения», 1895 г., № 11.

лась в значительной степени. Если первоначальные их основы в большинстве случаев еще сокрыты от нас под позднейшими слоями, то по крайней мере позднейшие переработки, более доступные исследованию, нередко могут быть приурочены к определенному времени – к периоду от XV–XVII веков – и определенному району России. Роль Северного края в сложении, переработках, хранении и распространении былин выступает все ярче и ярче, и широкое участие скоморохов во всех названных действиях представляется все более и более вероятным. Не имея в виду всестороннего и детального разбора былины о Соловье Будимировиче, над которой уже немало поработали наши исследователи – В. И. Буслаев, О. В. Миллер, А. Н. Веселовский, М. Г. Халанский, – я в нижеследующем сделаю о ней лишь некоторые заметки, поводом к которым послужили посвященные ей страницы в новейшем труде проф. Халанского: «Южнославянские сказания о кралевице Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса»¹.

Обратим внимание прежде всего на форму былины.

Из десяти известных нам записей ее четыре начинаются запевом или так называемой прибауткой (прибалуткой, по олонецкому говору), не имеющей отношения к содержанию былины. Так, сказитель Прохоров, певший былину о Соловье Будимировиче Рыбникову и затем Гильфердингу, предпослал ей следующие стихи, начинающиеся широким географическим размахом и заканчивающиеся плоской шуткой:

А мхи были болота в поморской сторонѣ,
А гольняя щелья в Бели-озери,
А тая эта зябель в подсиверной странѣ,

---

¹ II, стр. 327–336.

А с...ы сарафаны по Моши по реки,
Да рострубисты становицы в Каргополи,
Да тут темный лесы что смоленские,
А широки врата да чигаринские...¹

И затем уже, после прибаутки, следует зачин:

Из-под дуба, дуба сыраго,
Из-под того под камешка спод яфонта,
А выходила, выбегала там Волга мать река *и проч.*

Ввиду того, что сказитель Прохоров, знавший 10 больших былин, прикрепил эту прибаутку только к былине о Соловье Будимировиче, следует думать, что он наследовал от своего учителя прибаутку в этом именно прикреплении, а не прикрепил ее сам по своему произволу.

Проверкой этому предположению служит другая запись той же былины, сделанная Рыбниковым и Гильфердингом со слов сказителя Потапа Антонова² (у Рыбникова он назван Потапом Трофимовым Потахиным). В ней находим ту же прибаутку с некоторыми изменениями:

Мхи и болота к Белуозеру,
Широки раздолья ко Опскову,
Щелья-каменя по сиверну страну,
Высоки горы Сорочинския³.

Сказывая былину Гильфердингу, тот же Антонов перенес прибаутку к концу ее в таком виде⁴:

---

¹ Гильфердинг, № 53 = Рыбников, I, 54.

² Гильфердинг, № 68 = Рыбников, III, 32.

³ Рыбников, III, 32.

⁴ Гильфердинг, № 68, столб. 371.

Мхи да болота в Поморской стороны,
Щелья-каменя Подсеверной страны;
Претолстыи горы высокии,
Превысоки леса все дремучии.
А рострубисты сарафаны по Моши по реки.
Здуниий Дунай про то дело не знай.

Просмотрев репертуар Антонова, мы убеждаемся, что прибаутка прикреплена им только к былине о Соловье Будимировиче, а биографические сведения, сообщенные о нем Гильфердингом, объясняют, что он наследовал свой репертуар от своего деда (умершего 97 лет), который в свою очередь перенял былины от профессионального певца – калики Мины Ефимова. Таким образом, мы имеем право предположить, что в исполнении профессионального певца былине о Соловье предпосылалась прибаутка скоморошьего характера, и это предположение снова подтверждается двумя дальнейшими вариантами у Рыбникова (II, 31; III, 33), представляющими ту же видоизмененную прибаутку перед *зачином* былины. Наконец, в записи, приписываемой Кирше Данилову (№ 1), находим также прибаутку, но поэтически-возвышенного характера и без юмористического исхода. Это знаменитое в нашем эпосе четырехстишие:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океан-море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днепровские¹.

---

¹ Однако русский человек, неспособный выдержать слишком возвышенного тона, и здесь не удержался. Нашелся шутник, который спародировал эти стихи так:

Высота ли, высота потолочная,
Глубота, глубота подпольная,
А и широко разделье – перед печью шесток,

Таким образом, из десяти известных нам записей былины о Соловье Будимировиче половина, и притом лучшая по качеству, предпосылает ей прибаутку. Она отсутствует в трех вариантах Гильфердинга, записанных либо от плохих сказителей (Гришина, № 36), либо от таких, которые когда-то хорошо знали былины, но затем позабыли (Захарова, Суханова, № 199, 208). Нет ее в плохом и сильно скомканном варианте Анфима Савинова (у Рыбникова, IV. № 11), и только один, не имеющий прибаутки, вариант у Рыбникова (I, 53) может быть причислен к хорошим.

Возможным выводом из этих наблюдений представляется следующий: былина о Соловье Будимировиче была снабжена скоморошьей прелюдией и вместе с нею от профессиональных певцов-скоморохов перешла к олонецким крестьянам.

Современные записи былины указывают на ее принадлежность северному былинному репертуару. Соловей Будимирович, как приезжий в Киев жених, неизвестен нигде в России помимо Олонецкой губернии и был известен в Западной Сибири в прошлом столетии (во времена Кирши Данилова). Если из современного района известности этого сюжета еще нельзя делать бесспорных заключений о северном происхождении былины, то все же это обстоятельство имеет некоторый вес при других доказательствах северной родины этого произведения, если таковые найдутся. Для последней цели обратим внимание на некоторые бытовые черты былины и прежде всего на бросающееся в глаза

Чистое поле – по подлавечью,
А и сине море – в лохани вода.

Таково начало находившейся в рукописи Кирши Данилова, но не печатанной Калайдовичем, неприличной песни «Агафонушка». – См. 3-е издание Кирши Данилова, стр. XIX, примеч. 17.

ее сходство с новгородской былиной о Садке в некоторых подробностях.

Соловей Будимирович представляется богатым мореходом, собственником кораблей, нагруженных дорогими товарами. У него, как у Садка, 30 кораблей, из которых тот, на котором он едет сам, чудно разукрашен.

Единый кораблик передом бежит,
Передом бежит, как сокол летит;
Высоко его головка призаздынута.
Нос корма была по-звериному,
А бока сведены по-туриному,
Того ли тура заморского,
Заморского тура, литовского;
На том на черленом на корабле
Были паруса-флаги крупчатой камки,
Снасти и кодолы были шелковые,
Того ли были шелку шемаханского;
Якори-то были булатные,
Булат-железа сибирского,
Сибирского железа, поморского.
На том ли черленом на корабле
Среди корабля стоит зелен чердак,
Зелен чердак муравленный;
В том ли зеленом во чердаке
Потолок обит черным бархатом,
Стены покрыты черным соболем;
Изнавешен зелен чердак
Куницами и лисицами
Печерскими и сибирскими,
Ушистыми и пушистыми¹.

То же описание корабля, с большими или меньшими вариациями в подробностях, находим, как известно,

¹ Рыбников, I, № 53, стр. 318–319.

в былинах о Садке¹. причем и корабль самого Садка иногда называется Соколом, как в пересказе у Кириши Данилова корабль Соловья Будимировича.

Нельзя думать, чтобы фантастически разукрашенный корабль Соловья был скопирован с корабля Садка или наоборот. Корабль с известными признаками, по-видимому, общее место (*locis communis*), старинная эпическая картинка, которая вставлялась в былины всякий раз, когда дело шло о богатырском корабле. На таком же вычурном корабле, как у Соловья и Садка, едет Илья Муромец в известной былине². Но эта эпическая картина была создана и пошла в ход в таких местах России, где процветало судоходство, где населению были хорошо знакомы не только лодки, но и большие суда сложной конструкции. Покойный А. А. Котляревский видел в этом эпическом описании идеализированные черты скандинавских кораблей, как они изображаются в сагах. Допуская возможность влияния какого-нибудь западного образца, все же нужно думать, что он дал только канву, по которой был вышит рисунок в русском вкусе: на украшение корабля пошли пушные богатства севернорусского края – черные соболи, печерские лисицы и куницы и хорошо известные на Руси ткани из шелков шемахинских и хрущатой камки. Подробности оснастки корабля – мачты, паруса, кодолы, реи, сходни и проч. – указывают на знакомство слагателей эпического описания с судоходным делом, а такое знакомство может указывать на предприимчивых новгородских судохозяев и ушкуйников.

---

¹ См., например, Гильфердинг, № 146, Рыбников, III, № 42, I, № 61 и 63.

² См. былины старой и новой записи, II, № 16, 17 и приложение, стр. 276. Сходное описание корабля см. в *свадебной* песне Архангельской губернии в сборнике Ф. М. Истомина. «Песни русского народа», СПб., 1894, стр. 131–132. Сравните также песню в «Материалах по этнографии русского населения Архангельской губернии», собранных П. С. Ефименком. Часть II, стр. 112.

Отметим другие черты специального знакомства с судоходным делом в былине.

Говорил тут Соловей таково слово:
«Что вы, братцы дружинушки хоробры,
А хоробрыя дружинья Соловьёвыи!
Да слушайте-тко большего атамана-то вы,
Да делайте дело повелёное:
А взимайте-ко шестики мерныи вы,
А миряйте-ко лудья морски-то эти,
А чтобы нам молодцам туда проехати»¹.

Это щупанье луд, то есть мест, усеянных подводными камнями, очевидно бытовая черта северного мореходства, опять оказывается в новгородской былине о Садке, который почти с теми же словами обращается к своей дружине:

Ай же, дружки-братья корабельщики!
Берите-ко щупы железныя,
Щупайте в синем море:
Нет ли луды или камня,
Нет ли отмели песочныя?²

В одном пересказе былины о Соловье Будимировиче³ щупанье дна щупалами железными делается между прочим для искания мелкого скатного жемчуга. Может быть, в основе этой картины лежит что-нибудь реальное: известно, что в России перловка жемчугоносная водится в реках губерний Архангельской, Олонецкой, Новгородской и других и что ловля этих раковин снаб-

---

¹ Гильфердинг, № 53, Рыбников, I, 54.

² Рыбников, III, № 41, стр. 242.

³ Рыбников, II, 31.

жала и до сих пор снабжает мелким жемчугом уборы севернорусских женщин, купчих, мещанок и зажиточных крестьянок!.. Старинные кокошники новгородских, олонекских и архангельских женщин густо усаживались этим местным жемчугом.

Продолжая сравнение былин о Соловье и Садке, находим сходство в частностях плана и в личности героя. И здесь и там отношение героя – торгового гостя – к спутникам одинаковое, выражающееся в различных его приказах дружинишке: обыкновенно оба обращаются к ней со словами: «Слушайте большого брата атамана», и значительная часть былины занята приказами и исполнением их. Соловей Будимирович приказывает: подымать паруса, щупать луды, смотреть в трубки подзорные, кидать якоря, спускать сходни, строить терема в саду у Запавы, и каждый раз дружинишка хоробрая слушает большого атамана и делает дело повеленое. Садко велит дружинишке скупать все товары в Новгороде, строить корабли и нагружать их товарами, вырезывать и метать в море жеребья, – и все это немедленно приводится в исполнение дружиной. Аналогии постройки обеих былин соответствует и сходство в личности обоих героев: Садко – богатый купец, собственник кораблей с дорогими товарами и вместе с тем искусный гуслиар; Соловей Будимирович сходен с ним и в том и в другом. Хотя он называется гостем торговым только в былине Кирши Данилова, хотя цель его приезда в Киев не торговая, но его корабли наполнены товарами; он строит (по двум былинам)¹ при теремах и *гостиный двор*, платит товарную пошлину в таможе со всех кораблей 7 тысяч², и в той же были-

---

¹ Рыбников, II, 31, стр. 190; Гильфердинг, № 199, столб. 953.

² Кирша Данилов, № 1.

не Кирши Данилова по отъезде Соловья Давид Попов заявляет князю:

Я де об нем слышал,
Да и сам подлинно видал в город Леденце,
У того царя заморского;
Соловей у царя в протаможье попал,
И за то посажен в тюрьму,
А корабли его отобраны
На его ж царское величество.

Таким образом, приезжий богатый жених, подносящий киевскому князю, княгине и Запаве драгоценные подарки со своих кораблей: черных соболей, бурнастых лисиц, хрущатую камку с хитрым заморским узором, мисы золота, серебра и жемчуга, благодаря именно этим аксессуарам мог представляться некоторым сказителям торговым гостем. С другой стороны, Соловей является искусным гусяром: сходя по сходне золоченой с корабля, он берет с собой свой инструмент – гуселки яровчатые¹, и когда Завава Путятична, подойдя к построенному им терему, подслушивает, то

В том терему стучит и гремит,
Песни поет и гусли играет
Млад Соловей сын Будимирович:
Струнку ко струнке натягивает,
Тонци по голосу налаживает,
Тонци он ведет от Новагорода,
А другие ведет от Еросолима,
А все малые припивки за синя моря,
За синяго моря Волынскаго,

---

¹ Гильфердинг, № 68, столб. 368. Рыбников, III, 32.

Из-за того Кодольскаго острова,
Из-за того лукоморья зеленаго¹.

Может быть, *тонцы из Новагорода*, упоминаемые в трех пересказах былины, также один из следов ее новгородского происхождения, которое мне представляется вероятным уже по выше рассмотренным ее аналогиям с *новгородской* былиной о Садке, таком же торговом госте и гусляре.

Если таково происхождение былины в той версии, которая дошла до нас в 10 вариантах, то прикрепление Соловья Будимировича к киевскому циклу не может быть выдвигаемо в пользу киевского происхождения былины. Приписывать былине такую глубокую древность только потому, что действие ее совершается в Киеве при князе Владимире, едва ли возможно. Эпическое прикрепление к Киеву не стерло в былине черт ее северного, новгородского происхождения и они обнаруживаются даже в географических подробностях некоторых пересказов. Как в былинах о Садке, упоминающих Неву и Ладожское озеро, под синим морем, в которое выезжают его корабли, должно разуместь море ближайшее к Новгороду – Балтийское, так те же места встречаются в былине о Соловье Будимировиче:

Испод дуба, дуба сыраго,
Испод той березы спод наляпины,
Матушка Нева широко прошла,
Устьем выпадала во сине море во Вирянское.
По синему морю корабли бежат,
Один-то кораблик изукрашен был *и проч.*².

---

¹ Гильфердинг, I, 53; срав. Рыбников, IV, № 11, стр. 59; III, № 33, стр. 196; Гильфердинг, № 68.

² Рыбников, IV, № 11.

В другом пересказе¹ тридцать кораблей бегут по морю Веряйскому, которое, впрочем, тут же названо также Дунайским. Название Вирянское или Веряйское, конечно, позднее искажение имени *Варяжское*. По эпической наивности и по малому знанию географии певец былины не затруднялся путешествием Соловья Будимировича по Варяжскому морю, долженствовавшим привезти его в Киев. Вообще география былины по отдельным пересказам крайне путаная, и едва ли она была осмысленнее в основной редакции. Корабли Соловья прибывают в Киев то по Волге², то по морю Турецкому³, то по морю Волынскому⁴ (искажение Хвалынского), то по какому-то неопределенному синему морю от славного города Леденца⁵, то по морю Дунайскому⁶ (то есть Черному). Только в двух, и по странной случайности самых плохих пересказах, у Гильфердинга⁷ упоминается Непра, хотя все же нет ясных представлений о пределах плавания Соловья, то есть откуда он выезжает и каким путем попадает в Киев. Видно, что слагатель, прикрепивши место действия былины к Киеву, имел смутное понятие и о течении Днепра. Что, например, можно извлечь из следующих географических указаний одного из обоих пересказов, упоминающих Непру?

Ай из-за то́го острова Кадойлова,
Ай из-под то́го вязу с-под черленаго,

---

¹ Гильфердинг, № 208.

² Гильфердинг, № 53; Рыбников, I, 54.

³ Рыбников, II, 31.

⁴ Рыбников, I, 53.

⁵ Кирша Данилов, № 1.

⁶ Гильфердинг, № 68; Рыбников, III, 33.

⁷ Гильфердинг, № 36 и 199.

Ай из-под то́го камешка с-под белаго,
Из-под то́го кустышка ракитоваго,
А пала выпадала мать Непра река,
А устьем выпадала в море Черное,
В Черное море во Турецкое.
А по этой матери Непре по реки
Вылетал, выезжал млад хупав молодец (откуда?),
Молод Соловей сын Будимирович.
Поезжал Соловей ведь он свататься
А за славное он за синё море,
Да ко славному городу ко Киеву,
А ко ласкову князю ко Владимиру *и проч.*¹.

Здесь Соловей, выезжая неизвестно откуда по Днепру в Черное море, попадает, не поворачивая назад, в Киев в полном противоречии с географией. Такого противоречия нет в былине Кирши Данилова, где корабль Соловья Будимировича пристаёт в Днепре под Киевом, выехав из загадочного города Леденца.

Вообще попытки объяснить географические показания былины до сих пор не привели ни к чему мало-мальски вероятному. Имя острова Кодольского (или островов Кодольских) находится, по-видимому, в связи с названием *кодолы* – толстые канаты, которое встречается в той же былине: *Кодольские острова*, может быть, такие, где запасались *кодолами*, и мы напрасно станем искать их на карте. Попытка проф. Халанского объяснить город Леденец в связи с сербским и болгарским эпическим Ледяном (Леђан, Леген) градом мне не кажется удовлетворительной. Происхождение и значение эпического имени Ледяна – Легена – Леденца, говорит проф. Халанский, становится совершенно понятным в связи со средневековым германским эпо-

---

¹ Гильфердинг, № 199.

сом: в этом последнем мы находим ключ к простому и понятному объяснению этого названия: Леџан – Леденец есть *Islant*, то есть Ледяной город, а первоначально Ледяной остров или Ледяная земля, страна¹. Таким образом, сербский и русский эпический город представляет результат неточного перевода названия Исландия. Будто бы это так просто и понятно? В пользу своего предположения проф. Халанский цитирует только одно место из Саксона Грамматика, в котором говорится об Исландии: *insula quae Glacialis dicitur*². Но из того, что Саксон Грамматик в своей латыни дал объяснение имени острова, еще нельзя предполагать, вместе с г. Халанским, что «вероятно, оно (то есть *Islant*) переводилось таким образом и в устной средневековой поэзии германской и славянской». Если под средневековой германской поэзией автор имеет в виду песнь о Нибелунгах, в которой (авентюры VI–VIII) в рассказе о женитьбе Гунтера на Брунхильде последняя живет в *Islant'e*, то здесь никакого перевода имени нет, так как оно и без того понятно и географически и этимологически. Таким образом, речь может быть только о славянском переводе имени *Islant*, будто бы проникшего к южным славянам вместе с сюжетом о Гунтере и Брунхильде, отразившимся на песнях типа «Женитьба Душана». Но такой славянский перевод крайне подозрителен по следующим соображениям: 1) для перевода собственного имени страны столько же мотивов, сколько для перевода собственных имен лиц. При обработке иностранного сюжета слагатели народных эпических песен обыкновенно заменяют чуждые имена своими родными, вводя сюжет в свой эпический цикл, либо подгоняют их народной этимологией под

---

¹ Южнославянские сказания о кралевице Марко, II, стр. 317.

² Остров льда (*лат.*).

родные сходные по звукам слова; 2) если бы мы допустили уже сербский перевод имени *Islant*, то ожидали бы найти настоящий перевод, то есть лёдна земля или лёдена земля (ледяная страна), а не странное имя Леђан. Спрашивается, почему страна стала городом, и притом латинским (у Леђану граду латинском), почему, далее, от имени Леђан пошло прилагательное леђанско, прикрепляемое в песнях к какому-то полю (Па он оде низ поље Леђанско¹)? Все это крайне загадочно. Но нужно еще доказать, что сербский Леђан имеет отношение к нашему Леденцу. Ведь имя города Леденца встречается только однажды в нашем эпосе, только в варианте былины о Соловье Будимировиче у Кирши Данилова. В пересказе у Рыбникова (II, № 31) вместо города Леденца находим землю Веденецкую. «Леденец и Веденецкая земля, – справедливо замечает А. Н. Веселовский, – несомненно стоит одно за другое; но в каком из них больше смысла – решить трудно: может быть, Веденецкое вместо Венедцецкое? Сл. в Сказании о киевских богатырях (рукопись Е. Барсова): камки венецкие, и в нашей летописи: “Корлязи, Вендици, Фрягове”. Леденец легко бы объяснить искажением Веденца»². Это подозрение, на наш взгляд, весьма основательное, побуждает нас воздержаться от сближения нашего Леденца с южнославянским Леђан’ом, как бы ни объяснялось имя последнего. Не останавливаясь долее на географических данных былины о Соловье Будимировиче, заметим в заключение, что они не дают никаких доказательств в пользу южнорусского ее происхождения.

До сих пор мы имели дело с теми признаками былины о Соловье Будимировиче, которые указывают

¹ См. Словарь В. С. Караджича, 8, V.

² Южнорусские былины, II, стр. 77.

на ее северное (новгородское) происхождение. Посмотрим теперь, противоречат ли этому предположению результаты исследования ее содержания и изложения. Академик А. Н. Веселовский видит в былине рассказ о брачной поездке, богато разукрашенный символикой наших свадебных песен. Так, Соловей просит отвести ему загон земли «непаханой, неораной» в зеленом саду Запавы, в ея вишенье-орешенье; он хочет вырубить его и построить свой терем. В русских свадебных песнях обычно представление девичества – садом виноградом¹; игра жениха на гусях, игра его с невестой в шахматы – черты символики любви; месяц, солнце, звезды в тереме напоминают такой же параллелизм колядок и т.п. Словом, говорит А. Н. Веселовский, брачный характер сюжета был поводом певцам разработать его общими местами песенной свадебной символики². Усвоив этот взгляд, проф. Халанский развивает его дальше. «Былина о Соловье Будимировиче стоит в самой тесной связи с великорусскими свадебными песнями. В сравнении с символикой последних выясняется как общий смысл былины, так и значение отдельных частных ее»³. В великорусских свадебных песнях жених приезжает из-за моря, сваты являются купцами-корабельщиками, жених – соловьем, залетевшим в сад невесты, или строителем терема⁴; иногда он представляется играющим на гусях, а невеста – слушающей его игру; иногда невеста проигрывает жениху свою волюшку в шахматы; иногда жених увозит суженую на корабле и т.п. Словом,

¹ Там же, I, стр. 67.

² Южнорусские былины, стр. 78.

³ Великорусские былины киевского цикла, стр. 148.

⁴ В свадебной песне из Архангельской губернии, записанной Ф. М. Истоминым, жених, уподобляемый соловью, обещает построить невесте в саду сени новые. См. Песни русского народа, 1894, стр. 97 и след.

по мнению проф. Халанского, «связь былины о Соловье Будимировиче со свадебной народной поэзией так жива и так глубока, что не может, кажется, иметь места мысль о литературном заимствовании ее сюжета»¹. Однако дальнейшие исследования проф. Халанского заставили его значительно ограничить этот взгляд. В своем новейшем труде он указывает на замечательное сходство между былиной и книжной повестью о Василии златовласом, королевиче Чешской земли, причем предпосылает детальному сравнению следующее замечание: «Большое сходство между этими произведениями едва ли, впрочем, зависит от непосредственного влияния первого на вторую; по всей вероятности, оба восходят к какому-то общему прототипу, заключающемуся в обширном материале средневековых рыцарских сказаний». Действительно, сходство и в общем и в некоторых подробностях бросается в глаза².

Отсылая к подробному сравнению, сделанному проф. Халанским, выдвинем лишь главные черты сходства. Королевич Василий Прекрасный, получив отказ в руке дочери французского короля Полиместры, снаряжает корабль, берет с собой великие дары и, переодетый простым матросом, едет во Францию; как Соловей, он (точнее по его приказу гость Василий) просит у короля место построить дворец близ королевских палат; дворец его дивно разукрашен; Василий-королевич прельщает королевну игрою на гуслях, как Соловей Запаву, и побуждает ее прийти к себе во дворец. Следует наказание королевны, отвергшей раньше открытое сватовство Василья, и его отъезд, хлопоты обесчещенной королевны о прощении, вторичный приезд Василья и

---

¹ Названное сочинение, стр. 160.

² Южнославянские сказания о королевиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса, II, стр. 327.

свадьба. Сопоставление обоих произведений приводит проф. Халанского к следующему новому взгляду: «Иностранное происхождение основы великорусской былины о Соловье Будимировиче, при наличии столь сходной с ней Повести о Василии Златовласом, должно быть поставлено вне всякого сомнения. Былина о Соловье Будимировиче есть, следовательно, переделка неизвестного западного сказания о свадебной поездке заморского витязя, быть может, царевича («От того де *царя* ведь *заморского*», вариант Кирши), прельщающего невесту своей музыкой и великолепием обстановки своей жизни¹. Приведенные же раньше самим проф. Халанским параллели свадебных песен к былине «теперь получают иной смысл и значение. Они любопытны, как ценные откровения из области явлений процесса подражательного творчества, который сопровождал усвоение великорусским эпосом входивших в него иностранных сюжетов»².

Новое объяснение проф. Халанского и мне кажется весьма правдоподобным. Действительно, я в своем курсе по русскому народному эпосу (1892–1893 годов) уже проводил ту мысль, что сходство в некоторых деталях обработки между былиной о Соловье Будимировиче и нашими свадебными песнями не устраняет вопроса о происхождении самого сюжета, который в основе может оказаться заимствованным из какой-нибудь сказки. Ведь сходные мотивы в свадебных песнях могут восходить, в конце концов, к тем же странствующим сказкам, в которых дело идет о добывании невест. Слагатели свадебных песен, иногда профессиональные певцы, для приукрашения, идеализирования бытовой стороны, могли вплетать в изображение отношений же-

---

¹ Наз. соч., стр. 334.

² Там же, стр. 335.

ниха и невесты мотивы из сказок. А в последних очень часто какой-нибудь королевич приезжает свататься на пышном корабле, строить, иногда по требованию отца невесты, чудные палаты, которые заинтересовывают и привлекают невесту, или жених является искусным музыкантом, или играет в шахматы, причем невеста является ставкой, и т.п. Можно согласиться со словами проф. Халанского (в первой его книге), что «средства для создания эпического образа (Соловья Будимировича) были все у себя дома, в области символов свадебной песенной поэзии»¹, но эти *домашние* символы, представляющие идеально житейский брак, восходят, отчасти по крайней мере, к сказочным мотивам, носившимся в представлении слагателей свадебных песен, и поэтому все же должен быть поставлен историко-литературный вопрос, не найдется ли такого сказочного сюжета, в котором оказались бы в таком же или сходном сочетании типичные черты содержания былины о Соловье Будимировиче. В настоящее время такая сказка указана проф. Халанским в старинной переделанной с иноземного (польского?) повести о Василии Златовласом, чешском королевиче, и остается лишь точнее уяснить отношение повести к былине. Проф. Халанский покуда считает лишь возможным предположить, что обе восходят к какому-то общему западному прототипу. Действительно, пока не выяснено отношение Повести к ее непосредственному оригиналу, еще не найденному², трудно говорить определительно, легла ли именно она

¹ Великор. былины Киевского цикла, 166.

² До сих пор *Повесть* издана по одному лишь списку XVIII века из бывшего древнехранилища Погодина. См. Предисловие к изданию ее И. Шляпкина, «Памятники древней письменности», СПб., 1882. Разбор ее содержания, но без указания на сходство ее с былиной о Соловье Будимировиче, принадлежит академику А. Н. Веселовскому (Заметки по литературе и народной словесности, I. стр. 62).

в основу нашей былины или только некоторыми чертами своими повлияла на переработку былины, которая могла раньше содержать, при родственности сюжета, другие черты, или, наконец, обе восходят к одному прототипу. Вероятно, впоследствии эти вопросы уяснятся при помощи новых находок в области фольклора, а в ожидании этого я пока могу обратить внимание на некоторые былинные данные, указывающие на известность Повести о Василии Златовласом нашему северному населению, хранившему былины и вносившему в них при их передаче нередко черты из лубочных сказок и рукописных повестей. Так, мне кажется вероятным отношение былинного *прекрасного* царя Василия Окульевича, похитителя Соломоновой жены, к *прекрасному* Василию-королевичу. Припомним, помимо *некоторого* сходства в обстановке обоих рассказов, следующие черты Повести. Василий Златовласый, королевич, когда пришло ему время жениться, «желая сего еже бы ему такову супружницу поняти подобну себе красотой и мудростью и начал спрашивати купеческих людей, которые ездят по многим землям и царством и королевством, где кто знает ему подобную девицу красотой и разумом, и некто от гостей, именем *Василий*, рассказывает ему о дочери французского короля, как о девице его вполне достойной. Сравним с этим начало былины о Василии Окульеве из сборника Ефименка¹. *Прекрасный* царь Василий Окульевич на пиру спрашивает, не знает ли кто из присутствующих для него невесты, его достойной. На его запрос откликается один молодец по прозванию *Василий Пустоволосович* и заявляет, что знает для него невесту (жену Соломона). Не странно ли такое совпадение? И в повести и в былине жених называется *Василием прекрасным*, и здесь и там на вопрос

---

¹ См. Былины стар. и нов. записи, II, № 67.

жениха дают ответ молодцы также Василии. В былине второй Василий называется почему-то *Пустоволосович*. Не реминисценция ли это Василия *Златовласого* с неудачным перенесением искаженного признака (волос) на другого Василия?

Далее в *Повести* идет рассказ о снаряжении корабля, на котором едут за невестой гость Василий и королевич Василий, первый в качестве начальника, второй – переодетый матросом, но в сущности главным распорядителем-инкогнито. В былине то же снаряжение корабля для увоза Соломонида, но едет один Василий Пустоволосович. В *Повести* королевна Полимистра идет заманенная рассказом о диковинках во дворец Василия Златовласого; в былине Василий Пустоволосович заманивает диковинками Соломону на свой корабль.

Конечно, из этих аналогий и совпадений в некоторых именах мы не станем выводить, что в основе былины о Василии Окулевиче лежит *Повесть о Василии Златовласом*. Но нужно думать, что при однородности сюжетов между ними произошло соприкосновение, состоявшее в том, что некоторые сказители былины при сказывании ее припоминали смутно некоторые черты *Повести о Василии Златовласом* и переносили их в былинку. Так, например, в более ранних версиях былины царь-похититель Соломонида мог называться иначе, и его посол не назывался Василием, как в варианте Ефименка¹. Но под влиянием *Повести*, где действуют два Василия, царь и посол одинаково получили (по крайней мере, в пересказе Арханг. губернии) это имя. Вероятно, этим же влиянием объясняется, что и былина о сватовстве князя Владимира (былина о Дунае), представляя по своему началу (пир, вопрос князя о достойной его невесте) некоторое

¹ Посол по другим вариантам называется Ивашка поваренный (Был. ст. и нов. зап., № 66).

сходство с былиной о Василии Окульевиче, притянула к себе в некоторых пересказах имя Василия. Так, в одном варианте у Рыбникова¹ Дунай, отправляемый сватом к королю литовскому, берет с собою *Василия* Казимировича, а последний прихватывает еще *Василия паробка заморского*. Таким образом, и здесь совершенно некстати оказалось *два* Василия, из которых второй – заморский – особенно напоминает гостя Василия *Повести*, который ездил по многим землям и царствам.

Такого рода следы влияния книжных повестей и лубочных сказок на отдельные пересказы былин позволяют надеяться, что при более детальном знакомстве с теми рукописными тетрадками, которые до сих пор ходят по рукам простонародья в северных губерниях (Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Пермской, Томской), мы получим возможность объяснить некоторые детали былинных текстов и составим себе более отчетливое понятие о процессе самого сложения былин, так как нам уже давно стало ясно после наблюдений Гильфердинга, что сказитель былины является *до некоторой степени* каждый раз ее слагателем. Пока же ограничимся только тем выводом, что Повесть о Василии Златовласом, хотя доселе известная по одной рукописи, несомненно ходила (быть может, ходит еще доселе) по рукам сказителей Архангельской и Олонецкой губерний и отразилась на некоторых пересказах былин о сватовстве или увозе невест.

Возвращаясь к былине о Соловье Будимировиче, заметим, что исследование историко-литературной ее стороны не противоречит нашему предположению о ее северном (новгородском) происхождении, а напротив, скорее подтверждает его. Если в основе ее лежит тот же западный прототип, который в более подробной обра-

---

¹ I, № 31.

ботке находим в переводной или переделанной повести о Василии-королевиче Златовласом, то по пути с Запада этот прототип былины, вероятно, не миновал того района Руси, который состоял в ближайших отношениях к Западной Европе. При обработке этого сюжета в былину эпические, исстари установленные мотивы того края, где эта обработка совершилась, должны были наложить на нее свою печать. Такова выработавшаяся, конечно, в новгородской эпике картина чудесного корабля, пригодившаяся слагателю былины, так как в сюжете дело шло о морском путешествии за невестой. Пригодился, хотя бы только для обстановки, и другой эпический образ новгородского творчества. Это облик матери Соловья Будимировича, той матерой вдовы, того типа властной, самостоятельной и уважаемой женщины, который, как я старался показать в другой работе, возник на новгородской почве как эпический отголосок новгородской культуры, не обделившей женщину, по крайней мере верхних классов, правами и влиянием не только в семье, но в обществе и государстве. Вглядимся в фигуру матери Соловья: она наделена теми же чертами, какие характеризуют матерей новгородских героев – Василия Буслаева, Хотена Блудовича¹ и Добрыни Никитича. В одном пересказе (Кирши Данилова) она разделяет с ними даже имя – *Амельфы Тимофеевны*. Сын относится к матери с тою любовью и почтением, как буйный Васька Буслаев или вежливый Добрыня Никитич. Мать сопровождает любимого сына на корабле, она сидит в роскошно устроенной рубке, и дорогой сын

Играл в гусельшки яровчаты,
Спотешал свою родитель-матушку².

¹ См. следующий очерк.

² Гильфердинг, № 36, столб. 173.

По приезде в Киев Соловей строит для матери роскошный особый терем, чтобы его веселая дружина не беспокоила ее. В этом тереме из уважения к матери-вдове шепотком говорит, ибо там

Молится матушка ведь Господу,
Умаливат за сына за любимаго,
За младого сына Гудиминова¹.

В некоторых пересказах мать Соловья не носит имени; в трех² – она называется Ульяной Васильевной или Григорьевной; в одном – сибирском – Амельфой Тимофеевной. Совпадение трех пересказов в имени Ульяны указывает на его прочность, по крайней мере в известном районе (Толвуй, Пудога, Кижи), и нуждается в объяснении, так как имя Ульяна далеко не такое распространенное, как Марья, Авдотья, Анна и друг. В виде догадки могу предположить следующее. Если мы припомним, что в изображении матери Соловья особенно подчеркнуто ее благочестие (она постоянно молится за сына), то, быть может, выбор имени для этой благочестивой матери объясняется известностью в народе имени Ульяны (Ульянии) Муромской, этой идеальной жены и матери, пользовавшейся и при жизни, и по смерти высоким почетом на Руси за подвиги благочестия и беззаветной любви к ближним. Житие Ульянии, как известно, подробно изложено в книжной *Повести* о ней, нередко встречающейся в рукописях. Ходила молва о чудесных исцелениях от ее гроба. Если мы вспомним, что Ульяния скончалась в 1604 году, то получаем приблизительную хронологическую

---

¹ Гильфердинг, столб. 370; ср. столбцы 287, 954, 978; Рыбников, II, стр. 191, III, стр. 192.

² Рыбников, I, 53; II, 31. Гильфердинг, № 36.

дату для внесения ее имени в текст некоторых пересказов: вероятно, популярность Ульянии, возросшая особенно после ее смерти, подсказала сказителям имя для благочестивой и любящей матери Соловья Будимировича. Более ранним ее именем, быть может, было общее эпическое имя Амельфы Тимофеевны, ушедшее в Сибирь в былине, попавшей в XVIII веке в сборник Кирши Данилова.

Вводя в былинку эпическую мать-вдову, слагатель, по крайней мере в дошедшей до нас редакции былины, не сумел дать ей какую-нибудь роль в рассказываемом событии.

Во всех олонецких былинах мать Соловья только молится в своем тереме и не принимает никакого участия в сватовстве сына. Только в одном пересказе¹ упоминается, что

Матушка его поклон ведет
К молодой княгине ко Опраксины,
Подает тую камочку узорчатую.

Другие пересказы не придают матери никакой активной роли, так что является вопрос, для чего вообще она была введена. На этот вопрос, как на многие другие, дошедшие до нас былины не дают возможности ответить положительно. Имеем ли мы здесь пример утраты части содержания или пример непродуманности плана? Сибирская былина (Кирши Данилова) одна умеет мотивировать присутствие матери: она взята, очевидно, чтобы дать сыну совет относительно невесты, и когда она проведала о слишком поспешном обмене перстнями Соловья с Запавой, то властно вступилась и свадьбу *посрочила*:

---

¹ Рыбников, III, стр. 189.

Съезди-де за моря синие,
И когда-де там расторгнешься,
Тогда и на Запаве женишься.

Однако мы не можем быть уверены, что сибирская запись прошлого века сохранила нам былину именно в ее древнейшем и полнейшем виде. Отъезд Соловья за море по желанию матери, уверение князя Владимира коварным Давидом *Поповым* в несчастье, постигшем жениха его племянницы, готовящаяся свадьба Запавы с Давидом Поповым, возвращение Соловья, его переодевание и узнание невестой, насмешка над неудачей Попова («Здравствуй! женимши, да не с кем спать!») – все это так близко совпадает с рассказом о предупрежденном выходе замуж жены отсутствующего Добрыни за Алешу Поповича, что естественно является предположение, не прикрепил ли сибирский сказитель это окончание, пользуясь готовым образцом, просто из желания распространить былину, которая, справедливо, представлялась ему слишком бедной действием.

Резюмируя предложенные выше замечания, мы приходим к следующим заключениям.

Былина о Соловье Будимировиче – одна из новелл новгородской эпики – представляет переработку какого-то сказочного сюжета о свадебной поездке в былину киевского цикла. На личностях героя и его матери отразились черты новгородских эпических типов (Садка, Амельфы), план былины особенно близок к былине о Садке, описание корабля взято из песенного запаса, как передвижная эпическая картинка. Время создания приблизительно XV и XVI века, хотя имя Соловья Будимировича, быть может, старинное эпическое. Наконец, присутствие прелюдии (прибаутки) указывает на «веселых людей», старинных скоморохов,

как на ее исполнителей и, быть может, слагателей, от которых, с падением скоморошества, былина перешла к олонецким сказителям.

К былине о Хотене Блудовиче¹

Былина о Хотене Блудовиче не была до сих пор предметом специального анализа. О ее сюжете и личности Хотена Блудовича, не встречающейся ни в одном другом эпическом сюжете, наши исследователи говорили как бы мимоходом, распространяясь больше о характере рассказанного в былине происшествия, чем о тех вопросах, которые представляются главными при анализе каждого литературного народного произведения, то есть вопросах о времени сложения и районе ее распространения. «История Хотена Блудовича, – говорит П. А. Безсонов, – есть внутренняя история древнего города, накипь разбогатевшей и досужей столичной жизни в ее обыденности, с ее общественными и семейными отношениями, с ее своеобразным щегольством и соблазном, ежедневными радостями и бедами, среди князей и княжичей, бояр и детей боярских, дворян, гостей и всех посадских людей. Лицо Хотена довольно бесцветно: он поднялся богатырем и возведен на поприще богатырской деятельности благодаря только спору матерей, посчитавшихся родами, заслугами отцов, воспитанием детей, средствами их жизни; это начало и зародыш последующего местничества, борьбы сословий, пытавшихся подняться над остальным народом, со своими узкими интересами»². Однако

---

¹ Напечат. в «Журнале Министерства народного просвещения», 1895 г., № 3.

² Песни Киреевского, вып. IV, стр. LV.

этому «зародышу последующего (московского) местничества» г. Безсонов, по-видимому, склонен придать очень солидную древность. Он считает Хотена сыном того воеводы Блуда, который изменил Ярополку в интересах князя Владимира в 980 году. «Летопись под 980 годом говорит, что за услугу Владимир обещал Блуду – “иметь ты хочю во отца место, и многу честь возьмешь от мене”, после чего ниже летописец прибавляет: “Блуд преда князя своего, и приим от него чьти многи”. Сообразно тому, – продолжает г. Безсонов, – и песня передает о сыне Блуда Хотене: “Многие пожитки остались ему от своего родимого батюшки”; и сама вдова его называется “честно-Блудова жена”. Но со смертью временщика пала и слава его: его стали называть “мужище-Блудище”, и знатный род не помешал в сыне его видеть “уродища”, искавшего только, где бы хорошенько пообедать: в этом завязка истории Хотена»¹. Таким образом отчество Блудович и наличие князя Владимира казались проф. Безсонову достаточной гарантией седой древности сложения былины о Хотене. Никаких сомнений в исконной принадлежности Хотена к богатырям Владимирова цикла исследователю не представляется. Такие сомнения не являлись и у других исследователей эпоса в 60-х годах при не подорванном еще критикой понятии о чудесах народной памяти, господствовавшем в среде романтиков народности. Взгляд Безсонова на древность былины или, по крайней мере, ее основы разделял и О. Миллер². Огромный хронологически скачок, от времен Владимира к московскому периоду, сделал проф. Халанский. Он, не колеблясь, относит Хотена Блудовича к числу богаты-

---

¹ Назв. соч., стр. LVII.

² Илья Муромец, стр. 363 и след. «Это повесть времен родовых с позднейшим наслоением варяжско-дружинным» (стр. 369).

рей московского времени: «Былина о Хотене, – говорит он, – переносит нас в среду чванного и спесивого московского боярства, с его вечными пустыми спорами о местничестве». Она принадлежит к числу таких, в которых «Киев и Владимир не более как псевдонимы, так что господствующее мнение о принадлежности их киевскому периоду русской истории не имеет за собою ни малейшего основания»¹.

Ввиду того, что оба взгляда на былинку и ее героя не основаны на более или менее подробном анализе ее содержания и деталей, считаем не лишним предложить некоторые соображения о месте и времени ее происхождения, предпослав им разбор ее содержания.

Личность Хотена не принадлежит к числу популярных в нашем эпосе: он является действующим лицом только в одной былине, и притом, судя по числу и месту записей, не особенно распространенной. Из 16 известных нам записей 14 принадлежат олонецкому былинному репертуару², одна происходит из Онеги³, 1 оказалась в сборнике, приписываемом Кирше Данилову, то есть принадлежала сибирскому репертуару XVIII века⁴. Итак, в настоящее время Хотен известен только некоторым сказителям Олонецкой и Архангельской губерний и был небызвестен сибирским сказителям прошлого столетия. За пределами названных губерний ни одна запись былины о Хотене не попала в печать. Малоизвестность Хотена видна и из того, что его имя обыкновенно не встречается там, где перечисле-

---

¹ Великорусские былины киевского цикла, стр. 144.

² Рыбников, I, 43, 44 (52); II, 22; III, 28; IV, 7, 8; Гильфердинг, № 19, 84, 126, 164, 277, 282, 308.

³ Киреевский, вып. IV, стр. 72 и след.

⁴ Кирша Данилов, № 16; перепечатана в песнях Киреевского, вып. IV, стр. 68 и след.

ляются богатыри при Владимире или в дружине Ильи Муромца на заставе. Исключение в этом отношении представляет лишь одна запись сюжета о гибели богатырей на Сафат-реке. Это известная запись поэта Л. Мея, сделанная им в 1840 году от сибирского казака Ивана Андреева и напечатанная в первый раз в «Сыне Отечества», 1856 г., № XXVII, стр. 96 и след. Запись, перечисляющая в начале «семь удалых русских *витязей* (!)», изобилует до такой степени литературными подправками, что в некоторых местах скорее похожа на *переложение*, чем на простую запись. И вот в ней одной упоминается Годенко Блудович в обществе Василия Казимировича, Василия Буслаевича, Ивана Гостиного сына (о котором, заметим, как о *богатыре* не знает наш эпос), Алеши Поповича, Добрыни и казака Ильи Муромца¹. Не заподозревая точности Л. Мея, можем только предположить, что сказитель в данной былине случайно вставил имя Годена, чтобы пополнить число *семи* богатырей, так же случайно, как имя Ивана Гостиного или Василия Буслаева, никогда не являющегося в дружине Ильи Муромца.

Недостаточность количества записей не искупается и качеством последних. Из 16 пересказов только три² отличаются некоторою полнотою; остальные неудовлетворительны либо по неполноте, либо по явным искажениям, либо по вставкам. Изложим содержание по наиболее полной редакции, держась ближе всего пересказа сказителя Иевлева (Рыбников, IV, № 7).

Былина открывается обычным пиrom у князя Владимира в Киеве. На пиру честна Блудова вдова налила чару меду сладкого, подошла к честной вдове Часовой и, поднося ей чару, посваталась

---

¹ Песни, собр. Киреевским, III, стр. 108.

² Рыбников, IV, № 7 и 8; Гильфердинг, № 308.

На честной девице на Чайной Часовичной
За своего за сына за любимого,
За того Хотенушку за Блудовича.

Выслушав сватанье, Часовая вдова взяла чару, плеснула ее Блудовой в очи и облила ей шубу камчатную. Затем стала позорить ея мужа и сына:

Как твой был мужище-то Блудище:
Блуд блудил по Новугороду;
А сынище-то твой уродище:
Ездит по городу, уродует
Со своим с паробком любимым,
Ищет бобового зернышка,
А где бы-то Хотену обед снарядить.

В других пересказах Часовая вдова говорит, что она рода именитого, княженецкого, а Блудова – роду нищетного, кошельчата¹. Далее Часовая выхваляет за творничество своей дочери и ее защитников девять братьев, которые ездят в чистом поле полякуют:

Полонят они Хотенку во чистом поле,
И привяжут ко стремяни седяльному,
И привезут Хотенку ко мне на лицо:
Захочу – его кладу в повары,
Захочу – кладу его в конюхи,
Захочу – продам на боярский двор.

Огорченная и обесчещенная Блудова идет домой, встречает сына, который спрашивает ее, что с нею, и подробно рассказывает ему об обиде, полученной на пиру от Часовой.

---

¹ Рыбников, IV, № 8; Гильфердинг, № 164.

«Я ей эту насмешку отсмеюсь», – говорит Хотен, берет с собой паробка любимого и едет к терему, где сидит Чайна Часовична. Он ударяет так сильно палицей булатной по терему, что сломал ворота, сбил верхушку, развалил печку, разбил окна. Затем он сам сватается, сопровождая сватанье угрозою, что если Чайна с чести за него не пойдет, он силою возьмет ее за своего паробка. Напугав девицу, Хотен едет в поле, ставит шатер и ложится отдыхать, приказав паробку стоять ко Новгороду, глядеть ко Киеву и, когда подъедут братья Чайны, разбудить его. Однако паробок не разбудил Хотена, поехал один навстречу Часовичам, первых трех конем потоптал, трех других копьем сколол, трех братьев в полон взял и привез к шатру Хотенову. Проснувшись, Хотен попрекнул паробка, что он его не разбудил, и затем поехал с пленниками к Часовой вдове. Увидав подъезжающего Хотена, она насыпала чашу красна золота, другую чиста серебра, третью скатна жемчуга и отнесла к князю Владимиру, чтобы он дал ей воинскую силу (40 тысяч). Увидя подходящую силу, Хотен утратил ее грозными словами и, вместо того, чтобы драться, велел ей перевязаться поясами, вернуться домой и кричать, что их всех забрал в плен Хотен Блудович. Наемная сила последовала его приказу. Тогда Часовая опять бросилась к Владимиру и просила его назвать ее дочь своею родною племянницей и выдать за Хотена. Князь Владимир завел пир и на нем упрекнул Хотена за то, что он смеется над его родной племянницей Чайной Часовичной. Однако Хотен не сдался тотчас: он поставил среди княжеского двора свой костыль (в других пересказах копье) и сказал князю, что тогда только возьмет за себя его племянницу, когда он обсыплет костыль с низу до верху златом и серебром и отпишет ему, Хотену, семь городов. В других пересказах обы-

пает золотом копьё не князь, а вдова Часовая¹. Иногда обсыпания копьё нет, и Хотен, по ходатайству князя, ведёт Чайну в Божью церковь².

Рассмотрим теперь некоторые подробности былины по вариантам.

Имя героя варьируется по пересказам: Хотен, Хотин, Хотенушка³, Хотей⁴, Котенушка⁵, Горден⁶, Котёнко⁷, Фотенчик Збудович⁸, Фадей Игнатьевич⁹, наконец, в одной былине (Рыбников, III, 52) похождение Хотена приписано Дюку Степановичу. Наиболее устойчива форма Хотен, которая, по-видимому, принадлежала основной былине: из нее можно объяснить ласкательные с переменной *Х* на *К*: Хотенушка, Котенушка, Котенко; из ее видоизменения Хотей произошла форма Фадей (с переходом *Х* в *Ф*, как в форме Фотенчик). Имя Горден у Кирши Данилова явилось из желания отметить *гордость* богатыря и, несмотря на старину записи, не внушает доверия.

Имя Хотен, по словам проф. А. И. Соболевского (Живая Старина, 1890, вып. II, стр. 101), довольно распространенное в Древней Руси. Один Хотен упоминается в писцовой книге Шелонской пятины 1584–1585 годов; известны современные русские местные названия деревень *Хотеново* (три в Ярославской и по одной во Владимирской, Костромской, Олонецкой и Тверской

¹ Рыбников, IV, № 8.

² Гильфердинг, № 308.

³ Гильфердинг, № 84 = Рыбников, I, 43.

⁴ Гильфердинг, № 308; Рыбников, IV, № 8.

⁵ Рыбников, III, 28.

⁶ Кирша Данилов, № 16.

⁷ Гильфердинг, № 19, 164.

⁸ Гильфердинг, № 282.

⁹ Гильфердинг, № 277.

губерниях). Происхождение имени от глагола *хотеть* (как Ждан при ждати) подтверждается областным прилагательным *хотен*. Нужно думать, что слагатель былины чувствовал эту связь имени Хотена с глаголом и что оно представлялось ему удачным для характеристики богатыря либо как *желанного*, единственного сына, либо как человека с сильной волей, твердо настаивающего на своем хотенье (срав. вариант Хотей). Отчество *Блудович*, только в трех плохих пересказах замененное отчеством *Збудович*, *Игнатъевич*, говорит в пользу исконности формы *Блудова* вдова и устраняет другие формы: *Збудова*, *Блудна*. Наиболее архаичной формой имени вдовы-соперницы представляется *Часова*; в форме *Чесова́* звук *а* перешел в *е* вследствие сильного ударения на конечном *а*. Едва ли в основной былине вдовы носили имена при отчествах, хотя в одном пересказе (впрочем, плохом) при отчествах поминаются и имена: *Авдотья* *Блудова* и *Маринка* *Часова* (Гильфердинг, № 19). Больше разнообразия в имени дочери вдовы *Часовой*: всего чаще она называется *Чайна* *Часовична*¹; затем встречаются имена: *Офимья*², *Катерина*³, *Устинушка*⁴, *Авдотья*⁵, *Чадиночка*⁶. Думаем, что исконным именем было *Чайна*, то есть *Чаяна* (от глагола *чаять*), имя, представляющее как бы параллель к имени Хотена: как он единственный *желанный* сын, так она единственная *чаянная* дочка, которой родители не могли начаяться, дожидаться. Если это так, то самый выбор имен сына и дочери интересен: это имена с известной

¹ Рыбников, IV, № 7, 8; II, 22; Гильфердинг, № 164 и 19.

² Рыбников, I, 44; III, 28.

³ Киреевский, IV, 72.

⁴ Гильфердинг, № 126.

⁵ Кирша Данилов, № 16.

⁶ Гильфердинг, № 308.

мыслью, так сказать, тенденциозные, вроде Стародумов, Правдиных, Честонов, Милонов сцены XVIII века. В таком случае, пожалуй, и отчество Блудович дано Хотену как кличка по шерсти: вспомним, как, по словам Часовой, он «уродует» по городу. Впрочем, имя Блуд, как личное, хорошо засвидетельствовано, помимо Блуда Ярополкова воеводы, которого, конечно, нет надобности привлекать, как отца Хотена. Отметим, например, ввиду дальнейших соображений, что в Новгороде существовала улица *Блудова*¹.

В изложенном выше пересказе не Хотен, а его паробок является виновником смерти сыновей Часовой вдовы. Но в значительном числе вариантов он сам убивает шестерых Часовичей и трех берет в плен². После такой кровавой расправы с Часовичами Хотену, по взгляду некоторых сказителей, неудобно было жениться на их сестре. И вот для соблюдения некоторого нравственного приличия в одном пересказе (из Онеги) была сделана вставка, интересная для нас тем, что она характеризует материал, из которого черпали сказители мотивы, вносимые в былины. Помня сказки о живой и мертвой воде и о ее добывании, сказитель придумал этим способом оживить убитых Часовичей. Когда Часова вдова, лишившись сыновей, покорила, поднесла Хотену золота, скатна жемчуга, ширинку и назвала его зятем любимым, Хотен поворачивал коня в чисто поле, отсек коню голову, выпустил внутренности и залег внутри коня. Прилетели вороны клевать внутренности, Хотен схватил молодого ворона за ногу; старый ворон человеческим голосом стал просить Хотена

¹ Красов Ив., О местоположении древнего Новгорода. 1851. См. «Москвитянин», 1851, декабрь, стр. 465.

² Рыбников, IV, 8; I, 44; II, 22; Гильфердинг, 282, 308; Киреевский, IV, 72 и след.

отпустить вороненка, и Хотен обещал исполнить его просьбу, если он принесет ему живой и мертвой воды. Добыв таким образом воду, Хотен оживил своего коня и шурьяков, после чего сыграл свадьбу¹.

Рассмотрим теперь некоторые бытовые черты, содержащиеся в былине, и поищем в них ответа на вопрос о месте и времени ее сложения.

Былина рассказывает о городском событии, но не государственного, а частного, семейного значения. Начинается скандалом, произведенным за пиром у князя богатой вдовой; скандал ведет к мщению: за мать вступается сын, совершает насилие, убийства, но кое-как дело улаживается при вмешательстве князя. Это – бессменный эпический князь Владимир, и событие совершилось в его стольном городе. Каким же представлен князь Владимир, какую роль заставляет его играть слагатель былины? Точно такую, какую играет князь Владимир в былинах о Чуриле или Дюке. Это не могущественный, но ласковый князь, угощающий своих богатырей и дающий им поручения, а иногда и сажающий их в погреба глубокие. Это князь почти без значения. У него на пиру, перед его глазами поссорились две богатые вдовы: одна плескает в другую вином и позорит ее род. А князь как бы в стороне: о его, казалось бы, необходимом вмешательстве нет и помину. Он не оскорблен скандалом, не вступается за обиженную гостью, и она, обесчещенная, идет домой. За нее вступается сын. Очевидно, в городе князя Владимира полное самоуправство. Как Чурило со своими молодцами насильничает над княжескими людьми, так Хотен, по словам Часовой, ездит по городу *уродует* и, чтобы отомстить за обиду матери, ломает терема Часовой, убивает или берет в плен ее сыновей, требует за них вы-

---

¹ Киреевский, IV, стр. 76 и след.

купа, прогоняет посланных против него княжих людей; наконец, когда князь назвался дядей Чайны, заставляет его обсыпать копье или костыль золотом, – и князь все это терпит, уступая по первому слову и Хотену и Часовой вдове, которая настаивает, чтобы он устроил пир и ходатайствовал за Чайну пред расхорившимся городским насильником. В одном пересказе былины (Гильфердинг, № 19) дело доходит до того, что, когда Часова просит князя Владимира похлопотать перед Котёнком Блудовым, чтобы он взял ее дочь за себя, а не за своего паробка, Котёнок иронически говорит о князе:

Кто же от беды да откупается, –
Стольной князь да накупается,

и былина кончается тем, что

Прирубил он, прирубил да до единой головы
У Маринушки да Часовой вдовы,
Ай спленил-то он девять сынов,
Покорил-то стольняго князя Владимира,
Взял Чайну девицу Часовичну
Замуж за служку за Панютушку.

Очевидно, слагатель былины о Хотене прихватил князя Владимира в свою песню как эпическое имя, пользуясь для былинной обработки нового сюжета общеизвестным зачалом о пире князя Владимира в Киеве. Но этот «псевдоним» покрывает не московские, а новгородские представления о князе, и все событие, рассказанное былиной, носит яркие черты городской жизни Великого Новгорода в периоде, предшествовавшем его политическому падению. Действительно, по разгулу и самоуправству Хотен Блудович живо напо-

минает Ваську Буслаева: он одним с ним маслом мазан. Вдова Часова дает ему тот же аттестат, который получает Васька от новгородских мужиков. Вдова Часова дает ему тот же аттестат, который получает Васька от новгородских мужиков. И аттестат оказывается верен. Как Васька со своими присными Потанюшкой, Васенькой Хроменьким или Фомушкой разгоняет всех мужиков новгородских, так Хотен со своим паробком любимым избивает Часовичей и прогоняет целую рать князя или мужиков-должников вдовы Часовой. Немудрено, что по сходству личностей и, как я предполагаю, новгородскому же происхождению былины о Хотене, и любимым паробком Хотена оказывается какой-то *Панюточка*¹, вероятно, тот же *Потанюшка* в несколько перевернутой форме имени. Заметим тут же, кстати, что название *паробок* было именно в новгородском крае обычным названием для челядинцев². Продолжим дальше параллель между Васькой Буслаевым и Хотеном. У Васьки, не верящего ни в сон ни в чох, есть одна высокосимпатичная черта: он слушается одной матерой вдовы Амельфы Тимофеевны, своей матушки родимой. Хотен также высоко уважает мать: он совершает все свои подвиги, чтобы отомстить за ее обиду. Некоторые пересказы даже кончаются тем, что он приводит к матери Чайну Часовну и говорит:

Свет государынь моя матушка!
Эту насмешку ты ей отсмейся,
И втрое ты, вдвое и впятеро,
Хоть в портомойницы клади, хоть в беломойницы³.

---

¹ Гильфердинг, № 19; Рыбников, I, 44; II, 22.

² Никитский. Очерки экономической жизни Великого Новгорода, стр. 45. Пробок у Хотена упоминается в былинах. Рыбникова, I, 43; III, 28; IV, 7.

³ Гильфердинг, № 282, ср. 308.

Как в былине о Василии Буслаеве действующим лицом, прекращающим своим авторитетным словом кровопролитие, является женщина, мать Василия, так почти главная роль в былине о Хотене принадлежит двум честным вдовам: одна сильна и родом, и богатством, и девятью сыновьями, другая находит защиту у своего единственного удальца-сына. Эти честны вдовы нисколько не похожи на московских затворниц-боярынь, которым и не было бы места на княжьем пиру с богатырями: это женщины самостоятельные, властные и влиятельные. Такие типы, как мать Васьки Буслаева или Часова-вдова, могли быть известны только в Новгороде, где женщины в высшем классе пользовались гораздо большей свободой и в семье, и в обществе, чем в отатарившейся Москве. По одним пересказам, как мы видели, Часова-вдова княжеского рода, даже сестра Владимира: этим объясняется, что она получила от него силу ратную, которую высылает на Хотена. Но иногда сказители объясняют себе иначе, и опять-таки согласно с условиями новгородской жизни, появление ратной силы в распоряжении Часовой. Часовая, как богатая женщина, называемая иногда купец-жена¹, имеет многих должников. Когда понадобились ей люди на Хотена, она

Бросалась в сундуки окованья,
Вымала ведь записи крепкия,
По которым были денежки раздаваны,
Собрала мужиков своих должников:
— А вы мужики, мои должники!
Убейте Хотена во чистом поли, —
Во всех-то вас денежках Господь простит².

---

¹ Рыбников, I, 43 = Гильфердинг, № 84; Рыбников, III, 28.

² Гильфердинг, № 308, ср. № 282.

В другом пересказе говорится, что Часова-вдова

Богатая бабища была упрямая,
Она наняла силы сорок тысячей¹.

Итак, вот какого происхождения сила Часовой: это не «дружина хоробрая» княжеская или земская, а наемники, которых богатому человеку, боярину или купцу, всегда можно было набрать за плату среди новгородской буйной вольницы. Так и Васька Буслаев набирает себе шайку удальцов, выставив чаны зелена вина у себя на дворе.

Таким образом, хотя в былинку о Хотене введен князь Владимир, хотя действие совершается в Киеве, но это эпическое приурочение крайне слабо и неискусно. Чувствуется, что слагатель представлял себе общественные отношения и условия своего города: номинального князя без сильной дружины, богатых боярских или купеческих вдов, гульливых молодцев-повольников, «уродующих» по городу со своими паробками, мужиков, находящихся по долгам в зависимости у богачей и всегда готовых по их зову предоставить свои кулаки в их распоряжение, и т.п. Все это живо напоминает общественный склад Новгорода. Немудрено поэтому встретить в одном из лучших пересказов былины о Хотене такую странную обмолвку. Действие приурочено к Киеву, а, по словам Часовой, отец Хотена жил в Новгороде:

Дойдет ли Чайну Часовичну взять за себя,
За своего Хотенушку за Блудовича!
Как твой был мужище-то Блудище:
Блуд блудил по *Новугороду*².

---

¹ Рыбников, IV, № 8.

² Рыбников, IV, № 7, стр. 37.

И та же обмолвка с очень неудачной подправкой встречается в том же пересказе несколько дальше:

И поехал Хотенка во чисто поле,
Пораздернул бел шатер,
Ложился во шатрик спать,
А паробка поставил ко белу шатру:
«Стой-ко, паробок, ко Новгороду,
Востренько гляди ко городу ко Киеву
Как выедут Часовичи в чисто поле»¹.

Может быть, Новгород сохранен здесь как след более ранней редакции, а поправка внесена киевским приурочением. Есть один пересказ, любопытный тем, что в нем не упоминается пир у князя Владимира, хотя действие совершается в городе Киеве: «честной» пир идет неизвестно у какого лица, и о Владимире нет помину². Может быть, и здесь следы неполного приурочения к киевскому циклу. Во всяком случае, личность князя Владимира настолько второстепенна, что сказитель (Кузьма Романов) мог о ней и забыть. Былина рассказывает, что вдова Часовая наняла силу «подневольную» и послала девятерых сыновей против Хотена.

Силу эту ён в полон забрал,
А наемных всех прирубил-пригубил,
А девять сыновей под меч склонил.

Наконец, в одном пересказе³ событие рассказано без всякого приурочения к Киеву и князю Владимиру: город, где ведется пир, и лицо, которое его задает, не названы.

---

¹ Там же, стр. 40.

² Рыбников, II, 22.

³ Гильфердинг, № 22.

Кроме вышеуказанных бытовых черт в пользу новгородского происхождения былины можно привести еще следующее наблюдение. Уже в «Экскурсах»¹ я обратил внимание на то, что новгородский эпос не знал богатырей, и даже это имя не встречается в новгородских старинах. Подтверждение этому находим и в рассматриваемой былине: ни в одном из ее десяти пересказов сказители не прикрепили к имени Хотена названия *богатырь*. Он называется либо молодым Хотенушкой Блудовичем, либо добрым молодцем, согласно с теми же эпитетами сходного с ним по типу Васьки Буслаева. Киевское приурочение, явившееся механически вместе с обычным пиром Владимира, привело только к тому, что в начале некоторых былин², как *общее место*, упоминаются на пиру «князя-бояры и сильные могучие богатыри»; но в дальнейшем рассказе не называются поименно никакие богатыри Владимира, и слово «богатырь» вообще вовсе не встречается. Нельзя не отметить и отсутствия другого понятия, характеризующего так называемый богатырский эпос, былины киевского цикла. В былине о Хотене не упоминается «дружина хоробрая». Когда вдова Часовая просит у Владимира помощи, она говорит ему:

Ай же ты, солнышко, Владимир стольнокиевский!
Ты пришли-ка даровья драгоценныя,
Дай-ка мне *силушки шесть полков*
Поимать молода Хотена честно-Блудова³.

В других пересказах, где кроме сыновей Часовой действует посторонняя помощь, она называется ли-

---

¹ Стр. 227.

² Гильфердинг, № 126, 164, 282; Рыбников, IV, 7, 8.

³ Рыбников, I, 44, стр. 259.

бо просто *силой*¹, либо это мужики-должники², либо бурлаки³.

Рассмотрев бытовую сторону былины о Хотене, резюмируем выводы, которые представляются нам вероятными относительно района ее происхождения и времени ее сложения.

Сюжет ее представляет мало чудесного и сказочного, так что едва ли можно питать надежду уяснить литературную историю этого сюжета какими-нибудь иноземными сказочными или песенными параллелями. Песня рассказывает о ссоре двух городских фамилий, начавшейся на пиру и кончившейся дракой, убийством и свадьбой. Все это несложное событие рассказано с такими реальными жизненными чертами, хотя кое-где и приукрашенными фантазией, что нам представляется вероятной «историческая» основа былины. Думаем, что нечто близкое к содержанию былины действительно произошло в Новгороде: один из таких городских скандалов, в котором фигурировали представители выдающихся фамилий, почему-либо наделал много шума и в свое время был рассказан песнью.

Материал для песни был дан самим событием, характер же ее определялся вкусами слагателя и городской публики, падкой до скандалов. Слушателям нравился рассказ, как две честные вдовы поругались на пиру, как удалой добрый молодец отомстил за насмешку над отцом и матерью, как он унизил богатую гордую вдову и заставил ее смириться. Пикантность песне придавало то обстоятельство, что слушатели знали, о ком идет речь, и разделяли симпатии слагателя к удалому молодцу. Спрашивается, однако, почему

---

¹ Рыбников, IV, 7, 8.

² Гильфердинг, № 308, 282.

³ Гильфердинг, № 164.

в песне новгородской (как мы предполагаем) оказывается киевское приурочение, которого не находим в былинах о Садке и Василии Буслаевиче. Гипотетическим ответом на это могло бы быть следующее. Нельзя ли предположить, что первый слагатель песни, один из городских поэтов, счел нужным замаскировать лица, предоставив их узнать догадке слушателей. На такой прием как будто намекают имена, похожие на подбранные с целью: Хотен Блудович, Чайна. Впоследствии же, когда песня уже считалась старою, когда городское событие, лежавшее в ее основе, было давно забыто, какой-нибудь из сказителей ввел Хотена, как умел, в киевский цикл, прикрепив песню ко Владимиру обычным пиром и разукрасив ее гиперболическими чертами. Но это прикрепление, как мы видели, сделано на живую нитку и могло не проникнуть во все ходившие в народе изводы песни. Предполагаемую переделку старинной песни в былинку Владимиров цикла я склонен приписать скоморохам, которые между прочим заведовали и эпическим репертуаром и по профессии занимались такой работой. Некоторые интересные черты былины, нравившиеся грубоватым вкусам слушателей, могли побудить «веселых людей» внести старинную песню в свой репертуар и наложить на нее свой пошиб. Быть может, по скоморошьей традиции, один из хороших сказителей, певших былинку о Хотене Рыбникову (Сарафанов), окончил ее следующей юмористической присказкой:

И еще на том на почестном пиру
Жена мужу говорит таковы слова:
Все люди сидят, будто свечки горят.
Мой-то муж на покрасу сел,

Бороду закусит, ус разлощит,
Ус разлощит, глаза вытаращит.
Глядит на меня, будто чорт на попа,
А я на него помилее того¹.

Былины об Иване Гостином сыне²

Иван Гостиный принадлежит к *dii minores*³ нашего эпоса. До года издания 3-го выпуска песен П. Киреевского (61 г.) об Иване Гостином известны были только две былины: одна в сборнике Кирши Данилова (№ 4), другая – записанная в фрагментарном состоянии Киреевским в Валдайском уезде Новгородской губернии. Когда вскоре затем Рыбниковым, а за ним Гильфердингом был открыт богатый былинный репертуар Олонецкой губернии, обоим исследователям удалось записать не более пяти вариантов былины об Иване Гостином, и притом от сказителей довольно посредственных. В репертуаре выдающихся знатоков былин – Рябинина, Калинина, Романова, Касьянова, Фепонова, Прохорова, Щеголенка и др. – былины об этом лице не оказались. Это уже одно свидетельствует о том, что похождение Ивана Гостиного не пользовалось широкой популярностью. Действительно, былина о нем почти лишена действия: Иван Гостиный не совершает никаких подвигов; он только счастливый собственник чудесного коня, превосходящего всех коней князя Владимира. Весь интерес былины сосредоточивается на сценарии описания коня, приготовления его к состязанию и выигрыше заклада, даже без скачки. Такая былина могла

¹ Рыбников, III, № 28, стр. 147.

² Напечат. в Журнале Министерства народного просвещения, 1896 г., л. 4.

³ Младшие боги (*лат.*).

представлять интерес главным образом среди любителей и ценителей лошадей. Иван Гостиный – эпический предок богатого российского купечества, увлекающегося лошадиным спортом. Сам по себе он всего менее герой, так как находится в полной зависимости от своего бурушка косматого, который служит ему службу, как многочисленным другим Иванам наших сказок. Почему один из таких сказочных эпизодов, кратких и малосодержательных, получил так называемый *toile érique*¹, был обработан в былинку Владимирова цикла – это вопрос, на который мы едва ли когда-нибудь найдем положительный ответ. Конечно, мы можем предполагать, как академик А. Н. Веселовский, что дошедшая до нас былина о состязании Ивана Гостиного с Владимиром конями только эпизод, отторгнутый от более подробного рассказа о похождениях этого лица, но эти предположения, как увидим ниже, заслуживают более внимания по остроумию и смелости комбинации, чем по доказательности.

Несмотря на существование пяти олонецких записей и одной новой сибирской (С. И. Гуляева), до сих пор вариант Кирши Данилова может считаться более полным и должен быть поставлен на первое место при восстановлении древнейшего вида былины. Припомним его содержание и затем рассмотрим другие записи.

Обычный пир у князя Владимира в Киеве. Князь вызывает желающего состязаться в скачке с его 300 жеребцов и особенно с тремя похвалеными:

Сив жеребец, да кологрив жеребец,
И которой полонен воронко́ в Большой орде,
Полонил Илья Муромец сын Иванович,
Как у мóлода Тугарина Змеевича.

---

¹ Блестящая обработка (*фр.*).

Скакать надо из Киева до Чернигова «промеж обедней и заутренею». Обычное хоронение большего за меньшего нарушается тем, что присутствующий на пиру Иван Гостиной сын принимает княжеский вызов. Повторив полностью слова князя об его жеребцах, он бьется о велик заклад,

– Не о сте рублях, не о тысяче,
О своей буйной голове.

За князя Владимира держат поруки крепкие во 100 тысячах не только князя и бояре, но и гости корабельщики, по-видимому, ближайšie товарищи такого же гостя Ивана; за Ивана поручился один владыка Черниговский, почему-то очутившийся на пиру у князя в Киеве и почему-то заинтересовавшийся таким спортом, неприличествующим высокой духовной особе. По совершении *письменного* акта Иван идет в конюшню, падает своему бурочке-косматочке-троелеточке в право копытечко, плачет, что река течет, и рассказывает коню о своем закладе. Конь человеческим голосом говорит Ивану, что он не боится ни сива жеребца ни кологрива, а в задор войдет – и у воронка уйдет. Затем дает хозяйни такое наставление:

– Только меня води по три зари,
Медвяною сытою пой
И сорочинским пшеном корми.
И пройдут те дни срочные,
И те часы урочные,
Придет от князя грозен посол
По тебя-то Ивана Гостиного,
Чтобы бегати-скакати на добрых конях, –
Не седлай ты меня, Иван, добра коня,

Только берись за шелков поводок,
Поведешь по двору княженецкому,
Вздень на себя шубу соболиную,
Да котора шуба в три тысячи,
Пуговики в пять тысячей.
Поведешь по двору княженецкому,
А стану, де, я, бурка, передом ходить,
Копытами за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
На все стороны побрасывати,
Князи-бояра подивуются.
И ты будешь жив, шубу наживешь,
А не будешь жив – будто нашивал.

Иван сделал все по приказу коня. Его бурушка, выхватывая копытами по соболю из шубы, рывкал притом по-туриному и шипел по-змеиному. Эффект произошел поразительный:

Триста жеребцов испугались,
С княженецкого двора разбежались:
Сив жеребец две ноги изломил,
Кологрив жеребец тот и голову сломил,
Полонен воронко в Золоту орду бежит,
Он хвост подняв, сам всхрапывает;
А князи-то и бояра испужались,
Все тут люди купецкие
Окарач они по двору напоззались;
А Владимир князь с княгинею печален стал,
.....
Кричит сам в окошечко косящатое:
«Гой еси ты, Иван Гостиной сын!
Уведи ты уродья со двора долой:
Просты поруки крепкия, записи все изодранья».

Эти слова понимаем мы так, как О. Миллер, то есть что князь объявляет заклад с обеих сторон упраздненным, то есть делает попытку отказаться от обязательства¹. Но в пользу Ивана принимает меры его поручитель.

Втапоры владыка Черниговский,
У великого князя на почестном пиру,
Велел захватить три корабля на быстром Днепре,
Велел похватить корабли
С теми товары заморскими:
– А князи, де, и бояра никуда от нас не уйдут.

Отметим некоторые черты этой записи прошлого столетия. При перечислении трех похваленных жеребцов князя Владимира упоминается, как лучший воронко, отнятый Ильей Муромцем у Тугарина Змеевича в Большой Орде. Это – любопытное указание на известность слагателю одного из вариантов той старинной былины, которая дошла до нас в записях XVII и XVIII веков и рассказывает о поездке русских богатырей, с Ильей Муромцем во главе, в Царьград, где Илья берет в плен Тугарина и отбирает у него коня. Современному былинному репертуару Олонецкой губернии этот сюжет неизвестен, но на прежнюю известность его указывает нахождение рукописной записи XVII века этой былины в Турчасовской волости Олонецкой губернии². Можно поэтому предположить, что вариант Кирши попал в Сибирь еще в то время, когда былина о походе Илья с Тугарином, именно о полонении Ильей чудного коня, входила в репертуар северных сказителей. Предположение это подтверждается тем, что дру-

¹ *Прост* в значении *порожний, пустой*; срав. рублем *прост* стал, – то есть утрачен рубль. Что ступишь, то рублем прост. См. Толковый словарь Даля, 8 т.

² См. Е. Барсова – Богатырское слово, стр. 5.

гая *сибирская* же запись былины об Иване Гостином сохранила ту же подробность о происхождении третьего коня Владимирова. По этой былине, записанной Гуляевым¹, князь говорит:

Кто из вас, бояры, охоч пиво пить?
Кто из вас охоч пить зелено вино?
Кто из вас охоч пить сладкий мед?
Кто охоч скакать на добром коне,
От Киева скакать до Чернигова
Тридвяносто мерных верст,
С моим-то со первым синегривым жеребцом,
С моим-то со вторым кологривым жеребцом,
С моим-то третьим полоненым воронком,
Который полонен в хороброй Литве
У татарина Тугарина Измеевича?
Полонил воронка Илья Муромец,
Воронком он князя жаловал.

Царьград (Богатырское слово), Большая Орда (Кирша Данилов) и Литва (Гуляев) свободно заменяют друг друга: известно, что наша эпическая география во всех этих местах знает татар.

В отличие от обоих сибирских былин и старинных записей XVII и XVIII веков современные олонецкие былины уже не знают, что лучший конь князя Владимира принадлежал прежде Тугарину Змеевичу. Только одна запись (Гильфердинг, № 307 Швецова), называющая Ивана Гостиного Иваном Годиновичем и посадившая вместо князя Владимира в Киеве князя Ивана Васильевича, запомнила «полоненого воронка Ильи Муромча», хотя уже не знает, у кого он был полонен. Позволяем себе вывести, что рассмотренная подробность обеих сибирских запи-

---

¹ Русские былины старой и новой записи, отд. II, стр. 190 и след.

сей (Кирши Данилова и Гуляева) – черта древняя, принадлежавшая первоначальной редакции былины.

Другая интересная черта варианта Кирши Данилова – роль владыки Черниговского: он один берет на поруки Ивана Гостиного. В других записях¹ былины упоминается письменный договор с рукоприкладством, но не говорится о личных поручителях. Однако, по странному капризу памяти, сказитель именно того одного варианта, в котором Иван назван *Годиновичем* и Владимир заменен Иваном Васильевичем, упомянул подробность о поручительстве, причем, *horribile dictu*², место почтенного владыки Черниговского занимают личности всего менее почтенные:

Написали записи крепкия,
К записям-то руки прикладывали,
По князе-то все поручаются,
По Иване-то никто не поручается,
Поручилося две голи две кабацкия³.

Введя таких поручителей, слагатель должен был их отблагодарить. Получив с князя «золоту казну», Иван

Зашел в конторы питейныя,
Откупил две бочки зелена вина:
«Гой вы есть мои поручители!
Пейте зелено вино безденежно»⁴.

Введение голей кабацких как в эту, так и в другие былины должно быть отнесено на счет работы старин-

---

¹ Рыбников, III, № 34; Гильфердинг, № 135.

² Страшно сказать (*лат.*).

³ Гильфердинг, столбец 1307.

⁴ Там же, столбец 1309.

ных «веселых людей скоморохов», внесших в изобилии кабацкий и гривуазный элемент в наш былевой эпос. А что скоморохи действительно внесли былину об Иване Гостином в свой репертуар, это видно из весьма типического запева, которым открывается былина в варианте, записанном в Новгородской губернии:

Нашему хозяину честь бы была,
Нам бы, ребятам, ведро пива было:
Сам бы испил, да и нам бы поднес.
Мы, малы ребята, станем сказыватьи,
А вы, старички, вы послушайте *и т.д.*¹.

Немудрено, что какой-нибудь скоморох, друг-приятель голей кабацких, выдвинул их на почетное место поручителей за Ивана на княжеском пиру в Киеве. Посадил ли сказитель голей кабацких прямо на место какого-нибудь иного поручителя – трудно сказать. Можно только думать, что в наиболее древнем изводе былины поручители упоминались и что в противоположность другим записям запись Кирши Данилова, а также Гильфердинга, № 307, сохранила черту старины. Отметим, что роль владыки Черниговского не *unicum*² в нашем эпосе: тот же владыка, при сходных обстоятельствах, держит один против всех сторону Алеши Поповича, когда этот богатырь вызывает на бой Тугарина Змеевича в Киеве:

Втапору князи и бояра
Скочили на резвы ноги
И все за Тугарина поруки держат,
Князи кладут по сту рублев,

---

¹ Киреевский, III, стр. 1.

² Единственная (*лат.*).

Бояра по пятидесят, крестьяне по пяти рублев,
Тут же случилися гости купеческие, –
Три корабля свои подписывают
Под Тугарина Змеевича,
Всяки товары заморские,
Которы стоят на быстром Днепре;
А за Алешу подписывал владыка Черниговский¹.

Это место в былине из того же сборника Кирши Данилова может служить комментарием к поступку владыки Черниговского в былине об Иване Гостином. Очевидно, в последней былине недоговорено, что гости-корабельщики «три корабля свои подписывали» под князя Владимира в его закладе с Иваном Гостиным. Эти самые три корабля, когда князь проиграл пари, велит владыка Черниговский захватить на быстром Днепре, не доверяя честности гостей-корабельщиков, причем заявляет, что князья и бояре (поручившиеся не товарами, а деньгами) никуда от нас (то есть владыки и Ивана) не уйдут. Личность владыки Черниговского с его властной ролью в Киеве уже забыта в олонецких записях былины об Иване Гостином, но сохранилась, как черта старины, судя по сборнику Кирши Данилова, в сибирской колонии нашего эпоса.

Для истории позднейшей переделки былины об Иване Гостином, постигшей ее в устах олонецких сказителей в период, последовавший за перенесением ее в Сибирь, имеет значение и присутствие купеческого элемента в варианте Кирши Данилова: на пиру у князя Владимира сидят не только князья-бояре и русские могучие богатыри, но и гости-корабельщики, которых корабли с товарами заморскими стоят на Днепре. Ни в одной из олонецких записей эти гости торговые не упоминаются.

---

¹ Кирша Данилов, № 7 = Киреевский, II, стр. 77.

Спрашивается, внесены ли они сибирским сказителем в XVIII веке или, наоборот, позабыты олонецкими; другими словами, присутствовали ли гости-корабельщики в древнейшем изводе былины. Я склонен думать, что в олонецких вариантах в данном случае произошла утрата старинной черты под влиянием обычного зачина былин киевского «богатырского» эпоса. В огромном большинстве этих былин, где рассказ идет о подвигах того или другого богатыря, находим вылившуюся в установленную форму эпическую картину пира Владимира с князьями-боярами, русскими могучими богатырями или паленицею удалою. В таких былинах с *боевым* содержанием купцам, гостям торговым нет места. Немудрено, что при значительном влиянии стереотипных эпических картинок в нашем устном эпосе в данном случае олонецкие сказители опустили одну характерную подробность былины об Иване, подобно тому, как глухое воспоминание о личном поручителе за Ивана побудило дать эту роль двум голям кабацким. Труднее было бы объяснить мотивы, по которым сибирский сказитель XVIII века вставил в свой пересказ былины гостей-корабельщиков и владыку Черниговского, если бы этих личностей не было в древнейшей редакции. Нельзя не отметить, что и в наличных олонецких записях купецкий элемент еще не выветрился окончательно. Сам герой былины – *Гостиный* сын: коня своего он приобрел не богатырским способом, а куплею, как торговый человек, имеющий дело с иностранными землями. О своем коне он говорит князю:

Есть у меня маленькой бурушко,
Селяточком куплен был *за морем*,
За селяточка дано было пятьсот рублей,
С пошлиной с провозом стал в тысящу¹.

---

¹ Гильфердинг, № 307, столб. 1307.

Таким образом, Иван Гостиный хорошо знаком с купецкими делами, с покупкой за морем, с пошлиной и с провозом. Как богатый гость, он щеголяет дорогим костюмом – шубой соболиной в три тысячи с пуговками в пять тысячей. Мало того, как купец-самодур, щеголяет пренебрежением к драгоценной одежде. Ему хочется произвести эффект богатством:

Стал он коня по двору поваживать,
Стал конь его за шубку похватывать,
По черному соболю подергивать,
Тут все собрались князи-бояра,
Все стоят, все дивуются,
Все говорят таково слово:
– Глупый Иван Гостиный сын!
– Спортит твою шубу добрый конь:
– Этой бы ты шубой подарил князя Владимира,
– Он простил бы тебя во великой вины.
Душка Иван Гостиный сын
Говорит им не с упадкою:
«Глупые вы, князи и бояра!
Жив молодец, – шубу наживу,
А помрет молодец, – шубу держивал»¹.

Здесь, с одной стороны, купецкое щеголянье богатством, с другой – взгляд бояра на Ивана как на купца, который, по обычаю, должен был бы роскошную вещь поднести князю.

Согласно с купецким обычаем, и заклад Ивана с князем носит деловой характер. В большинстве пере-сказов тщательно отмечается, что договор заключается на *письме* с рукоприкладством:

---

¹ Рыбников, III, стр. 199.

Тут скоро написали письма крепкия
И приложили ручки белыя¹.

Имея в виду эти купецкие черты современных оло-
нецких пересказов, думаем, что вариант Кирши Дани-
лова, упоминающий наряду с этими подробностями еще
корабельщиков на пиру Владимира и личного поручите-
ля за Ивана, сохранил черты большей древности.

При обзоре олонецких вариантов былины мы можем
ограничиться лишь такими отдельными подробностями,
которых нет в былине Кирши Данилова, и поставить во-
прос, входили ли они в основной извод.

Так, в фрагментарном варианте, записанном Кире-
евским в Новгородской губернии, изображается скачка
коня Ивана Гостиного, но не в запуски с конями князя
Владимира, а в Киев, хотя неизвестно откуда.

Он бегом побегал по пятидесят верст,
Скоком поскакал по семидесят верст.
В тот ли то город киевский,
В Киевский в Володимирский:
Засипел он по-змеиному,
Заревел он по-звериному:
Вся это вода всколыхалася,
Вси господа испужалися,
Вси по каменным полатам разбежалися...²

В пересказе у Кирши Данилова Иван Гостиный не
скачет на коне ко двору князя, но ведет его «за шелков
поводок». Таким же способом доставляет Иван Гости-
ный коня в вариантах Гильфердинга № 133, 135. Но в
пересказах Гильфердинга № 307, Рыбникова, III, стр.

---

¹ Рыбников, III, 198, ср. Гильфердинг, № 135, 307; Кирша Данилов, № 7.

² Киреевский, III, стр. 4.

199, и Былин старой и новой записи, № 55, Иван *приезжает* к князю на своем коне. Кажется, *приведение* коня архаичнее: оно более удобно для дальнейшей детали, именно той, что ведомый на поводу дикий конь выхватывает ударами копыт по черному соболю из шубы пешего хозяина. Чтобы сохранить эту оригинальную подробность, сказителю Андрею Иванову (или его учителю) пришлось несколько распространить рассказ: конь Ивана выхватывает у него по соболю из шубы, в то время когда хозяин водит его на поводу по своему двору, куда, конечно, понадобилось привести и князей-бояров, так как иначе без таких свидетелей поступок коня был бы бесцелен. Затем, уже на другой день, Иван оседлывает коня и скачет на нем ко двору князя¹. Другой сказитель (или его источник), Швецов, заставляет Ивана, прискакав на княженецкий двор не воротами, а прямо через стену городовую, поставить коня среди двора и «порывать» (то есть попихивать) его шубой соболиною, причем цель попихиванья неясна, так как сказитель не упомянул о выдергивании конем соболей из шубы. Наконец, неизвестный сказитель варианта, записанного Гуляевым в Барнауле, увлекшись, как и раньше названные, готовой эпической картинкой седлания коня и скачки через стену, не сумел сохранить вместе с тем, как Андрей Иванов, картину порчи конем соболиной шубы своего хозяина. Позволяем себе вывести, что эта подробность принадлежала древнейшей редакции былины.

В одном только олонцеком пересказе (Швецова), с Иваном Гоудиновичем, князем Иваном Васильевичем и с голями-поручителями, оказывается у Ивана Гоудиновича матушка родимая, которая по возвращении его с пира ставит ему обычные эпические вопросы:

¹ Рыбников, III, стр. 198 и 199.

Что же ты не весел, не радощен пришол?
Место было тебе не по разуму,
Али чара-то была разве не рядовая,
Княгиня в пиру разве обесчестила тебя?

Иван рассказывает ей о своем закладе, и она дает ему совет пойти в конюшню и пасть коню в ноги¹.

Нетрудно догадаться, что мать внесена сюда по эпической аналогии, вероятнее всего из былин о Добрыне-змееборце, которому мать дает известный совет. Выводить из одного, и притом довольно плохого, варианта, что мать принадлежала основному изводу, нет основания.

Наконец, в одном пересказе (Рыбников, III, № 34, стр. 200) за обычным концом следует еще добавка. Расплатившись с Иваном Гостиным, князь Владимир говорит ему:

– Душка Иван Гостиный сын!
Подарки-тко мне добра коня:
Мне-ка князю не на ком повыехать.
Душка Иван Гостиный сын
Говорить ему не с упадкою:
«Ты Владимир князь стольнокиевский!
Мой конь куплен в Большой Орды,
В Большой Орды из-под матери.
За коня было плочено пятьсот рублев,
А с проводинами стал целу тысящу.
Разве Владимира конем подарить?»
Как дарил Владимира добрым конем,
Владимир князь стольнокиевский
Сказал своим конюхам:
– Подите-тко, мои конюхи,
Возьмите вы коня добраго

---

¹ Гильфердинг, № 307, столб. 1307.

Душки Ивана Гостиного,
Сведите в конюшню белодубову,
Кормите пшеной белояровой
И поите медом сладким.
Скоро прибегают его конюхи,
Творят жалобу великую:
– Конь души Ивана Гостиного
Пшены не ест и меда не пьет,
Скрычал он по-звериному,
И засвистал он по-змеиному,
И прибил он всех жеребчиков.
Владимир князь стольнокиевский
Сказал души Ивану Гостиному:
– Что не надобен мне твой добрый конь,
Мне не надобен, поезжай домой!¹

Относительно этой развязки можно согласиться со мнением акад. Л. Н. Веселовского, что она «несомненно собрана из мотивов, раньше встречавшихся в песне: звериный покрик бурушки перенесен к концу из того эпизода былины, где он впервые является во дворе князя: что он куплен жеребеночком в Большой Орде – не новая черта, а также заимствованная; один из коней, составляющих с бурушкой, “полонен... в Большой Орде”»². Прибавим, что против исконности такой развязки говорит уже то обстоятельство, что она встречается только в одном, и притом довольно плохом, пересказе. В основной редакции, согласно со всеми прочими вариантами, дело кончалось немедленным отъездом Ивана Гостиного из Клева после выигранного заклада.

Просмотрев все записи былины, мы можем повторить убеждение, высказанное уже раньше, что наиболее

---

¹ Рыбников, III, стр. 201.

² Южнорусские былины, III–XI, стр. 42.

близкой к основной редакции оказывается запись XVIII века, вошедшая в сборник Кирши Данилова. Все записи XIX века представляют старинную былинку на разных ступенях последовательного искажения, состоящего частью в утрате некоторых подробностей, частью во введении новых, почерпнутых из готового эпического материала. Поэтому эта запись и особенно те черты ее, которые разделяются другими, может дать наиболее надежный материал для изучения бытовой стороны былинки и заключения о месте и времени ее сложения.

В прежнее время, при господстве представления о чудесности народной памяти, исследователи эпоса могли бы указать в былинке об Иване Гостином целый ряд таких деталей, которые прикрепляют ее к киевскому периоду нашей истории. Не говоря уже о князе Владимире и Киеве, былина помнит город Чернигов, дает цифровое указание его расстояния от Киева, помещает владыку Черниговского за столом у киевского князя и заставляет владыку захватить корабли с товарами на Днепре. Все это как будто точные географические указания, как будто намеки на исторические отношения Киева к Чернигову в XI или XII веке. Можно припомнить обширную торговлю Киева, собиравшую в его пристани корабли с привозными товарами; можно припомнить соперничество черниговского и киевского стола и этим объяснить поступок Черниговского владыки. Но едва мы отрешимся от мысли об обилии киевского наследия в современных былинах и от уверенности в чрезвычайной сохранности нашего устного эпоса, как все эти географические и хронологические устои окажутся весьма шаткими.

Для слагателя древнейшего типа былинки об Иване, дальше которого мы не имеем возможности идти, Чернигов был таким же эпическим городом, как Киев.

Имя Чернигова дошло действительно как эпический отголосок к поздним северным слагателям былин так называемого киевского цикла, но эти слагатели уже ничего не знали об этом городе, отторгнутом от Руси в течение трех столетий (со 2-й половины XIV века до 1054 года). Нередкое упоминание его наряду с Киевом в старинных песнях, указание на его богатство вводило в представление какого-нибудь скомороха-бахаря XVI или XVII века только такие черты: Чернигов – город старый, богатый, лежащий где-то недалеко от Киева. Эти неопределенные черты не стесняли, по незнанию географии и истории, его воображения: он мог говорить о короле черниговском¹, о какой-то черниговской реке или горе, смотря по требованию своего сюжета. Исторический новгородец Ставр приезжает в Киев из стольного града Чернигова, где осталась его жена², и получает этот город в дар от князя Владимира³. Так была приспособлена несомненно старинная новгородская песня к былинам Владимирова цикла. Нет основания думать поэтому, что тот же город в былине об Иване представляет древнее киевское наследие и что слагатель, вводя в действие владыку Черниговского, руководился каким-нибудь историческим воспоминанием о значении именно этого владыки в старинные времена. Однако все же роль владыки Черниговского в этой и других былинах настолько характерна, что нуждается в объяснении. Замечательно, что во всех былинах, где он выводится, он является как бы протестующим против князя или его сторонников. Так, он один ручается за Алешу Поповича против князей и бояр, которые все поручились за любимца княгини Апраксеевны Тугари-

---

¹ Киреевский, III, 111.

² Тихонравов и Миллер, II, № 55, стр. 12.

³ Там же, II, № 58; 30.

на Змеевича¹; он один в пику Владимиру берет на поруки приезжего Дюка Степановича против княжеского любимца Чурилы. Когда Владимир, назвав Дюка «захвасливым», предлагает ему биться с Чурилой о заклад в том, что они три года будут ездить всякий день на сменных конях и в сменных платьях, то

Ударили они о велик заклад.
По тоём было Чуриле по Пленковице
Держали поруку-то двумя градмы:
Первым Киевом, другим Черниговом.
А по тоем было по молодом боярине
По нем не было никаковой порукушки,
Столько держал по нем крепкую поруку-ту
И тот владыка Черниговский,
И тот крестовый его батюшка².

Трудно сказать, в каком былинном сюжете раньше всего явился владыка Черниговский, но присутствие его в трех былинах при сходных обстоятельствах, когда симпатичное слагателю лицо бьется об заклад с несимпатичным (Тугарином, Чурилой, Владимиром), указывает на то, что владыка, протестующий против князя и его сторонников, стал лицом типическим в нашем эпосе. Если мы будем искать исторической основы этого эпического типа, то, на наш взгляд, ее всего скорее можно найти на Севере, в новгородских отношениях. Мы знаем, какое высокое значение имел владыка Новгорода Великого в его государственном строе, призывшем значение князя³. С этой точки зрения будет по-

¹ Киреевский, II, стр. 77.

² Гильфердинг, № 152 (столб. 719), ср. Рыбников, I, 49.

³ Вспомним, что при частой смене князей у новгородцев единственной прочной и обширной властью в государстве была власть владыки. Без его благословения не предпринималось ни одно важное дело. Он уча-

нятна властная и самостоятельная роль Черниговского владыки при княжеском дворе в Киеве.

Вводя эту личность в былинную киевского цикла и потому называя его Черниговским, севернорусский слагатель, не стесняясь историей, хронологией и географией, представлял себе эпического владыку с мощью и авторитетом Новгородского архиепископа, нередко властно выступавшего против князя и своим вмешательством прекращавшего усобицы и народные смуты. Такой владыка мог действительно велеть своим людям захватить корабли в княжьей столице, не справляясь с волею князя, и не хвастливо заявить, что князья и бояре никуда от него не уйдут. Итак, я склонен думать, что былинный тип властного Черниговского владыки не наследие южнорусского периода, а создание севернорусского творчества, воплотившего воспоминания об историческом значении новгородских владык.

Если, исходя из предположения о северном и позднем происхождении былины, мы поищем бытовых следов, его подтверждающих, то можем указать на *купецкий* характер песни. Ее герой – сын богатого купца, щеголяющий драгоценной собольей шубой и дорогим, купленным за морем, конем. Вспомним при этом дороговизну коней в новгородских землях, куда лучшие приходили с запада от иностранцев с уплатой значительной пошлины и стоимости провоза («проводин»)¹. В Киеве, за столом князя, сидят и торговые гости, а корабли их с заморскими товарами стоят в пристани. При дворе устраивается пари и, согласно с обычаем новгородских дельцов, скрепляется записью и рукоприкладством. Ведь ствовал в договорах с русскими князьями и иноземными правительствами. Он своим вмешательством нередко прекращал вооруженные столкновения городских партий и был энергичным защитником новгородских прав против притязаний суздальских и затем московских князей.

¹ Ср. латынские кони щеголя Чурила.

новгородцы всегда славилась как люди «письменные», и новгородские эпические лица, как Садко, Василий Буслаев, – люди грамотные. Помимо внешней обстановки и внутренняя сторона былины как будто говорит в пользу нашего толкования. Это отношение личности героя к обществу, то значительное развитие личного начала, которое вызывалось новгородским государственным строем и культурой. Былина прославляет личное богатство торгового гостя Ивана, как былина о Садке богатом госте; как Садко соперничает с Новгородом богатством, как Василий Буслаев – силою-удалью, так Иван Гостиный бьется об заклад против князя и всех его поручителей, в том числе и людей своего сословия, торговых гостей. Как *новгородский* Микула Селянинович на своей соловой кобылке обгоняет князя и просвещает его насчет цены своей кобылки, так Иван Гостиный посрамил князя Владимира своим «бурушкой косматым», разогнавшим всех княжеских коней, и говорит о его стоимости. Словом, в былине об Иване Гостином мы находим знакомые мотивы несомненных новгородских былин. Быть может, новгородским происхождением былины объясняется и то странное на первый взгляд обстоятельство, что эта песня, принадлежащая к числу наименее популярных даже в современном средоточии устной эпической традиции, была, однако, записана в *Новгородской губернии*, которая, кроме нее, дала еще только одно краткое и испорченное начало былины о Добрыне¹, также исконном новгородском эпическом персонаже.

* * *

Переходим теперь к другому сюжету, прикрепленному в нашем эпосе к имени Ивана Гостиного. Этот

---

¹ Киреевский, II, стр. 1 и 2.

сюжет известен в двух записях – Рыбникова и Гильфердинга, сделанных со слов одного и того же сказителя – Федора Никитина¹, причем сличение обеих записей показывает, что сказитель знал былинку несколько тверже, когда был моложе. Передаем содержание песни по первой записи.

Нравственные свойства Ивана Гостиного указываются в самом начале былинки:

От батюшки было от умного
И от матушки от разумных
Зародилось чадо неразумное,
Испоимени Иванушко Гостиный сын.

Когда умер родимый батюшка, эпическая честна-вдова Офимья Александровна посылает сына торговать за сине море и наказывает:

И станешь торговать ты, чадо милое,
Чадо милое, дитя любимое,
Испоимени Иванушко Гостиный сын,
Отнюдь не ходи ты на царев кабак,
Ты не пей-ка, чадо, зелена вина
И не имей союз со девками к.....и
И со тема со женками со б.....и,
И со тема голями кабацкими.

При вторичном пересказе Никитин опустил ту подробность, что мать посылает сына за сине море, поэтому нет и стиха: «и станешь торговать ты, чадо милое».

Иван поехал торговать разными товарами за море, но, не послушав наставления матери,

---

¹ Рыбников, IV, № 13 = Гильфердинг, № 172, стол. 873.

Пропил, прогулял все отцовское имение,
И все промотал товары заморские,
И отдал в заклад черны корабли.

О закладе кораблей ввиду отсутствия поездки за море второй пересказ, конечно, не упоминает.

Услыхав о поведении сына, Офимья Александровна приезжает за сине море, за те ли города иностранные и добирается до чада своего любимого. Оказывается, что в иностранных городах, согласно эпической наивности, все устроено по-русски: тут и царев кабак, и народ православный, и голи кабацкие. Придя к кабаку, честна вдова испроговорит таково слово:

Ай же вы, народ православный,
Ай же вы, голи кабацкие!
Не видали ли вы моего чада милаго!
Чада милаго и сына любимаго,
По имени Иванушка Гостиного?

Голи кабацкие немедленно указывают, что чадо милое сидит за стойкой во царевом кабаке и кушает зелено вино. Мать входит в кабак, бьет челом сыну со слезами, затем, взяв его за руки белые, ведет на пристань корабельную к синю морю, ко солоному и обращается к купцам заморским:

– Ай же вы, купцы заморяна,
Вы заморяна и Вавилоняна!
Вы купите у меня чада милаго,
Чада милаго, дитя любимаго,
По имени Ивана Гостиного,
И дайте вы за него пятьсот рублей.

Испроговоят купцы заморяна¹:
– Ай же ты, честна вдова, Офимья Александровна!
Ты не вора ли продаешь, не разбойника
И не ночного ли ты подорожника?

После утвердительного ответа, что Иван ее родной сын, последний, проливая слезы, говорит купцам²:

– И не жалейте-тко вы да целой тысящи,
И что было бы моей матушке
И до гробной доски ей да не скитатися.

Затем сын прощается с матерью:

–Ты прощай-ка, прощай, родна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна!
По закону была родна матушка,
А по житью-бытью змея лютая,
Змея лютая, подколодная.
Тут простилася родна матушка
Со своим ли чадом милым.

Сказывая былинку вторично, Никитин покончил ее на этом; но в первом пересказе помнил еще заключительные слова матери, которыми слагатель старался примирить слушателей с ее поступком:

Прокатилася слеза из ясных очей,
Во слезах она словцо промолвила:
«Не дивитесь вы, народ православный,
Что продала я своего чада милаго,
По имени Иванушка Гостиного.

---

¹ Приводим здесь стихи в последовательности 2-го пересказа, но по тексту 1-го.

² По 2-му пересказу.

Не кормитель он был родной матери,
А разоритель был золотой казны,
А за проступок я его и продала».

Таким образом, былина кончается попыткой поддержать авторитет матери «честной вдовы», что согласно с высоким значением этого лица в нашем северном эпосе. Положим, что слагатель с его эпическим мирозерцанием остается как бы в стороне, заставляя говорить попеременно мать и сына в этом трагическом конфликте, но именно то, что за матерью остается *последнее* слово, как бы ослабляет жестокость ее поступка: она оправдывает его беспутством сына – не кормителя матери, а разорителя. Невыдержанностью отличается характер сына по эпической случайности. С одной стороны, он, чувствуя свое беспутство, даже продаваемый матерью в неволю, заботится об ее интересах, просит купцов дать за него тысячу рублей, чтобы обеспечить матушку до гробовой доски; с другой – тут же называет мать змеею лютой. Эту невыдержанность можно объяснить себе тем, что слагатель-сказитель в данном случае некстати припомнил подобное же обращение другого сына к матери, которая действительно была для него змеею лютой. Вспомним, например, тот широко известный песенный сюжет, в котором мать либо оклеветывает сноху и подводит ее под нож сына, либо сама убивает ее (князь Михайло). В одной песне на первую тему молодец, убив жену, идет к матери и говорит:

Что не мать ты мне и не матушка,
А змея же ты подколодная!¹

---

¹ Воронежская беседа, 1861 г. Срав. Киреевский, вып. V, стр. 72 (князь Михайло); там же, прибавление, стр. 35. А. Соболевский – Великолукские народные песни, I, стр. 121, 130, 131. Сестра хочет отравить брата, он узнает об этом и, говоря: «Не сестра ты мне родимая, что змея ты подколодная», – убивает ее. Там же, стр. 193.

Приведенная песня об Иване Гостином интересна по своему бытовому содержанию. Она выставляет широко распространенный у нас и в жизни и в песнях тип беспутного доброго молодца, гибнущего от зелена вина. К тому же типу в эпосе принадлежат Поток Михайлович и Василий пьяница, не говоря уже о голях кабацких, приятелях Ильи Муромца. Идея песни та же, что в Горе-злосчастии, то есть печальная судьба молодца безумного, не слушающего родительского наставления. По совпадению в основной идее все начало песни представляет в пересказе Никитина дословное повторение начала песни о Горе, как показывает сличение:

И как от батюшка было от умного,
И от матушки да от разумной,
Зародилоси чадушко безумноё,
Безумноё чадо, неразумноё,
И унимает тут чадушко родна матушка:
«И не ходи-тко, чадо, на царев кабак,
И не пей-ко-сь, чадо, да зелена вина,
И не имей суюз со голями кабацкими,
И не знайся ты, чадо, со жонками со б.....и,
И что ли со тема со девками со к.....и».
И не послышал тут чадо родной матушки.
И как пошел тут чадушко да на царев кабак,
И стал тут пити кушати да зелена вина,
И стал знаться чадо с голями кабацкими,
И суюз иметь стал с жонками со б.....и,
Ай со тема-ли-то со девками со к.....и.
Ай тут ведь к добру молодцу да Горе привязалоси
и т.д.¹

Различие в судьбе молодца безыменного песни «Горе» и песни об Иване Гостином в том, что там непо-

¹ Гильфердинг, № 177, столб. 886.

слушание родителям доводит сына до монастыря, в котором он укрывается от преследования Горя, здесь – до продажи в неволю на чужую сторону.

Песня представляет законченное целое: мать оправдывает свой поступок перед православными с нравственной стороны, и нет никакого основания предполагать, что в данной песне мы имеем только начало более обширной, изображавшей дальнейшую судьбу сына, проданного в неволю заморским купцам. Вся сила песни лежит в ее трагической развязке, в том нравственном вопросе, который разрешается с такою эпической объективностью диалогом матери и сына и заключительными словами первой. Слагатель ее вовсе не рисовал в своем воображении дальнейшую судьбу сына: печальный тон песни именно зависит от этой неизвестности, от того грустного представления, которое во всем нашем песнотворчестве связано с чужедальной стороной. Говорим это ввиду того, что акад. Веселовский, указывая на некоторые противоречия в песне, предполагает в ней переделку чего-то другого и начало более обширной былины. «Изложение сообщенной нами былины, – говорит он, – представляет несообразности, указывающие, по моему мнению, на забвение цельного песенного предания и на попытку округлить и осмыслить наново удержавшиеся в памяти отрывки... Прежде всего пьянство Ивана, может быть, такой же поздний мотив (?), как и тип пьяницы, упрочившийся за одним из младших богатырей – Васильем. Что мать продает сына-гуляку и в то же время величает его чадом милым, любимым, можно бы объяснить особенною устойчивостью былинного эпитета; но эта устойчивость в сопоставлении противоречий идет, очевидно, через край: “По роду ты моя матушка, по житью-бытью змея лютая”, – говорит Иван, проданный в рабство, а

былина поет о прощанье матери с “любимым” сыном и заставляет его просить купцов дать за него цену вдвое большую против просимой, чтобы его матери можно было прожить безбедно до гробовой доски! *Необходимо* предположить в просьбе Ивана сознание своей собственной ценности; ведь это одно и может побудить купцов дать за него тысячу рублей вместо пятисот; забота о матери, эпитеты “милый”, “любимый”, объяснялись бы сами собою, если бы продажа была понята первоначально не как акт материнского самоуправства. Все это могло быть забыто и спутано и явиться перед нами позднее в новой призрачной цельности, со внесением мотива сына-гуляки, проданного в кабалу¹.

В основе этих соображений уважаемого академика лежит желание реставрировать содержание песни так, чтобы оно более согласовалось с предполагаемым литературным источником. Академик Веселовский сближает наши песни об Иване Гостином со старофранцузским романом об Ираклии (на чем остановимся ниже); а в последнем мать с согласия сына продает его не за его беспутство, а Бога ради, чтобы разделить полученные деньги между бедными. При этом сын сам набивает себе цену, указывая на свои чудесные способности: распознавать женщин, достоинство лошадей и камней. Поэма в дальнейшем занимается подробно судьбою проданного Ираклия. Однако, если б А. Н. Веселовским не руководило представление о старофранцузской поэме, он легко помирился бы с теми противоречиями в тексте нашей песни, которые кажутся ему результатом искажения чего-то более логически разумного.

Предполагается, во-первых, что пьянство героя – поздний мотив. Он неудобен, потому что ничего подобного нет в поэме о благочестивом Ираклии. Поэтому

¹ Южнорусские былины, III–XI, стр. 49 и след.

и продажа сына матерью должна была в прототипе быть мотивирована чем-нибудь другим, как-нибудь вроде того, что рассказывает французская поэма. Такое предположение, конечно, совершенно изменяет нравственный облик Ивана, а между тем тип гулящего добра молодца один из самых любимых нашим песнотворством.

Выше мы указали, что тот же тип живет в народной повести и песне о Горе-злосчастии и что начало последней почти буквально совпадает с песнею об Иване. К чему же, спрашивается, нам видеть в последней «новую призрачную цельность», а не старую, исконную? Академик Веселовский указывает на противоречия, но некоторые сам объясняет устойчивостью былинных эпитетов, а одно действительное противоречие – название сыном своей матери змеею лютою – мы выше объяснили, как неудачный взнос из другой песни с несколько сходной ситуацией. Остается кажущаяся академику Веселовскому странною забота сына о матери, его просьба купцам, чтоб они за него дали ей не пятьсот, а тысячу рублей, чтобы обеспечить ее старость. Но эта именно черта представляется мне глубоко народной: сын, сознавая свою вину пред матерью, для которой был не кормильцем, а разорителем, примиряясь со своею судьбой, хочет исправить причиненное ей разоренье хоть тем, что, жертвуя своею свободой, по крайней мере обеспечивает ее старость. Это сознание своей виновности пред матерью, это равнодушие к своей личной судьбе – черта, свойственная именно нашим русским «добрым молодцам», черта жизненная, увеченная типичными образами наших романистов-бытописателей. Предполагать, что продаваемый пропившийся молодец сознавал свою ценность, вовсе не *необходимо*, как думает академик Веселовский; сын ценится лишь постольку, поскольку вырученная за

него цена может пособить разоренной им матери. Вообще если б песня была переделкой какой-то другой, более пространной, в которой излагались бы, как в старофранцузской поэме, похождения проданного матерью сына, обладающего дивными дарами, то, во-первых, мы не сумели бы объяснить, почему от этой интересной песни упомнилось только начало, и притом с переделкой и типа героя и мотивов его продажи матерью; во-вторых, почему в переделке (а мы знаем, как неумело они совершаются в народном песнотворстве) не сохранилось более ярких следов прототипа.

Исходя из убеждения, что рассматриваемая песня об Иване Гостином не отрывок, а произведение цельное, определим его отношение к нашему былевому эпосу. Собственно говоря, название «былины» может быть приложено к ней только с известными ограничениями, как, например, к песне о Ваньке-ключнике, о Молодце и худой жене, о Горе-злосчастии. Песня не введена ни в киевский, ни в новгородский цикл: в противоположность былинам, в ней прежде всего не указывается даже города, где жил Иван Гостиный. Слагатель воспользовался эпическим материалом лишь для имен: мать молодца вылилась в знакомую эпическую форму матерой вдовы и получила имя Офимьи Александровны, которое иногда носит мать Добрыни¹; добрый молодец, хотя мог бы остаться безыменным, как в песне о Горе, назван Иваном Гостиным весьма удачно, потому что тип гулящих, беспутных сыновей встречается особенно часто в старину (как и теперь) в среде купецких сынков. Кроме имени действующего лица песня ничем не связана с вышерассмотренною былинной о состязании Ивана Гостиного с князем Владимиром в Киеве, и попытка связать оба произведения так, как делает это академик Весе-

---

¹ См. Киреевский – II, стр. 2, 14, 19–21, 40, 57.

ловский, предполагая, что первое есть начало карьеры Ивана, а второе – продолжение, представляется нам неубедительною. С таким же правом могли бы мы связать между собою все четыре былины о Добрыне и предположить, что они представляют фрагменты цельной поэмы, содержавшей его эпическую биографию. Такое соединение песен, лишенных внутренней связи, делается академиком Веселовским для того, чтобы найти в нашем эпосе, хотя бы во фрагментах, тот литературный источник, который напомнили исследователю некоторые черты обеих песен об Иване Гостинном. Далее мы остановимся подробнее на толковании, предложенном А. Н. Веселовским, а теперь ограничимся заключением, что песня об Иване, проданном за пьянство матерью, во-первых, вполне законченное произведение; во-вторых, воспринявшее только некоторые эпические образы и имена, но не введенное в былевой эпос, в-третьих, не имеющее другой связи, кроме имени действующего лица, с *былиной* об Иване Гостинном.

Песня об Иване представляется нам наделенною яркими чертами быта, но сложенною в таких местах, где былинные образы быта хорошо знакомы населению. Властная мать Ивана живо напоминает новгородскую матуру вдову – мать Василия Буслаева, Хотена Блудовича или Добрыни. Вспомним, как покорен матери буйный Васька Буслаев, которого она запирает в погреб или обуздывает в разгаре драки. Представление Ивана купецким сынком, кутилою, закладывающим за морем корабли и пропивающим товары, могло соответствовать новгородской действительности: мы знаем, какова была новгородская молодежь, особенно в богатом классе. Продажа людей в кабалу за долги – факт, слишком известный старинной Руси, чтобы нуждаться в каком-нибудь литературном источнике. Продажа людей за

море иностранным купцам была особенно удобна в таком торговом городе, как Новгород, где постоянно жили иноземные купцы. Новгородская летопись занесла несколько случаев отдачи новгородцами детей иноземным гостям, вызванные, впрочем, крайностью, голодовкою¹. Таким исключительным случаем (иначе песня не имела бы *raison d'être*²) могла быть и продажа сына матерью за беспутство и разорение отцовского наследия. Если при этом купцы называются здесь не только заморянами, но и *вавилонянами*, то опять-таки не нужно предполагать, вместе с А. Н. Веселовским, что эти «вавилоняне» забралась в песню из литературного прототипа³. Слагатель или один из сказителей песни мог простодушно украсить купцов этим эпитетом по воспоминанию о библейских купцах-вавилонянах, которым братья (см. стих об Иосифе) продали Иосифа.

Таким образом, если, как мы старались уяснить, песня об Иване, проданном матерью, не представляет отрывка или начала более обширной песни, если она не противоречит русскому реальному быту или, по крайней мере, эпическому, если фабула ее передается лишь кратко и весь интерес сосредоточен на психической стороне – на чувствованиях сына и матери, то нет достаточного основания предполагать за нею иноземный литературный источник.

Что касается *былины* о состязании Ивана Гостинного с князем Владимиром, то не стану отрицать возможность того, что в ее основе лежит какой-нибудь литературный источник. Но вместе с тем должен сознаться, что гипотетическое указание такого источника, сделанное академиком Веселовским в его статье

¹ Никитский – Очерки экономической жизни Великого Новгорода, стр. 30.

² Смысла существования (*фр.*).

³ Южнорусские былины, III–XI, стр. 66.

«Былины об Иване Гостином сыне и старофранцузский роман об Ираклии», мне в настоящее время кажется неубедительным. Рассмотрим ход его сопоставлений и доказательств.

Изложив по вариантам вышерассмотренную былину, исследователь привлекает в виде комментария к ней некоторые сказки об Иване-царевиче, крестьянском сыне и царском крестнике – именно мотив добывания героем коня из подземелья или куплей шелудивого, но оказавшегося чудным, жеребенка. Упоминается далее и Иван крестьянский сын, рожденный после трехлетнего бесплодия родителей богатырский сидень, ощутивший в себе силу, как Илья Муромец, после того, как выпил ендову пива, поданную ему нищим¹. «Существовал ли в былинной поэзии подобный рассказ о приобретении коня Иваном Гостиным сыном, – продолжает А. Н. Веселовский, – этого мы пока не знаем; зато сохранились два песенных отрывка и небольшой эпизод в былине о другом богатыре, свидетельствующие, что об Иване Гостином сыне пелось некогда что-то более полное и цельное»².

Первый отрывок, приводимый исследователем, – это упомянутая нами выше фрагментарная былина о состязании Ивана Гостиного с Владимиром, записанная в Новгородской губернии. В этом фрагменте акад. Веселовский отмечает помещенные после скомошьего запева странные стихи:

Бег выбегал тут насадничек;
В этом насадничке сын со матерью,
Пью они едя, прохлаждаются,
Промежду собою похваляются.

---

¹ Названное сочинение, стр. 44.

² Там же, стр. 45.

Эта похвальба, как видно из дальнейшего, совершается не между сыном и матерью, а в Киеве на пиру Владимира среди его богатырей. «В этой сборной и, очевидно, испорченной песне одна подробность отзывается чем-то древним, – памятью о какой-то *матери* Ивана Гостиного сына. Действительно: о ней и о ее сыне сохранилась одна интересная былина»¹. Следует текст песни о продаже Ивана Гостиного матерью и указание на ее противоречия, на чем мы уже останавливались. Считая, как мы видели, эту песню началом более подробной песни об Иване Гостином, акад. Веселовский говорит: «Пока мы выяснили себе только следующее: Иван Гостиный сын – сын вдовы, проданный матерью в рабство; позднее (*sic!*) мы встречаем его при дворе Владимира: он обладает чудесным жеребенком, бьется об заклад о свою голову, что перескачет на нем княжеских коней и остается победителем бега»². Далее исследователь сообщает *кстати* (как сам выражается) содержание сказки-былины о другом Иване – удовкине сыне (хотя и не Гостином). Это известная песня о том, как Иван, принимая различные образы, прячется на пари от царя Волшана, обладателя волшанской книги. Помогает Ивану Могуль-птица, и герой женится на царской дочери. Конечно, сказка понадобилась акад. Веселовскому ради некоторых подробностей. Каковы же они?

«Ванька удовкин сын, обладающий чудесным даром оборотничества, является при дворе царя Волшана, как Иван Гостиный сын, также сын вдовы, при дворе Владимира с своим чудесным бурушкой. Имя Волшан, несомненно, в связи с церковнославянским влѣхвъ; его волшанские книги – волшебные. Наричательное “Волшан” сложилось под впечатлением идей волшебства, приве-

¹ Там же, стр. 47.

² Там же, стр. 50. Не совсем точно, так как бега собственно не было.

денных в рассказе; трудно представить себе (почему?), чтобы оно с самого начала стояло как имя собственное; естественнее предположить (почему?), что оно прислонилося к какому-нибудь более древнему, созвучному. Древнерусская поэзия знает вещую, грандиозную книгу царя Волотомана, Волотомона, Вотоломона, Волота и т.д., восходящего, по очень вероятному мнению проф. Ягича, к имени Птоломея. В одном русском сказании о Соломоне Волотомоном назван византийский император; с другой стороны, варианты этого имени приводят нас от Волотомана к Волотомиру, Володимиру – Владимиру. Гостиный сын Иван, объявляющийся при дворе Владимира, мог впервые проявиться в окружении какого-нибудь константинопольского Волотомона–Волшана; первый – стать на место второго, Киев – на место Константинополя, греческая сказка-былина – претвориться в былинку южнорусского цикла. Пока (осторожно добавляет А. Н. Веселовский) это лишь одно теоретическое построение, отчасти лишь поддержанное предположенною нами генеалогией песен о Сауле Леванидовиче»¹.

Итак, вот для каких тонких соображений понадобилось исследователю привлечь сказку-былинку об Иване удовкине сыне. Первый взгляд на нее не обнаруживает в ее содержании ни малейшего сходства с былинкой об Иване Гостином, с которым Иван удовкин сын совпадает только в имени (как со всеми сказочными Иванами) и в том, что он сын вдовы, хотя и не купецкой. В похождениях обоих Иванов нет ничего сходного: один бьется об заклад с Владимиром, что перескачет его коней; другой добывает себе дочь царя Волшана исполнением трудной задачи – оборотничеством. Но если теперь и нет между обеими песнями ничего общего, то следует песню об Иване удовкине сыне только перестроить

---

¹ Названное сочинение, стр. 51–52.

мысленно вместе с акад. Веселовским – предположить, что Волшан сменил князя Владимира, а в былине Владимир сел на место Волотомона константинопольского царя, причем Киев стал на место Константинополя, и мы получим в отдаленной перспективе, как основу обоих русских произведений, греческую сказку-былину, которая могла на русской почве разбиться на песни об Иванах – Гостином и удовкине сыне.

В предполагаемом иноземном прототипе герой является знатоком женщин. Поэтому акад. Веселовский не забывает далее отметить, что Иван Гостиный в одной былине Кирши Данилова, № 4, о женитьбе Владимира указывает князю невесту в Золотой Орде – Афросинью (очевидно, Апраксию) королевичу, дочь Етмануyllа Етмануyловича. «Ввиду последующих параллелей, – прибавляет он, – нам была бы крайне важна черта, сохранившаяся в редакции Кирши Данилова, что именно Иван Гостиный сын указывает Владимиру его сверстницу. Но прозвище “Гостиный сын” здесь едва ли не случайное; существеннее имя Ивана, появление которого в роли знатока невест мы объясним позднее из песен о Дунае-Иване ключнике»¹. Спрашивается, почему прозвище «Гостиный» может быть случайное, а имя Иван более существенно? Потому, следует думать, что в предполагаемом акад. Веселовским прототипе личность, соответствующая Ивану, не купец, а мудрый Иракий. Между тем выбор именно *Гостиного* сына в указатели невесты для Владимира естественно может быть мотивирован тем, что гости торговые знают чужие земли. Ведь в наших былинах не раз, где дело идет об указании иноземной невесты, являются лица, проживавшие в чужих землях².

¹ Там же, стр. 53.

² Дунай, гость Василий в былине о Соломоне.

В заключение обзора содержания песен и некоторых сказок об Иване акад. Веселовский из всего этого разнородного материала строит следующую схему, которой вероятность и последовательность выяснятся лишь в связи со следующими далее сопоставлениями.

1) «Иван (Гостиный сын) родится от старых родителей вследствие их молитвы и обета. Какой-то старик научает его, как ему достать чудесного жеребенка; быть может, Ивану приписаны были и какие-нибудь другие чудесные познания (сказка о доставании коня; былина о удовкине сыне)». Заметим тут же, что оба Ивана, с которыми происходят события, намечаемые схемой, во-первых, не имеют ничего, кроме имени, общего между собой, во-вторых, ничего общего с былинным Иваном Гостиным.

2) «Отец его умирает: его вдова продает сына (былина об Иване Гостином)». Следовало бы прибавить существенную черту – «за распутство».

3) «Иван является при дворе какого-то царя; он обладает вещими знаниями (былина об Иване удовкине сыне), испытывает, взапуски с царскими конями, быстроту своего жеребенка (былина об Иване Гостином сыне)». Здесь опять комбинация похождений двух разных Иванов, которых тожество ничем не доказано.

4) (?) «Он указывает царю на его сверстницу-невесту, оказывающуюся впоследствии неверной женой». Последний пункт схемы сопровождается самим исследователем вопросительным знаком.

Это пока априорное построение, по словам акад. Веселовского, может быть возведено при помощи следующих данных к высокой степени вероятности¹. Какие же это данные?

---

¹ Там же, стр. 54.

Сначала пересказывается содержание новогреческой сказки о мудром старце, в которой предполагается вариант утраченного византийского рассказа о чудесном мальчике. Далее другой вариант рассказа о мудром греке передается извлечением из «*Cento Novelle antiche*». «Как византийская повесть о мудром старце отразилась в староитальянском памятнике, так и византийское же сказание лежит в основе старофранцузской поэмы об Ираклии» (написанной в XII веке Gautier из Арраса), говорит далее¹ акад. Веселовский и излагает содержание некоторых частей последней по параграфам, последовательно отвечающим номерам схемы, установленной им для древних песен об Иване Гостином сыне. Последуем за автором, несколько, ради краткости, сгущая его изложение, без ущерба, впрочем, для предполагаемой им доказательности.

1) В Риме у одного благочестивого сенатора Мириадоса и жены его Казине не было детей в течение семи лет. По усердной их молитве ангел говорит им, при каких условиях они родят сына. Условия исполняются. Родится мальчик (Ираклий), наделенный Богом тремя дарами: распознавать женщин, достоинство лошадей и камней. Некоторые черты этого рассказа, как видно, соответствуют первому параграфу схемы рассказа об Иване, — но не об Иване Гостином, о чудесном рождении которого и чудесных дарах былина ничего не знает.

2) По смерти отца мальчик остался 10 лет. Мать раздает все свое достояние на упокой души мужа, основывает, с согласия сына, больницы, монастыри, наделяет нищих, сирот и проч. Разорившись, она с согласия сына решает его продать и ведет на главный базар города. Подсмеивающемуся над высокою ценой царскому сенешалю мальчик говорит о своих трех дарах, и тот по-

---

¹ Названное сочинение, стр. 58.

купает его для царя. Мать и сын расстаются со слезами. Мать разделяет полученную сумму между бедными, а сама идет в монастырь. Мальчика ведут к царю, который хочет испытать правдивость его заявления. С этой целью он велит снести на базар все драгоценные камни, какие только находились в Риме, а Ираклию приказывает выбрать из них самый дорогой, сколько бы он ни стоил. Мальчик, забрав все эти камни, покупает на торгу камень, случайно найденный на дороге, но наделенный, как оказалось, чудесными свойствами.

Из подробностей этого параграфа только продажа сына матерью оказывается в песне об Иване Гостином. Но мы видели, что мотивы продажи и обстановка – совершенно другие. Об умении героя различать камни, в чем и заключается интерес рассказа об Ираклии, наша былина ничего не знает.

3) Следует испытание Ираклия по лошадиной чести. Мальчик покупает за дорогую цену на базаре жеребенка, который, по его уверению, перегонит трех лучших царских коней, если выдержать его в продолжение года. Император не хочет ждать. Жеребенок оказался таким, как говорит Ираклий, но, выдержав испытание, стал никуда не годен от чрезмерного напряжения.

Некоторые черты романа действительно напоминают былинку об Иване Гостином, но со следующими ограничениями. Былина ничего не знает о происхождении Иванова коня; покупка шелудивого жеребенка приписывается не ему, а Ивану – крестьянскому сыну, Илье Муромцу, и вообще обычная черта в сказках, так сказать *locus communis*, не попавшая однако в рассматриваемую былинку. Затем, в былинке собственно скачки нет, как в романе: конь Ивана Гостиного одним ржанием и страшным видом разгоняет всех коней Владимира и устрашает зрителей.

4) Третье испытание Ираклия – выбор достойной императора невесты. Отвергнув всех съехавшихся по императорскому указу родовитых девушек, Ираклий рекомендует императору дочь бедного сенатора Афинаиду, случайно им встреченную. Император женится на Афинаиде и семь лет живет с ней счастливо. Затем следует пространный рассказ об измене Афинаиды, влюбившейся во время его продолжительного отсутствия в прекрасного Парида. Подробности последнего эпизода романа и сам акад. Веселовский считает лишним приводить, потому что для сравнения с песнями о нашем Иване Гостином сыне этот эпизод предлагает наименее материала. «Только в *одном* пересказе былины (о Дунае) Иван указывает Владимиру на Апраксию, как Ираклий императору на Афинаиду; Афинаида влюбляется в Парида, как Апраксия, например, в Чурилу, которого легко было бы сравнить с любовником французской поэмы. Далее сходства нет»¹...

«Иное дело – три первых отдела повести об Ираклии: сличенные с соответствующими отделами схемы, установленной нами для песен об Иване Гостином сыне, они представляют существенно то же содержание, там и здесь сгруппированное вокруг одного (?) лица. Разница в том, что поэма сохранила отдельные эпизоды в связи, в единстве целого, тогда как в русском песенном предании являются лишь отрывки и намеки, кое-где связанные общим именем героя, но так слабо, что лишь сравнение с византийско-французским рассказом об Ираклии дало нам возможность признать в былине о скачке Ивана и в песне о его продаже матерью эпизоды одного и того же действия».

На это можем заметить следующее: во-первых, мы видели, что Иваны, вокруг которых сгруппированы со-

¹ Названное соч., стр. 65.

бытия построенной А. Н. Веселовским схемы, – разные лица, герои различных по сюжету рассказов; во-вторых, также видели, что Иван Гостиный, продаваемый матерью, не связан ничем, кроме имени, с Иваном Гостиным, состязующимся с князем Владимиром; в-третьих, что Иван Гостиный не обладает никакими чудесными дарами, как Ираклий, и только богатый собственник чудного коня, отличаясь и в этом от Ираклия, который покупает жеребенка для императора, чтоб доказать свое умение различать коней. Вообще в основе романа об Ираклии лежит широко распространенный в сказочной литературе сюжет о (трех) дивных способностях героя, известный и на Востоке и на Западе, но не отразившийся именно в нашей былине. Чтобы доказать его наличие, исследователю приходится подбирать схему по кусочкам из разных сказок о разных Иванах, и все-таки ему, при всем остроумии, удалось подобрать лишь некоторые части разбившегося предполагаемого прототипа, между тем как самая существенная черта сюжета – наличие чудесных даров у сказочного героя – не оставила ярких следов даже в этих фрагментах. Для нас, по крайней мере, очевидно, что работа реставрации, хотя и очень искусная, предпринята была по неверному рисунку и потому не может быть удачна. Дальнейшие же предположения акад. Веселовского, что в основе былин об Иване Гостином лежит греческий рассказ или песня, перешедшая на русскую почву и здесь обделанная в былинную Владимирову цикла, кажутся мне неправдоподобны уже по различию моего основного взгляда на наш былевой эпос. Согласно с этим взглядом и предложенным выше разбором, я не могу видеть в былине наследие южнорусского или киевского периода нашей истории.

Обе песни об Иване Гостином сохранили, как мы видели, довольно яркие следы своего северновеликорус-

ского, вероятно, новгородского, происхождения, и нет никаких данных предполагать, что тип Ивана Гостиного и былина о нем – произведение южной России домонгольского периода. Искать хронологических указаний в устном эпосе, воспринимающем следы разных последовательных поколений слагателей-сказителей, конечно, очень трудно, но в виде гипотезы укажем в заключение на один факт, который при предположении северного происхождения былины, быть может, определяет время ее сложения. В древнейшем и лучшем варианте былины у Кирши Данилова Владимир называется не просто князем, но *великим* князем. Это указывало бы на сложение былины еще раньше царского периода, то есть XVI века. В любопытном же варианте Швецова (Гильфердинг № 307) место Владимира занимает Иван Васильевич, но не Грозный царь, а *князь*, то есть Иван III, покоритель Новгорода. Если мы припомним, что этот вариант единственный из олонецких сохранил личного поручителя за Ивана (хотя владыка Черниговский заменен голями кабацкими) и один – указание на прежнюю принадлежность третьего коня княжеского Илье Муромцу, то, быть может, рискнем придать некоторое значение и тому факту, что Владимир заменен здесь *князем* Иваном Васильевичем. Не есть ли это отголосок такого вида былины, в котором еще не было киевского приурочения или для него делалась только попытка? Комбинируя оба указания – *великого* князя сибирского старинного варианта и *князя* Ивана Васильевича – олонецкого, – придем к предположению, что основная былина была сложена в новгородских землях в правление великого князя Ивана Васильевича, почему, быть может, и эпически князь Владимир представляет в ней такую некрасивую и смешную фигуру и терпит неприятность от владыки. Впрочем, повторим, что эти указания в тексте былины могут быть

призрачны и получить другое объяснение. В XV или XVI веке сложена былина – этого мы никогда не узнаем с точностью. Но весь предыдущий разбор ее содержания и бытовой стороны, кажется нам, достаточно уяснил, что в ней нельзя видеть, как предполагает акад. Веселовский, «глухого, невнятного отголоска» какого-то южнорусского рассказа, представляющего, в свою очередь, переделку византийского прототипа.

К былине о Ставре Годиновиче¹

Былина о Ставре Годиновиче принадлежит репертуару олонецких и сибирских сказителей, и лишь один вариант ее доселе был записан во Владимирской губернии. Из 19 известных нам записей 15 принадлежат Олонецкой губернии, три – Сибири². Последние, как увидим ниже, представляют особую редакцию, отношение которой к редакции олонецкой не лишено значения для истории сложения былины. В нижеследующем я имею в виду заняться именно этим вопросом и затем попытаюсь определить место и время сложения первоначальной песни о Ставре.

Типом былин 1-й группы, или *олонецкой*, может служить былина Рыбникова, II, № 20 = Гильферд. № 151, которой содержание считаю нужным напомнить.

Пир у князя Владимира с обычным хвастаньем пирующих. Не хвастает один Ставер Годинович, при-

¹ Напечат. в «Этнографическом обозрении», 1893 г., кн. XVIII.

² Рыбников, I, 41, 42; II, 19, 20, 21; IV, 6; Гильфердинг, № 7, 16 (где Илья Муромец по ошибке поставлен в роль, обыкновенно приписываемую Ставру), 21, 109, 140, 151 и 169. Кирша Данилов, № XIV. Былины старой и новой записи, № 56, 57, 56, 59. М. Бережков. Еще несколько образцов народных исторических песен, записанных во Владимирской губернии. Нежин, 1895, стр. 6–11. «Василиса Микулишна и Ставр Одинович».

ехавший из земли ляховицкия. На вопрос Владимира, отчего он один не хвастает, Ставер говорит, что не считает для себя похвалбою то, что у него золота казна не тощится, добрые комони не ездятся, что у него много городов и сел, славна матушка и что его молода жена всех князей-бояр повыманит (обманет) и самого князя Владимира с ума сведет. За последние слова Ставра сажают в глубок погреб. «Свой человек», бывший при Ставре, спешит с известием о его злоклучении к его молодой жене Василисте Никуличне. Она отрывает себе волосы, переодевается в мужское платье и с небольшою дружиной едет в Киев. Здесь она выдает себя за Василия Никулича, сына короля ляховицкого, и целью своего приезда объявляет доброе дело – сватовство за дочь Владимира. Князь идет посоветоваться с княжною, которая не названа. Княжна по приметам заподозревает в приезде женихе женщину. Следуют испытания пола: 1) парна баенка, 2) ложни, 3) стрелянье в золотое кольцо, 4) борьба с *дворянами* княжескими. Василиста удачно выдерживает все испытания и уже с угрозой требует согласия Владимира, которое князь и дает. На пиру жених сидит невесел и просит у Владимира гусельщиков. «Младые загусельщики» свою игрою не развеяли тоски жениха, и он напоминает Владимиру, что лучше всех горазд играть в гусли Ставер Годинович, посаженный Владимиром в погреб. Князь, чтоб не разгневить жениха, выпускает Ставра, который игрою развеселил Василисту. Она намекает ему скабрзными загадками (чернильница и перо, свачка и кольцо) на то, что она его переодетая жена. Ставер не догадывается. Тогда она просит Владимира отпустить с нею Ставра съездить в шатры, посмотреть ее дружину. Владимир соглашается. Василиста переодевается в шатре в женское платье, и Ставер наконец признает жену. Пристыдив Владимира,

что он был готов отдать девчину за женщину, Василиста уезжает с мужем домой в землю ляховицкую.

Прочие олонекские пересказы довольно близки к приведенному и представляют различия лишь в некоторых частностях, из которых отметим следующие:

1) Ставер носит отчества *Стогодинович* (Гильферд, № 109), *Гординович* (Гильф., № 21).

2) Жена Ставра в одном пересказе (Гильф., № 21) названа Настасьей Микулишной. как зовется иногда жена Данилы Ловчанина и Добрыни, – смешение, как указал акад. А. Н. Веселовский¹, тем более понятное, что и Даниле эпос дает в жены Василису Никуличну, которая, узнав о злоумышлении Владимира против ее мужа, посланного князем на смертный подвиг.

Скидала с себя платье светное,
Надевает на себя платье молодецкое,
Села на добра коня, поехала во чисто поле
Искать мила дружка свово Данилушка².

Твердо держится отчество Василисы *Никулична*³. В былинах нигде отец ее не отождествляется с Микулой Селяниновичем. Только сказитель Рябинин, как читаем в примечании у Рыбникова (I, стр. 243), сказав, что Василиста поборола всех борцов Владимира, пояснил: «Ильи Муромца еще не было при князе Владимире, а Добрынюшка Никитич был слабее и меньшей дочери Микулы Селяниновича Настасьи». Если Рябинин здесь следовал традиции, то факт родства Василисты с Микулой заслуживает внимания. Замечу кстати, что имя Микулы Селяниновича внесено в былинку Гиль-

¹ Журн. Мин. нар. просв., 1890, март, стр. 44.

² Киреевский, III, № 2, стр. 35.

³ Только в былине кн. Кострова жена Ставра – *Васильевна*.

ферд., № 21, как имя Ставрова служки, принесшего его жене известие о его заточении. Не есть ли и это указание на какое-то отношение Василисты к Микуле Селяниновичу?

3) Переодевшись мужчиной, жена Ставра называет себя то «царевичем из земли Ляховецкия» (Рыбн., I, № 42), то «королевским племянником из земли Тальянской» (Гильф., № 140), то «послом из земли Веденецкия того острова Кодольскаго» (Рыбн., II, № 19), то «послом земли Гленския» (Рыбн., I, № 41, II, № 21), или «Золотой Орды», или из земли «Турецкой» (Былины стар. и нов. записи, № 58). Земля Веденецкая и остров Кодольский зашли, может быть, из былин о Соловье Будимировиче. Ставер сам приезжает из Ляховецкой или Политовской земли (Гильферд., № 151), но также из Чернигова (Рыбн., II, № 19), как гость Черниговский (Гильф., № 140), и возвращается в этот город (Рыбн., II, № 19).

Сибирская группа записей отличается от первой некоторыми существенными чертами. Пересказ, записанный кн. Костровым¹, наиболее подробен вначале. Открывается он обычным пиром у Владимира. На пиру отсутствует один боярин – Ставр Гудимович. Князь посылает за ним с грамоткой. Ставр приезжает, принимает участие в пире и, слушая обычное хвастанье бояр, говорит тихо своему товарищу, что у него (Ставра) широкий двор лучше, чем у князя Владимира, причем описывает свои светлицы; затем хвалится казной, жемчугом и красотой жены. Слуги Владимира доносят князю о хвастовстве Ставра. Князь велит посадить его в погреб, снарядить к его двору посла, который должен *опечатать двор* и привезти в Киев Ставрову молодую жену Василису Васильевну. Весть о заключении мужа ранее доходит до Василисы.

¹ Русские былины старой и новой записи, отд. II, № 57.

Она переодевается в мужскую одежду, называет себя *грозным послом* Золотой Орды и едет в Киев со свитой великою. На полупути она встречает посла из Киева. Оба посла – киевский и ордынский – слезают с коней, целуются, разбивают шатер в поле и пируют, причем узнают друг от друга, куда кто едет и зачем. Василиса объявляет, что едет требовать с Владимира дани за 12 лет и на слова киевского посла, что он едет за Ставровой молодой женой, говорит, что Ставров двор заперт и ни его, ни жены в нем нет. Киевский посол едет обратно и подготавливает князя к приезду посла из Золотой Орды. В пересказе Кириши Данилова описываются приготовления для встречи грозного посла:

А и тут больно князь запечалился;
Кидалися, металися:
По улице метут, ельник ставили;
Перед воротами ждут посла
Из дальней Орды Золотой земли.

В былине Гуляева¹ читаем:

И велел он (Владимир) очистить 50 фатер,
А сам посол ко ласкову князю Владимиру
В княженецкий двор.

В этой детали *сибирских* былин еще живо чувствуется страх, внушаемый татарскими послами.

Посол приезжает. Владимир опечален. Княгиня Апраксеевна подозревает по приметам в после женщину и говорит об этом Владимиру. Князь предлагает послу *побороться* с его богатырями, которые при этом перечисляются.

---

¹ Р. былины стар. и нов. записи, отд. II, № 56.

Посол поборол всех. Владимир плюет с досады и обзывает княгиню глупою. Апраксеевна настаивает на своем убеждении. Владимир предлагает послу состязаться в *стрельбе*. От выстрелов богатырей Владимира сырой дуб только шатается: стрела посла расщепила его в черенья ножовые. Досада Владимира и третье испытание искусства посла в игре в *шахматы*. Посол обыграл князя и требует дани за 12 лет. Владимир, не имея достаточно, чтоб уплатить дань, отдает себя головою вместе с княгинею. Посол спрашивает, нет ли у князя гусяра. Владимир вспоминает о Ставре, как об искусном гусяре, и велит его привести. Ставр играет, посол требует его себе вместо дани, и Владимир с радостью соглашается. Дело кончается пиром и отъездом Василисы с мужем.

В пересказе Гуляева отметим, что князь Владимир, посадив Ставра в шанцы глубокие, посылает к его двору в Чернигов Добрыню и Алешу с приказом привезти к нему Василису нечестно. Как в обоих других сибирских пересказах (кн. Кострова и Кирши Данилова), Василиса выдает себя за грозного посла и побораёт Алешу и Добрыню. Пересказ скомкан: стрельня и игры в шахматы нет.

Недавно был издан М. Бережковым любопытный вариант былины о Ставре Одиновиче, записанный им в селе Бережке Юрьевского уезда Владимирской губернии. По сличении новой записи с раньше известными оказывается, что она ближе примыкает к сибирским пересказам, чем к олонецким. К сожалению, память сказительницы (просвирни К. А. Бережковой) не сохранила многих стихов, и былина является в печати со значительными пропусками. Рассмотрим вкратце ее содержание.

Пир у князя Владимира и обычная похвальба пирующих, но оригинально, что Ставёр Одинович уже здесь на пиру изображен гусяром:

Один, дескать, млад Ставёр,
Млад Ставёр Одинович,
Только по краишку похаживает,
В звончатая гуселечки поигрывает
Найгрушки¹ иерусалимския,
Песенки поет от Царя города.
«По Божьей по милости,
По женней по участи,
Али мне нечем похвалитися?
Есть у меня молодая-то жена,
Млада Василиса Микулишна;
Молодцы во дворце не стараются,
Добрые кони не ездятся
Злата казна не точится²»
– Почем молодцы не стараются?
– Потом молодцы не стараются:
Платье на них переменное,
Сапожки на них зелен сафьян,
С носика у них хоть яйцо покати,
А под пятки у них воробей проскочи”.
– Почем добры кони не ездятся?
Потом добры коня не ездятся:
Старого продам, молодого куплю”.
– Почем злата казна не точится?
– Потом казна не точится:
Скудным, бедным я в долг отдаю,
Тем же я ростом год проживу».

Бояре доносят царю Владимиру о похвальбе Ставра. Царю это показалось за досаду великую, и он велит посадить Ставра в погреб и уморить голодной смертью. От посланного Ставром скорого гонца жена его в Чернигове Василиса Микулишна узнает об участи мужа, переоде-

¹ Напечатано: «на йгрушки иерусалимския».

² Вероятно: не тощится.

вается *послом* (Василием Ивановичем), и с 300 молодых едет в Киев. На пути она встречается с гонцом Прокофеем, посланным князем Владимиром с целью привезти в Киев Ставрову жену и описать его имущество.

Что возговорит Василий посол:
Съедемся, воротимся среди пути-дороженьки,
Нет де Василисы Микулишны:
Как послышала невзгодушку великую,
Уехала она в землю вятскую
Ко грозному королю корятыскому¹.

Приезд в Киев и прием посла Владимиром сказительница не помнила. Далее следует испытание посла в *стрельбе* и *борьба*. Посол, выдержав оба испытания, говорит князю:

Гой еси, Владимир князь!
Тешил я тебя, так потешь-ко ты меня:
Выпусти Ставра Одиновича!

Далее сказительница помнила лишь в отрывках, что переодетая Ставрова жена задавала мужу загадки (игра в свайки) и что жена Владимира, Марья Темрюковна (sic!), заподозрила в после переодетую женщину. Былина обрывается на выражении недоверия Владимира к словам жены:

Что возговорит Владимир князь:
Бабий-то разум не как мужиков,
Волос-то долог, да ум короток.

---

¹ Может быть, земля вятская и король корятыский явились как продукт последовательного искажения. Не пелось ли раньше так:

Уехала она в землю в лядскую,
Ко грозному королю ко лядскому.

При сравнении *сибирских* былин (и выше рассмотренной владимирской) с *олонецкими* между теми и другими оказывается одно существенное различие, помимо мелких деталей. В *сибирской* группе жена Ставра, под видом грозного посла, требует дани от Владимира, побеждает его богатейшей в стрельбе и борьбе, а его самого в шахматной игре и вынуждает его, взамен дани, выдать Ставра. О поле посла догадывается не княжеская дочь, о которой нет и речи, а княгиня Апраксеевна. В *олонецкой* группе Ставровы жена под видом посла или королевича *сватаются* за княжескую дочь или племянницу. Испытание пола производится не только борьбой и стрельбой, но постелью и банею. Окончание в обеих группах одинаково.

Является вопрос, которая из обеих групп пересказов архаичнее и есть ли возможность за всеми искажениями и приращениями, которым подвергаются отдельные пересказы, проникнуть к тому песенному оригиналу, от которого отправилось все дальнейшее развитие.

Рассмотрев все варианты былины, кроме трех ему неизвестных (кн. Кострова, Гуляева и Бережкова), акад. А. Н. Веселовский предположил, что древнейший вид песни был близок к варианту Кирши Данилова и содержал следующие черты:

1. Ставр хвастает, посажен в тюрьму.
2. Василиса является послом с требованием дани.
3. Испытания пола: стрельба, борьба, игра в шахматы (о дань).
4. Ставр выпущен из темницы, играет на пиру. Василиса выпрашивает его у Владимира¹.

Мы видели, что та же схема представлена, кроме былины Кирши Данилова, еще былиной кн. Кострова и отчасти Гуляева, и назвали эту группу *сибирской*. По

---

¹ См. Мелкие заметки к былинам. «Ж. М. н. пр.», 1890, март, стр. 52.

сравнению со схемой другой группы – олонечкой – она менее сложна, и отдельные подробности достаточно мотивированы логически и достаточно связаны между собой. Из этой схемы можно выводить вторую редакцию, более сложную, и отчасти уяснить процесс осложнения. По мнению акад. А. Н. Веселовского, эта схема осложнилась мотивами сказки, весьма известной и у нас, и в Западной Европе, и на Востоке, – сказки о девушке-воине (хотя название не совсем точно). В разных версиях сказки встречаются испытания пола *баней* и *постелью* или чем-нибудь вроде этого. Так, в одной сказке у Худякова (II, № 60) солдат, подозревающий в своем сослуживце девушку, ложится с нею на свежескошенное сено: под мужчиной оно остается зеленым, под женщиной почернеет. В другой русской сказке (Афанасьева, вып. 1-й, стр. 34–37, изд. 1858 г.) царь Бархат, чтоб испытать пол Василия Васильевича (переодетой поповой дочери Василисы), приглашает ее пойти в баню, но был так же обманут ею, как Владимир Василисой Никуличной. Эти мотивы сказки о переодетой девушке, испытываемой главным образом *баней* и *постелью*, были включены в схему более древней песни о Ставре: из грозного посла, приехавшего за данью, стал посол или королевич-женех. Свататься он должен, естественно, за дочь или племянницу князя Владимира. В некоторых пересказах былины эта девица даже не названа по имени¹; в других она получает различные имена: Анны Владимировны², Машуты Владимировны³, Забавы Владимировны⁴, Настасьи Владимировны⁵,

¹ Рыбн. I, 41, II, 21, IV, 6; Гильфердинг, № 7, 109, 151.

² Гильф., № 21.

³ Гильф., № 169.

⁴ Гильф., I, № 42.

⁵ Гильф., № 140.

Любови Путятичны¹. Это отсутствие собственного имени дочери или племянницы князя в большинстве былин и разногласие в ее имени в пяти былинах показывают, что мотив *сватанья* вошел сравнительно поздно и имена подбирались случайно, причем некоторые (Забава, Настасья, Любовь Путятична) брались сказителями из былинных женских имен.

В той схеме песни, где посол являлся грозным насильником, естественны были испытания его силы (борьбой с богатырями, стрельбой в цель), прежде чем князь соглашался на отдачу дани. Когда посол стал женихом, тогда сомнения в поле получают особую пикантность. Невеста опасается быть выданной за женщину, и испытания пола выступают на первый план (*баня, постель*). Таким образом, к прежним испытаниям силы, которые по консервативности эпоса сохранились, присоединяются еще два другие, и былина осложняется, так что получается уже всего четыре (даже пять – шахматы) испытания: *баня, постель, стрельба, борьба*. Конечно, число и порядок испытаний варьируются в зависимости от памяти сказителя. Иногда пропускается одно, иногда другое. При внесении мотивов из той сказочной формулы, в которой выступали догадки женские, оказалось необходимым ввести в начало былины ту подробность, что Ставр на пиру князя хвастает именно хитростью-мудростью своей жены, а не только своим богатством (конями, платьем, двором). Естественно, что при переделке основной характер былины значительно смягчился. В первой редакции Владимир засаживает Ставра в погреб, велит опечатать его двор и насильно привезти к себе его жену. Это дело серьезное и похоже на готовящуюся трагедию: оно угрожает разрешиться так, как дело князя Владимира с женою

---

¹ Рыбников, II, № 19.

Данилы Ловчанина, окончившееся двойным самоубийством – мужа и жены. Поэтому и Василиса является грозным посланцем, устрашающим князя и его богатырей. В более позднем изводе все дело принимает шуточный, комический характер. Ставра посадили за то, что он похвастал, что жена его проведет бояр Владимира и самого князя. Сажая его, иногда бояре говорят, как бы в шутку: «Пушай-ка Ставрова молода жена Ставра из погребца выручит!»¹ Затем комический элемент вносится сватаньем женщины за девицу, испытаниями пола в бане и на постели, скабрёзными загадками Василисы и конечной насмешкой ее над недогадливостью князя. Все это придает, на мой взгляд, второму изводу, еще более чем первому, характер скоморошеской работы. Думаю, что эти «веселые люди», кстати и упоминаемые в былине (их вызывают играть на свадебном пиру), вносили в наш песенный репертуар именно подобные пикантные сюжеты и уснащали их красными словцами и двусмысленными загадками, которые так же нравились публике того времени, как и нашего.

Объясняя таким процессом осложнения отношение между сибирской и олонечкой группой пересказов, мы, конечно, должны отказаться от мысли найти в сказочной литературе Запада и Востока такую сказку, которая могла бы соответствовать всему сложному содержанию большинства былин о Ставровой жене. Можно указать лишь отдельные мотивы в разных сказках сходного сюжета (как мы упомянули уже мотив *бани* и *постели* для испытания пола), своеобразно комбинированные в нашей былине. Подобных «параллелей», в сущности мало разъясняющих процесс сложения былин, было указано очень много нашими исследователями: О. Миллером, В. Стасовым, И. Созоновичем, акад. Веселовским,

¹ Рыбников, II, № 20.

Г. Н. Потаниным. Всего более материала можно найти в книге г. Созоновича «Песни о девушке-воине и былины о Ставре Гоудиновиче».

Так, в одной сербской песне поется, что единственная дочь старика Златия пошла вместо него на войну, переодевшись воином, и была сделана визирем. Молодой Омер догадывается о ее поле, пишет об этом своему отцу, который советует ему прибегнуть к испытаниям: а) метать булаву, б) бросать камни, в) зазвать в зеленый сад и пригласить валяться по зеленой траве (под девушкой трава будет смята), г) купаться в реке. Девушка удачно выдерживает все испытания¹. Сходные испытания пола встречаются в песнях и сказках хорватских, болгарских, чешско-словенских и проч., известны и в германо-романских и восточных сказках. Но между этими песнями и сказками нет ни одной, которая была бы особенно близка к наиболее типическим чертам былины. Если мы находим совпадение в цели переодевания женщины в мужчину, то не совпадают подробности испытания пола, и наоборот – при совпадении подробностей нет тождества в основной фабуле.

Наибольшее сходство в основном мотиве – освобождении мужа переодетой женой – представляет сербская песня: *Люба хайдук Вукосава*². Содержание ее таково: турок из Удбинья, Бойчич Алиле, охотясь со своими ловцами, захватил хайдука Вукосава и держит его три года в темнице. Вукосав, отчаявшись в своем освобождении, написал матери, сестре и жене письмо, в котором он разрешает жене выйти замуж за другого. Прочитав письмо, мать и сестра заплакали, а жена усмехнулась. Она остригла себе волосы, надела мужскую одежду, вооружилась с ног до головы, оседлала коня и поеха-

---

¹ См. «Русс. филолог. вестник», 1886, № 2, стр. 379.

² Вук. Стеф. Караджич – Српске народне пјесме, кн. III, стр. 348, изд. 1846.

ла в Удбинье ко двору Бойчича Алия. Когда последний выбежал, чтоб принять ее коня, она ударила Алия и грозно закричала, как он смеет у себя держать пленника и не отдает его султану. Сама она называет себя султанским послом. Запуганный Бойчич Алий униженно принимает и угощает мнимого посла. На другой день она одна подъехала к тюрьме, убила сторожа, разбила дверь булавой. «Выходи, султанский человек, – закричала она, – царь послал меня привести тебя и Алия к нему!» Хайдук, изнемогши от долгого заключения, потерял голову и не узнал жены. Она раза два ударила его булавой, чтоб не возбудить подозрения. Затем велела Бойчичу привести коня для хайдука и для самого себя. Турок приводит из дому коня, приносит кованую саблю и кошелек с 500 дукатов. «Вот тебе, царский посол, только не веди меня к царю». Тогда она посадила мужа на коня и, взяв деньги, ускакала с мужем из Удбинья. Достигши леса, она спрашивает мужа: «Узнаешь ли ты это оружие?» Муж говорит, что узнает, и спрашивает, откуда царский посол добыл его. «Твоя жена принесла мне его, я взял ее себе в жены». Вукосав в отчаянии, и тогда только жена открылась ему.

О. Миллер, а за ним проф. Созонович приводит еще некоторые южнославянские песни, развивающие тот же мотив – освобождение невестой или женой из темницы жениха или мужа посредством переодевания¹. Можно думать, что подобный «бродячий» сюжет был положен в основу наиболее ранней доступной нам редакции нашей былины. Но откуда заимствовал наш эпос этот сюжет – этого не удалось до сих пор уяснить. Г. Созонович с большой уверенностью заявляет, что оригинальность русской былины о Ставре ограничивается лишь двумя эпическими *loci communes* – пиром у Владимира и хва-

---

¹ См. О. Миллер – Илья Муромец, стр. 635–638.

ством Ставра. «В дальнейшем своем развитии, – говорит автор, – она *целиком* повторяет содержание песен сербско-болгарских, причем иногда совпадает с ними дословно. Песни эти разработали сюжет об освобождении мужа женою из темницы и *повлияли на сформирование* русской былины, а сверх того к ним были притянуты рассказы о девушке-воине, уже осложненные мотивом об испытании пола переодетой женщины. Вся разница русского произведения, вновь возникшего путем такого скрещивания *двух* самостоятельных мотивов, исчерпывается лишь незначительными подробностями, оказывающимися наслаением последнего времени¹. Как в общем, так и в частностях русские былины про Ставра воспроизводят, по мнению г. Созоновича, собственно южнославянские песни, попавшие на Русь в то время, когда имя новгородского Ставра еще не забылось в устах народа. Южнославянскою частью былины по преимуществу следует считать *вторую* половину рассказа: сватовство за дочь Владимира, испытание пола и признание супругов – вот элементы, *несомненно* заимствованные. *Первая* часть повествования, обнимающая заключение провинившегося богатыря и освобождение его воинственной женщиной, представляется (г. Созоновичу) местнорусским преданием, заслуживающим название *былины*. Она так проста по своему замыслу и настолько связана с действительным бытом (*sic!*), что, не рискуя далеко уклониться от истины, можно утверждать независимое возникновение таких былей как у южных славян, так и на Руси. Лишь с того момента, когда быль эта осложняется прибавочными мотивами, мы начинаем предполагать заимствование. Оно на самом деле имело место².

---

¹ «Русск. фил. вестник», 1886, № 2, стр. 325.

² Там же, стр. 327.

Славянская гипотеза г. Созоновича представляется мне далеко не убедительной¹:

1. Сходство между южнославянскими приводимыми г. Созоновичем песнями и нашей былиной вовсе не столь близкое, чтобы можно было первый считать источником второй.

2. Г. Созонович *славянской*, т.е. заимствованной, частью былины считает 2-ю половину рассказа: сватовство за дочь Владимира, испытание пола. Но в южнославянских приводимых им песнях именно и нет сватовства женщины за женщину. В них (как и во множестве неславянских) есть мотив испытания пола, но в них он встречается в сюжете «освобождения», а не сватовства. Считаться источником русской былины южнославянский песенный эпизод *испытания пола* имеет столько же прав, как тот же мотив в русских народных сказках.

3. Станным представляется мнение г. Созоновича, что первая часть былины – освобождение провинившегося богатыря воинственной женщиной – может называться былью. Какие данные русского быта говорят нам о воинственных женщинах-богатыршах? Существовали ли такие богатырши в дни сложения былины о Ставре?

4. Далее, эти южнославянские песни попали на Русь в то время, когда имя новгородского Ставра еще не забылось в устах народа. Спрашивается: правдоподобно ли это? Исторически Ставр, новгородский сотский, сидел в тюрьме в 1-й четверти XII века (1118 г.). Трудно допустить, чтобы реальные черты этого заключения, обстоятельства, его вызвавшие и сопровождавшие, хранились долго в народной памяти. Событие это, далеко не важное само по себе, могло запомниться только под тем условием, что Ставр стал сюжетом какого-нибудь

---

¹ См. также возражения акад. Веселовского против гипотезы г. Созоновича. «Журн. мин. нар. пр.», 1890, март.

народного рассказа, быть может уже песни, которая была сложена, очевидно, не слишком поздно после события, не через 2–3 столетия, а еще в том же XII веке. Мы не знаем из летописи о судьбе Ставра, был ли он освобожден Владимиром Мономахом из темницы. Но ввиду того, что былины рассказывают не о гибели, а об освобождении, кажется, следует думать, что это освобождение так или иначе состоялось и дало повод к эпической разработке этого события, т.е. внесению в рассказ странствующего сюжета о муже, освобождаемом из тюрьмы переодетую женою. Мы никогда не узнаем подробностей этой основной (предполагаемой) редакции, но должны допустить ее существование, как основы дальнейших переработок. Итак, в то время, когда на Руси уже существовал *эпический* народный рассказ о Ставре, на Русь (по мнению г. Созоновича) явились южнославянские песни. Но какие? Сам г. Созонович устранил генеалогическое отношение между южнославянскими песнями о жене, выручающей мужа из темницы, и *сюжетом* русской былины: песни и наша былина независимы друг от друга. Значит, на Русь были занесены от южных славян песни о девушке-воине с «испытаниями пола». Но сам г. Созонович в других местах исследования высказывает мнение, что мотив «испытания пола» – романского происхождения, вошедший в южнославянские песни. Каким образом южнославянские песни успели сложиться, осложниться романским мотивом и перенестись на Русь приблизительно к XII веку – все это остается не разъясненным г. Созоновичем.

5. Против славянской гипотезы, на мой взгляд, говорит и одна характерная черта нашего Ставра: он представлен в былине искусным гусяром, и с этим его талантом отчасти связано его освобождение из темницы: его выводят оттуда для игры на гусях. Для этой

черты, являющейся как в *сибирской*, так и в *олонецкой* редакции былины, не нашлось параллели в южнославянских песнях, хотя г. Созонович и заявляет, что «наша былина целиком повторяет содержание песен сербославянских».

Полной параллели Ставру-гуслиару не оказалось и в сказках и песнях других народов. Нечто отчасти похожее указал О. Миллер, а за ним А. Н. Веселовский в немецкой песне о «римском графе» (*der Graf von Rom*), известной в Германии в нескольких вариантах и с разными именами действующих лиц. Вот вкратце ее содержание¹: римский граф (без точнейшего определения имени) отправляется в Палестину на поклонение Св. Гробу, но попадает в плен к *одному* королю. Тот не хочет его освободить ни на каких условиях – разве только за ним пришла бы его жена (это напоминает отношения Владимира к жене Ставра, которую он желал привести в Киев). Рыцарь, конечно, не согласен на такой позор. Он пишет жене письмо о своем положении. Она придумывает отправиться выручать мужа под видом монаха. При этом она пользуется своим умением играть на гусях и, допущенная к королю, очаровывает его своей игрой. Монах-музыкант проживает у короля четыре недели; ему предлагают в награду за игру всякие сокровища, но он отказывается от всего этого, запрашивает себе узника, вспахивающего королевское поле, т.е. римского графа. Получив, таким образом, свободу, граф возвращается домой, куда жена прибыла раньше его. Он упрекает жену, что она, по получении его письма, не предприняла ничего для его освобождения. Тут она выносит ему то монашеское платье, в котором была у короля, и объявляет мужу, что чудесный монах-гуслиар – это была она.

¹ О. Миллер. Назв. соч., стр. 638–639.

С этой старинной немецкой песней совпадает близко по содержанию русская сказка «Царица-гусяр»¹, которую даже О. Миллер заподозрил в немецком происхождении: некоего царя, отправившегося на богомолье в Святую землю, забрал там в плен и засадил в темницу *проклятый король*. Пленник написал жене письмецо: «Продавай все наше имение да приезжай выкупать меня из неволи». Она же остригла свои косы, нарядилась гусяром и отправилась к «проклятому» королю. Игра гусяра понравилась королю, и он спросил наконец: «Что тебе за труды?» – «А пожалуй мне, государь, единого невольника: их много у тебя в темнице насажено, а мне нужен товарищ в дороге». Король согласился, и мнимый гусяр выбрал своего мужа. Вернувшись домой, царь вздумал судить жену свою за то, что она не явилась к нему на выручку. Тогда царица, нарядившись опять гусяром, вышла к царю и заиграла, потом сбросила с себя верхнюю одежду, и все сейчас же узнали ее и поняли, кто освободил царя.

Приведенная немецкая песня и русская сказка (вероятно, книжного происхождения), представляя вариант широко распространенного сказочного сюжета – освобождение мужа переодетой женою, – содержит еще мотив «играния на гусях», но не в той связи, в какой этот мотив является в былине о Ставре: играет переодетая мужчиной жена, а не посаженный в тюрьму муж. Однако мы можем представить себе, что в числе сказок того же типа была и такая комбинация деталей, в которой играл на гусях именно муж и, благодаря этому искусству, был выручен женою (как в немецкой песне муж выручен женою благодаря гусям) – и сказка с такой комбинацией деталей могла бы пригодиться составителю первой редакции былины о Ставре как

---

¹ Афанасьев, VII, № 21.

материал для былинной обработки предания о заключении Ставра в темницу и его освобождении. Если искусником играть на гусях был сделан Ставр, то его переодетая жена должна была уже не гусями, а другими средствами выручать мужа, и здесь мог припомниться и пригодиться известный нашему эпосу тип женщины-поляницы, сильной в борьбе и меткой в стрельбе (как, напр., жена Дуная, Добрыни).

Нет недостатка и в указаниях восточных «параллелей» жене Ставра в исследованиях В. В. Стасова и Г. Н. Потанина. Не считая нужным подробно излагать их сопоставлений, ограничусь лишь несколькими замечаниями. Оба исследователя ищут и находят оригинал фабулы, положенной в основу былины, на Востоке. В. В. Стасов нашел этот оригинал в алтайской песне об Алтаин-Саин-Саламе, где, между прочим, встречается мотив переодевания женщины (сестры героя) в мужское платье и стрельянье в цель, – при несходстве во множестве других подробностей с деталями былины. Разбор сопоставлений Г. Н. Потанина в его статье «Ставр Годинович и Гэсэр»² представляются мне также малоубедительными для *восточной* гипотезы. Автор ищет ближайших параллелей былины в монгольском сказании о Гэсэрхане, в тюркских и бурятских сказках. Нельзя отрицать сходства в некоторых мотивах (переодевание женщины в мужское платье, сватовство женщины за женщину, стрельянье в цель, испытание пола); но ни в одном рассказе они не являются в той комбинации, как в былине, и притом эти мотивы ни в одной сказке не являются соединенно, а встречаются *порознь* – по одному или по два в различных сказках. Существенным отличием от

¹ Назв. соч., стр. 643 и след.

² Этнограф. обозрение, кн. X, стр. 40–49.

былины даже той (тюрко-монгольской) сказки, которую Г. Н. Потанин ставит всего ближе к былине, является то, что в ней не жена спасает мужа, а сестра – брата, притом *умершего*, т.е. содействует его воскрешению. Она под видом мужчины сватает для покойника двух или трех невест, девушек, имевших способность воскрешать мертвых, и, таким образом, возвращает жизнь брату, а сама обращается в зайца. Очевидно, мы стоим очень далеко от мотивов былины.

Просмотр всех приведенных доселе «параллелей» убеждает нас в том, что они дают весьма мало для уяснения литературной истории былины о Ставре. Мы не можем среди сказок и песен Востока, Запада и Юга указать ни на одну, послужившую источником старейшей известной нам (сибирской) редакции былины, не можем даже указать более или менее точно, в каком направлении следует искать этого источника – в южном, западном или восточном. Быть может, мы подойдем ближе к решению этого вопроса, если поставим сначала вопрос о *месте и времени* сложения нашей былины.

Прежде всего вспомним, что освобождаемое Василисою Микуличною лицо носит имя известное из летописи. Ставр жил в XI–XII веках и был гражданином новгородским. Под 1118 годом 1-я Новгородская летопись занесла о нем следующую заметку: «Приведе Володимер (Мономах) вся бояры новгородския Кыеву и заводи я к честьному кресту и пусти я домовъ, а иныя у себе остави: разгневая на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчю и на сочьского на Ставра и затоци я все». Вот все, что исторически известно о Ставре – ни в одной другой летописи, *кроме новгородской*, не упоминается поступок с ним Владимира Мономаха. Но, при всей скудости известий, между летописным и былинным Ставром трудно отрицать связь. В былинах осно-

вой рассказа также является гнев на Ставра Владимира и заточение в погреба глубокие. В пересказах Кириши Данилова и кн. Кострова (наиболее архаичных) Ставер называется боярином как новгородский сотский Ставр. Есть поэтому основание думать, что в основе современной былины о Ставре, прошедшей через несколько фазисов переделок, лежит нечто очень древнее – рассказ или историческая песня о реальном лице и события начала XII века. Но в каком районе Руси должна была сложиться эта основная песня о Ставре? Мы видели, что имя Ставра почти неизвестно в Центральной Руси и приволжских губерниях: оно известно только в районе новгородского культурного влияния – Олонецкой губернии – и занесено из северных же губерний Европейской России в Сибирь. Исторически Ставр также упоминается только в Новгородской летописи. Следовательно, это лицо и его заключение Владимиром в тюрьму вызывало интерес только в Новгородской области; да оно и понятно ввиду того, что Ставр был новгородским сотским. При исторически известных неприязненных отношениях Новгорода к Киеву крутой поступок киевского князя (каким был в 1118 г. Владимир Мономах) с новгородским именитым гражданином должен был задеть за живое новгородский патриотизм и мог послужить стимулом к сложению рассказа или песни, в которой киевский князь Владимир получил нелестную для него роль. Вспомним, что, засадив Ставра в Киеве, Владимир Мономах сделал именно то, против чего впоследствии так восставали новгородцы, постоянно требовавшие от своих князей, чтоб они судили новгородцев не иначе, как в Новгороде, и не вызывали их на суд в другие города. Все это говорит в пользу того, что основная песня о Ставре была сложена в Новгородской области и лишь гораздо позже, в период московский, во-

шла в так называемый киевский былинный цикл. Прикрепиться к последнему она могла тем легче и удобнее, что в основной песне уже дано было имя князя Владимира (Мономаха), совпадавшее с именем бессменного эпического киевского князя Владимира Сеславьича.

Помимо этого общего соображения о новгородском происхождении былины о Ставре в пользу его можно привести, кажется, некоторые частные черты в дошедших до нас пересказах.

Несмотря на то что переодетая Василиса Никулична *поборает* борцов кн. Владимира, типических черт богатырства, известных в былинах о киевских богатырях, былина о Ставре почти не представляет. Мы не видим вокруг Владимира настоящих богатырей: он предлагает послу потешиться – побороться с его *дворянами*¹ или *боярами* или *борцами удалыми молодцами*². Жена Ставра в одной былине³ «окрутилась да по-рыцарску», и Владимир не знает, кого из *рыцарей* послать против нее⁴. Если иногда борцы и названы богатырями⁵, то это не общеизвестные киевские богатыри – их имена не упоминаются. В пересказе Кирши Данилова говорится о каких-то нарочных борцах, удалых молодцах Притченках (?) и Хапилонках (?)⁶. В варианте кн. Кострова

¹ Гильф., № 7, 151.

² Гильф., № 169.

³ Гильф., № 109; Рыбн., II, № 19.

⁴ Там же, столб. 617.

⁵ Рыбн., II, 20.

⁶ Хапилонки, вероятно, дублет братьев Хапиловых, упоминаемых также в сибирской былине (Кирши) в числе могучих киевских богатырей Владимира:

Самсон богатырь Колыванович,
Сухан богатырь, сын Домантьевич,
Светогор богатырь и Полкан другой,
И семь-то братьев Збродовичи.

при Владимире упоминаются следующие богатыри: Алеша Попович, Илья Муромец, Кунгур Самородович, Сухан Дементьевич, Самсон Колыванович и ребята Хапиловы. Случайность подбора богатырей явствует уже из того, что переодетая жена Ставра оказывается сильнее первого русского богатыря Ильи Муромца. В пересказе, записанном Гуляевым, Василиса побораёт Добрыню и Алешу.

Итак, только в двух сибирских пересказах мы находим внесенными в былинку о Ставре имена известных киевских богатырей, во всех же олонецких вариантах настоящие богатыри отсутствуют. Можно думать поэтому, что Добрыня и Алеша, Илья Муромец и проч. попали в сибирские пересказы позднее и что в раннем изводе былины не было даже названия *богатырь*, которого вообще не было в новгородском эпосе.

Если родство Василисы с Микулой Селяниновичем основано на традиции, то это приводило бы былинку в связь с личностью новгородского эпоса, так как принадлежность Микулы последнему, как я старался доказать в другой статье, имеет очень многое за себя. Вспомним кстати, что в одном пересказе (Гильф. № 7) известие о заключении Ставра привозит Василисе *Микула Селянинович*.

В некоторых былинах Ставр представлен с замашками купца, вроде новгородского Садка. Хвастая

Еще мужики были Залешана,
А еще два брата Хапиловы (Кир., I, стр. 45).

Имя Хапиловы напоминает *Хопыльский* ряд в Новгороде, в котором, по мнению Никитского, сосредоточивались торговцы восточными азиатскими товарами. (Очерки эконо. жизни Великого Новгорода, стр. 96). *Хопыли*, *Хопыльские* гости встречаются также в Твери и Москве еще в самом начале XIV в. Они находятся в тесной связи с татарами. Когда именно в Твери татары подверглись избиению, то последнее одинаково было распространено и на хопыльского гостя (Там же, стр. 169).

своими богатствами, он говорит и о своих торговых операциях:

Которы жеребчики получше,
На тех сам езжу;
Которы жеребчики похуже,
Сгоню на рыночек,
Князьям-боярам повыпродам
И возьму за них цену полную.
Оттого у Ставра золота казна не тощится,
Не тощится, малы денежки не держатся¹.

Здесь от слов Ставра так и веет новгородским промышленным духом. В связи с этим стоит и то, что князь Владимир (в одной былине) дает Ставру награду наиболее ценную для предприимчивого гостя торгового:

За твою великую за похвальбу
Торгуй в нашем город во Киеве,
Во Киеве во граде век *беспошлинно!*²

В том, что богатства (дворы, села, кони, платье) Ставра возбуждают алчность князя Владимира, приказывающего опечатать его двор, кажется, можно видеть историческую бытовую черту. Богатства новгородские всегда кололи глаза князьям соседним и дальним (киевским, черниговским, суздальским), и Великому Новгороду всего чаще приходилось откупаться дорогой ценой от их покушений. *Новгородская* точка зрения на киевского князя сказывается и в смешной роли, приписываемой былиной князю Владимиру, которого «с ума свела» ловкая баба.

---

¹ Рыбн., II, № 21, стр. 115. Былины старой и новой записи, № 58.

² Рыбн., II, № 20, стр. 112. Ср. Гильф., № 151, столб. 774.

Итак, мне кажется, что мы имеем достаточно данных видеть в былине о Ставре произведение новгородского творчества. Что касается времени ее сложения, т.е., говоря точнее, переделки *предполагаемой* старинной новгородской песни о Ставре в былинку, то даже наиболее архаическую (сибирскую) редакцию с «грозным послом» мы, по-видимому, должны считать возникшею не позже XV века или, по крайней мере, того периода, когда татарские послы представлялись еще страшными для России. Такое хронологическое приурочение подтверждается некоторыми чертами содержания, к которым отношу следующие: яркое описание страха, испытываемого князем при известии о наезде грозного посла из Золотой Орды, поспешные приготовления к его встрече (ельники), наушничанье бояр, подслушивающих за столом обидные для княжеского самолюбия похвальбы Ставра и доносящих об этом князю, приказ князя запечатать двор Ставра, – все это отзывается чертами времени.

Эта первая доступная нам переделка основной песни могла зайти в Сибирь предположительно в XVI или XVII в. вместе с движением туда русского населения и сохранилась в трех сибирских нам известных пересказах. Последующая переделка произошла, вероятно, не раньше XVI, XVII вв. и дошла до нас в пересказах, записанных в Олонецкой губернии. Обе переделки представляют работу наших старинных скоморохов, этих хранителей и пополнителей эпического былевого репертуара, сдавших его затем олонецким сказителям.

В связи с предполагаемым новгородским происхождением былины должен быть поставлен вопрос об источниках ее фабулы. С какой стороны в район новгородского культурного влияния зашел сказочный сюжет, разработанный в былине? Предполагать восточный

путь перехода нет основания, как мы видели из разбора параллелей, приводимых Г. Н. Потаниным. Сомнительным представляется мне и выдвигаемое проф. Соконовичем южнославянское происхождение сюжета. Несколько более вероятным кажется западный путь. Вспомним близкое и постоянное отношение Новгорода к Германии, проживание немецких купцов в Новгороде, *рыцарскую* округу Василисы и упоминание рыцарей Владимира (в одной былине), указанное выше сходство немецкой старинной (*напечатанной* уже в XV в.) песни о римском графе с былиной, помимо сюжета, в участии гуслей при освобождении узника. Все это, по видимому, говорит в пользу Запада. Но, конечно, это только возможная гипотеза, которая может получить подкрепление только в том случае, если будут найдены недостающие теперь посредствующие звенья между новгородской былиной и западными (напр. германскими) однородными сказками или песнями. А может быть, новые находки в области фольклора устроят и западную гипотезу и заставят нас иначе взглянуть на те выводы, которые я выставляю только как возможные.

К былинам о Садке¹

Былины о Садке богатым госте, принадлежащие в настоящее время исключительно олонецкому былинному репертуару, немногочисленны². Из *девяти* известных нам вариантов полными, т.е. содержащими все подробности эпической биографии Садка, могут быть

¹ В предлагаемый очерк вошла *отчасти* статья «Отголоски финского эпоса в русском», напечатанная в «Жур. Мин. нар. просвещения», 1879 г., часть CCVI.

² Рыбников, I, № 61, 62, 63, 64; III, № 41 (Киреевский V, стр. 241–248), 42; Гильфердинг, № 70, 146, 174.

названы только два¹. В них одних Садко является сначала бедным гусяром, который обогащается покровительством морского царя, живущего в Ильмень-озере. Все остальные варианты уже знают Садка за новгородского богача-купца и открываются его похвальбой скупить все товары новгородские. Припомним содержание былины по наиболее полному варианту (Сорокина).

В славном Новгороде жил гусельщик Садко, спотешавший свою игрою на пирах купцов и бояр. Три дня подряд не звали его на пиры. Соскучилось Садку, и пошел он на берег Ильмень-озера, сел на бел-горюч камень и играл на гусях с утра до вечера. К вечеру вдруг поднялись на озере волны, вода с песком *смутилась*, и Садко, испугавшись, пошел домой в Новгород. На другой день повторилось то же самое. На третий – из озера поднялся царь Водяной и благодарил Садка за его игру. Он говорил гусяру, что его завтра позовут на почестен пир, где каждый будет хвастать чем может. Пусть и Садко похвастает, что в Ильмень-озере есть рыба «золотые перья», и побьется с богатыми купцами об заклад, причем сам пусть прозакладует свою буйную голову, а с купцов потребует лавки с дорогими товарами. Царь Водяной обещает послать в тоню Садка троекратно по рыбе златоперой. Все произошло так, как сказал царь Водяной. Садко выиграл шесть лавок в гостинном ряду, стал торговать, разбогател, женился и выстроил роскошные палаты белокаменные. Однажды, собрав к себе на пир купцов, господ новгородских и пригласив настоятелей Фому Назарьева и Луку Зиновьева, Садко, среди хвастовства гостей, похвастал, что на свою несчетну казну скупит все товары в Новгороде. Присутствующие ударились об заклад о тридцати тысячах. На другой день Садко посылает по городу свою

¹ Гильфердинг, № 70 (Сорокина) и Рыбников, I, № 64.

дружину скупать товары. К вечеру все было скуплено. Однако на другой день в городе появились вновь товары в гостином ряду. Садко скупил все. Но на третий день подвезли товары московские. Садко должен сознаться, что ему не выкупить товаров со всего свету белого, и отдает тридцать тысяч.

Затем Садко нагружает новгородскими товарами тридцать кораблей и едет торговать.

Ай как на своих на черных на кáраблях,
А поехал он да по Волхову,
Ай со Волхова он во Ладожско,
А со Ладожского выплыл да в Неву реку,
Ай как со Невы реки как выехал на синё морё.
Ай как ехал он по синю морю,
Ай как тут воротил он в Золоту Орду¹.

Распродав товары и нагрузив корабли золотом, серебром и жемчугом, Садко снова выплыл в сине море. Тут приключилась ему неудача. Несмотря на сильный ветер, рвавший паруса, корабли вдруг остановились – и ни с места. Догадываясь, что морской царь требует дани, Садко велит бросить в море бочку-сороковку золота. За нею следует бочка серебра и жемчуга, но все напрасно. «Видно, морской царь требует живой головы», – решает Садко и велит дружине метать жеребьи. Жеребьи упорно указывают, что морской царь требует себе самого Садка. Убедившись, что от судьбы не уйдешь, он делает распоряжение перед смертью:

Ай как начал он именица своего да он отписывать,
А как отписывал он именья по Божьим церквам,
Ай как много отписывал он именья нищей братии,

---

¹ Гильфердинг, столб. 392.

А как ино именицо он отписывал да молодой жены,
Ай достальнѣе имень отписывал дружине
он хоробрыей.

Затем, захватив с собой гусли, он велел себя спустить в море на дубовой доске. Немедленно корабли понеслись, будто черные вороны, а Садко остался на море. От страха великого он заснул и проснулся на дне моря. Здесь он увидел в палатах белокаменных морского царя, который объявил ему, что вытребовал его, чтоб послушать его игры. Следует пляска морского царя, разволновавшая море, вследствие чего тонут корабли и гибнет много народа православного. Микола угодник выслушал молитвы гибнущих, явился в виде старца седатого на дне моря и велит Садку прекратить игру, оборвав струны гуслей и сломав шпенечки. Пляска царя морского прекращается, но он хочет оставить у себя Садка, женив его на морской девице. По совету Миколы Садко из предложенных ему на выбор девиц выбирает Чернаву. После свадебного пира он заснул и, проснувшись, очутился в своем городе лежащим на крутом кряжу у берега реки Чернавы. В то же время по Волхову подъезжают его корабли с казною. В благодарность за спасение Садко

Ай как сделал церковь соборную
Николы да Можайскому,
Ай как другую церковь сделал Пресвятая Богородицы.
Ай топерь как ведь да после этого
Ай как начал Господу Богу он да молитися,
Ай о своих грехах да он прощатися;
А как боле не стал выезжать да на синѣ морѣ,
Ай как стал проживать во своём да он во городе¹.

---

¹ Гильфердинг, столб. 399.

Таково содержание былины в этом лучшем варианте, отличающемся полнотою и логичностью плана. В прочих олонецких вариантах, большей частью плохих, отметим лишь некоторые черты. Так, скупание Садком товаров в городе в некоторых былинах достигает своей цели. Они открываются тем, что Садко без всякого спора с новгородцами посылает скупить все товары и, нагрузив ими корабли, едет торговать¹. В трех вариантах² вставлен эпизод, известный из сказок, – спор морского царя с царицей о том, что на Руси дороже: булат или золото. Садко, призванный судьей, решает спор в пользу булата. В одном варианте³ роль Миколы Можайского берет на себя Поддонная царица: она, жалея христианские души, гибнущие на море от пляски морского царя, советует Садку порвать струны гуслей и затем дает ему же совет относительно выбора невесты. В одном отрывке⁴ спор морского царя с царицей кончается трагически: за противоречие царь схватил саблю острую и отсек царице буйну голову. Очевидно, сказитель некстати внес эту подробность из былины о Вольге и Турец-Сантале. Покончив с царицей, царь отдает за Садка любимую дочь и сам велит ей провозить его на святую Русь. Очутившись на земле, Садко

Поклонился и распростился с ей:
«Ты прощай, царевна морская:
Я тебе женихом не пришел,
А ты мне в невесты не пришла».

Более интересных подробностей представляют обе былины о Садке в сборнике Кирши Данилова (№ 26 и 44).

---

¹ Рыбников, I, 61, 63; III, 41.

² Рыбников, I, 62, III, 41 и 42.

³ Рыбников, III, 41.

⁴ Рыбников, I, № 62.

В одной Садко является не природным новгородцем, а приезжим в Новгород с Волги молодцем, знающим эту реку с вершины до нижнего царства Астраханского. Садко гулял по Волге 12 лет, но не называется купцом и, по-видимому, промышлял чем-то иным. О товарах его нет и помину. Былина ничего также не знает о нем как о гусяре.

Захотелось молодцу побывать в Новгороде,
Отрезал хлеба великий сукрой,
А и солью насолил, его в Волгу опустил:
«А спасибо тебе, матушка Волга река!
А гулял я по тебе двенадцать лет,
Никакой я притки, скорби не видывал над собой,
И в добром здравьи от тебя отошел;
А иду я, молодец, в Новгород побывать».

Волга шлет с ним поклон своему брату Ильмену.

Придя пешком к Новгороду, Садко, остановившись на берегу Ильменя, поклонился и передал челобитье от Волги. Из Ильменя выходит добрый молодец, спрашивает Садка, как он знает его сестру Волгу, и советует ему просить у новгородцев работников с тремя неводами, обещая Садку хороший улов рыбы в озере. Действительно, улов был богатый: рыбою наполнили погреба глубокие, а через несколько дней рыба обратилась в золотые и серебряные деньги. Садко благодарит Ильмень-озеро и просит научить его, как ему жить в Новгороде. По совету Ильменя он начинает водиться с таможенными и посадскими и поступает в братчину Никольщину. Далее следует спор Садка с новгородцами и удачное скупание товаров. Скупив все, даже черепаны и гнилые горшки, Садко иронически замечает:

Пригодятся ребятам черепками играть,
Поминать Садку, гостя богатаго!

Что не я, Садко, богат, – богат Новгород
Всякими товарами заморскими
И теми черепанами, гнилыми горшки!»

Сказитель-слагатель этой былины, вероятно долго жившей в восточных краях России, не имел никаких новгородских симпатий. В его передаче Садко представляется волжским удалым молодцем, пришельцем, обогатившимся в Новгороде и притом издевающимся над его жителями. В другой общеизвестной былине Кирши Данилова, где рассказано морское приключение Садка на Хвалынском (т.е. Каспийском) море, он является коренным новгородцем, прихожанином церкви Николы Можайского. Очутившись на берегу Волхова, он узнает свою приходскую церковь.

Перейдем к разбору былины.

Есть основание думать, что древнейшей ее основой была песня об историческом лице. Садко, как известно, упоминается в новгородской и псковской летописях как строитель церкви Свв. Бориса и Глеба, хотя в хронологических указаниях летописи вышла какая-то путаница¹. Наиболее вероятно отнесение этой постройки к 1167 году летописями Новгородской первой и третьей. В *первой* строитель *каменной* церкви назван Съдко Сытинець (вариант Сотко Сытинич). В *третьей* точнее определяется местоположение ей: «В лето 6675 (1167) в Великом Новгороде на Софийской стороне, заложи церковь каменну святых мучеников Бориса и Глеба в Околотке Сотко Сытинич, в каменном городе-детинце». Следует думать, что построенная Съдком близ Св. Софии каменная церковь долго была в городском населении связана с его именем

---

¹ См. попытку разобраться в свидетельствах новгородских летописей о Садковой церкви, сделанную П. А. Безсоновым. Песни Киреевского, выпуск 5-й, стр. LVII–LXIII.

как богатое сооружение частного лица. Каменных церквей в XII веке было еще немного, и, конечно, редко частные лица предпринимали такие капитальные постройки. Имя этого исторического храмоздателя (в Софийском временнике он называется *Сотко богатой*) запомнила новгородская былина, в которой Садко богатый гость также является строителем то одной, то двух, то даже трех церквей. Когда Садко разбогател, читаем мы в былине Кирши Данилова (№ 26),

И вложил ему Бог желанье в ретиво сердце.
Шел Садко, Божий храм соорудил
А и во имя Софии Премудрыя.
Кресты, маковицы золотом золотил,
Местны иконы изукрашивал,
Чистым жемчугом усадил,
Царские двери вызолачивал.

Та же былина приписывает ему далее постройку еще двух церквей: Стефана архидиакона и Николая Можайского.

Новгородский эпос называет Садка богатым *гостем*, упоминает его лавки, корабли с товарами, его поездки заморские, особенно по синему морю или Вереяскому (т.е. Варяжскому. Балтийскому). Летопись не называет Съдка торговым гостем, но нетрудно предположить, что исторический Сотко свои богатства, давшие ему средства построить каменный храм, приобрел, как многие другие новгородские богачи, путем обширной внешней торговли.

Итак новгородское предание, составившее первоначальную основу былины, рассказывало что-то об одном из богатых новгородских торговцев XII века, связавшего свое имя с сооружением каменной церкви и предпри-

нимавшего обширные торговые обороты. Посмотрим теперь, какие сказочные мотивы прикрепились к имени этого исторического лица.

Уже в одной статье (по поводу теории В. В. Стасова), напечатанной мною в 1871 году¹, я высказал предположение, что в былинном Садке слились две личности – эпического гусяря, пленяющего своею игрою морского царя, и богатого новгородского купца. В некоторых былинах (напр. Рыбников, I, № 62, Кирша Данилов, № 26) о Садке, как о гусяре, вовсе не упоминается. В *первой* из названных былин Садко хотя и спускается в море, но не играет там на гусях; *во второй* – Садко обогащается не за игру на гусях, а за переданное им Ильмену челобитье от его сестры Волги. От смешения обеих личностей – гусяря и купца – происходит та неясность представления, которая получается читателем былин о Садке. Как гусярь, Садко является в тесной связи с морским царем, и оба персонажа должны рассматриваться вместе. Как купец, Садко состязается в богатстве с Новгородом, строит корабли, записывается в братчину Никольщину, строит церкви, палаты и проч. Поищем сначала объяснения типа Садка-гусяря и поклонника его таланта – морского царя.

Нужно вспомнить, что на берегах озера Ильменя мы стоим на финской почве, которую оглашала чудесная игра Вейнемейнена, что из озера появлялся царь морской Ahti и что в близкой Олонецкой губернии были записаны Лённротом высокопоэтические руны, в которых главную роль играет национальный герой и, как полагают, древний бог финнов, певец Вейнемейнен².

¹ В «Беседах в Обществе любителей российской словесности», вып. III.

² Всего лучше помнят старинные руны в русской Карелии, в Архангельской (приход Вуоккинъеми) и Олонецкой губ. (в Реполе и Химоле), а также на западных берегах Ладожского озера. В 1883 г. руны были записаны в значительном количестве К. Кроном на западе от Петербурга и в Эстляндии.

Просматривая эти руны и местные финские и эстские сказания, мы открываем целый ряд аналогий с некоторыми чертами новгородской былины о Садке.

Начнем с имени озера. Название Ильмень есть финское имя озера Ilmjärw, что значит Wettersee (Ilma – воздух, погода, järw – озеро), то есть озеро, предсказывающее или производящее погоду. У финнов и эстов существует убеждение, что известные ручьи, реки и озера могут производить дожди и порождать бурю, особенно если бросить что-нибудь в их воду. На вопрос Крейцвальда, как может погода зависеть от воды, он получил ответ: «Это наша старая вера, – нам так передавали старики»¹. Эсты в Дерптском округе тщательно вычищают ежегодно русло ручья Wöhhanda, протекающего через Ильмень-озеро², наблюдают его для предсказания погоды и приносят в жертву богу ручья, иногда являющемуся в виде *молодца с синим и желтым чулком на ногах*, черных быков. В прежние времена его умиловивляли даже приношением в жертву детей. В силу такого верования о связи воды с погодой Ильмень получил свое имя «Озеро погоды» и считался священным озером³. То же слово ilma находим в имени одного из героев Калевалы – Ilmarinen'a (уменьшит. от Ilmari), также древнего бога, которого, по свидетельству епископа Агриколы, молили о попутном ветре⁴. Финские сказания, ходившие о священном озере Ильмене, конечно, должны были стать известными славянскому населению, перейти к нему вместе с почвой, к кото-

¹ Kreutzwald u. Neus, Mythische u. Magische Lieder der Esten, p. 114.

² У Кастрена сообщается, что ручей Wöhhanda истекает в приходе Odempä, у деревни Ilmegerve и впадает, соединяясь с Меддой, в озеро Пейпус (а не в Ильмень, как у Крейцвальда).

³ Kreutzwald, стр. 113; Neus, Estnische Volkslieder, I, стр. 58.

⁴ Castren, Finn. Mythologie, стр. 305.

рой они были прикреплены, и слиться с его родными преданиями. Вот, например, одно предание об озере Ильмене, по-видимому перешедшее к новгородцам от туземного населения. «С западной стороны впадает в Ильмень небольшая речка, называемая *Черный ручей*. В давнее время поставил кто-то на Черном ручье мельницу, и взмолилась рыба Черному ручью, прося у него защиты: “Было де нам просторно и привольно, а теперь лихой человек отнимает у нас воду”. И вот что случилось: один из новгородских обывателей ловил удочкою рыбу на Черном ручье, подходит к нему незнакомец, одетый весь в черное, поздоровался и говорит: “Сослужи мне службу, так я укажу тебе такое место, где рыба кишмя кишит”. – “А что за служба?” – “Как будешь ты в Новгороде, встретишь там высокого, плотного мужика в *синем* кафтане со сборами, в широких *синих* шароварах и высокой *синей* шапке; скажи ему: дядюшка Ильмень-озеро, Черный ручей тебе челобитье прислал и велел сказать, что на нем мельницу построили. Как ты, мол, прикажешь, так и будет”. Новгородец обещал исполнить просьбу, а черный незнакомец указал ему место, где скопилось рыбы тьма-тьмущая. С богатою добычей воротился рыболов в Новгород, повстречал мужика в синем кафтане и передал ему челобитье. Отвечал Ильмень: “Снеси мой поклон Черному ручью и скажи ему про мельницу: не бывало этого прежде, да и не будет!” Исполнил новгородец и это поручение, и вот разыгрался ночью Черный ручей, разгулялось Ильмень-озеро, поднялась буря, и яростные волны снесли мельницу»¹. В этом предании дядюшка Ильмень-озеро, в синем кафтане, шароварах и шапке, напоминает молодца из ручья Wöhhanda в *синих* и желтых чулках. Про тот же священный ручей эсты расска-

¹ Вестн. Р. геогр. общ., 1853, I, смесь, стр. 25–26.

зывают, что один немец-помещик вздумал построить на нем мельницу, и оттого будто бы началась дурная погода, которая продолжалась очень долго. Кончилось тем, что народ сжег мельницу, и немедленно после этого наступила хорошая погода¹.

Переходя теперь к сказаниям о Садке, остановимся прежде всего на личности морского царя. В былинах он носит разные названия, то царя-водяника², то поддонного царя³, то морского или заморского царя⁴. Всюду, однако, он изображается *царем*, причем описывается дворец, поддонная царица Водяница и толпы морских дев. В былинах упоминается его богатство; он дает в приданое за дочь

Одну бочку чиста серебра,
Другую бочку красна золота,
Третью бочку скатна жемчуга⁵.

Эти богатства составляются, между прочим, из дани, которую ему должны платить мореходы: Садко из остановки корабля на синем море заключает, что царь морской, видно, дани требует, и спускает в море сначала бочку-сороковку чиста серебра, а потом такую же бочку красна золота⁶. Жилище царя помещается то неопределенно в синем море, то на острове, то в Ильмень-озере⁷. Царь морской любит музыку, восторгается при ее звуках и щедро награждает музыканта богатым уловом рыбы.

---

¹ Castren, стр. 71.

² Рыбников, I, 368.

³ Рыбников, III, 242.

⁴ Рыбников, I, 371, 377.

⁵ Киреевский, V, 41.

⁶ Рыбников, I, 375.

⁷ Рыбников, I, 371.

Он – властелин над рыбами и загоняет их в неводы тех людей, которым покровительствует. Для довершения его характеристики следует упомянуть, что он любит женить в синем море и имеет в своей свите толпу морских или водяных девушек.

Все эти черты характеризуют и финского морского бога Ahti или Ahto. Ahti принадлежал у финнов к числу великих богов, представляется маститым старцем (ukko, vanhin) с травяною бородой, носит эпитет царя волн (oaltojen kuningas) и владычествует над водами и рыбами. Его богатства считаются неисчислимыми и состоят из больших кусков мифической драгоценности Сампо, которая с лодки Вейнемейнена упала к нему на дно морское. В одной руне Калевалы (43, ст. 267 и след.) мы читаем:

Так погрузились эти куски,
Большие осколки Сампо,
Под тихия воды,
На черную тину.
Они остались на богатство воде,
На клад племени Ахтову;
Оттого вовеки веков,
Доколе светит золотой месяц,
Есть в воде богатство,
Клады у морского Ахто.

Вместе с Ahti царствует над водами его жена Wellamo (иначе Wellimo, Wellimys), добрая, щедрая хозяйка, благорасположенная к людям. Она соответствует нашей царице морской, помогающей, по одному варианту, Садку выбраться на Божий свет. Царя и царицу окружают толпы водных дев, которые называются Wellamon neiot – девами Велламо. В 5-й руне (стр. 29–35) мы читаем:

Там живет племя Ахтово,
Валяются девицы Велламо,
Сидят оне в маленькой избушке,
В тесной комнате,
Под узорчатым камнем,
Под толстой скалой.

Одной из таких дев стала невеста Вейнемейнена, бросившаяся в море из нежелания выйти замуж за старого певца. Превращение ее в рыбу и жизнь в море показывают, что она, подобно Вейнемейнену, была личностью божественною, получившею впоследствии человеческую окраску.

Царь морской Ахто – охотник до музыки. Когда Вейнемейнен, рассказывает 41-я руна (ст. 133 след.), стал играть на своей арфе на берегу моря, то

Ахто, царь волн,
Старец вод, травяная борода,
Выбирается на поверхность воды,
Бросается на кувшинчики,
Слушает веселые (звуки),
Говорит такие слова:
«Ничего подобного я не слыхивал
Во веки веков
Этой игре Вейнемейнена,
Веселым (звукам) вечного певца».

Не напоминает ли это морского царя, слушающего из озера Ильменя игру гуслиря Садка?

Как наш царь морской рад случаю залучить к себе Садка, чтобы послушать его гуслей, так Ахто рад овладеть арфой Вейнемейнена:

Сильно дули тогда ветры,
Хлестали лодку волны,

Унесли оне арфу из щучьей кости,
Кантелю из рыбьих плавников,
На добро племени Велламо,
На вечное веселие народа Ахтова;
Ахто увидал ее из волн.
На воде дети Ахтовы
Взяли прекрасный инструмент,
Унесли к себе домой¹.

Эта таинственная поэтическая связь музыки с водою, выражающаяся в греческом предании об Арионе, спасенном дельфинами, или в предании о Садке, изображается чрезвычайно ярко в одной эстской народной песне о *сыне скалы*. Какая-то девушка, по справедливому замечанию Крейцвальда напоминающая богиню Сальме, поет, что пошла она качаться на берег моря, и что ее уборы (ожерелье, перлы, цепи) были унесены в море.

Помощь принес ей сын скалы,
Певец со шведскою арфой:
«Чего плачешь ты, нежная,
Чего рыдаешь, девица?»

Она рассказала ему о своей утрате.

«Не плачь, дорогая,
Не горюй, милая!
Уж мы разыщем воров,
Уж откроем грабителей».
Начал ударять он по арфе:
Зазвенели струны арфы,
Зазвучали звуки песни.
В удивленьи слушало море,

---

¹ Kalevala – Runo 42, vv. 483–493.

Волны остановились в своем движении,
Смотрели облака с тоскою.
Поднялась щука из моря,
Высоко ласточка над водою,
Из тины появилась пиявка;
Принесли мой убор на рогожку и т.д.¹.

Издатель эстских песен Крейцвальд видит в этом сыне скалы (kaljo poisi) эпитет национального героя эстов – Калевипоега, который соответствует отчасти музыканту Вейнемейнену и обладает таким же искусством в игре на арфе².

Подобно тому как царь морской в нашей былине дает Садку богатый улов рыбы, составляющей основу Садкова богатства, так и бог Ahti загоняет рыбу в сети Вейнемейнена. В Калевале рассказывается, что огонь, павший на землю, был проглочен на озере Alue рыбою. Вейнемейнен с Ильмариненом сплели сети и стараются выловить эту рыбу. Для удачного улова певец обращается с молитвой к Ахто:

Ахто, хозяин волн,
Властитель сотен омутов,
Возьми жердь в пять сажен,
Ищи шест в семь сажен,
Чтобы им морские хребты расследовать,
Дно морское перещупать,
Загонять костистую (то есть рыбью) стаю
Туда, где мы невод вытащим,
Где сотню поплавков опустим,
Из рыбообильных станов,
Из лососиных ям,

---

¹ Kreutzwald, стр. 44 и след.

² См. Kalewipoeg, III, 520 и след.

Из великих пучин морских,
От темных глубин,
Куда никогда не светит солнце¹.

Ахто исполнил просьбу Вейнемейнена, и после *троекратной* закидки невода в числе массы рыбы попалась и щука, проглотившая огонь². Не напоминает ли эта щука с огнем во чреве нашу рыбу золотое-перо, заганную царем морским в невод Садка?³

Если таким образом финский бог Ahti близко напоминает нам морского царя, то прототип Садка-гуслера можно видеть в музыканте и певце Вейнемейнене. Действительно, в Садке богатом госте чисто музыкальная сторона является как бы внешнею прибавкой, не составляет его существенной черты, как новгородского купца-промышленника, которого народ помнит по его богатству, кораблям, состязанию с Новгородом, постройке церквей и т.п. Вейнемейнен же у финнов и особенно эстский Ваннемуйне является широко известным типом дивного музыканта, чарующего всю природу звуками кантели или арфы. Личность этого музыканта, любящего изливать свою тоску на берегу моря или озер, занимает самое видное место в финских и эстских сказаниях, воплощая в себе национальный характер песнелюбивого финского племени⁴. Эстский Ваннемуйне не просто певец древности: он божественного происхождения, создание верховного бога (древнего отца – wana issa или wana taat) и участник в тво-

¹ Kalev. Runo 48, ст. 135 след.

² Ib., ст. 187 след.

³ Ahti был известен и у эстов, и по его имени названо озеро Ahtijärw близ реки Muna-mägi; см. Wiedemann, Aus dem inneren u. äusseren Leben der Esten, стр. 418. 1864 г.

⁴ См. Verhandl. d. gel. Est. Gesel., II B., 4 Heft, p. 72 и след.: Die Sage von Wannemuine.

рени и украшении мира. Вот что рассказывает о нем эстское народное предание. Древний отец жил на своем высоком небе; в его чертогах блистало светлое солнце. Он создал богатырей, чтобы они служили ему советом, искусством и силою. Самый старший между ними был Ваннемуйне. Бог создал его старцем с седыми волосами и бородой и одарил его глубокою мудростью; но сердце у него было молодое, и он обладал дивным даром творчества и пения. Когда бога обременяли заботы, Ваннемуйне играл на своей чудной арфе и пел песни... Другие богатыри – помоложе – были Ильмаринен, искусный кузнец, и Леммекюне (фин. Lemminkäinen), веселый юноша. Древний отец решил сотворить мир и сообщить это своим богатырям. Они изумились, но ответили: «Что ты порешил в своей мудрости, то не может быть худо». Пока они спали, отец создал мир и опочил от трудов. Когда они проснулись и увидели творение, то протирали себе глаза. Затем Ильмаринен взял кусок стали, выковал свод неба и протянул его над землею, укрепивши на нем светлые звезды и месяц. Из передней старика взял он светильник и укрепил его к своду так искусно, что он мог подниматься и опускаться. Ваннемуйне в восторге запел песню под арфу и стал плясать по земле; за ним полетели стаи птиц, и где нога его касалась земли, там вырастали цветы, а где он пел, *сидя на камне*¹, там вырастали деревья².

Другое, не менее поэтическое эстское предание рассказывает о том, как старый Ваннемуйне прельстил свою игрою трех девиц: но когда он стал их поочередно сватать за себя, все три отказали ему, как старику. Долго горевал старый певец, сидя одиноким в лесу, на-

¹ Вспомним Садка, сидящего на бел-горюч-камне.

² См. Verhandlungen d. g. Est. G., II B., 2 Heft, стр. 63 след., статья Fählmann, Wie war der heidnische Glaube der alten Esten beschaffen?

конец пошел и *сел на берегу озера Эндла*, выражая свою грусть в чудных песнях. Вероятно, в награду за пение (о чем предание умалчивает), находит он вдруг в траве новорожденную девочку, которая, можно думать, была ему послана озером, так как найдена была на берегу (при этом можно вспомнить красавицу Чернаву, на которой хочет женить Садка морской царь). Ваннемуине, с согласия древнего отца, принимает девочку себе дочерью, утехой своей старости. Он передал ей дар поэтического творчества, и Ютта (так звали ее), по народному преданию, еще до сих пор живет на берегу озера Эндла¹ и покровительствует рыбам и птицам. В этом предании опять находим знакомый мотив – дивного музыканта, играющего на берегу озера².

Другую черту, указывающую на связь музыки с водою, можно видеть в самом происхождении кантели финского Вейнемейнена. Она сама морского происхождения – она сделана из щучьих костей. Когда Вейнемейнен с Ильмариненом и Леммикейненом едут в Похиолу добывать Сампо, их лодка останавливается близ водопада на спине огромной щуки и не может сдвинуться с места³. Богатыри выловили щуку, распла-

¹ Verhandlungen d. g. Est. G., B. II, Heft. 4, p. 74.

² На утешающее, успокаивающее влияние Вейнемейнена на воду указывает финское выражение для морского затишья, штиля: Väinämöisean tiä – путь В. – на Väinämöisean kulku – дорога или ход Вейнемейнена. См. ст. Я. Гримма о Калевале в Höfter's Zeitschr. f. d. Wiss. d. Spr., I, p. 54.

³ Срав. остановку Садкова корабля среди моря. Мотив остановки корабля среди моря по воле водяного является и в финских сказках. Например, в собрании Эрика Рудбека (Suomen Kansan Satuja ja Tarinoita) читается сказка, записанная в Пангаёрви в Карелии, «Обещанные водяному (Wetehinen) дети», где рассказывается, что корабль одного короля был остановлен среди моря водяным и тронулся лишь тогда, когда король обещал водяному то, что родилось у него дома в его отсутствие (см. Mélanges russes, T. II, 6-me livr. 1855, p. 608. Ср. тот же мотив в русских сказках – Афанасьев, V, № 31, VIII, стр. 397, V, 23, VI, 48, 49, 60, 61.

стали ее, и из челюстей ее Вейнемейнен устроил себе кантелю¹. Эта кантеля впоследствии упала в море с лодки и стала снова достоянием морского бога Ахто, который был царем над *рыбами*. Подобно тому и гусли яровчаты Садка сломаны им в воде и остались в поддонном царстве.

Если мы примем во внимание все эти аналогические черты между былиной о Садке и сказаниями о Вейнемейнене, и притом вспомним, какое важное место занимает Вейнемейнен в финских и эстских мифах и народных преданиях, то едва ли найдем слишком смелым предположение, что Садко-гусяр – отголосок финского певца, а наш морской царь – водяной бог Ахто. Конечно, нам могут сказать, что незачем прибегать к теории заимствования, когда у нас в былинах есть свои гусяры, а в наших реках и болотах живут свои водяные. Но если мы взглянем в этих наших гусяров и водяных, то увидим, что они *toto coelo*² отличаются от Садка и морского царя. Наши русские водяные «с одутловатым брюхом и опухшим лицом»³, живущие в омутах, особенно около мельниц, известные пьяницы, посещающие шинки, где пьянствуют и играют в кости⁴, ворующие лошадей и коров и топящие людей, совершенно отличны от былинного морского царя и финского бога Ахто, который относится благосклонно к людям, любит их и помогает в беде⁵. Наши водяные, злые водные духи, соответствуют такой же категории финских водяных демонов, которых называют *vetehin-*

---

¹ Kalevala – Runo 40.

² Полностью (*лат.*).

³ Афанасьев, Поэтич. воззрения, II, 237.

⁴ *Ib.*, 238.

⁵ Castren, *Finnische Mythologie*, 83.

en (от *vesi* – вода). Знаток финской мифологии Кастрен замечает, что *vetehinen* и по понятию, и по этимологии именно соответствует русскому водяному, и даже предполагает, что представление об этих существах было заимствовано финнами из русской мифологии, в которой *водяной* играет гораздо более значительную роль, нежели *vetehinen* в финской¹. Ни от Кастрена ни от Афанасьева не скрылось глубокое различие между водяными и морским царем, и наш мифолог называет последнего славянским Нептуном². Мы ничего не имели бы против *славянского Нептуна*, если бы личность морского царя была лучше засвидетельствована в русских мифических верованиях. Но мы знаем его только из былин³, а в них слишком опасно отыскивать русскую мифологию. Связь морского царя с музыкой, совершенно отделяющая его от водяных, о музыкальных симпатиях которых ничего неизвестно, тесно сближает его с финским *Ahti* и служит – для нас по крайней мере – достаточным доказательством вторжения его в русскую былинку из финских сказаний. Морского царя нельзя оторвать от гусяра Садка: они представляют группу, вошедшую соединенно в наш эпос. Да и Садко не такой гусяр, каким являются, например, Добрыня или Ставр при княжеском дворе в Киеве. Гусяр, который чарует своею игрою морского царя и доводит его до иступленной пляски на дне моря, – не тот случайный гусяр, который, забавляя князя Владимира,

Сыгрыш играет Царя-града,
Тонцы наводит Иерусалима,

---

¹ *Ib.*, 85.

² Поэтич. Воззрения, II, 215.

³ И из немногих сказок, где он, впрочем, является с другим характером, чем в былинах.

Величает князя со княгинею,
Сверх того играет еврейский стих¹.

Гусляра типа Садка не знала и не создала Киевская Русь: этот тип – произведение новгородского былинного творчества, навеянный местными сказаниями о дивном музыканте, которые ходили в Северной Руси. Мотив игры Садка на берегу Ильменя, на белом горячем камне, и появление на сцене морского царя – *unicum* в нашей былинной поэзии, а этот мотив, как мы видели, напротив того, *распространен* у финнов и эстов. Все это, по-видимому, говорит в пользу нашего предположения об отголосках финских сказаний в новгородской былине. Объяснить, каким образом этот отголосок финских сказаний вошел в новгородский эпос, нетрудно. Новгородские славяне, соседи финского коренного населения, постоянно сталкиваясь с ним, должны были невольно усвоить себе популярнейшую личность финского водяного царя и певца Вейнемейнена. А насколько распространены были верования в водяного царя среди финнов в древности, можем судить по тому, что и в настоящее время среди корелов это верование бытует в полной свежести, как свидетельствует Н. Лесков в одной статье, напечатанной в «Живой Старине» в 1893 году². «Как былинный морской царь имеет палаты на дне моря, так и у каждого водяника (ведэхинэ, вези-кунингуой, т.е. водяного царя) в своем озере или реке есть свой собственный дворец. Палаты его очень роскошны и сделаны из такого чистого хрусталя, как первый осенний лед... Под водой у водяника целое хозяйство. Он живет здесь как богатый помещик, не зная

---

¹ Кирша Данилов, 132 и 133.

² Вып. III, отдел V, «Представления кореляков о нечистой силе».

ни в чем нужды и лишений»¹. Кореляки утверждают, что водяной царь иногда выходит из своего озера: «В жаркие дни, в тихую погоду, водяник нередко всплывает на поверхность воды, садится на камень и начинает расчесывать гребнем свои косматые длинные волосы. В таком положении его видели очень многие из крестьян, и преимущественно бабы»². Как наш морской царь имеет семью, так у корельского водяного царя бывают дети: кореляки рассказывают, как однажды сын его случайно попал в сети рыбакам и, к счастью, был ими отпущен к отцу³. В виде примера перехода корельских верований к русскому населению можно привести заонежские верованья в *лембоев*. Среди финских злых духов известны бесы, называемые Lempo, представители зла на земле в самом обширном смысле этого слова⁴. Обитатели Похиолы, этой эпической страны колдунов и бесов, которой противопоставляется Калевала, родина финских богатырей, называются Lemmon Kansa (народом Лемпо)⁵. Этих финских бесов нетрудно узнать в лембоях, которые, по заонежским поверьям, живут на Ишь-горах и Мьянь-горах. У них там целые села с переселками и города с пригородами. Лембои женятся между собою, распложаются, а все им мало: дня не проходит, чтобы не похищали людей, в особенности детей, которые закланы родителями⁶. Заонежское население рассказывает много случаев таких похищений.

Если финское население передало некоторые свои верованья соседнему русскому и, как мы предполага-

---

¹ Назв. соч., стр. 417.

² Там же, стр. 116.

³ Там же, стр. 417.

⁴ Castren – Finnische Mythologie, 110.

⁵ Там же, стр. 247..

⁶ Рыбников, часть IV; Заонежские поверья, стр. 220.

ем, дало своими сказаниями о водяном царе и дивном музыканте материал для эпических личностей морского царя и гусяра Садка, то в более поздние времена Корела, перестав быть «проклятой», как ее честит наш эпос, усвоила многие русские былины, и в том числе былинку о Садке. Один вариант ее был записан Рыбниковым от кореляка¹. Так поквитались между собою в данном случае оба племени!

Если для уяснения типа Садка-гусяра и морского царя некоторый материал дают финские предания о певце Вейнемейнене и морском боге Ахто, то параллели для подробностей былинной фабулы, прикрепленной к имени новгородского купца Садка, нужно искать частью в местных легендах, частью в международных бродячих сказочных сюжетах.

Среди новгородских купцов и промышленников, постоянно имевших дело с морем, должны были быть широко распространены легенды о случаях чудесного спасения мореходов заступничеством святых, особенно покровителя мореходов св. Николы. По русским народным верованиям, св. Никола слывет скорым помощником на водах и даже называется *морским* и *мокрым*. Особенно распространен культ его у нас на Севере среди населения, промышляющего на реках и на море. Здесь, вероятно, сложилась пословица: всем богам по сапогам, а Николе боле, что ходит боле. А это потому, что «от Холмогора до Колы – тридцать три Николы». Отсюда понятно, что купец-мореход Садко поступает в братчину Никольщину и что избавителем его из царства морского царя является св. Никола Можайский, которого икону Садко захватил с собою (по одной былинке), садясь на доску. Для этой последней черты спасения гибнувшего и плывущего на доске че-

¹ Рыбников, III, 41.

ловека можно припомнить некоторые новгородские и ростовские легенды. Когда новгородцы, подозревая архиепископа Иоанна в развратной жизни, хотели его погубить, то посадили его на плот и пустили по Волхову; но плот чудодейственно пошел вверх против течения и сам собою остановился близ Юрьева монастыря. По другой новгородской легенде, об Антонии Римлянине, этот святой будто бы приплыл из Италии на камне под самый Новгород¹. Но особенно близко по некоторым частностям к былинне чудо блаженного Исидора Ростовского, как было указано проф. Халанским и акад. Веселовским.

«Сотворися бо чудо дивно и незабвения достойно: купцы нецыи по морю с куплею своею в корабле плаванье творяху, и внезапно на некоем месте корабль ста, и не можаше двинутися отуду, и разбивашеся волнами, вси же в нем бывшии, отчаяшася живота своего, и ожидаху смерти; таже умыслиша метнути жребия, кого ради корабль ста, и волнами разбиваемый есть, и паде жребий на единого от них купца из града Ростова, идеже святой Исидор жительствоваше. Посадиша убо купца того на доску, и пустиша в море, и двинуся скоро корабль от онаго места, а человек той на дске волнами носимый уже во вратех смертных бе, ни от кого же чающи помощи: и се внезапно предста ему угодник Божий Исидор, по морю яко по суху ходяй и глаголяй к нему: знаеши ли мя человеце? Купец же едва проглаголати возмог, рече: о рабе Божий, Исидоре! в нашем граде жительствуяй, не остави мене в мори сем погружаема, но помози мне окаянному и избави мя от горькия смерти. Святой же взял его за руку и на дске оной посади и бяше ему дска аки ладия, верху воды непогрязновенно плавающая. Святой же управляя ю погна

---

¹ Буслаев – Народ. поэзия, стр. 25.

скоро вслед корабля и достиг до того, всади в корабль человека цела, здрава и ничим же врежденна. Запрети ему глаголя: ни кому же поведай о мне, но сказуй, яко божественная сила избави тя от глубины морския»¹.

Итак, можно думать, что с именем купца Садка связалось в Новгороде легендарное предание о спасении его на море заступничеством св. Николы, которому, по былине, он и строит церковь. Быть может, такая легенда соответствовала какому-нибудь действительному событию в его неизвестной нам жизни. Но в дальнейшем развитии эта легенда спуталась с эпизодами сказочных сюжетов, из которых главный – пребывание героя на дне моря в водяном царстве и его женитьба на морской деве. И в наших сказках и в сказках других народов можно указать немало параллелей фабуле нашей былины, именно тому мотиву, что подземный или подводный царь, получив в свое царство героя, хочет удержать его, женив его на близком себе существе, обыкновенно на своей дочери: но затем герою удается выбраться на землю. Ограничусь лишь двумя примерами.

Киргизское сказанье о властителе вод Уббе, приведенное акад. Веселовским² из сборника демонологических рассказов киргиз Миропиева³, рассказывает, что один человек, по имени Аман-Кул, пойдя, по просьбе жены, за водою, вздумал нырнуть в реку. Здесь его схватил посол властителя вод Уббе и утащил на дно. Аман-Кул по приказанию Уббе служил у него несколько лет, отличился в борьбе со змеем и стал визирем. В подводном царстве он полюбил дочь другого визиря и

¹ М. Халанский – Великорусские былины киевского цикла, стр. 70–71 (из Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского); А. Н. Веселовский – «Былина о Садке» в «Жур. М. нар. пр.», 1886, декабрь, стр. 276. Сказки Афанасьева, V, № 47.

² Мелк. заметки к былинам. Журн. М. нар. просв., 1890, март, стр. 2.

³ Зап. И. Р. геогр. о-ва по этнографии. Т. X, вып. 3, стр. 27.

был взаимно любим ею. Однажды, когда царь водяной, призвав к себе Аман-Кула, обещал ему исполнить, что бы он ни пожелал, тот отвечал, что у него два желания: одно – возвратиться на землю, другое – взять за себя дочь визиря. Так как они несовместимы, Аман-Кул выбирает последнее, женится на своей возлюбленной и еще несколько лет остается на службе у водяного царя... Жена его, с которой он жил мирно, не показывала ему ключа от одного сундука; однажды в ее отсутствие Аман-Кул достал забытый ею ключ, открыл сундук и нашел там одну лишь зеленую палку. Не зная ее свойства, он положил ее снова в сундук, а ключ на прежнее место. Однажды, когда он снова раздумался о возвращении на родину и лег спать, вспомнив предварительно всемогущего Бога, ему явился человек черного цвета с белой чалмой на голове и сказал: «Сын мой, не печалься! Если ты возьмешь эту зеленую палку из сундука и, произнеся *бисмилля*, ударишь ею по земле, то благополучно вернешься на родину». Так и сделал Аман-Кул: как ударил палкой, вышел из воды в том месте, где опустился; на берегу лежала и одежда, которую он скинул, и ведро, полное воды. Когда он вернулся домой, жена не хотела ему верить: так мало времени в действительности прошло с тех пор, как он ушел. При помощи чудесной палки Аман-Кул разбогател и стал царем в своем городе.

Здесь Уббе соответствует нашему водяному царю, чудесная палка, обогатившая Аман-Кула, – чудесному улову рыбы, посланному Садку водяным царем, личность, дающая в море совет Аман-Кулу, – Николе Можайскому, дочь визиря – Чернаве.

В киргизской сказке нет мотива игры героя на музыкальном инструменте в подземном царстве. Но этот мотив нередко встречается в народных сказаниях.

Можно припомнить хотя бы известную русскую сказку «Скрипач в аду», в которой рассказывается, как скрипач попал в преисподнюю, принужден был играть чертям на скрипке и выбрался на землю только тогда, когда после произнесенных им слов «Господи помилуй» у него лопнули струны на скрипке¹.

Вышеприведенные параллели имели целью показать, что отдельные черты, входящие в содержание нашей былины о Садке, именно: остановка корабля, спуск героя в подводное царство, игра пред подводным царем, женитьба, – не что иное, как бродячие сказочные мотивы, прикрепившиеся к историческому имени новгородского купца XII века. Но каковы были ближайшие источники былины – этого, как и во многих других случаях, мы уяснить не в состоянии. Академик Веселовский² приводит параллель одному эпизоду былины о Садке из старинного французского прозаического романа «Tristan le Léonois», тем более интересную, что герой носит имя Sados. Вот содержание одного эпизода похождения этого лица.

Садок, племянник Иосифа Аримафейского, убил своего шурина, покушавшегося на честь его жены. С нею вместе он едет на корабле. Поднимается буря, и кораблю грозит сильнейшая опасность. Один старейшина корабля говорит корабельщикам, что Господь послал бурю ради грехов какого-нибудь из пассажиров. Один матрос, умевший гадать, узнает по жребию, что виновник бури Садок. Тогда корабельщики требуют, чтоб он оставил корабль, так как не хотят погибнуть из-за него. Он просит их оберегать его ни в чем неповинную жену, дочь вавилонского царя, а сам бросается в море. Буря немедленно утихла.

---

¹ Сказки Афанасьева, V, № 47.

² См. статью «Былины о Садке» в «Журн. Мин. нар. просв.», 1886, № 12.

Сходство эпизодов французского романа и былины бросается в глаза и еще усиливается сходством имен. Наше имя Садко, Саток – еврейского происхождения (евр. Цадок – справедливый), как и имя Садок франц. романа.

Акад. Веселовский далее указывает и на то, что старофранцузский роман и в дальнейшем своем развитии представляет несколько подробностей, интересных для нашего эпоса. Садок не погибает, а спасается на утесистый остров, где проводит три года у одного пустынного в посте и покаянии. Между тем жена его, вавилонская царица Chelynde, оставшаяся от него беременною, родит прекрасного мальчика при дворе Thanog'a, короля корнуэльского, одного из многих любовников, чередовавшихся в ее привязанности. Мальчик воспитывался у короля как его сын и впоследствии стал известен под именем Аполлона – Apollo l'aventureux. Из многочисленных походов его можно отметить, что он встречается враждебно со своим отцом Садоком, которого не знает, и убивает его. Здесь мы имеем одну из вершин широко распространенной фабулы боя отца с сыном. Любопытно, что богатырский сын нашего эпоса, бьющийся с Ильей Муромцем, – Борис, Сокольник, Збут, Соловник – носит в одной былине (Гильфердинга, № 246) имя *Аполлоница*, и акад. Веселовский склонен приводить это имя в связь с Apollo французского романа.

«Ограничиваясь одним рассказом о Садоке, можно предположить, – говорит акад. Веселовский¹, – что и роман и былина независимо друг от друга восходят к одному источнику – повести или легенде, в которых это имя уже находилось. Еврейское имя Садок указывает на еврейскую среду, которой влияние заметно в новгород-

---

¹ Назван. соч., стр. 283.

ской литературе. Вспомним некоторые талмудические апокрифы, пробравшиеся в наши былины. Древнейший еврейско-русский глоссарий, с объяснением еврейских слов в Евангелии, Апостолах, Псалтыри и проч.. был написан в 1282 г. для *новгородского* архиепископа Климента; в переводе пророков с толкованиями, писанном в *Новгороде* в 1047 году попом Упырем, истолкованы еврейские имена пророков. Развитие так называемой жидовской ереси в Новгороде должно было повлиять на знакомство с еврейским языком, на появление новых переводов ветхозаветных книг, которыми пользовались и еретики. С религиозным влиянием могло быть связано и сильное влияние литературное: древнерусская Палея открыла именно в эту пору доступ в свой состав новых талмудических повестей: спустившись степеню ниже, в сферу более низменных поэтических интересов, мы найдем там, гипотетически, место и для какой-нибудь легенды или сказки, пересказанной выкрестом-евреем. Совпадение имени вызвало прикрепление к Садку той легенды, которая затем явилась и одним из эпизодов французского романа».

Результаты, к которым сводится разбор былины о Садке, были бы следующие:

1. Материалом для них послужили, с одной стороны, финские, усвоенные русским населением сказания о дивном музыканте (Вейнемейнене), любимце морского бога Ахто; с другой – глухие предания об историческом лице Садке (XII в.), богатом купце, строителе каменной церкви Свв. Бориса и Глеба.

2. На это имя, кроме сказаний о Вейнемейнене, наслонилась легенда о чудесном спасении на море и *сказка* о пребывании героя в подводном царстве, игре на музыкальном инструменте, женитьбе на подводном существе и благополучном выходе без жены на Божий свет.

3. Вследствие совпадения в именах легенда о спасении новгородского купца Садка на море св. Николаем подверглась влиянию одного эпизода рассказа о Садоке — грешнике, брошенном в море, но спасшемся на острове и покаявшемся в своем грехе.

Происхождение этого рассказа о морском походе Садока и время, к которому должно отнести его сближение с новгородским сказанием о Садке, представляют вопрос, еще не вполне разъясненный в истории былины.

Былина о Батые¹

Спорный вопрос о том, как велико наследие старины, полученное севернорусским былевым эпосом от южнорусского периода нашей истории, может быть уяснен только детальным анализом былин, содержащих события, прикрепленные к древним историческим именам.

Такова былина о нашествии Батыги, т.е. Батыя. Во всей нашей истории не было более страшного, рокового события, которое могло бы произвести более потрясающее впечатление на воображение наших предков, чем этот опустошительный ураган, пронесшийся почти над всеми землями Руси, поглотивший сотни тысяч человеческих жизней, покрывший наше Отечество пожарами, развалинами и поработивший остатки населения ненавистному татарскому игу.

Глубокая скорбь народная слышится и в скудных словами известиях наших летописей о 1237–40-х годах и в более пространном и красноречивых повестях и сказаниях. Несомненно, рассказы современников или ближайшего поколения о страшной беде Русской земли

---

¹ Напечат. в сборнике «Почин», издан. Обществом любителей российской словесности, т. II-й, 1896 г.

отлились и в поэтические формы – песен, воспевавших, быть может, отдельные эпизоды, поразившие народное воображение в тех или других областях Руси. Донеслось ли до нас что-нибудь из этих древних песен в современной былине, записанной в XIX столетии, – вот вопрос, на который невольно наводит известная былина о Батыге. Тот или другой ответ на этот вопрос может повести к разъяснению скрытой от нас истории сложения и сохранения былин.

Записи былины о Батыге далеко не многочисленны. Из восьми вариантов сборника Гильфердинга¹ *три* представляют повторения записей Рыбникова²; сверх того, в сборнике Рыбникова находятся еще три записи былины того же сюжета³, *одна* (из Нижегородской губ.) в сборнике Киреевского⁴, *и три* в сборнике Тихонравова и Миллера⁵. Все эти 15 записей, восходящие к одной редакции, посвящены подвигам богатыря Василия Игнатьевича, или Василия пьяницы. О других былинах, в которых действующим лицом также является Батыга, скажем ниже.

Установить довольно точно содержание основного извода былины позволяют нам лучшие записи, к которым мы относим четыре: два в сборнике Гильфердинга (№ 66 и 60) и два в сборнике Рыбникова (II, 11 и I, 29).

Былина открывается оригинальным запевом, представляющим *unicum* в нашем эпосе. Это знаменитый запев о турах златорогих:

Из-под той белой березы кудреватя,
Из-под чуднаго креста Еландиева (Леванидова),

---

¹ № 18, 41, 60, 66, 116, 181, 231, 258.

² № 60 – Рыб., II, 10; № 66 – Рыб., III, 37; № 116 – Рыб., II, 65.

³ I, № 29, II, № 11 и 65.

⁴ II, стр. 93–96.

⁵ II, № 38, 39 и 40.

Шли-выбегали четыре тура златорогие,
И шли они бежали мимо славен Киев град,
И видели над Киевом чудным-чудно,
И видели над Киевом дивным-дивно:
И по той стене городовья
И ходит-гуляет душа красна девица,
Во руках держит Божью книгу Евангелие,
Сколько ни читает, а вдвое плачет.
Побежали туры прочь от Киева
И встретили турицу, поздоровались:
«Здравствуй, турица, родна матушка!»
«Здравствуйте, туры, малы деточки!
Где вы ходили, где вы бегали?»

Туры рассказывают матери о виденном чуде.

Говорит тут турица, родна матушка:
«Уж вы глупые, туры златорогие!
Ничего вы, деточки, не знаете:
Не душа та красна девица гуляла по стены,
А ходила та Мать Пресвята Богородица,
А плакала стена мать городовая,
По той ли по вере христианския, –
Будет над Киев град погибельё».

Затем запев переходит непосредственно в зачин самой былины, так что даже трудно сказать, где он кончается.

Подымается Батыга сын Сергеевич,
И с сыном Батыгом Батыговичем,
И с зятем Тараканником и с Каранниковым,
И с думным дьяком ворм-выдумщиком *и проч.*¹.

---

¹ Рыбников, II, № 11 (зап. от старика-калики из деревни Красные Ляги, Каргопольск. уезда).

У всех четырех – Батыги, его сына, зятя и дьяка – по сорока тысяч рати. Подступив к Киеву, Батыга требует у князя Владимира супротивника-поединщика. У князя, как на грех, богатырей не случилось; все они в разъездах: Илья, Самсон, Святогор, Добрыня, Олеша. В Киеве оставался только добрый молодец Василий Игнатьевич, горький пьяница, живмя-живший в кабаке, промотав и житье-бытье свое и приданое женино. Услыхав о требовании Батыги, Василий приходит к князю и просит дать ему опохмелиться. Владимир угощает его чарой в 1½ ведра. «Поправившись»; Василий почувствовал, что может на коне сидеть и саблей владеть. Он выезжает за стену и стреляет в татарский стан, целясь по трем лучшим головам. Тремя стрелами он убивает сына, зятя Батыги и его дьяка. Разгневанный Батыга отправляет в Киев посла с требованием немедленной выдачи стрелявшего. Василий добровольно отправляется в стан Батыги, просит у него прощения в своей вине, снова опохмеляется и обещает Батыге взять для него Киев-град, если он даст ему силы сорок тысячей. На те речи Батыга обнадеялся и давал ему силы сорок тысячей. Отъехав с войском, Василий избивает всю татарскую рать, возвращается к Батыге и говорит ему, что хотя и потерял 40 тысяч войска, но зато высмотрел, где в Киев ворота не заложены, и теперь возьмет город, если Батыга даст ему еще силы 40 тысячей. Батыга снова поверил обману; Василий опять истребил все войско и обманом получил новые 40 тысячей силы, которые постигла та же участь. Тут только Батыга увидел свою беду неминуемую и спешно поехал в свою землю, заклинаясь никогда впредь не бывать под Киевом.

Не дай Бог бывать боле под Киевом,
Ни мне-то бывать, ни детям моим,
Ни детям моим, ни внучатам!

Таково содержание былины по четырем лучшим пересказам. В прочих рассказ более скомкан в подробностях, спутан, и если в них есть некоторые новые детали, то не важные. Отметим некоторые.

В былине Гильфердинга № 41 и Рыбн., II, № 10, князь Владимир вовсе не упоминается. Василий пьяница действует по собственной инициативе. Но обе былины так плохи и кратки, что забвение князя Владимира нужно поставить на счет плохой памяти сказителей (Прохорова и Слепого Ивана). Князь несомненно упоминался в основном изводе былины.

В былине Гильфердинга № 18 (плохой и краткой) находим ту подробность, что вслед за требованием Батыги выдачи стрелка караульные солдаты докладывают царю Владимиру о местопребывании Василия в кабаке и, по его приказу, приводят пьяницу, который затем у царя опохмеляется чарой в полпята ведра. В былине Гильфердинга № 231 (Воинова) о стрелявшем в татар пьянице Василии Васильевиче (не Игнатъевиче) докладывают князю какие-то солдаты *буфетные*. Приведенному из кабака Василию князь говорит:

Ай же ты голь кабацкая!
Не ты ли бил силу Батыгину?
Поезжай-ко ко Батыги со ответом сам¹.

В былине Гильфердинга № 258 (Лядкова) Василий Игнатъевич, вместо трех раз, сразу берет у Батыги 300 тысяч *армии* и избивает ее, махая татарин². Прием избияния взят из других былин.

В краткой и плохой былине Рыбникова (II, № 65), скомкавшей все содержание в 73 стихах, Василий бьет-

---

¹ Столб. 1118.

² Столб. 1183.

ся мечом с самим Батыгой и убивает его, а затем Тараканчика, дьячка и все войско татарское. Владимир встречает победителя у Златых ворот, ведет в гридню и заводит пир. Из сопоставления большинства записей можно вывести, что основная былина кончалась не смертью Батыги, а уходом его. Но иногда, как в упомянутой записи¹, добавлена и смерть Батыги.

Любопытно для процесса нарастания подробностей отметить, что сказитель Потап Антонов, окончивший былинку бегством Батыги, когда сказывал ее Рыбникову², значительно продолжал ее в записи Гильфердинга. Когда Батыга с обычным заклятием отъезжает от Киева, Василий едет за ним в сугон, чтоб с ним переведаться за то, что он, не простившись, уехал восвося. Они бьются на саблях, Василий снимает у Батыги буйну голову, избивает его остальную силу, возвращается в Киев и пирует у Владимира 12 ден. Вследствие таких дополнений второй пересказ Антонова почти на 100 стихов длиннее первого. Так разнятся тексты былин в устах одних и тех же сказителей.

В посредственной былине, записанной Гуляевым в Барнаульском округе³, вместо Батыги подступает к Киеву Подольский царь, не названный по имени. Владимир посылает слуг верных за Васенькой, голью кабацкой. Василий выезжает, избивает силу Подольского царя и гонится за ним. Однако его останавливает верный конь словами:

Не бегай ты, Васинька, голь кабацкая,
Не бегай ты в землю басурманскую,

---

¹ Ср. также Тихонр. и Миллер, II, № 40.

² III, стр. 296.

³ Тихонравов и Миллер, II, 39.

Земля басурманская хитра-мудра,
Не быть нам обоим живым.

Послушавшись коня, Василий возвращается в Киев,
где вместо награды спрашивает у князя три погребя:

Первый погреб зелена вина.
Второй погреб пива пьянова,
Третий погреб сыты медвяныя!

Подробности в том же кабацком вкусе находим в записи крест. Касьянова, Олонецк. губ.¹. Голи кабацкие при приступе Батыги говорят князю Владимиру о Василии, лежащем в кабаке на печи. Князь Владимир сам идет по кружалам государевым, «по тем царским кабакам», и находит Василия. Василий жалуется, что у него трещит буйна голова, и просит чаши похмельной. Дальнейший рассказ кратко передает обычное содержание былины.

Все доселе рассмотренные записи принадлежат олонецкому и одна (Гуляева) сибирскому репертуару. Из центральных губерний былина записана лишь в Нижегородской² и, как все былины Средней России, не отличается ни полнотой, ни обилием деталей. Запев о турах, сохранившийся во всех олонецких былинах (кроме неполной Рыб., II, 10), отсутствует. Зять Батыги Лукапер богатырь попал сюда из сказки о Бове. Василий носит отчество Казнерович по смешению с другим богатырем. Кабацкие подробности развиты. Владимир велит князьям-боярам позвать Василья. Те идут в кабак и грубо зовут Василья к князю. Василий запирает двери кабака, снимает с бояр платье светлое, бьет их

---

¹ Тихонравов и Миллер, № 38.

² Киреевский, II, стр. 93.

и гонит нагих ко двору князя, который издевается над ними. Затем князь сам идет к Василию в кабак, кланяется ему и просит защиты. Василий троекратно пьет, чтоб опохмелиться, чары Ильи Муромца в полсема ведра, Добрыни Никитича в полпята и Олеши Поповича в полтретья ведра, затем идет на Батыя, попадает стрелю Лукаперу в правый глаз и предлагает Батыю взять Киев; на этом былина обрывается. Отметим, что Батый в этой былине носит отчество *Кайманович*, о котором скажем ниже.

К числу былин о Батыге может быть отчасти привлечена одна былина сборника Кирши Данилова, хотя басурманский царь в ней назван Калином¹, и главным действующим лицом, как в других былинах о Калине, является Илья Муромец. Василий пьяница приплетен к началу былины. Когда по приходе Калина с его зятем Сартаком и сыном Лоншеком в Киеве богатырей не случилось, Василий пьяница пускает стрелу с башни наугольной и попадает в правый глаз зятю Калинову, Сартаку. Калин требует выдачи стрелявшего. Но Василию не приходится идти. Вовремя подоспевает Илья Муромец, и былина, совсем забыв о Василии, рассказывает подвиги главного русского богатыря.

Просмотрев все варианты былины о Василии и Батыге, мы видим, что основной ее тип довольно беден содержанием. Подвиги Василия описываются кратко: больше внимания сосредоточивается на его пребывании в кабаке и многократном опохмелении то в гриднице князя Владимира, то в стане Батыя. Это смакование кабацкой сцены и зелена вина уже само указывает и на слагателей былины и на среду, для увеселения которой она сложена. Это грубая среда любителей «кружала государева», кабацких заседателей, «веселых людей» ско-

¹ К. Данилов, № 24, у Киреевского, I, стр. 70–76.

морохов. Действительно, лучшие пересказы былины до сих пор носят следы ее скоморошьяго происхождения, кончаясь шутовой прибауткой в их вкусе. Так, калика Латышев после заклинания Батыги окончил былинку следующей прибауткой:

Сильные-могучие богатыри во Киеве;
Церковное пенье в Москве-городе;
Славный звон в Нове-городе;
Сладкие поцелуи Новоладожанки;
Гладкие мхи к синю морю подошли;
Щельё-каменьё в северной стороне;
Широкие подола Олонецкие;
Дубяные сарафаны по Онеге по реке;
Обо... подола по Моше по реке;
Рипсоватые подола Почезерочки;
Рядные сарафаны Кенозерочки;
Пучеглазья молодки Слобожаночки;
Толстобрюхия молодки Лексимозерочки;
Малюшальский поп до солдатов добр.
    Дунай, Дунай,
    Боле пить (т.е. петь) вперед не знай!¹

Сказитель Фепонов прибавил ту же прибаутку к своей былине с некоторыми изменениями, заметив, что его учитель, калика Мещанинов, певал эту «небылицу» именно поеле этой былины:

Ай чистыи поля были ко Опскову,
А широки роздольица ко Киеву,
А высокия-ты горы Сорочинский,
А церковно-то строенье в каменной Москвы,

---

¹ Рыбн., II, № 11, стр. 44. Та же прибаутка в сокращении в былине Рыбн., I, № 29.

Колокольней-от звон да в Нове-городе,
Ай тёртыя калачики Валдайския,
Ай шапливы щеголивы в Ярослави города,
Дешёвы поцелуи в Белозерской стороне,
А сладки напитки во Питери,
А мхи-ты болота ко синю морю,
А щельё-каменьё ко сиверику,
А широки подола Пудожаночки,
Ай дублёны сарафаны по Онеги по реки,
Толстобрюхие бабенки Лёшмозёрочки,
Ай пучеглазыя бабенки Пошозёрочки,
А Дунай, Дунай, Дунай,
Да боле петь вперед не знай¹.

Наконец, сказитель Антонов в своем пересказе былины Рыбникову (точнее, его сотруднику) добавил прибаутку в еще более сжатом виде:

Что ни лучшие богатыри во Киеве,
Золота казна во Чернигове,
А цветно платье во Новегороде,
А хлебны запасы во Смоленце городе.
А мхи да болота во Заморской стороны,
А раструбисты сарафаны по Моше по реке,
А худые сарафаны в Каргопольской стороны!²

Если мы просмотрим биографии сказителей, добавивших прибаутку, то увидим, что они переняли свои былины от специальных петарей-калик. Так, Антонов Потап научился былинам от слепого калики Мины Ефимова³; Латышев – сам калика по профессии; Фепо-

---

¹ Гильферд., № 60, столб. 325.

² Рыбн., III, № 37, стр. 226.

³ Гильферд., столб. 334.

нов учился у *калики* Петра Мещанинова и сам, будучи слеп, отчасти питается подаванием за пение духовных стихов¹. Ввиду того, что прибаутка сопровождает рассматриваемую былину в лучших пересказах, встречаясь, впрочем, и в некоторых посредственных², можно заключить, что она составляла заключительную часть в основном изводе точно так же, как началу былины предпосылался оригинальный запев с картиной встречи туров златорогих с турицею под стенами Киева.

Итак, в рассматриваемой былине, которой состав определяется лучшими пересказами, мы имеем вполне законченное произведение, как бы ничтожно ни было его художественное значение. Соответственно обычному типу былины оно состояло из вступления или зачина, повествовательной или главной части и заключения. В таком виде, с конечной прибауткой, былина пелась профессиональными певцами-каликами, наследовавшими ее из репертуара других более искусных исполнителей-скоморохов. Последняя дошедшая до нас редакция былины носит несомненные признаки их работы, — работы, прибавим, далеко не высокого достоинства. Однако эта последняя обработка сюжета о нашествии Батыги предполагает другую, более древнюю, старую погудку, переделанную скоморохами на новый лад, и если бы мы могли узнать что-нибудь об этом древнейшем изводе, то составили бы себе некоторое понятие о приемах творчества наших профессиональных петарей-слагателей былин XVI и XVII вв.

Спрашивается, однако, почему под дошедшей до нас былинной следует предполагать нечто более древнее,

---

¹ Гильфердинг, столб. 295.

² Рыбн., I, № 29; Гильферд., № 231, столб.; 1119; № 18, столб. 119; № 41, столб. 207.

служившее отчасти материалом для новой постройки. Подтверждение этому предположению мы видим в резком несоответствии вступления, или запева былины, с ее содержанием. Действительно, в запеве рассказывается, что Мать Пресвятая Богородица, стоя на стене городской, читает Евангелие и горько плачет:

Она ведает невзгодушку над Киевом,
Она ведает невзгодушку великую¹.

Или:

Это плакала стена городовая,
Она слышала победу над Киевом².

Или:

Не красная девица тут плакала,
Тут плакала Сама Мать Богородица,
Тужила-то о вере христианския³.

Или:

Она плакала о вдовах, о сиротах, о бедных
о головах⁴.

Или:

А ходила-га Мать Пресвята Богородица,
А плакала стена мать городовая,

---

¹ Гильф., № 60, ст. 322.

² Гильф., № 181, ст. 893.

³ Гильф., № 231, ст. 1117.

⁴ Гильф., № 258, ст. 1180.

По той ли по вере христианския,
Будет над Киев град погибельё¹.

Итак, былина открывается чудесной легендой: заступница Киева – Пресвятая Богородица, плачет о судьбе города, зная предстоящую ему погибель: Она горюет о вере христианской, о вдовах и сиротах. Такое знамение не может не исполниться. Пресвятая Богородица не может ошибиться. Город должен пасть, и, действительно, после погрома Батыева Киев лежал в развалинах. И что же? Вместо описания ужасной судьбы Киева, предвещаемой вступительной печальной легендой, мы в былине находим нечто совсем несообразное со вступлением. Предчувствие Богородицы не оправдалось: Киев остался цел, даже несмотря на отсутствие его главных защитников – богатырей. Огромные силы Батыги, его сына, зятя и дьяка (от 120 до 130 тысяч) шутя искрошил кабацкий заседатель Василий пьяница. Ожидавшаяся драма разрешилась фарсом. Внимание рассказчика об обложении Киева Батыгой сосредоточивается не столько на этом событии и на бое Василия, сколько на процессе испивания Васькой непомерных чар зелена вина. Видно, что кружало – главный центр притяжения для составителя былины, что она и создана в кабаке, в чаду винных паров. Последний ее слагатель жил в такое время, когда Русь уже торжествовала над татарами, когда они уже не представлялись грозной, непобедимой силой, под которой некогда стонали предки. Понятия *своего* времени, пробудившуюся в Московском царстве национальную гордость слагатель простосердечно переносил в прошедшее, ко временам Батыги. Из грозного завоевателя он сделал шутовского царя-басурмана, глупого труса, бегущего без оглядки

---

¹ Рыбн., II, № 11, стр. 40.

от русского кабацкого героя. Не смущаясь полным несоответствием печального тона запева с замышляемым рассказом о богатыре-пьянице, слагатель взял из старинной песни легендарное зачало и, как умел, приделал к нему новый рассказ, пользуясь кое-где материалами из старого. Мы никогда не будем в состоянии точно уяснить, какие это были материалы. Но все же считаем нелишним поискать в былине крупиц старины...

Прежде всего мы предполагаем, что вступительная картина – встреча туров с турицею и плачущая Богородица с книгой евангельскою – остаток старинной легенды. В основе легенды лежит представление о том, что город Киев был посвящен охране Богородицы, как Константинополь. Вспомним слова, приписываемые Андрею Юродивому, что Константинополь вдан даром Богородице и никто его не отнимет у Нее. Многие языки приступят к стенам его, но сокрушат роги свои и отойдут со срамом¹. Вспомним, что специальной стоятельницей за Новгород была Св. София и что судьбу города легенда приводила также в связь с фресковым образом Спасителя в этом храме, написанным со сжатою рукою. Но лучшим комментарием к плачущей Богородице нашей былины может служить новгородская легенда в повести о победе новгородцев над суздальцами. Повесть рассказывает, что раздраженный на Новгород Андрей Боголюбский послал сына Романа со всей силою суздальскою и князя Мстислава со смольнянами, рязанцев, муромцев, полочан, торопчан, переяславцев и ростовцев на Новгород. Всех князей было 72. Новгородцы в скорби сетовали и молились Богу. Суздальцы стояли под городом три дня. На третью ночь новгородский владыка Иоанн услышал глас, указавший ему на икону Богородицы на Ильине улице. Икона была пере-

---

¹ Сахаров. Эсхатологич. сочинения и проч., стр. 89.

несена на стену. При нападении суздальцев лик Богородицы оросился слезами, которые владыка принял на фелонь. Тогда Господь разгневался на осаждавших, они ослепли и стали побивать друг друга. Так Богородица спасла Новгород своими слезами¹. Намек на подобную старинную легенду о Богородице нужно видеть в былинном зачале. Наши исследователи уже давно привели спутанную картину былины – с образом не то плачущей стены, не то Богородицы – в связь с киевской легендой о мозаичном образе Богородицы на восточной стене Софийского собора, известном под названием «Нерушимая Стена». Название объясняется тем, что при разрушении собора стена с этим древним образом уцелела, и Богородица с молитвенно поднятыми дланями долгие годы после погрома печально смотрела на развалины «матери городов русских»². Легенда о Богородице, скорбящей о судьбе Киева, должна была сложиться вслед за разгромом города Батыем в 1240 году, и таким образом мы имеем приблизительную хронологическую дату по крайней мере для поэтической и грустной картины, открывавшей собою древнюю историческую песню о нашествии Батыева на Киев.

Поищем других следов древних песен о событиях роковых 1237–1240 годов в книжных сказаниях и повестях. Мы имеем в виду прежде всего «Повесть о приходе Батыевой рати на Рязань», вошедшую в некоторые поздние летописные своды и находимую в нескольких сборниках, большею частью рядом с повестью о корсунском образе Николая чудотворца Заразском. Пользуясь текстом «повести», изданным акад. Срезневским³, мы

---

¹ Памятники старин. русск. литер. Вып. I, стр. 241–242.

² См. об образе «Нерушимая Стена» у Закревского – Описание Киева, 1867, т. II, стр. 790 и след.

³ «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках». Приложение к XI т. запис. И. А. наук, № 2, 1867, стр. 81–90.

отметим те черты рассказа, в которых можно подозревать народную эпическую основу. Как вариантом, мы воспользуемся вместе с тем известным пространным «Сказанием о Батыевом приходе на Русь» в 1237 году, помещенным во всех древних и старинных летописных сводах. Для нашей цели – указания тех эпизодов рассказа, которые отзываются народной эпикой, – воспользуемся пространным «Сказанием», взятым Сахаровым из Софийского временника и Костромской летописи¹.

Напомним вкратце содержание «Повести о приходе Батыевой рати на Рязань».

Безбожный Батый в 1237 г. с огромным войском прибыл к рязанским пределам и стал на р. Воронеже (в Сказании – на Онузе). Затем он посылает к рязанскому князю Юрию Ингоровичу *бездельных* послов, с требованием десятины во всем: в князьях, людях, конях. В Сказании послами Батыя является *жена-чародеица* и с нею два мужа. Требование десятины распространено некоторыми народно-поэтическими чертами – десятина требуется в князьях, в людях, в конях – белых, вороных, бурых, рыжих, пегих. И жену-чародеицу, и пространное перечисление мастей коней следует отнести к чертам старинной песни. Далее рязанским князьям, выехавшим в Воронеж навстречу Батыю, влагается в уста эпический ответ: «Коли нас не будет всех, то все ваше будет». Затем в «Повести» и «Сказании» кратко рассказывается, как рязанские князья просили помощи у великого князя Юрия владимирского и как он отказал им. Не получив подмоги, рязанские князья решаются «утолить» безбожного царя дарами и молениями великими, и Юрий посылает к нему своего сына Феодора с другими князьями. Батый принял дары, обещал не воевать Рязанскую землю, но стал глумиться над приехавшим посольством и просить у ря-

¹ «Сказания русск. народа», т. I, кн. IV, стр. 45–56, изд. 1841 г.

занских князей их дочерей и сестер себе на ложе. Некий из вельмож рязанских сказал Батыю, что у князя Феодора жена красавица и царского рода. Батый, обратившись к Феодору, сказал: «Дай мне, князь, видеть жены твоей красоты». Оскорбленный князь Феодор, «посмеявся» (Сказан.), сказал: «Не подобно есть нам, христианам, к тебе нечестивому царю водить жены своя на блуд; аще преодолевши, то и женами нашими владети начнеши». Безбожный царь велит убить князя Феодора, а тело его выбросить зверям и птицам на растерзание. Перебиты были и спутники Феодора. Только один – пестун, именем Аполоница – укрылся и спрятал тело своего убитого князя. Затем он поспешил к жене Феодора, княгине Евпраксии, чтоб сообщить ей печальную весть. При приезде гонца княгиня Евпраксия стояла «в превысоком храме своем» (Сказ.), т.е. в *высоких хорах* и держала на своих «белых» руках (Сказ.) «*любезное*» чадо свое. Она поджидала своего «*ласкового и любимаго*» супруга. Услыхав от Аполоницы, что ее муж «любви ея ради и красоты» убит Батыем, Евпраксия, «*наполнися слез и горести, и ринуся из превысокого храма своего и с сыном своим, с князем Иваном, на среду земли, и заразися до смерти*».

Едва ли может быть сомнение в том, что трогательный эпизод о смерти Феодора и Евпраксии в изложении книжника основан на народной песне. Черты народного стиля сквозят доселе в отдельных образах и выражениях: детальное перечисление дани конями, высокий терем Евпраксии, белые руки, любезное чадо – все это хорошо известные образы народной поэзии. Да и самое содержание эпизода, как было указано исследователями эпоса¹, сильно напоминает былинку о Даниле Ловча-

---

¹ М. Г. Халанский, Великорусск. былины киевского цикла», стр. 82. См. также наши «Экскурсы», стр. 26.

нине и его жене. Чтоб уяснить это сходство, отметим следующие общие черты:

1. Роль рязанского вельможи, сказавшего Батыю о красоте жены князя Феодора, в былине исполняет коварный Мишатка Путятич, который говорит князю Владимиру о красоте жены Данила Ловчанина и соблазняет князя ею овладеть.

2. В сказании Батый убивает кн. Феодора, в былине Владимир губит Данилу не прямо, а посылает его на охоту с трудным поручением и содействует его гибели (самоубийству).

3. Как Евпраксия, узнав о смерти мужа, кончает жизнь самоубийством, так и жена Данилы Ловчанина.

Вслед за эпизодом о Феодоре и Евпраксии повесть обычным украшенным книжным стилем изображает сборы Юрия Ингоровича, влагая в его уста благочестивые молитвы и увещания к воинам. Он посещает церкви, дает последнее целование супруге Агриппине Ростиславне, принимает благословение от епископа и выступает против Батыя. Описание боя ограничивается довольно бледными чертами. Сеча была зла и ужасна. Батый видел, что «господство рязанское крепко и мужественно билось и убоялся». Но против гнева Божия что постоит! Один русский бился с тысячею, а два с тьмою. Битва кончилась полным поражением и избиением рязанских князей: Георгия Ингоровича, Давида, Глеба, Всеволода Пронского и др. Далее следует взятие Рязани и ужасное опустошение всей области, после чего Батый идет на Суздаль и Владимир. Здесь рассказ прерывается вставкой – эпизодом о подвигах Евпатия Коловрата, – в которой снова можно подозревать отдельную песню.

Один из вельмож рязанских (в Сказании *русских*), Евпатий Коловрат, в то время был в Чернигове с кня-

зем Ингорем Ингоревичем, собирая для него дань. Услышав о приходе безбожного царя Батыя, он с малой дружиной погнал в землю Рязанскую и увидел, что город в развалинах, государи побиты, множество народа посечено, пожжено или потоплено в реке. И вскричал Евпатий в горести души своей и распалился в сердце. Собрал он 1700 человек дружины из людей, которых Бог сохранил, и погнал вслед безбожному царю Батыю, решившись «испить смертную чашу со своими государями равно». Едва догнав Батыя в земле Суздальской, он внезапно напал на его стан и начал сечи татар без милости. «И сметоша все полки татарския. Татарове же стаха яко пьяны, а ли неистовый Еупатий тако их бьяше, яко и мечи притупишася и емля татарская мечи и сечаше их. Татарове мяша, яко мертви восташа. Еупатий *сильныя* полки татарския проезжая бьяше их нещадно и езда по полкам татарским храбро и мужественно, яко и самому царю побоятися. И едва поимаша от полку Еупатиева пять человек воиньских, изнемогших от великих ран, и приведоша их к царю Батыю. И царь Батый нача вопрошати: “*Коя веры есте вы и коя земля* и что мне много зла творите?” Они же реша: “Веры кристиянския есве, раби великаго князя Юрья Ингоревича Резанскаго, а от полку Еупатиева Коловрата, посланы от князя Ингваря Ингоревича Резанского тебя сильна царя почтити и честно проводитьи, и честь тебе воздати, да не подиви, царю, не успевати наливати чашу на *великую силу рать* татарскую”. Царь же подивися ответу их мудрому. И посла шурича своего Хостоврула (*Таврула*) на Еупатия, а с ним *сильныя* полки татарския. Хостоврул же похвалился пред царем, хотя Еупатия жива пред царя привести. И ступишася *сильныя* полки татарския, хотя Еупатия жива яти. Хостоврул же съехася с Еупатием. Еупатей

же исполин силою (наехав) и разсече Хостоврула *на полы до седла*, и начаша сечи силу татарскую. И многих тут нарочитых богатырей батыевых побил, ових на полы пресекоша, а иных до седла краяша. Татарове возбояшася, видя Еупатия крепка исполина, и навадиша на него множество пороков и начаша бити по нем с сточисленных пороков и едва убиша его и принесоша тело его пред царя Батыя. Царь Батый посла по мурзы и по князи (ординский) и по санчакбеи, и начаша дивитися храбрости и крепости и мужеству. Они же рекоша царю: *“Мы со многими цари во многих землях на многих бранех бывали, а таких удальцов и резвцов не видали, ни отци наши возвестиша нам”*. Сии бо люди крылатии и не имеющие смерти тако крепко и мужественно езде бьяшася, един с тысящею, а два с тмою. Ни один от них может съехати жив с побоища. Царь Батый, зря на тело Еупатиево, и рече: *“О Коловрате Еупатие! Гораздо еси меня поскепал малою своею дружиною, да многих богатырей сильной орды побил еси, и многие (полки) падоша. Аще бы у меня такой служил, держал бых ею против сердца своего”*. И даша тело Еупатиево его дружине останной, которые поиманы на побоище, и веля их царь Батый отпустить, ни чем вредити»...

И содержание, и форма, и место приведенного эпизода об Евпатии Коловрате показывают, что перед нами переданная прозой народная песня рязанского происхождения, вставленная в повесть о Батыевом нашествии. Интересно отметить место этой вставки. Автор «Повести» о разорении Рязани Батыем поместил ее после рассказа о разорении Рязани, когда Батый пошел к Суздалью и Владимиру. Подвиг Евпатия является хоть отчасти мщением рязанского удальца Батыю за убиение князей, разорение родной области. Фантазия народная старалась всячески разукрасить этот подвиг,

отдохнуть на нем после ужасных претерпенных от Батыя бедствий, возмутивших и оскорбивших народную гордость. Другое место дал тому же преданию составитель пространного сказания о нашествии Батыя на Русскую землю. Передав печальную судьбу Рязани и ее княжеского дома, он переходит к описанию событий в Суздальской области: рассказывает о бое при Коломне, взятии татарами Москвы, Суздаля, Владимира, разорении всей Ростовской и Суздальской земли и описывает скорбь великого князя Юрия. Только здесь помещает он рассказ о подвиге Евпатия Коловрата и затем снова возвращается к великому князю Юрию и описывает битву при Сити, в которой пал князь Юрий Всеволодович и князь Василий Константинович был взят в плен и замучен. Ясно, что эпизод о Коловрате более уместен там, где его вводит автор *повести* о разорении Батыем Рязани. Мы не входим в соображения, почему автор пространного «Сказания» передвинул его на другое место: для нас достаточно того, что рассказ об Евпатии представляет отдельное целое, отдельную песню, которую пользовались составители украшенных исторических повестей.

Типические черты песни проглядывают до сих пор в ее книжной обработке. Отметим некоторые черты народной эпики.

Евпатий со своей ничтожной дружиной «проезжает сильные полки татарские», как Илья Муромец или Ермак; татары шатаются как *пьяные*; приведенным к нему воинам Коловрата изумленный их храбростью Батый ставит обычные эпические вопросы: «Коя веры есте и коя земля?» Тем же эпическим духом веет от их иронического ответа, что они «посланы князем его, сильного царя, почтити и честно проводитьи», и чтобы он простил, что они не успевают чашу наливать на ве-

ликую *силу-рать* татарскую¹. Удивление Батыя мужественному ответу пленников, похвальба Хостоврула привести Евпатия живьем к царю, бой Евпатия с Хостоврулом, причем рязанский удалец, как эпические киевские богатыри, рассекает нахвальщика наполю до седла, сознание татарских мурз при теле Коловрата, что они во многих землях и на многих бранях бывали, а таких удалцов и резвцов не видали² – все это черты, знакомые нашим былинам. Наконец, как позднейшие песни Батыги кончаются его жалобой на русских богатырей, так и старинная рязанская песня содержит в заключении жалобу Батыя на Коловрата за то, что он его «гораздо поскепал, много богатырей его сильной орды побил», и сознание басурманского царя, что у него нет богатырей, равных Коловрату. Батыю приписывает песня даже некоторое великодушие, вызванное удивлением подвигам русского богатыря.

Итак, в эпизоде об Евпатии Коловрате нельзя не видеть драгоценного остатка народной исторической песни, если не современной, то, вероятно, по сложению близкой ко времени события. Вместе с эпизодом о смерти Феодора и княгини Евпраксии книжный рассказ об Евпатии может служить ярким образчиком исторических эпических песен, сложенных в народной или дружинной среде в том поколении, которое либо было свидетелем татарского погрома, либо слышало о нем из уст современного событию поколения. Мы не думаем, чтобы в дружинах или в народе в то время существовали пространные исторические песни о разорении всей Русской земли нашествием Батыя, нечто вроде того связного рассказа, который представляли об этом событии книжные повести, вошедшие в летописные своды. Погром был так

¹ Отметим тут же тавтологическое выражение «сила-рать».

² Отметим глагольные рифмы.

ужасен, победоносное шествие Батяга было таким рядом поражений русских дружин, что на таком сюжете, крайне неприятном для национальной гордости, не мог остановиться народный поэт. Но, отвращаясь от печального сюжета в целом, народное предание должно было искать утешения, душевного отдыха в частностях, и такими частностями, между прочим, являются песни о Феодоре и Евпраксии и о подвиге Евпатия Коловрата. Мученическая смерть князя Феодора, защищавшего честь жены, и трагическая смерть любящей жены при известии о гибели любимого мужа – вот эпизод, исторически не имевший значения, но своею нравственной стороною глубоко запечатлевшийся в народной памяти и давший прекрасный сюжет для печальной песни.

Точно так же исторически ничтожная, но удачная для русских стычка с одним из татарских отрядов (предполагая, что в рассказе о Коловрате есть хоть ничтожная крупинка истории) должна была в годину страшного бедствия несколько подбодрить угнетенное народное настроение, и народ создал богатырскую песню, всячески приукрашающую рязанского удалца.

Все это психологически вполне естественно; но нам интересно знать, дошло ли что-нибудь из этих древних песен до нашего северного эпоса, рассказывающего, как мы видели, о нашествии Батыги. Теперь, когда мы рассмотрели остатки старинных песен в переделках книжников, ответ на этот вопрос не может нас затруднить. Почти ничего, кроме некоторых имен, что снова подтверждает общеизвестный факт, что *имена* в нашем эпосе, как и в других народных устных произведениях, – древнее фабул, к ним прикрепленных. Рассмотрим эти имена.

В «Экскурсах» я уже высказал предположение, что имя нашей бессмертной эпической киевской княги-

ни Опраксы, Опраксеевны – ведет свое происхождение от имени рязанской княгини, известной в преданиях о Батыге, причем имя совершенно отделилось от нравственных свойств исторической личности, носившей его. «Тип верной жены, угрожаемой сластолюбивым царем и кончающей жизнь самоубийством при известии о смерти мужа, перешел в нашем эпосе к Василисе, жене Данилы Ловчанина, а имя – одно без всяких других черт, оторванное от исторической княгини, – прикрепились к жене кн. Владимира, полной противоположности исторической Евпраксии по нравственным свойствам. Очевидно, это могло произойти значительно позже XIII века, когда имя Евпраксии уже было отделено от исторического события, связанного с ним, когда оно ничего уже не говорило народному воображению, кроме того, что это была какая-то *известная* княгиня, чем-то и когда-то прославившаяся. А так как в эпосе единственной княгиней является жена былинного князя Владимира (как он сам – единственным князем), то немудрено, что какой-нибудь слагатель, а за ним другие, назвал эту княгиню именно Апраксией (Опраксой)¹. Итак, сохранение в наших былинах имени Опраксы и замечательное сходство сюжета былины о Даниле и Василисе со сказанием о Феодоре и Евпраксии, хотя в былине некрасивая роль Батыга и перенесена на князя Владимира, – все это свидетельствует о том, что в более раннем периоде нашего эпоса в нем была популярна песня о гибели Феодора и Евпраксии при нашествии Батыга на Рязанскую землю.

Из другой рассмотренной старинной рязанской песни – об Евпатии Коловрате – вероятно, зашло в былины имя *Таврульевич*. Вспомним, что в «Повести» главным богатырем и нахвальщиком при Батыге является Хостов-

¹ «Экспурсы», стр. 26 и 27.

рул (или Таврул). В былинах *отчество* Таврульевич не-редко. Так (в былине Кирши Данилова № 6) Волх Всесла-вьевич, пробравшись в Индейское царство, берет за руки царя Салтыка *Ставрुльевича*, ударяет им о кирпичат пол и расшибает его в крохи. В «Гистории о киевском бога-тыре Михаиле Даниловиче» татарский царь, подступив-ший к Киеву и разбитый малолетним Михаилом, назван Бахметом сыном *Таврульевичем*¹. Наконец, в старинной тверской песне о Щелкане Дудентьевиче татарский царь носит имя Возвяга *Таврольевича*².

Может быть, из какой-нибудь старинной песни о Ба-тые вошло в одну современную былинку, записанную в Архангельской губ., отчество Кайманович:

Подступает к нам под Киев царь Батый,
Царь Батый он жа Кайманович³.

Сходное по звукам имя Кайдан носит один из бра-тьев Батыя в пространном сказании о нашествии Батыя на Русскую землю⁴.

Наконец, может быть поставлен вопрос: не из ста-ринных ли песенных источников вошло в былинку о Ба-тыге имя богатыря Василия пьяницы? Акад. Веселов-ский весьма правдоподобно объяснил, почему к имени Василия прикрепился тип человека у пьянсливого: но можно колебаться в решении вопроса, так сказать, хронологического: что в данном случае было предше-ствовавшее и последующее? Представить ли нам себе процесс творчества так, что народ сначала создал тип богатыря-пьяницы и затем окрестил пьяницу Васили-

---

¹ Р. былины ст. и нов. записи, I, стр. 61.

² Гильферд., № 235, 269, 283.

³ Киреевск., II, стр. 93.

⁴ Сахаров, стр. 53.

ем, под влиянием ложно истолкованной легенды о Василии Новом; или старинная песня знала имя Василия, наследовав его из традиции, и затем под влиянием имени носитель его в скоморошьей среде, которой принадлежит позднейшая обработка былины, приобрел черты кабацкого гуляки-богатыря.

Не утверждая последнего, я не прочь от предположения, что имя Василия могло находиться в старинном песенном предании. Это имя носит в книжном сказании князь Василий Константинович, взятый Батыем в плен в битве при Сити. Подобно тому как в былинах Батыга, Калин или Бахмет Таврульевич побуждают взятого в плен русского богатыря им служить и получают от последнего иронический и дерзкий ответ, так книжник, основываясь, быть может, на народном предании, говорит про пленного Василька: «И нудиша Василька много проклятии, безбожные татарове в поганской быти воли их и воевати с ними. Он же, не повинувась обычаю их никакоже, не покорися беззаконию их, ни брашна, ни пития их не прия»¹. Здесь Василий отказывается воевать в татарской рати, в былине Василий Игнатьевич обманно переходит на сторону татар, а затем избивает данную ему Батыгой силу. Убитый Батыем князь Василий Константинович привлекал к себе народную симпатию не только как мученик. Религиозно настроенный автор «Сказания» прославляет его не только за мужественную смерть. Он делает характеристику убитого князя, что сравнительно нечасто находим у наших книжников, припоминает те внешние черты и свойства характера, которые привлекали к князю все сердца: «Бе же Василько лицом красен, очима светел и грозен взором, паче меры храбр, на ловех вазнив, сердцем легок; а кто ему служил и хлеб его ел, чашу его пил, той за

---

¹ Сахаров, стр. 51.

его любовь никакоже не можаше у иного князя быти и служить, излише бо слуги своя любяше; мужество и ум в нем живяше, правда же и истина с ним ходиста; бе бо всему хитр, и поседе в добрых денех на отне столе и дедне»¹. В такой характеристике князя слышатся мнения о нем дружины, высоко ценившей княжескую ласку, щедрость, хлебосольство, а также удаль на охоте. Хорошо было дружиннику служить у *такого* князя, и после службы у него уже не по сердцу была служба у других князей. Едва ли поэтому автор «Сказания» риторически преувеличил скорбь подданных о Василии Константиновиче, когда говорит, что при его отпевании в церкви «не бе слышати пения во мнозе плаче».

Если на основании характеристики Василия в «Сказании» мы предположим, что имя этого популярного и трагически погибшего князя поминалось в народном предании в связи с именем Батыя, то найдем возможным и другое предположение, что оно сохранилось в современной былине о Батыге, сохранилось только как имя, независимо от исторического лица, его носившего. Тип богатыря-пьяницы получился каким-нибудь другим процессом, – имя, может быть, ему предшествовало. Аналогией этому процессу может служить эпическая судьба имени Евпраксии, о которой мы говорили выше. Во всяком случае, между исторической княгиней Евпраксией, пострадавшей при нашествии Батыя, и былинной Опраксой не большее различие, чем между плененным и замученным Батыем князем Василием Константиновичем и былинным Василием Игнатьевичем, также находившимся в руках Батыя, но уничтожившим его несметную силу. – Чтоб покончить ряд былинных имен, предположительно сохранившихся из более древних эпических материалов,

---

¹ Сахаров, стр. 52.

упомянем еще имя пестуна кн. Феодора Аполоницы, который спрятал тело князя и привез из стана Батыева Евпраксии известие о его смерти. Уже в «Экскурсах»¹ я предположил, не зашло ли из рязанского сказания в наш эпос странно звучащее имя Аполлонище, которое носит иногда богатырский сын Ильи Муромца, вступающей с ним в бой. «Славное Аполлонище, сын девки Сиверьяничны из Золотой Орды» – упоминается в былине Гильфердинга № 246². Имя пестуна Феодорова Аполоницы могло, отделившись от исторического его носителя, прикрепиться к былинному богатырю, также приезжающему из Орды³.

Чтобы исчерпать весь материал, содержащийся в нашем эпосе для характеристики Батыя, нам остается просмотреть еще одну былинку Архангельской губернии⁴. Раньше мы указали былинку о царе Калине, в которую вплетен богатырь Василий, играющий главную роль в былине о Батыге. В рассматриваемой архангельской былине, наоборот, царь Батый Батыевич заменяет царя Калина и сталкивается, как последний, с Ильей Муромцем.

Как в других былинах о Батыге, Батый Батыевич приступает к Киеву с сыном (Таракашком) и любимым зятем (Ульюшкой), но при этом странным образом подъезжает на корабле – подробность, неудачно припутавшаяся из других былинных сюжетов.

Раздернув бел-полотняный шатер, Батый созывает на совет своих мурзов-бурзов и посылает в Киев с требованием выдать ему трех богатырей – Илью, Добрыню и Алешу, угрожая в противном случае «сильных бо-

---

¹ Стр. 27, примечание.

² Столб. 1151.

³ Другое объяснение былинного имени *Аполонище*, данное акад. А. Н. Веселовским, см. выше на стр. 434.

⁴ Киреевский – IV, стр. 38–46.

гатырей под меч склонить, князя со княгинею в полон взять, Божьи церкви на дым спустить» и проч. Прочтя ярлык, князь запечалился и пошел в церковь молиться Богу. Навстречу ему выходит калика перехожая и спрашивает, о чем князь грустит. Князь рассказывает о требовании Батыя. Тогда калика открывается: оказывается, что это Илья Муромец, которому было давно князем от Киева отказано. Владимир бьет Илье челом до сырой земли и просит его:

Постарайся за веру христианскую
Не для меня, князя Владимира,
Не для-ради княгини Апраксии,
Не для церквей и монастырей,
А для бедных вдов и малых детей.

Илья с Добрыней, Алешей и князем с многочисленными дарами едет к Батыю, чтобы откупиться на три года. Батый угощает послов, но не дает срока и на три дня. Тогда Илья приказал князю запереться в Киеве, едет на Почай-реку звать богатырей и уговаривает их, сердитых на Владимира, выручить Киев. Богатыри соглашаются, 12 дней рубятся с татарами, но затем отъезжают «опочив держать». Остается один Илья Муромец. Дальнейшее содержание представляет обычные черты былин о Калине: падение Ильи в татарские подковы, ведение его на казнь, махание татаринном и бегство басурманского царя.

Обзор содержания архангельской былины показывает, что она скорее относится к циклу былин об Илье Муромце и Калине. Только в силу синкретизма, обычного в устном эпосе, сказитель былины смешал Калина с Батыгой и внес в начало своей песни некоторые черты из былин о Батыге. Вообще басурманские цари нашего

эпоса – Калин, Батыга, Курган, Кумбал, Мамай, Бахмет и проч. – так сходны между собою и исторические черты разных эпох до такой степени сведены к одной формуле, что попытки различить какие-нибудь исторические подробности, вошедшие в эпос вместе с тем или другим историческим именем, представляются тщетными. Несомненно исторические имена – Батыя, Мамай, Ахмата – являются, так сказать, хронологическими вехами, указывающими на многовековой путь, пройденный нашим устным эпосом. Но народная память давно позабыла подробности этого длинного пути и, дойдя до последней станции уже в московском царском периоде, странник помнит только о ней и в своем воображении переносит условия настоящего в прошлое и приписывает их ранее пройденным этапам.

В заключение резюмируем выводы, к которым приводит наследование былин о Батыге в связи с книжными повестями и сказаниями.

1. Несомненным представляется существование в XIII в. народных, вероятно дружинного происхождения, песен, почерпавших сюжеты из воспоминания современников о страшном нашествии. К таким песням, вошедшим как эпизоды в книжные повести, можно отнести песни о смерти кн. Феодора и Евпраксии и о подвиге Евпатия Коловрата. Сюжет первой песни с другими именами еще живет в нашем эпосе; популярное же чрез песню имя Евпраксии стало нашим эпическим именем жены Владимира. Из песен о Евпатии Коловрате, вероятно, проникло в былины имя *Таврульевич*.

2. К старинному наследию в нашем эпосе, кроме некоторых имен, можно отнести и запев с Богородицей, плачущей о судьбе Киева. Не соответствуя, как мы видели, содержанию былины о Василии и Батыге, этот запев был безотчетно сохранен ее слагателем.

3. С некоторой вероятностью можно далее предположить, что имя Василия, героя былины о Батыге, еще принадлежало более древним песням Батыева цикла, поминавшим любимого дружиной и народом князя Василия Константиновича, взятого татарами в плен в битве при Сити и погибшего в стане Батыя, как другой современный герой истории и песни – князь Феодор. Но в позднейший период нашего эпоса имя Василия отделилось, как имя Евпраксии, от исторического лица, его носившего, вследствие чего к нему могла прикрепиться фабула, не имеющая ничего общего с исторической судьбой князя Василия.

4. Эта позднейшая обработка былины принадлежит скоморошьей среде, вероятно XVI или XVII в. На это указывает, как мы видели, и характер героя – тип Василия-пьяницы, – и заключительная юмористическая прибаутка с припевом «Дунай», обычная в скоморошьих песнях. От профессиональных певцов-слагателей, «веселых людей-скоморохов», былина перешла к каликам, а от них ее переняли лучшие современные олонекские сказители.

Эти выводы, если только они окажутся прочными, дают нам до некоторой степени возможность судить об отношении дошедшей до нас редакции былины к более древним историческим песням и историческим именам.

Былины о Сауре и сродные по содержанию¹

Если восстановление основного типа какой-нибудь былины, дошедшей до нас иногда в десятках вариан-

---

¹ Напечат. в «Журнале Министерства народного просвещения», 1893 г., № 10.

тов в богатом репертуаре олонецких сказителей, достигается не всегда легко исследователем, то гораздо большими затруднениями обставлена работа реставрации, предпринимаемая над былинами, не входящими в олонецкий репертуар. Достаточно просмотреть синкретический сборник П. Киреевского, чтобы убедиться, что былины, записанные вне пределов Олонецкой губернии и Сибири, например в центральных и поволжских губерниях, отличаются краткостью, отрывочностью, спутанностью, которые свидетельствуют о том, что уже в начале нашего столетия эпическая традиция в этих полосах России почти заглохла. Такой фрагментарный характер носят былины о Сауре Ванидовиче (Сауле Леванидовиче, Суроге-Суровене), которые я имею в виду рассмотреть в связи с другими былинами сходных сюжетов для того, чтобы, с одной стороны, уяснить основной тип былины о Сауре и с другой – по возможности указать, в каком направлении следует искать ее источника.

Кроме известной былины сборника Киреевского – о Сауре Ванидовиче, записанной в Симбирской губернии, и былины о Сауле Леванидовиче, вошедшей в сборник, приписываемый Кирше Данилову (№ 25), в рассматриваемую группу я ввожу еще следующие *четыре* (которые обозначим буквами *в, г, д, е*, обозначая две раньше названные буквами *а и б*):

в) былину о Суроге, записанную г. С. Писаревым в Сергачском уезде Нижегородской губернии¹;

г) былину о Суровене из Симбирской губернии²;

д) отрывок былины из Новиковского песенника 1780 года³;

¹ Тихонравова и Миллера – Русс. былины старой и новой записи, II, № 65.

² Песни, собранные П. В. Киреевским, III, стр. 107–110.

³ Песни, собр. Киреевским, III, стр. 110–112.

е) отрывок былины, записанной в Минусинском округе Енисейской губернии¹.

Рассмотрим в главных чертах содержание перечисленных былин.

В *a*² рассказывается, как князь Саур Ванидович из Астраханского царства пошел в поход под три царства: Латынское, Литвинское и Сорочинское. Его провожала молода жена до третьего рубежа и затем воротилась домой. Почувствовав себя беременной, она пишет мужу письмо с просьбой, чтоб он воротился. Он не верит ее беременности, но дает распоряжение на случай, если она родит дочь или сына. Последнего на девятом году она должна прислать к нему на помощь. Княгиня родила сына-богатыря и на девятый год послала его с большим войском к отцу. О подвигах сына былина не распространяется: говорится только, что он выжег царство Латынское и полонил Литвинское, а затем пошел на царство Сорочинское.

Бóльшие подробности о детстве, воспитании и подвигах сына находятся в былине *б* – о Сауле Леванидовиче³.

Жена, названная Еленой Александровной, родив в отсутствие мужа сына Константинушку, присадила его грамоте учиться на седьмом году. Десяти лет Константинушка уже вполне богатырь, и от его шуточек страдают дети княженецкие, боярские, дворянские и купеческие. Со всех сторон жалуются на него матери, а она за это его журит-бранит. Константинушка спрашивает у матери об отце, и она подробно рассказывает ему об отъезде его на двенадцать лет и о приказе прислать к нему сына на помощь. Богатырский сын решает ехать к

---

¹ Там же, IV, приложение, стр. XXVII–XXIX.

² Там же, III, 113–116.

³ Там же, III, стр. 116–124.

отцу: описываются его сборы и выезд. Прежде всего он заезжает в часовню помолиться Богу. От часовни идут три дороги с обычными надписями. Он едет по средней, хотя на ней написано, что кто по ней поедет, «убит будет смертью напрасною».

Возвращаемся к былине *а*. Когда сын-богатырь подступил с войском к царству Сорочинскому, сорочинские мужики сделали сходку и решили выслать на поединок с иноземным богатырем полоненочка-затюремщичка, который оказывается Сауром Ванидовичем, неизвестно какими судьбами попавшим в плен. На просьбу сорочинских мужиков сослужить им службу великую Саур требует коня и едет биться с молодым богатырем. Саур высадил сына из седла, пал ему на белу грудь и стал спрашивать о роде-племени. Сын называет своего отца. Князь Саур заплакал, поднял сына и сказал:

Ой ты гой еси, добрый молодец!
Ведь я твой родной батюшка.

Сын шлет с гонцом письмо матери с известием, что он выручил родного батюшку.

Таким образом, в этой былине содержание такого благодарного сюжета скомкано в каких-нибудь 93 стихах. Вся предполагаемая средняя часть – похождения богатырского сына до встречи с отцом – отсутствует. Насколько бледна роль сына, видно из того, что сказитель даже не упомянул его имени.

Былина *б*, к которой мы возвращаемся теперь, по объему в $3\frac{1}{2}$ раза пространнее *а*, но зато вся средняя часть в ней представляет значительную путаницу. Для уяснения отдельных мотивов, вошедших в эту былину, могут отчасти послужить, как мы увидим далее, былины о Суровце и Сурогe.

Мы оставили Константинушку, когда он решил поехать по самой опасной – средней дороге. Доехав до реки Смородины, он увидел, что через нее перевозится царь Кунгур с татарскою силою. Константинушка целый день избивал татар, затем отъехал, чтоб на ночь опочив держать. Между тем татары выкопали глубокие рвы и вставили в них поторчины дубовые. Но Константинушка не попался в ловушку, усмотрел татарские вымыслы, перебил татар и разбил в крохи самого Кунгура. Затем богатырь поехал к городу Угличу и требовал себе супротивника. Углицкие мужики прибегли к хитрости. Они приглашают Константинушку подъехать поближе к стенам, обещая его поставить королем у себя в Литве (таким образом, Углич оказывается в Литве). Константин сдавался на их «слова прелестные», подъехал к стене, а мужики, спустив багры, зацепили его, подняли с конем на стену, заковали и посадили в погреба глубокие. Далее начинается уже совершенная путаница.

Тут (в Угличе) десятники засовались,
Бегают они по Угличу,
Спрашивают подводы под царя Саула Леванидовича:
И которые под царя пригодились,
И проехал тут он, царь Саул,
В свое царство в Алыберское.

Неизвестно, каким образом очутился Саул в Угличе и где он находился, когда углицкие мужики втянули его сына баграми на стену. По приезде в царство Алыберское Саул здороваётся с женою Еленой Александровной, спрашивает ее о сыне и, узнав, что его окрестили Константинушкой, спешит обратно в город Углич. Дорогой мужики-извозчики рассказывают ему, какого молодца углицкие мужики посадили в погреб, и Саул догадыва-

ется, что это его сын. Он ругает угличких мужиков, говоря, что они должны были благодарить Константинушку за избиеение силы Кунгуровой (sic!), а между тем засадили его в тюрьму. Приехав к Угличу, он требует выдачи пленника, но угличане не пускают его в город. Таким образом, Углич, из которого Саул недавно только выехал, оказывается уже враждебным городом. Однако старики угличские затем надумались, решили выпустить Константинушку, возвратив ему платье цветное и оружие. Саул приказал казнить главных мужиков угличских и воротился с сыном в свое царство Алыберское.

Чтоб установить отчетливее содержание первого похождения Константинушки – боя с татарами и Кунгуром, нужно рассмотреть былины о Суроге и Суровце, в которых найдем те же мотивы. Вот вкратце содержание былины (в), записанной в Нижегородской губернии:

Богатырь Сурога Суравесть, забавляясь охотой на гусей, лебедей, наезжает на сырой дуб и хочет подстрелить сидящую на нем птицу. Птица провещилась человеческим голосом и сказала Суроге, что ему не честь ее убить и что лучше бы он ехал в горы Трепетовы, где подымается Курган царь Смородович со своими татарами. Поражение татар богатырем опущено. Мы узнаем только, что Курган побуждает своих татар копать рвы глубокие и вставлять в них поторчи острые, чтоб погубить Сурогу. Богатырь перескочил через две первые копи, но упал в третью, где конь его был поранен. Сурога затыкает коню рану бумажкой и отпускает его на свободу, предварительно получив от коня обещание, что он будет ему служить верой-правдою в случае надобности. Курган-царь допрашивает связанного Сурогу, будет ли он ему служить. Тот дерзко отказывается, и его ведут, по приказу царя, в чистое поле, чтоб изрезать на мелкие части. Тут Сурога сорвал с себя путы, схва-

тил за ноги татарина, проложил себе дорогу, размахивая им, затем добил татар осью железной и, добившись до царя Кургана, закричал: «Ура! Мир!»

Кое-что в этом сильно искаженном былинном отрывке, как увидим далее, может быть восстановлено из былин *з*, *д*, *е*, но некоторые черты могут пригодиться для первого похождения Константинушки Сауловича.

Довольно близок к былине Писарева другой былинный отрывок (*е*) о Суровене, записанный Языковым в Симбирской губернии¹. Суровен на охоте наезжает на сырой дуб и хочет подстрелить вешего ворона. От ворона он узнает о нашествии царя Кумбала Самородовича. Следует описание поражения татар Суровеном. Кумбал дает приказ рыть подкопы. Суровен попадает в третий и окружен татарами. Следует махание татаринном. Кумбал, испуганный, предлагает Суровену быть его названным братом. На это Суровен Суздалец говорит:

Ой ты гой еси, Кумбал царь!
Видя смерть, отговариваешься,
Братом нарекаешься,
Сулишь палаты золотой казны,
Отдаешь табуны заповедные!

Как поступит с Кумбалом Суровен, неизвестно. Былина, по-видимому, не кончена.

Почти все подробности былины *з* повторяются в былине *д* о Суровце, помещенной уже в Новиковском песеннике 1780 г.² Охота Суровца, который по происхождению сын гостя богатого из города Суздаля. Вещий ворон на дубе. Весть о царе Курбане Курбановиче. Избиение татар Суровцем. Рвы и падение Суровца в третий.

---

¹ Киреевский, вып. III, стр. 107–110.

² Киреевский, III, стр. 110–112.

Махание татаринoм. Но когда богатырь добился до Курбана, испуганный царь взмолился к нему:

Ты гой еси, Суrowец молодец,
Суrowец богатырь и Суrowенин!
Погляди-ко ты, что в книге написано:
Что не велено вам князей казнить,
Что князей казнить и царей убивать.

Сомнительно, чтоб эта книжная справка о неприкосновенности князей и царей спасла Курбана, так как из подобных же ситуаций в былинах мы знаем, что богатыри поступают наперекор такому правилу. Но в песеннике конца прошлого столетия, как и следовало ожидать, судьба Курбана остается неясненной, и былина оборвана на этом месте. Наконец, последняя нам известная былина о Суrowце (е), записанная в Сибири (в Минусинском округе Енисейской губернии¹, к сожалению, сокращена в конце. Поначалу былина очень хороша: описание охоты Суrowца, дуба, ворона выдержано в обычном эпическом стиле, свидетельствующем о том, что сибирский сказитель еще хорошо владел эпическими описаниями, гораздо лучше симбирского и нижегородского сказителей той же былины. Подробно изложена речь ворона, сообщающего Суrowцу о *перевозящемся* через Неву (вероятно, Непру) реку князе Кургане, живо описана скачка Суrowца, спешащего сразиться с Курганом. И вдруг все ожидание сводится на нет. Вместо битвы былина кончается *ex abrupto*² такими стихами:

И прибежал он (Суrowец) ко князю Кургану,
Становится в его во белой шатер.

---

¹ Киреевский, IV, Прилож., стр. XXVII–XXIX.

² Внезапно (*лат.*).

Они пили, ели, веселилися
И, попробовав силы, разлучилися.

Никаких подробностей об этой пробе силы не упомянул сказитель.

Если мы сопоставим теперь по содержанию изложенные выше былины *в*, *г*, *д* с первым походом Константинушки Сауловича – встречей с перевозящимся через Смородину Курганом-царем, то можем восстановить выпавшие там подробности. Константинушка, вероятно, как Суровен, Суровец, Сурога, попал в приготовленные для него подкопы, позорил царя Кургана, предлагавшего ему себе служить, разрывал пути, махал татаринном и затем расправился с самим царем. Но, давая материал для восстановления походов Константинушки с Курганом, былины о Суровце, Суровене, Суроге еще не дают возможности объяснить дальнейшую путаницу в рассказе о походе Константинушки с углицкими мужиками. Для уяснения некоторых подробностей последнего похода могут послужить былины о Михаиле Даниловиче¹, к которым мы обратимся впоследствии.

Опыт объяснения былины о Сауле Леванидовиче в связи с греческой песней об Армури был сделан академиком А. Н. Веселовским в его «Южнорусских былинах»². Припомним вкратце содержание греческой песни, послужившей А. Н. Веселовскому материалом для восстановления и уяснения нашей былины.

Мальчик Армури, сын отсутствующего Армура, просит мать отпустить его поехать верхом. Мать сна-

---

¹ Киреевский, III, стр. 39–51; Гильфердинг, № 192; А. Н. Веселовский, Южнорусские былины, I, стр. 20–27, или Былины старой и новой записи, I, стр. 61–67.

² III, стр. 1–35.

чала колеблется, указывая сыну на то, что он еще малолетка, затем дает ему позволение взять отцовское копье и коня и выехать. Армури сел на коня и помчался. Подъехав к Евфрату, он ищет перевоза. Какой-то саракин, стоя на противоположном берегу, глумится над ним и над его конем. Раздраженный Армури хочет переехать, чтоб наказать саракина, и это удастся ему при помощи ангельского голоса, давшего ему с неба какой-то совет (не совсем ясный). Ударив саракина кулаком, Армури спрашивает его, где войска саракинские, и узнает от него, что саракины собрались в числе до сотни тысяч. Мальчик-богатырь, не желая напасть на них врасплох, кричит им, чтоб они вооружились. Перебив множество неприятелей, Армури спешивается, чтоб освежиться, и в это время один саракин уводит у него коня и уносит палицу. Богатырь гонится за ним пеший, догоняет его у ворот Сирии и отсекает ему руку, но тот все же ускользает. Между тем отец, старик Армур, сидит в плену у саракин снаружи у двери своей тюрьмы. Когда прискакал раненый саракин на Армуровом коне, старик Армур узнал своего воронка и палицу своего сына. Не видя самого сына, он горюет. Эмир, узнав от раненого саракина о подвиге мальчика Армури, упрекает его отца: «Небось, хорошо это, Армур ты мой, что творит твой сынок?» Тогда старик Армур пишет сыну грамотку и посылает ее с птичкой: «Скажи ты ему, *сыну суки, чаду беззакония*: где только встретит саракина, чтоб его миловал, как бы не попался ему в руки, и ему помилования не будет». А юноша тогда прекрасную грамотку пишет, с птичкою посылает ее, с прекрасной ласточкой: «Скажите государю моему, милому батюшке, что пока я вижу наши хоромы на двойных запорах, пока вижу маму мою, одетую в черном, пока вижу братьев моих, одетых в черном, до тех пор я, где ни найду саракина,

кровь его выпью» и проч. Тогда испуганный эмир призывает к себе на обед старого Армура и, угостив, посылает его на родину, говоря ему: «Ну же, Армур ты мой, ну же, иди на свою родину и наставь ты своего сына: зятем его возьму, не к племяннице и не к двоюродной, а к моей дочери, свету моему, очам моим. Наставь ты сына своего... где только встретит саракина, пусть его милует; а коли прибыль перепадет, пусть вместе делят... и пусть живут в любви». Этим кончается единственный дошедший до нас (петербургский) текст песни.

Очевидно, в песне об Армури мы имеем отголосок средневекового византийского эпоса, вроде песен о Дигенисе Акрите или Ксанфине, в которых исторической подкладкой служит борьба греков с сарацинами в Малой Азии. *Имена* греческих героев исторические, а некоторые герои, быть может и Армур, личности исторические, хотя и неизвестные из исторических записей. Мы можем указать, как это делают проф. Дестунис и академик А. Н. Веселовский, эпические черты в подобных песнях, поэмах; но некоторые черты исторические, отголоски реального события, должны иногда оставаться без разъяснения за отсутствием точных исторических источников от смутного периода этой окраинной борьбы эллинизма с восточными народами. Смотря на песню об Армури с точки зрения эпического сюжета, мы вместе с академиком Веселовским должны признать, что развязка ее усечена. «Представим себе, – говорит академик Веселовский, – весь ход былины. Отец Армури в плену у саракин; его сын, богатырь с юных лет, которого отец оставил дома еще мальчиком (либо он родился в отсутствие отца), едет его отыскивать и с первого разу побивает вражье войско. Еще не зная о том ничего, эмир говорит старику Армури, сетующему о сыне, что он велит привести его со связанны-

ми назад руками. После этого понятен страх старика, как бы сын не попался в плен, и его грамотка к юному витязю: пусть милует саракин, иначе и ему помилования не будет. Но сын не думает слушаться, и вот эмир решается освободить пленника и послать его на родину, чтобы склонить сына к миру обещанием почетного брака. Если бы сюжетом былины было освобождение из плена старого Армура, мы нашли бы такую развязку естественной. Но герой песни, очевидно, не старик, а сын, и неестественным представляется, что песня так нерасчетливо удалила со сцены главное действующее лицо, не дав ему “досказаться”. Мы ожидаем его встречи с отцом – мирной или бранной? Последняя принадлежит к положениям, излюбленным в народном эпосе, между прочим, в русском».

В дальнейшем академик А. Н. Веселовский, сопоставляя по содержанию греческую песню с нашей былиной о Сауре Ванидовиче (Сауле Леванидовиче), находит в обеих один и тот же план, и наша былина дает недостающий конец греческой песне. План, выводимый академиком Веселовским, таков¹: 1) Отец в отлучке в плену. 2) Сын, родившийся в его отсутствие, сызмала проявляет богатырскую силу, едет отыскивать отца, побивает вражье войско. 3) Против него высылают пленника-отца. Поединок и спознание.

Соотношение первых двух пунктов в плане между русской и греческой былиной и мне представляется довольно близким. Но я не решился бы отыскивать и третий пункт в недошедшем до нас окончания греческой песни. *Поединок* и *спознание* едва ли совместимы с тою целью, с которою эмир посылает старика Армура. Вспомним, что эмир поручает старику предложить от его имени сыну руку своей родной дочери. Следо-

¹ Назв. соч., стр. 34.

вательно, о враждебной встрече отца с сыном нельзя думать. Как встретились старик Армур с молодым, это, можно думать, было рассказано в недостающей части песни: но собственно сюжет ее представляется и без того законченным, если видеть в нем избавление от плена старика-отца подвигами малолетнего героя-сына. Как бы ни исполнил старик-Армур поручение эмира, во всяком случае, он сам получил свободу. Всякие гипотетические добавки представляются в данном случае крайне рискованными, так как, с одной стороны, эпическая формула – поединок отца с неузнанным сыном, формула Рустема и Сохраба, Ильи и Соловника и проч. – не совсем подходит к сохранившемуся содержанию греческой песни, с другой – мы не знаем исторической основы, которая, быть может, в каких-нибудь отголосках еще сквозит в этой песне.

Находя сходство в плане и в некоторых подробностях между греческой песней и былинной о Сауре-Сауле, академик А. Н. Веселовский склонен к предположению, «что за былинной о Сауле Леванидовиче скрывается оригинал какой-нибудь греческой народно-эпической песни, близкой по типу к песне об Армури и также воспевавшей битвы юного храбреца с малоазиатскими исконными врагами Византии. Благодаря своей обособленности от киевского и владимирского центров, к которым притянута почти все содержание нашего эпоса, эта былина сохранила в относительной свежести следы своего происхождения – в именах действующих лиц и сарацин, которых былина № II (о Сауле Леванидовиче) уже переименовала татарами. Это – такой же признак начинавшегося приурочения, как и имя татарского царя Кунгура, вероятно, такое же эпонимическое, как Курган, Кумбал былин о Суздальце»¹. Предположение уважае-

---

¹ Назв. соч., стр. 35.

мого исследователя мне не кажется правдоподобным по следующим соображениям.

Если бы в основе былины о Сауре-Сауле лежала греческая песня, воспевавшая битву юного храбреца с сарацинами, то, облекшись в русскую одежду, отец и сын сделали бы, естественно, русскими богатырями и, вероятно, получили бы русские, быть может, исторические имена. Так бывает обыкновенно с иноземными сюжетами, проникнувшими в наш былевой эпос. Но именно этого нет в былине о Сауре-Сауле. Саур (в былине *а*) называется князем царства Астраханского, Саул (в былине *б*) – царем царства Алыберского. Почему вздумалось русскому слагателю сделать греческих героев не русскими, а властителями (хотя и христианскими) каких-то восточных областей? А. Н. Веселовский видит византийское предание в некоторых собственных именах былины: таковы сарацины (в былине о Сауре), Константин, отчество Саула *Леванидович*, взятое, по мнению исследователя, от Левона, Леона = Льва. Но и эти черты не имеют особенного значения, так как могут быть случайными заносами из эпического былевого материала, не связанными тесно с древнею основой былины.

«Сорочина долгополая» хорошо известна из других былин, как эпический враг русских. Царство Сорочинское, вместо Татарского, могло быть выбрано как третье, против которого идет Саур Ванидович (1-е царство – Латынское, 2-е – Литвинское) только потому, что сам Саур является уже князем Астраханского (то есть татарского) царства.

Отчество *Леванидович* трудно связать с именем Левон, которое может дать только форму Леонович. Скорее можно предположить, что имя Саур Ванидович или Саур сын Ванидович было искажено в Саул Ле-

ванидович, чем наоборот. Забытое, как увидим ниже, восточное имя Саур могло напомнить библейское Саул и перейти в него: для обратного же перехода трудно найти какой-нибудь мотив. Чуждое отчество Ванидович, примыкавшее при быстром произношении к имени Саур, могло по звукам напомнить знакомый сказителям Леванидов (крест), и какому-нибудь сказителю Леванидович показалось осмысленнее, чем Ванидович. (Так из имени: Чурила щап Пленкович вышли Чурила Щаплинкович и Цыплинкович.) Сын Саура, не названный в одной былине, в другой носит греческое имя Константина. Почему сказителю подвернулось это довольно редкое в нашем эпосе имя? По традиции книжной, греческой, из духовных стихов, или потому, что было связано с какими-нибудь русскими историческими воспоминаниями? Последнее мне кажется столько же вероятным, как и первое, но оба предположения только и останутся предположениями. Вместо византийской традиции я припомнил бы знаменитого в свое время рязанского тысяцкого Константина, который в 1148 году побил многих половцев в загоне¹, и отметил бы, что Половецкая земля, встречающаяся только два раза во всем нашем былевом эпосе, упоминается именно в былине о Сауле Леванидовиче, где является и Константиноушка: Саул Леванидович поехал «в дальну орду, в Половецку землю, брать дани и невыплаты». Наконец, имя Елены Александровны (иначе Азвяковны) встречается не только в связи с именем Константина Боголюбовича в Цареграде, но Елена является и женою восточного царя (например, Елена Азвяковна или Александровна, жена царя индийского в былине о Волхе)².

---

¹ Иловайский, История Рязанского княжества, стр. 30.

² Кирша Данилов, № 6; Рыбников, I, стр. 15.

Вообще отношение между греческой песнью и русской былинной едва ли такое близкое, как это представляется академику А. Н. Веселовскому. Нельзя отрицать в обеих общие эпические черты сюжета о старом и юном (даже малолетнем) богатыре, – сюжета, относящегося к формуле Рустема и Сохраба, Гильдебрандта и Гадибрандта и проч., но в греческой песне этот сюжет прикреплен к какому-то историческому имени, быть может, к неизвестному нам историческому событию из времен борьбы греков с сарацинами, и поэтому в песне не затушеваны некоторые черты реальные, которых в формуле не полагается. Так, богатырь-сын – обыкновенно поздно родившийся, *единственный* сын старого богатыря, а в греческой песне два раза упоминаются братья юного Армури.

После всего вышесказанного генетическое отношение между греческой песнью и былинной о Сауре-Сауле представляется мне сомнительным, и я считаю возможным искать в другом направлении источников последней. Мне кажется, что восточный, точнее тюркский, характер основного извода нашей былины еще довольно ярко проглядывает в некоторых чертах.

1) Былина еще не введена в так называемый киевский цикл. Саур-Саул называется князем или царем какой-то восточной страны – Астраханской или Алыберской (искажение какого-то восточного имени). Сурога, alter ego Сауловича, в нижегородской былинной носит восточный титул *белого* царя (ак-хан).

2) Рассмотренные былины все записаны в восточных частях Руси: либо в Поволжье, где русское население сталкивалось с тюркско-татарским, либо в Сибири¹.

¹ Место записи варианта д из Новиковского песенника, конечно, неизвестно.

3) Имя Саур восточное, до сих пор употребительное как личное, у татар (например, в Елисаветпольской губернии). По-татарски *саур* значит *бык, герой*.

На бóльшую архаичность имени Саур (а не Саул) указывают дальнейшие переделки со звуком *р*: *Сурога*, *Суловец* (осмысление). Думаю, что отчество сына Суурович было искажено в Суурович, а затем осмыслено как Суловец. Что касается Саура, то любопытно, что о каком-то богатыре Сауре ходили предания в южнорусских степях, вероятно, татарские, как видно из того, что в разных местах упоминаются могилы (курганы) Саура. Курган Саура известен в Донской области между речками Миусом и Крынкою (исследован М. А. Андриевским); другой Саур-курган, раскопанный И. Хайновским, находится в Верхнеднепровском уезде Екатеринославской губернии, близ сельца Чуфаровки, на правом берегу Днепра, между р. Саксаганью – с востока и р. Желтой – с запада, недалеко от Демуриной балки; в разных вариантах малорусской думы о побеге трех братьев из неволи турецкой из Азова упоминается первый из названных курганов под именем Савур-, Савор-, Осагур-могила¹; как личное, имя Саур встречается в сказках².

4) Содержание былины о Сауре Ванидовиче есть пересказ, осложненный другими мотивами широко распространенного на востоке сюжета о встрече богатырей отца и сына, – сюжета, рассмотренного мною в «Эккурсах». Основными чертами представляются следующие

---

¹ См. о Сауре-могиле: Русская мысль, 1880, в статье Н. И. Костомарова: Киевская старина, 1882 г. (статья Горленка); Драгоманов и Антонович, Исторические песни малорусского народа, 1874, ч. I, стр. 109, 111, 116, 126, 131, 335; М. Драгоманов, Малорусские народные предания и рассказы, 1876, стр. 236–240. П. Житецкий, Мысли о народных малорусских думах, Киев, 1893, стр. 200.

² Афанасьев, № 122, в.

щие. Отец до рождения сына оставляет жену и уезжает на чужбину. Сын, рождающийся в его отсутствие, отличается необыкновенно ранним развитием богатырской силы. Он творит насилие над сверстниками (богатырские шуточки), допрашивает мать об отце и уезжает, чтобы его искать. В дальнейшем история сына варьируется. Сын побивает иногда неприятельскую рать. Отец либо в зависимости, либо в плену у враждебного властителя, который, теснимый юным богатырем, представляет отца поединщиком против сына. Бой отца с сыном. Узнание. Развязка трагическая или счастливая. В последнем случае возвращение отца вместе с сыном.

В разных версиях мы находим эту схему, развитую по частям. Так, например, с началом былины о Сауре Ванидовиче совпадает в некоторых подробностях татарская богатырская сказка, сообщенная Кастреном¹. Белый хан (Ак-хан) уезжает от жены на чужбину. Жена провожает его, как Елена Азвяковна царя Саула, и уверяет, что она беременна. На ее просьбу остаться дома муж отвечает, что не верит ее беременности и не хочет исполнить ее просьбы. В его отсутствие жена родит богатыря-мальчика и девочку. Дальнейшая их история не представляет ярких параллелей истории сына Саурова. Сравнить с Ак-ханом, не верящим беременности жены, можно Саура Ванидовича, который велит сказать жене:

Да не первый-то раз она меня обманывает,
Да не другой раз она меня назад ворочает:
Теперь не ворочусь я домой!

Другим примером распространенности сюжета о богатырях отце и сыне у тюркских племен и сходства некоторых подробностей рассказа с чертами былин о

---

¹ Ethnologische Vorlesungen, s. 203.

Сауре-Сауле может служить киргизская сказка о Сайдильде, записанная А. А. Ивановским в восточной части Чиликтинской долины, окаймленной с юга Тарбагатаем, с запада – Монраловскими горами, с севера и востока – *Саурскими*¹. Богатырь-отец Гали уезжает от жены на три года. Жена родит в его отсутствие сына Сайдильду, который уже через год по рождении бегал и был так силен, что всех мальчиков убивал одним щелчком в лоб. С этим можно сравнить детские шуточки Константиноушки:

Стал он по улицам похаживать,
Стал с ребятами шутку шутить,
С усатыми, бородатymi...
Которого возьмет за руку,
Из плеча тому руку выломит» и проч.².

Сравним также детство Еруслана Лазаревича и Зораба в кавказских сказаниях³.

По желанию матери мальчика Сайдильду обучают муллы в законе Магомета, но он скоро превзошел их в познаниях. Точно так же Константиноушку

Присадила матушка грамоте учиться:
Скоро ему грамота далася, и писать научился.

Сайдильда расспрашивает мать об отсутствующем отце, узнает, что он уехал в Медину, и отправляется его искать. Константиноушка делает то же: узнает от ма-

---

¹ Подробное изложение сказки см. в моей статье «Материалы для истории былинных сюжетов», напечатанной в «Этнографическом обозрении», кн. V.

² Киреевский, III, стр. 117.

³ Экскурсы в область русского народного эпоса, приложение 2-е, стр. 43, 47, 50.

тери, что отец его уехал «в дальнюю орду, в Половецку землю», и едет его отыскивать. Быть может, неслучайно и то, что Сайдильда во время странствования, остановившись у святыни – могилы Джакупа, слышит голос святого, и что Константинушка заезжает по пути в часовню помолиться Богу¹. Против Сайдильды Магомет, соответствующий в данном случае эпическому властителю, враждебному отцу и сыну, выпускает борцов и затем его отца Гали. Против богатырского сына (в былине о Сауре) сорочинские старики выпускают его отца Саура Ванидовича. Там и здесь бой отца с сыном, причем сильнее оказываются то сын (в киргизской сказке), то отец (в нашей былине).

Гали признает Сайдильду сыном и обнимает его. То же делает Саур Ванидович.

Итак, мы видим довольно близкое сходство и в общем плане и в некоторых частностях между былиной о Сауре (а) и восточными богатырскими сказками. Мы видели, что в названной былине выпала вся середина – похождения юного богатыря до встречи с отцом, сохранившаяся, хотя и в весьма перебитом рассказе, в былине (б) о Сауле Леванидовиче. В этой средней части, сопоставленной мною выше с былинами о Суроге, Суровене, Суровце, мы опять находим некоторые обычные мотивы, известные из восточных, иранских сказаний Рустемиады. Таковы, во-первых, подкопы, в которые попадают Сурога, Суровен, Суровец, и, во-вторых, эпизод махания татаринном. Оба мотива встречаются, как известно, в похождениях нашего Рустема – Ильи Муромца, именно в его отношениях к царю Калину, соответствующему царям Кургану, Кумбалу, Курбану рассматриваемых былин.

Напомню эти мотивы из персидской Рустемиады.

---

¹ Киреевский, III, стр. 119.

1) Коварному Калину, Кумбалу и проч. соответствует в истории Рустема царь Кабула¹, на дочери которого был женат сводный брат Рустема – Шехад. Чтобы освободиться от дани, платимой Рустему, царь Кабула, по соглашению с Шехадом, решается завлечь богатыря в свои владения, чтобы его умертвить. Он приказал насыпать в одной долине ям и утыкать их кольями и мечами, затем пригласил Рустема на охоту и завлек его в эту долину. У коня Рустемова Рахша было чутье опасности: он упрямится, бьет землю копытом и хочет пройти осторожно между двух скрытых ям. Но ослепленный роком Рустем, рассердившись на коня, ударяет его плетью, и тот, сделав скачок в сторону, попадает со всадником в подкоп. Пронзенный копьями богатырь еще успевает выбраться изо рва и убить коварного изменника Шехада².

2) Против иранцев и Рустема туранский царь (Афрасиаб) посылает огромное войско под предводительством богатыря Калуна. Рустем, провожающий молодого царя Кайкобада, встретившись с войском Калуна, в пылу боя схватывает турка, избивает им других, затем бьется с самим Калуном, поднимает его вверх на копье и сбрасывает на землю³.

Различие между былинной о Сауле и этими похождениями Рустема состоит в том, что в былине они приписаны богатырскому сыну, а не старику отцу. Но занесение обоих мотивов в наш эпос из восточной эпики, кажется, может быть предположено с некоторой вероятностью.

Мы видели, какое близкое отношение существует между средней частью походов Сауловича (Константина) и похождениями, приписываемыми в других

---

¹ Отметим, быть может, неслучайное сходство имен: Кумбал и Кабул.

² Экскурсы, стр. 115.

³ Там же, стр. 76.

былинах Суроге, Суровену, Суровцу, и сочли необходимым рассматривать все эти былины вместе. Академик А. Н. Веселовский посвятил былинам о Суровце отдельный этюд («Богатыри Сурожцы»)¹, результаты которого мне не представляются вполне убедительными. Уважаемый исследователь начинает историческими справками о значении города Суροжа (ныне Судака) в средние века и о его торговле с Русью. «До последнего времени, – говорит он², – было у нас в ходу обозначение: “гость-сурожанин” в значении купца, торгующего преимущественно шелковыми товарами, как и теперь еще мы говорим о “суровских товарах”, “суровском ряду”. “Суровец” наших былин не что иное, как дублет к сурожанину; суровец-суздадец, очевидно, тавтология, вторая часть которой была искажена или подновлена по созвучию с Суздадем, более известным в северном периоде нашего эпоса, чем Сурож: “суздадец” – вместо “судадец, сугдадец”... Чтобы проникнуть в богатырский эпос, “гость суроженин” должен был и сам стать богатырем... что лежало в действительных условиях средневековой торговли. Таким богатырем является охотничек “Суровец-Суздадец” в сохранившихся о нем песнях». Следует изложение содержания рассмотренных нами былин и попытка дать *историческую* подкладку некоторым былинным подробностям. «Общая основа этих песен сводится к тому, что молодой богатырь, выехавший на полеванье, встречается с татарской ратью и побивает ее. Если татары принадлежат подлиннику, а не заменили какого-нибудь иного, более древнего врага и наше толкование Суровец = Сурожанин в географическом значении этого слова было бы признано верным, то легко указать и на историческую подкладку наших

¹ Южнорусские былины, V.

² Назв. соч., стр. 70–75.

былин – во враждебных отношениях татар именно к Сурожу в первой половине XIII века (1223, 1239, 1233 гг.). Народная песня, по обычаю, извратила эти отношения в интересах народной славы: Суловец побеждает татарского царя, как и в наших былинах татары всегда бывают разбиты и посрамлены».

С этими предположениями нельзя согласиться на следующих основаниях:

1) Имя Суловец, Суловен, как мы видели, стоит в ближайшем звуковом отношении к именам: Саур Саурович, Саулович, Суруга, и представляет попытку к осмыслению отчества Саурович, искаженного в Сурович. Это становится очевидным из почти полного сходства в похождениях Сауловича (Константина), Суровца, Суловена и Суруги. Вслед за переделкой Сауровича в Суровца один пересказ, припомнив, что Суловец обозначает купца из Суружа, сделал Суровца «Суруженином»¹. Позднее плохо слышанное и непонимаемое имя *Суловец* было искажено даже в *Суравест богатырь* (в нижегородской былине С. Писарева).

2) Таким образом, имя Суловец вошло в былинку не как воспоминание о приезжих из Суружа купцах, а путем обычного былинам перевирания названия. Хотя в той же былине, где Суловец носит эпитет Суруженина, он назван далее «сыном гостя богатого по роду из города Суздаля», однако он ничем не оправдывает своего купецкого происхождения, которое приписано ему по недоразумению, а представляет такой же тип юного богатыря, ловчанина, как его ближайшие родственники Суловен, Суруга, Саулович (Константин). По поводу его боя с татарами нет нужды припоминать исторических отношений Суружа к татарам в XIII веке. Суловец бьется с татарами так же и потому

---

¹ Вариант из Новиковского песенника. Киреевский, III, стр. 110.

же, как те другие экземпляры того же основного типа этого удальца-богатыря.

Резюмируя вышесказанное, я позволяю себе видеть в наших былинах о Сауре-Сауле, Суровце, Суровене, Суроге русскую переделку широко распространенного восточного сюжета. И богатырь и его враги (Кумбал, Курган и проч.) носят еще тюркские имена: имя богатыря до сих пор еще прикреплено к южнорусским степным курганам-могилам. Популярны в прежние времена в областях, где русский элемент населения соприкасался с татарским, былины этой группы не проникли в район живой эпической традиции нашего Севера, в Олонецкую губернию, и, записанные в XIX столетии, дошли до нас частью перепутанными в содержании, частью в фрагментах. Для уяснения мотивов, вошедших в состав этих былин, дают более материала восточные (тюркские) сказания, чем родственная им по сюжету греческая песня об Армури. Последняя и былина о Сауре-Сауле могут представляться независимыми друг от друга переработками общего бродячего сюжета.

Мы видим, что в рассмотренных былинах действующие лица еще не прикреплены к Киеву, не введены в цикл Владимира. Однако другие вариации того же сюжета мы находим в некоторых былинах, уже вошедших в этот цикл, и сравнение тех и других дает нам возможность наблюдать процесс внесения известного бродячего сюжета в рамки уже давно сложившегося цикла.

Припомним главные черты сюжета и спросим себя, что должно было бы с ними произойти при перенесении его в Киев и прикреплении к его бессменному эпическому князю. В сюжете даны малолетний богатырский сын и престарелый отец, уехавший в другую страну; сын едет к отцу, по дороге разбивает огромное неприятельское войско и встречается с не знающим

его отцом; бьется с ним, после чего происходит узнавание. При перенесении местопребывания малолетнего богатыря в Киев естественно, что неприятельская рать, с которой он бьется, явится обычным образом осаждать его родной город. Против нее естественно должен высылать биться богатыря киевский князь Владимир. Отец-богатырь, находящийся в былине о Сауре-Сауле в другой стране, а не в одном городе с сыном, при прикреплении сюжета к Киеву должен также стать богатырем служилым у Владимира, но в данное время не должен находиться вместе с сыном. Нужно было изобрести мотив для отсутствия отца, объяснить, почему не он, а малолеток-сын разбивает осадившую Киев рать. Соответственно этому предполагаемому плану построены некоторые былины, в которых малолетний богатырь-сын называется либо Иваном, либо Михаилом Даниловичем, а старый богатырь-отец – Данилой Игнатьевичем. Былин, развивающих этот сюжет, известно только четыре, из которых две (*a* и *b*) из репертуара северных сказителей¹, одна (*в*), крайне спутанная и сокращенная, записана в Симбирской губернии², и одна (*г*) представляет любопытную запись прошлого столетия³. Рассмотрим содержание сначала трех первых былин.

Сильный, могучий старый богатырь Данило Игнатьевич, 90 лет, просит Владимира на пиру (в *a* и *b*) отпустить его в монастырь и на вопрос князя, кто будет вместо его защитником Киева, указывает своего сына Михаила (в *a* Ивана), двенадцатилетка. По уходе Данилы в монастырь прослышали орды неверные, что не стало у Владимира сильного богатыря, и требуют, подступив к Киеву, либо дани, либо поединщика. Вла-

¹ Киреевский, III, стр. 41, № 2, и Гильфердинг, № 192.

² Киреевский, III, стр. 39, № 1.

³ Былины старой и новой записи, I, стр. 61–67.

димир спрашивает князей-бояр; те, по обыкновению, хоронятся друг за друга. Против силы неверной вызывается ехать двенадцатилеток Михаил (Иван). Он едет сначала в монастырь к отцу за благословением. По одному пересказу (а), старик Данила учит его, как достать бурушка косматого в погребке. Затем Михаил (Иван) едет против татар и побивает их. Татары делают подкопы. Михаил попадает в них, его связывают и ведут к царицу Уланищу. Конь Михаила выбрался из ямы и побежал домой. Между тем сам богатырь сбрасывает путы, схватывает татарина и, махая им, прокладывает себе дорогу (или перебивает татар ослидью тележною). Отец, увидав коня, думает, что сын убит, и выезжает против татар. Встретив сына, он не признает его и нападает на него. Тот кричит, кто он. Следует спознание и возвращение.

Большее развитие и осложнение получил тот же сюжет в пространной «Гистории о киевском богатыре Михаиле, сыне Даниловиче, двенадцати лет» (из рукописи XVIII века Румянцевского музея), впервые изданной академиком А. Н. Веселовским. Здесь сначала подробно описан приезд в Киев татарского посла с требованием дани или поединщика. Владимир вызывает охотника. Откликается один малолеток Михайло Данилович. Князь указывает на его молодость. Тем не менее Михаил решает ехать, заезжает сначала благословиться у отца, Данилы Ивановича, который дает ему наставление. Следует подробное описание боя юного богатыря с татарами, перемирие и трехдневный отдых уставшего Михаила. Между тем татары делают подкопы. Михаил вваливается в яму и попадает в руки татар. Царь татарский Бахмет Тавруевич предлагает ему служить у него. Михайло отвечает оскорблением. Его ведут на казнь. Он сбрасывает оковы, схватывает ось и побивает

ет татар. Бахмет просит пощады и отпущен Михаилом в орду. По возвращении в Киев Михаила, по наговору клеветников, Владимир сажает в погреб. Илья Муромец едет проверить слова Михаила и доносит Владимиру о его победе над Бахметом. Князь освобождает Михаила, хочет его жаловать, но обиженный богатырь отпрашивается к отцу в монастырь, где и постригается.

Если мы сопоставим «Гисторию» с былинами о том же богатыре, то найдем следующие различия:

1) в «Гистории» Владимир сажает юного богатыря в погреб, чего нет в былине;

2) в «Гистории» нет вторичного появления старика-отца; вместо него является Илья Муромец, который содействует освобождению Михаила.

Этими подробностями «Гистории» мы можем воспользоваться, чтобы до некоторой степени уяснить путаницу в былине о Сауле Леванидовиче. Припомним ход рассказа после поражения юным Константинушкой Сауловичем царя Кунгура¹. Константинушка посажен в темницу какими-то мужиками углицкими: в «Гистории» по наговору бояр юный богатырь посажен в погреб князем Владимиром, что произошло при внесении сюжета в киевский цикл. Отец Саул Леванидович узнает о заключении сына и требует его освобождения: в «Гистории» на освобождении Михаила настаивает Илья Муромец. В былине Саул говорит:

Глупы вы, мужики неразумные!..
Немало (он) у Кунгура царя силы порубил:
Можно за то вам его благодарити и пожаловати,
А вы его назвали вором-разбойником,
И оборвали с него платье цветное,
И посадили в погреба глубокие» (стр. 123).

---

¹ Киреевский, III, стр. 121.

В «Гистории» Илья Муромец говорит о подвиге сидящего в погребе Михаила:

Гой еси великий князь Владимир Всеславьевич,
Живу я у тебя тридцать три года,
А побоища такого не побививал,
Что грозно побил побоище
Млад Михайла сын Данилович¹.

В былине слова Саула непонятны, потому что не уяснено, что избиением силы Кунгура Константинушка оказал услугу углицким мужикам. Следовательно, нужно думать, что углицкие мужики заменили здесь какие-то другие личности.

После слов Саула и Ильи молодой богатырь получает освобождение. В былине о Сауле Леванидовиче Константинушка уезжает с отцом домой в царство Алыберское, в «Гистории» Михаил уезжает к отцу в монастырь. Отсюда становится весьма вероятным, что в былине о Сауле мы имеем в значительно спутанном виде некоторые существенные черты того же сюжета, который прикрепился к киевскому циклу. При всей спутанности былина, однако, сохранила тот мотив, что в погреб был посажен юный богатырь-сын и что старик-отец содействовал его освобождению. Поэтому мне не совсем кажется удачною попытка к восстановлению хода действия, сделанная академиком А. Н. Веселовским. По его мнению, в былине о Сауле Леванидовиче «последовательность могла быть первоначально такова: царь Саул попадает в плен, куда его завлекают хитростью; является Константин, вызывает поединщика: против него выпускают его отца-пленника»². Я

---

¹ Южнорусские былины, I, стр. 27.

² Там же, III–XI, стр. 33.

склонен думать, что, несмотря на близость имен (Саур и Саул) и сходство в первой половине рассказа, былина о Сауле Леванидовиче значительно отступила от былины о Сауре чрез осложнение содержания некоторыми другими мотивами: отец и сын действительно поменялись ролями.

С другой стороны, отчасти «Гистория», отчасти былины о Михаиле (Иване) Даниловиче дадут нам возможность объяснить некоторые несообразности в нижегородской былине С. Писарева о Сурогe. Отметим сначала черты специального сходства между теми и другими. В былине о Сурогe Курган-царь приглашает связанного Сурогу к себе на службу, на что тот отвечает:

Стану я тебе служить
Всею верою и правдою:
Если бы была сабля острая,
Снес бы я, срубил буйну голову
По самы твои плечи по могучия,
Головы то бы мне мало,
Я бы плеч-то прихватил!¹

В «Гистории»:

Ответ держит млад Михайла сын Данилович
Царю Бахмету, сыну Тавруевичу:
«Рад бы тебе служить верою и правдою,
Своею саблею вострою
Над твоею шеею толстою»².

В былине, когда Курган-царь велит казнить Сурогу, последний говорит:

---

¹ Былины старой и новой записи, II, стр. 238.

² Там же, I, стр. 65.

Ой еси татары-улановые!
У кого еси есть отец и мать,
Тот от меня подальше встань,
У кого нет, тот от меня поближе встань!¹

– и с этими словами разрывает обручи железные. В «Гистории» Михаил выражает ту же мысль, но несколько проще:

А хто хошет жить подольше,
Тот бежи подале,
А хто хошет жить поменьше,
Тот подвинься поближе...

и затем сбрасывает железа².

Обрушившись в подкоп, сделанный царем Курганом, Суруга поранил своего коня Бахмата:

Вынимает он из зепи (кармана) бумажечку,
Затыкает ему рану глубокую,
Выводит коня во чистыя поля;
Отпускает коня во зеленые луга,
Отпускает коню сам наказывает:
«Будешь ли ты, добрый конь,
Будешь ли ты на пору готов?
Станешь ли ты мне служить
Всею верою, правдою?»
«Стану я тебе служить
Всею верою и правдою,
Заочи, безъизменно»³.

---

¹ Там же, II, стр. 239.

² Там же, I, стр. 65.

³ Там же, II, стр. 238.

Этот допрос и отпуск коня на волю представляется странным и немотивированным, так как в дальнейшем конь не оказал никакой услуги богатырю, несмотря на обещание. Между тем в одном варианте былины о Михаиле-Иване конь Ивана Даниловича прискакал к его отцу, и тот поехал выручать сына: в другом – конь Михаила Даниловича, выскочив из ямы, подоспел к своему господину именно в то время, когда он расправлялся с татарами ослядью железною. Вероятно, последний мотив *выпал* в былине о Суроге.

Припоминая содержание всех доселе рассмотренных былин, мы видим тесную связь между целым рядом богатырских личностей: Саура-отца нельзя отделить от Саула и старого Данилы Игнатьевича; Сауловича (Константина) – от Суруги, Сурувца, Сурувена, Михаила (Ивана) Даниловича. В одних былинах, без прикрепления к Киеву и князю Владимиру, отец и отчасти сын носят еще иностранные (восточные) имена, в других – уже употребительные русские. Как ни неустойчивы личные имена в устной традиции, все же для истории былин, для уяснения процесса переработки каких-нибудь бродячих сказочных сюжетов в былины, то есть quasi-исторические песни, имена представляют значительный интерес, давая иногда хронологические указания. Исследователь эпоса должен ставить вопрос, почему введено в былины то или другое имя, и в некоторых случаях получается возможность дать более или менее удовлетворительный ответ на такой вопрос. Мы видим, что в былинах о юном, двенадцатилетнем богатыре он называется то Иваном Даниловичем, то Михаилом, и должны поставить вопрос, откуда зашли эти имена в былины: взяты ли они случайно, как первые подвернувшиеся какому-нибудь слагателю, или эти имена чем-нибудь были памятны в среде, слагавшей

исторические песни, принадлежали каким-нибудь выдающимся историческим личностям.

Имя Ивана Даниловича, как указал проф. Халанский¹, встречается в летописи. Никоновский свод под 1136 годом, рассказывая о походе Ольговичей черниговских против киевского князя Ярополка II Володимерича, между прочим сообщает: «Ольговичи, повоевав села на Суле, отидоша и сташа на Супои. И изыде противу их князь великий Ярополк Киевский, сын Владимира Мономаха... и снидошася на сечу и бишася крепко; но вскоре побегоша половци от Ольговичев. И погнаша по них великаго князя Ярополча дружина, и братии его лутчая мужи храбрыя, и биша много, гоняще половцев, и возвратишася вспять, и не обретоша князей своих и впадоша Ольговичем в руце; а половци обратишася на них в тыл, и тако многих *храбрых* мужей избиша Ярополчих и братьи его, и держащих стяг великаго князя Ярополка Киевскаго и братьи его изымаша, и бояр его множество поимаша, а иных многих без числа убиша, и храбраго Давыда Яруновича тысяцкаго киевскаго, и *Ивана Данилова, богатыря славнаго, убиша* и Станислава благороднаго и Данила Тугковича, и Дамьяна, и Янка, и многих мужей сильных и храбрых и внука Владимира Мономаха Василька Марича (Леоновича) убиша, и много князей убиша, и едва убежаша в Киев с братьею своею отнюдь в мале дружине Ярополк... месяца августа в 8-й день».

«Рассказ Никоновской летописи, – говорит М. Халанский, – очевидно, подновлен; выражение “славнаго богатыря” принадлежит, по крайней мере, к XIV–XV векам, но, несомненно, он основан на неизвестном нам местном киевском свидетельстве о битве при Супое. Иначе трудно объяснить большую фактическую

¹ Великорусские былины киевского цикла, стр. 43 и след.

обстоятельность изложения Никоновской летописи в сравнении с Ипатской и Лаврентьевской... Итак, богатырь, которого великорусские былины воспевают под именем Михаила и Ивана Даниловича, жил в XII веке, состоял на службе великого князя киевского Ярополка Владимировича, считался *храбром* и в битве при Супое в 1136 году был убит вместе с другими киевскими служилыми храбрами»¹.

Это указание проф. Халанского можно подкрепить следующими соображениями. Битва при Супое, в которой киевская дружина потерпела сильное поражение, в которой легло столько выдающихся «храбров» и было перебито много князей, должна была оставить по себе надолго память в дружинной среде. В битве пало между другими и лицо, представлявшее *gara avis*² в княжеских дружинах, византийский *царевич* Василий Леонович (Марич), внук славного Владимира Мономаха. Конечно, мы ничего, кроме имени, не знаем об убитом храбре Иване Даниловиче, но если его смерть отметила летописная запись, которую пользовался составитель Никоновского свода, назвавши Ивана Даниловича «славным богатырем», то нетрудно предположить, что Иван Данилович пользовался в свое время в дружинной среде громкой известностью и его имя упоминалось в какой-нибудь исторической дружинной песне. Исторический Иван Данилович бился с половцами, эпический бьется с татарами – вот все, что, помимо имени, сближает их между собою. Конечно, этого очень мало. Но все же я не думаю, чтобы такое совпадение былинного имени с историческим было игрой случая. Что общего между добродетельной исторической рязанской княгиней Евпраксией и былинной сластолюбивой Опраксой коро-

---

¹ Названное сочинение, стр. 45.

² Редкая птица (*лат.*).

левичной, но едва ли можно сомневаться в том, что последняя получила свое имя от первой. Имя былинное и вместе историческое, как и многие другие *исторические* имена в наших былинах, указывают на то, что в основе современного простонародного сильно искаженного эпоса лежали когда-то историко-эпические песни, создававшиеся в дружинной среде, делавшей военную историю Руси. Сюжеты этих прежних песен многократно переделывались и уже не лежат в содержании огромного большинства былин, но имена были прочнее сюжетов и переживали нередко дальнейшие переделки последних, служа таким образом свидетелями ранних ступеней истории эпических песен...

Для имени отца, конечно, нужно предположить, что оно выведено из отчества Ивана Даниловича. Но откуда мог получиться вариант имени Михайло?

Чтобы подойти к возможному решению этого вопроса, обратим внимание на некоторые черты содержания былин о Михаиле Даниловиче в связи с некоторыми легендами, прикрепленными к Киеву.

Одна из лучших работ академика А. Н. Веселовского в его южнорусских былинах посвящена уяснению связи киевской легенды о Золотых воротах с былинными мотивами¹. Отсылая читателя к изложению этих легенд в нескольких вариантах, сделанному уважаемым исследователем, и оставляя пока в стороне эсхатологическое окончание легенды, приведу следующую схему, выведенную А. Н. Веселовским:

- 1) Михаил – юный богатырь (иногда семилеток) в близких отношениях к князю (царю) Владимиру в Киеве.
- 2) Татары-юланове подступают к Киеву.
- 3) Недруги Михаила, киевляне, требуют его выдачи татарам. Он жалуется на поганую раду киевлян.

---

¹ Южнорусские былины, I, стр. 4–8.

4) Михаил выходит против татар, Владимир его удерживает. Когда юноша берется за меч, чтобы идти на вражье войско, Владимир останавливает его словами: ты еще молод, не твое это дело, а Михаил отвечает ему, что богатырство у него рожденное, как прирождено вылупившемуся из яйца утенку плавать по синему морю.

5) Михаил побивает татар-юланов¹.

В связи с этой схемой киевской легенды А. Н. Веселовский рассматривает уже отчасти разобранные нами великорусские былины об Иване (Михаиле) Даниловиче, «Гисторию» о Михаиле Даниловиче, и приходит к такому выводу²: «Как видно, содержание севернорусских былин о Михаиле и южнорусской легенды о Михайлике, за немногими исключениями, совпадает одно с другим. Главное отличие, определившее и перетасовку содержания, состоит в требовании киевлян выдать Михаила татарам, о чем былины ничего не знают. В последних вся вина падает на Владимира, поверившего оговорщикам, тогда как в южнорусской легенде вина “злой рады” принадлежит киевлянам, и князь нехотя подчиняется ей, обнаруживая дружественные отношения к молодому Михаилу. Может быть, мы вправе говорить о двух редакциях одного и того же сказания, распределившихся между севером и югом. Южная редакция сохранила в легенде о Михайлике, несмотря на ее благочестиво-мистическую обработку, черты и отношения древнейшей песни, зародившейся в дружинном быту и преследовавшей княжеские интересы вразрез с интересами земства, веча, громады: ее-то злая рада заставила удалиться Михаила, потому что татары

---

¹ Названное сочинение, стр. 12. Об эсхатологическом окончании киевской легенды см. ниже.

² Там же, стр. 37.

требовали его выдачи, и горожане опасались за себя; князь должен склониться к их желанию, и Михаил уходит... Мы имеем дело с песнью, отзывающеюся тою порой, когда городская громада-вече могла еще изгонять князя-дружинника, а в дружинной среде складывались песни про князя, выжитого трусливыми горожанами и одержавшего им назло блестящую победу над враждебным войском»...

Прежде чем так или иначе определить отношение киевской местной легенды о Михайлике к великорусским былинам, считаю нужным обратить внимание на некоторые факты.

Малорусская легенда (в редакции Кулиша, Стоянова, Трусевича) говорит о стрелянии юного богатыря во вражье войско, поражении или убиении лица, близкого к предводителю (Батыю, по Трусевичу), и о требовании последнего выдачи Михалка. В великорусских былинах о Михаиле Даниловиче этого мотива нет, но он известен в наших былинах в другом прикреплении: он прикреплен к богатырю Василию Игнатьевичу, Пянице или Казимеровичу. Напомню, что в них обыкновенно рассказывается, как Батыга подступает к Киеву и требует поединщика, как Василий Игнатьевич пускает стрелу и убивает сына, зятя Батыги и дьячка выдумщика, и как Батыга требует выдачи стрелка. Далее сходство между былиной и легендой о Михайлике прекращается; но приведенное сходство настолько ярко, что должно быть принято в соображение и может быть объясняемо как вторжение мотива из великорусской былины в малорусскую легенду.

Киевская легенда о Михаиле, изданная Драгомановым¹, сближается с «Гисторией» о Михаиле харак-

---

¹ См. «Малорусские народные предания и рассказы», стр. 249 и 251, и «Южнорусские былины», I, стр. 7 и след.

терным ответом, который Михаил дает Владимиру, говорящему о его молодости: В легенде:

Господару цару Володимеру!
Возьми ты утятко молоденьке,
І пусти на море синеньке:
Воно попливе як і стареньке.

В «Гистории»:

Государь князь Владимир Всеславич Киевской!
Вели поимать гоголя и вели держать три года,
Да пусти, государь, того гоголя на воду,
И умеет ли тот гоголь по воде плавати?

Этого ответа нет в тех былинах, в которых герой называется Иваном (а не Михаилом) Даниловичем, но есть следы того, что он был прикреплен и к имени Ивана. Проф. Халанский¹ указывает его в малорусской думе об Ивасе Коновченке (Киевская старина, 1882, август). Ивась, *малолетний* сын вдовы, решается идти с казаками в поход. Воспользовавшись отсутствием матери, он взял саблю, оставил дом, догнал полковника Хвилона. Хвилон вызывает смельчака начать битву с турками. Казаки молчат, только Иван вызывается достать турецкое знамя. Хвилон говорит ему, что он слишком молод. Ивась отвечает:

Возьми ти утя едно старее,
А друге малее,
Пусти ти на воду:
Чи не равно буде плисти младе,
Як би старе?

---

¹ Великорусские былины киевского цикла, стр. 45 и след.

– и затем нападает на турок.

Итак, этот ответ может, кажется, считаться *locus communis*, которое вставлялось в былины и песни, где речь шла о молодом герое, а молодыми или даже малолетними представлялись и Иван, и Михаил Данилович, и Михайлик в малорусском предании.

В киевской легенде о Золотых воротах (в редакции Кулиша и Трусевича) трусливые горожане настаивают на удалении Михаила из города. Этой черты нет в былинах о Михаиле Даниловиче, но ей соответствует другая, подобная же: засаждение Михаила в погреб по наговору клеветников. Этот мотив, как известно, нередко встречается в наших былинах: эпический Владимир засаживает в погреб глубокие и любимого народного богатыря Илью, и Добрыню, и Ставра. Такие поступки Владимира относятся к позднему периоду эпоса, когда нравственный облик эпического князя значительно потускнел и изменился. Итак, если в наших былинах о Михаиле нет мотива изгнания богатыря из города горожанами, – мотива, который находим в киевской легенде о Михайлике, то нет ли каких-нибудь исторических фактов, связанных с именем Михаила, которые могли бы объяснить, почему изгоняемый горожанами герой назван именно Михаилом?

М. Халанский, на наш взгляд весьма кстати, напоминает одно летописное известие о событии из жизни князя Михалка (Михаила) Юрьевича.

По убиении Андрея Боголюбского суздальцы и ростовцы позвали на княжеский стол Ростиславичей, а владимирцы приняли Михалка Юрьевича. Поступок владимирцев не понравился ростовцам и суздальцам. Они решились силою выгнать Михалка из Владимира и унижить младший город. И вот в 1175 году «приехаша же со всею силою Ростовская земля на Михалка к

Володимерю, и много зла створиша, муромце и рязанце приведоша и пожгоша около города; володимерци бяхутся с города, Святей Богородице помогаючи им; и стояша около города 7 недель, и Святая Богородица избави град Свой. Володимерци же, не терпяче глада, реша Михалку: “Мирися, а любо, княже, промышляй о себе”. Он же отвещав рече: “Прави есте, ци хотите мене дея погинути?” Поеха в Русь, и проводиша его володимерци с плачем»¹.

«Михалко Юрьевич, – замечает М. Халанский², – был деятельный, храбрый и любимый народом князь. О его подвигах существовала целая повесть, внесенная в летопись в виде сказаний о чудесах Пресвятой Богородицы. Удаление его из города Владимира по требованию горожан могло стать предметом дружинной песни.

Со своей стороны замечу, что Михалко Юрьевич отличился среди князей и своим удачным походом на половцев в 1171 году. Половцы в значительном числе пришли в киевскую сторону, взяли множество сел за Киевом с людьми, скотом и конями, и с полоном пошли к себе. Глеб, князь киевский, был болен и послал *брата* своего Михалка и другого Всеволода. Михалко, «послушлив сый», быстро нагнал половцев, разбил их и отбил полон, затем вторично разбил половцев и со славой вернулся в Киев. Мне кажется, что эти события из жизни Михалка представляют такие черты, которые могли войти в дружинные предания и песни о нем. Как Михалко является заступником своего больного брата, киевского князя, и разбивает подступивших к Киеву половцев, так в былине Михаил является заступником эпического князя Владимира и разбивает подступивших к Киеву татар, а в легенде, сообщенной

---

¹ Лаврентьевская летоп., 2-е изд., стр. 354.

² Названное соч., стр. 108.

Драгомановым, представляется даже в родственных отношениях к Владимиру. Далее, как в летописи, Михалко по решению рады города Владимира, осажденного неприятелями (ростовцами и суздальцами), уходит из города; так Михайлик по решению киевской громады должен оставить Киев, осаждаемый татарами. Если мы обратим внимание на то, что в киевской легенде о Михалке в редакции Драгоманова, которая особенно близко сводится с великорусской былиной, встречается выражение «татарове-юланове», обычное былинам, а не малорусскому эпосу, и что вообще сказание о Михайлике занимает одинокое положение в малорусской народной словесности, то сочтем правдоподобным предположение М. Халанского, что в малорусской легенде отразилось влияние великорусской былины (хотя не совсем в той редакции, в которой мы в настоящее время имеем эту былину). А. Н. Веселовский указывает, как типическую и древнюю черту киевской легенды, ту подробность, что в ней выдвигается значение *громады*, веча (Михалка выдает не князь, а вече). Но я не думаю, чтоб в этом следовало видеть народную память вечавого строя южнорусского периода нашей истории. Предполагать такой консерватизм в киевской легенде едва ли возможно: она даже во Владимире видит не князя, а *царя*. Скорее здесь отголосок казацкой громады позднейшего времени или, быть может, случайно сохранившийся отзвук той предполагаемой старой редакции северной *дружинной* песни о Михалке, в которой этот князь представлялся уходящим из города (Владимира) по решению городского веча. Но первое предположение мне представляется более вероятным.

Конечно, некоторые черты остаются еще не вполне разъясненными в рассмотренных легендах и былинах, прикрепленных к имени Михаила (Ивана) Даниловича.

Но все же можно сделать попытку реставрировать процесс их образования, который представляется мне в следующем приблизительно виде.

Присутствие в былинах исторического имени Ивана Даниловича, погибшего в битве при Супое в 1136 году, дает основание предположить, что этот «храбр» киевской дружины Ярополка поминался в современной ему дружинной песне. Какого содержания была эта песня, какую роль в ней играл Иван Данилович – это нам навсегда останется неизвестно. Можно предположить только, что Иван Данилович представлялся современникам юным, безвременно погибшим «храбром», так как к его имени в былинах прикрепился сюжет о подвигах *юного* богатыря. В XII же веке существовали сказания или дружинные песни о Михалке Юрьевиче, в которых предположительно поминалась его победа над половцами, отогнанными им из-под Киева, и уход этого любимого князя из осажденного города Владимира по требованию горожан (событие 1175 г.). Разделяя общую судьбу устных произведений, сказания и песни о той и другой личности в течение времени теряли реальные, исторические черты, спутывались, переплетались с другими и подчинялись влиянию излюбленных бродячих сказочных сюжетов. К имени Ивана Даниловича прикрепился популярный эпический сюжет – о юном богатыре, совершающем необыкновенные подвиги, несмотря на свое малолетство. Сюжет этот представлял несколько вариаций: юный богатырь мог быть неизвестным сыном старого богатыря, родившимся в его отсутствие и воспитанным матерью, затем ищущим отца и встречающимся с ним в бою. Это формула Рустема и Сохраба, Ильи и Соловника и проч. При введении подобного сюжета в киевский цикл он должен был приладиться к нему в частности: отец был так же,

как и сын, при дворе у князя Владимира, и, чтобы сделать возможной боевую встречу отца с сыном, первого нужно было удалить из Киева: отец представляется заключенным не в тюрьме (как Саур Ванидович), а в монастыре (старчище Данилище). Весьма распространена в вариантах сюжета о бое отца с сыном и та черта, что властитель (царь, князь) относится недружелюбно и к старому и к юному богатырю, иногда старается вызвать их столкновение (припомним Кейкауса в иранских и кавказских сказаниях о Рустеме и Сохрабе (Зорабе), Магомета в киргизском сказании о Сайдильде¹), иногда засаживает в погреб старого богатыря (Владимир – Илью), иногда молодого (Владимир – Михаила), не поверив его подвигам, вследствие чего богатыри (отец и сын) там, где нет трагической развязки, удаляются от двора властителя. Те или другие черты подобных вариантов сказаний о старом и юном богатыре припоминались в связи с историческим именем князя Михаила, когда-то побужденного призвавшими его княжить гражданами города Владимира покинуть город. Конечно, исторические черты реального события были давно забыты, припоминалось только, что Михаил, любимый и прославленный победами герой, должен был по требованию жителей уйти из города, осажденного врагами. При введении имени Михаила в киевский круг богатырей этот город, естественно, был Киев, осаждали его татары, удалялся богатырь по требованию киевлян (легенда о Михайлике) либо вследствие обиды, нанесенной ему князем Владимиром (посажением в погреб по навету клеветников). Между былинами об Иване Даниловиче и о Михаиле происходило взаимодействие. Михаил получил, по тождеству сюжетов, то же отчество, как и Иван: он стал Данило-

---

¹ См. мой разбор последней сказки в «Этнографическом обозрении», кн. V.

вичем. Но в одних былинах внимание сосредоточивается на готовившемся бое отца с сыном и спознании, в других – на уходе юного богатыря из города вследствие обиды от горожан или князя. В последних является и мотивировка требования выдачи юного богатыря осадившим город царем (Батыгой): богатырь застрелил трех близких к царю лиц. Быть может, эта мотивировка взята из другой однохарактерной былины (Василий Казимерович). Таким образом, подвергаясь переработкам, сюжет развивается в отдельных подробностях, утрачивая одни и воспринимая другие из эпического запаса, и в результате многовековых переделок получают, с одной стороны, современные варианты былин об Иване (Михаиле) Даниловиче и местные киевские легенды о Михайлике. Если мы обратим внимание на то, что эти легенды содержат почти все черты, встречающиеся в великорусских былинных вариантах, и что легенды о Михайлике записаны не в разных местах Малороссии, а исключительно в Киеве и его окрестностях, то не решимся видеть в них *древнее* киевское наследие. Скорее можно думать, что многочисленными богомольцами, приходящими в Киев из великорусских областей, были занесены былинные рассказы о Михаиле, которые сплелись с одной местной легендой. Чтобы уяснить себе это перенесение былинных мотивов с севера на юг, нам нужно припомнить окончание малорусских легенд о Михайлике, которое мы до сих пор оставляли в стороне.

По редакции Кулиша, Михайлик, оскорбленный горожанами, поднял копьем Золотые ворота и поехал через татарское войско в Царьград... И живет Михайлик доселе в Цареграде (и Золотые ворота стоят в Цареграде). И наступит время, что Михайлик *воротится* в Киев и поставит ворота на место.

По редакции Трусевича, Михалко, ударив копьём в Золотые ворота, поднял их на плеча и уехал из города Киева. С тех пор и не стало там Золотых ворот. Говорят, что когда-нибудь Михалко вернет ворота.

В легенде, сообщенной Драгомановым, Михаил, истребив татарское войско, «поїхав в світа і пришлось ёму їхати через царські ворота; то до їдного стремена взяв на ногу їдну половину, а на другу ногу другого стремена взяв другу половину. С тими ворітьми поїхав за якісь гори... і став там жити, тай досі, каже, живий... а може й помер»...

Это окончание легенды, ее эсхатологический характер (ожидаемое в будущем возвращение Михайлика в Киев), связь Киева с Царьградом, наконец, имя Михаила – все это привело А. Н. Веселовского к весьма правдоподобному заключению, что в легенде мы имеем народный, приуроченный к Киеву пересказ эпизода, находящегося в поздних русских текстах «Откровений» Мефодия интерполированной редакции. Популярность «Откровений», распространенных во множестве списков, легко объясняет такого рода местное народное применение... многие из так называемых местных сказаний не что иное, как локализованные повести и анекдоты, так что интерес локализации состоит не столько в содержании сказани, сколько в открытии причин, вызвавших их приурочение¹. Изложив далее рассказ «Откровений» о возвращении царя Михаила, А. Н. Веселовский отмечает аналогии между этим эпизодом и малорусской легендой о Михайлике. В «Откровении» измаильтяне осаждают Византию, в легенде татары – Киев; там и здесь Михаил (Михайлик) является освободителем: тот и другой удаляются на время, и возвращение обоих ожидается в неопреде-

---

¹ Южнорусские былины, I, стр. 9.

ленном будущем; связь Киева с Царьградом (куда удаляется Михайлик), упоминание Золотых ворот и здесь и там и эсхатологический характер последней части малорусской легенды – вот те общие черты, которые привели А. Н. Веселовского к предположению, «что в сказании о Михайлике сохранилась в иной обстановке, с Киевом и татарами вместо Царьграда и измаильтян, повесть о последнем императоре Византии Михаиле»¹. На этом объяснении, которое уважаемый исследователь видоизменил в «Южнорусских былинах»², я считаю возможным остановиться.

Припоминая теперь все вышесказанное о былинах о Михаиле Даниловиче и содержание малорусских легенд о Михайлике, мы можем найти побуждение, по которому черты великорусских былин припоминались приходившими в Киев великорусскими странниками и распространялись от них в местном населении.

Осматривая киевские святыни и развалины старинны, богомольцы слышали легенду о Золотых воротах, развалины которых доселе стоят в Киеве. Легенда необходимо *должна* была сложиться, и, вероятно, очень рано, так как «Золотых ворот» не было на месте, а между тем куча камней носила это название. Какие-нибудь ответы на естественные вопросы о несоответствии предмета названию должны были быть. Мы не знаем точно деталей этой древней легенды, но она представляла локализацию сказания Мефодия о возвращающемся царе Михаиле; во всяком случае, имя Михаила уже было дано в легенде. Припоминая под влиянием самой обстановки свои песни о киевских богатырях князя Владимира, великорусские странники могли при имени Михаила

---

¹ См. Опыты по истории развития христ. легенды, Журн. Мин. нар. пр., 1875 г., май, стр. 78.

² I, стр. 11.

вспомнить свои былины о Михаиле-двенадцатилетке (или Иване Даниловиче) и восполнять былинными подробностями местную киевскую легенду. Этим объясняю я себе, как произошли дошедшие до нас варианты киевских сказаний о Михайлике. В них внесены были татары-юланы, царь Батый (Батыга), стрелянье Михаила в родственников Батыя (из какого-нибудь не дошедшего до нас извода былины о Михаиле), требование Батыя выдачи стрелявшего богатыря и прочие черты великорусской былины. В таком переделанном виде местная легенда передавалась *только* в Киеве, куда сходились богомольцы из Великороссии и куда легко могли заносить свои былинные рассказы, так как припоминать их представлялся особенно удобный случай среди местных воспоминаний, связанных с киевской монументальной стариной. Но в другие области малорусского населения, не посещаемые великорусскими странниками, эта легенда не имела случая заходить.

Таковы выводы, которые представляются мне возможными из рассмотренных былин и легенд. Но, конечно, уверенности в том, что мы верно угадали главные черты их истории, мы не можем иметь. Новые варианты легенды и, быть может, былин внесут поправки в это гипотетическое построение или даже устроят его.

К былинам об Илье Муромце¹

а) *Предания об исцелении Ильи Муромца.* На имя любимого народного богатыря наслышалось немало сказаний разного времени и различного происхождения. Для того чтобы уяснить эпическую историю Ильи Муромца, важно разобраться в фактическом материале

¹ Напечат. в «Этнографическом обозрении», кн. XXII.

каждого сказания в отдельности, и только когда ряд таких детальнейших разысканий по каждому отдельному сюжету, в котором фигурирует имя Ильи, будет закончен, исследователи получат возможность точнее ответить на многие из тех вопросов, на которые в настоящее время мы удовлетворяемся лишь неопределенными и предположительными ответами.

Эпическая биография Ильи открывается сказанием об его исцелении чудесными странниками, давшими ему испить воды или другого питья. В этом предании отыскивали мифическую основу (О. Миллер), указывали апологическую и сказочную подкладку (Буслаев, Халанский, Безсонов), но до сих пор остается не вполне уясненным, насколько распространено это сказание в *былинной* обработке и насколько древне его прикреплении к личности Ильи Муромца.

Уже О. Миллер в разборе сказания сделал о нем следующее замечание: «Сказание это передается *во множестве* пересказов, но, к сожалению, стих в них большею частью в состоянии уже разлагающемся, так что это скорее уже побывальщины или же и просто сказки»¹. Ввиду того, что понятие «множества» совершенно относительное, считаю необходимым точно определить число известных нам былинных версий этого сказания и затем рассмотреть их свойства.

Во всем обширном сборнике Гильфердинга, содержащем 57 номеров былин об Илье, и в том числе 8 номеров о выезде Ильи из дому, в которых рассказ об его исцелении был бы вполне уместен, исцеление Ильи встречается только в одном № 120, в былине, записанной от Щеголенка (в Кижах, в д. Боярщине). Содержание следующее: Илья Муромец, *старый казак*, сидел 30 лет на *седалище*, не имел ни рук ни ног. Приходят два

---

¹ Илья Муромец. Стр. 169.

незнакомых старца и велят ему *восстать* на резвы ноги и дать им пива яндому. Илья отказывается, ссылаясь на то, что не имеет рук и ног. Старый старец повторяет приказание. Тогда Илья встал на ноги,

Яндому захватил пития с водоносу-то,
Приносил-то старцю *единому*.

Старец велит ему самому испить, после чего Илья почувствовал в себе силу великую. То же повторяется после второй яндымы. Третью яндому старец уже не дал выпить Илье, а выпил сам, говоря:

Если приказать тебе третье пить яндому,
Не удержать тебе силы великия,
Не удержать тебе силы богатырския.

Затем старец велит ему отправиться в Киев к князю Владимиру, говорит о камне с какой-то надписью, не определяя ее содержания, и уходит. Приходят родители Ильи с крестьянской работы и радуются его исцелению. На его вопрос, что они работают, они говорят, что чистят луг-пожню за три поприща от дому. Илья помогает им чистить пожню, выдергивая кусты руками и обрубая леса по корешку. Затем он отправляется в Киев, читает надпись на камне, гласящую, что под ним сокрыт конь богатырский, шуба соболиная, плетка шелковая и палица булатная. Когда Илья сел на коня, последний говорит ему:

Ай же старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович!
Знай ты мною управлять,
Дал тебе Господь коня да богатырскаго,

Послал Господь *ангелов* милосливых
На твое рождено на место;
Даль тебе Господь *руце-нозе*.
Не написано тебе, старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
Не написана тебе смерть на убоищи.

Затем в этой сводной былине следует рассказ о трех росстанях с обычными тремя надписями, причем только что выехавший из дому 30-летний Илья совершенно некстати говорит, что ему *на старость* не надо богáтиться, не надо жениться, а надо ехать туда, где убиту быть. Следует встреча с разбойниками (400 человек), приезд ко Крякову, где оказывается Одолище поганое, которого Илья не убивает, а привязывает к стремени. Из Крякова Илья едет к Соловью Рахманову, который, против обыкновения, скачет на богатырском коне и поигрывает палицей булатною. Илья выбивает его из седла (а не из гнезда выстрелом) и привязывает к тороку конинному, предварительно отвязав, неизвестно почему, Одолище. Затем идет рассказ о дочерях Соловья и их попытке убить Илью подворотней. Убив их и зятьев Соловья, Илья приезжает в Чернигов, входит в Божий храм, но тотчас же выходит, говоря, что не может служить молебна, так как его руки окровавлены человеческой кровью. Затем Илья приезжает в Киев и отвечает на вопрос князя Владимира о дороге, которой он ехал. Этим кончается эта путаная былина.

Просмотр былины открывает в ней все свойства, отличающие былины Щеголенка. Уже Гильфердинг заметил об этом сказителе, что он соединяет часто в одну былину разнородные предметы и не придерживается определенного размера¹. Отличаясь между все-

---

¹ Онежск. былины. Столб. 636.

ми известными олонецкими сказителями наиболее обширным репертуаром¹, Щеголенок вносит в свой рассказ часто удивительную путаницу и наряду с превосходными былинами сообщает о некоторых богатырях сведения весьма ненадежные. Так, он немало сообщил о Святогоре-богатыре, но не затруднился приписать ему и такие черты, которые более чем сомнительны и, вероятно, должны быть отнесены к изобретательности самого Щеголенка. Например, в одной былине (Гильф., № 118) Святогор стоит на заставе Московской во главе 12 богатырей и спрашивает, кого послать в землю *Тальянскую*; в другой (№ 119) Святогор живет у Садыка купца богатого, и последний пишет письмо в Сорочинскую землю, чтобы выслали Святогору шляпу сорочинскую, в третьей – Дюк Степанович и Щурило Щапликович являются в обычной роли Микулы Селяниновича и Вольги Святославовича². Кроме большой смелости комбинации Щеголинок отличается и другим свойством, также отмеченным Гильфердингом. «Щеголинок, – говорит Гильфердинг³, – хотя неграмотный, но большой охотник ходить по монастырям и слушать божественные книги; это отзывается отчасти и в тоне его былин». Действительно, помимо былин Щеголенок пропел М. Гурьеву несколько духовных стихов, которые усвоил, вероятно, от калик, а именно: Иоанн Златые уста, убогий Лазарь, красная Алисафия Агапиевна, Кирик и Улита⁴, и знакомство со стилем духовных стихов отражается и в складе его былин. Так, в рассмотрен-

¹ Гильфердинг записал от Щеголенка 13 № (№ 118–130); М. Гурьев девять былин и четыре духовных стиха; Рыбников четыре былины, и, наконец, в бытность Щеголенка в Москве, он пропел П. Безсонову обширный вариант былины о Святогоре (Песни Киреевского, 2-е изд. Вып. 4-й, стр. 184–203).

² Барсов – Памят. нар. твор. Олонецк. губ. Стр. 18.

³ Наз. соч. Столб. 636.

⁴ Напечат. Барсовым в Памят. нар. тв. Олон. губ. Стр. 85–97.

ной былине об исцелении Ильи старцами мы отметили книжные выражения: *восстать*, *едино слово*, *седалище*, *руце-нози* и друг. Этими свойствами Щеголенка как сказителя объясняется то обстоятельство, что из числа 70 сказителей и сказительниц, прослушанных Гильфердингом, легендарный рассказ об исцелении Ильи записан именно от него. Быть может, он слышал это благочестивое повествование от своего дяди Тимофея, от которого научился, по словам Гильфердинга, большинству своих былин. А кому же знать об этом чудесном исцелении безногого молодца, как не дяде Тимофею, который, *будучи безногим*, сам (подобно Илье Муромцу) сорок лет сидел в углу в доме отца Щеголенка?¹

Переходим к другим былинным пересказам исцеления Ильи. В сборнике Рыбникова, содержащем более 40 былин об Илье, исцеление рассказывается только в двух былинах или, скорее, побывальщинах. Первая (Рыбн., I, № 8) разделена на стихи самим издателем г. Безсоновым, но стихи все же почти не чувствуются. Содержание ее очень разнообразно. Начало совершенно то же, что в былине Щеголенка, но добавлена та подробность, что родители Ильи ушли на крестьянскую работу в то время, когда двое калик приходят к Илье. Когда Илья, выпив одну только чару питьеца медвяного, почувствовал силу великую, калики предрекают ему, что ему смерть в бою не написана (эти слова Щеголенок вложил в уста коня); затем запрещают вступать в бой со Святогором, Самсоном, родом Микуловым и Вольгой², и дают указания, как купить и выходить жеребчика. Далее рассказывается чистка пожни Ильей и покупка жеребчика. Первое похождение Ильи не с раз-

---

¹ Онеж. был. Столб. 636.

² Известное перечисление богатырей, подавшее повод к пресловутой теории о *старших богатырях*.

бойниками на пути в Киев, а встреча со Святогором, который в ларце везет свою жену. Илья, в полное несоответствие своему эпически установившемуся характеру, начинает свою богатырскую карьеру с адюльтера! Попав в карман к Святогору, а затем подружившись с ним и научившись от него «похваткам, поездкам богатырским», Илья наезжает вместе со своим учителем в поле на великий гроб, в котором Святогор находит себе успокоение. Эпизод с гробом уже досказан был сказителем Леонтием Богдановым такою прозою, которую даже издатель не нашел возможным переложить в стихи: так мало в ней обычных эпических выражений.

Не лишне отметить некоторые данные, сообщаемые Рыбниковым о сказителе Леонтии Богданове, крестьянине той же Кижской волости. Богданов был уже старик лет семидесяти с лишком; соседи звали его человеком волокитным, т.е. бывалым. На веку своем он натерпелся-таки вдоволь: был он и на посылках у какого-то чиновника, ходил и на рыбные промыслы, на Ладожское озеро, живал и в артельщиках в Петербурге и хаживал со «щетью» по деревням¹. Но сказитель был он неважный: знал варианты неполные и как-то недосказывал слов. «Потому, – говорит Рыбников, – я напечатал только те из былин, которые дополняли своими подробностями другие варианты, или представляли совершенно новое содержание»².

Таким образом, и второй рассмотренный нами пересказ исцеления Ильи отличается теми же свойствами, как и первый: это не стройная по содержанию и складная по стиху былина, а скорее попытка передать в былинном складе несколько отдельных сюжетов, связанных именем Ильи, – другими словами, попытка сделать из сказки былинку.

---

¹ Рыбник., III, стр. XVI.

² Там же, стр. XIII.

Второй рыбниковский пересказ исцеления Ильи¹, так же как и первый, разделен издателем «по распеvu и складу» на некоторое подобие стихов. «Стих разрушен», – замечает г. Безсонов², но можно сомневаться, был ли рассказ первоначально сложен стихами. Содержание близко к рассмотренным выше пересказам. «Старые проходящие», т.е. калики перехожие, поят Илью два раза квасом, причем сначала отпивают каждый раз сами. Убавления силы нет.

Благословляя Илью стоять за веру христианскую и за дом Пресвятыя Богородицы, старцы говорят Илье, что ему смерть в бою не написана и что сильнее его на свете только Самсон Самойлович, Святогор Колыванович и Микула Селянинович. Затем велят ему купить жеребенка и ехать в Киев. Далее рассказывает кратко чистка пожни Ильею и покупка жеребенка. Былина записана от калики (не названного по имени). Замечательно, что тот же калика уже довольно складно пропел следующую былинку – № 3, которая составляет собственно продолжение первой, т.е. содержит выезд Ильи из дому, приезд в Чернигов, похождение с Соловьем-разбойником, приезд Ильи в Киев и смерть Соловья. Калика припомнил в конце былины даже обычную припевку: «Дунай, Дунай, боле вперед не знай». Мало того, от того же сказителя записаны Рыбниковым еще семь былин: две о Добрыне, по одной о Василии Игнатьевиче, Иване Гоудиновиче, Потыке, Дюке и Василии Буслаевиче³ – и все довольно складные, не потребовавшие никаких поправок в складе стиха от издателя. Не свидетельствует ли этот факт в пользу того, что калика не знал вовсе в былинном

---

¹ II, № 2.

² Там же, стр. 2, примечание.

³ См. Рыбн., IV, перечень сказителей, стр. 7.

стихотворном складе рассказа об исцелении Ильи, что источник его был прозаический?

Последний рыбниковский пересказ исцеления Ильи вызывает некоторые недоумения. «Когда я рассказал Рябинину, – говорит Рыбников¹, – побывальщину об Илье и Святогоре, то он передал мне, что еще учитель его, Илья Елустафьев (т.е. Евстафьев), *пел* былиною про все знакомство Ильи и Святогора и припомнил тут же следующие отрывки из этой былины». Эти отрывки – разговор Ильи со Святогором, легшим в гроб, и наставления калик переходящих Илье относительно покупки коня. Последние наставления калик предполагают существование *стихотворного же* рассказа об исцелении Ильи каликами, но странно, что Трофим Рябинин, несмотря на свою феноменальную память и замечательную твердость в эпическом складе, не припомнил ничего из этого рассказа.

Итак, если лучший сказитель Онежского края не знал в былинной форме рассказа об исцелении Ильи каликами, если все три дошедшие до нас пересказа лишены метрического склада, то само собою является предположение, что рассматриваемый сюжет не был распространен в олонецком очаге нашего эпоса в прочно установившейся былинной форме, подобно другим сюжетам с именем национального богатыря. Самый рассказ был известен некоторым каликам (Рыбн., II, № 2) или сказителям с симпатиями к духовным стихам (Щеголинок), но, не отлившись в стройный былинный склад, не получил широкого распространения, не пристал так прочно к Илье, как, напр., похождение с Соловьем.

Переходя от олонецких былин к былинам, записанным в других частях России, мы встречаемся в обширном сборнике Киреевского только с двумя былинными записями сказания об исцелении Ильи. Первая былина

¹ III, стр. 5.

записана в селе Языкове Симбирского уезда, но, к сожалению, неизвестно от кого. Неизвестно также, был ли подправлен стихотворный склад не издателем, а первым записывателем. Только четыре стиха оказались сбитыми певцом и должны были быть переставлены, но вообще стих недурен. Гораздо путанее былина по содержанию. Рассказ о приходе к Илье-сидню Иисуса Христа с двумя апостолами в виде нищей братии, об испивании чаши (воды?), об уменьшении силы Ильи наполовину – крайне сжат и лишен эпического склада. Это скорее легенда в метрической форме. Далее, по исцелении нищие просят Илью проводить их к бугру, и неизвестно, что с ними случилось, а Илья ложится на бугре отдохнуть (после чего?) и спит 12 ден. Его разбудил млад татарчонок, пустив в него стрелу, которая попала в коня Ильи (хотя о коне раньше не было помину). Илья, проснувшись от выстрела, говорит татарчонку, что закинул бы его в сине море, если б его мать не была ему (Илье) кумой. Далее упоминается камень с надписью между тремя дорогами – и на этом обрывается скомканная былина, вобравшая в себя искаженный исход былины о бое Ильи с сыном (татарчонок) и начало былины о трех поездках.

Вторая былина того же сборника, записанная А. Харитоновым в Архангельском уезде (без точного обозначения места и лица)¹, внушает еще меньше доверия, чем первая. Издатель называет ее побывальщиной с разрушенным стихом и складом, почти сказкой, и разделяет на стихи гадательно. Кажется, при записывании не обошлось дело без некоторых подправок. Например, как-то искусственно звучат, на наш взгляд, первые два стиха:

В старину было в стародавнюю,
Когда князь Владимир венец держал.

---

¹ Киреевский. IV, 1–6.

Такое начало в былинах нам неизвестно. Родиною Ильи названо село Корочарово, но город Муром не упомянут. Старику со старухой *даровал* Бог на старость детище, которое седуном сидело 80 лет. Исцеление ему приносит стар человек, пришедший просить милостыню благословенную. После исцеления первое проявление силы Ильи – поднятие огромного чана пива. Затем Илья срягается во дорогу дальнюю. О приобретении коня нет помину; пропущено также похождение с разбойниками. Столкновение с Соловьем-разбойником, названным Алатырцем некрещеным, рассказано кратко: опущена попытка дочери Соловья убить Илью. Далее не на своем месте идет рассказ об освобождении Ильей города Крякова от неприятелей, причем по просьбе Ильи ему в этом деле помогает Соловей-разбойник, которого Илья затем снова *прищурупливает* к стремени булатному. По приезде в Киев Илья идет в церковь, и когда князь Владимир здесь спрашивает его, из какого он города и как его зовут, Илья обрывает князя такими невежливыми словами:

Здесь не то поют, не то и слушают,
Здесь идет обедня воскресенская.

Только на пиру Илья удовлетворяет любопытству князя. Далее рассказывается кратко о свисте Соловья с обычными последствиями, за которые Илья разрывает разбойника на части. Из этого обзора содержания видно, что и эта побывальщина, содержащая рассказ об исцелении Ильи, принадлежит к числу плохих, перепутывающих отдельные эпизоды. Обычные приемы былинного рассказа в ней почти незаметны.

В сибирских былинах также не нашлось рассказа об исцелении Ильи в былинной форме. Его нет ни у Кириши Данилова, ни у С. И. Гуляева. Последний соби-

ратель записал от замечательного сказителя в Барнауле Леонтия Тупицына складную и обширную былину о выезде Ильи из дому в Киев, и, прежде чем пропеть ее, сказитель *рассказал* известное предание о том, как Илья Муромец сидел тридцать лет и потом получил силу богатырскую¹. Отсюда ясно, что и сибирский сказитель, как олонецкие, не знал рассматриваемого сюжета в *стихотворной* обработке и передал его только как предание; иначе трудно было бы объяснить ту странную случайность, что сказители с обширным былинным репертуаром оказываются беспмятными только относительно сюжета исцеления Ильи странниками. Является вопрос: каким путем, если не в былинной обработке, то в виде прозаического сказания, мог этот сюжет стать известным некоторым сказителям?

Просматривая многочисленные сказки об Илье, мы убедимся, что в них этот сюжет впервые прикрепился к его имени. Но и в среде этих сказок придется, как увидим ниже, наметить две группы: сказки старинной записи XVII, XVIII веков и сказки современные. Из сказок первой группы, в которых местами пробивается довольно ярко былинный склад, нам известны пять, изданных в последний раз в нашем сборнике былин в отделе былин старой записи. Таковы: а) «Повесть о сильном могучем богатыре о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике» (в рукоп. XVII в. Имп. публ. библ.); б) «Гистория о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике» (в рукоп. Забелина, № 71); в) «Повесть о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике» (в рукоп. Буслаева); г) «Сказание о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике» (в рукоп. Тихонравова, № 222); д) «Сказание о том же» (в рукоп. Забелина, № 82).

Первые *четыре* сказки весьма близки между собой, все они начинаются со слов: «Во славном граде Муроме»

---

¹ Был. стар. и нов. Записи. Отд. II, стр. 1, прим. 1.

ме (Морове) слушал Илья заутреню воскресную и в уме держал ехать к князю Владимиру в Киеве», рассказывают об избавлении Ильей города *Себежа* от врагов, о встрече с Соловьем-разбойником, проезде Ильи в Киев и о свисте Соловья с его последствиями. Об убиении Соловья Ильей не говорится, и сказка кончается приглашением князя Владимира Ильи на службу. Впрочем, четвертая сказка оборвана раньше проезда Ильи с Соловьем в Киев. *Пятая* сказка (д) лишена начала и сохранилась с того места, где идет прием Ильи князем Киберским и воеводой Черниговским. Это *сказание* представляет более распространенный в подробностях пересказ первых походов Ильи, сохраняет кое-где стихи, вводит в рассказ о приезде Ильи в Киев богатырей Алешу Поповича и Добрыню и в последней части содержит описание похождения Ильи с Идолищем нечестивым в Киеве. Все вышеперечисленные записи (не говорим о последней, коей начало не сохранилось) *не знают* исцеления Ильи каликами. Не содержит этого сюжета и широко распространенная во множестве изданий лубочная сказка об Илье¹, хотя начинается рассказом об Илье сидне. Не упоминая об исцелении каликами, она просто сообщает, что когда Илье минуло 30 лет, он стал ходить на ногах крепко и ощутил в себе силу великую. Кроме похождения с Соловьем сказка содержит и столкновение Ильи с Идолищем. В полной лицевой сказке об Илье, изданной в С.-Петербурге в 1839 г., исцеление уже внесено.

Другую группу составляют сказки, сравнительно недавно записанные в народе. Таковы: 1) сказка из собрания Киреевского²; 2) сказка очень многословная и в частно-

¹ См. у Ровинского – Русские народ. картинки, кн. I, № 1; Песни, собр. Киреевским – I, прилож., стр. XVII–XXII; Афанасьев. Народ. руск. сказки, I (изд. 1855 г.), стр. 53–58.

² Песни, вып. I, прил., стр. I–IV. Ср. у Афанасьева – III, № 11 (изд. 1860 г.).

стях подозрительная, изданная Сахаровым (СПб., 1841 г.) и перепечатанная Безсоновым¹; 3) сказка, записанная в Кадниковском уезде Вологодской губ. г. Мерцаловым и напечатанная в «Материалах по этнографии Вологод. губ.» Н. А. Иваницкого²; 4) самарская сказка, изданная Садовниковым³; 5) сказка о богатыре Осипе Прекрасном из Вятской губернии, записанная Колосовым⁴; 6) тамбовская сказка из Елатомского уезда, записанная П. И. Астровым⁵; 7) белорусская сказка из Гомельского у., изданная Е. Р. Романовым⁶; 8) белорусская же сказка, записанная в Смоленской губернии В. Н. Добровольским⁷; 9) сказка об Илье Муромце, записанная в Бельском у. Смоленской губернии В. В. Богдановым; 10) малорусская сказка об Илье Муромце, записанная в Волынской губернии⁸; 11) Сказка об Илье, записанная в Екатеринославской губ.⁹; 12) малорусская сказка у Руликовского¹⁰.

К перечисленным русским сказкам можно отнести еще некоторые инородческие, перешедшие к инородцам от русских. Таковы: финские сказки об Илье, изложенные акад. А. Н. Веселовским¹¹; латышская сказка, из со-

¹ Там же, стр. IV–XVI.

² См. Сборник свед. для изучения быта крестьянск. населения России (Труды Этногр. отдела, т. XI). М., 1890. В. II, стр. 168–170.

³ Сказки и предания Самарского края. 1894 г., № 8, стр. 56–57.

⁴ Заметки о языке и нар. поэзии в области северовеликорус. наречия, стр. 272–275.

⁵ Сборн. свед. для изучения быта крест. насел. России. Вып. II, стр. 168, примеч. 2.

⁶ Белорусский сборник. В. IV, 1891, стр. 17.

⁷ Смоленский этнографический сборник, ч. I, 1891 г., стр. 397–402.

⁸ Изложена в моих «Материалах для истории былинных сюжетов», IV; см. Этног. Обзор., кн. XII, стр. 122–125.

⁹ Напеч. в Елисаветгр. вестнике, 1889, № 92.

¹⁰ Rulikowski. Zapiski etnograficzne z Ukrainy. Krakow, 1879, стр. 6–8.

¹¹ В «Журн. Мин. нар. просв.», 1890, март.

брания Ф. Я. Трейланда¹; чувашская, в изложении Магнитского²; якутская, изложенная по-русски Худяковым³; вотяцкая, изложенная Верещагиным⁴.

Сделаем теперь краткую характеристику этих сказок с целью уяснить отношение встречающегося в некоторых из них мотива исцеления Ильи к тому же мотиву в былинах.

1) Сказку из собрания Киреевского издатель г. Безсонов называет многословной, поздней и искаженной. Город Муром в ней не упоминается. Начинается она обычным сказочным неопределенным указанием: в некотором царстве, в некотором государстве. У богатых, престарелых родителей-крестьян нет детей, и они просят Бога о рождении сына. Наконец Бог дал им сына, но не владеющего ногами. Когда ему было 18 лет, раз родители пошли на покос. В их отсутствие приходит в их избу нищая братия и просит милостыни. Следует исцеление богатыря питьем воды. Илья идет к родителям и помогает им копать лес. Затем выбирает коня наложением руки ему на хребет. Выезд из дому. Соловей-разбойник. Приезд Ильи ко дворцу (Владимир и Киев не названы). Свист Соловья. Илья берет «короля и всю его фамилию» под мышки. Далее он побивает 12-голового змея, летающего к дочери короля. Король приглашает Илью остаться у него на службе, но он уезжает в свое отечество.

2) Многословная и с присочинениями сказка Сахарова составлена им под влиянием былин, приукрашена эпическими выражениями, эпитетами и старинными бы-

¹ Издана в переводе в 2 в. Сборника матер. по этнографии, издан. при Дашков. этногр. музее.

² См. соч. Магнитского – Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881, стр. 251–253.

³ Верхоянский сборник (Зап.-Восточно-Сибирского отдела И. Р. геогр. общ., т. I, вып. 3), 1890, стр. 254–268.

⁴ Верещагин – Вотяки Сосновского края. СПб., 1886, стр. 142 и след.

товыми словами. Отец Ильи, Иван Тимофеевич, живет в селе Карачарове. Илью исцеляют двое калик перехожих. Многословное прощание Ильи с родителями и назидания отца. Заповедь Ильи не вынимать из колчана калены стрелы, из налучна – тугого лука. Наезд его на станичников, пировавших в белых шатрах в Брянских лесах. Эпичные переговоры Ильи со станичниками. Освобождение Чернигова – «чудного града» – от силы басурманской. Илья полонил басурманского царя и встречен черниговским воеводой и посадскими людьми, старым и малым, с хлебом-солью. Не Днепр-река выходила из своих берегов: выходил, выступал Илья Муромец в чуден град Чернигов; не буйны ветры в широком поле подымались: выходили, выступали добры молодцы-черниговцы. Приходить Илья на княжой двор, а на князем двор наособицу стоят стары старики, а по другой конец стоят добры молодцы. И стал он Илья посередь двора, а ставши, шапочку с головы *соимывал*, на все ли четыре сторонушки кланялся, а кланявшись, молвил речь великую: «А гой еси вы, люди добрые, православные! Кланяюсь вам и вашему городу Чернигову. Не посетуйте, православные, что зашел я во ваш чуден град Чернигов¹. Идучи на дело великое, в стольный град Киев, из-за лесу темного завидел я силу басурманскую, силу несметную; а и жаль-то стало мне вас, люди добрые, что сила басурманская хочет вас полоном полонить. От жалости силы прибавилось, от *надсады* сила басурманская угрогнула. Божиим велением и молитвами угодников ваш чуден град Чернигов от силы вражей стал ослобожен» и т.д. Я нарочно сделал эту выписку из сказки Сахарова, чтобы избавить себя от труда дальнейшего ее разбора. Ее изложение настолько отзывается обычным приторным стилем Сахарова, что в его авторстве едва ли может быть сомнение. Он сложил

---

¹ Какая скромность!

ее сам, пользуясь былинами, но упорядочил их содержание, привел его в некоторую стройность, стер анахронизмы, внес некоторые старинные выражения и наделил Илью в изобилии христианскою благодатью и другими идеальными чертами. Размазав своим quasi-народным, приторным изложением обычные подвиги Ильи (бой с Соловьем, с Идолищем), он кончает свое произведение следующим заключением: «С той поры жил он Илья в Киеве. Стары старики чтили Илью *большим* почетом; молодые молодцы уряжали ему, Илье, челобитьица. А живши он, Илья, во Киеве состарелся, состарелся и переставился. А то старина, а то и деянье»¹. Думаю, что при всяких соображениях об Илье Муромце сказка Сахарова (которую, к сожалению, слишком часто пользовались) должна быть устранена, как продукт личного сочинительства, хотя и любопытный для характеристики идеи официальной народности 30–40 годов, но негодный для научных заключений.

3) В вологодской сказке, записанной г. Мерцаловым, Илья сидит без ног в Муроме (село Карачарово не названо). В отсутствие его родителей приходят к нему Илья Пророк и Микола Милостивый, которые исцеляют его пивом. Уменьшения силы нет, чистки пожни также. Исцеленный Илья ищет коня наложением руки. Найдя коня, едет «очищать поганые места». Встреча с великаном, соответствующим Идолищу, в неопределенном царстве. Илья убивает его шляпой в 40 пудов. Похождение с Соловьем-разбойником. Привязав Соловья к коню, Илья приезжает куда-то, где справлялась свадьба (последний отголосок пира Владимира в Киеве). Испытание свиста Соловья, от которого из окон рамы повыпрыдали, а люди на пол попадали. В *ином* царстве Илья, вырвав березу, побивает силу некрещеную (отголосок

¹ Обычная присказка былин в сборнике Кирши Данилова.

освобождения Чернигова?). В ином царстве бьется с могучим богатырем, опрокинув, допрашивает его о роде-племени. Тот сказался ему и нашелся ему в родне, и они побратались и поехали вместе (отголосок былины о бое отца с сыном). Еще в ином царстве царь просит Илью о помощи против одного могучего богатыря. Илья с товарищем побивает много силы, пирует у царя и уезжает домой к отцу и матери. Этим сказка кончается. Отметим, что хотя она и не сохранила былевых имен (Владимира, Киева, Чернигова, Идолища, Сокольника), но содержит кое-какие реминисценции былинных походов Ильи. Я объясняю себе это тем, что сказка записана в Вологодской губернии, сравнительно более близкой к олонецкому очагу нашего былевого эпоса.

4) Самарская сказка в сборнике Садовникова не приурочивает Илью к Мурому. Исцеляют Илью двое нищих пивом. Уменьшение силы наполовину. Исцеленный Илья идет с бочкой пива к родителям, занятым чисткою леса, и вырывает дубы с корнями. Запужение Оки. Похождение с Соловьем-разбойником. Место Киева занимает *нерусское королевство*. При дворе короля, не названного, Илья заставляет Соловья свистать, и его свист уничтожает все королевство. В сказке нет никаких былинных имен, кроме Соловья-разбойника. Любопытная черта – запужение Оки.

5) В вятской сказке, записанной Колосовым, находим странную замену Ильи Осипом прекрасным: «Жили прежде два старика (место не названо). У них только, у двух братьев, был один сын. Ему название Осип прекрасный, он был больно сперва хорош. И приключилась ему болесь. И эти старики задумали сделать ему помочь – на поле хлеб сеяти. Ево оставили одново дома». К Осипу является ангел и исцеляет его двумя чашками пива, наградив при этом необыкновенною

силою. Ангел спрашивает, не было ли у него обещания куда ехать. Осип говорит, что дал обещание ехать в Киев град «через речку Ребинову (т.е. Смородину), через мосты калиновы, через Соловья-разбойника». Ангел велит купить коня у соседа, заплатив, сколько он спросит. Осип выкормил коня, благословился у отца и поехал. Похождение с Соловьем-разбойником с обычными подробностями. Осип с Соловьем приезжает затем в Россию к русскому царю. Богатыри его приходят от обедни. Царь подает им по рюмке. Они похваляются силой. Осип заявляет, что привез Соловья. По желанию царя последнего вводят в комнаты и заставляют свистать. За непослушание Осип убивает Соловья шляпой; царь назвал его бóльшим братом. Этим кончается сказка. Кроме мотива исцеления остальные черты содержания ее могут быть взяты из лубочной сказки и, может быть, из былин, которые, вероятно, в прежние времена были небезызвестны в Вятской губернии.

б) В тамбовской сказке, записанной г. Астровым в Елатомском уезде, любопытно смешение Ильи Муромца с Ильєю Пророком: без различия и тот и другой называется Илья Великий. «Илья Великий прежде человеком был. Только у него руки и ноги отсохли. Отец и мать пошли в лес дрова рубить. Илья почувствовал в себе силу и говорит: если б ноги и руки, я бы с корнем дерева рвал и бросал. Слетели с неба три ангела, велели ему встать. Илья говорит: не могу; те опять – Илья встал. Ангелы велели ему выпить чашку вина. Он выпил. Илья почувствовал, что силы у него прибавилось. Ангелы велели ему выпить другую. Спрашивают, что с ним. Говорит, силы у него столько, что если бы был столб от земли до неба, то он повернул бы всю Божию колесницу. Тогда эти трое дали ему выпить четвертую чашу вина, силы у него стало меньше. Тогда Илья стал искать себе богатырей, с

которыми бы побиться. Узнал про Соловья-разбойника. Соловей был мужик, залезал на деревья, разбойничал. Илья вошел к нему в дом. Илья велеть Соловью свистеть. Соловей свистнул. Илья еле удержался на ногах. Теперь, говорит Илья, я тебя свистну, завязывай глаза. Завязал ему глаза и свистнул его дубиною. У Соловья были дети. Говорят, как поедет Илья через ворота, как-нибудь придавить его. Сели оба на ворота, положили чем его раздавить. Илья как-то увернулся: Бог его спас и взял его на небо»¹. Приведенная сказка свидетельствует о том, как скудны отголоски даже лубочной сказки об Илье в Тамбовской губернии. В населении Елатомского уезда произошло такое же смешение Ильи Муромца с Ильей Пророком, какое мы находим, по свидетельству Колосова, и на предполагаемой родине Ильи, в селе Карачарове. «Имя Ильи, – говорит этот исследователь, – знакомо каждому карачаровцу и муромцу, но в народе встречаются уже лица, слившие в одно смутное представление образ Ильи богатыря и Ильи пророка. Карачаровцы знают, что Илья до 30 лет сидел сиднем; был исцелен калекками; что помог своим родителям очистить лес, проявив при этой работе неожиданно для всех свою богатырскую силу; знают, наконец, об ускоках его коня, но – только. Престарелый священник села Карачарова, живущий там уже полстолетия, говорил мне, что прежде знали об Илье больше. Но из того, что он мог припомнить, видно, что и прежде, как и теперь, народ ничего не знал о службе Ильи в Киеве, об отношениях его к Владимиру и о тех богатырских подвигах, о которых хранится столько былевых песен в Олонецком крае»². Припомним это свидетельство Колосова для дальнейшего.

---

¹ Сборн. свед. для изуч. быта крест. насел. России. Вып. II, стр. 168. Примечание 2 (Труды Этнограф. отдела, т. XI).

² Назв. соч, стр. 310.

7) В белорусской сказке г. Романова (№ 44 в вып. III, стр. 259–262) про Илюшку место рождения Ильи не названо. К 23-летнему лежебоке приходит Господь и исцеляет его питьем воды. Исцеленный идет к родителям в поле с бочкой воды и 12 булками хлеба. Чистка ляда Ильей. Запружение реки Дуная на семь верст. Покупка жеребенка у попа, кованье булавы и отъезд из дому. Соловья-разбойника заменяет нягидный Сокол, убивающий людей свистом на расстоянии 12 верст. Илья убивает его булавой и натывает его голову на пику. Затем идет к небрезгливому (нягидному) царю Прожору, которому Сокол служил караульщиком. Увидев, что Сокол убит, Прожор приглашает Илью на пир, но Илья убивает его шапкой. Поехав в другое царство, Илья помогает людям поднять 12 камней и отказывается от платы; далее приезжает к церкви Св. Николая и, помолившись, идет в свое царство, к отцу и матери. Здесь, полежав три дня на постели, он преставился и стал святым. Он заведует громовой тучей. Его схоронили в склепе, но по воле Господней он невидимо ни для кого отправился водой, по р. Сожу, в Киев и лег в склепе в киевских пещерах. Как любопытные черты сказки могут быть отмечены: смешение в одной личности царя Прожора двух былинных – Идолища и князя Владимира; смешение Ильи с Ильей Пророком и со святым Ильей Муромским, коего мощи лежат под спудом в киевских пещерах. Никаких географических былевых имен сказка не помнит. Запруде Оки карачаровского предания соответствует запруда Дуная.

То же смешение Ильи с Ильей Пророком находим в кратком варианте из Гомельского уезда¹. Исцеления странниками нет. Говорится только, что, просидев долго в сиднях, Илья встал и пошел к родителям в *лядо*, неся

¹ Романов – IV, стр. 17.

им обед. Далее описывается недоуменье родителей и вырывание Ильей деревьев с корнями. Затем Илья стал пророком, и Бог взял его на небо с телесами.

8) Бóльшую полноту в подробностях представляет смоленская сказка в сборнике г. Добровольского. Илья родился у одного мужичка под Брянском, но до 30 лет не владел руками и ногами. Отец его собрал толоку для чистки пожни. В его отсутствие приходит к Илье старичок, просит напиться квасу и обычным способом исцеляет Илью. Несение обеда родителям, чистка пожни, покупка кобылы, отъезд из дому. Илья Мурам (таково его прозвище) разыскивает Соловья-разбойника, ранит его стрелой в глаз и едет с ним в королевский дом, где собраны богатыри. Кобыла Ильи отгоняет коней других богатырей от корму; сам он, не получив места, теснит богатырей и проламывает стену, затем шляпой убивает одного из богатырей Обжору (Идолище). Об этом докладывают королю, который призывает к себе Илью. Тот кладет Соловья за пазуху и здоровается с королем. Расспросы о пути, которым он ехал. Свист Соловья и его смерть. Разрубив его на куски, Илья как дунет на кусочек, так он превращается в соловья и улетает. Затем Илья идет в Киев, где живет Алькадим, богатырь незрящий, сильный, могучий. Последнему снилось, что Илья его убьет, и он заранее заказывает себе гроб. Проезжая лесом, Илья видит людей, делающих «домовину». Узнав, что гроб готовят для Алькадима, которому суждено быть им убитым, Илья едет к нему. Алькадим заперся за семью дверьми, которые Илья вышибает. Алькадим протягивает Илье руку и сжимает крепко руку Ильи. Тому это не понравилось, и он ударом шляпы убивает Алькадима, чем сказка кончается.

Интерес смоленской сказки исчерпывается тем, что в персонаже Алькадима – просвечивают некоторые

черты Святогора. Он напоминает последнего гробом, в котором суждено ему лечь. Та же редакция сказки – с Соловьем, Идолищем и Святогором – перешла, как увидим ниже, от русских к финнам. Отметим также, что происхождение соловьев из кусков тела Соловья-разбойника известно кое-где в Малороссии.

9) Другая белорусская сказка, записанная В. В. Богдановым в Вельском у. Смоленской губернии и еще не напечатанная, отличается большей полнотой подробностей и сохранностью некоторых эпических выражений. Илья Мурывич родился в селе Карачиве, в городе Мурове, от престарелых родителей Ивана Тимофеевича и Епистимии¹ после долгих их молитв. Тридцать лет он не владел ногами. Исцеление ему принес один старичок, попросив его принести воды и дав ему напиток. Исцеленный Илья отпрашивается у родителей ехать в Киев, чтобы угодникам помолиться и киевскому князю поклониться. Первая встреча с разбойниками, которых Илья устрасает выстрелом. Затем Илья прогоняет басурманскую рать от Чернигова и пирует у черниговского князя. Встреча с Соловьем-разбойником в Брянских лесах рассказана, как и предыдущие похождения, близко к лубочной сказке. По приезде Ильи в Киев князь киевский (не названный Владимиром) спрашивает его, какого он государства и каким путем ехал. Узнав, без недоверия, что Илья привез Соловья-разбойника, князь хочет послушать его свиста. За ослушание Илья убивает Соловья-разбойника и уезжает гулять по заповедным лугам. Здесь встречает калику по имени Гуня², от которого узнает о приезде богатыря Идолища в Киев. Илья

¹ В отметках из сказок и преданий в народе об Илье Муромце, сообщенных В. И. Далем, мать Ильи называется *Ефросинья* Яковлева. См. Песни Киреевского. В. I, стр. XXXII.

² *Гуня* в 50 пуд, в которой одет калика (в лубоч. сказке и былинах), стала его собственным именем.

переодевается каликой, возвращается в город и обычным образом расправляется с Идолищем, чем сказка и кончается. Сличение с лубочной сказкой об Илье показывает, что приведенная смоленская богаче лубочной только одним эпизодом – исцелением Ильи стариком. Придавать особенное значение замене Карачарова Карачевым и Мурома Муровом едва ли возможно.

10) Переходя от белорусских к малорусским, остановимся прежде всего на обширной сказке об Илье Мурине, записанной в Волынской губернии. Отсылая к сделанному мною изложению ее пестрого содержания, взятого большею частью из сказки об Еруслане Лазаревиче, перескажем только начало, содержащее мотив исцеления. Место рождения Ильи Мурина, крестьянского сына, не названо. Он сидел сиднем 45 лет. Странники Господни – Петр и Павел – просят его принести воды напиться. Исцеление и затем некоторое уменьшение силы. Ношение Ильей барилки с питьем в поле родителям. Корчеванье деревьев. Выбор коня, изготовление меча и копья. Похождение с Соловьем. Приезд с привязанным Соловьем в город к одному великому купцу, который спрашивает его, какой дорогой он ехал. Узнав, что Илья привез Соловья, купец просит его в хату. Илья вошел, но его не выдерживают полы и кресла. Выехав из города, Илья бросил Соловья и поехал дальше. Следует встреча с незнакомым богатырем и бой. Илья в третьей стычке опрокинул богатыря, но по его просьбе пощадил его; они побратались и поехали вместе дальше. По дороге встречают гроб. Богатырь лег в гроб, Илья 30 раз ударил по крышке копьем, и на нейросло 30 обручей. Илья берет доспехи богатыря и едет дальше. Прочие похождения его целиком взяты из сказки о Еруслане¹. Характерным, кроме последнего смешения, представляет-

¹ См. Этногр. обозр., кн. XII, стр. 122–126.

ся в этой сказке и то, что, не имея эпизода об Идолище, она сохранила отголосок смерти Святогора в гробе, известный в выше рассмотренной смоленской сказке.

11) Другая малорусская сказка, записанная в д. Богодаре Александровского уезда Екатеринославской губернии¹, также не указывает места рождения богатыря, хотя называет его Илья Муромец. В отсутствие родителей, ушедших в лес, Илью обычным образом – питьем кваса – исцеляют два старика. Уменьшение силы наполовину. Несение Ильей обеда родителям и их недоумение при виде исцеленного сына. Во время их обеда Илья вырвал множество пней и перегатил целую речку. Односельцы стали завидовать Илье, и он решил уйти из дому, сказав родителям, что приметой его смерти будет прилет двух голубей и появление крови на ручнике (сказочная обычная черта). В дальнейшем нет ни выбора коня, ни похождения с Соловьем-разбойником и Идолищем, но взятое из других сказок освобождение богатырем царевны от змея, залегавшего воду. За этим подвигом следует коварное убиение Ильи каким-то бондарем, выдающим себя перед царем за победителя змея и получающим в награду руку царевны. Родители Ильи по приметам узнали об его смерти и стали служить по нем панихиду. Господь услышал их молитву и оживил Илью, который затем идет во дворец, обличает бондаря и женится на царевне. Очевидно, в этой скудной содержанием сказке только первая половина – до выезда богатыря из дому – имеет отношение к Илье Муромцу.

В том же Александровском уезде Екатеринославской губернии (в с. Алексеевке) был записан И. И. Манжурой любопытный народный рассказ об Илье-пророке

---

¹ Напеч. в Елисаветгр. вестнике, 1889, № 92 и в соч. Д. И. Эварницкого – Очерки по истории запорожских казаков и Новороссийского края, 1889, стр. 169–172.

с некоторыми чертами сказок об Илье Муромце. Рассказ состоит из двух разнородных частей – сказания об Илье и сказания о разбойнике-кровосмесителе, при­мыкающего к западным сказаниям об Илье-пророке, по которым он убил отца и мать. Содержание первой части таково. Илья-пророк 37 лет жил у отца и матери, не владея ногами. В отсутствие родителей, работавших на ниве, приходят Бог и св. Петр и велят Илье встать и принести им напиток. Он принес, напился сам по их приказанию и получил огромную силу. Странники велели ему помогать родителям и ушли. Илья идет к ним, вырывая дорогой дубы. Родители, увидя его, со страху померли. Затем Илья идет в разбойники и перебил множество народу. Убив однажды человека из-за пяти копеек, он сокрушился и пошел каяться. Дальнейшее содержание сказки нас не касается; отметим только, что рассказчик упомянул, что мощи Ильи лежат теперь в Киеве¹. Последняя известная нам малорусская сказка об Илье, сообщаемая Руликовским (*Zapiski etnograficzne z Ukrainy*)², начинается с эпизода об Илье-сидне. Старик, давший ему силу, велит ему купить у попа паршивого жеребенка, изготовить железную булаву в четыре пуда, оловянную шапку в два пуда и предсказывает победу над змеем в Киеве. Далее рассказывается встреча Ильи с Соловьем-разбойником и приезд его в Киев. Последняя часть сказки представляет Илью змееборцем. В Кие­ве змей по очереди поел всех девушек и дошел черед до княжны. Илья убил змея шляпой и женился на княжне. Князь и княжна не названы по именам.

Не более как наряду с малорусскими сказками, занесенными к малорусам из Велико­россии, следует по-

---

¹ Изложение сказки см. в исследовании Н. Сумцова – Очерки истории юж­норусских апокрифических сказаний и песен. Киев, 1888, стр. 125 и след.

² В *Zbiór wiadomosci do antropologii krajowej* (1879), III, Dz. Etn., № 9, 67–69.

ставить инородческие сказки об Илье, записанные в последние десятилетия у финнов, латышей, чувашей и якутов. Три финские сказки из собрания Ю. Крона изложены по-русски и рассмотрены академиком А. Н. Веселовским в его «Мелких заметках к былинам», № XIV¹, ввиду чего, отсылая читателей к названной статье, могу ограничиться лишь некоторыми замечаниями. *Первая* (из Выборгской губ.) содержит мотив исцеления питьем, причем Илла Муровитса исцеляет Христос в виде нищего. Первые проявления силы – колка дров шести финских сажень и устройство изгороди из больших деревьев. Далее покупка коня у попа, приобретение богатырской сбруи и шляпы в 30 пудов. Встреча с богатырем Обжорой, соответствующим Идолищу, и убийство этого богатыря шляпой. Соловью-разбойнику соответствует «русский богатырь» (guskoï rohatteri), причем к этому образу примешались черты из сказки о Еруслане. Дальнейшая встреча Ильи с «сильным богатырем» (silpoi rohatteri), который принимает удары Ильи за укушение комаров и сажает его в карман. Жена богатыря разыгрывает с Ильей историю жены Пентефрия. Илья бежит от него на гору и молится Богу. Господь спасает Илью и насылает на сильного богатыря смерть, причем смешаны рассказы о смерти Святогора при поднятии сумки с земной тягой и смерти Аники. Таким образом, представляя своеобразно переделанные отголоски походов Ильи с Идолищем, Соловьем и Святогором, эта сказка не содержит никаких местных прикреплений и былинных имен: не названы Муром, Киев, Владимир, Соловей-разбойник и проч.

Во *второй* сказке (из Кемского уезда Архангельской губ.) Илья отождествлен с Ильей пророком. Исцеляют сидня не странники, а голос из-за двери, ве-

¹ Ж. М. н. пр., 1890, март, стр. 6–18.

лящий ему встать. Первое проявление силы, как и в первой сказке, – рубка дров. Далее поездка в Киев (в город Wokijeskoï) и встреча с Рахматовичем (Rahmaatovits), т.е. с Соловьем Рахматовичем. Илья привязывает его под брюхо лошади. Царь (не названный по имени) желает слышать свист Рахматовича. Илья велит ему показать четвертую часть своего свиста и за послушание убивает его. Следующий эпизод, в котором Илья братается с другим богатырем и корчует лес, как уже заметил акад. Веселовский, стоит не на своем месте, а относится к детству Ильи. Третий эпизод – похождение с Идолищем в обычных чертах. Четвертый – представляет какую-то путаницу с глухой реминисценцией Святогора и прыганья Васьки Буслаева. Илья пришел к горе, в расщелине которой один человек прожил триста лет. Явился и калика: Илья обменялся с ним одеждой и освободил того человека. Вокруг горы встала изгородь по колена вышиной. «Если вы перепрыгнете через ограду спиной вперед, то будете жить так же долго, как и я, – говорит человек, – не то быть вам в беде». Калика пытается прыгнуть, но зацепился крючьями и разбил себе голову о гору (Васька Буслаев). Илья перепрыгнул легко и живым взят на небо за то, что освободил человека (Илья-пророк). Таким образом, в сказке мы находим следующие мотивы в своеобразном искажении: исцеление, корчеванье, Соловей, Идолище, Святогор; но из былинных имен удержаны лишь Киев и Рахматович.

Еще больше искажений и смешений в *третьей* финской сказке, записанной в Олонце. Бездетный муж и жена вырезали из ольхи детскую фигуру и качают ее в люльке. Раз, когда они пришли из леса, видят, что дитя живое, только без рук и ног и не говорит. В другой раз, в отсутствие родителей, является какой-то старик и питьем кваса исцеляет Илью, даровав ему притом огром-

ную силу. В дальнейшем содержании находим: помощь Ильи родителям в полевых работах, покупку жеребенка и приобретение палицы, похождение с Мироедом (т.е. Идолицем), с птицей Свиской (т.е. Соловьем), Росланом, соответствующим Святогору и отчасти Росланею сказки об Еруслане. Сказка кончается смертью Ильи, на которую перенесены черты смерти Святогора – гроб с захлопнувшейся крышкой. В сказке такое же отсутствие былинных имен, лиц и мест, как и в предыдущих.

В чувашской сказке, сообщенной о. Смеловым в его «Очерке религиозных верований чуваш»¹, Илья отождествлен с Ильей-пророком, и предание о нем связано с преданием о сотворении птиц. Илья-бог был сиднем до 30 лет. Раз отец его с помочанами ушил корчевать лес; Илья, как сидень, остался дома. Перед обедом приходит в избу великий Бог с «Херле свирем» и просит напиться. Илья сказал, что у отца есть пиво, да некому принести. Бог велел принести ему самому. Илья, как молодой ребенок, пошел и принес ведро пива. Бог велел Илье выпить самому, и Илья выпил ведро без отдыха. После третьего ведра у Ильи явилась такая сила, что он мог бы приподнять землю. Далее идет несение Ильей обеда помочанам (40-ведерной бочки пива, котла каши и проч.), корчеванье леса, покупка жеребенка, изготовление железной шапки в 40 пудов и палицы в 10 пудов и отъезд Ильи. На пути он увидел слепого старичка, разговорился с ним про силу. И говорит старичок: а нука, дай мне свою руку. Илья вместо руки дал ему свою палку. Старик пожал палку, и палка затрещала и сплюснулась. (С этим эпизодом можно сравнить встречу Ильи в русской побывальщине со *слепым* отцом Святогора, которому Илья вместо руки подает нагретый кусок же-

¹ Напечат. в «Материалах к объяснению старой чувашской веры» В. Магнитского. Казань, 1881, стр. 251–253.

леза¹). А ну-ка, дай я тебя обниму, говорит старик. Илья подошел и преподнес старику свою шапку: старик обнял шапку – не поддается: ну, ничего, говорит, кость у тебя здоровая, будет *паттыр* (богатырь). После этого Илья поехал дальше и наехал на гнездо огромного соловья на семи ветлах, которого свист был слышен за семь верст. Илья бросил в соловья палку и отшиб ему крыло; бросил шапку и придавил; затем рассек его на части, и из каждой части мяса выросли птицы, из больших частей – большие птицы, из малых – малые... После этого Илья недолго жил на земле, уехал на небо, и теперь гоняет и бьет шайтана. Отметим, что чувашское предание не знает Идолища. Вместо Святогора – какой-то великан слепой, соответствующий Святогорову отцу. Соловей-разбойник превратился в птицу и, как в одном белорусском пересказе (см. выше), из ее тела произошли другие птицы. В сказке не сохранилось никаких былинных имен, даже Муромца.

Очень подробная в деталях и сложная по составу сказка об Илье была записана у якутов Верхоянского округа. В ней мы находим многие былинные похождения Ильи, а также такие, которые объясняются влиянием других сказок². Илья Муромец – сын богатого мужика Клина в Муроме. Родители долго не имели детей и ходили на богомолье. Илья родился, когда отцу было 82 года, а матери – 70. Исцеление и силу он получает на 19-м году от трех светлых юношей, но без обычного питья. Корчеванья леса нет. Покупка жеребенка у соседа рассказана чрезвычайно подробно. Испросив благословение у отца, Илья едет в Киев, но дорогою ранит Соловья-разбойника, представленного в виде птицы, привозит его в Киев к *царю* Владимиру, заставляя сви-

---

¹ Рыбников, III, стр. 6-я.

² Напечатана в Верхоянском сборнике. Иркутск, 1890, стр. 254–268.

стать и затем «переломил птице одно крыло, одну ногу и отпустил ее, чтоб не появлялась в этих местах». Далее рассказывается бой богатыря, поповского сына (т.е. Алеши Поповича) со Смерть-Тамаровичем (т.е. Тугарином). После нескольких походов, вошедших в сказку из других сказок, Илья встречается с великаном, значительно превосходящим его силою в разных испытаниях. Едучи вместе с ним, встречают гроб, в который великан ложится и захлопывается крышкой. Умирая, он передает часть своей силы Илье. Сказка кончается встречей Ильи со стариком (Николаем-чудотворцем), которого сумку он едва приподнял, напрягши все свои силы. Сумка весила $\frac{3}{4}$ части земли по объяснению старика, который затем исчез. Дальнейшие подвиги Ильи неизвестны.

Якутская сказка свидетельствует о прежней известности былин и побывальщин об Илье Муромце и других богатырях в Верхоянском округе. Действительно, там же была записана в стихотворной форме настоящая былина о бое Алеши Поповича и его слуги Екима с Тугарином¹. Немудрено поэтому, что, в отличие от множества сказок об Илье, записанных в Европейской России, верхоянская сказка довольно хорошо сохранила былинные имена: город Муром и Киев, царь Владимир, Соловей-разбойник, поповский сын. Любопытно только, что в ней, как и во всех других сказках, содержащих отголоски встречи Ильи со Святогором, этот богатырь не носит своего олонецкого имени. Чем объяснить это обстоятельство?

Латышская сказка об Илье напечатана в русском переводе Ф. Я. Трейландом². Илья в латышской переделке носит имя Илин. Илин, единственный сын у своих родителей, был здоров и крепок, но, раз влезши на

---

¹ См. там же, стр. 303–307 и Р. былины старой и новой записи, № 29.

² См. Сборн. мат. по этнографии, изд. при Дашков. этнограф. музее, вып. II, стр. 144–151.

печку в овине, сделался так слаб, что пролежал на печи много лет. Однажды в отсутствие родителей к нему пришел старик-нищий и просил милостыню. Илин сказал, что подал бы, но не может двинуться с места, и просил нищего самому пойти в светлицу и позавтракать. В благодарность нищий велит ему подняться, и действительно Илин сошел с печи. Вместе с нищим они строят на дворе каменный столб, ухватившись за который Илин поворачивает землю. По другому варианту, еще более близкому к нашим сказкам, старик-нищий дает Илину, слезшему с печки, выпить ведро квасу, и Илин подымает затем одним мизинцем весь отцовский дом. Для убавления этой чрезмерной силы Илин выпивает, по повелению старца-нищего, еще полведра квасу. Старец, объявив Илину, что он не нищий, а посланник Бога, исчезает. Затем Илин несет бочку пива, множество мяса и молока родителям и работникам, бывшим на сенокосе. Все удивляются его исцелению. Дальнейшие похождения Илина не имеют ничего общего с известными подвигами Ильи Муромца, а напоминают другие сказки. Илин встречает богатырей Дубыню, Горыню и огромного великана, которых берет в товарищи, побеждает старика, живущего в подземном царстве, сговорившись с его дочерью, остается, благодаря измене товарищей, овладевших его невестой, один в подземном царстве, вылетает оттуда на гусе, убивает изменников и женится на стариковой дочери. Из персонажей латышской сказки только один – великан – пожалуй, напоминает Святого-ра. На морском берегу Илин видит страшного великана. «Весь он в море, только голова на суше, а борода длиною в шестьдесят сажень... Илин подошел к нему, взял его за бороду и крикнул: “Эй, великан, что ты спишь! Встань-ка!” Проснулся великан, видит, карлик такой его разбудил. Протер он глаза и заревел как лев, точно гром

прогремел: “Как посмел ты, блоха, дотронуться до моей бороды, насмеяться над моим сном? Я тебя, негодяй, проучу!”» Однако, хотя по размерам, по отношению к герою сказки, великан напоминает Святогора, лежащего на горе, но Илин, в противоположность нашему Илье, оказался сильнее великана, не попал к нему в карман, а, напротив, сделал его своим работником.

Содержание вотяцкой сказки об Илье, сообщаемой Верещагиным¹, сводится к следующей схеме: Илья-сидень: выезд (исцеления каликами – нет); какой-то богатырь не советует ему ехать по дороге, на которой сидит Соловей-разбойник. Илья хвалится своим кафтаном, конем и луком². Ранив Соловья, он привозит его в город (не названный), показывает царю и убивает за ослушание. Царь жалуется Илье, что к нему в город ходит чудовище Обжора, съедает в день по целому быку и выпивает по 40 ведер пива. Илья убивает Обжору. Затем следует эпизод, представляющий отголосок встречи Ильи со Святогором, но смерть в гробу перенесена на Илью.

В предыдущем мы рассмотрели более 20 сказок – русских и инородческих русского же происхождения, и имеем теперь достаточный материал, чтоб сделать некоторые наблюдения над интересующим нас сюжетом исцеления Ильи. Эти наблюдения сводятся к следующему.

1) Сказки, содержащие мотив исцеления Ильи, не называют места его рождения Муром, села Карачарова, хорошо известного былинам. Исключение составляют лишь сказка вологодская, упоминающая город Муром, но не знающая кн. Владимира, сказка якутская, знающая и Муром и *царя* Владимира, и смоленская (В. В. Бог-

¹ Верещагин – Вотяки Сосновского края. СПб., 1886, стр. 142.

² Акад. А. Н. Веселовский основательно усматривает в этой немотивированной похвальбе отголосок забытого эпизода о встрече Ильи со станичниками. Розыскания в обл. р. духов. стихов. Вып. 6-й, стр. 153.

данова), представляющая пересказ лубочной. В обзоре содержания сказок вологодской и якутской мы видели, что обе они содержат и другие черты из былин, которые свидетельствуют о прежнем распространении былин в местах их записи. Так, вологодская сохранила отголоски боя Ильи с сыном, неизвестного другим сказкам; якутская упоминает Алешу и Тугарина.

Далее, рассказывая о походе Ильи с Соловьем-разбойником, сказки вообще не называют Владимиром лицо, к которому Илья привозит раненого Соловья, и не упоминают города Киева. Упоминает о Киеве и Владимире (царе) лишь вышеназванная якутская сказка и одна финская. Затем в вятской, где место Ильи занимает Осип прекрасный, назван Киев, но нет князя Владимира. Из всего этого естественно вытекает заключение, что сказки с мотивом исцеления Ильи не переделаны из былин, утративших стихотворную форму и перешедших в так называемые побывальщины. Из рассмотрения эпизода исцеления Ильи в *былинах* мы выше сделали заключение, что сказители не знали этого эпизода в стихотворной обработке. Итак, следует думать, что в те немногие былины, в которых он находится, он проник из сказок и затем в устах сказителей, привычных к былинному стилю, подвергся самой поверхностной былинной окраске.

2) В значительном большинстве сказок вслед за удалением странников, исцеливших Илью, следует первое проявление его силы – корчеванье леса. Замечательно, что этот эпизод, *почти* неизвестный былинам, как и исцеление, не оказывается, однако, именно в тех сказках (вологодской и якутской), которые, как мы видели, сильно отзываются былинными мотивами. Думаем, что *корчеванье* составляло второй эпизод в сказках об исцелении сидня, как бы он ни назывался.

3) Сказки не знают эпизода освобождения города (Чернигова, Себежа, Крякова и проч.) Ильей от неприятельской рати, – эпизода, хорошо известного былинам и повестям, историям об Илье в записях XVII и XVIII веков. Новое подтверждение предположения, что сказки не переделка былин¹.

4) Похождение с Соловьем принадлежит значительному большинству сказок. Кое-где (в Белоруссии, Малоруссии и у чувашей Казанск. губ.) сюда присоединена *légende d'originale*² – происхождение птиц из тела убитого Соловья. Объясняется это присоединение тем, что Соловей был осмыслен как гигантская птица.

5) В некоторых изводах сказки за эпизодом с Соловьем или его заместителями следует или ему предшествует похождение Ильи с персонажем, соответствующим былинному Идолищу-объедалу (сказки: вологодская и белорусская, три финские). В большинстве перечисленных сказок (в трех финских, в одной белорусской и якутской) встречается вместе с Идолищем и персонаж, соответствующий Святогору. Но изредка Идолища нет, а Святогор налицо (волынская, якутская, чувашская, где – личность, соответствующая скорее былинному слепому отцу Святогора). Напомним, однако, что нигде не встречается имя Святогор. Нельзя ли отсюда вывести, что имя Святогора прикрепились к великану, превосходящему Илью силой, в олонецком былинном репертуаре, колонией которого является сибирский (былины Кирши), причем сибирским былинам известно только имя Святогора без всяких походов этого богатыря. Конечно, возможно и предположение, что имя Святогора было лишь забыто сказками, как и

---

¹ Наличие освобождения Чернигова в смоленской сказке объясняется ее связью с лубочной.

² Легенда о происхождении (фр.).

другие эпические имена. Решение этого вопроса возможно в связи с другим, который я только ставлю, не имея достаточно материала для его решения: как относятся сказки об Илье к былинам? Представляют ли сказки результат разложения былин, или, наоборот, былины – стихотворные в былевом стиле обработки сказок, предков современных искаженных сказок об Илье?

6) В некоторых сказках, кроме исцеления и корчеванья, Илье приписывается только один подвиг – избавление царевны от змия, формула Егорья-змееборца. Таковы: сказка, неизвестно где записанная Киреевским, и малорусская, перешедшая из Великодержавии, сказка Екатеринославской губернии. Этот сказочный мотив настолько популярен, что прикрепление его к Илье вполне естественно. Не свидетельствует ли, однако, такое прикрепление в пользу того, что эта сказка не переделка былин, которым змееборство Ильи совершенно неизвестно.

7) В значительном числе сказок Илья-богатырь смешивается с Ильей-пророком (сказки: тамбовская, одна белорусская, одна екатеринославская, одна финская, чувашская). Перенесение здесь, конечно, с Ильи-богатыря на Илью-пророка, объясняющееся совпадением имени. Легенды об Илье-пророке не знают ничего о его долголетнем сидении и исцелении. Даже на предполагаемой родине Ильи, в селе Карачарове, население уже смешивает обе личности.

8) Бóльшим богатством содержания отличаются те сказки об Илье, которые записаны либо в местах соседних с главным очагом нашего былинного эпоса, либо в таких, куда в прежние времена проникали былины. Таковы три финские сказки, две белорусские, латышская – с одной стороны; с другой – якутская и вологодская. Крайне скудны и спутаны сказки малорусские, из которых

одна уснащена мотивами сказки о Еруслане (волынская), другая содержит лишь змеборство, третья – Илью-разбойника, спасающегося покаянием. Придавать какое бы то ни было значение малорусским сказкам в вопросе о южном происхождении Ильи нет возможности.

Выше я счел себя вправе сделать заключение, что мотив исцеления Ильи странниками и первого проявления силы в полевой работе не был в олонецком былинном репертуаре обработан в стихотворном складе и зашел к олонецким сказителям из сказок. Спрашивается: не существует ли этот мотив в русских сказках в прикреплении к другому имени? На этот вопрос дал ответ уже П. А. Безсонов в одной из своих заметок к сборнику Киреевского. Мотив исцеления оказывается прикреплённым к Ивану крестьянскому сыну в лубочной старинной сказке, которой начало Безсонов приводит по изданию 1793 года: «В некоей деревне был крестьянин не весьма богатой. И тот крестьянин жил со своею женою три года, а детища у них не было. На четвертое лето жена ево понесла и родила сына, которого и назвала Иваном. Когда Ивану сему минуло пять лет, ходить он не мог, потому что был сидень, то отец его и мать стали кручинитца и просили Бога, чтоб дал их сыну здоровье, ноги». Однако до 33 года Иван не владел ногами. Далее рассказывается приход нищего и исцеление Ивана. Затем нищий просит Ивана принести пива и велит ему самому выпить ендову, после чего он почувствовал великую силу. Приход и удивление родителей. Иван испытывает силу: выйдя в огород, он взял в руки кол, воткнул в огороде в землю и повернул его так сильно, что вся деревня с колом повернулась. (Ср. слова Ильи: кабы столб от земли до неба, я бы своротил всю землю.) Затем Иван берет благословение у родителей, чтобы ехать на подвиги. Дальнейшее содержание сказ-

ки не представляет ближайшего сходства с эпическими похождениями Ильи Муромца¹.

Приобретение силы посредством питья встречается и в других сказках, например в одной сказке об Иване-царевиче. У его отца содержался взаперти мужичок, руки железны, голова чугунна, сам медный. Когда царевич раз шел мимо тюрьмы, мужик попросил у него напиться. Когда царевич подал ему воды, он исчез из тюрьмы. В благодарность за освобождение старик зазвал Ивана к себе в гости и дал выпить полуведерную чашу вина. Потом пошли гулять и дошли до камня в 500 пудов. Иван после питья вина легко поднял этот камень. Старик велит ему пить еще несколько раз, и сила Ивана все прибывает: он может поднять уже камень в 1500 пудов. Тогда старик говорит ему: Ну, Иван-царевич! В тебе теперь много силы: лошади не поднять! Крыльцо дома вели переделать: тебя оно не станет поднимать и проч. Ступай с Богом!²

Если искать параллелей мотиву дарования силы через чудесное питье, то нам придется пересмотреть огромное количество сказок Европы, Азии и других частей света. Достаточно сослаться на указания, сделанные Афанасьевым, Ф. И. Буслаевым, О. Миллером, В. В. Стасовым, М. Халанским. Махалом, Тилле, Коскэном и др.³, которые свидетельствуют о широком распространении этого мотива и на Востоке, в индийских

---

¹ Песни Киреевского, III, заметка, стр. XXIII и след.

² См. Сказки Афанасьева, 1-е изд. Вып. II, стр. 47–54 и Песня Киреевск., III, заметка, стр. XXV.

³ Афанасьев – Ск., IV, стр. 391 и след., 436 след., Ф. И. Буслаев – Русский богатырь. эпос, стр. 106; О. Миллер – Илья Муромец, стр. 169–180; Стасов – Вест. Евр., 1868, апрель. Халанский – Велик. был. киев. цикла, стр. 94; Южнослав. сказания о кралев. Марке, 1898, стр. 66–75; Máchal – O bohatýrském epose slovanském, I, стр. 151; Tille – Listy fil., XVI, 381, Cosquin – Contos populaires de Lorraine, II, 107–114.

сказаниях, и на Западе, в германских, романских, южнославянских. Мы не ставим себе цели, вообще труднодостижимой, уяснить, каким путем странствующий мотив – приобретение силы через питье – проник на Русь. Для нас интереснее знать, почему он прикрепился на Руси между прочим к национальному богатырю.

Можно думать, что с идеальным народным богатырем, хотя и не историческим лицом, произошло то же явление, которое мы наблюдаем на лицах исторических. Подобно тому как сведения о молодости и воспитании лиц, получивших громкую известность, собираются уже позднее, после их смерти, чтобы удовлетворить общественному к ним интересу, точно так же у народа являлись запросы относительно молодости Ильи. Известно, что Илья носит постоянный эпитет *старого*, занимает не только по силе, но и по возрасту первенствующее место среди других богатырей и совершает все свои отдельные подвиги как *старый* казак, не упадчивый, в противоположность другим юным богатырям, на женскую красоту. Понятно, что, зная подвиги Ильи, совершенные им уже в почтенном возрасте, народ мог задавать себе вопрос: что же Илья, этот богатырь, одаренный чудесной силой и мужеством, делал в молодости, на что употреблял он свою богатырскую силу? О каких-либо подвигах Ильи-юноши ничего не было известно. И вот для объяснения этого молчания к имени Ильи весьма удобно прикрепился сказочный бродячий мотив о богатырях-сиднях, которые до известного возраста (30 или 33) не могут обнаружить свою силу. Этот мотив, по-видимому, не получил обстоятельной былинной обработки: былины о первой поездке Ильи в Киев только вскользь говорят, что Илья был 30 лет сиднем, а затем, ощутив силу великую, отпросился у родителей ехать в Киев. Осложнение или распространение мотива

о богатыре-сидне другим – исцелением богатыря нищими, посредством питья – произошло, как мы видели, в сказках, и этот более поздний рассказ, по-видимому, не был обработан в былинном складе. По крайней мере, даже в Исландии нашего эпоса – у олонецких сказителей – не нашлось ни одной складной былины об исцелении Ильи каликами. Исцеление Ильи неизвестно и древнейшим записям былин о нем, относящимся к XVII и началу XVIII века. Все это приводит к предположению, что этот сказочный и легендарный сюжет пристал к имени национального богатыря довольно поздно, быть может, не ранее XVII столетия.

б) *Илья Муромец и Себеж*¹. Между дошедшими до нас старинными записями былин о первой поездке Ильи Муромца в город Киев к князю Владимиру можно наметить две редакции этого рассказа. К первой редакции принадлежат четыре пересказа, изданные покойным академиком Н. С. Тихонравовым в первом отделе *Русских былин старой и новой записи* (стр. 1–11), именно: а) Повесть о сильном, могущем богатыре о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике (по списку Императорской публичной библиотеки, Q., XVII, 194); б) История о Илье Муромце и Соловье-разбойнике (по рукописи И. Е. Забелина, № 71); в) Повесть о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике (из сборника Ф. И. Буслаева) и г) Сказание о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике (из сборника Н. С. Тихонравова, № 222). Все эти четыре пересказа, списанные в XVIII веке с более старых списков, быть может, конца XVII века, чрезвычайно близки между собою и несомненно восходят к общему источнику.

Сходство названных пересказов определяется уже первыми, начальными строками, почти тождественны-

---

¹ Напечат. в «Журнале Мин. нар. просвещения, 1895 г., март.

ми. Во славном (было) граде Муроме (в *а* Морове) слушал Илья Муромец (в *а* Муровец) заутреню воскресную и в уме держал (в *б* и *в* похоть держал) к сильному ко князю Владимиру киевскому Всеславичу (в *б* ко граду Киеву ко славному князю Владимиру Сеславьевичу, в *в* к стольному граду Киеву ко князю Владимиру киевскому Всеславьевичу). В четвертом пересказе (*г*) в значительно искаженном начале можно видеть по крайней мере главные черты приведенного: во славном граде Муроме был богатырь Илья Муромец, слышал заутреню воскресную, поехал он ко граду Киеву ко князю Владимиру.

Проследим содержание дальнейшего рассказа и отметим некоторые интересные черты, сближающие между собою все четыре пересказа. Выезжая из Мурома, Илья дает обет не вынимать дорогой сабли острой и не накладывать тетивы на крепкий лук (в *г* эта подробность опущена). Первое похождение Ильи было под *Себежем* – градом, который обступили три царевича заморские с 300 тысяч (в *в* и *г* 120 тысяч). Илья прогоняет басурманское войско, берет в плен царевичей и отдает их в подарок себежскому (в *а* и *в* сибирскому) царю. На вопрос последнего об его имени Илья называет себя Ильюшкою Ивановым, уроженцем града Мурома. Отметим, что Илья не называет себя крестьянским сыном из села Карачарова. Узнав от себежского царя, что дорога в Киев через леса Брынские (в *в* Бранские) залегла ровно 30 лет от Соловья-разбойника, Илья едет дальше. В то время как он переезжает реку Смородину по мосту калинову, Соловей-разбойник засвистал так сильно, что под Ильєю конь спотыкнулся. Выстрелом в правый глаз Илья сшиб Соловья с девяти дубов и хотел вынуть у него сердце ретивое. Соловей просит Илью оставить ему душу хоть на покаяние. На вопрос Ильи, где у Соловья спрятана золотая казна, он говорит, что она лежит

в его селах Кутузовых, куда гонец гоняет два месяца, а скоро-наскоро – один месяц. Привязав Соловья к стремени, Илья едет в эти села. Двенадцать сыновей Соловья, вооружившись, хотят отбить отца, но Соловей велит им лучше пригласить Илью хлеба кушать за дубовые столы. Однако Илья поворачивает коня к Киеву и приезжает туда. Оставив Соловья при коне во дворе, он входит в палату столовую и кланяется князю Владимиру. Спросив приезжего об имени и дороге, князь не верит, что Илья успел, простояв заутреню в Муроме, попасть к обедне в Киев. Илья рассказывает о своих двух остановках – под Себежем и у реки Смородины – и говорит, что Соловей-разбойник стоит на дворе. Князь велит Соловью показать свой свист, но тот говорит, что послушает только своего господина Илью Муромца. Илья велит Соловью свистнуть, и от его свиста подломились скамейки у богатырей, а Владимир, обрадованный, говорит Илье: тебе у меня будет золота казна не запечатана, добрые кони не заперты за твою службу верную богатырскую: служи ты мне верою и правдою. Этими словами князя кончается рассказ.

Перечислим теперь главные черты, отличающие эту *краткую* редакцию от второй, к которой перейдем затем.

1. В ней нет рассказа об Илье-сидне, исцелении его каликами, приобретении коня и встрече с разбойниками.

2. Вместо города Чернигова Илья освобождает от вражеской рати город Себеж.

3. На вопрос себежского царя и далее князя Владимира в Киеве Илья называет себя уроженцем города Муром (Мурова), но не говорит о селе Карачарове как о своей родине, и о своем крестьянском происхождении.

4. Соловей-разбойник оглушает коня Ильи свистом в то время, когда он переезжает реку Смородину по калинову мосту.

5. Казна Соловья хранится в селах Кутузовых, где живут и его 12 сыновей.

6. Не упоминается покушение дочери Соловья убить Илью верей.

7. Последствия свиста Соловья-разбойника в Киеве не изображаются губительными для богатырей и неприятными для князя Владимира. Поэтому не говорится и о казни Соловья-разбойника.

8. Не упоминаются поименно богатыри при Владимире и княгиня Апраксеевна. Владимир носит отчество Всеславьича (Сеславьича).

Вторая редакция, которую можно назвать по сравнению с первой более полной, представлена, во-первых, сказанием об Илье Муромце, Соловье-разбойнике и Идолице по рукописи И. Е. Забелина, № 82 (см. Русские былины старой и новой записи, отд. I, стр. 11–24); во-вторых, – лубочной сказкой, выдержавшей много «изданий»¹; в-третьих, сказкой, напечатанной Сахаровым будто бы с рукописи купца Бельского. Оставляя в стороне последнюю сказку, как произведение более сахаровское, чем народное, отметим в двух первых главные черты, отличающие их от вышерассмотренных сказок первой редакции.

К сожалению, в сказании по рукописи И. Е. Забелина начало утрачено, и мы можем судить о нем только по лубочной сказке. Родиной Ильи Муромца называется село Карачарово, отцом его – крестьянин Иван Тимофеевич. Илья до 30 лет был сиднем, затем, почувствовав в себе силу великую, встал, добыл себе коня и сбрую ратную и, получив благословение родителей, поехал в Киев. Далее следует первая встреча с разбой-

---

¹ См. у Ровинского, Русские народные картинки, кн. I, № 1; Песни, собранные Киреевским – I, Приложение, стр. XVII–XXII; Афанасьев – Народные русские сказки, I (изд. 1858 г.), стр. 53–58.

никами, которых Илья устрасил, пустив стрелу. Затем Илья отражает от стен Чернигова басурманское войско, за что его с честью принимают воевода черниговский и князь Киберской (в лубочной сказке Виберской). Узнав от них про дорогу в Киев, Илья ранит в глаз Соловья-разбойника, сшибает его с 12 дубов и привязывает к стремени. У Соловья не 12 сыновей, а три дочери, из которых бóльшая покушается убить Илью вереею. Приезд в Киев. Обычные вопросы князя. Испытание свиста Соловья-разбойника и смерть его. Илья, оставшись при дворе князя, братается с Добрыней Никитичем и уезжает с ним в поле чистое. Встреча с каличищем, от которого Илья узнает, что в его отсутствие в Киев приехал Идолище нечестивый и творит там насилья. Илья берет у калики его гуню, возвращается в Киев и убивает Идолище шляпой. Несмотря на то, что лубочная сказка представляется значительно сокращенной сравнительно со сказанием в рукописи Забелина, во многих местах обоих пересказов мы находим почти дословно одни и те же выражения, и оба кончаются почти одинаково, как показывает сравнение следующих строк:

Сказание

И схватил с себя шляпу и ударил ево в голову так сильно, что прошиб стену палат белокаменных, и, взявши туловище, на двор выкинул. И стали на той радости ясти и пити и веселиться. И великий князь Владимир Илью Муромца великими похвалами возвеличил и причел в сильные могучие богатыри.

Лубочная сказка

И схватил с себя шляпу и ударил его в голову тихонько, только прошиб стену палат; и взявши туловище, туда ж выкинул. И за то князь *(имени нет, как во всей сказке)* Илью Муромца великими похвалами произносил и причел в сильные могучие богатыри.

Оставляя пока в стороне подробное сравнение этой более полной редакции сказания об Илье Муромце с былинами, мы можем, кажется, уже теперь, предупреждая результат сравнения, сказать, что полная редакция в отдельных чертах своего содержания стоит ближе к былинам об Илье Муромце, нежели вышерассмотренная краткая редакция. В былинах город, освобожденный Ильей Муромцем, называется всего чаще Черниговом (варианты: Смолягин, Бекешев, Кидош), и название Себеж в них не встречается. Не упоминаются и села Кутузовы, в которых стоит усадьба Соловья-разбойника. Далее, в былинах почти всегда рассказывается покушение старшей дочери Соловья-разбойника убить Илью, чего нет в краткой редакции. Рассказ о Соловье-разбойнике в Киеве обыкновенно кончается его смертью от руки Ильи Муромца. В былинах, как в сказании полной редакции, Илья Муромец принимает меры, чтоб свист Соловья не повредил князю и княгине, чего нет в краткой редакции. Родиной Ильи в былинах постоянно называется село Карачарово при городе Муроме и нередко упоминается отец Ильи – Иван Тимофеевич. Наконец, в большинстве былин освобождению города Чернигова предшествует встреча Ильи с разбойниками, которую не знает краткая редакция XVIII века. Все перечисленные особенности последней, и прежде всего некоторые собственные имена, останавливают на себе наше внимание, так как нуждаются в объяснении.

Чем объяснить освобождение Ильей Себежа, ныне уездного города Витебской губернии? Нет ли каких-нибудь данных в истории этого города, которые могли бы пролить некоторый свет на этот вопрос?

Время основания Себежа, псковского пригорода, неизвестно. Имя его мелькает в исторических свидетельствах о столкновениях русских с литовцами и по-

ляками. Самое раннее упоминание Себежа встречается у польского историка Стрыйковского, который говорит, что в 1414 г. великий князь литовский Витовт из Дриссы двинулся с войском против псковитян, взял и сжег их пригород Себеж. Впоследствии Себеж, по-видимому, принадлежал Литве. По крайней мере, в 1525 г. жители его подавали жалобу польскому королю Сигизмунду I на ограбление от московитян. Во время малолетства великого князя Ивана Васильевича, в 1535 г., повелено новгородцам и псковитянам, соединясь с князем Шуйским, двинуться в литовские владения и на берегу Себежского озера в Себеже построить крепость. Действительно, Бутурлин на конце мыса построил замок с деревянными стенами, в самом же посаде – три небольшие деревянные церкви. Правительница Елена прислала Новгородскому епископу Макарию повеление освятить новопоставленный город, а в церкви назначить священников для отправления службы. Макарий с архимандритом, игуменами и священниками, приехав туда, освятил его, назвав Иван-городом на Себеже, который тогда же населен и людьми, переведенными из разных мест. Эта, по-видимому, первая серьезная попытка москвитян утвердиться в Себеже встретила энергичный отпор со стороны польского короля Сигизмунда в следующем же году. Король повелел киевскому воеводе Немире с войском двинуться к Себежской крепости и разрушить ее. Однако двадцатитысячное войско литовцев и поляков потерпело полную неудачу. Приступы неприятелей к крепости были отбиты.

Теснимые и гонимые русскими, литовцы и поляки бросились бежать по льду Себежского озера, но под их тяжестью лед подломился, и множество бегущих погибло в водах глубокого озера. Воеводы князь Засекин и Тушин захватили много пленных, отбили пушки и

знамена. В ознаменование блестящей победы великая княгиня Елена повелела построить в Себеже церковь Св. Троицы. В следующем 1537 году Себеж был договором уступлен московскому правительству в обмен за Гомель. Однако нападения поляков на Себеж повторялись, невзирая на договор. В 1579 году он был взят Стефаном Баторием, но в 1592 г. снова возвращен России по миру, заключенному в Яме Запольском. В следующем столетии, в 1634 г., царь Михаил Федорович возвратил Себеж полякам. В 1654 году русские, однако, снова овладели городом, который оставался за ними до 1678 года, когда был возвращен Польше с уплатой ей же 200 тысяч руб. В войну с Карлом XII Петр I в 1705–1706 и 1707 годах частью своих войск занимал Себеж, но никаких крупных военных событий под его стенами не произошло¹.

Из этого краткого очерка истории Себежа мы видим, что в XVI и XVII столетиях этот город жил тревожною жизнью, переходя несколько раз от московского правительства к польскому. Но единственное громкое событие, совершившееся под его стенами, – истребление литовско-польского войска в 1530 году. Гибель множества неприятелей от подломившегося льда Себежского озера, в связи с недавним торжественным освящением только что построенной крепости, при религиозной настроенности того времени, позволяло видеть в этом событии чудесную помощь Божию, ниспосланную православным против неверных.

Сильное впечатление, произведенное победой в Москве и, конечно, в русских областях, близких от Себежа, засвидетельствовано построением в городе церкви Св. Троицы для увековечения этого события. Можно ду-

---

¹ См. Без-Корнилович, Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии, 1855, стр. 131–134.

мать поэтому, что впоследствии, быть может, еще в том же XVI столетии или в следующем, когда реальные черты исторического факта уже сгладились в народной памяти и он принял неопределенную эпическую окраску, народный богатырь Илья был поставлен в связь с городом Себежем и явился его спасителем от каких-то царевичей заморских, которые хотели православные церкви на дым спустить и себежского царя во полон взять.

Такое приурочение подвига Ильи к белорусскому городу Себежу свидетельствует о том, что в XVI веке, когда можно предположить такое приурочение, имя Ильи богатыря было широко известно белорусскому населению, которое в настоящее время не знает никаких былин об этом богатыре. Действительно, полным подтверждением известности Ильи в Белоруссии в XVI веке служит вестовая отписка оршанского старосты Филлона Кмиты Чернобыльского к Остафию Воловичу, кастиеляну Троцкому, 1574 года, августа 5-го дня. Жалуясь на свое печальное положение в Орше, на стороже, где он терпит холод и недостаток в провизии, Кмита, очевидно, припоминает эпические рассказы об Илье, который также стоял на стороже и испытывал пренебрежение со стороны князя. «Pomsti Boz'e, – пишет он, – hosudariu hrechopadenije, chto rozumiejet bo prijdet czas, koli budiet nadobie Ilii Murawlenina I Solowia Budimirowicza, prijdet czas, koli budiet sluz'b naszych potreba»¹. А. Н. Веселовский в своей статье «Илья Муромец и Соловей Будимирович в письме XVI века» предпосылает известию Кмиты Чернобыльского следующее замечание: «Я не стану преувеличивать значение сообщаемого здесь: в крайнем случае оно может служить свидетельством *географического* распространения былин, так как Воловичу должны же были быть понятны аллюзии на богатырей,

---

¹ См. А. Н. Веселовского, Южнорусские былины, II, стр. 64.

да и Кмита поминает их как нечто общеизвестное»¹. Но помимо этого значения известие Кмиты может, как мне кажется, в связи с рассмотренной выше старинной записью походов Ильи пригодиться для некоторых других соображений.

Кмита упоминает Илью Муравлена и Соловья Будимировича. «Соловей Будимирович, – говорит А. Н. Веселовский, – в сообществе с Ильей мог бы возбудить вопрос о причинах такого сопоставления, если бы не представлялась вполне естественной догадка, что имя первого явилось случайно, на место любого другого богатыря и вне внутренней связи со значением Ильи. В самом деле, Соловей Будимирович не радеть о Русской земле, он – богатырь приезжий, и соединение его с киевским циклом чисто внешнее»². Мне кажется, что такое соединение имен Ильи и Соловья Будимировича не в такой степени случайно, как предполагает академик Веселовский. Это соединение дано было в том сказании об Илье, которое при писании письма пришло на ум Кмите Чернобыльскому, и его ошибка состоит лишь в том, что он на одну доску поставил обоих богатырей. Конечно, Соловей Будимирович, связанный в походе с Ильей, не тот заезжий жених, которого знают современные былины. Соловей Будимирович не кто иной, как наш былинный Соловей-разбойник, Рахматович, Одихмантьевич, Рахментович и проч. Этот персонаж в былинах старой записи действительно носит такое отчество. Так, в одном из пересказов выше-рассмотренной сказки краткой редакции (в сборнике Тихонравова № 222) Себежской (в рукописи Сибеской) царь говорит Илье: есть у нас, государь, прямая дорога к стольному граду Киеву на леса брынские, на грязи

---

¹ Там же, стр. 61.

² Там же, стр. 65.

топучие, на мост на калиновой, на речку Смородинку; только та дорога залегла 10 лет: ни единой человек не прохаживал и не проезживал, ни зверь не прорыскивал от Соловья-разбойника *Будимеровича*¹. В другом сказании об Илье, Михаиле Потоке и Алеше Поповиче, напечатанном Тихонравовым по рукописи его собрания (№ 361), мы читаем: «Илья Муромец поехал на реку Смородину, на мосты калиновые; а та уже дорога залегла ровно 30 лет от Соловья-разбойника *Мировича*»². Итак, мы можем заключить на основании свидетельства двух старинных записей былин и письма Кмиты, что некогда, в XVI и XVII веках, наш былинный Соловей носил отчество Будимирович, которое лишь впоследствии было окончательно усвоено другому Соловью. приезжому жениху Запавы Путятичны.

Далее нельзя не отметить следующего совпадения между письмом Кмиты и древнейшим пересказом повести об Илье краткой редакции. В последнем родной город Ильи назван Моров и Муров, а сам он называется Муровцем³. Кмита называет Илью Муравленином, Лассота, писавший через 20 лет после Кмиты, – Моровлином (Mogowlin). Не предпрешая трудного вопроса о происхождении прозвища Ильи, мы можем из свидетельств Кмиты и Лассоты сделать, по крайней мере, тот вывод, что в XVI веке в Киеве и в белорусских областях Илья назывался не Муромцем, а Моровлином, Муравленином. В согласии с этим находится и тот факт, что Илья, освобождающий белорусский же город Себеж, называется в *древнейшем* пересказе краткой редакции Муровцем, а не Муромцем. Мы выше отметили, что в том же сказании родиной Ильи еще не называется село Карача-

¹ Русские былины старой и новой записи. Отд. I, стр. 10.

² Там же, стр. 40.

³ Русские былины старой и новой записи. Отд. I, стр. I.

рово близ города Мурома: и для объяснения отсутствия этого имени можем сделать только предположение, что составитель этой краткой редакции сказания не знал приурочения Ильи к селу Карачарову, которое либо произошло позже, либо не проникло в некоторые области России (в Белоруссию). Думаем, что и Кмита Черныбыльский в 1574 году не мог себе представить Илью Муравленина родившимся в *московском* городе Муроме в крестьянской семье села Карачарова. Вспомним, кто такой Кмита и по какому поводу он припоминает Илью. Кмита Черныбыльский занимал ответственную и беспокойную должность старосты в пограничном городе литовского княжества Орше. Его обязанностью было узнавать о намерениях Москвы, сообщенные ему лазутчиками сведения поверять и доносить о них королю и во всякое время быть готовым отразить неприятельское нападение. Кмита, по-видимому, с честью занимал этот боевой пост, так как в 1564 году разбил воеводу князя Оболенского, подступившего под Оршу с войском из Вязьмы¹. В письме к тройскому кастеляну 1574 года Кмита жалуется на невнимание к нему короля на недоставление ему припасов, спрашивает, не приехать ли ему в Вильну, называет себя несчастным дворянином, который «сгиб в нужде» и «с голоду сдох на стороже». Тут-то он припоминает Илью Муравленина: придет час, когда будет в нем (Илье) надоба, придет час, когда понадобится и его (Кмиты) служба. Если таким образом староста Орши, подданный *польского* короля и враг Московской Руси сравнивает себя с богатырем Ильёю, который представляется в сказаниях оберегателем Отечества, верным, но иногда пренебрегаемым слугою киевского князя, то едва ли Кмита знал Илью как крестьянского сына из города Мурома, принадлежавшего

¹ Без-Корнилович, названное сочинение, стр. 197.

ненавистной ему Московской Руси. Кмита должен был считать его скорее своим родным (то есть русским, а не московским) богатырем.

Есть еще одна черта краткой редакции сказания об Илье, заслуживающая внимания. В сказании не говорится о смерти Соловья Будимировича от руки Ильи, и свист Соловья не сопровождается неприятными последствиями для князя. Хотя дальнейшая судьба Соловья в сказании не уяснена, однако по ходу рассказа нельзя предполагать, что Илья прикончит своего пленника. Свалив разбойника с дуба, Илья хотел вырезать у него сердце, но смиловался, когда Соловей просил его отпустить ему душу на *покаяние*; далее Илья также не имел основания негодовать на Соловья, так как последний не скрыл своей золотой казны, велит своим сыновьям, выехавшим, чтобы его отбить, угостить Илью, объявить в Киеве, что слушается только своего господина Илью. Скорее можно предположить, что, видя покорность своего пленника, Илья отпустит его на известных условиях. Такое окончание действительно встречается в нашем эпосе (в былине Ефименка № V)¹ и согласимо с некоторыми чертами благодушия, с которым Илья относится к Соловью (угощение Соловья вином). В одной былине Илья просит своего пленника помочь ему «выручить город Кряков из неволюшки»², и тот исполнил эту просьбу. Все это позволяет нам предполагать, что в сказаниях о Соловье-разбойнике в старину известна была и не трагическая для него развязка. Быть может, такая развязка даже древнее обычной: вспомним, что личность, близко напоминающая Соловья, летописный разбойник Могут, был пощажен князем Владимиром и искренним покаянием загладил

---

¹ См. Экскурсы, стр. 93.

² Там же, стр. 91.

свои преступления. Известие Степенной книги о Могуте, пойманном хитростью и приведенном к Владимиру, может быть основано на народных сказаниях киевского эпического цикла и представляет древнейшую версию того же сказания, которое разработано в былинах об Илье и Соловье-разбойнике.

Если мы предположим, что в старинных сказаниях об Илье и Соловье, ходивших в Юго-Западной Руси в XVI веке, Илья не убивал своего пленника при дворе Владимира за ослушание, но что в них Соловей (Будимирович) как-нибудь иначе кончал свою жизнь, например как разбойник Могут, то и сопоставление Ильи Муравленина с Соловьем Будимировичем, сделанное Кмитой, не покажется нам слишком несообразным. У нас есть былина, в которой Соловей разбойник *помогает* Илье освободить город Кряков, и оба богатыря названы добрыми молодцами. Если бы Кмита знал подобное сказание и припомнил именно его, когда писал свое письмо, то он был бы до некоторой степени прав, сопоставив оба имени (*bo przyjdzie czas, коли budzie nadobie Ilii Murawlenina i Solowia Budimirowiczca*), так как в данном случае при освобождении Крякова (западного же города, как Себеж), оба богатыря действовали солидарно. Но очень странно было бы предположить у Кмиты такой невероятный *lapsus memoriae*¹, что он в качестве богатырей-помощников ставит на одну доску Илью и убитого Ильею Соловья. Ведь у всякого мало-мальски знакомого с русским эпосом имя Соловья-разбойника немедленно вызывает представление о том, как Илья, приведя его в Киев, убил его за губительный свист. Итак, для некоторого уяснения древнейшего, доселе известного, свидетельства о нашем эпосе мы решаемся предположить, что Кмита Чернобыльский имел и об

¹ Ошибка памяти (*лат.*).

Илье и о Соловье не совсем те представления, которые имеем мы в настоящее время: Илья не был ему, вероятно, известен как крестьянский сын из села Карачарова; Соловей не представлялся ему чудищем – не то человеком, не то птицей, – убитым Ильей заслушивание при дворе Киевского князя. Такое представление Кмиты, как мы видели, не стоит в противоречии с краткой редакцией сказания об Илье Муравце, существовавшей в XVII веке¹, и, по-видимому, говорит в пользу относительной древности этой редакции.

в) *К былине об Илье и неверной жене Святогора*². В статье «Кавказско-русские параллели»³ я указал в кавказских сказаниях некоторые мотивы, сходные с тем, что наши былины рассказывают о жене Святогора и Илье. В недавнее время была у ингушей записана г. Борусевичем одна сказка, в которой находим, между прочим, мотив, напоминающий былинный рассказ об измене Святогору его жены, носимой им на плечах в хрустальном ларце. Параллели к этому мотиву уже раньше были указаны нашими исследователями эпоса в сказках разных народов, и приводимая ниже сказка, подтверждая еще раз, что этот мотив зашел в наш эпос из сказок, представляет лишь тот интерес, что принадлежит к многочисленным кавказским сказаниям о великанах, которых вообще сильно напоминает наш былинный Святогор.

Как в параллельной арабской сказке «1001 ночи» царевичи братья Шехербан и Шахсеван, убедившись в неверности своих жен, отправляются странствовать по белу свету и испытывают то же приключение, которому подвергся Илья при встрече с женою Святогора, так в

¹ См. Русские былины старой и новой записи, I, приложение, стр. 68.

² Напечат. в Этнографич. обозрении, кн. XIII–XIV, 1892 г., стр. 115–118.

³ Экскурсы в область русс. нар. эпоса. Приложение, стр. 7 и след.

ингушской сказке князь, узнав от своего верного узденя об измене своей жены, покидает свой дом и едет вместе с ним куда глаза глядят.

«...Ехали они, ехали целый месяц и заехали в такое глухое, место, что вокруг на месяц езды не было ни одного аула, ни одного человека. Вот князь и говорит узденю: “Давай поселимся здесь”. В это время невдалеке увидели они одного человека, который пахал на восьми парах быков: сам и быками управляет и плуг держит, да еще на спине несет большой сундук. Вот князь и говорит: “Что за чудак такой! Место ровное, а он не поставит своего сундука и таскает его на спине. Давай подъедем к нему и расспросим его, что он за человек”. Подъехали они к пахарю, а тот стал распрягать своих быков. Князь и уздень стали ему помогать распрягать. Пока они распрягали по одной паре, пахарь успел распрячь остальных шесть пар. Затем они сели закусывать, а пахарь все не снимает сундука с плеч. Князь спрашивает его, что у него такое в сундуке, что он все время таскает его на спине, между тем как мог бы поставить его. Пахарь стал рассказывать: “Жил я раньше в ауле; женился, а жена и сошлась с другим. Озлился я на жену за это, прогнал ее, а сам пошел куда глаза глядят. Дорогой женился на другой, но, чтобы она мне не могла изменить, я сделал вот этот ящик, посадил туда жену и стал носить на себе”. Князя этот рассказ заинтересовал, и он стал просить пахаря показать ему свою жену. Пахарь согласился и стал снимать сундук. Уздень и князь хотели ему помочь, но он от помощи отказался: “Я привык уже таскать один; если вы сегодня поможете мне, кто же мне поможет завтра?” С этими словами он снял сундук, поставил на землю и раскрыл. Нужно было видеть, как были все озадачены, когда в сундуке вместе с женой оказался молодой человек. Пахарь стал спра-

шивать жену: “Скажи, как ты ухитрилась и тут меня обмануть?” Та отвечала: “Ты сам оставил ящик в поле в один жаркий день, когда быки побежали от оводов, и сам погнался за ними. Мне стало скучно, я вышла из ящика, вижу – идет молодой человек; я и пригласила его к себе в ящик, чтобы мне не было так скучно. С тех пор мы и живем вместе в ящике”. Пахарь вспомнил, что действительно довольно давно он погнался за быками, а ящик оставил среди поля. Обращается тогда пахарь к князю и говорит: “Видишь, князь, я ли не караулил свою жену, а оказалось, что я двух носил в ящике вместо одной жены”. Тут обманутые мужья поняли, что сколько жену ни карауль, а все-таки ее не укараулишь, и порешили возвратиться к прежним своим женам».

Между приведенной ингушской сказкой и нашей былиной о Святогоре, его жене и Илье Муромце главное различие заключается в плане. Былина описывает, как во время сна Святогора его красавица-жена соблазнила Илью Муромца и затем засадила его к мужу в глубокий карман (Рыбн. I, № 8); в ингушской сказке сама неверная жена уже *post factum*¹ рассказывает, при каких обстоятельствах она посадила молодого человека к себе в ящик. Но сходство обоих рассказов в некоторых деталях довольно близко: в обоих муж представляется обладающим громадной физической силой, в обоих он носит на плечах ларец или сундук с женою, в обоих он оказывается носящим не только жену, но и ее любовника. Отметим, что в нашем былинном рассказе не объясняется, почему великан Святогор носит свою жену в ларце, между тем как ингушская сказка поясняет это, как меру предохранительную против измены со стороны жены, и таким образом странное ношение мужем жены в ларце получает логическое объяснение.

---

¹ После сделанного (*лат.*).

Но представляя любопытную параллель нашей былине о Святогоре, ингушская сказка содержит в изображении личности великана еще некоторые другие черты, которые отчасти напоминают былинного Микулу Селяниновича. В ней великан представлен пахарем, обладающим непомерной силой: он *один* управляет плугом, запряженным восемью парами быков. Есть некоторое сходство и в ситуации Микулы и ингушского пахаря-исполина. Подобно тому, как вся дружина Вольги Святославовича (Рыбн. I, № 3) не может поднять сошку кленовую Микулы Селяниновича, так ингушский князь со своим узденем, взявшись помочь пахарю распрячь быков, едва успели распрячь две пары, когда он распряг уже остальные шесть пар; далее, подобно тому как в нашей былине представлена встреча в поле князя (Вольги) с пахарем, так и в ингушской сказке к пахарю подъезжает князь, странствующий по белу свету со своим узденем. Эти совпадения заставляют предполагать, что в русском и кавказском рассказе мы имеем отголоски какого-то, вероятно восточного, сказочного сюжета, который, быть может, уяснится впоследствии в своих других деталях. В ингушском великане, одновременно пашущем на 8 быках и носящем ларец с женою на плечах, нужно видеть смешение двух личностей, из которых одна напоминает Микулу, другая – Святогора. Это смешение становится ясным из того, что пахарь-великан встречается и в некоторых других кавказских же сказаниях, не имеющих сюжетом неверность жены. Так, мингрельская сказка «Сильнее сильного всегда можно найти», записанная г. И. Цхакаиа¹, рассказывает, что один великан и силач Кажи, убегая от еще более сильного Ндии (лесного человека), увидел

¹ См. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. X, отд. III, стр. 32–35.

на поле «странного и вместе с тем страшного пахаря, который, запрягши в плуг несколько десятков пар буйволов, пахал землю. Кажу направился к нему и, подойдя, попросил спасти его от Ндии. Земледелец взял его с катером (мулом) и положил в сумку, из которой он доставал семя для сеяния в поле». Очевидно, мингрельский пахарь-великан сродни ингушскому, и оба напоминают нашего Микулу Селяниновича. Вспомним, что последний носил в своей сумке тягу земную, которая оказалась не под силу Святогору.

2) *Илья Муромец и Еруслан Лазаревич*¹. В «Экскурсах в область русского народного эпоса» (стр. 167–170) я привел несколько примеров влияния сказки о Еруслане Лазаревиче на былины и сказки об Илье Муромце, причем коснулся этого вопроса мимоходом, без намерения его исчерпать. Отмечу здесь одну любопытную былинку, представляющую яркий пример смешения обеих личностей. Эта былина, записанная М. Гурьевым от В. Щеголенкова и изданная Е. Барсовым в «Памятниках народного творчества в Олонецкой губернии» (стр. 22–20), представляет сводный, весьма спутанный пересказ целого ряда похождений Ильи Муромца. Сначала говорится о «розстани» с тремя обычными надписями, Илья идет по той дороге, где едущему угрожает смерть, встречает 400 разбойников и, побив их, приезжает к Одолищу поганому. Одолев и «растрепав» Одолище, он едет в какое-то царство «незнакомое» к королю, который просит его быть защитником его города. Илья отказывается и едет по направлению к Киеву. Следует встреча с Соловьем Рахмановым, причем последний представлен богатырем, встречающим Илью на коне. Илья вышибает Соловья из седла, как Еруслан сторожа

---

¹ Напечатано в Этнограф. обозр., кн. XII, 1892 г.

Ивашку, привязывает его в торока и едет к его двору.
Богатыря встречают дочери Соловья и

Проговорят богатырю да таково слово:

«Умертвил ты нашего родителя!»

Проговорил старый казак Илья Муромец, сын Иванович:

«Знаешь ли ты, бóльшая дочь Соловья Рахманаго?

Есть ли храбрее меня, воина Ильи Муромца,

А красивее тебя?»

Проговорит дочь великая Соловья Рахманаго:

«Я твоей храбрости не ведаю,

Стара казака Ильи Муромца и сына Ивановича,

А своей красоты да девичьей не могу я знать!»

У меньшей сестры спрашивает старый казак

Илья Муромец:

«Есть ли красивее тебя и храбрее меня?»

Проговорит меньшая дочь Соловья Рахманова:

«Во подсолнечном граде у короля»

Есть дочь единая; брови у ней – черна соболя,

Очи у ней – ясна сокола,

По косицам у ней звезды частыя».

Раздумался старый казак Илья Муромец,

Илья Муромец, сын Иванович.

«Поеду я, старой казак Илья Муромец,

Ко городу ко Киеву

Увидать-то мне надо Солнышко-князя Владимира

стольнокиевского».

Былина оканчивается приездом Ильи в Киев, причем сказитель совсем уже позабыл, что Илья привез туда Соловья-разбойника. Киевские богатыри встречают Илью приветствием:

Будь ты нам, старой казак Илья Муромец,

больший брат!

Держим мы надежду на тебя да великую –
Будь же ты городу Киеву да защитник!

Очевидно, содержание былины настолько спутано и стих настолько разложился, что она скорее представляется неудачной попыткой сказителя придать сказке былинный склад. Не представляя поэтому интереса как былина, эта побывальщина любопытна в другом отношении: она показывает, с какою непринужденностью и легкомыслием иногда сказители, плохо помня детали былины, вводят в рассказ черты из запаса своей памяти по части сказок. Так, дочери Соловья-разбойника напомнили сказителю тех двух прекрасных царевен, с которыми встречался Еруслан по дороге в царство Индейское. Напомним, что Еруслан спрашивает сначала одну царевну: «Есть ли на свете вас, царевен, краше, а меня, Еруслана, удалее?» За ее ответ, что краше их дочь индейского царя, а удалее Еруслана – сторож того же царя, Ивашка, Еруслан убивает ее и с тем же вопросом обращается к ее сестре. Та отвечает ему, что дочь Индейского царя краше ее, но удалее его, Еруслана, никого нет на свете. За такой ответ Еруслан оставляет ее в живых и едет в индейское царство¹, где женится на дочери индейского царя, избавив ее от змея. Таким образом в сказке ответ второй царевны служит завязкой дальнейшего похождения героя, между тем как в былине Щеголенкова ответ второй дочери Соловья не имеет никаких дальнейших последствий: выслушав его, Илья вовсе не покушается, как Еруслан, отыскать красавицу подсолнечного града, а идет в Киев к князю Владимиру. Да и роль рыцаря/искателя красавиц вовсе не идет старому казаку. Очевидно таким образом, что Щеголенков чисто механически перенес две-три детали из сказки о

---

¹ Экскурсы, стр. 155.

Еруслане в былинку об Илье, не задаваясь вопросом о том, насколько пристала Илье роль Еруслана.

* * *

Другим, еще более ярким примером смешения былинных подвигов Ильи Муромца с похождениями Еруслана может служить одна малорусская сказка об Илье *Мурине*, записанная еще в 60-х годах где-то в Волынской губернии, но еще не изданная.

Илья, крестьянский сын, сидел сиднем 45 лет. Странники – Господь, Петр и Павел – просят его принести воды напиться. Узнав из его ответа, что он не может ходить, Господь дает ему палку, опершись о которую Илья встал и приносит воды. По приказанию Господа он сам выпил воду и почувал такую силу, что перекинул трижды скалу во дворе и заявил, что если бы был железный столб в земле, то, ухватившись за него, он перевернул бы землю. Повелев Илье напиться снова, Господь убавил его силу, так что он перекинул скалу только два раза, а в третий не смог. Странники ушли. Илья пошел в поле к родителям и понес им *барилку* с питьем. Затем, пока родители завтракали, он накорчевал огромное пространство, вырывая дубы руками. По возвращении домой он просит отца купить ему коня. Но купленный конь оказался негоден, так как упал на землю, когда Илья положил на него руку. Тогда Илья сам пошел искать себе коня и по указанию табунщика поймал в табуне плохого на вид жеребца. Приведя его домой, он выхолил его, и конь стал богатырским. Затем Илья просит отца заказать ему у кузнеца меч и копье. Оружие было готово, но отец не мог его принести – так оно было тяжело: меч весил 40 пудов, копье – 50. Принесши оружие, Илья сел на коня без седла

и шлема и поехал. В одном лесу ему повстречался один человек, который сказал ему, чтобы он не ездил через лес: там богатырь Соловей свистом убивает людей и вырывает дубы с корнями. Илья все-таки едет дальше и подъезжает ко дворцу (палацу) Соловья. От свиста Соловья конь Ильи споткнулся, но Илья обругал коня и едет вперед. Со страху Соловей свалился и пытался убежать, но Илья догнал его, ранил копьем и привязал к коню, затем стал разбивать 12 дверей его дворца. Во внутренней комнате он нашел старуху и двух дочерей Соловья. Старуха предлагает ему любую дочь в жены. На это он сказал, что поедет по свету, и если не найдет девушек красивее, то возьмет одну из дочерей Соловья. Затем Илья едет далее с Соловьем и приезжает в город к одному великому купцу, который спрашивает его, какой дорогой он ехал. Узнав, что Илья привез Соловья, купец просит его войти в хату. Илья вошел, но его не выдерживают полы и кресла. Выехав из города, Илья бросил Соловья и поехал дальше. Следует встреча с незнакомым богатырем и бой. Илья в третьей стычке опрокинул богатыря, но по его просьбе пощадил его: они побратались и поехали вместе дальше. По дороге встречают гроб. Богатырь лег в гроб. Илья 30 раз ударил по крышке копьем, и на нейросло 30 обручей. Затем Илья взял доспех богатыря и поехал дальше. В одной долине он видит множество побитых людей, а далее палатку, у которой стоит богатырский конь. Мурин вошел в палатку, увидел там спящего богатыря, хотел его убить, но раздумал и сам лег спать около него. Незнакомый богатырь проснулся, хотел в свою очередь убить спящего Илью, но раздумал и подождал, пока Илья проснется. Затем богатыри вступили в бой и после третьей сшибки Илья рассек противнику голову. На дальнейшем пути Илья Мурин в одной долине

находит спящую панну и, позабавившись с ней, говорит: «Есть ли где сильнее меня и краше тебя?» Панна отвечает, что в такой-то стране есть девица красивее ее, но ее стережет сильный богатырь. Илья убивает спящего сторожа, разбивает 12 железных дверей в дом красавицы и доходит до нее. Она обещается выйти за него замуж, если он убьет 30-голового змея. Илья велит принести себе пряжи и смолы, обвивается пряжей, обливается смолой и идет биться со змеем. В бою он отрубил змею 20 голов, и тот попросил пощады, обещав Илье драгоценный камень, если он оставит ему 10 голов. Илья садится на змея, спускается в воду и достает камень. Из него он сделал себе перстень, а другую часть оставил для перстня своему будущему сыну от избавленной от змея красавицы. Покинув жену, он поехал дальше, приехал на один двор, где нашел 12 богатырей, карауливших красавицу. Илья добрался и до этой панны, которая была так хороша, что он остался у нее и забыл жену. Между тем, у последней родился богатырский мальчик, который рос не по дням, а по часам. Уже двух лет он не был слабее отца. Мальчик вооружается дедовским оружием, садится на отцовского коня и едет отыскивать отца. Он подъезжает к городу, где жил Илья Мурин. Тот выезжает, встречает юного богатыря и вступает с ним в бой. Ударом копья Илья сшиб противника с коня, хотел убить его, но заметил на его руке перстень и спросил, кто его отец. Мальчик говорит, и отец признает сына. Они живут некоторое время вместе. Вот сыну приснилось, что какой-то богатырь выколол глаза его деду и бабке и посадил их в тюрьму. Отец с сыном поехали. На дороге им встретился старый богатырь, и сын его убил. Слепой дед говорить, что для исцеления ему нужно помазать глаза сердцем одного богатыря-чародея. Илья отправляется

искать того богатыря. По дороге он встречает исполинскую голову, вынимает, с ее согласия, из-под нее меч, которым одним можно убить того «неправедного» богатыря, и узнает от головы, что он должен этим мечом ударить врага однажды. Поехав дальше, он подъезжает к 12 богатырям, составлявшим дружину «неправедного» богатыря. Они спросили его, приехал ли он биться или мириться. Илья ответил, что приехал мириться, подошел к главному богатырю, ударил его мечом и рассек надвое. Другие богатыри крикнули ему: «Бей еще раз!» Но Илья не повторил удара (а то неправедный богатырь ожил бы), вынул из него сердце и поехал обратно. Подъехав к голове, он приставил ее к туловищу, помазал сердцем неправедного богатыря и таким образом воскресил великана. Затем он приехал к тюрьме, помазал глаза отцу и матери и вернул им зрение.

При беглом пересмотре этой малорусской сказки об Илье Мурине нетрудно убедиться, что большая часть ее содержания взята из сказки о Еруслане. Из обычных сказок об Илье Муромце взято только начало: исцеление сорокалетнего сидня чудесными странниками, корчевание леса, приобретение жеребца, встреча с Соловьем-разбойником. Но все дальнейшее уже относится к похождениям Еруслана, этого искателя красавиц, хотя в эпизоде о встрече Ильи с одним богатырем, после его выезда из дома великого купца (соответствующего былинному Владимиру), припутался известный рассказ о гробе Святогора. Конечно, и отдельные эпизоды сказки о Еруслане являются в малорусской сказке в значительно исковерканном и спутанном виде. Так, например, Еруслан возвращает зрение царю Картаусу и своему отцу Залазару, и притом этот подвиг его принадлежит к начальным. Мурин же ис-

целяет только отца с матерью, и этот подвиг перенесен в самый конец сказки. Во встрече Мурина со спящим в шатре богатырем нетрудно узнать похождение Еруслана с *русским* богатырем князь Иваном, но Еруслан затем помогает Ивану в битве с Феодулом змеем и добывает ему дочь Феодула, а в малорусской сказке Илья убивает этого богатыря в бою. Вместо двух красавиц-царевен, найденных Ерусланом в шатре, в сказке упоминается *одна* панна. Сильно скомканы и дальнейшие эпизоды: бой Еруслана со сторожем Ивашкой, со змеем и с сыном. Еще больше искажена встреча Еруслана с исполинской головой (Росланея) и добывание печени Зеленого царя. Вообще окончание сказки рассказчик помнил гораздо хуже, чем начало.

Но при всех искажениях и сокращениях малорусская сказка все же представляет, на наш взгляд, значительный интерес, подтверждая более, чем все доселе известные сказки об Илье, как свободно в народе на популярное имя Ильи Муромца переносились похождения Еруслана Лазаревича.

д) *Илья Мурович в казацкой песне*. В небольшом сборничке песен, записанных К. И. Бурсевичем в станции Червленной (Кизлярского отдела Терской области) и доставленных им в Этнографический отдел И. Общ. любит. естествознания, я нашел приводимую ниже песню, представляющую некоторый интерес для вопроса о прозвище Ильи. Привожу эту песню вполне согласно с записью г. Бурсевича, который по поводу своих записей песен замечает: «При записывании песен мною исправляемы они не были и записывались точно со слов певца, хотя в иных местах и страдают присутствием бессмыслицы, неясностей и т. п.».

Не во славном было во городе,   Красная девушка –
 Было в Вавилоновиче,   К своему ретивому сердцу,
 Еще там жила-то была   Облила его, красная девушка,
 Красная девушка.   Своими горячими-то ли слезами,
 Она дочь отецкая.   Еще как пошла то она –
 Еще приезжал-то к мому (sic),   Красная девушка –
 К родному батюшке,   Она с граду прочь долой.
 Вот к нему из гор ли князь,   Еще как ишла-то она –
 К родному батюшке,   Красная девушка –
 Вот паша – турецкий султан.   Она все не стежечкою,
 Вот еще во того-то она –   Еще что не стежечкой –
 Красная девушка –   Красная девушка –
 Она влюбилася;   Не дорожечкой,
 Еще на его красоту –   Она все тропинкою,
 Красная девушка –   Еще-то тропинкою –
 Она прельстилася;   Красная девушка –
 Еще прижила-то себе   Она все звериною.
 Красная девушка,   Еще как навстречу ей –
 Она молодова вьюноша.   Красной девушке –
 Еще как узнал-то ея   Идет-то все старым ли старик, –
 Родной батюшка,   Красной девице –
 Стал ее журить да бранить.   Идет *Илья Мурович*:
 А еще-то журить да бранить   «Еще ты далече идешь,
 Красную девушку,   Красная девушка,
 Ее со двора домой гонит: Куда тебя Бог-от несет?»
 «Еще ты сойди,   «Еще не тебе-то меня,
 Красная девушка,   Красную девушку,
 Сойди с моего со двора долой;   Не тебе выспрашивать.
 Еще ты снеси-ка, снеси,   Еще не тебе меня,
 Красная девушка,   Красную девушку,
 Снеси худу славушку».   Меня из ума выведывать.
 Как взяла-то она –   Еще иду-то, иду я,
 Красная девушка –   Красная девушка,
 Она свово младова вьюноша,   Куда меня Бог лучит».

В настоящее время песня этим кончается, так что мы ничего не узнаем о последствиях встречи красной девушки со «старым стариком» Ильей Муровичем. Ни в каких других песнях станицы Червленной, записанных г. Борусевичем и г. Малявкиным¹, не встречается ни Илья Мурович, ни Муромец, хотя население станицы, по словам г. Малявкина, имеет довольно богатый песенный репертуар² и хотя в тетрадке, присланной г. Борусевичем, мы находим несколько старинных исторических песен. Станица Червленная – одна из древнейших станиц по Тереку, и сами жители считают ее старше всех окружающих. Основное население состоит из казаков-гребенцов, принадлежащих в большинстве к беглопоповскому толку, и сохранило некоторые интересные старинные обряды, на которые указывает в своей статье г. Малявкин. Поэтому нужно думать, что имя Илья Мурович не позднейшее искажение из Ильи Муромца, но было принесено на берега Терека старинными поселенцами, великорусскими гребенскими казаками, основавшими станицу в 1711 году³. Притом и песня, в которой мы встречаемся с Муровичем, носит некоторые признаки былинного склада. Мне она представляется былинным отрывком, перешедшим в разряд «женских» песен. Этот переход сказывается в растянутости рассказа, в беспрестанных вставках лишних слов вроде «красная девушка», «еще-то», «вот» и т.п., в перемене в 6-м стихе местоимения 3-го лица на 1-е (к *мому* родному батюшке): но при устранении подобных позднейших искажений не-

¹ См. его статью «Станица Червленная» в «Этнографическом обозрении», кн. X, стр. 59–67.

² Там же, стр. 59.

³ См. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. IV, стр. 69.

трудно восстановить песню в более древнем былинном складе, например в таком виде:

Во славном во городе Вавилоновиче,
Жила-то была красна девица,
Красна девица – дочь отецкая *и т.д.*

Другое основание для предположения, что имя Илья Мурович не было только случайно вставлено в «женскую» песню, а принадлежало ей в ее более древнем виде, я вижу в том, что приведенная песня напоминает другую, впрочем, не менее искаженную, в которой также речь идет о встрече ушедшей из дому девицы с Ильей Муромцем. Я имею в виду весьма спутанную былинку, записанную в с. Языкове Сызранского уезда Симбирск. губ. и изданную в Сборнике Киреевского¹. Былина склеена из двух частей, которых связь не ясна. В первой части рассказывается поездка Ильи Муромца «под матушку Софу-реку», причем богатырь

Наезжал в чистом поле диковинку –
Разъездную походную красну девицу.
Не доехавши, он остановится:
«Ох ты гой еси, душа ли красна девица!
Ох, ты что една в чистом поле казакуешь?
Какого ты роду, царского или барского
Или сильного роду княженецкаго?»
Возговорит красна девица:
«Ох ты гой еси, старый казак Илья Муромец!
Я не царского роду и не барскаго,
И не сильного роду княженецкаго:
Я жила была у батюшки дочь гостиная,
Я бежала красна девица со новых сеней,

---

¹ Вып. I-й, стр. 4 и след.

От того Олеша Поповича,
От насмешника-пересмешника».
Возговорит старый казак Илья Муромец:
«Ох ты гой еси, душа ли красна девица!
Ох ты что мне давно не сказалася?
Я бы с Олешей переведался!
Я бы снял с Олеша буйну голову».

Вторая часть былины рассказывает о встрече Ильи со злым татарчонком, который нападает на Илью, спящего в шатре, и кончается обычной расправой Ильи с его коварным сыном (Сокольников, Сбутом, Борисом и др.). Встреча же Ильи с красной девицей не имеет никаких последствий и кончается одним разговором.

Конечно, слишком большой близости 1-я часть изложенной былины не представляет с песнею станицы Червленной, но в обеих являются некоторые общие черты: в обеих представлена красная девица, ушедшая из отцовского дома из-за мужчины (Алеша Поповича – турецкого султана) и встречающаяся с Ильей (Муромцем – Муровичем), который ее расспрашивает. Мы не станем через подобное сопоставление пояснять одну песню из другой; это значило бы пояснять *obscurum per obscurius*¹, так как обе в достаточной степени загадочны; но не можем отрицать существования какой-то связи между симбирской былиной и червленской песнею. Быть может, запись каких-нибудь новых вариантов того же сюжета впоследствии разъяснит эту загадочную встречу Ильи с красной девицей и мы узнаем, какие были результаты этой встречи для старого казака и для девицы. Попытки к уяснению личности «походной красной девицы» (симбирской былины) были сделаны

---

¹ Неясное еще более неясным (*лат.*).

акад. А. Н. Веселовским¹ и мною². По мнению А. Н. Веселовского, она отвечает Горынчанке, или Горынинке других пересказов, а имя Алеши подставилось здесь по смешению с другим лицом. Я указал, хотя под сомнением, на персидскую амазонку Гурдаферид, с которой (в «Шахнамэ») встречается полувраждебно, полулюбовно Сохраб. Но то и другое предположение в настоящее время кажутся мне еще более сомнительными, именно ввиду приведенной червленской песни, которая, по видимому, по сюжету приходится сродни симбирской, но не подтверждает никаких «амазонских» свойств «походной красной девицы».

Как бы то ни было, не давая почти ничего для уяснения загадочного отрывочного сюжета встречи Ильи с девицей, червленская песня все же заслуживает некоторого внимания, так как еще раз подтверждает распространенность и старинность прозвища *Мурович* (срав. Muurovitsa в финской сказке, Муровец в записках Панкеева, Muurovits у Луиса де-Кастильо, Муровец в повести об Илье по списку Императорской публичной библиотеки³), о котором в последнее время накопилось в нашей литературе по эпосу немало заметок и соображений.

Новые записи былин в Якутской области⁴

Наблюдения, сделанные мною над географическим распространением былин, приводят к заключению, что

---

¹ Южнорусские былины, III–XI, стр. 318.

² Экскурсы в область русск. народ. эпоса, стр. 129.

³ См. акад. Майкова – Материалы и исследования по старинной русской литературе, II, 1891, стр. 29 и 11, и Былины стар. и нов. Записи, I, 1–4.

⁴ Напечат. в Этнографическом обозрении, кн. XXIX.

почти весь наш олонецкий репертуар былин, представленный в сборниках Рыбникова и Гильфердинга, перешел в Сибирь в XVII, XVIII и XIX веках. вместе с колонизационным движением русского населения на сибирскую Украину. О существовании эпической традиции в Западной Сибири в XVIII в. мы можем судить по знаменитому сборнику, приписываемому Кирше Данилову. Былины, жившие еще в *западной* Сибири в устах отдельных сибирских поселенцев в первой половине текущего столетия, дошли до нас в записях Гуляева, кн. Кострова и Г. Н. Потанина. Гораздо скуднее наши сведения о существовании былин в *Восточной* Сибири, в старинных русских казацких поселениях. Некоторые данные, позволяющие заключать, что и в этих отдаленных местах русское население, занесенное судьбою на крайний север, значительно изменившееся в своем этнографическом типе и частью обьякутившееся, все же сохранило кое-что из бывшего запаса эпических песен, появились сравнительно недавно. В 1890 году Восточносибирским отделом И. Р. Географического общества был издан (в Иркутске) «Верхоянский сборник», содержащий якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе Якутской области покойным этнографом И. А. Худяковым, который проживал (в ссылке) в городке Верхоянске с 1807 по 1875 год. В этом окружном городе, лежащем под 67° 34 северной широты, состоящем из двух-трех десятков деревянных домишек и нескольких десятков якутских юрт, Худяков нашел у якутов несколько сказок, перешедших к ним от русских поселенцев, несколько старых сказок у русского населения, составляющего меньшинство даже в город, и две-три эпические песни. В числе последних оказалась довольно обширная былина о бое Алеши Поповича с Тугари-

ном¹ и сильно скомканный, почти до неузнаваемости, вариант былины, обыкновенно издаваемой под заглавием «Наезд литовцев»². Русские сказки и названные былины были записаны Худяковым от уроженца еще более глухого, чем даже Верхоянск, русского поселка «Русское устье», лежащего близ впадения реки Индигирки в Ледовитый океан. Вот в какой глуши, благодаря полной почти изолированности от всякого культурного движения, еще хранится эпическая старина! Сильно объякутившись, занимаясь рыбной ловлей и охотой и ведя одинаковый образ жизни с туземным, якутским населением, русские колонисты не только сберегли кое-что из запаса родных песен и сказок, но и передали некоторые из последних якутам на их родном языке.

Понятно, что, при скудости наших сведений о песнях и сказках русского населения Якутской области, всякий новый взнос в эту темную область должен вызвать интерес в русском этнографе. Такою любопытной новинкой являются несколько песенных записей, доставленных недавно Этнографическому отделу г. Влад. Богоразом, членом Сибиряковской экспедиции, имеющей целью научное исследование Якутской области. Издавая ниже из сборника г. Богомаза *три* былины, записанные им в Средне-Колымске, считаем нелишним привести целиком предисловие, предпосланное собирателем присланным им материалам (содержащим всего семь песен).

«Былины о богатырях, по местному *старинны*, наряду со старинными песнями, сказками и многими старинными словами и оборотами речи, до последнего времени сохранялись в памяти русского населения на р. Колыме.

---

¹ Перепечатана в «Былинах старой и новой записи» Тихонравова и Миллера. Отд. II, № 29.

² В Верхоянском сборнике эта былина носит название «Царь Елизар», стр. 307–310.

По рассказам, лет 30–40 тому назад еще были живы люди, которые знали много старин от слова до слова. Девки распевали их на зимних *вечёрках*, а парни – на весенних гулянках во время ярмарки. В настоящее время старины почти совершенно утрачены из народной памяти, и от них сохранились только некоторые беспорядочные отрывки. Главной причиной этого является отсутствие особых лиц, которые, подобно сказителям Олонецкого края, специализировались бы на хранении старин в своей памяти и могли бы передавать их от поколения к поколению. Старины в Колымском крае составляли общее достояние и, вообще говоря, не сказывались, а распевались на разнообразные песенные голоса, подобно обыкновенным песням. Но даже колымские *посказатели*, существовавшие, по рассказам, в старину, никогда не смотрели на хранение старин как на особо важное дело и не заботились о передаче их молодому поколению. Помимо того, оспа, неоднократно опустошавшая население края, каждый раз уносила такую значительную часть стариков (как более слабых и немощных элементов), что почти прерывала преемственную связь между поколениями. Из-за опустошений, производимых оспой, терялись не только старины, но даже многие ремесленные навыки, существовавшие прежде. Наконец, новые “российские” песни самого разнообразного характера, во множестве заносимые на Колыму ссыльными различных категорий, издавна стали вытеснять *старинную старину* и, отлагаясь рядом последовательных наслоений, разрушили и наполовину погребли плоды исконного народного творчества, принесенные первыми казаками.

Содержание колымских песен действительно напоминает ряд геологических наслоений. Здесь можно встретить обрывки “старины”, Скопину песню начала XVII века, песни казачьего и разбойничьего цикла, пес-

ню о Петре Алексеевиче, песню времен Семилетней войны, песню об атамане Платове, старинные романсы 20-х, 30-х и 40-х годов, “Прощание Тамары” из “Демона”, мало-российскую думу, наполовину переведенную на местное наречие, а наполовину просто исковерканную, арестантскую песню новейшей формации и продукт фабрично-лакейского просвещения, основанного на песенниках и на заимствованиях от господ. Все это существует большею частью в самом искаженном виде, ибо слова и выражения, непонятные для убогих жителей полярного края, искажаются или переименовываются на более понятный лад. Окончание одной песни приставляется к другой, отрывок, уцелевший в памяти, заканчивается совершенно бессмысленным набором слов местного производства, без того чтобы поющие замечали какое-либо различие между составными частями.

Прилагаемые при сем старины записаны мною от мещанина Соковикова, по прозвищу Кулдаря, на заимке Черноусовой, в области Нижней Колымы, и дополнены отчасти вариантами, записанными от других лиц. К сожалению, даже в таком дополненном виде они являются лишь скомканными и упрощенными вариантами старин, очевидно, существовавших еще недавно в гораздо более полном виде».

Отметим прежде всего в этих интересных замечаниях г. Богораза о колымских песнях его наблюдение, что так наз. былины носят у колымцев то же название *старин*, под которым они известны в Олонецкой губернии. Это вполне подтверждает высказанное мною предположение, что название *былина* не народного, а литературного происхождения и вошло в нашу научную терминологию не раньше 60-х годов. Естественно, что былевые песни, перешедшие вместе с колонистами из Европейской России в Сибирь, сохранили свое прежнее

название в новых местах. Сообщаем теперь «старины», записанные г. Богоразом.

I
Старина про Михаила Данильевича¹

- Что под славным городом под Киевом,
Выступает подратье великое,
Что подратье ли той силы незнамыя,
Что незнамыя силы неизсчетныя:
- 5 Еще сорок царей, братцы, царевичей.
Еще сорок королей, королевичей;
И под каждым царем, под царевичем,
Под каждым королем, королевичем,
Еще по три было тмы, по три тысячи,
- 10 Еще сметою сила, ей и счета нет.
Как не видно от силы светла месяца,
Как не видно во силе красна солнышка.
Набольшим Тит Фарафонтьевич:
Долиной он Тит двадесят сажен,
- 15 Шириною он Тит во три сажени,
Голова его как пивной котел,
Ноги его, как два ясени,
Руки у Тита железныя,
Персты-то, как копыя булатныя.
- 20 Он и хвалится, похваляется:
«Стольный Киев я град без щита возьму²,
Божии церкви во огне спалю,
Как девиц и вдовиц всех на блуд спущу,
Еще мелкую сошку повырублю,

---

¹ В рукописи г. Богоразом эта былина озаглавлена так: «Старина про Тита Фарафонтьевича».

² Вместо обычного в былинах выражения: «за щитом возьму».

- 25 Солнышка Владимира (во котле сварю)
Душеньку Евпраксию за себя возьму»¹.
Тут и пали, перепали перенощички,
Перенощички пали, пересказнички.
Принесли они вести ко Владимиру,
- 30 Что хвалится Тит Фарафонтьевич:
Стольный Киев град он без щита возьмет,
Божия церкви все в огне сожжет,
И девиц и вдовиц всех на блуд отдаст,
Мелкую сошку повырубит,
- 35 Князя Владимира во котле сварит,
Душеньку Евпраксию за себя возьмет.
Закручинился тут солнышко Владимир князь,
Собирает он славных витязей,
Всех святорусских могучих богатырей:
- 40 «Подступает рать-сила великая, –
Кто заступит за веру христианскую,
Что за Мать Пресвятую Богородицу?»
Большой-от хоронится за среднего,
Средний хоронится за младшаго,
- 45 От младшаго, братцы, и ответа нет.
Тут стояла та скамеечка дубовая,
На скамеечке сидел Данила Игиатьевич:
«Ах ты гой еси, батюшка Владимир князь!
Теперь я, Данилушка, состарился,
- 50 А еще далече-далече во чистом поле,
Еще далее того за сине море,
Тут стояло то дубище кокроковище²;
У этого дубища один отростель, –
У меня-то у Данилы есть единый сын,

---

¹ Вар.: Князя Тимофея в полон возьму.
Молоду его княгиню за себя возьму.

² Искажено из *кряковистое*.

- 55 Что по имени Мишенька Данильевич.
Кабы был-то мой Мишенька во пятнадцать лет,
Заступил бы за веру христианскую.
А то отроду Мишеньке двенадцать лет,
Не может он, Миша, на коне сидеть,
- 60 От вострой от сабли укрывается,
От востраго копья он пужается!..»
Ну, поклон отдал, сам и вон пошел,
В монастырь пошел Богу мо́литись.
Тут спроговорил наш солнышко-Владимир князь:
- 65 «Ах вы, слуги мои, слуги, слуги верные,
Вы возьмите мою карету золóченую,
Поезжайте вы к Мишеньке Данильевичу
Помалешеньку к окошечку подъедете,
Со молитвою в окошечко постукайте.
- 70 Вы скажите Мише: «Тея князь зовет!
Уж про что тебя зовет, про то не ведаем».
Подходили ко Мише со молитвою,
Говорили Мише: «Тея князь зовет!
А про что тебя зовет, про то не ведаем!»
- 75 И вставал-то мой Миша на резвы ноженки,
Надевал он свою шубу черных соболей,
Надевал свою шубу на одно плечо,
Надевал он свою шляпу на одно ухо,
Он садился во карету золоченую,
- 80 Приезжает он ко солнышку Владимиру,
Входит он во светлу гриденку,
Он крест кладет по-писаному,
Поклон отдает по-ученому,
Он кланяется на все четыре стороны,
- 85 А князю со княгиней по особице.
Принимали-то Мишу с честью, с радостью;
Вставал-то тут солнышко Владимир князь,

- Подходил к поставцу белодубову,
Наливал-то он чару зелена вина,
90 Зелена вина чару в полтора ведра:
«Кто примет чару единой рукой,
Кто выпьет чару на единый дух?
Кто заступит за веру христианскую?»
Подходил-то Миша к чаре зелена вина.
95 Принимал тое чару единой рукой,
Выпивал тою чару на единый дух,
Сам поклон отдал да и вон пошел.
Садился тут Миша на добра коня,
Подъезжает он ко келье, новой рубленой,
100 Постучал он в окошко со молитвою
Свому батюшке Даниле Игнатьевичу:
«Дай ты мне, батюшка, благословеньице:
Выезжаю во далече во чисто поле,
Заступаю за веру православную!»
105 И дал ему батюшка благословение:
«Ты возьми с собой крепку палицу,
Котора всех полегче – в девяносто пуд.
Ты поди, поди во конюшенку
И возьми ты коня поученей всех!»
110 Еще дал ему наставленьице великое:
«Ты бейся, Миша, только трое сутки,
Со подъема солнца на закат солнца,
Со заката солнца на подъем солнца,
На четвертые сутки воротись домой».
115 Входил-то он, Миша, в нову горенку,
Он палицу брал потяжеле всех,
Еще весом она в полтора пуд,
Проходил, братцы, Миша во конюшенку,
Он коня выбирал посердией всех.
120 Воезжает он во силу во неверную.
Тут спроговорил Тит Фарафонтьевич:

- «Что это за пташечка за малая?
Малая пташечка перелетыват,
Перелетыват пташечка, перепархиват».
- 125 Не стал он, Миша, разговор вести,
Зачал Миша битися-рубитися.
Первый день бился день до вечера,
Осеннюю темну ночку до бела света,
Не пиваючи Миша, не едаючи,
- 130 Со добра коня Миша не вставаючи.
Второй день бился день до вечера,
Осеннюю темну ночку до бела света,
Не пиваючя Миша, не едаючи,
Со добра коня Миша не вставаючи.
- 135 Третий день бился день до вечера,
Осеннюю темну ночку до бела света.
Не пиваючн Миша, не едаючи,
Со добра коня Миша не вставаючи.
Тут приходили ему бои несносные,
- 140 На четвертые сутки Мишеньку поранили.
Поворачивал коня он круто-накруто,
Поскакал Миша в стольный Киев град,
Подъезжает Миша к своему двору.
Тут встречает его Данило Игнатъевич,
- 145 Сонимал он Мишу со добра коня,
Положил его на лавочку дубовую,
Покрыл его платом алым шелковым,
Сам садился Данила на добра коня,
Взял он с собой тяжку палицу,
- 150 Что весом та палица в полтретьяста пуд,
И выехал в силу во неверную.
Куда махнет, туда улица,
Перемахнет – с переулочками.
Неверную силу в корень вырубил,

- 155 Тита Фарафонтьича ко коню за хвост связал.
Приезжает Данилушка к своему двору, –
Его Мишенька Данильевич представился.
Повернул он коня от нова крыльца,
Он поехал ко солнышку-Владимиру:
- 160 «А к чему вам было малаго запаивати?
А к чему вам было малаго подговаривати?
Тут спроговорил солнышко Владимир князь:
«Ах ты гой еси, Данилушка Игнатъевич!
А мы похороны справим княженецкия,
- 165 Созовем попов с сорока церквей,
Сорок перваго владыку Софийскаго,
И честнаго отца Печережскаго;
Отпоем ему память вечную,
Еще тризну мы справим шестидневную,
- 170 Нищей братъе на угощение,
Честному миру напоминание!»

Приведенная былина представляет уже тот интерес, что рассказывает о подвиге богатыря, сравнительно мало известного современным сказителям. О богатыре-двенадцатилетке до сих пор мы имели только четыре былинные записи, из которых в двух он, впрочем, носит имя Ивана Даниловича. Колымская старина отличается от всех раньше известных весьма существенно, как покажет дальнейшее сравнение. Для большей наглядности будем сравнивать ее по частям с прежними записями.

1. Вместо обычного пира у князя Владимира былина открывается описанием неисчетной силы басурманской, подступившей к Киеву под предводительством какого-то исполина Тита Фарафонтьевича, посылающего обычные эпические угрозы князю. Князь вызывает охотника заступиться за веру христи-

анскую и за Мать Пресвятую Богородицу. После обычного хоронения ответ князю дает старый богатырь Данило Игнатьевич, который, указывая на свою старость и на детский возраст своего сына Михаила, затем уходит в монастырь. Князь, надеясь на силу богатырского мальчика – сына Данилы, посылает за ним, угощает его чарой зелена вина и подбивает ехать биться с басурманскою силою...

Запись *a*¹ открывается пиром у Владимира в Киеве. Обычное хвастанье богатырей. Один Данила Игнатьевич сидит закручинившись. Князь спрашивает, почему он один ничем не хвастает. Данило говорит о своей преклонной старости и просит отпустить его в монастырь. На вопрос князя, кто будет по его уходе защитником Киева, Данило указывает на своего сына, не говоря о его возрасте. По удалении Данилы в монастырь неверный царь подступает к Киеву с обычными угрозами и требованием поединщика. Князь вызывает охотника. Откликается один Михайло Данилович двенадцати лет и собирается ехать против басурманского царя...

Запись *b*² имеет почти то же начало, с тем отличием, что вместо Владимира в Киеве сидит царь Иван Васильевич и что уходящий в монастырь Данило Игнатьевич обещает, что защитником города будет его сын, но не теперь, так как ему только 9 лет, а тогда, когда ему минет двенадцать. Однако, как только по уходе Данилы подступили к Киеву орды неверные, богатырский сын, названный здесь Иваном, вызывается ехать с ними биться, испивает обычную чару и выезжает...

Весьма плохой вариант *в*³ с полуразрушенным стихом открывается кратким указанием, что сильный могу-

¹ Из Онеги, Арханг. губ. см. Киреевский, вып. III, стр. 41–51.

² Гильфердинг, № 192 (от сказителя Лисицына).

³ Из Симбир. губ. См. Киреевский, вып. III, стр. 39–41.

чий богатырь (неизвестного возраста) Данило Игнатьевич ушел в монастырь. Затем к Киеву приступили орды неверные. К расплававшемуся Владимиру приходит двенадцатилетний Иван Данилович и обещается биться с басурманами. Все это рассказано очень кратко.

Наконец в варианте *д* «Гистории о Киевском богатыре Михаиле сыне Даниловиче двенадцати лет», известной в записи XVIII века¹, рассказывается, что на пир Владимира приходит гонец с известием о приближении из Большой орды царя Бахмета Тавруевича с огромною силою. Князь вызывает из богатырей охотника, который вынял бы из-под знамени человека первого, ведающего думу царскую. Вызывается малолетний Михайло Данилович. Князь указывает на его молодость, но Михайло решается все-таки ехать... Об уходе его отца в монастырь былина не говорит, так что начало ее, по-видимому, пострадало, несмотря на давность записи.

Сопоставление вариантов указывает на то, что в основной редакции в рассмотренной части былины были: а) уход старого богатыря Данилы в монастырь, б) приступ к Киеву басурманской силы под предводительством царя, которого имя нельзя определить (Бахмет, Улянище, Тит Фарафонтьевич) и в) вызов князем Владимиром охотника биться с басурманами, причем сам вызывается малолетний сын Данилы. Колымская былина содержит все эти факты, но *а* и *б* поменялись местами.

Прежде чем пойти дальше, постараемся уяснить один вопрос, от которого зависит, как увидим, оценка достоинства колымской былины: оставлял ли в основной редакции уходящий в монастырь старик Данила безусловно своим заместителем своего сына-малолетка

---

¹ Р. былины старой и новой записи, изд. Тихонравова и Миллера. Отд. I, стр. 61–67.

или нет? В колымской былине Данила, указывая на своего сына, говорит:

Кабы был то мой Мишенька в пятнадцать лет,
Заступил бы за веру христианскую,
А то отроду Мишеньке двенадцать лет,
Не может он Миша на конь сидеть *и проч.*

В варианте *б* (Гильфердинг, № 192) Данила также заявляет, что его сын раньше известного возраста, которого он не достиг, не может быть защитником Киева. Но в варианте *а* (Арханг. губ.) Данила без всякого условия оставляет своим заместителем сына Михаила, не говоря о его возрасте. Однако из дальнейшего видно, что это условие просто позабыто сказителем, так как отец впоследствии удерживает сына, пришедшего к нему в монастырь за благословением, и говорит, что он потеряет свою буйную голову. Также удерживает сына старик-отец в испорченном варианте *в* (Симбир. губ.) и в «Гистории» XVIII в., в которых вначале вовсе не упоминается о том, что богатырь-малолеток оставлен отцом своим заместителем. В последней версии, как мы видели, не сохранилось даже рассказа об уходе Данилы в монастырь. Из сопоставления всех наличных записей можем вывести, что колымский вариант сохранил в наибольшей чистоте черты первоначальной редакции, в которой уходящий в монастырь отец объявлял своим заместителем сына только по достижении им известного возраста (вероятно, пятнадцати лет, года богатырского совершеннолетия).

Продолжаем сравнение другой части былины. Михаил (в колымской былине) вместе с благословением отца получает от него палицу, коня и наставление, причем былина указывает на то, что по юношеской са-

монадеянности сын, вопреки словам отца, взял палицу не в 90, а в 150 пуд, коня самого сердитого, и таким образом нарушил наставление. После трехдневного боя Михайло получает рану и скачет домой. Данило, положив тяжелораненого на лавку, выезжает, чтобы отомстить за него, вырубает всю силу басурманскую и берет в плен ее предводителя. Однако по приезде домой он не застаёт уже сына в живых и обращается с упреками к князю Владимиру, который в утешение отцу заявляет, что справит торжественные похороны его богатырскому сыну.

Вторая половина во всех прочих четырех записях значительно отличается от колымской, причем, однако, эти записи не согласны во многом и между собой.

В вар. *a* Данило говорит, что не спустил бы сына в чисто поле:

Теперь отроду, Михайло, те двенадцать лет:
Да потеряешь ты, Михайло, свою голову!

Однако, когда сын отъехал, отец кричит ему вслед, чтоб он подождал и получил полное благословение. Затем указывает ему, как достать из подземелья богатырского коня, служившего еще деду Михайлову, и богатырскую сбрую (т.е. доспехи). Достав то и другое, Михайло рубится с басурманами. Конь предупреждает его о татарских подкопах и говорит, что через первые два погребца он перескочит, а через третий не сможет перескочить. Михайло не слушает коня и попадает в подкоп. «Уланове поганые» берут его в плен, заковывают и ведут к царю Уланищу. Михайло, укрепленный молитвой, разрывает путы и ослядью железною избивает татар. Затем к нему прибегает его конь, и Михайло отсекает голову царищу Уланищу. На возвратном пути

в Киев он встречается в поле отца, который, приняв сына за Уланища, грозил рассечь его клюкою. После опознания старец возвращается в монастырь, а Михайло – Киев, где Владимир дивится огромной голове царица Уланища и заводит пир.

В сильно скомканном варианте *в* (Симбир. губ.) рассказывается кратко, что Иван Данилович, получив от отца благословение, коня и сбрую богатырскую, выехал на силу басурманскую, но слетел с разъярившегося коня, который поскакал к его отцу в монастырь. Почему богатырь упал с коня – не объяснено, так как эпизод с подкопами позабыт. Затем Иван Данилович пеший схватывает татарина и, махая им, избивает всю силу басурманскую, после чего ложится отдыхать в шатре. Между тем отец, узнав по прибежавшему коню о несчастье сына, скачет в поле и сшибает стрелой шатер, где и открывает спящего сына. Богатыри возвращаются в Киев, где князь Владимир встречает их с местными образами.

В вар. *б* (Гильфердинг, № 192) Иван Данилович, не доезжая до силы басурманской, ложится спать в поле. Утром конь предупреждает его о трех подкопах и говорит, что через третий не перепрыгнет. Иван Данилович не слушает коня и попадает в подкоп. Связанный путинками шелковыми и железами немецкими, он разрывает их и татаринном избивает всю неприятельскую силу. Этим былина кончается, очевидно, позабыв об отце Ивана Даниловича.

Наконец, весьма значительно от всех прочих вариантов отличается запись XVIII в. былины о Михаиле-двенадцатилетке. Бой Михаила с силами Бахмета Тавруевича описан очень пространно: сначала он избивает трех сильных богатырей, братьев братовичей – а с ними силы по три тысячи; затем семь князей ширских,

а с ними силы по семи тысяч, потом сорок царевичей с их силами. Басурманы просят у него перемирия на три дня; он соглашается и три дня спит в шатре без просыпу. Во время его сна неприятели изготовляют подкопы. Предупреждения богатырю от коня нет. Михаил, свалившись в подкоп, попадает в плен. Бахмет предлагает ему служить у себя. Михаил с презрением отказывается. Когда его ведут на казнь, он разрывает железа и осью ордынской телеги добывает последнюю силу, Бахмет просит пощадить его и отпустить в Золотую орду. Михаил дает ему пощадку и возвращается в Киев. Роль отца Михаила в этой былине ограничивается наставлением сыну, но зато былина не кончается, как прочие (кроме крымской), счастливым возвращением юного богатыря. По наговору, Владимир не поверил рассказу Михаила и засадил его в погреб. Посланный для проверки его рассказа Илья Муромец убедился в справедливости его слов. Михаила выводят из ямы, и князь хочет его наградить, но оскорбленный богатырь уезжает из Киева к отцу в монастырь с целью постричься в монашеский чин.

Итак, из сопоставлений всех доселе известных записей былины о Михаиле-двенадцатилетке мы видим, что в двух вариантах (арханг. и симбирском) юный богатырь, совершив подвиг, встречает почет у князя Владимира в Киеве; один (Гильфердинга) ничего не знает о возвращении богатыря к царю Ивану Васильевичу, заменяющему Владимира: в одном Михайло засаживается Владимиром по наговору в погреб и затем, выпущенный, уходит навсегда из Киева в монастырь; в одном (колымском) также сходит со сцены вследствие полученной раны. Спрашивается, каков был исход в первоначальной редакции былины и каким являлся

князь Владимир по отношению к Михаилу? Нам кажется, что колымская былина сохранила вместе с записью XVIII века черты большей верности основной редакции, чем варианты архангельский и симбирский, верности в том отношении, что в обеих кн. Владимир играет не совсем красивую роль. В колымской былине он, вопреки предупреждению Данилы, что его сын еще не дорос до совершения подвигов, вызывает Михаила к себе и побуждает ехать на басурманов. Поэтому, когда малолетний богатырь умер от раны, отец его упрекает Владимира за опаиванье и подговариванье его сына. В «Гистории» Владимир засаживает юного героя в яму. Кончалась ли основная былина смертью Михаила или удалением его в монастырь, во всяком случае юный богатырь в ней сходил со сцены, и былина не исходила пиром, заданным в его честь князем. Удаление Михаила подтверждается невскими легендами о Михайлике или Михалке, разобранными акад. Веселовским¹ и мною².

Вспомним, что, по версии этой легенды, у Кулиша Михайлик удаляется из Киева в Царьград, по версии Трусевича – уезжает из города неизвестно куда, по версии Драгоманова – за какие-то горы; словом, всюду роль его ограничивается одним подвигом, по совершении которого он исчезает. Таким образом, нужно думать, что былина о Михаиле перешла в Сибирь в редакции более близкой к первоначальной и что современные ее записи в Европейской России являются результатом более поздней ее переработки. В этом, на наш взгляд, и заключается главный интерес колымской былины.

---

¹ Южнорусские былины, I, стр. 1–9.

² См. выше стр. 501–511.

II Старина про Добрыню Микитьевича

- Оставалось у Никиты все житье-бытье,
Все житье-бытье осталось имение,
Все имение осталось малу детищу,
А по имени Добрынюшке Микитьевичу.
- 5 А не белая береза земле клонится,
А не шелкова трава в поле устилается,
Еще клонится родной сын перед матерью:
«Еще дай ты мне, матушка, благословение
Итти мне стрелять гусей-лебедей,
- 10 Перелетных серых уточек!
Ну хоть дашь – пойду и не дашь – пойду».
Стала ему матушка наказывати:
– Ах Добрыня, ты Добрыня, ты Микитьевич,
Ах ты детище мое ты любимое!
- 15 Ну захватят тебя зори петровския,
Еще те же солнцопеки меженные.
Ну захочется помыться, покупатися,
А ты плавай, Добрыня, на перву струю,
А ты плавай, Добрынюшка, на втору струю,
- 20 Не доплавливай, Добрыня, на третью струю.
Еще третья та струя быстрым быстра,
Унесет тебя на море, море синее,
На синее море, море Греческо,
Донесет тебя ко камешку Алатыру,
- 25 Ко тому ко змеинищу Горынищу» –
Захватили его зори Петровския,
Еще те же солнцопеки меженные;
Захотелось помыться, покупатися.
Плавал Добрыня на перву струю,

- 30 Плавал Добрыня на втору струю,
Со второй струи назад ворачивается.
Тут сказали его слуги верные:
«А не честь твоя хвала молодецкая,
А не выслуга твоя богатырская,
- 35 Не доплыл ты, Добрыня, на третью струю».
Доплывал Добрыня на третью струю.
А третья та струя быстрым быстра,
Унесла его усть моря, моря синяго,
Того ли синя моря, моря Греческаго,
- 40 Донесла его ко камешку Алатыру,
Ко тому ли ко змеиницу Горынищу.
Вылетал-то тут змеинище Горынище,
Веют крылья его гумажные,
Звенят его хоботы железные:
- 45 «Ах Добрыня, ты Добрыня, сын Микитьевич!
Святы отцы писали, прописалися,
И волшебники волшили проволшилися,
Будто мне от Добрыни-то и смерть принятьь,
А теперь ты, Добрыня, во моих руках.
- 50 Еще хошь ли, Добрыня, хоботом схвачу?
Еще хошь ли, Добрыня, во огне спалю?
Еще хошь ли, Добрыня, целиком сглочу?»
А горазд-то был Добрыня по воде ходить,
Поперед его нырнул, сзади вынырнул,
- 55 Выходил он Добрыня на крутой бережок.
Не случился у Добрыни его добрый конь,
Не случилась у Добрыни сабля вострая,
А случилась только шляпа белоеломка.
Нагребал он в тоё шляпу хрущата песка,
- 60 Еще той ли земли, земли греческой,
Ну стрелял он во змеинища Горынища,
Отбивал он его хоботы железные,

- Обрывал он его крылья гумажные,
Падал-то змеинище на сыру землю.
- 65 Ретив был Добрынюшка Микитьевич,
Подбежал он ко змеинищу Горынищу,
Вынимал у него он булатный нож,
Распорол ему груди белыя,
Отмахнул ему буйну голову,
- 70 Разрывал он змеинища по мелким частям,
Разбросал на все четыре на стороны.
Пошел Добрынюшка по бережку;
Плывут мимо корабельщики:
«Ой вы гости, вы гости, корабельщики!
- 75 Увезите меня в стольный Киев град,
Довезите к родимой моей матушке!»

Приведенная *старина* посвящена одному из наиболее популярных эпизодов эпической биографии Добрыни и среди многочисленных вариантов того же сюжета не может претендовать на выдающееся место. Рассказ о бое Добрыни со змеем Горыничем в ней значительно упрощен и скомкан. В других вариантах это похождение Добрыни рассказывается иногда в нескольких сотнях стихов. За первой стычкой Добрыни со змеем следует уговор, заключаемый между бойцами: Добрыня пощадит змея на условии, чтоб он не летал на Русь, не похищал православный народ в свои пещеры. Затем Добрыня возвращается к матери и по пути видит, как змеем летит, похитив княжескую племянницу Запаву Путятичну. Добрыня приезжает в Киев. Князь возлагает на него службу – добыть Запаву от змея. Добрыня едет к матери, которая дает ему наставления, как биться со змеем. Далее следует подробное описание второго боя со змеем и возвращение Добрыни с Запавой. Колымская былина утратила бóльшую часть

этого содержания, но все-таки сохранила некоторые, на наш взгляд, интересные черты старины. Так, европейские пересказы этого сюжета начинаются или просьбой Добрыни к матери дать ему благословение на отъезд, т.е. стихами:

А не белая береза к земле клонится,
Клонится родной сын перед катушкой *и проч.*

или наставлением матери отъезжающему сыну, или описанием сборов Добрыни в чистое поле. Об отце его Никите олонецкие варианты ничего не знают. Колымский же вариант запомнил, хотя не вполне, кое-что о Никите: начальные стихи, вероятно, говорили прежде о его смерти, после чего уже следовали стихи:

Оставалось у Микиты все житье-бытье *и проч.*

Любопытно, что память об отце Добрыни сохранилась только в Сибири, в одной обширной былине, записанной С. Гуляевым в Барнауле¹. Здесь подробно рассказывается о выезде богатыря Никиты Романовича из Рязани в Киев, о его приезде ко князю Владимиру и просьбе, обращенной к князю, отпустить его в монастырь.

«Ой ты, гой еси, ласковый Владимир князь!
Ты давай мне попа, отца духовнова,
Давай ты игумна и постриженника.
Давай монаха и учителя –
При старости мне душу спасти».
И проговорил ласковый Владимир князь:

---

¹ См. Русские былины старой и новой записи – Тихонравова и Миллера, т. II, № 21.

«Гой еси ты, удалой добрый молодец,
Гой еси Никита сын Романович!
На кого ты оставляешь стольный Киев град?
На кого оставляешь меня, князя Владимира?»
Проговорил Никита, сын Романович:
«Я надеюсь на чадо свое милое,
На того ли на Добрыню на Никитича.
Проговорил ласковый Владимир князь:
«Гой еси, Никита, сын Романович!
Он малешенек ишшо и глупешенек,
Глупешенек – только трех годов. –
Он дает ему попа, отца духовнова,
Дает игумна и пострижника,
Дает монаха и учителя.

Немного Никита пожил – переставился;
Остается у Никиты житье-бытье,
Остается у Никиты все богатство,
Остается у Никиты молодая жена,
Молода Амельфа Тимофеевна;
Остается у Никиты чадо милое,
Молодой Добрыня Никитьевич» *и проч.*

Приведенное начало барнаульской былины представляет интерес и для обеих вышерассмотренных колымских былин. Очевидно, в «старинах» о Добрыне, занесенных в XVII в. в Сибирь, еще была какая-то память об отце Добрыни и некоторые сказители представляли его себе таким же уходящим в монастырь богатырем, как Данило Игнатьевич. Вероятно, последний и дал краски для изображения отца Добрыни. Таким образом, барнаульская былина, с одной стороны, подтверждает известность в Сибири старины о Даниле Игнатьевиче и его сыне, записанной г. Богоразом, с другой – дает несколько стихов для восстановления ко-

лымской же старины о Добрыне. Из других подробностей последней может быть отмечено название синего моря *Греческим* (ст. 23) название, кажется, не встречающееся в других былинах. Может быть, в этом следует видеть случайно сохранившуюся черту древней редакции. Своеобразно также окончание былины – просьба, обращенная Добрыней к корабельщикам отвезти его к матушке в Киев.

III Старина про Алешу Поповича

- Что из города из Чернигова
Выезжает Алеша Попович млад;
За Алешею Аким, слуга-паробок,
И поехали ко стольному они Киеву.
5 Что во Киеве беда там случилася:
Покорился Киев Тугарину Змеевичу,
Поклонялся Тугарину поганому.
Садился Тугарин в оголов стола,
Овладал он у Владимира Евпраксиною,
10 Не неволей ее взял, а охотою;
Опоганил он церкви православныя.
Осмердил девиц, молодых вдовиц,
Истоптал он конем всех малых детей,
Попленил Тугарин всех купцов, гостей...
15 Приезжает Алеша в стольный Киев град,
Всходит Алеша во светлу гриню:
Он крест кладет по-ученому,
Он поклон отдает по-писаному,
Он кланяется на все четыре стороны,
20 А князю со княгиней на особице.
Принимали Алешеньку с честью-радостью.

- Тут спрговорил солнышко Владимир князь:
«Ах Алешенька, Алеша, ты Попович млад!
Первое тебе местице переднее,
25 А второе тебе местице подле меня,
А третье место где вы хочете».
Говорит тут Алешенька Попович млад:
«Мое местице за печкою!»
Собираются к столу хлеба кушати.
30 И приходит Тугарин Змеевич млад,
И садится Тугарин в оголовь стола,
А по право-то княгиня Евпраксия,
А по лево-то Владимир красно солнышко.
Поднесли ему лебедь белую,
35 Он хватил ее, целиком сглотил.
Говорит тут Алеша Попович млад:
«Ах Яким, ты Яким, слуга-паробок!
Как у нашего попа, света батюшки,
У Семена у света, у Ростовского,
40 Была-то собака обжорчивая:
По сметьям¹ собака волочилась,
Костью собака подавилася,
От того ей смерть случилася.
Тугарину Змеевичу ту же смерть принять».
45 Принесли тут кашицу ведерную,
Тугарин схватил, сразу выхлебнул.
Говорит тут Алеша Попович млад:
«Ах Яким, ты Яким, слуга-паробок!
Ты помнишь ли, Аким, памятуешь,
50 Как у нашего попа-батюшки,
Как у Семена, света Ростовского,
Была корова обжорчивая.
Она кашей-бардой охлебалася,
От того-то и смерть ей случилася.

---

¹ Сор, пыль и все, что выметается из избы.

- 55 Тугарину Змеевичу ту же смерть принять».
Тугарину эти речи не взлюбилися,
Вынимал он ножище-чингалище,
Стрелял он Алеше во белы груди.
Не допустил тут Аким слуга-паробок
- 60 На полете поймал он кинжалище:
«Ах хозяин, ты хозяин, ты мой ласковый!
Как дары эти прикажешь ты –
Иль назад отдарить, иль себе сохранить?»
Не стреляй ты во Тугарина Змеевича,
- 65 Не скверни ты палаты княженецкия
Его кровью собачью!
Заутра я с ним, собакой, переведаюсь,
Переведаюсь с Тугарином во чистом поле». –
На заре утром ранешенько
- 70 Приезжает Алеша Попович млад:
«Ты спишь ли, Тугарин, или так лежишь?
Не докуда тебе спать, пора в поле выезжать!»
Вылетает Тугарин из нова терема,
Вылетает из княгининой из спаленки,
- 75 Из того ли из окошка из косящата.
Веют крылья его гумажные,
Звонят его хоботы железные,
Из ноздрей его как бы дым валит,
Изо рта его как огонь палит.
- 80 Налетел он на Алешеньку Поповича:
«А-ха-ха, братцы, хо-хо, расхохонюшки!
Святы отцы писали прописалися,
И волшебницы большие¹ проволшилися,
Будто мне от Алешеньки и смерть принять.
- 85 А теперь Алеша во моих руках;
Что хочу над Алешей, то и сделаю!»

---

¹ Читай: волшили. – Примеч. г. Богораза.

- Тут взмолился Алешенька Попович млад:
«Ах Ты Мать Пресвятая Богородица!
Ты нашли, нашли тучу грозную,
90 Тучу грозную со крупным дождем!»
Не откуль-то взялась туча грозная,
Туча грозная со крупным дождем,
Подмочила Тугарину крылья гумажные.
- 95 Тут хватал-то Алеша саблю вострую,
Срубил он Тугарину буйну голову,
Распорол он ему белу грудь.
Вынимал его ретиво сердце,
Буйну голову поставил на востро копье».
- 100 Натыкал его сердце на кинжалище
И поехал назад в стольный Киев град,
И поехал ко княжему он терему.
На крыльце тут стоял Аким парубок:
- 105 «Еще знатно молодца по поездочке!
Едет-то Алеша Попович млад
И везет он голову Тугарина,
Везет его голову на остром копье!»
Говорит тут княгиня Евпраксия:
- 110 «Еще знатно сокола по полеточке!
Что летит-то Тугарин Змеевич млад
И несет он голову Алешину
И несет его голову на востром копье.
Подъезжает тут Алеша Попович млад,
- 116 Бросил голову об сыру землю.
Говорит княгиня Евпраксия:
«Еще то, братцы, бывает – и свинья гуся съедат!»
Говорит тут Алеша Попович млад:
«Ах кабы ты не княгиня была Евпраксия,
- 120 Я назвал бы тебя сукой б..... волочажною:
Волочилась ты под Тугарином Змеевичем!»

Прежде всего по поводу приведенной былины считаю нужным отметить интересный факт в истории распространения былинных сюжетов: Алеша Попович, как могучий богатырь, победитель Тугарина Змеевича, более известен в сибирских, чем в олонецких былинах. Бой Алеши с Тугарином в таком полном пересказе, какой представляет колымская былина и другие сибирские, о которых скажем ниже, не был отмечен в репертуаре лучших олонецких сказителей: Рябинина, Калинина, Щеголенка, Касьянова, Романова, Сорокина и др., хотя другие былины о том же богатыре, в которых роль его представляется очень некрасивой, оказались хорошо известными в очаге нашей эпической традиции. Из олонецких сказителей, известных Рыбникову и Гильфердингу, кое-что о бое Алеши с Тугарином помнили только Чуков (Бутылка¹) и Иевлев². Но достаточно просмотреть эти краткие и крайне скомканные былины, чтоб убедиться, как слаба память об Алеше-змееборце в Олонецкой губернии. Вместо известного сибирским записям выезда Алеши с его слугою Екимом (Акимом) в Киев. Бутылка начал свою былинку рассказом о том, что князь Владимир зазвал к себе на пир объявившегося в Киеве Тугарина, который обжирался на пиру. Алеша иронизирует над объедалой и опивалой. Тугарин пускает в Алешу ножом, который на лету подхватывает его паробок Аким и спрашивает Алешу:

«Ах же ты ей, Алешенька Левонтьевич!
Сам ли ты пойдешь али меня пошлешь
С Тугарином супротивиться?»
Говорил Алешенька Левонтьевич:
«Не куда уйдет гагара безногая».

---

¹ См. Рыбников, III, № 21.

² Гильфердинг, № 99.

Уезжал Тугарин во чисто поле.
Ко тому же времени на другой день
Выезжал Алеша во чисто поле,
Стрелил Тугарина Змеевича,
И убил Тугарина Змеевича.

Этим былина кончается: сказитель не помнил никаких деталей боя и роли Опраксы, которая даже не упоминается. Вместо обычного для олонецких сказителей обширного объема былина сведена к 50 стихам, а между тем от того же сказителя Рыбниковым (и другими) было записано несколько пространных и ценных былин других сюжетов.

Былина Иевлева (такого же размера, как предшествующая) начинается прямо со встречи Алеши с Тугарином неверным на поле. Алеша едет, а Тугарин летит под облаком. Алеша молится о дожде. По его молению омочило у Тугарина бумажные крылья, он пал на землю и после короткого боя убит Алешей, который отрезал ему затем голову. Привязав голову к стремяни, он, подъезжая к Киеву, кричит каким-то бабам-портомойницам:

Ай же вы бабы-портомойницы!
Я привез-то вам буцище со чиста поля, —
Вы хоть платье мойте, а хоть зóлу варите,
Хоть всем городом с ..... ходите.

О помощнике Алеши Екиме и об отношении Опраксы к Тугарину былина не помнит. Тугарин даже не представлен в Киеве на пиру у князя Владимира.

Если от олонецких былин мы перейдем к сибирским о том же сюжете, то немедленно увидим, что они дают в пяти известных нам записях возможность довольно

детально восстановить первоначальную редакцию этой полузабытой в Европейской России былины. Кроме давно известной былины Кирши Данилова (№ 19) за последние десятилетия появились в печати три сибирские записи: С. И. Гуляева (Сузунский завод), И. А. Худякова (Верхоянский округ Якутской области) и Г. Н. Потанина (Бухтарма, в юго-западной части Томской губ.)¹. Ближе всего к колымской подходит былина, записанная также в Якутской области, в Верхоянском округе, в селе *Русское Устье*, лежащем близ впадения реки Индигирки в Ледовитый океан. Это до сих пор единственная былина, записанная (еще в 60-х годах) покойным Худяковым в этих поселениях на крайних пределах севера Сибири. Заметим, что и г. Богораз в конце своего предисловия к присланным им песням упоминает о существовании былин в этих поселениях: «Сколько мне известно, – говорит он, – обрывки старин и остатки старинных песен поются также на *Русском Устье* (устье р. Индигирки), в Анадырске и в других старинных казачьих поселениях полярных окраин восточной Сибири».

Якутская былина Худякова подробнее сохранила начало, чем колымская. В ней, как у Кирши Данилова и Гуляева, выезжающие богатыри Алеша и Еким встречают камень с надписью о трех дорогах и решают ехать к князю Владимиру. Но зато былина уже не помнит о городе Киеве, и неизвестно, где пребывает упоминаемый в ней солнышко Владимир. В дальнейшем колымская осталась вернее основной редакции. Худяковская забыла и собственное имя Владимировой жены. Затем бой Алеша с Тугарином рассказан в ней довольно близко к колымскому варианту, но последний живописнее в подробностях. В окончании больше различий: в колымской

¹ См. Русские былины старой и новой записи. Отд. II, № 29, 30 и прилож., стр. 282 и след.

Алеша на негодующие слова Евпраксии («Еще то, братцы, бывает – и свинья гуся съедат!») обзывает ее грубыми словами; в худяковской он ругает не только Владимирову жену, но и его самого. Когда приехавшему с головой Тугарина Владимир предлагает три места на выбор, богатырь на любезность отвечает грубостью:

Как был бы ты да не мой бы дядюка,
Я бы назвал тебя я бы прямо сводником,
Как бы не тетушка была бы, назвал курвой б...ю!

Вариант, записанный в Томской губернии на Сузунском заводе Гуляевым, также несколько подробнее вначале, чем колымский. Выезд Алешы с Екимом, выбор дороги, приезд в Киев к князю Владимиру, прием, оказанный богатырям, предложение места на выбор – все это рассказано довольно пространно. Далее встречается эпизод, отсутствующий в других сибирских записях, кроме прозаического пересказа г. Потанина, слышавшего былинку в пределах той же губернии. Получив позволение сесть куда хотят, Еким говорит Алеше:

«Няси-ко ты, Алешенька Попович млад,
То ковришко волокитное». –
Ковришку Владимир князь удивился:
«Хорошо-де ваше ковришко волокитное,
Красным золотом оно было вышивано,
В углах-то было вшивано
По дороге камню самоцветному:
От его от пацыря (?) как луч стоит,
Как луч стоит от красна солнышка.
Стели-ко его за пешной за стол».
И садятся они с Екимом за пешной за стол¹.

---

¹ Р. был. старой и новой записи, II, стр. 95.

Сохранив в этом эпизоде, по-видимому, деталь, принадлежавшую основной редакции, гуляевский вариант далее спутал роль Екима и Алеши, т.е. заставил их поменяться ролями. Еким трунит над Тугарином, вызывает его на бой, приказывает Алеше бежать к нему на выручку, если не вернется с боя через два часа. Бой описан обычными чертами. Но когда Еким срубил Тугарину голову, прошло два часа, и Алеша, согласно приказу, явился на выручку. Не признав Екима второпях,

Сбегался он с Екимом навстречу,
И бил его палицей боевой,
И сшиб со добра коня,
Протыкал ему грудь белую
Копьем мурзомецким
И угодил в крест чувственный.
Соскочил Алеша со добра коня,
Брал его на руки белыя,
Садил в седло черкатское.

Затем богатыри едут в Киев и отказываются от хлебосольтва Владимира, говоря ему:

На приезде гостя не учествовал,
На отъезде не учествовати.

Укоров Опраксе нет, потому что былина не упоминает об ее отношениях к Тугарину. Не зная Опраксы и спутывая роль Екима и Алеши, гуляевский вариант, несмотря на бóльшую полноту вначале, значительно по достоинству уступает колымскому.

Сличение всех рассмотренных выше записей дает нам возможность разъяснить ту путаницу, которую представляет всем давно известная обширная былина

Кирши Данилова с ее двойным боем Алеши с Тугарином. Рассмотрим ее содержание, отмечая, каким процессом складывались ее части.

Открывается она выездом могучих богатырей, Алеши Поповича и Екима Ивановича, из *Ростова*, сохранив в указании города черту глубокой старины, утраченную или искаженную прочими записями. Ростовское происхождение Алеши, точнее Александра Поповича, может считаться вполне доказанным. Богатыри встречают камень с надписью о трех дорогах и решают ехать в Киев. Не доехав до Сафат-реки, богатыри ночуют в шатре. Утром им встречается калика в обычной роскошной одежде и заявляет, что видел Тугарина Змеевича:

В вышину ли он Тугарин трех сажен,
Промеж плечей косая сажень,
Промежу глаз калена стрела;
Конь под ним как лютой зверь,
Из хайлища пламень пышет,
Из ушей дым столбом валит.

Алеша меняется с каликой одеждой, берет с собой его шелепугу в 50 пудов и наезжает на Тугарина. Тот спрашивает, принимая его за калику, не видал ли он Алешу, и грозит при встрече Алешу с копьем заколоть и огнем спалить. Переодетый Алеша, прикидываясь тугим на ухо, говорит ему подъехать поближе и ударом шелепуги сшибает его с коня, затем срубает ему голову и, надев на себя его платье, едет обратно к шатру, где его ждали Еким и калика. Последние, не признав его, испугавшись, поскакали к Ростову; но когда Алеша стал их нагонять, Еким, обернувшись, так сильно ударил тридцатипудовой палицей Алешу в грудь, что

тот замертво упал с коня. Принявшись пороть ему груди белья, Еким признал Алешу и привел его в чувство. Затем Алеша переодевается в свое богатырское платье, и оба едут в Киев к князю Владимиру.

Все несообразности этого эпизода, а их немало, объясняются тем, что сказитель внес в былину черты из другого сюжета, боя Ильи с Идолищем, назвав Идолище Тугарином. В описании последнего сквозят обычные чудовищные черты Идолища, и нет тех бумажных крыльев, с которыми изображается Тугарин. Встреча с каликой, как известно, и переодевание всегда предшествуют бою Ильи с Идолищем, причем переодевание в последнем сюжете имеет свое основание, которого нет в рассматриваемой былине. Вообще переодевание почему-то полюбилось ее слагателю-сказителю и введено три раза, хотя только в одном случае оно пригодно для объяснения ошибки Екима, едва не убившего Алешу. Последний эпизод, очевидно, передвинут сюда из окончания былины, как видно из вышерассмотренного варианта Гуляева и прозаического пересказа Потанина¹.

Рассказав от 35–155-го стиха похождение Алешы с Тугарином, заменившим Идолище, былина описывает приезд Алешы с Екимом в Киев и ласковый прием, оказанный им Владимиром. Появление на пиру Тугарина и его обжорство изображены в тех же чертах, как в других вариантах, так же как шутки над ним Алешы. Но любовные отношения княгини к Тугарину сильнее подчеркнуты. Когда она ружала лебедь белую, то обрезала себе руку левую и сказала:

Гой вы еси, княгини-боярыни!
Либо мне резать лебедь белую,

---

¹ Р. былины старой и новой записи, отд. II, прилож., стр. 283.

Либо смотреть на мил живот,
На молода Тугарина Змеевича.

Эта деталь, как указано акад. А. Н. Веселовским, внесена в былинку из иудейского апокрифа о жене Пентефрия, влюбленной в Иосифа. Трудно сказать, была ли она в основной редакции былинки, но другая деталь, которую сейчас приведем, представляется несомненным вторжением из других былинных сюжетов. Алеша говорит о Тугарине:

«Заутра я с ним переделаюсь;
Бьюсь я с ним о велик заклад,
Не о сте рублях, не о тысяче,
А бьюсь о своей буйной голове».
Втопоры князи и бояра
Скочили на резвы ноги,
И все за Тугарина поруки держат,
Князи кладут по сту рублей,
Бояра по пятидесяти, крестьяне по пяти рублей;
Тут же случилися гости купеческие, –
Три корабля свои подписывают
Под Тугарина Змеевича,
Всяки товары заморские,
Которы стоят на быстром Днепре;
А за Алёшу подписывал владыка Черниговский.

Не говоря уже о том, что такого заклада Алеши с Тугарином нет в остальных нам известных вариантах былинки, он представляется очевидной несообразностью. Оказывается, что все присутствующие на пиру – князя, бояре, купцы – на стороне чужого насильника, любовника их княгини, а не на стороне русского богатыря, за которого ручается только владыка Чернигов-

ский. Несообразность пари перед смертным боем объясняется тем, что этот эпизод некстати попал сюда из других сюжетов, где он уместен. В том же сборнике Кириши Данилова находим в былине об Иване Гостином (№ 7) такое же пари, но органически, а не эпизодически входящее в сюжет. Собственник богатырского коня Иван Гостиный на пиру у князя бьется с ним об заклад «не о сте рублях, не о тысяче, а о своей буйной голове», что перескачет всех княжеских коней. И как в былине об Алеше, так и здесь, –

За князя Владимира держат поруки крепкия
Все тут князи и бояре, туто-де гости корабельщики,
Закладу они за князя кладут на сто тысячей;
А никто-де тут за Ивана поруки не держит, –
Пригодился тут владыка Черниговский,
А и он-то за Ивана поруку держит,
Те он поруки крепкия, крепкия на сто тысячей.

Здесь заклад доведен до конца, ибо, когда конь Ивана разогнал коней княжеских и князь объявляет пари недействительным, владыка велит захватить поставленные в заклад за Владимира корабли с заморскими товарами. В былине же об Алеше сказитель ничего не сделал из этого пари и, вероятно, как и мы, не представлял себе ясно, с кого получили бы или кому отдали бы его участники деньги и корабли при том или другом исходе боя. Заимствуя указанный эпизод, вероятно, из былины об Иване Гостином (или из какой-либо редакции былины о Дюке и Чуриле), сказитель так же мало затруднился его несоответствием, как и тем, что только что окончательно убитый и лишенный головы Тугарин снова появляется в Киеве на пиру Владимира без всяких объяснений этого воскрешения.

В дальнейшем былина Кириши Данилова описывает бой Алеши с Тугарином в обычных чертах: по молитве Алеши дождь подмочил крылья Тугарину, и он спустился на землю. Повторяются угрозы Тугарина Алешу коном стоптать, огнем спалить или копьём заколоть. Но Алеша здесь прибегает к хитрости:

Говорил ему Алёша Попович млад:
«Гой ты еси, Тугарин Змеевич млад!
Бился ты со мною о велик заклад,
Биться, драться един на един,
А за тобою ноне силы сметы нет
На меня Алёшу Поповича».
Оглянется Тугарин назад себя,
«Втопоры Алёша подскочил, ему голову срубил, –
И пала глава на сыру землю, как пивной котел.

Эта деталь, нашедшая себе объяснение в книжном сказании о бое Александра с Пором (попавшем давно на лубок)¹, повторяется в якутском варианте Худякова² и, вероятно, принадлежит основной редакции былины.

По приезде в Киев с головой Тугарина Владимир чувствует Алешу и приглашает его остаться в Киеве. Княгиня же, как в других вариантах, выражает свое негодование за то, что он разлучил ее с милым другом. На это Алеша отвечает ей почти теми же словами, как в колымской и якутской былинае, что свидетельствует об устойчивости традиции в исходных словах этих записей:

А ты гой еси, матушка, княгиня Апраксеевна!
Чуть не назвал я тебя сукою,
Сукою-то волочайкою.

---

¹ См. у Ровинского – Русские народные картинки. Ср. заметку В. Каллаша в Этнографич. обозрении, книга V, стр. 254.

² Русские былины старой и новой записи. Отд. II, № 29, стр. 100.

Таким образом, рассмотрев былинку Кирши Данилова в связи с другими сибирскими записями того же сюжета, мы можем уяснить себе, в чем она превосходит другие и в чем она уступает им. Ее слагатель-сказитель крайне неуклюже распространил основной рассказ, введя в него как эпизод бой богатыря с идолищем, переименовав это чудище Тугарином, и даже не счел нужным объяснить двойное появление Тугарина. Он внес в рассказ некстати некоторые детали из других сюжетов, но вместе с тем сохранил и некоторые черты старины, утраченные или переименованные другими вариантами: выезд Алеши из Ростова, ошибку Екима (хотя, впрочем, перенесенную на другое место), отношения Евпраксии к Тугарину, хитрость Алеши во время боя с ним. Некоторые из этих деталей старинной былины мы нашли в довольно сохранным виде и в колымской записи г. Богораза, что и составляет главный интерес этого отголоска нашего эпоса, прозвучавшего нам с отдаленной сибирской Украины.

В противоположность Европейской России, почти развенчавшей древнего ростовского богатыря, сведя его к роли «бабьего пересмешника и судейского прелестника», сибирская Украина еще твердо помнит Алешу как могучего богатыря, осилившего чудовищного Тугарина Змеевича, «мила друга» сластолюбивой княгини Евпраксии. Как объяснить такое нравственное падение Алеши, происшедшее, по-видимому, весьма поздно, так как оно не проникло в сибирские Украины, — это вопрос, который может стать темой другого исследования.

Консерватизм сибирского эпоса, как мы уже указали, засвидетельствован и тем, что сибирские давние поселенцы сохранили то же название для богатырских песен («старина»), которое до сих пор живет в Олонецкой губернии. Помимо свидетельства г. Богораза, то же

подтверждают «Древние российские стихотворения» Кирши Данилова заключительными словами многих былин: «То старина, то и деянье»¹ или: «Тем старина и кончилась»²). Итак, следует думать, что народное название для так называемых былин и исторических песен, по крайней мере в XVII в., было «старины». Но, считая это название народным и старинным, Е. В. Барсов утверждает, что наряду с ним было употребительно в старину и другое – «богатырские слова»³. Это убеждение он выводит из заключительной строки изданного им по рукописи (вероятно) XVII в. варианта сказания о семи русских богатырях. По поводу утверждения г. Барсова позволю себе высказать следующее сомнение.

Памятник, из которого г. Барсов извлекает старинное название «богатырское слово», известен в двух списках: буслаевском (нач. XVIII в.) и барсовском, и в обоих носит обычное название «Сказание». У Буслаева: «Сказание о семи русских богатырях», у Барсова: «Сказание о киевских богатырях как ходили во црьград и как побили цреграцких богатырей учинили себе чть». Мы не станем сравнивать оба варианта, так как это уже сделано в исследовании акад. Веселовского. Заметим только, что барсовский вариант более полон в некоторых подробностях и лучше сохранил метрический склад, но не умаляет интереса и буслаевского списка, который, как нередко бывает даже с посредственными вариантами народных произведений, сохранил некоторые черты в большей отчетливости. Обратим внимание только на окончание того и другого списка, так как в данном случае оно нам только и нужно. В обоих списках рас-

---

¹ См. № 3, 10, 19, 22, 23, 24, 27, 47.

² № 12, 25.

³ См. Слово о полку Игореве как художественный памятник киевской дружинной Руси, т. III, лексикология Слова, стр. 62.

сказывается, что по совершении подвигов в Царьграде русские богатыри привезли с собою в Киев на показание Владимиру взятого в плен Тугарина Змиевича, но с тем, чтобы отпустить его обратно в Царьград, так как богатыри клятвенно обещали это царице Елене. И вот, с согласия князя Владимира, «били ему челом богатыри (читаем у г. Барсова), взяли молода Тугарина Змиевича и всклали на себя всю сбрую богатырскую, поехали во чисто поле; и как будут на рубеже, отпускают во Царьград молода Тугарина и учили заклинать, чтобы им на Руси не бывать век по веку, да отпустили с радостью великою и простилися, и сами поехали во чисто поле, богатырское слово во веки. Аминь».

Здесь не совсем понятны слова: и учили (т.е. богатыри) заклинать, чтоб им на Русь не бывать век по веку. Под «им», вероятно, следует разуметь цареградских богатырей, грозивших приехать на Русь, а не русских, хотя по неловкости выражения синтаксически под «им» следовало бы разуметь именно последних. В буслаевской записи этой неудобной фразы нет, и русские богатыри на рубеже говорят нечто более складное и уместное:

«Отпущают же Тугарина Змиевича с добрым конем и с своею сбруюю ратною и провожают его до Царяграда до рубежа и отпустили его во Царьград. И зговорят ему богатыри таково слово: “Скажи ты, Тугарин Змиевич, государыне благоверной царице Елене: еще есмы в правде устояли и царское все исполнили: государю служба служена и честь получена”. И поехали богатыри назад в Киев град ко князю Владимиру киевскому и стали славно жить во граде Киеве, и их храбрости слава не минуетца». Сравнение обоих окончаний говорит не в пользу барсовского варианта. Слова богатырей в буслаевской записи лучше мотивированы, уместнее, да и сами богатыри затем едут служить Владимиру в Киеве,

где они раньше были, а не в чистое поле, куда выезжают для каких-нибудь подвигов. И вот, в соответствии с заключением барсовского варианта – «богатырское слово во веки», в буслаевском читаем: «и их храбрости слава не минуетца». Это заключение может считаться почти стереотипным. Мы находим его в некоторых старинных записях былин XVII и XVIII веков; наприм., в обоих вариантах сказания об Илье Муромце, Михаиле Потоке и Алеше Поповиче (Рукоп. Тихонравова, № 361 и 399) читается: «слава их идет до веку. Аминь»¹; то же в повести о сильном, могучем богатыре Илье Муромце по списку XVII в. И. публичн. библиотеки²: «теж люди миновалися, а слава их до скончания века. Аминь». Окончание со славой обычно и в современных олонечских былинах, варьируясь на разные лады, например: «им славу поют да веки до веку»³; «тут же Илье да славу поют»⁴, «да тут Святогору да богатырю славу поем»⁵, «да тут ли старинушки славу поем»⁶ и т.п.

В противоположность буслаевскому варианту, в барсовском сказании о семи богатырях мы находим заключительные слова, не встречающиеся ни в рукописных старинных записях былин, ни в современных, и невольно является сомнение, не представляют ли они искажение более обычного исхода, т.е. не переделаны ли слова: «богатырское слово во веки. Аминь» из слов «богатырская слава во веки. Аминь». Не сомневаясь в палеографической опытности издателя, мы не думаем, чтобы г. Барсов мог ошибиться в прочтении этого ме-

---

¹ Русские былины старой и новой записи. Отд. I, стр. 46 и 39.

² Там же. Отд. I, стр. 4.

³ Гильфердинг, столб. 511.

⁴ Там же, столб. 24. Срав. столбцы 627 и 634.

⁵ Там же, столб. 646.

⁶ Там же, столб. 662.

ста текста¹. Но полагаем, что ошибка стоит в тексте и была внесена в него каким-нибудь из переписчиков, смешавших буквы *о* и *а* (слово и слава), которые нередко довольно сходны по начертанию в поздних рукописях. Во всяком случае, на основании сомнительного исхода только *одной* старинной былинной записи едва ли можно утверждать вместе с г. Барсовым, что былины в старину назывались «богатырскими словами», и едва ли он прав, считая термин «богатырское слово» заглавием, несмотря на то, что он помещен на необычном месте – в конце произведения – и что оно уже имеет на надлежащем месте обычное для XVII в. заглавие «Сказание».

В заключение этих заметок, вызванных новыми записями былин в Якутской области, считаю приятным долгом выразить от имени всех, интересующихся нашим эпосом, признательность г. Богоразу за присылку Этнографическому отделу ценных образчиков поэтической сибирской старины.

Дополнения

К былине о Микуле Селяниновиче² (см. стр. 267)

В одной из моих прежних работ: «Отголоски Александрии в болгаро-русских былинах»³ я старался обосновать предположение, что на личности былинного Вольги и его похождениях отразились в своеобразной

---

¹ К сожалению, подлинная рукопись, хранящаяся у г. Барсова, пока недоступна для исследования.

² Напечат. в «Этнографическом обозрении», кн. XIII–XIV.

³ Журн. М. нар. просв., 1878, декабрь.

переделке некоторые мотивы книжной Александрии, а в другой статье, «По поводу Трояна и Бояна»¹ сделал попытку свести к книжному источнику и сюжет былины о встрече Вольги с Микулой Селяниновичем. Исходя из того факта, что сами сказители смотрят на Вольгу, встречающегося с Микулой, как на того же Вольгу или Волха, которого рождение сопровождается разными чудесными приметами и который предпринимает поход в Индию богатую, я счел возможным сделать следующее заключение: «Так как в былине о походе Вольги в Индию богатую мы нашли отголоски походов Александра Македонского, то естественно является предположение, что и в былине о встрече Микулы с Вольгой последний внесен именно потому, что он – замена Александра Македонского»². Мои дальнейшие сопоставления Микулы с фригийским Гордиасом, который до некоторой степени прикосновенен к сказаниям об Александре, показались далеко не убедительными покойному О. Миллеру и вызвали с его стороны отповедь в его статье «Новые домыслы учения о заимствованиях»³. Не согласился с моим предположением и М. Халанский, который кончает свою заметку «К былине про Микулу Селяниновича»⁴ словами: «Так как сходство нашей былины с классическими преданиями о Гордиасе, Александре Македонском и Николае, сыне Атрея, подлежит весьма сильному сомнению, то, пока не будут представлены более ясные и доказательные следы литературного заимствования мотива, Микула останется богатырем народным, и былина про него – туземною». Не знаю, повторил ли

---

¹ Там же, часть СС, отд. II.

² Назв. статья, стр. 264.

³ Русс. филологич. вестн., 1879, № 4, стр. 233.

⁴ Там же, 1881 г., № 4, стр. 273.

бы уважаемый М. Г. Халанский это свое заявление в настоящее время, так как со времени его заметки протекло более пятнадцатилетия, притом далеко не бесплодного для уяснения состава нашего былевого эпоса и более точного определения понятия «народность». Быть может, он согласился бы с тем, что и «народность» и «туземность» какой-нибудь былины вовсе не исключают той возможности, что сюжет данной былины принадлежит к разряду «странствующих сказаний» и в конце концов восходит к литературному источнику. Но в данном случае я вовсе не намерен отстаивать свои гадательные сопоставления Микулы с Гордиасом, Николаем, сыном Атрея и константинопольским королем Гугоном. Я хочу только снова вернуться к вопросу: случайно ли в наших былинах именно Вольга представлен встречающим странного пахаря Микулу, или не случайно, а потому, что Вольга есть народная переделка Александра; другими словами, не было ли между похождениями Александра Македонского чего-либо такого, что, конечно, после ряда переделок и контаминаций, могло бы считаться вероятною первичною основой нашего былинного сюжета?

Искать чего-нибудь подходящего в греческих, русских, югославянских или западных «Александрях» было бы попыткой бесплодной: если б в них было что-нибудь подобное встрече Вольги с Микулой, то, конечно, оно не укрылось бы от внимания наших исследователей эпоса. Но, быть может, несколько более шансов открыть первичный источник рассматриваемого сюжета представляют восточные сказания об Александре Македонском (Искандере), которые менее изучены, чем западные. О персидской обработке этих сказаний поэтом Фирдоуси есть в литературе достаточно сведений, и они известны в европейских переводах.

Но менее известна поэма персидского поэта *Низами* (жившего в конце XII-го века), воспевающая Искандера как завоевателя мира, мудреца и пророка. Содержание первой части этой обширной поэмы, носящей заглавие «Счастье Искандера» (*Iqbâl Iskenderi*), с достаточной полнотой изложено Шпигелем в его известном исследовании «Сага об Александре на Востоке»¹. Но вторую, не менее интересную часть поэмы Низами, изображающую странствования и приключения Искандера, как мудреца и пророка, постигла в европейской литературе своеобразная судьба, которую я изложу со слов Вильгельма Бахера, написавшего в 1871 году исследование о жизни и творениях Низами². Когда Гаммер писал свое известное сочинение об истории персидской словесности, по несчастной случайности в его экземпляре творений Низами недоставало 2-й части поэмы об Искандере, и Гаммер заключил, что она вообще не была написана поэтом. Впоследствии Эрдман обратил внимание на существование в других рукописях Низами второй половины «*Iqbâl Iskenderi*» и вкратце сообщил ее содержание, но это «содержание» было передано им не только крайне неполно (30 строк на произведение в 7000 дистихов), но и ошибочно. Эрдмановская передача содержания 2-й части этой поэмы об Александре повторялась затем без проверки другими учеными (Вейсманом, Шпигелем), и только в 1871 году Вильгельм Бахер основательно познакомился с этим произведением Низами по рукописи, принадлежащей бреславльской городской библиотеке, и в своем исследовании дал более подробное изложение его состава, переводя некоторые

---

¹ Die Alexandersage bei den Orientalen, von Dr. Fr. Spiegel. Leipzig, 1851. § 3. Die Iskendersage nach Nisâmi.

² Wilhelm Bacher – Nizâmi's Leben und Werke und der 2-te Theil des Nizâmischen Alexanderbuches mit persischen Texten als Anhang. Leipzig, 1871.

места поэмы немецкими белыми стихами и прилагая персидский текст к переведенным отрывкам.

Для своей поэмы Низами воспользовался всеми сведениями и сказаниями об Искандере, ходившими в доступной ему литературе его времени, причем сам говорит, что почерпал их и от иудеев, и от христиан, и от персов¹. В поэме он изображает Искандера философом, окруженным семью греческими мудрецами, в числе которых, например, выдающуюся роль играет Аполлоний Тианский (Belinâs или Belinûs). Мудрецы сопровождают Искандера в его походах, которые во 2-й части поэмы имеют не завоевательную цель, а научно-философскую. Введением поэмы служат десять рассказов, которые сводятся к тому, что каждый рассказ дает Искандеру случай усвоить какую-нибудь нравственную истину; далее сообщается, каким путем Искандер дошел до познания мудрости и пророчествования; затем Искандер предпринимает второй поход по вселенной, оставив на престоле Рума своим заместителем своего сына Искандеруса, и Низами подробно описывает его встречи и приключения на западе, юге, востоке и севере, а затем болезнь его, смерть, участь его сына и его семи мудрецов (Аристотеля, Гермеса, Платона, Фалеса, Аполлония, Порфирия и Сократа).

Просматривая изложение содержания *южного* путешествия Искандера, мы встречаем описание известной из других источников долины алмазов и способа, посредством которого Искандер их добыл для своего войска (алмазы выносятся орлами вместе с кусками мяса)². Вслед за тем Искандер с войском идет в тече-

---

¹ Назв. соч., стр. 65.

² Ср., например, грузин. версию того же сказания, «Этногр. обозр.», кн. XII, отд. II, стр. 8, и известную статью в Сбор. Святослава (из Епифания Кипрского).

ние целого месяца по пустынной стране и приходит к прекрасно обработанной местности, «восторгавшей сердце и душу свежестью зелени и блеском». Тут он встречает прекрасного юношу, земледельца, босоногого, с непокрытой головой, обрабатывающего землю. Искандер хочет побудить его оставить трудную работу земледелия и поступить в число его спутников, обещая ему царские почести. Но юноша отвечает¹: «О герой времени (века)! Все выдающиеся твои ученики (т.е. должны у тебя учиться); так давай каждому ремесленнику ремесло, чтобы в его природе не произошло смущения. Кроме земледелия (сеяния зерна) для меня нет (другого) дела, я недостоин быть царем; место у земледельца должно быть суровое (трудное); если он увидит изнеженность (т.е. изнежится), то станет сгорбленным; мое тело закалилось в суровом труде (собств. в суровости); гибелью для суровых бывает изнеженность; грубое тело, когда изнежится, становится подобно смоле, выдающей себя за медь».

Царю понравился этот ответ земледельца, и он спросил его о его религии. Тот отвечал, что признает единого Бога, благого создателя Вселенной, и верит в миссию Искандера как пророка, так как уже увидел его прежде в вещем сне.

Искандер, узнав от жителей, что их страна необыкновенно плодотворна, но что благосостояние населения крайне страдает от тиранического правления и неспра-

¹ Приводим близкий перевод следующего персидского текста:

Cenin gott: kâi râyezi rûzegâr! Heme townsenân ez tô amûzgâr:
Cenân deh beher pišewer pišei, ke der xelqeteš nâyed endiše.
Bedžoz dâne kâri merâ kâr nist, bemen pâdišâhi sezewâr nist
Kešâwerz râ džâi bâšed dorošt, cû nermi bebined šowed gožpošt:
Tenem der dorošti gereftest džerm, hâlâke doroštân bowed džâi nerm;
Tene saxt kû nâznini koned, cû semyi bowed kângbini koned.

ведливости, устраняет злоупотребления правителя и строит в тех местах город Искандер-Абад¹.

Нам неизвестно, из какого источника Низами почерпнул рассказ о встрече Александра с прекрасным земледельцем, отказывающимся от царственных почестей; но во всяком случае, этот эпизод не продукт личного вымысла Низами, как и другие многочисленные встречи Александра, которых источники иногда указываются Бахером. Низами только поэтически обработал сюжет, почерпнутый им из каких-нибудь письменных (или устных?) материалов, которыми он располагал в значительном количестве.

Мне кажется, что приведенное сказание может пригодиться впоследствии для уяснения литературной истории нашего былинного рассказа о встрече Вольги с чудным пахарем Микулой. Конечно, отношение былинного рассказа к персидскому пока еще не может быть уяснено, и последний может служить первому только интересной параллелью, а не источником. Но если мы примем в соображение, что указанная параллель нам встретилась в сказаниях об Александре Македонском, который, по-видимому, отчасти отразился в нашем былинном Вольге, то можем, по крайней мере, отсюда извлечь некоторое указание на то, в каком направлении следует искать источник (или один из источников) нашего былинного сюжета. Во всяком случае, встреча Вольги с Микулой не продукт личного творчества какого-нибудь олонецкого сказителя, как встреча Искандера с юношей-земледельцем – не изобретение Низами, но оба рассказа восходят в конце концов к общему весьма отдаленному и древнему источнику, который, быть может, впоследствии удастся найти.

---

¹ См. назв. соч. Бахера, стр. 104–105.

При сравнении рассказа Низами с нашим былинным мы встречаем немало различий в деталях, но зато видим сходство в главном, основном мотиве. И здесь и там мы находим молодого земледельца, встречаемого царем или князем и поражающего последнего своим видом (красотой или силою). Этот земледелец доволен своей тяжелой работой, не ищет ничего лучшего и высшего и с любовью говорит о своем деле. Вспомним, какой симпатией к сельскому труду веет от слов Микулы Селяниновича:

Ай же Вольга ты Святославович!
Ржи напашу, в скирды складу,
В скирды складу, да домой выволочу,
Домой выволочу, дома вымолочу,
Драни надеру, да то я пива наварю,
Пива наварю, мужичков напою,
Станут мужички меня покликивати:
Ай ты молодой Микулушка Селянинович!¹

При этом весьма важном сходстве в образе «идеального» земледельца совпадения в некоторых подробностях уже отступают на задний план. Но все же, даже не придавая им особого значения, считаю излишним их отметить. Как при встрече с юным земледельцем Искандер узнает о несправедливости управителей страны и устраняет их злоупотребления, – так от Микулы Селяниновича Вольга узнает о мужиках-разбойниках (гурчевцах, ореховцах, крестьяновцах); как персидский земледелец, увидя Искандера, уже знает, кого он видит пред собою (так как даже имел вещий сон о нем), – так Микула Селянинович знает Вольгу и прямо называет его по имени; как персидский земле-

---

¹ Гильфердинг, № 73, столб. 439.

делец отличается религиозностью и заявляет о своей вере в единого Бога, так благочестием отзываются слова Микулы Селяниновича:

Мне-ка надобна Божья помочь крестьянствовати.

В одной былине (Гильфердинг, № 32) Вольга (Волья) спрашивает Викулу:

«Надоть ли тебе Божья помочь, пахарь е пахарюшко?»
Тут возговорит пахарь ему пахарюшко:
«Надоть-то Божья помочь, мóлодой Волья-то е
Всеславьевич».

Итак, по-видимому, черта благочестия и довольства своим состоянием земледельца принадлежит равно русскому и персидскому «идеальному» представителю земледельческого труда.

В заключение считаю нелишним повторить еще раз то, что я уже указывал раньше. Микула Селянинович в нашем эпосе есть фигура эпизодическая. Кроме встречи с ним Вольги мы ничего больше о нем не знаем. Самый план былин об этой встрече, начинающихся выездом Вольги с определенной целью (к городам за получкой дани), указывает на то, что Вольга есть главная фигура, что рассказ идет о его похождениях, в числе которых была и встреча его с чудесным пахарем. Это наблюдение *mutatis mutandis*¹ приложимо и к персидскому параллельному рассказу. И в нем чудный земделец является только эпизодически (неизвестно даже его имя), и встреча с ним Искандера только одно из многочисленных приключений этого знаменитого героя.

---

¹ С заменой того, что подлежит замене (*лат.*).

Былина о Батые (к стр. 460)

В подтверждение высказанного нами предположения, что былинное имя *Тавруевич* или *Тавруевич* могло зайти в эпос из старинных исторических песен о Евпатии Коловрате и Батые, можно еще привести тот факт, что в былине Кирши Данилова № 6 индейский царь называется одновременно *Ставрुльевичем* и *Батыевичем*:

Проведал-бы про царство Индейское,
Про царя Салтыка *Ставрुльевича*,
Про его буйну голову *Батыевичу*.

К былине о Сауле Леванидовиче (стр. 468)

Выше (стр. 468) при изложении и разборе этой былины в сборнике Кирши Данилова мы указали, что содержание ее значительно перебито и что особенно странной представляется роль углицких мужиков, хотя не менее странна и роль молодого Константинушки Сауловича. Здесь мы видим какое-то сплошное недоразумение. Константинушка, разбив татарского царя Кунгура, подъезжает к городу Угличу и вызывает себе супротивника.

А углицки мужики были лукавые,
Город Углич крепко заперли,
И взбегали на стену белокаменну,
Сами они его обманывают:
«Гой еси, удалой доброй молодец!

Поезжай ты под стену белокаменну,
А и нету у нас царя в Орде, короля в Литве,
Мы тебя поставим царем в Орду, королем в Литву».

Оказывается, таким образом, что горожане русского города Углича причисляют себя к Орде и Литве и предлагают Константинушке царить в Угличе над Ордой и Литвой. Однако, вместо того чтобы отворить Константинушке ворота, они предлагают ему поближе подъехать к стене, и, когда он, как наивный мальчик, у которого «умок молодешенок, зеленешенок», сдавался на их слова прелестные и подъехал к стене, они баграми втаскивают его в город и сажают в тюрьму. Отец его, царь Саул, в это время был в городе, но ничем не распорядился. По крайней мере, былина не объясняет, известно ли было ему, что произошло у стен города. Вдруг – без всякого повода – он заторопился и поехал из Углича в свое царство Алыберское. Здесь от жены он узнал, что имеет сына, рожденного в его отсутствие, и спешит обратно в Углич также без всякого повода. Лишь дорогой от извозчиков он узнает, что произошло в Угличе, и догадывается, что его сын угличанами посажен в тюрьму. Подъехав к городу, он требует выдачи сына, но горожане опять без всякого повода «заздорили с царем» и не пустили его в город, говоря,

Что де у нас нет такого и не бывало.

Однако после такого обманного ответа старики городские сходились, подумали и решили выдать царю Саулу его сына. Опять причина выдачи ничем не мотивирована. Далее оказывается еще бóльшая странность: царь Саул, по-видимому, личность не очень авторитетная для угличан, едва поздоровавшись с сыном, начинает

расправляться с горожанами уже вполне авторитетно, и они подчиняются ему беспрекословно.

А и втапору царь Саул Леванидович
Спрашивает мужиков-угличев:
“Есть ли у вас мастер заплечной с подмастерьями?»
И тут скоро таковых сыскали и ко царю привели.
Царь Саул Леванидович
Приказал казнить и вешати,
Которые мужики были главные во Угличе».

Таким образом, былина К. Данилова содержит ряд ничем не мотивированных действий угличан, Константинушки и его отца – царя Саула. Каким процессом произошли все эти искажения чего-то более разумного – это едва ли удастся разъяснить. Но все же в былине есть некоторые черты, как будто указывающие на период, к которому относится, по крайней мере, одно из искажений. Мы имеем в виду судьбу угличан. Хотя очень путано и бестолково, былина упоминает о каком-то погроме, которому подверглись главные мужики Углича от царя. Упоминаются заплечные мастера и казни.

«Заздорили» угличане с царем из-за *десятилетнего* царевича. Он навлек на угличан царский гнев и погром. Если мы припомним эти факты и поищем им объяснения исторического, то естественно придем к предположению, что в былине, хотя и в смутном виде, отразилось историческое событие, великое несчастье, которое стряслось над городом Угличем после убийства Димитрия царевича. Как в былине, так и в истории малолетний царевич является причиной казней угличан. Припомним, что после убийства Димитрия царевича было, по указу царя Феодора, наряжено следствие и что угличане жестоко поплатились за расправу с предпола-

гаемыми убийцами Димитрия. Как в былине угличане «засдорили» с царем, так результатом следствия было то, что их судили как мятежников против царской власти. Известно, что до 200 угличан было наказано смертью или отнятием языка, что множество из них было рассажено по тюрьмам и большинство сослано в Сибирь, где ими был заселен город Пелым. Торговый и людный город Углич после такого погрома запустел надолго. Понятно, что память об этой беде целого города должна была долго сохраняться среди невольных эмигрантов и их потомков. Позднейшие поколения могли позабыть подробности и имена, но все же помнили, что *царская* гроза постигла угличан из-за молодого царевича. Эти уже смутные воспоминания могли припутаться к былине, *записанной в Сибири*, и исказить ее первоначальный вид.

К сказкам об Илье Муромце (К стр. 530)

В дополнение к великорусским сказкам об Илье М. сообщаем *сказку об Илье Мурыче*, записанную от женщины из дер. Чурилковой Рязанской губ. Зарайского у. и доставленную нам г. А. Марковым:

«Жили-были счастливые родители. У них был один сын Илья Мурыч; он не ходил и не полозил. Родители его ушли в поле пни копать. Зашел к нему старичок старенький, стал у него просить пить; а он говорит: “Я не хожу и не полозю”. Илья Мурыч понемножечку подвигался и почерпнул ему напиток. (Лет десять тому назад эта женщина, насколько мне помнится, рассказывала, что он дал пить пива.) Стал он ему пить давать; старик попил и ему велел пить; Илья Мурыч попил – и стал по-

лозить и здоровый стал. Когда старик, немного погодя, еще дал ему попить, он еще немного попил – и ходить стал. Еще в третий раз попил, так что Илья Мурыч стал просто богатырь сильный. Собрался он к своим родителям, собрал завтрак, понес в поле. Увидала мать его и рассказывает своему мужу: “Никак наш Илюша идет?” А старик говорит: “Сколько лет не ходил и не полозил! Как же он к нам идет?” Подошел он, стал с ними здоровиться; а они очень возрадовались, стали у него спрашивать: “Что с тобой сделалось, как это ты стал ходить?” Он рассказал им: “Зашел ко мне старичок, попросил у меня напиться; я сказал, что не хожу и не ползую, а он говорит: ‘Подвигайся немножечко’. Я напился до трех раз – и стал здоров». (Далее рассказчица не могла говорить связно; она рассказала только, как Илья срубил мечом Соловью-разбойнику сразу шесть голов.)

УКАЗАТЕЛИ

- Аарон – 237.
Авдотья Лиховидовна – 193.
Агрикола, епископ – 415.
Агриппина Ростиславна, жена кн. Юрия Ингоревича – 453.
Алатырец, прозвище Соловья-разбойника – 521.
Александр Македонский – 166, 249, 622, 623, 627.
Александр Попович – 153.
Алексей II, император – 174–175.
Алексей Ангел, византийский император – 172–173.
Алексей Контостефан – 184.
Алексей Михайлович, царь – 102.
Алеша Попович, богатырь 22, 62, 91, 111, 115, 118–119, 125–127, 132, 146, 149, 320, 324, 346, 355, 403, 443, 523, 541, 560, 579, 581, 603–606, 607, 610, 612, 616, 620.
Алтайский горный округ, былины, записанные в нем – 131, 134, 138, 140, 141.
Алыберское царство в былине о Сауле Леванидовиче – 470–471, 479, 481, 493, 631.
Алькадим, богатырь в сказке – 532.
Аман-кул, личность в киргизской сказке – 431–432.
Амельфа Тимофеевна (иначе Мамелфа), былинная матера-вдова – 317–320, 332, 602.
Андрей Боголюбский, князь – 149, 449, 503.
Андрей Юродивый – 449.
Андроник – 175–178, 180.
Андроник Дука, византиец – 182.

Андроник Контостефан, византийский полководец – 174, 184.

Андроник, византийский царевич – 15, 172.

Аника-воин, богатырь – 183, 247, 537.

Антоний Римлянин, св. – 430.

Антонов Потап, олонецкий сказитель – 43, 297–298, 441, 445.

Апокрифы, внесение их в былины – 17, 63, 236–239, 291, 292, 435, 614.

Аполоница – пестун кн. Феодора Юрьевича – 452, 463.

Аполонище, в былинах богатырь – 434, 463.

Апраксия (Евпраксия, Опракса, Апраксеевна) королевична, жена былинного кн. Владимира – 108, 198, 200, 205, 206, 211, 212, 225, 226, 230, 238, 268, 277, 281, 282, 291, 319, 355, 373, 377, 384, 385, 388, 498, 553, 586, 603, 604, 606, 608, 610, 611, 616, 617.

Арион, греческий музыкант и певец – 420.

Аристарх, критик – 93.

Армури, герой византийской поэмы – 474–478, 481, 489.

Архангельская губерния, былины, в ней записанные – 14, 15, 20, 30, 32, 114, 119, 122, 124–128, 136, 138, 139, 141, 145, 146, 154, 301, 302, 310, 316, 323, 414, 460, 463, 520, 537.

Астраханское царство – 150, 411, 468, 479, 481.

Аттила (Этцель) в Нибелунгах – 207–214.

Афинаида, личность в романе об Ираклии – 377.

Ахти или Ахто, финский морской царь в Калевале – 19, 418–422, 425, 429, 435.

Apollo l'aventureux – 434.

Баба-яга – 135.

Барнаул, гор. – 131, 141, 351, 522, 601.

Баторий, Стефан, король – 557.

Батыга, былинный басурманский царь – 62, 68, 76, 77, 116, 125, 145, 273, 436–444, 448, 457, 458–466, 501, 508, 511.

Батырь Кайманович, былинный басурманский царь – 218.

- Бахмет Таврульевич, былинный татарский царь – 460, 461, 465, 491, 492, 494, 592, 595, 596.
- Бела, венгерский король – 174.
- Белки – 270.
- Белый царь (хан) – 483.
- Бермята (Пермята, Пермил, Пермин), в былинах о Чуриле – 187, 279, 281, 293, 295.
- Берта в Тидрек-саге – 210.
- Блуд, воевода кн. Ярополка – 322, 325, 334.
- Блудова, вдова, в былине о Хотене – 18, 324–325, 328.
- Бобры – 270.
- Богатыри, отсутствие их в новгородских былинах – 63.
- Богатырское слово – 618, 620.
- Богданов, Леонтий, сказитель – 517.
- Болгария – 157, 196–197.
- Борис Годунов, царь – 138.
- Борисовы мощи – 66, 281, 289, 290.
- Братчина Никольщина – 411, 414, 429.
- Брянские (Брынские, Бранские) леса – 526, 533, 551, 559.
- Буслаев, отец Василия Буслаевича – 76.
- Былины: былинная традиция в Олонецкой губернии – 23–50; определение былины – 58; название былина – 58–61; деление былин по содержанию на богатырей и небогатырей – 63; участие профессиональных певцов в сложении и сохранении былин – 65 и след.; техническая сторона былины – 65–95; географическое распространение былин – 111 и след.; отсутствие былин в малорусских и белорусских губерниях – 115–116; неравномерное распределение былин в великорусских губерниях – 116; олонецкий былинный репертуар – 119–122; архангельские утыны – 124–127; былины западносибирские – 131–136; утрата одиночных былинных сюжетов – 135; былины Л. Тупицына – 141–142; распределение былинных сюжетов и богатырей по областям – 142–143; прекращение создания новых былин в XVII в. – 148; былины новгородские – 61, 63, 143–144,; недавние записи былин

в Якутской области – 580–621; исконность названия «старинь» для эпических песен – 617–618.

Вавилоняне, купцы, в былине об Иване Гостином – 369.

Ваннемуйне, эстонский мифический певец – 422–424.

Василий Буслаевич (Буслаев) – 18, 62, 75, 93, 110, 118, 120, 123, 126, 127, 132, 144, 147, 148, 199, 247, 249, 249, 260, 261, 262, 272, 283, 317, 324, 332, 333, 334, 336, 338, 358, 368, 518, 538.

Василий Златовласый, королевич – 18, 311–317.

Василий Игнатьевич (Василий Пьяница, упьянсливый) – 20, 62, 110, 133, 363–364, 437, 439–443, 448, 460, 461, 462, 466, 501, 518.

Василий Казимирович (Казнерович) – 59, 62, 116, 119, 125, 127, 132, 142, 147, 199, 218, 225, 316, 324, 508.

Василий Константинович – князь, замученный Батыем – 20, 456, 461, 462, 466.

Василий Никулич – переодетая жена Ставра Годиновича – 381.

Василий Окульевич – 120, 126, 133, 314–316.

Василий Пустоволосович – 314–315.

Василий, гость – 311, 314, 316, 373.

Василиса Никулична, жена Данилы Ловчанина – 382, 459; жена Ставра Годиновича – 380–388, 391, 400, 402–403, 406.

Василько (Марич) Леонович, царевич византийский – 497, 498.

Вахрамей Вахрамеевич, былинный царь – 92, 192.

Веденецкая земля, в былинах – 309, 383.

Вейнемейнен – финский певец, упоминаемый в Калевале – 19, 414, 418, 419, 421, 422, 424, 425, 427, 429, 435.

Венгрия – 173–174, 178, 182, 183.

Веражское (Веряйское) море, в былинах – 269, 306, 413.

Византийская империя – 157, 171.

Вирсавия библейская – 236–237, 292.

Владимир Василькович, князь – 16, 202, 204, 215.

Владимир Волынский, город – 130, 132.

Владимир Мономах, князь – 178, 204, 400, 401–402, 497, 498.

Владимир, город (суздальский) – 455, 456, 503–506.

Владимир, князь Красное Солнышко – 18, 24, 39, 43, 47, 57, 59, 74–76, 78, 85, 86, 90, 91, 104, 107, 108, 110, 111, 134, 135, 139, 143, 144, 146, 149, 150, 159, 160–161, 165, 179, 184, 185, 198–200, 202, 204–209, 211–213, 215–216, 218–219, 221, 223–230, 232, 237, 238, 251, 257, 265, 267–268, 279–280, 282–283, 290–293, 305, 307, 315, 320, 322–324, 326–327, 330–331, 333–336, 338–345, 347–350, 352, 354–356, 358, 367, 369–373, 376–379, 380–384, 386–389–391, 393–397, 401–404, 406, 426, 439–443, 453, 459, 464–465, 489–492, 496, 499–500, 502–505, 507, 510, 513–514, 520–521, 523, 525, 527, 528, 530–531, 533, 537, 540–541, 543–544, 505–554, 562–563, 569–570, 574, 586–587, 590–592, 595–597, 601–604, 607–611, 613, 615–616, 619.

Владимирская губерния. Былины, в ней записанные – 118, 380.

Владыка Черниговский – 18, 341, 343, 345–348, 355–357, 379, 614–615.

Вода, живая и мертвая, в сказках – 329–330.

Водлозеро – бытование на нем былин – 32, 143.

Водяница (Поддонная царица) – 417.

Водяные – 418, 424–426; водяной царь – 407, 417, 427–429, 432.

Возвяг Таврольевич, татарский царь – 460.

Воинов Петр, сказитель – 34, 66–67, 73, 293–294, 440.

Волга, река – 49, 66–67, 69, 116–118, 145, 147, 154, 290, 297, 306, 411, 414.

Вологодская губерния. Былины, в ней записанные – 127, 128, 136–139, 141, 316, 524, 528; колонизация из нее в Пермскую губернию – 137–138.

Волот Волотович (Волотоман), царь – 372–373.

Волх Всеславич, богатырь – 16–17, 133, 147, 249–252, 267–269, 273–274, 460, 480, 622, см. также Вольга.

Волхов, река – 222–223, 249, 250–251, 260–261, 270, 408–409, 412, 430.

- Волшан, царь, в сказке – 371–373.
- Волынец-Галич (Галич Волынец) – 15–16, 76, 156–160, 165, 172–173, 180, 184–186, 197; Волынская земля – 15, 125, 157–158, 160, 193, 197, 216, 524, 534, 571;
- Волынское море (= Хвалынское) – 107, 304, 306.
- Вольга Святославич, в былинах – 16–17, 38, 62, 74, 80, 120, 126, 133, 248–276, 284, 410, 515–516, 567, 621, 622–623, 627–629.
- Всеславичи, князья – 228 (родовое предание их).
- Всеслав, Полоцкий князь – 249–250, 290.
- Wellamo (Wellimo), морская царица в Калевале – 418.
- Wöhhandu, ручей (предание о построении на нем мельницы) – 415–416.
- Гаген, в Тидрек-sage – 208.
- Гали – личность в киргизской сказке – 484–485.
- Галицкая Русь – 16, 156–158, 172, 173, 185–187, 193, 197, 216.
- Галич, город 156–160, 172–173, 176, 178, 180, 185.
- Гальяк Неверный, в былине – 135.
- Гельха, жена Этцеля, в Нибелунгах – 208.
- Георгий Зарубский, черноризец – 99.
- Георгий, св. Победоносец – 196, 219.
- Гизельхер – 92.
- Гистрионы – 96–97.
- Глеб Юрьевич, князь – 504.
- Гомер – 87–89.
- Гордиас, фригийский царь – 622–623.
- Горностаи – 79, 269–270, 273, 284–285.
- Горынинка (Горынчанка-баба) – 131, 580.
- Гости торговые, в былине об Иване Гостином – 341, 347–349, 357, 358, 373.
- Готский двор, в Новгороде – 255.
- Гримм, Яков – 10, 13, 55–57, 63, 111, 424.
- Громада (вече) – 500–501, 505.

- Гроши литовские – 256–257, 259, 275.
Гунтер, герой в Нибелунгах – 208, 308.
Гурчевец, город, в былине о Вольге и Микуле – 257–259.
Гусев, Ив. Яковлев, олонекский сказитель – 135.
Гусли: игра на них жениха – символика любви – 310–311;
игра Добрыни – 104, 106, 218; употребление гуслей в старину
олонекскими сказителями – 109.
Гусляры, упоминание их в былинах – 14, 17, 19, 72, 104,
106–109, 303, 304, 305, 311, 381, 385, 396, 397, 398–399, 407,
408, 409, 414, 419, 422, 425, 426, 429.
Гэсэр-хан – 399.
- Давид Попов – личность в былинах – 304, 320.
Давид, библейский царь – 236–239, 292.
Даниил, галицкий князь – 158.
Данило Игнатьевич, богатырь – 62, 117, 119, 133, 125–
126, 133, 490, 496, 588–592, 602.
Данило Ловчанин, в былинах – 116–117, 149, 154, 236,
382, 391, 452–453, 459.
Дарий, царь персидский – 167–168.
Двинская земля – 154, 270.
Демидов, Прокопий – 129–131, 141, 142.
Джурин, город – 187.
Джюсун – хан, монгольский сказочный богатырь – 274.
Дигенис, герой византийской поэмы – 182, 476.
Добрынин остров – 153.
Добрыня Никитич, богатырь – 11, 15, 16, 22, 39, 43, 44,
62–63, 66, 74, 85, 86, 91–93, 104–107, 116–119, 123, 125, 126–
127, 128, 131–132, 135, 142, 145, 146, 149, 153, 155, 165, 191,
198–200, 205, 211, 217–248, 251, 276, 283, 292, 317, 320, 324,
352, 358, 367, 368, 382, 385, 399, 403, 426, 439, 443, 463, 464,
503, 518, 523, 554, 598–602.
Добрыня Рязанич – 153.
Дон Иванович, богатырь – 120, 205–206.
Дуки, византийский знатный род – 182–183.

- Думы, об Алексее Поповиче – 115.
- Дунай Иванович, богатырь – 11, 16, 63, 74, 119, 125, 127, 132, 147, 157, 174, 197–200, 202, 204–208, 211–216, 224, 225–227, 283, 315, 316, 377, 399.
- Дунай, воевода – 202, 204.
- Дунай, река – 174, 198, 205, 213, 214, 531.
- Духовные стихи – 26, 31, 43, 49, 109, 219, 446, 480, 515, 519.
- Дюк Степанович, богатырь – 11, 15, 16, 62, 76, 111, 117, 120, 126, 133, 147, 148, 156, 158–165, 168, 170, 172, 180, 183–185, 188, 189, 197, 205, 216, 218, 277, 278, 282, 327, 330, 356, 515, 518, 615.
- Евпатий Коловрат – 20, 453–459, 465, 630.
- Евпраксия, княгиня рязанская – 20, 229, 452–453, 457–459, 462, 463, 465, 466, 498.
- Евримах – 89.
- Евфрат, река, в поэме об Армури – 475.
- Евфросиния Полоцкая, преподобная – 179.
- Еким Иванович, спутник Алеши Поповича, в былинах – 199, 541, 607–613, 617.
- Елена Азвяковна, в былинах – 480, 483.
- Елена Александровна, жена Саула Леванидовича – 468, 470, 480.
- Елена правительница, мать Ивана IV – 556, 557.
- Елена, царица – 619.
- Елустафьев, Илья, олонецкий сказитель – 32, 33, 519.
- Енисейская губерния: былины, в ней записанные – 132, 150, 468, 473.
- Ересь жидовствующих – 292.
- Еруслан Лазаревич, богатырь, в сказке – 21, 192, 484, 534, 537, 539, 547, 568, 570–571, 574–575.
- Етмануйло Етмануйлович, король, в былинах – 373.
- Ефимов, Мина, олонецкий калика – 298, 445.
- Жиман, король (Жигмонт, Сигизмунд) – 204, 229.

- Жонглеры – 96–97, 103.
- Заволочье – 124.
- Заклинение ветров – 72.
- Заонежье – 27, 30, 35, 36, 40, 121, 134, 142, 428.
- Запава Путятична, племянница кн. Владимира, в былинах – 199, 200, 205, 220, 221, 223, 226, 227, 303, 304, 310, 311, 319, 320, 560, 600.
- Запевы и зачины былин – 14, 66–67, 71–81.
- Захаров, Иван, олонецкий сказитель – 49.
- Земледелие в новгородских областях – 252–253.
- Зигфрид, муж Кримхильды, в Нибелунгах – 208.
- Змеи, сказочные и легендарные: змей Горынич – 16, 62, 220, 223, 224, 233, 234, 247, 251, 598, 599, 600.
- Золотая Орда – 86, 193, 195, 342, 373, 383, 384, 405, 408, 463.
- Золото, обсыпание им копья – 327.
- Золотые ворота, см. легенды.
- Зулейка (Залиха), в апокрифической истории Иосифа – 238.
- Иван III, великий кн. – 122, 123, 344, 345, 351, 379, 556, 591, 592, 596.
- Иван Годинович, богатырь – 38, 64, 119, 126, 132, 142, 147, 192, 230, 275, 344, 345, 518.
- Иван Гостиный, в былинах – 18, 62, 69, 74, 110, 119, 123, 126, 132, 324, 339–380, 615.
- Иван Данилович, богатырь – 21, 44, 490, 494, 496, 497, 498, 499, 500, 502, 503, 505–508, 511, 590, 595.
- Иван Тимофеевич, отец Ильи Муромца – 526, 533, 553, 555.
- Иван, герой сказок – 371–374, 378.
- Иванов Андрей, олонецкий сказитель – 351.
- Ивась Коновченко, в малорусской думе – 502.
- Израй-река, в былинах – 246.
- Илиада – 87.

- Илин, герой латышской сказки – 541–543.
Ильмаринен, герой, в Калевале – 421, 423, 424.
Ильмень-озеро – 222, 223, 407, 411, 414–417, 419, 427.
Илья Мурин, в сказке – 21, 534, 570–575.
Илья Мурович, в казацкой песне – 21, 575–580.
Илья Муромец – 12, 15, 21, 22, 30, 38, 39, 42, 43, 44, 59, 62, 63, 70, 73, 74, 76, 77, 78, 81, 85, 86, 90, 91, 92, 94, 111, 116, 117, 118, 119, 125, 126, 128, 131, 133, 142, 144, 145, 149, 153, 155, 165, 199, 205, 217, 225, 237, 266, 283, 301, 322, 324, 340, 343, 344, 363, 370, 376, 379, 380, 382, 393, 403, 434, 439, 443, 456, 463, 464, 478, 485, 492, 493, 503, 506, 507, 511–580, 596, 613, 620, 633–634; И. Мурыч – 633–634.
Илья Муромский, преподобный – 531.
Илья, пророк – 527, 529–532, 535–539, 546.
Индиگیرка, река – 582, 609.
Индия богатая (Индийское царство) – 14, 62, 76, 120, 156, 159–167, 169, 170, 180–186, 216, 267, 268, 273, 460, 570, 622, 630.
Ираклий, старофранцузская поэма о нем – 19, 365, 370, 373, 375–378.
Исаак, дядя императора Мануила – 175.
Исаакий, византийский император – 173.
Исидор ростовский, блаженный – 430.
Искандер (Александра Македонский на востоке) – 22, 623–629.
Испытание пола, в сказках и песнях – 19, 22, 110, 394, 395, 399.
Исходы былин – 13–14, 72 и след.
Исцеление питьем, в сказках и легендах – 525, 531, 534–535, 537, 538.
Иердань, река, в былинах – 93, 247.
Иоанн пресвитер – 15, 160, 162, 164–169, 171, 176, 180, 181, 182, 216.
Иоанн, архиепископ новгородский – 430, 449.
Иов, патриарх – 71.
Иосиф, в апокрифах – 17, 238, 291, 292, 369, 614.

Идолище (Одолище) поганое, в былинах – 62, 74, 77, 119, 125, 145, 235, 237, 523, 527, 528, 531–535, 537–540, 545, 553–554, 613.

Иван Васильевич, царь – 30, 47, 76, 80, 142, 148, 379, 556.

Islant – 308–309.

Казаки: былины им известные – 30, 146, 155; казаки гребенские – 577.

Кайманович, отчество Батыги, в былинне – 415, 418, 420, 424, 428.

Калевала – 289, 291, 293, 299.

Калики – 32, 33, 43, 49, 67, 69, 73, 77, 91, 94–95, 109, 120, 124, 126, 133, 156, 160, 218, 238, 298, 438, 444, 445, 446, 464, 466, 515, 516, 518, 519, 523, 526, 533, 534, 538, 543, 550, 552, 554, 612, 613.

Калинин, Петр, олонецкий сказитель – 34, 47, 72, 85, 339, 607.

Калин, былинный басурманский царь – 44, 79, 90, 91, 119, 131, 145, 443, 461, 363, 464, 465, 485, 486.

Калоиоанн, болгарский царь – 194, 196.

Калун, персидский богатырь – 486.

Каменец, крепость – 202.

Каменна орда, в былинах – 85–86.

Камни: латырь-камень – 66, 67, 598, 599; камни с надписью – 261, 513, 520, 609, 612.

Карамышевский, князь, в былинах – 44, 199, 225.

Караты-хан, монгольский богатырь – 274.

Карачарово, село, родина Ильи Муромца – 526, 527, 530, 534, 543, 546, 551, 552, 553, 555, 560–561, 564.

Карелия – 257, 414, 424. См. также Корела.

Карл Великий – 160, 163, 165, 204.

Картаус, царь, в сказке о Еруслане – 574.

Кассиан, рязанский владыка – 100.

Касьянов, Иван, сказитель – 29, 34, 72, 262, 339, 442, 607.

Катерина Никулична, жена Берматы, в былине – 279, 293.

Кейкаус, персидский царь в Шахнамэ – 507.

Кенозеро – 32, 33, 36.

Кидош, город, в былине – 125, 555.

Киев, город, в былинах – 17, 66, 68, 74, 75, 76, 77, 90, 91, 92, 104, 105, 107, 120, 127, 131, 143, 144, 146, 150, 156, 157, 159, 160, 162, 165, 177, 184, 185, 195, 199, 200, 217, 220, 222, 223, 225, 226, 227, 267, 268, 273, 277, 279, 281, 285, 286, 290, 291, 292, 293, 295, 299, 303, 305, 306, 307, 318, 323, 324, 326, 331, 334, 335, 340, 341, 344, 346, 347, 350, 354, 355, 356, 357, 367, 371, 372, 373, 381, 383, 384, 387, 397, 401, 404, 426, 438, 439, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 450, 460, 463, 464, 465, 489, 490, 491, 492, 496, 497, 499, 501, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 513, 514, 517, 518, 519, 521, 522, 523, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 536, 537, 538, 540, 541, 544, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 560, 562, 563, 568, 569, 570, 585, 586, 589, 590, 591, 592, 593, 595, 596, 597, 600, 601, 602, 603, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 615, 616, 619.

Киннам, византийский историк – 176–178, 182, 184.

Кирша Данилов – 26, 30, 59, 60, 71, 72, 107, 128, 129, 131, 132, 133, 134, 140, 150, 179, 189, 190, 239, 240, 242, 244, 251, 267, 273, 280, 281, 285, 289, 298, 299, 301, 303, 304, 306, 307, 309, 312, 317, 319, 323, 327, 328, 339, 340, 343, 344, 345, 346, 347, 350, 354, 373, 379, 380, 384, 385, 389, 401, 402, 410, 412, 413, 414, 427, 443, 460, 467, 480, 521, 527, 545, 581, 609, 612, 615, 616, 617, 618, 630.

Кмита, черныбыльский оршанский староста – 21, 558–564.

Книги: перевод книги Есфирь в Новгороде – 292.

Кодолы (канаты) – 300, 301, 307.

Кодольский остров, в былинах – 67, 107, 305, 307, 383.

Кокотин, знаток былин – 135.

Кола, город – 429.

Комнены, императоры – 157–158, 166, 173, 176, 182.

Кони: в былинах – 286; дороговизна коней в Новгороде – 357; кони князя Владимира – 340–345; бурушка косматый – 340, 358; конь Рустема – 486; конь Бахмат – 495.

Конрад Семовитович, князь – 201, 202.

Константин Боголюбович, царь, в былинах – 480.

Константин Саулович, богатырь – 472, 474, 481, 486, 488, 492, 496, 630.

Константин, тысяцкий – 480.

Константинополь (Царьград) – 98, 152, 163, 165, 172, 174, 179, 343, 344, 372, 373, 449, 508, 509, 510, 596, 619.

Корабли, в былинах – 17, 39, 67, 89, 128, 145, 242, 244, 260, 271, 300–301, 303–307, 310, 311, 313, 315, 317, 321, 343, 346, 347, 355, 357, 360, 368, 408, 409, 410, 413, 414, 416, 422, 424, 430, 431, 432, 433, 462, 614, 614.

Корела, в былинах – 37, 116, 120, 156, 159, 160, 256, 427, 428, 429.

Коробейникова путник – 152.

Коростень, город древлянский – 258.

Кострюк Темрюкович, в песне – 33.

Кошей (Трипетов), былинный басурманский царь – 192, 195, 230.

Краковско-Судомирское княжение – 201.

Крестьяновец, город, в былинах о Вольге и Микуле – 258, 259.

Кримхильда, героиня в Нибелунгах – 208, 214.

Кряков, город, в былинах – 514, 521, 545, 562, 563.

Ксения, в песне о Джуриле – 187.

Кумбал, татарский былинный царь – 465, 472, 478, 486, 486, 488.

Кунгур Самородович, басурманский былинный царь – 403, 470, 471, 478, 492, 493, 630.

Куницы – 269, 270, 280, 284, 300, 301.

Купцы вавилоняне – 369.

Курбан Курбанович, басурманский былинный царь – 472–473, 485.

- Курбский, князь – 100.
 Курган Смородович, татарский царь – 465, 471, 472, 473, 474, 478, 482, 485, 489, 494, 495.
 Кутузовы, село в сказании об Илье Муромце – 552, 553, 555.
 Кюн-хан, в монгольской сказке – 274.
 Кюрил – 188.
- Ладога, город – 100, 151, 272.
 Ладожское озеро – 257, 272, 288, 395, 408, 414, 517.
 Лассота – 560.
 Латынское царство – 468, 479.
 Латышев, калика – 124, 444, 445.
 Легенград, в серб. песнях – 307.
 Легенды: о чудесном спасении на воде – 409, 420, 429–431, 435; о спасении городов Богородицей 449–450; о золотых воротах в Киеве – 499, 503, 508–510; о нерушимой стене – 450.
 Леденец, былинный город – 18, 307–309.
 Лембои, бесы – 428.
 Леммикейнен, богатырь, в Калевале – 424.
 Летописи: Ипатьевская – 172, 200, 498; Густынская – 172; Новгородская – 100, 179, 259, 294, 369, 400, 401, 412; Якимовская – 219, 223; Никоновский свод – 153, 497–498.
 Лешко Казимирович (черный) – 188, 201.
 Лисицы – 269, 270, 271, 280, 281, 284, 300, 301, 304.
 Литва, в былинах – 158, 193, 196, 197, 225, 226, 227, 229, 244, 281, 294, 344, 468, 470, 479, 556, 631.
 Лифляндия – 257.
 Лоншек, сын Батыги, в былине – 443.
 Луды: щупанье луд – 302–303.
 Лука Зиновьев, в былине о Садке – 407.
 Лукапер, богатырь – 442, 443.
 Любомль, город – 201.
 Ляховинский король, в былинах – 197, 204, 206, 211.
 Locī communes, в былинах – 39–40, 42, 92, 95, 301, 393.

- Малфрида, жена кн. Владимира – 221.
 Мануил Ягайлович, в былине – 179.
 Мануил, император византийский – 15, 161, 167, 171, 173–182, 184, 216.
 Мануил, посол византийский – 178.
 Марина (Маришка), еретница, в былине о Добрыне – 38, 90, 123, 153–158, 186.
 Мария, дочь императора Мануила – 174.
 Марфида Всеславьевна, в былине о Добрыне – 221.
 Марья Дивовна, в былине о Добрыне – 221, 223.
 Марья Лебедь-белая, подоленка в былине – 92, 192, 193, 197.
 Марья Темрюковна, жена Ивана Грозного – 387.
 Матера-вдова: ее роль в былинах 18, 92, 317–319, 322, 332, 367, 368.
 Махание татаринном, как прием борьбы – 44, 45, 94, 464, 472, 473, 485.
 Мефодия Патарского откровения – 509, 510.
 Мещанинов, калика, знаток былин – 33, 69, 444, 446.
 Микола (Никола) угодник – 19, 191, 409, 410, 412, 413, 429, 431, 432, 436, 450, 527, 531, 541.
 Микула Селянинович (Селягинович) чудесный пахарь в былине – 16–17, 22, 63, 120, 126, 133, 147, 164, 248–276, 277, 358, 382–383, 403, 515, 516, 518, 567, 568, 621–630.
 Миллер, Гергард, историк, письмо к нему Прокопия Демидова – 130.
 Мимы – 95–96.
 Мирошка, богатырь – 135.
 Михаил Архангел – 191.
 Михаил Данилович, малолетний богатырь – 20, 21, 22, 460, 474, 490–496, 498, 499–501, 503, 505, 506, 507, 508, 510, 511, 585–597.
 Михаил из Потуки – 16, 62–63, 79, 85, 86, 87, 119, 126, 190–197, 205, 216, 363, 560, 620.
 Михаил Скопин-Шуйский – 106, 142, 148, 583.
 Михаил Феодорович, царь – 101, 102, 106, 151, 557.

- Михаил, атаман калик в былине – 238.
- Михаил, император в откровении Мефодия Патарского – 509–510.
- Михаил, князь, в песне – 362.
- Михайлик, в малорусской легенде – 21, 115, 500–503, 505, 508–511, 597
- Михайло Казаринов, богатырь – 62, 132, 133, 142, 147, 150, 156, 160.
- Михалко Юрьевич, князь – 503–506.
- Михалко, в легенде, см. Михайлик.
- Мишатко Путятич, личность в былине – 317.
- Могут, разбойник, в летописи – 112, 562–563.
- Монастыри: Юрьев монастырь – 221–222, 430.
- Моров, город (Муров), в сказании об Илье – 533, 534, 552, 560.
- Моровлин, прозвище, Илья у Лассоты – 560.
- Москва – 68, 100, 101, 114, 137, 147, 151, 154, 233, 294, 333, 403, 444, 456, 515, 557, 561.
- Московская губерния: былины в ней записанные – 118, 144, 145, 146.
- Мосты поддельные – 260, 261.
- Мстислав Изяславич, новгородский князь – 290.
- Мстислав, кн., брат Владимира Васильковича – 201.
- Муром, город – 14, 76, 153, 521, 522–523, 525, 527, 528, 534, 537, 540, 541, 543, 551, 552, 555, 561.
- Мутная, река – 250.
- Нарва, город – 272.
- Настасья, былинное имя – 191, 382, 389, 390; королевична – 199, 225, 227; паленица – 200, 211, 225, 226; жена Данилы Ловчанина, Ставра, Добрыни.
- Настасья, река в былине – 205, 206.
- Нева, река – 255, 257, 264, 272, 305, 408, 473.
- Немцы, остзейские – 255, 286.
- Непра (Днепр), река – 116, 120, 206, 306, 307, 473.
- Непра королевична, в былине – 204.

- Нестор, у Гомера – 93, 94.
 Нибелунги (поэма) – 91, 208, 209, 214, 215, 308.
 Нижегородская губерния: былины в ней записанные – 116, 145, 147, 149, 280, 295, 437, 442, 467, 471.
 Низами, персидский поэт – 22, 624–625, 627, 628.
 Никита Романович, отец Добрыни – 153, 217, 601, 602.
 Никита Хониат, византийский историк – 176, 177, 178, 184.
 Никитин Федор, олонецкий сказитель – 359, 361, 363.
 Новгород и Новгородская область – 24, 98, 100, 106, 122, 123, 124, 137, 144, 149, 151, 154, 218, 219, 220, 221, 222, 223–224, 249, 252, 253, 254, 255, 256, 260, 261, 264, 270, 271, 272, 283, 284, 294, 295, 305, 327, 329, 331, 333, 334, 335, 337, 356, 357, 369, 370, 379, 401, 403, 406, 407, 411, 412, 414, 416, 422, 430, 431, 435, 449, 450.
 Новгородская губерния: былины в ней записанные – 63, 69–70, 122, 124, 138, 222, 251, 252, 302, 339, 346, 350, 359.
 Нордунг, король свавов, в Тидрек-саге – 210.
- Обонежская пятина – 122, 154.
 Одиссея (поэма) – 87, 91, 93, 94, 231.
 Озантрикс, король страны Вильцинской – 209–212.
 Озид, племянник Аттилы, в Тидрек-саге – 209–211.
 Оле-олекчин, дева-богатырша, в алтайской сказке – 274.
 Олеарий, его свидетельство о скоморохах – 100, 101, 106, 151, 153, 154.
 Олег Вещий, кн. – 257.
 Олег Святославич, кн. – 249, 257, 258.
 Олонецкая губерния – 10, 14, 15, 23–50, 59, 60, 64, 72, 95, 109, 113, 114, 115, 121, 122, 123, 124, 126, 132, 133–134, 136, 138, 140–141, 143, 144, 146, 150, 151, 154, 239, 242, 244, 246, 252, 263, 264, 295, 299, 302, 316, 323, 327, 339, 343, 381, 401, 405, 414, 442, 467, 489, 515, 568, 583, 584, 607, 617; былины, в ней известные – 119–120, лирические песни – 37–38, 121–122. Пахота в ней – 252, 263–264; название *сельга* – 263–264.

Ольга Васильевна, сестра князя Владимира Васильковича – 203.

Ольга Романовна, жена кн. Владимира Васильковича – 203.

Онежское озеро – 27, 32, 35, 36, 143, 272.

Ореховец (Орешек), город – 17, 254, 256–259, 261, 264.

Орша, город – 558, 561.

Осип прекрасный, в сказке – 524, 528–529, 544.

Ось тележная как оружие – 261, 472, 491, 596.

Офимья Александровна, мать Ивана Гостиного – 359, 360, 361, 367.

Палея – 292, 435.

Панюшка Поворенный, спутник Дуная-богатыря, в былине – 199.

Паробки: название челядинцев в Новгородском крае – 316, 325, 326, 331, 332, 334, 335.

Пенелопа, жена Одиссея – 91.

Пентефрий, в еврейском апокрифе – 238, 291, 537, 614.

Переходные места, в былинах – 41–42, 44, 45.

Пермил, личность в былинах – 199, 225.

Пермская губерния – 128, 131, 134, 136, 137, 138, 139, 154, 316.

Перун – 222–223, 250, 251.

Перыня, городище – 222, 250, 251.

Перюньский (Юрьевский) скит – 222.

Песни: исторические – 9, 13, 20, 25, 47, 48, 59, 60, 76, 96, 118, 130, 148, 149, 151, 171, 380, 401, 412, 450, 457, 466, 489, 497, 498, 499, 500, 501, 503, 504, 582; о Горе-злосчастии – 363, 366–367; молодец и королева – 244; князь Михайло – 362; сербская – Люба хайдук Вукосава – 392–393; следы исторических песен в книжных сказаниях о нашествии Батыя – 446 и след.; греческая песня об Армури – 474–476; казацкая песня об Илье Муровиче – 575–580, ; колымские песни – 583–584.

Петр Великий – 30, 61, 131, 557, 584.

Печора, область – 270, 284.

- Пленко, отец Чурилы – 188, 278, 281–282, 287–289, 291, 293.
- Плуг – 253, 275, 565, 567–568, 253.
- Повести: о приходе Батыя на Рязань – 450–453; о Василии Златовласом – 311–316; об Ульянии Муромской – 318–319; об Илье Муромце и Соловье-разбойнике – 522–523.
- Подольская земля, в былинах – 86, 187, 192, 195.
- Подольский царь, в былине о Василии Игнатьевиче – 441.
- Полиестра, дочь французского короля, в повести о Василии златовласом – 311, 315. Половецкая земля – 480, 485.
- Половцы – 480, 497, 498, 504, 506.
- Полоцк, город (Полтеск) – 228.
- Потанюшка, личность в былине (Панюточка) – 18, 127, 332.
- Потык Михайлович, богатырь – 74, 85, 86, 87, 119, 126, 132, 195, 518.
- Похиола, страна в Калевале – 424, 428.
- Предания: о змяяке – 221–223, 251; о Волхе, сыне Словена – 250–251; родовые Всеславичей о Рогнеде – 228; эстонские – 420–424; о Саур-могиле – 482.
- Прибаутки, в былинах – 13, 66–70, 72.
- Прожор, личность в сказке – 531.
- Прокофей, гонец кн. Владимира к жене Ставра – 387.
- Прохоров Никифор, олонецкий сказитель – 27, 34, 67, 68, 72, 205, 260, 296, 297, 339, 440.
- Псалтырь: перевод п. в Новгород – 292.
- Птицы: в новгородских областях – 270–271; птица Науй – 273; птица Могуль – 371; обращение в птиц – 273–274.
- Певцы профессиональные – 10, 11, 13, 50, 65, 66, 94–95, 104, 104, 108, 109, 298, 299, 312, 446, 466.
- Пудож, город – 32.
- Путята, в упоминании Татищева, в Якимовской летописи – 134, 135, 219, 220, 223.
- Пучай, река, в былинах – 93, 220, 223, 234, 246, 247, 248, 290.

- Рагнозеро, в Олонец. губ. – 47.
 Рахта Рагнозерский, силач – 47, 120, 134, 151.
 Ревель, город – 272.
 Ретардация эпическая – 14, 85.
 Рогнеда (Горислава) – 16, 200, 229.
 Роговолод, отец Рогнеды – 228.
 Родольф герцог, в Тидрек-саге – 207, 209–211, 213, 215.
 Рожь, в былине о Микуле – 253.
 Роман Андреевич, кн. – 449.
 Роман, галицкий кн. – 115, 155, 157, 158, 172, 173, 179, 203, 216.
 Романов, Кузьма, олонецкий сказитель – 27, 32, 115, 224, 273, 335, 339, 607.
 Рослан, в финской сказке – 539.
 Росланей великан, в сказке о Еруслане – 575.
 Ростислав, князь – 176, 177, 179.
 Ростов, город – 15, 153, 430, 612, 617.
 Русское устье, село – 582.
 Руستم, герой, в «Шахнамэ» – 478, 481, 485, 486, 506, 507.
 Рыбы: обилие их в новгородских областях – 271–272; златоперые рыбы в былине о Садке – 407; рыба Alue в Калевале – 421.
 Рыцари – 209–210, 287; упоминание их при дворе кн. Владимира – 402, 406.
 Рюдигер, маркграф, в Нибелунгах – 207, 208, 213–215.
 Рябинин Трофим (Иван), олонецкий сказитель – 24, 27, 29, 33, 34, 135, 193, 339, 382, 519, 607.
 Рязанская губерния: былины в ней записанные – 116, 145, 633.
 Рязанская область, опустошение ее Батыем – 451–458.
 «Слово о погибели русской земли» – 178, 179.
 «Слово о полку Игореве» – 60, 157, 216, 249, 288, 618.
 Садко, купец, богатый гость – 11, 14, 17, 19–20, 37, 62, 72, 75, 108, 120, 123, 126, 127, 133, 144, 147, 148, 249, 261,

271, 272, 283, 284, 300, 301, 302, 303, 305, 320, 338, 358, 403, 406–436, 515.

Сайдильда, герой в киргизской сказке – 484–485, 507.

Саксон Грамматик – 308.

Салтык Ставрुльевич, индейский царь, в былине о Волхе – 460, 630.

Сальме, финская богиня – 420.

Самит: самитовая шуба – 288.

Сампо, мифическая драгоценность, в Калевале – 418, 424.

Самсон Колыванович, богатырь – 63, 126, 127, 147, 247, 402, 403, 439, 516, 518.

Сарага, река в Олонец. губ. – 290.

Саракины, в поэме об Армури – 475, 476, 477.

Саратовская губерния: былины в ней записанные – 117, 145.

Сарога, река, в былинах – 17, 281, 289, 290.

Сароженин (Пленко), в былине о Чуриле – 17, 278, 281, 289, 473, 487, 488.

Сартак, зять Батыги, в былине – 443.

Саул (Саур) Леванидович (Ванидович), царь былинный – 20, 22, 133, 149, 150, 372, 467, 468, 470–471, 474, 477, 478, 479–480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 489, 490, 492, 493, 494, 496, 630–633.

Саур-могила – 482.

Свирь, река – 288.

Святогор (Самсон), богатырь – 21, 63, 119, 126, 133, 147, 237, 247, 277, 439, 515, 516, 517, 518, 519, 533, 535, 537–543, 545, 564–568, 574, 620.

Себеж, город – 21, 523, 545, 550, 551, 552, 555–560, 56.

Садко Сытинец (Сотко Сытинич), упоминаемый в летописи – 19, 412.

Сельги – нивы, запущенные под траву и лес – 263–264.

Сибирь, западносибирские былины – 14, 131–136, 141–142, 299, 319; колонизация ее – 11, 14, 132, 136–139, 295, 150, 154, 581; Восточносибирские былины – 22, 146, 155, 581–584.

Сивцев, Павел (старик Поромский), олонецкий сказитель – 67.

Симбирская губерния: былины в ней записанные – 70, 114, 117, 144, 145, 149, 235, 239, 467, 472, 490, 520, 578, 591, 593, 595.

Символика свадебных песен – 310–311.

Сирмиум (Срем), область – 175.

Сказания: о киевских богатырях – 152; об Индии богатой – 160–170; об Александре Македонском – 248–249, 273, 622–629; о Батыевом приходе на Русь – 450–457; о семи русских богатырях – 618–621.

Сказители олонецкие – 29–38; прочность текстов былин у лучших сказителей – 40–41;

отражение личности сказителя в текстах былин – 38–41, 45–46; отсутствие профессии в сказывании былин – 49, 64–65, 74, 94–95, 136.

Сказки: о воскрешении жены мужем (былина о Потыке) – 190, 192, 195; алтайская – 274; о девушке-воине – 389–394; об Иване-царевиче и проч. – 370, 548 и след.; о трех дивных способностях героя – 378; царица-гусяр – 398; о римском графе – 397; киргизская о властителе вод Уббе – 431–432; киргизская о Сайдилде – 484–485; скрипач в аду – 433; татарская об Ак-хане – 483; сказки об Илье Муромце русские и инородческие – 522–548; ингушская о неверной жене – 564–566; мингрельская «Сильнее сильного всегда можно найти» – 567–568; сказка о Еруслане Лазаревиче – 568, 571, 575.

Скальды – 49, 50.

Скимен, зверь – 116, 131, 145, 146.

Скоморохи: следы их участия в сложении и исполнении былин – 66–70; связь их с мимами и гистрионами – 95–96; происхождение имени «скоморох» – 97; исторические свидетельства о русских скоморохах – 97–103; упоминания их в былинах – 104–108; свидетельство Татищева об исполнении скоморохами былевых песен – 110–111; свидетельство Олария о ладожских скоморохах – 151; участие скоморохов в сложении былин: о Чуриле – 294–295; Соловье Будимирови-

че – 298; Хотене Блудовиче – 338; Иване Гостином – 345–346; Ставре Годиновиче – 391, 405; о Батыге – 466.

Слава, конечный припев в былинах – 13–14, 73–74, 620.

Словен, отец Волха – 250.

Смородина, река, в былинах – 16, 145, 217, 239–241, 245–248, 470, 474, 529, 551, 552, 560.

Снорри Стурлусон, слагатель младшей Эдды – 50.

Соболи – 84, 265, 269, 270, 271, 281, 284, 287, 300, 301, 304, 342, 349, 351, 357, 513, 569, 587.

Соловей Будимирович, эпический жених – 17, 21, 62, 67, 71, 76, 107, 110, 119, 126, 132, 164, 277, 278, 295–321, 383, 558, 559, 560, 562, 563.

Соловей-разбойник – 21, 73, 116, 119, 125, 144, 195, 518, 521, 522, 523, 525, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 535, 536, 537, 540, 541, 543, 544, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 559, 560, 562, 563, 569, 570, 574, 634.

Соломон, былинный царь – 120, 126, 133, 314, 372, 373.

Соломонида, жена эпического Соломона – 314, 315.

Соль: скудость туземной соли в новгородских областях – 254, 255; торговля солью в Остзейском крае – 255, 256.

Сорога, название рыбы – 17, 280, 285.

Сорогожа, река – 290.

Сорокин, Андрей, олонецкий сказитель – 32, 47, 74, 407, 607.

Соха – 253, 275.

Сохраб (Зораб), богатырский сын Рустема – 478, 481, 484, 506, 507, 581.

Ставр Годинович, боярин, герой былины – 19, 38, 62, 74, 104, 107, 110, 118, 119, 126, 132, 142, 204, 355, 380–406, 426, 503.

Ставр, новгородский сотский, упоминаемый летописью – 204, 400.

Старины: народное название для былин – 59–60, 617–621; бабьи старины – 38.

Стенька Разин, разбойник – 145.

Стефан, венгерский король – 173–177, 184.

- Стоглав – 99, 102.
 Строгановы – 138.
 Суздаль, суздальцы, в былинах – 487, 488.
 Суздальщина – 149, 153, 154.
 Супой, река: битва при ней – 497, 498, 506.
 Суровец (Суровен), богатырь – 20, 44, 62, 78, 117, 133, 149, 150, 154, 289, 467, 469, 471–474, 482, 485, 487–489, 496.
 Суруга, богатырь – 20, 117, 467, 469, 471, 474, 485, 487, 488, 489, 494, 495, 496.
 Сурож, гор. (Судак) – 277, 278, 289, 291, 487, 488.
 Сурожане, гости – 203, 277, 487.
 Сухман (Сухан), богатырь – 621, 120, 126, 132, 147, 402, 403.
 Sados, герой в романе «Tristan le Léonois» – 20, 433.
- Тараканчик (Таракашка), личность в былине о Батыге – 441, 463.
 Татарове-юланове – 499, 500, 505.
 Телемах, сын Одиссея – 91, 93.
 Терентий гость, в былине – 63, 104, 110, 120, 133, 249, 277, 295.
 Тигр, река – 161.
 Тидрек-сага – 208–215.
 Типические места в былинах – 41–43.
 Товрул (Хостоврул), шурина Батыя, в сказании о Батыевом приходе на Русь – 454, 455, 457, 459–460.
 Томская губерния: былины в ней – 134; ее заселение – 138–139.
 Тугарин Змиевич, в былинах – 22, 30, 62, 75, 118, 119, 131, 132, 146, 235, 237, 264, 340, 343, 344, 346, 347, 355–356, 541, 544, 581–582, 603–619.
 Тульская губерния: былины в ней, записанные – 116.
 Тупицын, Леонтий, сказитель былин – 142, 522.
 Туры златорогие – 77, 232, 236, 273, 437–438, 446; превращение Добрыни в тура – 231–233.
 Тырнов, город в Болгарии – 194, 250.

- Тэктэбей-мерген, богатырь, в алтайской сказке – 274.
- Уббе – властитель вод, в киргизской сказке – 431, 432.
- Углич, город – 22, 470, 471, 630, 631, 632, 633.
- Уланище, татарский царь, в былинах – 491, 592, 594, 595.
- Улюшка, зять Батя Батыевича – 463.
- Ульяна Васильевна (Григорьевна), мать Соловья Будимировича, в былинах – 318, 319.
- Ульяния Муромская, св. – 318, 319.
- Уральская область: былины в ней записанные – 117.
- Урызмэг, богатырь, в осетинском эпосе – 230.
- Федосова Ирина, олонецкая вопленица – 38.
- Феодор Иванович, царь – 71, 138, 632.
- Феодор Тирон, св. – 219.
- Феодор Юрьевич, кн., замученный Батыем – 20, 451–453, 457, 458, 459, 463, 465, 466.
- Фепонов Иван, олонецкий сказитель – 33, 43, 68, 69, 339, 444, 445–446.
- Фирдоуси – 623.
- Фома Назарьев, настоятель новгородский, в былине о Садке – 407.
- Фрески Киево-Софийского собора – 98.
- Фридрих Барбаросса, германский император – 166, 171.
- Хапиловы, братья, упоминаемые в былинах – 402, 403.
- Хвалынское море, в былинах – 306, 412.
- Холмогоры, гор. – 137, 429.
- Хопыльские гости – 403.
- Хостоврул, см. Товрул.
- Хотен Блудович, богатырь – 18, 62, 74, 110, 120, 126, 132, 147, 212, 317, 321–339, 368.
- Церкви: св. Софии в Новгороде – 412, 413, 449, 450; в Киеве – 98; свв. Бориса и Глеба в Новгороде – 412; Стефана архидиакона – 413.

Циклоп – 94.

Цицарские степи, в былинах – 77.

Чайна Часовична, в былине о Хотене Блудовиче – 212, 325, 326, 328, 331, 334.

Часова вдова, мать Чайны Часовичны, в былине о Хотене Блудовиче – 18, 212, 324–336.

Червленая станица, ее основание и былины в ней записанные – 21, 575–580.

Черега, река – 281, 289, 290.

Череповец, гор. – 259.

Чернава, личность в былинах – 409, 432.

Чернигов, город, его упоминание в былинах – 78, 156, 162, 165, 341, 344, 354, 355, 356, 383, 385, 386, 445, 453, 514, 518, 526, 528, 533, 545, 552, 554, 555, 603.

Черное море – 306.

Черный ручей, предание о нем – 416.

Чурило Пленкович, в былинах – 11, 16, 17, 18, 38, 39, 62, 67, 73, 74, 79, 107, 110, 115, 117, 120, 126, 133, 147, 164, 165, 185–189, 205, 216, 238, 265, 276–295, 330, 356, 357, 377, 480, 615, 633.

Чурилов, боярский род – 187.

Швецов, олонецкий сказитель – 38, 241, 242, 262.

Шехад, брат Рустема, в персидском эпосе – 342.

Шуйский Иван, князь – 57.

Шпильманы – 53, 54.

Щеголенок, Василий, олонецкий сказитель – 21, 27, 29, 34, 228, 278, 339, 512, 514, 515, 516, 568, 570, 607.

Эдда прозаическая (младшая) – 49.

Эндла, озеро – 424.

Эпистолы пресвитера Иоанна – 15, 160–162, 164, 165, 168, 169, 171.

Эпитеты: постоянные у Гомера – 89; в былинах – 89–91.

Эпос: мифологический и исторический – 55–56; богатырский – 61–63.

Эрка, жена Аттилы, в Тидрек-саге – 207–213.

Этмануйло Этмануйлович, былинный царь – 179.

Югра – 270, 284.

Юрий Андреевич, кн. – 158.

Юрий Всеволодович – 456.

Юрий Ингоревиц, рязанский князь – 451, 453, 454.

Юрий, вел. кн. владимирский – 451, 456.

Юрьев монастырь – 221–222, 430.

Юрьев, город – 259.

Ютта, личность в эстонском сказании о Ваннемуйне – 424.

Якутская область, былины, в ней записанные – 146, 580–584.

Ярополк Владимирович, князь – 228, 230, 322, 329, 497, 498, 506.

Ярослав Осмомысл, князь – 157, 172, 173, 175, 176, 177, 178, 216.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ОЧЕРКИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Предисловие	7
Оглавление	13
Былинное предание в Олонецкой губернии	23
Русская былина, ее слагатели и исполнители	51
Наблюдения над географическим распространением былин	111
Отголоски галицко-волынских сказаний в современных былинах.....	155
К былинам о Добрыне Никитиче.....	217
К былинам о Вольге и Микуле	248
К былинам о Чуриле Пленковиче	276
К былине о Соловье Будимировиче.....	295
К былине о Хотене Блудовиче	321
Былины об Иване Гостином сыне.....	339
К былине о Ставре Годиновиче.....	380
К былинам о Садке.....	406
Былина о Батые.....	436
Былины о Сауре и сродные по содержанию.....	466
К былинам об Илье Муромце	511
Новые записи былин в Якутской области	580
Дополнения	621
Указатели	635

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей и ученых, отражающих главные вехи в развитии русского национально-мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 160 томов).

Редактор Д. В. Орлов
Корректор Г. А. Островская
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 12.11.2014 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 25,7 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация *(вышел)*
- Русское Православие в трех томах *(вышли)*
- Русское государство *(вышел)*
- Русский патриотизм *(вышел)*
- Русское мировоззрение *(вышел)*
- Русский образ жизни *(вышел)*
- Русская география
- Русское хозяйство *(вышел)*
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература *(вышел)*
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
- Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
- Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
- Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
- Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
- Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
- Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
- Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
- Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
- Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
- Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
- Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
- Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
- Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
- Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
- Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
- Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
- Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
- Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
- Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
- Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
- Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
- Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
- Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
- Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
- Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
- Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
- Иван Грозный. Государь, 400 с.
- Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
- Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
- Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
- Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
- Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
- Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.

- Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
- Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
- Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
- Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
- Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
- Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
- Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
- Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
- Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
- Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
- Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
- Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
- Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
- Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
- Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
- Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
- Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
- Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
- Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
- Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
- Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
- Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
- Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
- Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
- Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
- Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
- Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
- Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
- Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
- Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
- Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
- Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
- Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
- Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
- Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.

Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
Аскоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.
Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
Повесть Временных Лет, 544 с.
Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.
Магницкий М. Л. Православное просвещение, 528 с.
Домострой, 448 с.
Уваров С. С. Государственные основы, 608 с.
Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским, 768 с.
Панарин А. С. Православная цивилизация, 1248 с.
Говоруха-Отрок Ю. Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея, 768 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спаский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.

- Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи океанных лет, 608 с.
Ганичев В. Н. О русском, 832 с.
Мионов Б. С. Русский национализм, 560 с.
Шевцов И. М. Тля. Антисионистский роман. Соколы. Воспоминания о деятелях русской культуры., 816 с.
Тимофей Буткевич, протоиерей. Верю разумеваем, 704 с.
Любомудров М. Н. Каноны русского мира. Идеология. Культура. Искусство, 816 с.
Ерчак В. М. Слово и Дело Ивана Грозного, 1008 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

- Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.
Пассек В. В. Очерки России, 448 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.
Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, 688 с.
Фаминцын А. С. Божества древних славян, 736 с.
Терещенко А. В. Быт русского народа в 2-х томах, т. 1 – 944 с.; т. 2 – 864 с.
Азадовский М. К. История русской фольклористики, 1056 с.
Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи, 528 с.

- Шергин Б. В. Отцово знание. Поморские были и сказания, 704 с.
Сумцов Н. Ф. Народный быт и обряды, 688 с.
Буслаев Ф. И. Русский быт и духовная культура, 1008 с.
Русские люди XVIII века, 784 с.
Токарев С. А. История русской этнографии, 656 с.
Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, 672 с.

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

- Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. В 3-х томах, т. 1. – 1120 с.; т. 2. – 1120 с.; т. 3. – 1280 с.
Воспоминания о Михаиле Каткове, 624 с.
Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском, 464 с.
Иван Аксаков в воспоминаниях современников, 544 с.
Ягодинский В. Н. Александр Чижевский, 496 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

- Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.

- Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
- Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
- Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
- Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
- Очерки истории русской иконы, 592 с.
- Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
- Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
- Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
- Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
- Русский государственный календарь, 728 с.
- Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
- Русская артель, 672 с.
- Русская община, 1376 с.
- Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
- Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
- Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
- Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
- Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
- Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.
- Катасонов В. Ю. Экономика Сталина, 416 с.
- Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек, 688 с.
- В. Ю. Катасонов, В. Н. Тростников, Г. М. Шиманов. История как Промысл Божий, 640 с.
- Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове, 1120 с.
- Катасонов В. Ю. Православное понимание общества, 432 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

- Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
- Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
- Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
- Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.

- Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

- Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в издательстве МОФ «Родная страна» (тел. 8(495)-788-55-74, mofrs@yandex.ru, www.mofrs.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)